

Хью Томас

ГРАЖДАНСКАЯ
ВОЙНА
В ИСПАНИИ.
1931 — 1939 гг.

Хью Томас

**ГРАЖДАНСКАЯ
ВОЙНА
В ИСПАНИИ.
1931—1939 гг.**

Hugh Thomas

**THE SPANISH
CIVIL WAR**

Хью Томас

**ГРАЖДАНСКАЯ
ВОЙНА
В ИСПАНИИ.
1931—1939 гг.**

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ
2003

УДК 820(73)
ББК 84(7Сое)
Т56

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Оформление художника И.А. Озерова

Томас Хью
Т56 Гражданская война в Испании. 1931—1939 гг. /
Пер. с англ. И. Полоцка. — М.: ЗАО Центрполи-
граф, 2003. — 573 с.

ISBN 5-9524-0341-7

В книге подробно освещены этапы Гражданской войны 1936—1939 гг. в Испании, завершившейся установлением фашистской диктатуры Франко. Автор на основе богатейшего документального материала дает всестороннюю объективную оценку событий сложной исторической эпохи, приводит интересные факты, малоизвестные современному читателю.

УДК 820(73)
ББК 84(7Сое)

ISBN 5-9524-0341-7

© Перевод,
ЗАО «Центрполиграф», 2003
© Художественное оформление,
ЗАО «Центрполиграф», 2003

ГРАЖДАНСКАЯ
ВОЙНА
В ИСПАНИИ.
1931—1939 гг.

ГЛАВНЫЕ ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА В ХОДЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ИСПАНИИ

- АГИРРЕ, Хосе Антонио — президент Республики Басков
АЛЬВАРЕС дель Вайо, Хулио — писатель, социалист
АРАНДА, Антонио — генерал армии националистов
АСАНЬЯ, Мануэль — президент республики
БЕСТЕЙРО, Хулиан — социалист
ВАРЕЛА, Хосе — генерал армии националистов
ГАРСИА, Валиньо Рафаэль — генерал армии националистов
ГАРСИА, Оливер Хосе — анархист
ХИРАЛЬ, Хосе — сторонник Асаньи
ГОДЕД, Мануэль — командующий частями на Балеарских островах, генерал армии националистов
ГОЙКОЭЧЕА, Антонио — лидер монархистов
ГОМА — кардинал, примат Испании, архиепископ Толедо
ДАВИЛА, Фидель — генерал армии националистов
ДИАС, Хосе — коммунист
ДУРРУТИ, Буэнавенура — анархист
ХИЛЬ РОБЛЕС, Хосе Мария — лидер католической партии Испании
КАЛЬВО СОТЕЛО, Хосе — монархист
КАСАРЕС КИРОГА, Сантьяго — премьер-министр перед войной и лидер партии автономии Галисии
КЕЙПО ДЕ ЛЬЯНО, Гонсало — генерал армии националистов, глава корпуса карабинеров
КОМПАНЫС, Луис — президент Каталонии
ЛАРГО КАБАЛЬЕРО, Франсиско — социалист
ЛЕДЕСМА, Рамос Рамиро — фалангист
ЛЕЙСАОЛА, Хесус Мария — министр юстиции Республики Басков
МАРТИНЕС, Баррио Диего — спикер кортесов
МЬЯХА, Хосе — генерал армии республики
МОЛА, Эмилио — генерал армии националистов, военный губернатор Памплоны
МОНТСЕНЬ, Федерика — анархистка
НЕГРИН, Хуан — социалист

НИН, Андрес — член POUM, полутроцкистской партии
ОРГАС, Луис — генерал, монархист
ПАССИОНАРИЯ (Долорес Ибаррури) — коммунистка
ПРИЕТО, Индалесио — социалист
ПРИМО ДЕ РИВЕРА, Хосе Антонио — фалангист
РЕДОНДО, Онесимо — фалангист
РОХО, Висенте — генерал армии республики
САНХУРХО, Хосе — генерал армии националистов
СЕРРАНО, Суньер Рамон — фалангист
ФАЛЬ КОНДЕ, Мануэль — карлист
ФРАНКО, Франсиско — командующий частями на Канарских ос-
тровах, генералиссимус армии националистов
ЭРНАНДЕС, Хесус — коммунист
ЭРНАНДЕС, Сарабия Хосе — генерал армии республики
ЯГУЭ, Хуан — генерал армии националистов

НАЗВАНИЯ НЕКОТОРЫХ ГРУПП И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

CEDA (Confederación Española de Derechas Autónomas) — Испанская конфедерация автономных правых (католическая партия)

CNT (Confederación Nacional del Trabajo) — Национальная конфедерация труда (анархо-синдикалистские профсоюзы)

FAI (Federación Anarquista Ibérica) — Федерация анархистов Иберии

JONS (Juntas de Ofensiva Nacional-Sindicalista) — Хунт национал-синдикалистского наступления, фашисты

POUM (Partido Obrero de Unificación Marxista) — Рабочая партия марксистского единства (троцкисты)

PSUC (Partido Socialista Unificado de Cataluña) — Объединенная социалистическая партия Каталонии

UGT (Unión General de Trabajadores) — Всеобщий союз трудящихся (социалистические профсоюзы)

UME (Unión Militar Española) — Военный союз Испании, группа правых офицеров

UMR (Unión Militar Republicana) — Военный союз республики, группа офицеров-республиканцев

Книга первая

ИСТОКИ ВОЙНЫ

Глава 1

Заседание кортесов 16 июня 1936 года. — Правительство Касареса Кироги. — Выступление Хилья Роблеса. — Угрозы демократическому строю. — Кальво Сотело. — Пассионария. — Спор Кальво Сотело с премьер-министром.

Кортесы, парламент Испании, находятся в здании, расположенном на середине склона холма между музеем Прадо и Пуэрта-дель-Соль¹. Его двери охраняют бронзовые львы, отлитые из пушек, захваченных во время войны в Марокко. Над коринфскими колоннами здания красуется гранитный фронтон, где фигура Справедливости с надеждой обнимает символ Труда. Сегодня коридоры, отделанные золотом, и салоны кортесов используются только от случая к случаю, когда почтенные сановники формально одобряют декреты главы государства. Тем не менее 16 июня 1936 года к этому зданию в классическом стиле было приковано внимание всей Испании.

Прошло более пяти лет с того дня, когда Альфонс XIII, последний король из рода Бурбонов, оставил трон Испании, чтобы, как он представил свое отречение, избежать бедствий гражданской войны. Этим он хотел поднять свое значение в глазах народа. Пять лет продолжалась непрестанная парламентская активность. До отречения короля восемь лет, с 1923-го по 1931 год, страной правил добродушный военный диктатор Примо де Ривера. Тогда здание кортесов пустовало, как и сегодня. И теперь, в июне 1936 года, парламентская жизнь в Испании, казалось, снова затухала.

На синих скамьях полукруглого зала заседаний кортесов собралась взволнованная группа не старых еще либералов, типичных представителей среднего класса. Честные и интеллигентные люди, они и их сторонники ненавидели насилие.

Они восхищались демократическим путем развития Британии, Франции и Америки. Тем не менее они были одиноки среди своих современников-испанцев, одиноки даже в обществе четырехсот других депутатов, которые сидели и рядом с ними, и стояли наверху, толпясь в переполненном зале заседаний². Члены правительства отличались фанатизмом, который трудно было представить в странах с практическим образом мышления, хотя и надеялись внедрить его в Испании.

Вот, например, премьер-министр Сантьяго Касарес Кирога³. Богач из Галисии, он большую часть жизни добивался самоуправления для своей бедной провинции, хотя сумел всего лишь добиться постройки железнодорожной линии⁴. Хотя Касарес, казалось, действовал в соответствии с либеральными принципами Вильсона, сформулированными далеко за Пиренеями, невозможно было представить себе большего испанца, чем он. Касарес был страстным либералом, когда на фоне подъема организованного рабочего движения либералы казались анахронизмом, поскольку боролись с феодализмом. Но так как в Испании не произошла революция подобно Французской 1789 года, вряд ли кто-то мог протестовать против политики Касареса и его друзей. И друзья и враги помнят, что в первые годы республики, 1931—1932 годы, глаза Касареса Кироги (тогда он был министром внутренних дел) горели поистине святым огнем. Теперь он сохранил только странный иронический оптимизм, который можно было объяснить лишь симптомом туберкулеза, которым он страдал. До чего прав был Томас Манн, утверждая в своей «Волшебной горе», что эта болезнь выражает сложности либеральной цивилизации, представителем которой в Испании и был Касарес!

Суть кризиса в Испании открылась обществу именно 16 июня 1936 года устами Хилья Роблеса, худощавого молодого лидера испанской католической партии CEDA. Он напомнил, что со времени февральских выборов правительство наделено исключительными правами, включая введение цензуры прессы и приостановление всех конституционных гарантий. Тем не менее, сказал он, в течение этих четырех месяцев были дотла сожжены 160 церквей, состоялось 269 громких политических убийств и 1287 попыток таковых различной степени серьезности. Разрушены 69 политических центров, прошли 113 всеобщих стачек и 288 забастовок на местах, было разгромлено 10 редакций. «Давайте не будем обманывать себя, — заключил Хиль Роблес. — Страна может жить при монархии или при республике, с парламентским или президентским строем, при коммунизме или фашизме! Но она не может жить в анархии. Теперь же, увы, в Испании царит анархия. И сегодня мы присутствуем на похоро-

нах демократии!» Зал взорвался гневными криками — часть депутатов возражали, другие соглашались⁵.

Но жизнь в стране в условиях существования режима действительно отвечала словам Хилья Роблеса. Непрерывные волны насильственных преступлений усугублялись борьбой крайних сторон политического спектра, которые готовились к столкновениям военных формирований. «В воскресенье — все на улицы!» — таковы были призывы многих испанских политических лидеров. Ни Касарес Кирога, ни Хиль Роблес, представлявшие две группировки, доминирующие в истории Второй республики, больше не могли контролировать ход событий. В кортесах и того и другого поддерживали депутаты, чьи цели значительно отличались от их собственных. На февральских выборах соперничали два альянса: Народный фронт и Национальный фронт. В первый входили либералы, представлявшие, подобно Касаресу, средний класс; крупная, но расколотая испанская социалистическая партия, маленькая, но сплоченная коммунистическая партия и несколько небольших групп рабочего класса. За социалистической партией стоял мощный профсоюз UGT (Всеобщий союз трудящихся) — одно из лучших организованных рабочих движений Европы. В Национальный фронт входили CEDA и испанские монархисты, фашистская фаланга и другие партии среднего класса. Его можно было считать политическим фронтом всех сил старой Испании — крупнейших землевладельцев юга страны, армии, а также церкви и буржуазии. В выборах участвовали и другие партии, которые причисляли себя к центру. Но их быстрое исчезновение доказало, насколько срединный путь не подходил испанцам.

Февраль 1936 года принес победу Народному фронту. В силу странностей испанского избирательного закона он преобладал в кортесах, так как за него было подано значительно больше голосов, чем можно было предполагать. Впоследствии далеко не все партии избирательного блока приняли участие в работе правительства. Его составили почти исключительно либеральные республиканцы⁶, поскольку они имели большинство в различных группировках рабочего класса. Но это не могло стать условием для создания сильного правительства. Особенно не повезло Испании в 1936 году, когда партии рабочего класса охватило непрерывное революционное брожение. Но они по крайней мере сотрудничали с демократической системой, стремясь завоевать места в кортесах; а вот вне их пределов оставалась огромная армия примерно из двух миллионов рабочих-анархистов, только в Андалузии и Барселоне, кое-как организованных в CNT (Национальная конфе-

дерация труда). Втайне ими управляло тайное общество FAI, (Федерация анархистов Иберии). Огромное, занятое лишь собой темпераментное движение, уже раздираемое анонимными насильственными действиями, как большой город во время войны, оказалось настроенным против прогрессивного правительства Касареса Кироги — точно так же, как в прошлом и против правительства правых. Кроме того, не приходилось списывать со счетов и армию. Кто в начале лета в Мадриде не питался слухами о существовании заговора высших генералов, готовых к установлению «порядка» или просто к военной диктатуре? И действительно, стоило Хилю Роблесу завершить свое выступление в кортесах, как депутаты-социалисты уверенно заявили, что церкви поджигали «агенты-provokatory» для углубления кризиса, свержения правительства и оправдания военного переворота.

В среде социалистов царил полный разброд. Одни считались либеральными реформаторами, другие — интеллектуальными фабианцами, третьи относились к страстным революционерам. Одна их часть испытывала головокружение от лести коммунистов, а другую ужасал рост коммунистического влияния. Но все громогласно соглашались с обвинениями, которые их ораторы выдвигали против правых.

Когда возбуждение в кортесах стихло, торжественно поднялся лидер монархистов Хосе Кальво Сотело. Как и Касарес Кирога, он был уроженцем Галисии; но ему, как и Касаресу, недоставало спокойного бесстрастия, которым отличался этот влажный район страны. Кипела ли в нем цыганская кровь? Обладал ли он той силой, о которой говорили правильные черты его лица? Всем знакомы были его бурный темперамент, красноречие и выдающиеся способности. Оставив в 1915 году Сарагосский университет, он стал личным секретарем Мауры⁷, самого умного и негнибавшего премьер-министра Альфонса XIII. Вскоре Маура назначил Сотело гражданским губернатором⁸ Валенсии. Ему было тогда двадцать пять лет. В тридцать два года он получил из рук генерала Примо де Риверы министерство финансов. Первые годы существования республики он благоразумно провел в Париже, дабы избежать обвинений в сотрудничестве с тиранией со всеми вытекающими последствиями, и вернулся в Испанию, когда республика укрепилась. Будучи избранным в кортесы как монархист, на самом деле он вообще не придерживался никаких доктрин, кроме оправданной веры в свои незаурядные административные способности. Его целью было затмить Хилия Роблеса. Оказавшись на вершине власти, он действовал так, словно был убежден — будущее Испании конечно же в его руках.

«Хаос в Испании, — сказал он в речи, постоянно прерываемой репликами с мест, — это результат демократической Конституции 1931 года. Исходя из нее невозможно построить крепкое жизнеспособное государство. Против такого стерильного государства, неспособного к существованию, я выдвигаю идею единой сплоченной страны, которая обеспечит экономическую справедливость и со всей властью заявит: «Больше никаких забастовок, никаких локаутов, никаких ростовщиков, никаких злоупотреблений, никаких нищенских зарплат, никаких политических доходов, получаемых в силу счастливых случайностей⁹, никаких анархических свобод, никаких заговоров против выпуска продукции! Национальный продукт будет служить благу всех классов, всех партий, всеобщим интересам. Государство может называться фашистским, если оно действительно будет таковым, и в таком случае я, который верит в него, с гордостью назову себя фашистом!»

Шум от аплодисментов и оскорбительных реплик наконец стих, и Сотело продолжил: «Когда я слышу разговоры об опасности со стороны генералов-монархистов, то только улыбаюсь, поскольку не верю, а вы не откажете мне в определенном, — он сделал паузу, — м о р а л ь н о м праве на такое предположение, что в испанской армии найдется хоть один солдат, который выступит за монархию против республики. И если таковой найдется, то он должен быть сумасшедшим — именно сумасшедшим, говорю я со всей серьезностью, ибо невозможно представить себе солдата, который не станет защищать Испанию против анархии, если в э т о м возникнет необходимость».

Спикер кортесов, смуглый, с тяжелой челюстью Диего Мартинес Баррио, призвал Кальво Сотело воздержаться от таких заявлений, ибо его намерения могут быть превратно истолкованы. Спикер был опытным политиком из Севильи, хотя и непонятного происхождения; как-то краткое время он занимал даже пост премьер-министра. Теперь Мартинес был лидером так называемой Объединенной республиканской партии. В настоящее время он в своей политической деятельности не без успеха пропагандировал идеи компромиссов. Для Испании это не было характерно, и противники объясняли, что своим взлетом Баррио обязан его оккультной властью как масона тридцать третьей ступени.

Премьер-министр осторожно ответил Кальво Сотело:

«После таких слов вашего превосходительства ответственность за любое развитие событий ляжет на вас. Сегодня вы явились сюда, имея в виду лишь две цели: обвинить парламент в импотенции и возбудить армию, заставив ее отказаться от

преданности республике. Но заверяю вас, парламент б у д е т работать. И армия с т а н е т выполнять свои обязанности».

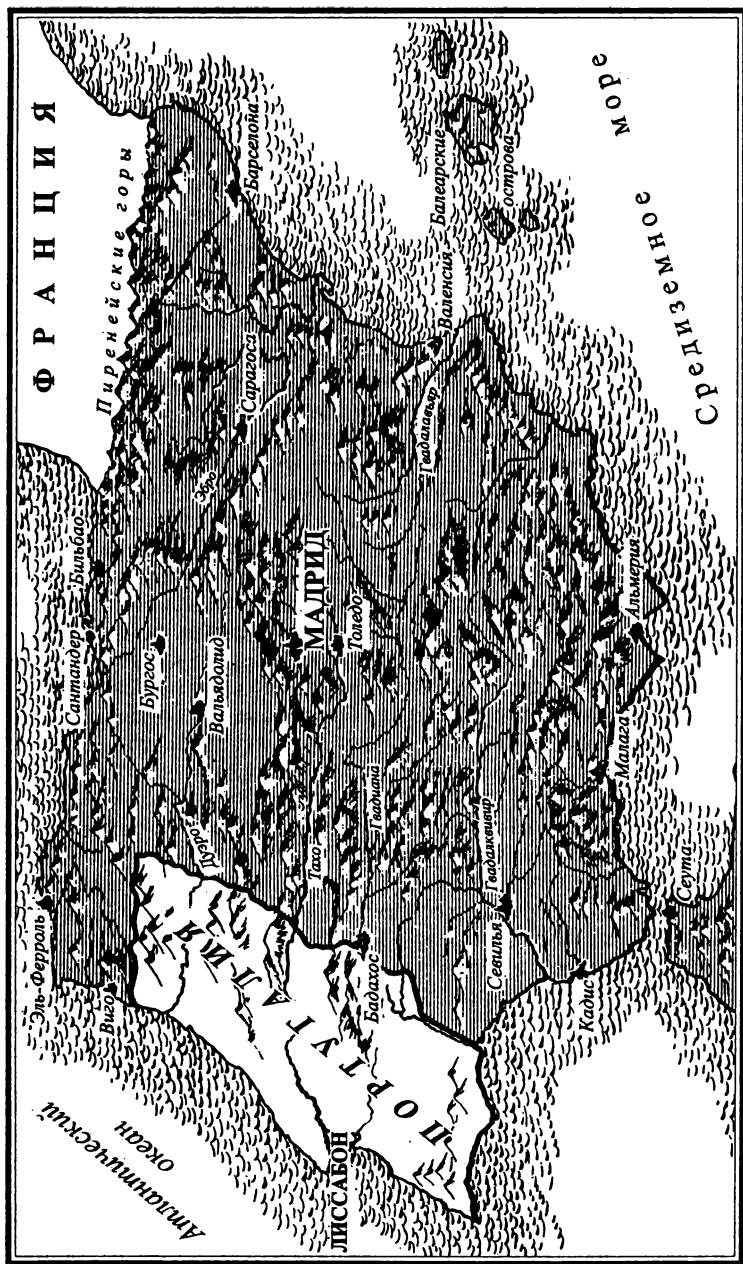
Следующей взяла слово самая знаменитая коммунистка Испании Долорес Ибаррури, известная под именем Пассионария.

Всегда в черном, с мрачным, фанатичным выражением лица, которое заставляло массы считать Ибаррури святой революционеркой. Ей было около тридцати пяти лет. В юности Долорес была убежденной католичкой. В те времена она бродила от деревни к деревне в Земле Басков, продавая сардины, которые таскала на большом подносе на голове. Долорес Сардинера вышла замуж за шахтера из Астурии, одного из забытых основателей коммунистической партии Северной Испании. От преданности Божьей Матери из Бегонии она перешла к преклонению перед пророком из читального зала Британского музея. Пассионария обрела известность призывом к испанским женщинам рожать сыновей без обузы замужества. Правые распространяли слухи, что однажды она зубами перегрызла горло священнику. Долорес стала известным оратором, превратив едва ли не в искусство подбор слов во время выступления. Но ее личность стала далеко не такой влиятельной, как она старалась продемонстрировать перед публикой, с тех пор, как Пассионария безропотно подчинилась партийным указаниям из Москвы. Тем не менее в кортесах она считалась безоговорочным лидером малочисленной Испанской коммунистической партии. В кортесах было всего 16 депутатов-коммунистов, а по всей стране партия насчитывала лишь 30 000 членов.

Выступая 16 июня в кортесах, она окрестила испанских фашистов обыкновенными бандитами. Разве не существовало фашистского Интернационала, управляемого из Берлина и Рима, который уже определил день, когда он рассчитается со своими врагами в Испании?

Вслед за ней взял слово Вентоса, каталонский бизнесмен, который выразил обеспокоенность откровенным оптимизмом премьер-министра. Вентоса был «политическим лейтенантом» Франсиско Гамбы, крупнейшего предпринимателя Барселоны и, наверное, богатейшего человека в Испании. Ходили слухи, что Гамба уже перевел все свое состояние за границу. И вопрос теперь заключался в том, считать ли этот факт поводом для надежды или тревоги. Правительство так и не могло ответить на него.

Тем временем Хоакин Маурин, лидер полутроцкистской марксистской партии POUM, объявил, что в стране уже сложилась «предфашистская» ситуация. Затем снова поднялся Кальво Сотело, чтобы ответить премьер-министру. «Плечи у

Карта 1. Физическая карта Испании

меня широкие и крепкие, — сказал он. — Я не уклоняюсь и с удовольствием приму на себя ответственность за все, что делаю... Я вспоминаю, как святой Доминик из Силоса¹⁰ ответил испанскому королю: «Сир, вы можете взять мою жизнь, но больше вам ничего не достанется». Разве не лучше умереть со славой, чем влачить презренную жизнь? Но и я, в свою очередь, прошу премьер-министра задуматься над своей ответственностью если не перед Богом, поскольку премьер атеист, то хотя бы перед своей совестью, если он считает себя честным человеком». Затем он напомнил, какую роль сыграли Керенский и Каройи, фактически отдав Россию и Венгрию во власть коммунистов. «Мой почтенный друг не сможет быть Керенским, поскольку он осознает смысл своих деяний. Он отлично знает, о чем умалчивает и о чем думает. Бог не позволит в полной мере сравнить его с Каройи, который сознательно предал тысячелетнюю цивилизацию!»

Кальво Сотело сел. И зал взорвался криками и аплодисментами.

Отклики этих дебатов с их угрозами и предупреждениями эхом отдались по всей Испании. Они дошли и до президента, дона Мануэля Асаньи, который, будучи олицетворением республики, мрачно наблюдал из своего пышного одиночества в Национальном дворце¹¹, как рушатся все его надежды. Эти детали проложили дорогу и к тем генералам, которые до сего времени убивали свое ленивое ничегонеделание составлением планов военного мятежа против правительства. Они донесли и до Хосе Антонио Примо де Риверы, сына прежнего диктатора и главы фаланги, испанских фашистов, в его тюрьму в портовом Аликанте, где его тщетно держали заложником хорошего поведения его сторонников. Они достигли и анархистов, цель которых лежала вне стен кортесов. Они в полной мере проложили путь к двадцати четырем с половиной миллионам людей, которые в то время составляли население Испании. И к середине лета, когда в разгаре был сезон корриды, у всех сформировался невысказанный вопрос: «А не начнется ли война?»

Примечания

¹ Пуэрта-дель-Соль — оживленная центральная площадь Мадрида, откуда начинались многие революции. (*Здесь и далее примеч. авт.*)

² В кортесах Второй республики было 473 депутата.

³ Полное имя испанца состоит из имени собственного, полученного при крещении, фамилии отца (она же — и его собственная) и фамилии матери. В таком порядке они и располагаются. Испанцы

часто называют себя полным титулом. Они могут опустить последнюю фамилию (то есть матери), но никогда не забудут назвать фамилию отца. Например, Касарес Кирога может назвать себя Касаресом, но никогда — Кирогой.

⁴ Необходимо отметить, что речь идет скорее об Испании, чем о Галисии, — автономия могла чего-то добиться только таким путем.

⁵ Данные из речи Хилия Роблеса никогда не были оспорены правительством, и их следует считать достаточно точными. Многие из этих преступлений были совершены будущими союзниками Роблеса, испанскими фашистами из фаланги.

⁶ Две чисто республиканские партии, Республиканские левые и Республиканский союз, на самом деле были объединены с представителями сепаратистских партий Галисии и Каталонии, хотя они имели то же самое социальное происхождение.

⁷ Он шел на выборы с предельно простой программой: «Мы — это вы!» Основной лозунг оппозиции в то время был столь же лаконичен: он состоял из восклицания «Мауре — нет!».

⁸ Провинциями Испании управляли гражданские губернаторы, обитавшие в различных провинциальных «столицах». Они были политическими назначенцами и подчинялись министерству внутренних дел. Гражданский губернатор делил власть с командиром местного гарнизона, если дело касалось военных вопросов.

⁹ Все министры республики имели право на пенсию.

¹⁰ Д о м и н и к и з С и л о с а — святой из местечка недалеко от Бургоса.

¹¹ Раньше (и позднее) его называли Королевским дворцом.

Глава 2

Расколы XIX века. — Крах абсолютистской монархии. — Клерикальные и либеральные ссоры и войны. — Реставрация и Регентство. — Крах парламентского строя при Альфонсе XIII. — Диктатура Примо де Риверы. — Его падение. — Падение монархии.

Эти дебаты в кортесах стали кульминацией тех страстных споров о судьбе Испании, которые почти без перерывов велись с 1808 года. В том году беспомощная абсолютная монархия униженно капитулировала перед Наполеоном. Но помощь британской армии под командованием герцога Веллингтона позволила испанскому народу в ходе Войны за независимость¹ изгнать из страны французов. Бурбоны вернулись в лице омерзительного Фердинанда VII, которого краткое время называли Желанным. Но с того времени монархия уже не считалась неприкосновенной.

Последующая половина столетия прошла под знаком борьбы за либеральную конституцию. Церковь и армия, два испанских института, которые в ходе Войны за независимость выжили и даже обрели определенный капитал доверия, заняли здесь противоположные позиции. Церковь неуклонно придер-

живалась консервативных взглядов, а армия — в основном либеральных, поскольку вся была пронизана ячейками свободомыслящих масонских лож. Так или иначе, эти споры едва не привели к войне². В 1820 году группа либеральных офицеров заставила короля Фердинанда принять конституцию, но тот в 1823 году ввел французскую армию, «сотни тысяч сыновей Святого Людовика», и снова отказался от нее. В 1834 году ожесточенные споры привели к Первой карлистской войне, когда церковь и страстные защитники местных прав на севере и северо-востоке восстали за дело дона Карлоса, брата недавно скончавшегося Фердинанда. Дон Карлос хотел воссесть на трон вместо своей малолетней племянницы Изабеллы II, единственной дочери Фердинанда. Изабелла одержала победу с помощью армии и либералов — и те и другие поддерживали желание Кастилии доминировать на полуострове. Глубокий конфликт частично носил характер религиозной войны, а частично — войны за отделение Испании. Завершилась она лишь в 1839 году победой либералов, хотя и неокончательной. Например, всем мятежным офицерам-карлистам было даровано право вступить в регулярную испанскую армию. В какой-то мере из-за этого (а частично из-за конфискации в 1837 году церковных земель³, что сильно подорвало заметное политическое влияние церкви) конфликт между либералами и консервативными церковниками принял форму непрерывных переворотов («пронунсиаменто»), которые совершали один генерал за другим — то в интересах либералов, то консерваторов. В середине XIX века такие «пронунсиаменто», в ходе которых гибли, как минимум, несколько человек, стали обычным способом смены правительств в Испании.

Эта странная эпоха закончилась в 1868 году, когда королева Изабелла II, нимфоманка, была изгнана Примо, самым крупным из испанских генералов либеральной ориентации. Если непосредственным поводом к изгнанию королевы стали чрезмерно близкие ее отношения с исповедником-карлистом, падре Кларе, то настоящей причиной стал протест против всей системы правления, в которой присутствия Изабеллы практически не чувствовалось. Тем не менее следующие семь лет оказались довольно непростыми. Во-первых, генералы обратились к брату короля Италии, герцогу Аосте, предложив ему стать испанским королем Амадео I. Но тот счел, что Испанией слишком трудно управлять, и через год отрекся от престола. Тогда в Испании была провозглашена Первая республика. Поскольку все регионы страны, которыми плохо управляли из Мадрида, волновались, республика получила название федеральной: провинции получили определенные права на местах.

Группа просвещенных мадридских интеллектуалов, которые и спланировали такое государственное устройство, была бес- сильна предотвратить сползание республики к всеобщему ха- осу. На севере Испании снова поднялись карлисты под руководством внука старого претендента, получив по всему полуострову поддержку церкви. Многие прибрежные города на юге и юго-востоке объявили о своей полной независимости. И снова к власти пришла армия. Восстановив порядок, ге- нералы решили, что нет иной альтернативы, кроме как посадить на трон юного сына покойной королевы Изабеллы, в то время кадета военного училища в Сандхерсте, под име- нем короля Альфонса XII.

Далее последовали тридцать лет испанской истории, из- вестных как Реставрация и Регентство. Альфонс XII умер в 1885 году в возрасте двадцати восьми лет. Его сын, ставший Альфонсом XIII, родился уже после его смерти, и до 1902 года мать короля Мария-Кристина была при нем регентом. Номи- нально либеральную Конституцию провозгласили в 1875 году, но ее тут же осудили все политики: и либералы, и консерва- торы. Всеобщее избирательное право для мужчин было фор- мально введено в 1890 году. Но результаты выборов всегда фальсифицировались местными политическими боссами, так называемыми касиками. Массы людей в Испании пришли к выводу, что парламентская система — это всего лишь способ отрезать их от всякой политической деятельности.

Такова была одна из причин широкого распространения синдикалистских идей в среде рабочего класса. Ко времени Первой мировой войны в Испании существовали два очень мощных профсоюзных объединения. Первое — CNT (Нацио- нальная конфедерация труда), в котором доминировали анар- хистские идеи Бакунина, а второе — UGT (Всеобщий союз трудящихся) — считалось марксистским, хотя скорее было реформистским и фабианским, нежели большевистским. Со- циалисты из UGT сотрудничали с режимом ради выборов в кортесы — и в городах, где касикам было куда труднее мани- пулировать с голосами, одерживали победы на выборах. Но для анархистов из CNT власть была чем-то грязным, поэтому насилие, убийства и поджоги, к которым с 1890 года неизменно прибегали вооруженные анархисты, вносили в жизнь госу- дарства постоянное напряжение и беспокойство.

Тем не менее к краху Конституции, введенной при Рестав- рации, привели две главные проблемы. Первая — это вопрос о Каталонии. Каталонцы всегда требовали признания своего отличия от всей прочей Испании. Особенно это проявилось во время карлистских войн. Тем не менее «каталонский вопрос»

потерял бы свою остроту, если бы Барселона не стала центром испанской промышленности. Раздражение из-за некомпетентности центрального правительства в Мадриде, а также высокие импортные тарифы, которых требовали кастильские землевладельцы, оберегающие цены на свою пшеницу и оливки, привели к тому, что на рубеже столетий новые богачи из Барселоны стали каталонскими националистами. Начали бурно возрождаться каталонский язык, обычаи и художественные традиции. Под анархистским влиянием в рабочей среде и в атмосфере радикальной демагогии Барселона обрела репутацию самого беспокойного города Европы. Роскошные особняки, обожаемые процветающими буржуа, не могли скрыть роста анархистской преступности. Кульминацией этих лет стала «Трагическая неделя Барселоны» в 1909 году.

Испанская армия потерпела под Мелилейей сокрушительное и оскорбительное поражение. Правительство приказало каталонским резервистам отправляться в Марокко на подкрепление. Это вызвало в Барселоне неделю бунтов. Видно было, что бунты эти не имели ни руководителей, ни цели, хотя можно предположить, что радикальный и антикаталонский демагог Лерру всеми силами старался способствовать насилию. Были преданы огню сорок восемь церквей и других религиозных учреждений. Пьяные рабочие устраивали на улицах ритуальные танцы с извлеченными из могил трупами монахинь. Когда эти бунты были подавлены, каталонские бизнесмены, столкнувшиеся с новой угрозой в лице рабочего класса, в целом уже были готовы к компромиссу с центральным правительством. Но рабочие Барселоны продолжали призывать своих товарищей по всей Испании к протестам против правления короля Альфонса. В 1917 году всеобщая стачка с участием социалистических и анархистских профсоюзов распространилась из Барселоны по всей стране. К удивлению ее лидеров, армия (которая сама была восприимчива к идеям синдикализма и, похоже, готова объединиться с рабочим классом) сохранила верность королю и расстреляла забастовщиков. Несмотря на непрерывные уличные бои и массовые убийства, совершавшиеся анархистами и «агентами-провокаторами», в Барселоне было введено военное положение.

Причиной второго кризиса режима стала марокканская война, в которой испанская армия завязла до 1927 года. Унизительная серия военных неудач увенчалась поражением под Ануалом в 1921 году, когда король Альфонс вынудил одного из командиров на поле боя, генерала Сильвестре, к непродуманным действиям. Предполагалось, что парламентское расследование обвинит и армию, и монарха.

К 1923 году испанская парламентская система дышала на ладан. Брожения в Каталонии и война в Марокко, постоянная угроза, исходящая от анархистского профсоюза CNT (число его членов уже превысило миллион человек, главным образом за счет рабочих Барселоны и Андалузии), — все это было не по силам королевским политикам. И король Альфонс навряд ли смог бы отвергнуть ультиматум, выдвинутый в стиле «пронунсиаменто» XIX века генералом Мигелем Примо де Риверой, капитан-генералом Каталонии: «На нашей стороне основания и к тому же сила, хотя пока мы пользовались ею очень сдержанно. Если мы сочтем, что попытка заставить нас пойти на компромисс со своей совестью окажется бесчестной, мы потребуем серьезных наказаний для виновных и претворим их в жизнь со всей неуклонностью. Ни я, на гарнизоны Арагона, от которых я только что получил телеграмму о поддержке, не согласятся ни на что иное, кроме военной диктатуры. Если политики предпримут попытку защититься, мы сделаем то же самое, полагаясь на помощь народа, у которого огромные запасы энергии. Пока мы придерживаемся политики сдержанности, но в то же время мы не остановимся и перед пролитием крови»⁴.

Наступила диктатура генерала Примо де Риверы. Она длилась до января 1930 года. Это был довольно любопытный период времени. Король Альфонс представил Примо де Риверу королю Италии Виктору-Эммануилу как «моего Муссолини». Но генерал не был фашистом. Он не требовал восторженной поддержки масс, не вел экспансионистскую внешнюю политику. Хотя он арестовал тех, кто протестовал против его правления (и запретил все политические партии), по сути, в течение семи лет его власти настоящих политических преследований не было. Амбициозная программа общественных работ (строительство автотрасс и особенно железных дорог) создала режиму видимость процветания. Кроме того, конец 20-х годов был временем бума. Финансовая политика молодого Кальво Сотело, министра финансов, обеспечила Примо де Ривере поддержку национального капитала. С помощью Франции диктатор положил конец воспаленной язве марокканской войны, чей скандальный характер (и по ходу военных действий, и по расходам) был основной причиной, из-за которой он и пришел к власти⁵. Тем не менее характер диктатуры определялся лишь личностью самого Примо де Риверы. Он отличался неподдельным патриотизмом, сравнительным великодушием и личной храбростью. Как-то он закурил в театре, хотя всюду висели объявления о запрете курения; когда ему сообщили об этом, он встал с сигарой в руке и объявил: «Се-

годня вечером все могут курить!» Он мог неделями работать, не разгибая спины, а затем исчезнуть, чтобы танцевать, пить и заниматься любовью с цыганками. Его встречали едва ли не в одиночестве на улицах Мадрида, закутанного в оперный плащ, когда он бродил из одного кафе в другое, а по возвращении домой писал многословное и порой ядовитое коммюнике — впрочем, наутро он мог его и отменить.

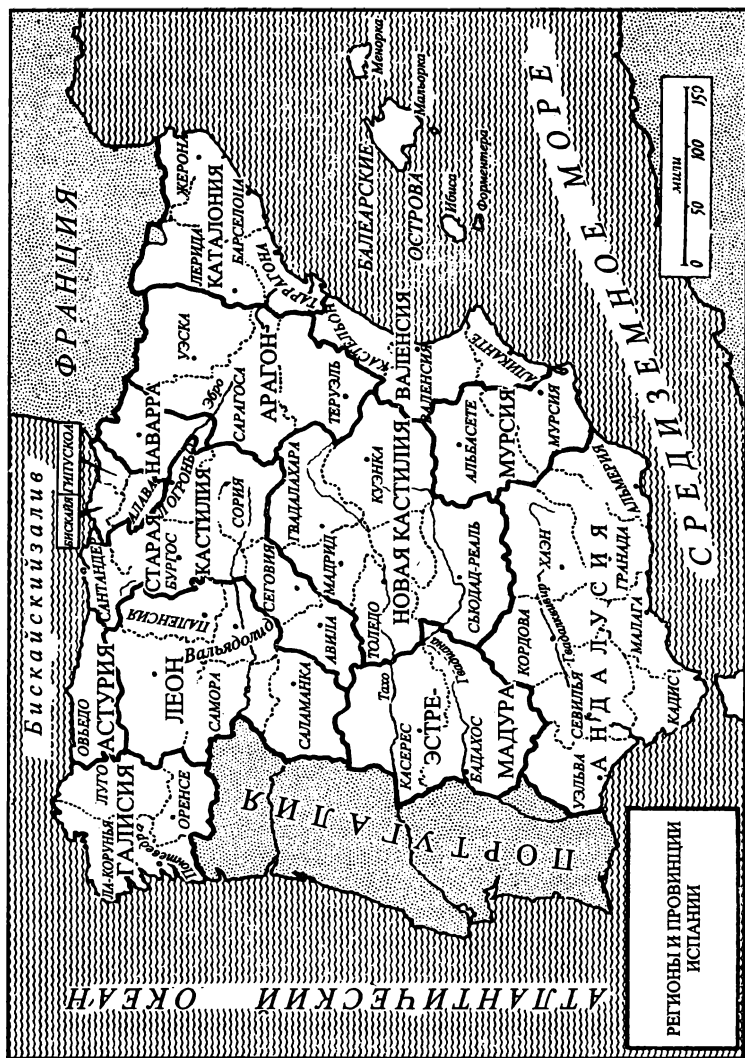
Падение Примо де Риверы свершилось частично из-за его презрения к либералам и профессионалам из среднего класса, частично из-за кризиса 1929 года, положившего конец всем грандиозным финансовым замыслам, которые он поддерживал. Когда генерала оставил даже его министр финансов Кальво Сотело, он предпринял экстраординарный шаг, разослав по всем гарнизонам Испании телеграммы, в которых объявлял, что уйдет в отставку, если офицерское братство выскажется против него. Что братья-офицеры и сделали — и он в самом деле подал в отставку. «И теперь, — сообщил он в последнем из своих знаменитых коммюнике, — и теперь можно немного отдохнуть после 2326 дней непрерывных волнений, беспокойств и трудов». Он оставил Испанию и через несколько месяцев умер во второразрядном парижском отеле на Рю дю Бак, разделив последние часы между борделем и исповедником.

Примо де Ривера не оставил после себя никаких основ для будущего режима. Какое-то время король пытался править подобно Примо де Ривере, через собрание министров, управлявшееся генералом. Но в испанском обществе не было влиятельных сил, поддерживавших трон. Многие из армейских офицеров считали, что король обесчестил себя, приняв отставку генерала. Церковь придерживалась неопределенных позиций; многие из ее самых влиятельных фигур (учитывая и взгляды, близкие вильсоновским, папы Пия XI) считали, что стоило бы восстановить демократическую систему, если это вообще возможно. Ни буржуазия, ни низшие классы не связывали никаких надежд с дальнейшим существованием монархии. Осенью 1930 года был подписан пакт между некоторыми республиканскими политиками и интеллектуалами, социалистами (которые раньше сотрудничали с диктатурой генерала Примо де Риверы), а также защитниками региональных прав Каталонии. Три известных интеллектуала, доктор Мараньон, дон Хосе Ортега-и-Гассет и романист Перес де Айала, организовали «Лигу в защиту республики». Ортега произнес знаменитую лекцию, начав ее словами: «Испанцы! Вашего государства больше не существует! Нет монархии!» В декабре по старым рецептам XIX столетия был подготовлен переворот.

Заговорщики выпустили следующее воззвание: «Страстное требование Справедливости идет из самых низов нации. Возлагая все свои надежды на республику, люди уже вышли на улицы. Мы хотели бы претворить в жизнь народные чаяния в соответствии с требованиями Закона. Но нам преградили этот путь. Когда мы требовали Справедливости, нас лишали Свободы. Когда мы требовали Свободы, нам предлагали куцый парламент, основанный на жульнических выборах и созданный диктатурой инструмент в руках короля, который уже нарушил Конституцию. Мы не жаждем кульминации революционной драмы. Но нас глубоко трогает униженное состояние народа Испании. Когда существуют Закон и Справедливость, революция всегда будет преступлением или актом сумасшествия. Но она всегда возникает при господстве Тирании».

Последствия не заставили себя ждать. Во-первых, гарнизон в Хаке, возглавляемый двумя горячими молодыми офицерами, Фермином Галаном и Гарсиа Эрнандесом, восстал против короля еще до того, как конспираторы в остальной Испании дали о себе знать. Они вели своих людей на Сарагосу, но были захвачены и расстреляны за мятеж. Говорили, что сам король вмешался, чтобы предотвратить отсрочку приговора. Но возмущение было велико. И когда судили остальных гражданских заговорщиков, они защищались, заявляя, что король сам нарушил конституцию, признав диктатуру Примо де Риверы. После краткого срока тюремного заключения их освободили. Учитывая настроения в обществе, король счел невозможным отменять муниципальные выборы, они были назначены на 12 апреля 1931 года.

Когда начали поступать их результаты, стало ясно, что во всех крупных городах Испании кандидаты, поддерживавшие монархию, потерпели сокрушительное поражение. В таких городах, как Мадрид и Барселона, за республиканцев было отдано подавляющее большинство голосов. Но всем было хорошо известно, что в сельских местностях касики еще обладают достаточным влиянием, чтобы не допустить честного голосования⁶. Вечером следующего за выборами дня на улицах Мадрида стали собираться огромные толпы. Самые близкие друзья короля посоветовали ему незамедлительно покинуть столицу, чтобы предотвратить кровопролитие. Помедлив, Альфонс с достоинством оповестил: «Воскресные выборы доказали, что я больше не пользуюсь любовью своего народа. Я мог бы очень легко найти средства для всемерного поддержания королевской власти, но я решил не делать ничего, чтобы мои соотечественники не выступили друг против друга в братоубийственной гражданской войне. И, повинаясь голосу на-

Карта 2. Регионы и провинции Испании

рода, я добровольно слагаю с себя свои королевские привилегии». И с этими высокопарными и в чем-то даже загадочными словами король уехал из Мадрида к побережью, откуда отправился в изгнание.

Примечания

¹ Нет никаких оснований сомневаться, что восстание против войск Мюрата и Жозефа Бонапарта было в полной мере народным и национальным. Фихте в своем «Обращении к немецкому народу» назвал это событие успехом «вооруженного народа» и призвал разделенную Германию последовать примеру Испании.

² В самом начале этого мрачного полувека восстали почти все испанские колонии в Центральной и Южной Америке и, вдохновляемые либеральными идеями, стали независимыми государствами, которыми остались и поныне.

³ Церковь получила компенсацию наличными и другими благами. Так, например, сельские священники стали получать зарплату от государства.

⁴ Из документа, который граф Романонес огласил в кортесах в декабре 1931 года, во время «суда над Альфонсом XIII».

⁵ Марокканская война оказывала разлагающее влияние на испанскую армию. В 1895 году во время кампании против рифов был убит главнокомандующий испанского экспедиционного корпуса. Его застрелил лично Примо де Ривера за то, что тот торговал оружием с врагами.

⁶ Конечные результаты этих выборов никогда не были опубликованы, и, наверное, их даже никогда не подсчитывали до конца. К двум часам дня 13 апреля было известно, что выбрано 22 150 монархистов и 5875 членов республиканских партий.

Глава 3

Рождение Второй республики. — Состав ее первого правительства. — Алькала Самора. — Радикалы. — Чистые республиканцы. — Асанья. — Institución Libre de Enseñanza. — Ларго Кабальеро, Индалесио Прието и испанские социалисты. — «Эскерра» и каталонские националисты. — Кардинал Сегура.

«Юная и серьезная Испания наконец явилась во всем своем величии!» — восторженно восклицали в 1931 году счастливые республиканцы. И кроме того, монархия была свергнута без кровопролития. Новое правительство с удивительной легкостью заняло мадридские министерства. Первым премьер-министром республики стал Нисето Алькала Самора, юрист из Андалузии, обладавший типичным для этого региона цветистым красноречием в стиле XIX века. Когда-то, перед диктатурой Примо де Риверы, он был королевским министром, но сейчас, пока он и

другие члены кабинета медленно ехали по Мадриду к министерству внутренних дел, их окружали восторженные толпы горожан. И дон Нисето, и Мигель Маура¹, который стал министром внутренних дел, оба несли непосредственную ответственность за немедленное восстановление порядка в стране. Они были католиками, тем не менее считалось, что в последние дни монархии они выражали согласие лишь с самым скромным присутствием испанской церкви. Но разве не ходили слухи, что «сельские священники голосовали за республику» на тех самых знаменитых муниципальных выборах?

Все же остальные члены республиканского кабинета были антиклерикалами, если не атеистами. Среди них оказалось и два члена радикальной партии, которые обрели дурную славу в Барселоне еще в начале столетия. Алехандро Лерру, бывший ризничий и крупье, сын андалузского ветеринара, основатель радикальной партии, который в юности называли «императором Паралело» (квартала борделей в Барселоне), стал министром иностранных дел. Возраст все же охладил страсти этого прожженного демагога. Он уже больше не был тем человеком, который в 1905 году призывал своих сторонников из трущоб Барселоны восстать против хозяев и церкви: «Молодые варвары сегодняшнего дня! Уничтожьте и вышвырните декадентскую цивилизацию этой несчастной страны. Разружьте ее храмы, покончите с ее богами, сорвите покровы с ее послушниц и обрухайте их, чтобы они стали матерями! Деритесь, убивайте и умирайте!» Церковь не знала, что Лерру, придя к власти, едва ли не обрел респектабельность. Его включение в состав кабинета вместе со своим скромным помощником Диего Мартинесом Баррио, масоном высокой ступени из Севильи, вызвало сильнейшее беспокойство в церковной иерархии.

Среди первых министров молодой республики существовала более известная группа антиклерикальных политиков, чем эти два радикала. Представители среднего класса или профессионалы, представлявшие тысячи таких, как они, были прямыми наследниками либеральных реформаторов XIX века. Они следовали кадисской Конституции 1812 года и хотели положить конец всем монашеским орденам, всем большим поместьям, всем бюрократическим преградам торговле или свободе производства. Кроме того, особо надо подчеркнуть, что их интеллектуальный кругозор сформировался в рамках *Institución Libre de Enseñanza* (Свободного института образования), основанного во время Реставрации группой университетских преподавателей, которые отказались присягнуть в верности «Церкви, Короне и Династии» и соответственно отстранены от преподавания. В институте господствовали взгля-

ды идеалистического пантеизма Германа Краузе, чьи лекции первый лидер мятежных преподавателей Санс дель Рио посещал в Берлине. Сначала институт держался вне политики. Но в истории Испании не существовало периода, когда бы защитники свободного образа мыслей были политически нейтральны. Пусть и неохотно, но сторонники института, любители интеллектуальных истин, возглавляемые профессором Франсиско Хинером де лос Риосом, все же втянулись в политику. Именно они обеспечили расцвет испанской культуры, последовавший после потери последних колоний в испано-американской войне 1898 года². Позже дух института вдохновлял самых известных интеллектуальных оппонентов диктатуре генерала Примо де Риверы.

В новом кабинете 1931 года республиканцев представляло несколько человек. Среди них был Фернандо де лос Риос, племянник основателя института, сам бывший профессор университета Гранады. Вообще-то он был социалистом, но, обладая ярким кастильским слогом речи, все же оставался гуманистом и отнюдь не примерным членом любой марксистской партии³. Входили в кабинет также и Касарес Кирога, юрист из Галисии, которому в самом начале Гражданской войны довелось занимать пост премьер-министра (в 1930 году он был отправлен в гарнизон Хаки с указанием отложить подготовленное восстание, но прибыл слишком поздно), Хакобин Альваро де Алборнос, школьный учитель, и Марселино Доминго, теоретик педагогики.

В 1931 году военным министром стал Мануэль Асанья, который, хотя и не считал себя учеником института, как ни странно, полностью выражал его взгляды. Живи он в более благоустроенной стране, мог бы посвятить свою жизнь литературе. Опубликовал массу своих речей и, кроме того, блистательные переводы Джорджа Борроу, Бертрана Рассела и Стендаля, а также автобиографический роман о своих школьных годах и немалое количество критических и полемических трудов. Но ему пришлось втянуться в политику — опять-таки в традициях института — в силу условий жизни страны. Он родился в 1880 году в Алькала-де-Энарес, в доме, стоявшем между двумя монастырями, в разорившемся городке, где некогда был университет и кафедральный собор, в двадцати милях от Мадрида. Тут, кстати, родился Сервантес и был погребен великий кардинал Хименес де Сиснерос⁴. Асанья расстался со своими религиозными верованиями в колледже августинцев, расположенном в мрачном монастыре Эскориале, затем получил диплом юриста и продолжил образование в Париже. Поступив на гражданскую службу, он стал старшим

чиновником в Регистрационном отделе (испанский эквивалент Сомерсет-Хаус⁵).

Живя холостяком то в Алькале, то в Мадриде, занимаясь литературной работой, выпуская то переводы, то статьи и обзоры, Асанья вроде бы ничем не отличался от многих других интеллектуальных представителей среднего класса того периода — и не только в Испании. Типичным было и его участие в создании республиканской партии, которую не особенно настойчиво подавлял генерал Примо де Ривера. Тем не менее Асанья выделялся среди своих сторонников. Во-первых, он был некрасив, даже уродлив. Лицо с тяжелой отвисшей челюстью покрывали какие-то пятна. В силу застенчивости Асанья многое держал при себе, в своем творчестве и даже речах он то и дело сбивался на самоанализ и до такой степени избегал общества (особенно женского), что подвергался насмешкам со стороны друзей-интеллектуалов. И все же Асанья сумел стать военным министром, сохраняя при этом одинокую надменность, не изменявшую ему ни при победах, ни при поражениях. Его, в высшей степени уточненного и застенчивого человека, даже обвинили в гомосексуализме⁶. В Испании подобное извращение довольно редко, и основанием для такого обвинения могла послужить только сбившая с толку секретность поведения Асаньи⁷. Но отличало его и красноречие. Он неоднократно демонстрировал свои способности в многочисленных выступлениях в «Атенео», мадридском клубе, который еще с начала XIX века считался центром либералов. В результате Асанья обрел знакомства и уважение со стороны других республиканских лидеров. Он стал секретарем «Атенео», а затем возглавил новую республиканскую партию. Военным министром он стал главным образом потому, что никто из либералов, чуравшихся образа мышления военных, не прикладывал усилий, чтобы хоть что-то знать об армии. Асанья же в своих речах сразу же стал провозглашать необходимость для новой республики обретения своего достоинства. «Главное сейчас, — говорил он, — это выжить и выстоять». Поклонник Кромвеля и Вашингтона, Асанья культивировал сверхчеловеческую отрешенность от всего лишнего и интеллектуальную чистоту мышления, которые позволили ему увидеть интереснейшие детали жизни Испании. Поскольку он был совершенно бескорыстен, врагам оставалось лишь осыпать его личными оскорблениями. Правые газеты именовали его не иначе как «Чудовище» из-за некрасивой внешности. В то же время тысячи и тысячи людей считали Асанью «сильным человеком республики». На удивление красноречивый, прекрасный знаток любой темы, о которой шла речь, нерешительный в кри-

тические минуты и ироничный перед лицом неприятностей, он мог проявлять и диктаторскую бескомпромиссность, и оптимизм, когда приходилось бороться с трудностями. Подобно Леону Блюму⁸, Асанья встречал их достойно, будучи интеллектуалом в политике.

Кроме Фернандо де лос Риоса в первом республиканском кабинете министров были еще два социалиста — Индалесио Прието и Франсиско Ларго Кабальеро. На деле они представляли и социалистическую партию и Объединенный социалистический профсоюз UGT, в котором Ларго Кабальеро был генеральным секретарем. Основанные теми испанцами, которые поддерживали Маркса в его спорах с анархистами, до Первой мировой войны и партия и профсоюз численно росли очень медленно. Им не удавалось утвердиться в таком крупном промышленном центре, как Барселона, где были сильны позиции анархистов. Но с тех пор социалисты обрели мощную поддержку у печатников и металлистов Мадрида, у шахтеров Астурии и в промышленных районах, которые стали расти в Басконии вокруг Бильбао.

В 1908 году UGT, маленькая аскетическая организация, построенная по английскому образцу, с платными чиновниками и забастовочными фондами, все еще насчитывала не больше 3000 членов. Два фактора поспособствовали росту членства в партии. Первым было открытие по всей Испании социалистических народных клубов (*casas del pueblo*), объединявших в себе и помещения комитетов местных профсоюзных отделений, и библиотеку, и кафе. Кроме казарм гражданской гвардии, церквей и муниципалитетов в большинстве городов и селений стали появляться чистенькие беленые *pueblos*, в большинстве своем состоящие из четырех зданий. Они стали форпостами идей централизации, как революционными, так и образовательными. Вторым благоприятным для UGT фактором стала Первая мировая война 1914—1918 годов, которая вызвала заметное процветание Испании, усилила политическую сознательность и проявила интерес к событиям в остальной Европе. К 1920 году в UGT состояло уже 200 000 членов. К этому времени у социалистов уже было несколько депутатов монархических кортесов, поскольку они отказались от бойкота режима. В следующем году испанская социалистическая партия прервала все формальные контакты с русскими большевиками⁹. Небольшое количество левых социалистов вместе с недовольными анархистами основали Испанскую коммунистическую партию, которая тем не менее долгое время не играла большого значения в силу своей изолированности.

В 1925 году скончался уважаемый и неподкупный лидер испанских социалистов Пабло Иглесиас. Еще в 1871 году, совсем молодым человеком, он способствовал разрыву с Бакуниным и с тех пор умно и достойно вел партию сквозь многочисленные превратности судьбы. Его преемником на посту лидера партии и генерального секретаря UGT стал его старший помощник Ларго Кабальеро, бывший штукатур, который всю жизнь оставался профсоюзным функционером, а также сознательным и трудолюбивым членом мадридского муниципалитета¹⁰. Он не был публичным оратором и не обладал особыми талантом к рутинной парламентской работе. И все же он удивил всех, когда взялся сотрудничать (правда, короткое время) с диктатурой Примо де Риверы как «советник по трудовым вопросам». Объяснение может быть найдено в его страхе уступить своим соперникам из среды рабочего класса, анархистам, которых все еще было вчетверо больше, чем социалистов. Этот ход принес ему успех. UGT долгое время пользовалась уважением буржуазии за свою дисциплинированность, за рассудительное поведение во время забастовок (по контрасту с анархистами), за свою централистскую (и в то же время антикаталонскую) окраску¹¹. Благодаря сотрудничеству с Примо де Риверой появилась серьезная возможность для UGT стать чем-то вроде официального профсоюза, какие существовали в Скандинавии. И конечно, не было ничего удивительного, что при республике Кабальеро стал первым министром труда.

Индалесио Прието, его коллега в республиканском кабинете министров, был совсем другим типом социалиста. Родом из Овьедо, он вместе с овдовевшей матерью переехал в Бильбао, где работал газетчиком. Его сообразительность привлекла внимание баскского миллионера Хорасио Эччевериа, и тот сделал Прието сначала своим личным секретарем, а потом редактором принадлежавшей ему газеты «Либеральный Бильбао». В 1919 году Прието как социалист был избран в кортесы, где его красноречие сразу же вызвало всеобщее внимание и ревность Ларго Кабальеро. Антагонизм между этими двумя политиками стал едва ли не главной чертой Испанской социалистической партии. Прието стал богатым человеком. Толстый, лысый, с двойным подбородком и маленькими глазами, он походил, да и вел себя скорее как преуспевающий представитель высшего класса, чем рабочий лидер. Прието был членом клуба либералов «Атенео». Как известный парламентарий, он возражал против сотрудничества социалистов с правительством Примо де Риверы и был популярен в среде среднего класса. Но рабочих больше привлекала строгая и аскетичная личность Ларго Кабальеро.

Единственным не похожим на других членом республиканского кабинета министров 1931 года был ученый из Каталонии, преподаватель классической истории Николау д'Олвер. Он меньше всех остальных членов кабинета напоминал профессионального политика, и его включение в состав правительства имело целью удовлетворить каталонских националистов и дать им понять, что и остальные их интересы будут учтены.

Пять членов этого правительства имели нечто общее: все они были франкмасонами и подозревались в нелояльности к Испании¹².

В XIX столетии все испанские либералы были членами той или иной масонской ложи. Хотя ложи обосновались в Испании еще в XVIII веке, они получили широкое распространение лишь во время войны с Наполеоном. В последовавшем столетии все прогрессивные люди в Испании, да и повсюду на континенте, считали необходимым вступить в ту или иную ложу из чувства протеста. Хотя они провозглашали верность принципам Французской революции, Свободе, Равенству и Братству, тем не менее масоны представляли собой нечто вроде клуба без определенных политических взглядов, члены которого должны были помогать друг другу, когда это представлялось возможным. Пусть и не преследуя заметных политических целей, испанское масонство отличалось активной антирелигиозностью и просто антиклерикальностью¹³. Поскольку в Испании отказ от веры в Бога был действием, влекущим за собой политические последствия, церковники и особенно правые считали масонов участниками международного дьявольского заговора с центром в Лондоне, которые хотят ввести безбожный коммунизм. Иезуиты же полагали, что масоны — это вообще исчадия ада, поскольку тайные знаки и ритуалы масонства представляли собой пародию на их собственный орден. Естественно, такая враждебность вела к повышению уровня секретности в среде масонов. Тем не менее испанские франкмасоны оказались не в состоянии организовать политический фронт с ясными целями. Ложи были местом встреч для организации заговоров против Примо де Риверы. Но позже между членами лож образовался глубокий водораздел. Некоторые генералы, такие, как Санхурхо, Годед, Кейпо де Льяню, Фанхуль и Кабанельяс, которые впоследствии играли важные роли в борьбе против республики, были членами военных лож, хотя в них входили и ярые республиканцы. Во время республики в ложах шли горячие дебаты по поводу взаимоотношений масонства и марксизма. Впрочем, переоценивать политическую роль франкмасонов в испанской истории не следует, хотя влияние некоторых политиков, таких, как Мартинес Бар-

рию, во многом объяснялось их высоким положением в масонском ордене.

Проблема Каталонии была первой, с которой пришлось иметь дело молодой республике. Триумфальная победа антимонархистов на муниципальных выборах в Барселоне была убедительнее, чем где бы то ни было. Точнее, победа была достигнута стараниями «Эскерры», название которой переводится с каталанского как «Левая». Ее лидером был весьма уважаемый старый полковник Франсиско Масиа, который провел годы диктатуры Примо де Риверы во Франции, участвуя в заговорах против генерала. Если не считать лидера партии, «Эскерра» в Барселоне была партией мелких предпринимателей и низших слоев среднего класса. Ее политические воззрения сильно отличались, скажем, от «Лиги», партии крупных бизнесменов, которые в конце XIX столетия оживили каталонский национализм. Тем не менее в 1930 году крупные каталонские промышленники, испуганные распространением анархистских взглядов среди большинства рабочих на их предприятиях, заключили молчаливый союз с правыми и даже с центральным правительством в Мадриде. Не отказываясь от введения местных законов для Каталонии, они постепенно стали рассматривать остальную Испанию не как тормоз в их деятельности, а как отличный рынок сбыта товаров и источник сырья. Кое-какие экономические мотивы стали учитываться и сторонниками «Эскерры» и полковника Масиа. Они хотели получить максимальную выгоду от своих предприятий. Однако, когда муниципальные советники от «Эскерры», избранные 13 апреля, появились на балконе перед огромной площадью Пласа-де-Сан-Хорхе, они услышали не только «Марсельезу» и «Эльс Бегадорс», национальный гимн Каталонии, но и требования независимости Каталонской республики. И тогда Луис Компаньс, заместитель Масиа, умный и энергичный молодой юрист (он завоевал себе неплохую репутацию в начале 20-х годов XX века, когда защищал анархистов от надуманных обвинений), провозгласил в Барселоне республику, назвав ее Каталонской. День или два казалось, что Каталония и в самом деле может стать независимым государством. Так что Николау д'Олвер, де лос Риос и Марселино Доминго спешно нанесли визит в Барселону, чтобы убедить полковника Масиа и «Эскерру» дожидаться прохождения указа о законах Каталонии в новых кортесах, которым вскоре предстояло быть избранными. Полковник Масиа неохотно согласился, хотя вся Барселона была у него в руках.

Медовый период новой республики длился примерно месяц. В это время карикатуры в прессе изображали Барселону

в виде хорошенькой девушки. Правительство составляло планы июньских выборов кортесов в провинциях. Они должны были одобрить Конституцию и принять законы, необходимые для претворения ее в жизнь. Красно-золотой королевский флаг был сменен триколором, национальным гимном вместо Королевского марша стал Гимн Риго. Переименовали много улиц, присвоив им республиканские названия.

Тем не менее враги республики тоже собирали силы. Первым выстрелом в этом противостоянии, которое длилось вплоть до начала Гражданской войны, стало серьезное пасторское послание кардинала Сегуры, архиепископа Толедо и примата испанской церкви. Общество ознакомились с ним в начале мая.

Этот гордый и бескомпромиссный прелат сочетал в себе ум с предельным фанатизмом. Ставший епископом в тридцать пять лет, он по специальному приглашению короля был переведен в Толедо из далекого епископата в Эстремадуре. Сегура был ученым, который мог гордиться тремя докторскими степенями, и раз в год исправно исполнял обязанности приходского священника. В 1931 году ему было около пятидесяти лет, и Сегура находился в зените своей власти.

Его пасторское послание начиналось с панегирика Альфонсу XIII и кончалось такими угрожающими словами: «Если мы останемся «тихими и покорными», если мы позволим себе поддаться «апатии и унынию»; если мы уступим тем, кто хочет уничтожить религию, тем нашим врагам, которые надеются восторжествовать над нашими идеалами, мы потеряем право стенать и сетовать. Печальная реальность докажет, что победа была у нас в руках, но мы отказались драться, подобно бесстрашным воинам, готовым умереть со славой»¹⁴.

Примечания

¹ Мигель Маура — сын дона Антонио Мауры. Он возглавлял консервативных государственных деятелей при правлении короля Альфонса и был братом герцога Мауры, который до 14 апреля входил в состав последнего королевского кабинета министров. Мигель стал считаться паршивой овцой в своей distinguished еврейской семье, когда одна из его племянниц Констанция де ла Мора-и-Маура вышла замуж за главу республиканской авиации Гидальго де Сиснероса и стала членом коммунистической партии.

² Это было знаменитое «Поколение 1898», в которое входили такие люди, как Мигель де Унамуно, Ортега-и-Гассет, экономист Хоакин Коста, Сальвадор де Мадариага, Антонио Мачадо, публицист Рамиро де Маэсту, романист Пио Бароха, эссеист Асорин, драматург Бенавенте. В конце XIX столетия они были ведущими интеллектуалами в испанских университетах. Синьор Гароччи в своем знаменитом эссе проводит аналогию между этой группой интеллигентных ис-

панцев и русскими либералами поколения Белинского, которых описал сэр Исая Берлин.

³ В 1934 году он вышел из социалистической партии и основал свою небольшую партию.

⁴ Во время Гражданской войны тут находилась штаб-квартира русской тайной полиции.

⁵ *С о м е р с е т - Х а у с* — большое здание на берегу Темзы в Лондоне, где размещаются Управление налоговых сборов, Кингз-колледж и некоторые другие государственные учреждения. (*Примеч. пер.*)

⁶ На этот счет существует, скорее всего, апокрифическая история, которая хорошо объясняет его характер. Говорят, что как-то журналист задал дону Мануэлю вопрос, как он дошел до такой сексуальной эксцентричности. «Так же, как и вы, — ответил Асанья. — Задавая вопросы».

⁷ Тем не менее в возрасте сорока шести лет он наконец женился на сестре Сиприано Ривас Черифа, который одно время был сотрудником его литературного журнала.

⁸ *Л е о н Б л ю м* (1872—1950) — основатель и теоретик Французской социалистической партии. (*Примеч. пер.*)

⁹ Тем не менее на первых порах социалисты благожелательно отнеслись к приглашению вступить в Коминтерн. Но прежде чем принять окончательное решение, они отправили наблюдателем в Россию Фернандо де лос Риоса. «Но где тут у вас свобода?» — спросил у Ленина бородатый индивидуалист из Андалузии. «Свобода для чего?» — ответил Ленин. И (хотя всего лишь 8809 голосами против 6025) социалистическая партия объявила, что она против связей с Россией.

¹⁰ В 1905 году Иглесиас и Ларго Кабальеро в первый раз были избраны в мадридский муниципалитет после того, как разоблачили фальсификации, устроенные их противниками. Иглесиас стал членом кортесов в 1911 году, а Кабальеро и несколько других социалистов в 1917-м.

¹¹ До 1936 года UGT насчитывала в Барселоне чуть больше 10 000 членов.

¹² Эта пятерка состояла из Прието, Мартинеса Баррио, Альваро де Алборносы, Касареса Кирогги и Марселино Доминго. Асанья, скорее всего, стал масоном в начале 1932 года.

¹³ Разрыв между английскими и континентальными масонами намечился в 80-х годах XIX века, когда континентальные братья решили, что не потерпят больше в уставе ордена никакого упоминания о Боге, даже под именем «Верховного Архитектора».

¹⁴ Выражения «тихие и покорные», «апатия и уныние» употреблялись в папской энциклике Льва XIII.

Глава 4

Церковь в Испании 1931 года. — Ее роль в истории Испании. — Церковь и образование. — Отношения с Ватиканом. — «Дебаты».

В 1930 году церковь в Испании насчитывала 20 000 монахов, 60 000 монахинь и 31 000 священников. Существовало примерно пять тысяч религиозных общин, из которых около

тысячи были мужскими, остальные — женскими. Умеренные католики подсчитали, что в 30-х годах XX века две трети испанцев не придерживались требований католицизма — то есть хотя и обращались в церковь в случаях крестин, свадеб и похорон, но никогда не исповедовались и не посещали мессы. По подсчетам доминиканца брата Франсиско Пейро, только пять процентов сельского населения Новой Кастилии в 1931 году соблюдали Пасху. В некоторых андалузских деревнях церковь посещал только один процент мужчин¹. Порой случалось, что священники служили мессу в полном одиночестве. В богатом приходе Сан-Рамон в мадридском пригороде Валлекас 90 процентов тех, кто получил образование в религиозных школах, после их окончания не ходили к причастию и не посещали служб. Хотя эти данные трудно отнести ко всей Испании, они статистически вроде бы подтверждают вырванное из текста замечание Мануэля Асанья, что Испания «перестает быть католической».

На деле же (в чем можно убедиться, прочитав всю его речь) Асанья имел в виду, что Испания более не является полностью католической страной, какой она была, например, в золотом XVI веке². В те времена лишь церковь связывала между собой различные провинции, где в противном случае появились бы свои парламенты, суды и гражданские службы. Испанская инквизиция, учрежденная как трибунал религиозной ортодоксии, была единственной организацией, которую уважали во всей стране. Это время ознаменовалось заметной вспышкой религиозного энтузиазма. Утверждая все это, Асанья считал, что подобный энтузиазм объяснялся частично конечным триумфом Реконкисты, завершившейся взятием Гранады в 1492 году, частично — результатом начатого в том же знаменательном году во имя церкви завоевания Америки. В какой-то мере его можно объяснить также поддержкой церковных реформ, которые успел провести кардинал Хименес де Сиснерос, что позволило Испании избежать протестантской Реформации. Сам по себе он поддержал планы новой габсбургской королевской династии, которая унаследовала испанский трон в силу брачных связей. Имея обильную финансовую поддержку, поступавшую из американских колоний, Габсбурги решили воплотить в жизнь идею о единой культурной и политической католической Европе, чего не удавалось достичь нигде и никогда, даже в зените Средневековья. Мощная испанская армия была использована для попытки новой Реконкисты по всей Европе — от протестантов Европы до Турции. Испанский король гордо вооружился мечом контрреформации, а Общество Иисуса, основанное баскским монахом Иг-

натием Лойолой и всегда сохранявшее чисто испанские особенности, стало его идеологическим лидером.

Золотой век Испании, когда она, пусть и на краткое время, вошла в ряд величайших государств мира, стал апогеем и испанской церкви, которая спланивала нацию. Сказались здесь и успехи испанского оружия, достигнутые за счет доверительных отношений между офицерами и солдатами, которые часто обедали за одним и тем же столом. В те времена дворяне часто служили в армии простыми солдатами. Как и установление хороших отношений между испанскими колонистами и туземцами Америки, этот демократический дух должен быть отнесен на счет церкви, чье учение о равенстве всех перед Богом строго соблюдалось в Испании. Испанские теологи, избежав Реформации, были свободны от бесконечных споров о форме церковных служб, которые утомляли север Европы. Они свободно обсуждали отношения между гражданами и обществом и даже доказывали желательность более справедливого распределения земель. Ощущение национальной цели и социального единства, которые поддерживала церковь, в конечном итоге нашло подтверждение в бурном расцвете испанской литературы и живописи, продолжавшемся до середины XVII века.

Все нации оставляют болезненные следы воспоминаний о тех эпохах, когда они считались великими. Но те предпосылки, которые возносили нацию над всеми другими, обычно не задерживаются надолго. Средневековые претензии Габсбургов опустошили королевскую сокровищницу. Учитывая ту простоту, с которой из Америки поступали золото и серебро, церковь неодобрительно относилась к коммерции, но до 50-х годов XVI века экономическое благосостояние испанского дворянства росло. Сервантес писал уже в те времена, когда сказывались экономические последствия отчаянного стремления Испании к величию. Он создал Дон Кихота, величайший образ испанской литературы, архетип рыцаря, который тщетно ищет былой славы, совершая одну ошибку за другой. Странное стремление придерживаться донкихотских средневековых взглядов и суждений в новом мире постренессансной Европы постепенно стало отличительной особенностью страны, которая первая открыла Новый Свет³.

Идеи о социальной справедливости, которые проповедовали богословы, больше напоминали упражнения в схоластике, чем предвестие социализма. Интеллектуальный упадок церкви продолжался, и ученые мужи в крупнейшем университете Испании в Саламанке серьезно обсуждали в конце XVIII века, на каком языке говорили ангелы и создано ли небо из вино-

подобной жидкости или металла, из которого льют колокола. В эти годы вряд ли можно было встретить в Испании хоть одного протестанта, хоть одного критика власти церкви надумами нации.

В середине XVIII века при дворе испанских Бурбонов начали приобретать популярность идеи французских философов. Либеральные реформаторы, как и церковь, противостояли феодальным пережиткам. Но после падения Бурбонов в результате Наполеоновских войн церковь, которая обрела популярность, ибо руководила сопротивлением Наполеону, стала центром противостояния либеральным идеям. Ее самые яростные противники основали Общество изгнанных ангелов. Продолжались карлистские войны. Отмечался низкий уровень клерикального интеллекта: в первые тридцать лет XIX столетия в Испании не было опубликовано практически ни одной богословской работы.

Крупнейшим успехом либералов стало изъятие в 1837 году церковных земель. Хотя позже церковь получила компенсацию, она носила лишь характер денежных выплат и прочих льгот. Спекулянты из среднего класса, которые скупили эти земли, не имели права перепродавать их.

Церковь продолжала нестигибемо противостоять идеям либерализма, ее влияние в среде рабочего класса заметно уменьшилось.

Развитие идей Свободного института образования в конце XIX столетия совпало с новой экспансией римско-католической церкви. Рим, проигравший битвы во Франции, Германии и Италии, принялся разрабатывать политику, чтобы сохранить хоть одну страну — Испанию — «свободной от атеизма либералов». Последовал бурный взрыв религиозного строительства, вместе с концентрацией в столице Испании церковных капиталов. Иезуиты старались прибрать к рукам обширные области постепенно развивающегося хозяйства страны. Их интересовало все, что угодно, — от производства старинной мебели до (это уже позже) дансингов и кинематографа. Испанская церковь истолковала последние энциклики пап Льва XIII и Пия XI в том смысле, что они разрешают накопление церковных капиталов. Выражение «деньги — это очень по-католически» стало едва ли не поговоркой. В церковном катехизисе, выпущенном в 1927 году, на вопрос: «Какого рода грех совершает тот, кто голосует за кандидата либералов?» следовал ответ: «Безоговорочно смертный грех». В то же время ответ на вопрос: «Является ли грехом для католика читать либеральные издания?» был: «Он может читать новости фондовой биржи».

Либералы XIX столетия высвобождали университеты из-под контроля церкви, в то время как некоторые церковные ордена, особенно иезуиты и августинцы, организовывали публичные средние школы (типа той, что в Эскориале, где учился Асанья). Гуманитарные науки в них преподавались слабо, но стандарты технического образования были очень высоки. С 1901 года государство провозгласило среднее образование доступным и бесплатным (теоретически) для всех. Но школьными учителями были главным образом католики, и немалую часть времени дети проводили за чтением молитв. Школ явно не хватало — в 1930 году только в Мадриде их не посещали 80 000 детей. Но в школах, которые все же работали, церковь могла влиять на юных испанцев.

Тем не менее кардинал Сегура, выступая в мае 1931 года с посланием против республики, говорил от имени не всей своей паствы. Политические чувства испанской церкви были слишком тонкими и противоречивыми, чтобы их можно было выразить лишь в одном страстном послании. Многие члены церковной иерархии и монашеских орденов могли быть столь же активными монархистами, как и их владыка, — хотя скорее из страха перед будущим, а не из верности прошлому. Но группа католиков-интеллектуалов, которая сотрудничала с мадридской газетой «Дебаты» («El Debate»), принадлежащей Обществу Иисуса, откровенно симпатизировала либеральному католицизму, считая, что он сможет привлечь городской пролетариат в лоно церкви или по крайней мере заключить какое-то соглашение с демократией. Кардинал Сегура назвал «Дебаты» «либеральным листком». Но ясного заявления о политическом отношении церкви к газете так и не последовало. После отчуждения в 1837 году церковных земель иерархи и ордена стали капиталистами или друзьями капиталистов, но много монахов и большинство священников (кроме тех, что служили в шикарных кварталах больших городов) жили столь же скудно, как и их прихожане⁴. Иерархи же регулярно выступали в роли союзников богачей или верхнего слоя буржуазии. Сельские же священники и даже священники в бедных городских кварталах чаще всего придерживались другой позиции и порой не без успеха воздействовали на власти, помогая угнетенным⁵. А вот испанский рабочий класс относился к священникам с откровенной неприязнью, открыто называя их лицемерами, поскольку налицо было ужасающее различие между учением Христа о бедности и открытым преклонением перед преуспевающим капиталом. Священника могла постичь печальная участь, а его церковь — быть предана огню.

У сельских же жителей редко возникало желание убить своего священника или сжечь его церковь, разве что он пользовался репутацией отменного лицемера или друга буржуа. Для испанцев вообще не было принято сжигать места поклонения Деве Марии или местные церкви. В ходе знаменитой процессии в Севилье во время Страстной недели эскорт Девы Марии из бедного прихода мог с яростью и ненавистью смотреть на Деву Марию из богатой церкви в шикарном квартале. Сам архиепископ Севильи отмечал, что «эти люди могут умереть за свою местную Деву Марию, но при малейшем поводе сожгут ее у своих соседей».

Эти парадоксы отражали тот факт, что, несмотря на упадок, на невежество и откровенную коррупцию, испанская церковь, провозглашая Испанию великой страной, и в XX веке продолжала играть существенную роль в жизни испанцев. Когда церковь стала клониться к упадку, главный объединяющий фактор в стране тоже потерял свою жизненную силу. Испания распалась и географически и социально. Из-за глубокого проникновения в народ влияния римско-католической религии диспуты велись с бескомпромиссным напором. И все участвовавшие в них партии претендовали на то единственное и неповторимое место, которое в Испании принадлежало только церкви⁶.

Нет никаких сомнений, что в XX веке испанская церковь причиняла Ватикану немало хлопот. В 1931 году папа Пий XI продолжал с энтузиазмом придерживаться взглядов Вудро Вильсона. Вполне возможно, что его могли поддерживать реалистически мыслящие мадридские либералы из «Дебатов». Государственный секретарь папы Эудженио Пачелли уже обдумывал идеи о создании христианско-демократических партий, которые он успешно воплотил в жизнь после Второй мировой войны, став папой Пием XII. Когда новое республиканское правительство Испании, возглавляемое прогрессивными католиками Алькалой Саморой и Мигелем Маурой, потребовало убрать из Толедо кардинала Сегуру, Ватикан и не подумал помочь своему примасу, которого затем попросили покинуть страну. Что он и сделал, и его репутация не пострадала, когда спустя несколько месяцев, минуя пограничные посты, Сегура вернулся в Испанию. Он успел добраться до Гвадалахары прежде, чем его обнаружили. Правительство еще раз выпроводило его из страны — на этот раз в сопровождении охраны. Но Сегура вновь вернулся после начала Гражданской войны. Во время же его отсутствия пост архиепископа Толедо занял монсеньор Гома, ученый, бывший архиепископ Таррагоны⁷.

Примечания

¹ Как правило, испанские женщины отличались большей религиозностью, чем их мужья.

² До 1500 года положение церкви в Испании заметно отличалось от ситуации в Европе. Хотя средневековую историю Испании часто представляют в виде череды крестовых походов, до XV века религиозная нетерпимость была в ней скорее исключением. Мавры, христиане и евреи соседствовали, относясь друг к другу со взаимным уважением. Великого героя Средневековья Сидо можно было считать оппортунистом, который вступил в союз с исламом против христианского короля Кастилии.

³ До XVIII века Испания считалась крупнейшей империей мира. Но испанская культура, как и дворцовые обычаи, стала носить чрезмерно формальный характер и после смерти Веласкеса в 1660 году практически сошла на нет. Свободное развитие провинций, одну из самых живых испанских особенностей, ликвидировала бюрократия Габсбургов и их бургонских потомков.

⁴ Что, конечно, способствовало и их низкому интеллектуальному уровню.

⁵ Особенно часто это случалось в Басконии на севере Испании.

⁶ Даже испанские фашисты из фаланги, вспоминая Испанию времен католических королей, чьим символом было изображение ярма и стрел, взяли себе этот герб.

⁷ Тем не менее Ватикан вскоре поссорился с республикой, отказавшись принять посла, которого правительство послало к Святому Престолу. Кардиналы Гома и Сегура встретились во Франции 23 июля 1934 года, где между ними состоялся интересный разговор. В его ходе они сошлись во мнении, что папа Пий XI — человек и действует «без горячности, взвешенно и спокойно» и испытывает чрезмерные симпатии к Каталонии. Его явно вводят в заблуждение Анхель Эррера и кардинал Видаль-и-Балагер, архиепископ Таррагоны.

Глава 5

Мятеж мая 1931 года. — Поджоги церквей. — Заговоры монархистов. — Характер испанского анархизма.

10 мая 1931 года, через несколько дней после взрыва страстей, вызванных письмом кардинала Сегуры, группа армейских офицеров и аристократов, решивших хранить неизменную верность королю Альфонсу, собралась в доме на Калье-Алькала, одной из главных улиц Мадрида¹. Формально встреча была посвящена созданию Независимого монархического клуба. Но из граммофона раздавались звуки Королевского марша. Начала собираться толпа. Два припоздавших монархиста обрадовались при виде такого количества народа и закричали: «Да здравствует монархия!» Водитель их такси решительно отказался присоединиться к ним, провозгласив: «Да здравствует республика!» Монархисты нанесли ему удар, и тут же раз-

неслись слухи, что таксиста убили. Разъярившись, толпа подожгла несколько машин, на которых приехали монархисты, и мгновенно разрослась. Возбужденные демонстранты ворвались в редакцию монархической газеты «АВС» и предали ее огню. Гражданская гвардия рассеяла бунтовщиков, стреляя по-верх голов. Тем не менее на следующий день снова начались волнения. Утром иезуитскую церковь на Калье-де-ла-Флор в самом центре Мадрида буквально сровняли с землей. На ее обугленных сгоревших стенах большими буквами написали: «Поделом воровскому племени!» В течение дня в Мадриде было сожжено еще несколько церквей и костелов². Несколько дней пожары полыхали в Андалузии, особенно в Малаге. Всю Испанию охватила тревога. По сути, никто не погиб, хотя несколько монахов едва успели унести ноги. Тем не менее республика осознала, что ее репутация подпорчена. Правительство публично осудило монархистов за то, что они спровоцировали волнения, и закрыло не только «АВС», но и «Дебаты». Новый военный министр Мануэль Асанья, которому пришлось впервые необдуманно высказать *obiter dicta*³, заявил, что он скорее предпочел бы спалить все церкви в Испании, чем причинить вред хоть одному стороннику республики.

Часть из тех, кто собрался в доме на Калье-Алькала, в самом деле планировали заговор с целью мятежа против республики. Они не получили на это одобрения короля Альфонса (тот был в Париже), который потребовал от своих сторонников (в том числе и армейских офицеров) преданности республике⁴.

За несколько дней до этих событий король дал весьма достойное интервью «АВС», в котором сказал: «Монархисты, которые хотят прислушаться к моему совету, должны не только не ставить препятствий на пути республики, но поддерживать все ее патриотические начинания. Выше всех формальных идей республики или монархии стоит Испания». Хотя, без сомнения, он считал, что такому подходу лучше всего поспособствует его возвращение в страну, нет никаких оснований считать, что дон Альфонс хотел осложнить положение нового правительства. В результате многие офицеры армии, военно-воздушных сил и флота в начале мая принесли присягу на верность новому режиму. Но не все изъявили желание сотрудничать с республикой. Заговорщиков вдохновляли генералы Оргас и Понте. Среди них был и Рамиро де Маэсту, в свое время представитель «Поколения 1898 года», бывший анархист, который успел побывать и послом, и журналистом, прежде чем стать ведущим теоретиком зарождающегося испанского фашизма. Примыкали к заговорщикам и поэт правого

толка Хосе Мария Пеман, и наваррский интеллектуал Виктор Прадера, и юные монархисты, такие, как Сайнс Родригес, молодой, очень толстый («обилие плоти», называл он себя) эрудит и любитель богемы. Пока за стенами дома собирались гневные толпы, конспираторы приняли программу из трех пунктов. Они создадут новую и легальную монархическую партию, суть которой замаскируют под названием «Ревонасион Эспаньола»; будут выпускать периодическое издание «Аксьон Эспаньола» под редакцией Рамиро де Маэсту, которое обоснует правомерность мятежа против республики. При партии будет создан научный центр «для сбора текстов по вопросу о законности мятежа». Их организация станет обосновывать в армии «предпосылки к революции». Называться она будет «Унион милитар Эспаньола»⁵.

Толпа, протестовавшая на Калье-Алькала против встречи монархистов, на первых порах состояла из простых прохожих, празднично гулявших в воскресный день, но их возбудило кажущееся покушение на республику. Но продуманные поджоги церковью (и наверное, редакции «АВС»), состоявшиеся на другой день, — это уже дело рук анархистов.

В те времена испанские анархисты насчитывали в своих рядах не менее полутора миллионов мужчин и женщин. Подавляющее большинство их точнее было бы считать синдикалистами, входящими в большой всеобщий профсоюз CNT. Он был основан в 1911 году, чтобы координировать деятельность многочисленных профсоюзных организаций Испании. Они были сторонниками уничтожения формального правительства и замены его системой договоров и соглашений между профессиональными группами. В CNT неизменно господствовали активные и воинственные анархисты, склонные к насилию. Когда в начале двадцатых у CNT появилась возможность договорного сотрудничества с режимом, реформистов выставили из профсоюза. Активные анархисты создали тайное общество, число членов которого никогда не публиковалось. Его цель заключалась в стремлении утвердить в CNT анархистские идеалы во всей их чистоте. Это общество, наводившее страх на всех, называлось FAI — Федерация анархистов Иберии⁶.

Основные цели испанских анархистов практически не изменились со времени появления в Испании в 1868 году первых эмиссаров Бакунина. До этого революционные социалистические идеи, которые так активно обсуждались в Северной Европе, почти не имели приверженцев в Испании, хотя в Севилье и Барселоне возникали ростки кооперативного движения. Нескольких интеллектуалов из церковных и творческих кругов привлекли идеи федерализма и перехода власти к тру-

довым коммуна, Прудона и Фурье. Но в 1868 году в Мадрид прибыл депутат итальянского парламента Фанелли⁷, некогда соратник Гарибальди, а теперь страстный поклонник Бакунина, ведущая фигура в Интернационале. Хотя Фанелли говорил только по-итальянски и по-французски, а среди его слушателей (в основном печатников) немного понимал французскую речь лишь один из десяти, его идеи произвели исключительное воздействие. К 1873 году в Испании уже было 50 000 последователей Бакунина, на первых порах известных как последователи Интернационала, а потом принявших имя анархистов. Они считали себя носителями великой новой истины. Государство, основанное на идее покорности власти, по их мнению, моральное зло. Оно должно уступить место самоуправляющимся структурам — муниципальным, профессиональным и другим, которые будут добровольно заключать друг с другом соглашения. Преступников должна карать общественность. Бакунин, излагавший эту точку зрения, без сомнения, как и Толстой, испытывал ностальгию по русской деревенской жизни, которую знал с детства. Хотя испанцам, среди которых эти идеи дали столь пышные всходы, не было свойственно подсознательное стремление к предельной простоте, противостоящей жесткому диктату государства средневековых деревенских общин и независимых провинциальных коммун, которые процветали в Испании, как и во всей Европе⁸.

В 1871 году спор между Марксом и Бакуниным привел к расколу испанского отделения Интернационала. Основная масса анархистов в Испании последовала за Бакуниным. Меньшинство — социалисты — сформировало свою марксистскую партию. Первые анархисты — главным образом печатники, школьные учителя и студенты, — направившись напрямик к труженикам Андалузии, начали проводить продуманную политику просветительства. Революционные возмутители спокойствия шли от одной деревни к другой, подобно бродячим монахам. Они организовывали вечерние школы, в которых крестьяне учились писать; проповедовали трезвость, вегетарианство и верность мужьям, осуждали моральное зло, которое несут с собой кофе и табак. После того как в 1881 году профсоюзы получили легальный статус, анархисты стали утверждаться в Барселоне, куда в поисках работы перебирались многие андалузские крестьяне⁹. Забастовки, которые, как правило, носили воинственный характер, стали оружием, с помощью которого анархисты добивались создания своего общества. Тем не менее даже после создания в 1911 году CNT не существовало забастовочных фондов, так как анархисты предпочитали тратить средства на жесткие и решительные действия, а не на

продолжительные переговоры, требовавшие финансовых затрат. Андалузские рабочие были слишком бедны, чтобы платить регулярные взносы. В 1936 году в руководстве профсоюза был всего лишь один платный работник.

CNT делилась на две группы, хотя даже сами члены профсоюза вряд ли обращали на это внимание. Первая, городские рабочие Барселоны, были подлинными синдикалистами, которые утверждали «вертикальный» характер организации общества, впервые предложенного во Франции в конце XIX столетия. Предполагалось, что все рабочие одной фабрики делегируют своих членов в «синдикат», который и обсуждает с другими синдикалистами все бытовые и производственные вопросы. Вторая группа состояла из сельских анархистов, главным образом из Андалузии, чья теория представляла собой идеализацию собственного городка, пуэбло, все обитатели которого в сотрудничестве избирают устраивающее их местное правительство. Значимость этого идеала подчеркивалась вторым значением слова «пуэбло», что означало «народ», то есть народ, противостоящий высшим и средним классам. Тонкость была в том, что сторонники этой теории считались чужаками в своем городе.

В Андалузии анархистские забастовки с требованием повышения заработной платы или сокращения рабочего дня (если не золотого века, к которому стремились их лидеры) часто приводили к успеху, ибо крупные землевладельцы и их управляющие страшились тактики насилия, к которому прибегали забастовщики. В Барселоне же борьба между рабочими и владельцами фабрик была долгой и кровавой, поскольку у последних был неисчерпаемый резерв рабочей силы. В результате в 90-х годах XIX века анархисты перешли к террору. Одновременно им широко стали пользоваться их единомышленники в России, с которыми некоторые испанские анархисты поддерживали личную дружбу.

В начале XX века анархисты стали предметом ненависти. Они вербовали в свои ряды всех, кто хоть каким-либо образом протестовал против буржуазного общества, включая обыкновенных преступников. В 1927 году FAI представляла собой целую армию штурмовых отрядов, которые вели более или менее постоянную войну с остальной Испанией. FAI исходила из своих фантастически высоких идеалов. Но ее члены считали, что свободы можно достичь пистолетом вкупе с энциклопедией. Они были склонны верить каждому прочитанному слову. Читая слова Бакунина о том, что новый мир будет построен, когда последнего короля повесят на кишках последнего попа, они испытывали желание немедленно проверить, так ли это. Их страстная убежденность вела к «пропаганде дейст-

вием», что вызывало панику среднего класса. Анархисты преворядили ее в жизнь поджогами церквей — как в мае 1931 года¹⁰. Их вера в насилие находила отражение во внезапных жестоких политических, а порой и всеобщих забастовках, которые вспыхивали то в одном городе, то в другом. Анархисты не брезговали и убийствами. Они не имели отношения к другим движениям, и им была отвратительна сама мысль стать политической партией в нормальном смысле слова.

В 30-х годах XX века лидером движения стал Хосе Гарсиа Оливер, который проводил умную тактику. Мистер Сирил Конноли, английский критик, описывал его цель как «уничтожение зверя в человеке». Но сам Оливер отсидел в тюрьме за насильственное преступление. Во время Гражданской войны, когда он стал министром юстиции, один из его помощников, принимая дрожащего архивариуса, предложил тому пожать руку, которая убила 253 человека¹¹. Среди других ведущих лидеров анархистов были Федерика Монтсень, известная представительница интеллектуальных кругов Барселоны; выдающийся организатор стекольщик Хуан Пейро и два человека, имена которых неразрывно связаны с насилием, — Дуррути и Аскасо. Дуррути, уроженец Леона, еще ребенком работал металлистом в Барселоне. Здесь он встретил Аскасо, пекаря и официанта. На пару они совершили много преступлений, после чего покинули Испанию. Дуррути и Аскасо бродяжничали по Южной Америке и держали в Париже книжную лавку анархистской литературы. Среди их самых громких преступлений — убийство архиепископа Сарагосы¹², покушение на короля Альфонса в 1921 году, убийство в Мадриде женщины-кружевницы и знаменитый налет на Банк Испании. Тем не менее они были не обыкновенными преступниками, а мечтателями, склонными к насилию. Достоевский был бы горд создать такие характеры. Можно ли осуждать испанскую буржуазию, если она трепетала от страха, зная, что двухмиллионную армию рабочих возглавляют два таких неуправляемых человека?¹³

Примечания

¹ Она тянется от Пуэрта-дель-Соль до Гран-Виа. В 30-х годах XX века Калье-Алькала считалась основной улицей кафе в Мадриде. Тут размещались кафе тореадоров, писателей, художников, артистов и так далее. В 1960 году все эти заведения уступили место зданию большого банка.

² В Испании все здания религиозных общин, в которых жили монахи и монахини, именовались «конвентами».

³ *Obiter dicta* (лат.) — неофициальное мнение судьи. (Примеч. пер.)

⁴ Это подтверждается генералом Эррерой, который как постельничий последовал за королем в Париж. Но король уговорил его вернуться в Испанию,

⁵ Свидетелем всего вышесказанного был Бертран Газэлл, чей рассказ в целом подтверждается официальным изданием «История крестового похода». История заговоров против республики теперь имеет обширную литературу. Так, в частности, утверждается, что вышеупомянутый союз состоял исключительно из младших офицеров, хотя их главой был полковник Бартоломео Барба, которому помогали офицеры связи по всей Испании.

⁶ Пейрат считает, что в 1936 году в него входило 30 000 членов.

⁷ Анархизм Фанелли обрел активную форму после того, как его заставили заплатить за проезд по железной дороге, хотя как депутат он имел право на бесплатный проезд.

⁸ Как ни парадоксально, но проникновению революционных идей в среду испанского рабочего класса способствовала сама церковь, впоследствии немало пострадавшая из-за них. Приверженность церкви к общинным взглядам, ее пуританская враждебность инстинктам конкурентной борьбы — все это сделало идеи Фанелли естественным продолжением старых верований.

⁹ В течение столетия население города выросло со ста тысяч почти до миллиона.

¹⁰ Поджоги церквей — феномен не столько анархистский, сколько чисто испанский. Первый такой факт зафиксирован в 1834 году, когда испанский рабочий класс решил, что церковные иерархи предали их интересы ради торжества аристократии и «новой буржуазии».

¹¹ Хотя это свидетельство привел конкретный человек, его нельзя считать достоверным.

¹² Биография Дуррути, вышедшая во время Гражданской войны, приводит следующую версию этого преступления: «Дуррути и Аскасо услышали, что в Сарагосе творится несправедливость. Поэтому они явились в город из Барселоны и убили кардинала Солдевилю, который был главным сторонником реакции».

¹³ В течение 30-х годов XX века CNT делилась между самыми крайними противниками существующего общества, возглавляемого FAI и синдикалистами во главе с Анхело Пестаньей, который допускал определенное сотрудничество с обществом. Противоречия длились до 1936 года, когда на конгрессе CNT в Сарагосе синдикалисты снова вошли в CNT, хотя Пестанья остался вне его.

Глава 6

Анархистские забастовки. — Республиканская Конституция. — Кастильбланко. — Закон о земле. — Условия сельского хозяйства в Испании.

Заговоры и пожары мая 1931 года предупредили правительство об опасностях, которые, по всей видимости, подстерегают его и справа и слева. Естественно, министры не знали подробностей планов монархистов. И к анархистам они не относились с той серьезностью, которую те заслуживали. Под-

жюги церковей были сочтены их чистой провокацией. Состоявшиеся в июне выборы доказали, что большинство народа поддерживает режим. Выборы исходили из приблизительных подсчетов: один член кортесов представлял примерно 50 000 мужчин-избирателей. Без сомнения, это были самые честные выборы, когда-либо происходившие в Испании. В результате избрали 116 социалистов, 60 радикальных социалистов и 30 членов Республиканской партии действия Асаньи (и те и другие, поддавшись уговорам Асаньи, сочли себя либералами); 90 радикальных последователей Лерру и 22 прогрессиста, сторонника Алькалы Саморы. Кроме того, были избраны 43 члена каталонской «Эскерры» и 16 — галисийских националистов из партии Касареса Кироги. Предполагалось, что все они в целом будут голосовать совместно с правительством. Против них правые могли выставить только 60 членов. Большинство — представители партий среднего класса, склонных предоставить республике шанс. Было только 19 членов «*Renovación Española*» («Обновленная Испания»), легальной монархистской партии, которые только в прошлом месяце на тайной встрече достигли соглашения между собой. Правительство чувствовало себя в безопасности. Даже ряд бурных забастовок, организованных в июле и августе CNT, не поколебал это чувство уверенности. Тем не менее во время всеобщей забастовки в Сан-Себастьяне погибло три человека. Правительству пришлось также пустить в ход артиллерию, чтобы разогнать всеобщую забастовку в Севилье, где было убито тридцать человек и более двухсот ранено. То была крупная политическая акция. Правительство так и оценило ее и посчитало такие действия оправданными. Тем не менее с тех пор как Ларго Кабальеро стал министром труда и UGT полностью поддержало правительство, насильственных действий со стороны рабочего класса избежать было невозможно.

К осени комитет новоизбранных кортесов подготовил вариант Конституции. И тут правительство допустило грубую оплошность. Было связано слишком много надежд с тем, что новый режим воздержится от подготовки текста Конституции. И это стало серьезной ошибкой — Конституция республики представляла собой в высшей степени противоречивый политический документ, полный эмоциональной и уклончивой фразеологии, содержащий много статей, совершенно неприемлемых для большинства влиятельных, обладавших властью испанцев. Либералы 1931 года повторили ошибку многих своих предшественников XIX века. С их точки зрения, новый режим должен был выражать только их собственные политические взгляды. Так, набросок Конституции начинался словами: «Ис-

пания представляет собой демократическую республику труженников всех классов, организованных в режиме на основе свободы и справедливости». Правительство «исходит из народа», и все граждане признаются равными. Страна отказывается от войны как средства национальной политики. Не признаются никакие аристократические титулы и звания. И мужчины и женщины могут голосовать с 23 лет.

Даже эти положения были достаточно противоречивыми, а последовавшие за ними статьи, относящиеся к религии, вызвали неподдельную бурю негодования. Выплаты государства священникам приостанавливались на два года, хотя их заработная плата была частью компенсации, которая выплачивалась церкви за конфискацию земель в 1837 году. Все религиозные ордена были обязаны зарегистрироваться в министерстве юстиции. Если принималось решение, что они представляют собой опасность для государства, их распускали¹. Ордена, которые требовали дополнительных обетов, кроме трех канонических, распускались в любом случае. Это был просто способ отделаться от иезуитов, которые обычно требовали клятвы на верность папе. Ни один орден не имел права на собственность большую, чем это нужно для существования, а также заниматься коммерцией. Все они должны были ежегодно представлять государству декларации о доходах. Образование предполагалось строить на основе «идеалов человеческой солидарности». То есть религиозному образованию был положен конец. Полагалось получать официальное разрешение «на все публичные манифестации религиозного характера», такие, как пасхальные и рождественские шествия. Допускались разводы.

Включение таких подчеркнуто антиклерикальных статей в текст Конституции Испанской республики оказалось политической глупостью. Осуществление таких условий было бы под силу лишь более счастливой и справедливой Испании. Можно понять, что Асанья, который добился смягчения самых жестких требований, вволю настрадался от братьев-августинцев в школе мрачного Эскориала. Тем не менее было бы куда умнее отложить этот полный разгон церкви до лучших времен. Стоило бы дожидаться, пока место августинских и иезуитских учебных заведений займут светские школы такого же уровня. Ибо при всех своих недостатках монашеские ордена содержали в стране лучшие, и практически единственные, средние школы. Даже либеральная пресса осудила эти меры. Но Асанья гремел в кортесах: «Не говорите мне, что это противоречит свободе. Речь идет об общественном здоровье». Впоследствии все испанские католики, если они хотели критиковать

образовательную или религиозную политику, оказывались в положении, требующем вообще отвергать Конституцию республики.

Дебаты в кортесах по поводу этих клерикальных статей вызвали первый из многочисленных правительственных кризисов Второй республики. Премьер-министр Алькала Самора и министр внутренних дел Мигель Маура, оба католики, подали в отставку. Спикер кортесов социал-реформист Бестейро, временно занимавший пост президента Испании, обратился к Асанье с призывом сформировать другое правительство. Поскольку в ходе дебатов о религиозных проблемах Асанья возглавлял правительственные партии, выбор пал, естественно, на него. Его выдвижение несказанно разгневало радикала Лерру, который вместе со своими девятью десятками сторонников перешел в оппозицию. Но и после этого правительство осталось резко антиклерикальным, ибо в него вошли новые либералы, единомышленники Асаньи и социалисты. Тем не менее Алькала Самора согласился стать первым президентом республики. Без сомнения, его соблазнили и солидный должностной оклад и высокое звание. Так что нельзя утверждать, что католики были полностью отстранены от управления государством.

Конституция наконец была принята кортесами в конце 1931 года. Правительству осталось лишь выпустить немалое количество законодательных актов, которые введут в действие статьи Конституции. Первым делом министры занялись «Законом о защите республики». Конституция провозглашала, что в случае чрезвычайного положения на тридцать дней отменяются все свободы. Новый закон давал праву министру внутренних дел запрещать все публичные собрания. Это положение подверглось атаке со стороны правых, которые посчитали, что оно прокладывает путь к диктатуре. Но в последний день 1931 года произошел кровавый инцидент, который привлек внимание всей страны.

В далеком пустынном районе Эстремадуры располагалось небольшое пуэбло Кастельбланко, где жили 900 человек. Условия жизни ничем не отличались от всего этого региона. Тут особо не голодали. О насилии не знали. Тем не менее местное отделение CNT обратилось за разрешением провести митинг. В нем было отказано. Анархисты решили настоять на своем. На защиту власти явилась гражданская гвардия.

В то время в ее рядах по всей Испании числилось порядка 30 000 человек. Она была организована в 1844 году, чтобы защищать порядок и спокойствие в сельской местности, в которой долгое время господствовали бандиты. Они использова-

ли методы партизанской войны, доказавшие свою действенность в войне против Наполеона. Гражданская гвардия была организована наподобие армии, ею командовали офицеры в военных чинах, и возглавлял ее генерал. В ее составе были солдаты и офицеры регулярной армии. Облаченные в зеленую униформу, в треуголках, эти полицейские силы, обитавшие в мрачных казармах, вели себя как армия захватчиков. Гражданские гвардейцы никогда не служили в той части страны, откуда были родом. Им не позволялось общаться ни с кем из жителей той деревни, где они были расквартированы. Гражданская гвардия пользовалась репутацией жестокой и безжалостной силы. «Если кто-то вступает в ряды гражданской гвардии, — заметил Рамон Сендер, — то тем самым он объявляет гражданскую войну всем остальным»².

В Кастильбланко в 1931 году гражданская гвардия была столь же непопулярна, как и по всей Испании. Гвардейцев постигла ужасная судьба. Когда они попытались воспрепятствовать митингу CNT, на них напало все население деревни. Четверым разmozжили головы, выкололи глаза, а трупы изуродовали. На одном из трупов впоследствии насчитали 37 ножевых ран. И так же, как в Фуэнте-Овехуне, поселке, чьим именем была названа пьеса Лопе де Веги, привлечь убийц к суду оказалось невозможным. Ответственность пала на всю деревню, а не на кого-либо из ее жителей. За этой трагедией последовали примерно такие же, хотя не столь драматические, события в других пуэбло. В Аренальдо успех оказался на стороне гражданской гвардии, которая дала выход бессмысленному чувству жестокой мести; но в Сальенте, в долине Льобрегат недалеко от Барселоны, CNT захватила и удерживала его несколько часов, подняв над ним красный флаг и объявив себя независимой общиной³.

Повторяемость таких взрывов насилия со стороны рабочего класса против режима, похоже, наконец заставила правительство задуматься над решением фундаментальных социальных проблем, которые вызывали волнения испанских рабочих. Особое внимание следовало уделить сельскому хозяйству Испании.

В 1936 году работоспособное население Испании насчитывало 11 миллионов человек. Два миллиона можно было отнести к среднему классу, два — к его нижнему слою (торговцы, мелкие художники). Четыре с половиной миллиона были заняты в сельском хозяйстве, два или три работали в промышленности или на шахтах. Последней группе, благодаря хорошей организации и потребности в угле, первой удалось добиться сравнительно неплохих условий жизни. Сельскохозяйственные районы на севере, северо-востоке и на Средиземноморском побережье вплоть

до Валенсии состояли из приусадебных участков, достаточно больших и плодородных, чтобы прокормить семью. Среди них кое-где встречались крупные поместья. Кроме того, эти районы, в которых была проложена лучшая в стране ирригационная система, были сравнительно близки от промышленных центров Каталонии и Басконии. Остальная же часть сельской Испании пребывала в бедности. В обеих Кастилиях, в Андалузии и Эстремадуре из 1 026 412 «землевладельцев», плативших налоги, 847 548 довольствовались доходом менее одной песеты⁴ в день в ценах 1936 года. На северо-западе, в Галисии, где многие мелкие собственники обрабатывали скромные клочки бесплодных земель, положение было примерно таким же. В Ламанче и Новой Кастилии на земле работали главным образом фермеры-арендаторы и мелкие собственники. В провинциях Андалузия и Эстремадура преобладали большие запущенные поместья, в которых кормилось множество безземельных батраков. В 1936 году условия жизни во всех этих районах были примерно такими же, как во времена Реконксты или даже при римлянах. Летом работники могли зарабатывать до шести песет в день, но это в виде исключения. От весны до осени, четыре или пять месяцев, средний заработок этой прослойки колебался между 3 и 3,5 песеты в день. Остальное время года они оставались без работы. Эти сельскохозяйственные рабочие жили в больших запущенных деревнях, которыми славится юг Испании, и никогда не отдалялись от них, ибо тут была жива средневековая потребность собираться всем вместе, чтобы легче держать оборону. В этих публо агенты землевладельцев набирали рабочую силу, когда в ней возникала потребность. С рассветом жители, «одетые в поношенные холщовые куртки и сандалии из пеньки», собирались на деревенской площади, которая становилась своеобразным рынком рабов. Тех, к кому не было никаких политических или производственных претензий, набирали на работу. Но и всем остальным находилось дело, ибо их могли взять на работу в соседней деревне — или даже в Португалии.

Фермеры-арендаторы в этих районах в основном находились на том же положении, что и прочие два класса. Они зависели от милости своих лендлордов, у которых на короткие сроки арендовали землю. Обычно платили арендную плату: натурой или деньгами в зависимости от урожая и полученных доходов. Зависели они также и от ростовщиков, которые ссужали им деньги на приобретение рабочего инвентаря.

Большинство землевладельцев в Андалузии и Эстремадуре почти не занимались своими поместьями и работниками. Правда, если им это было выгодно, они все же возделывали землю. Но многие относились к ним как к далеким колониям

и лишь изредка навещали. Они доверяли управлению своей собственностью местной власти, касикам, которые обеспечивали и политическую стабильность на местах. Те же, что относились к своим батракам как к рабам, тем не менее были почти столь же бедны и безденежны, как и их арендаторы. Они жили в большом доме в окружении слуг и домочадцев, но не могли позволить себе на поезде поехать в Мадрид, не говоря уж о проживании там в гостинице.

Проблемы испанского сельского хозяйства были незаживающей язвой, влияние которой сказывалась на всей стране, и источником силы анархистов. Ибо самыми активными сторонниками CNT всегда были безземельные батраки Андалузии и те жители провинции или их дети, которые перебрались на заводы Барселоны. Если бы республика, прежде чем нападать на церковь, занялась аграрной реформой, то почти все, кроме нескольких крупных землевладельцев, поддержали бы реформаторов. И действительно, аграрный закон 1932 года, представленный в кортесы, почти не встретил сопротивления. Он относился только к Андалузии, Эстремадуре, трем провинциям Кастилии (Сьюдад-Реаль, Толедо, Саламанка) и Альбасете в Мурсии. Все необрабатываемые поместья размерами больше 56 акров должны были перейти в распоряжение Института аграрных реформ, который платил за них компенсацию. Он оценивал суммарную стоимость участка исходя из налоговых поступлений⁵. Государство обеспечивало сохранность земель и затем передавало их или отдельным крестьянам, или их кооперативам⁶. В обоих случаях новым собственником земли становилось государство.

По словам Ларго Кабальеро, который продолжал оставаться министром труда, этот закон стал попыткой «лечить аппендицит аспирином». Он не затрагивал Галисию или большую часть Кастилии, где условия были почти такими же плохими, как и на юге, и лишь осторожно касался такого вопроса, как сельскохозяйственные кредиты. В нем не было никаких новых планов по немедленному орошению засушливых земель. В то время орошались лишь полтора миллиона гектаров, три процента от всей страны. Ирригация могла бы ввести в оборот культурного землепользования еще 6 миллионов акров. Но даже в таком виде закон мог бы стать началом решения аграрной проблемы в Испании, улучшив бедственное положение крестьян. Ведь из-за удивительного разнообразия климата и качества земель самые большие в мире урожаи (кроме кофе) созревали в Испании. Несмотря на небольшое количество осадков, бедные почвы и обилие каменистых поверхностей, Испания могла бы стать страной с процветающим сельским хозяйством. Ведь еще Гиббон при римлянах назвал ее «изобильной страной».

Надо признать, что сельскохозяйственная революция зависла от дополнительной промышленной и финансовой поддержки. В начале 30-х годов XX века рассчитывать на это было нереально из-за острого кризиса, который и стал основной причиной краха монархии и, усугубившись в промышленном секторе испанской экономики, способствовал и падению республики. Подоплека диспутов в кортесе о религиозном образовании базировалась на проблеме закрывающихся шахт и предприятий и падения песеты. Тем не менее по всей республике продукция сельского хозяйства (но не промышленности) продолжала расти⁷.

Примечания

¹ Первоначальный вариант Конституции предполагал поголовный роспуск всех религиозных орденов.

² Нет никаких оснований считать, что этот взрыв насилия был заранее подготовлен CNT или FAI. В то же время легко можно было предположить нечто подобное. Состоялся убедительный пример «пропаганды действием».

³ Правительству потребовалось пять дней, чтобы вернуть город. В результате из страны были депортированы многие анархисты и среди них Дуррути и Аскасо. Последний писал из тюрьмы тюремного судна: «Бедная буржуазия, которой приходится прибегать к таким средствам, чтобы выжить. Они, конечно, находятся в состоянии войны с нами и, естественно, защищаются, убивая и изгоняя нас и делая из нас мучеников».

⁴ Одна песета равнялась шести пенсам.

⁵ Это был бы правильный подход, если бы не стремление уклониться от налогов.

⁶ Этот вопрос стал предметом споров в правительстве между социалистами и либеральными республиканцами. Первые придерживались принципов коллективизации, а вторые — индивидуального хозяйствования.

⁷ Падение промышленного производства и, соответственно, рост безработицы среди промышленных (но не сельскохозяйственных) рабочих стал причиной серьезных обострений в республике. И пусть даже сельское хозяйство оставляло желать лучшего, если бы Испания в полной мере стала разрабатывать залежи своих руд и минералов, (меди, железа, ртути, пиритов и т. д.), то она могла бы войти в число ведущих мировых поставщиков сырья. Испанские шахты работали только на 10 процентов от своих возможностей, хотя могли бы разрабатываться богатые залежи соли, поташа и серы, а также бурого угля и антрацита. Стремительное течение испанских рек могло бы стать неиссякаемым источником электрической энергии. Конечно, было много и естественных причин, затрудняющих хозяйствование, — особенно засухи и бесплодные земли. Но в течение последних четырех столетий испанцы направляли всю свою энергию на борьбу не с ними, а друг с другом. Варварство христианских завоевателей, заваливших оросительные каналы мавров в Гранаде, должно служить постоянным укором для тех, кто все принес в жертву идеалам.

Глава 7

Каталонский статут. — Баски. — Армия. — Новые заговоры. — Мятеж генерала Санхурхо 1932 года.

Итак, аграрный закон прошел через кортесы, не вызвав больших споров. Неизменно горластая правая оппозиция специально копила силы для рассмотрения статута Каталонской автономии. В 1931 году в Каталонии состоялся плебисцит. За самоуправление был подан 592 961 голос и только 3276 против. Трудно припомнить какие-либо свободные выборы, в которых было бы столь подавляющее преимущество. Кстати, в Конституции республики содержалось положение, что в случае необходимости Испания может обрести «федеративное» устройство; если определенное количество регионов этого пожелают, то получают право выбирать себе форму государственного устройства. К лету статут Каталонии стал законом. Муниципальное правительство Барселоны было реорганизовано в правительство Каталонии и получило название Жене-ралитат — совет средневекового города. Его права были несколько ограничены в области образования, полиции и сбора налогов. Официальными языками признавались испанский и каталанский. Система чем-то напоминала сегодняшнее положение в Северной Ирландии, поскольку Каталония продолжала посылать депутатов в центральный парламент, а также в новый местный, в Барселоне. Каталонцы предполагали, что получают больше власти, особенно в плане контроля над гражданской гвардией. Но в любом случае это было великим событием. Под радостные крики толпы, которая так долго ждала удовлетворения своих чаяний, полковник Масиа появился вместе с Асаньей на балконе Дворца Каталонии.

«Я получил полные заверения, — сказал Масиа, — что Божьим соизволением вы получите этот статут. Но он будет не тем, за который мы голосовали».

Так началась короткая, бурная и трагическая история Каталонской республики.

А тем временем примерно такое же требование самоуправления поступило и со стороны басков.

Народ басков насчитывал примерно 600 000 человек, которые с незапамятных времен обитали на западных склонах Пиренеев. Из них примерно 470 000 жили в Испании, остальные во Франции. Происхождение этого народа остается тайной. О небольшой разнице между басками и испанцами говорит сравнение национальных баскского и иберийского танцев, что отметил еще Страбон. И те и другие жарко, но

очень убедительно спорили, что баски — это те же жители Иберии, которые, обитая в своих затерянных долинах, смогли сохранить свою обособленность. Тем не менее баскский язык невозможно сравнить с каким-то другим¹. Единственным достоверным фактом их особого происхождения были сведения источников об обитании еще до начала письменной истории в горных провинциях Испании — Гипускоа, Бискайя, Алава и Наварра² — и частично во Франции некоего сообщества басков.

Основными чертами этого сообщества еще с незапамятных времен можно считать преданность религии, политическую независимость и сельскохозяйственную самодостаточность. Поскольку церковь в этих местах была, так сказать, ближе к земле, то в баскских селениях храмы стали центрами общественной жизни. Муниципальные советники обычно собирались на боковых верандах этих, как правило, приземистых квадратных строений. В самой церкви пуританский подход басков к религии выражался в том, что мужчины и женщины сидели порознь, разделенные или проходом, или этажом: мужчины располагались на галерее, а женщины внизу на скамьях храма. Баскские священники утверждают, что в 1936 году 99 процентов сельского населения Гипускоа, Алавы и Бискайи и 52 процента жителей индустриальных районов (те, кто были басками по крови) исправно придерживались всех требований христианства.

Начиная с раннего Средневековья каждые два года представители всего мужского населения старше 21 года собирались под дубом в Гернике, в провинции Бискайя. Здесь монарх или, чаще, его представитель приносил клятву, заявляя, что будет уважать права басков. Затем избирался исполнительный совет, которому предстояло править очередные два года. И древний дуб, и город Герника были святынями басков, они привнесли в политическую жизнь древнее почитание дубов. Эти обычаи укоренились еще до вторжения мавров, с которыми баски никогда не воевали. Несмотря на такие отличия, баски всегда оставались неотъемлемой частью Кастилии³. Когда Кастилию отвоевали у мавров, большая часть ее была заселена баскскими поселенцами. Первые реальные попытки национального самоопределения басков датируются началом XIX столетия, когда в силу своего ярого католицизма, а также местного патриотизма баски вступили в армию карлистов, поддержав их в войне против антицерковников-либералов из центра. В результате в 1939 году местные права басков были аннулированы.

Гнев, который это решение вызвало у кастильцев, усилился во второй половине XIX века, подогретый индустриализа-

цией Испании. Баски с давних времен были известны как хорошие кораблестроители, ибо в Бискайе не было недостатка в дереве — там росли густые дубовые леса. К концу XIX века Бильбао стал крупным промышленным городом, поскольку в его окрестностях были обильные и легкодоступные залежи железных руд. В XX веке 45 процентов торгового флота Испании построили в Басконии; почти все производство металла также переместилось туда. В Бильбао образовалось общество, многими чертами напоминающее то, что сложилось у главного торгового партнера басков — Британии. Крупные баскские банки обеспечивали надежную сохранность вкладов среднего класса, их отделения были открыты по всей Испании. Сами финансисты обитали в ухоженных поместьях и проводили время в своих клубах. (Тем не менее рабочий класс Бильбао оставался далеко не столь англазированным, сохраняя свои бытовые привычки.) А баскские и каталонские бизнесмены недвусмысленно поддерживали своим весом и немалым влиянием романтиков, возглавляемых Сабино Арана-Гойри, которые начали требовать восстановления местных прав, отмененных сравнительно недавно. Требования басков о введении самоуправления всегда были выдержаны в достойной манере. Их приверженность римско-католической церкви стала причиной неудачи попыток быстро достичь соглашения с республиканцами или левыми партиями, которых они уговаривали поддержать требования об автономии со стороны любого региона. Так, баскские депутаты покинули кортесы, когда шла дискуссия о клерикальных статьях Конституции. Тем не менее в конечном итоге все же был разработан статут Басконии, который должен был обеспечить ей почти такой же уровень автономии, которого добилась Каталония. В июне 1932 года делегаты четырех провинций встретились в Памплоне. Представители Наварры незначительным большинством (123 голоса против 109) отвергли статут. Но их отношение отличалось от точки зрения большинства басков, и представители трех остальных провинций подавляющим большинством голосов приняли статут. Их точка зрения была одобрена плебисцитом, прошедшим в трех провинциях⁴. К тому времени все классы и группы провинций Басконии, включая социалистов⁵, многие из которых были иммигрантами из Астурии, Андалузии или Галисии, поддерживали требование частичной независимости. По сути дела, они одобрили древний баскский лозунг: «За Бога и наши древние права». Тем не менее никакого союза между баскскими националистами и организациями рабочего класса не получилось.

Баскские сепаратисты были еще большими националистами, чем каталонцы. Их движение держалось на противостоянии антиклерикализму республики. Не в пример Барселоне, рынки сбыта и источники сырья басков находились за пределами Испании. Они были убеждены, что смогут прожить на своей древесине и металле. Этот мирный народ не любил споры и терпеть не мог войны. Легко понять, почему они считали, что Испании с них более чем достаточно. Трагическая же ирония заключалась в том, что именно неприязнь к самой Испании вовлекла их в гражданскую войну и в конечном счете уничтожила.

Лидером баскских националистов стал молодой юрист Хосе Антонио Агирре, выходец из среднего класса, из семьи с карлистскими взглядами. Они многим был обязан своей приятной внешности, молодости и спортивными успехами в Атлетическом клубе Бильбао⁶.

Сравнительные успехи двух сепаратистских партий в Каталонии и в провинциях басков вызвали отзвуки по всей Испании. Сепаратистское движение в Галисии началось еще во времена диктатуры Примо де Риверы. Статут галисийской автономии составлял тот же Касарес Кирога, министр внутренних дел в правительстве Асаньи. Такие же непростые проблемы обсуждались и в Валенсии, и даже в Кастилии. Казалось, что Испания снова расколется, вернувшись ко временам городов-государств. Это была еще одна причина скрытых опасений правительства и желания прибегнуть к силе.

Церковь и многие уважаемые представители среднего класса отстранились от республики из-за антиклерикальных статей Конституции. Землевладельцы были разгневаны аграрным законом. Более всего статутом Каталонии и явным развитием событий в сторону федеративного Испанского государства возмутилась армия.

Остались в прошлом те дни, когда француз Брантом мог испытывать гордость за человечество, видя, как испанцы направляются на войну во Фландрии «подобно принцам с их надменной неподражаемой грацией». В настоящее время возможности испанской армии вызвали серьезные сомнения даже по своей подготовленности. Веллингтон, на чьей стороне дрались испанцы, оценил их как отважных, но совершенно недисциплинированных солдат. Английские наблюдатели во время карлистских войн отмечали то же самое. Первая из этих войн завершилась не победой на поле боя, а компромиссным соглашением, по которому все офицеры карлистов получали право служить в регулярной армии с сохранением полной зарплаты. Так началась долгая эра преобладания офицеров в

численном составе испанской армии. Например, в последние годы монархии на 207 000 солдат приходилось 19 906 офицеров (включая 219 генералов) — то есть один офицер на каждые десять рядовых⁷.

Утверждали, что эти силы созданы не для обороны от зарубежных врагов Испании, а для того, чтобы блюсти порядок в самой стране. Еще со времен Наполеоновских войн офицеры испанской армии привыкли использовать военную силу для руководства политической жизнью страны. Кроме карлистских войн с 1914-го по 1923 год состоялось не меньше сорока трех «пронунсиаменто», успешных и провальных. С 1968-го по 1875 год армия сместила монарха, призвала другого принца из Италии, установила республику, восстановила порядок, а вслед за ним и монархию. Хотя поражение в испано-американской войне 1898 года стоило ей немалой доли престижа, когда в 1905 году какая-то каталонская газета нанесла «оскорбление чести армии», это привело к совершенно удивительному соглашению: все нападки на армию будут караться теперь по законам военного времени. В 1917 году армия сокрушила всеобщую забастовку, хотя в то время она переживала медовый месяц увлечения синдикалистскими идеями. С 1923-го по 1930 год в Испании существовала военная диктатура генерала Primo de Rivera, и он оставил свой пост, лишь получив сообщение, что гарнизоны его не поддерживают. А тем временем совершенно провальные с военной точки зрения марокканские войны, которые длились с 1909-го по 1927 год, дали армии массу возможностей для самовозвеличивания и самовосхваления. Сомнительно, чтобы с такой политической биографией она надолго удержала бы свой престиж в истории республики.

В силу этого Асанья, став военным министром, решил уменьшить власть и влияние армии. Со своей фатальной способностью выдавать фразы, которые надолго оставались в памяти, он заявил, что собирается «растереть в порошок» военную касту. Асанья решил это сделать, отменив особые юридические права армии, обусловленные Законом о юрисдикции 1905 года. Он ликвидировал Высший совет армии (и флота) и поставил военные силы под контроль обыкновенных судов. Асанья снял также с постов восемь капитан-генералов, которые пользовались едва ли не вице-королевской властью в восьми старых провинциях или регионах Испании. Он поставил всех офицеров перед выбором: принести присягу на верность республике или выйти в отставку с полным пенсионом. Многие воспользовались этим великодушным предложением и, подобно генералам Понте и Оргасу, стали проводить вре-

мя, плетя заговоры против нового режима. Кроме того, Асанья стал сокращать армию, без сомнения имея целью сделать ее более компактной и эффективной. Но другие его меры — например, аннулирование повышения по службе, полученного за отвагу на поле боя, — привели к тому, что Асанья и его правительство стали крайне непопулярными в ортодоксальных офицерских кругах. Хотя он сам постоянно утверждал, что, по его мнению, нет человека более верного республике, чем обыкновенный офицер. И когда генеральный инспектор армии генерал Годед (кстати, весьма политизированный) помог «пронунсиаменто» генерала Примо де Риверы, а потом неудачно выступил против него — арестовал полковника-республиканца Хулио Мангаду за то, что тот выкрикнул: «Да здравствует республика!» в ответ на генеральский клич во славу Испании на общем обеде, — Асанья поддержал его и арестовал Мангаду за несоблюдение субординации. Тем не менее многие из строевых офицеров продолжали выражать свое недовольство.

Во времена республики в испанской армии было 15 000 офицеров, а под их командованием находилось 115 000 солдат, которые, кроме Иностранного легиона и туземных марокканских частей (их называли Африканской армией), состояли из призывников, исполнявших свой долг перед страной. Формально служить полагалось два года, но на практике этот срок редко превышал восемнадцать месяцев. Эта армия (опять-таки кроме Африканской) состояла из восьми пехотных дивизий, одной кавалерийской, двух горно-стрелковых и двух артиллерийских бригад. Она была размещена по всей Испании в гарнизонах, которые обычно стояли в столицах провинций. Подлинная численность армии была, без сомнения, меньше, ибо многие части оказались небоеспособны. Часть старших офицеров сражались в марокканских войнах⁸ и с ностальгией вспоминали атмосферу боевого товарищества. Там, хотя многие из них погибли, была возможность быстрого продвижения по службе и свобода от жестких требований военного устава. Политическая некомпетентность Мадрида заставляла их вести войну со связанными руками и ногами, не имея в достаточном количестве оружия и боеприпасов. После того как Примо де Ривера с помощью Франции наконец разбил рифов, офицеры, которые сделали себе имя в этих тяжелых кампаниях, продолжали восторженно вспоминать две силы, которые и помогли им одержать победу. Это был Иностранный легион, состоящий, несмотря на свое название, в основном из испанцев с примесью португальцев, немцев и французов; создан он был в 1920 году как ударная сила. А также мавританские туземные части, полусолдаты-полуполицейские, в чьи задачи

входило удержание завоеванных территорий. Иностранный легион пользовался репутацией части, склонной к неконтролируемому насилию. Любимым девизом там было выражение: «Долой умников! Да здравствует смерть!» Обои частями командовали испанские офицеры, и в 1936 году их численный состав насчитывал 34 000 человек.

Многие из них по традиции видели национальную идею в великой вечной кастильской Испании, где они должны, не занимаясь политикой, блюсти порядок, отторгая все неиспанское (под которым они понимали сепаратизм, социализм, масонство, коммунизм и анархизм). Военные были убеждены, что присяга, которую они давали как офицеры («хранить независимость страны и защищать ее от всех врагов, внешних и внутренних»⁹), выше клятвы на верность республике. Средний испанский офицер был не очень доволен жизнью, часто испытывал раздражение и придерживался правых взглядов. В этом плане он не отличался от всех прочих офицеров в других странах в мирное время. В Испании, как и повсюду, молодой офицер, пока еще получавший финансовую помощь от семьи, в целом был счастлив, особенно в то время, когда его стройная фигура, облаченная в блестящий мундир, кружила головы девушкам на выданье из соседских семей. Затем следовал краткий период обручения, производство в капитаны, брак. Росли расходы, поскольку реноме требовалось поддерживать, а жалованье оставалось низким. Военное рвение молодости испарялось. Светский лев бальных залов превращался в обыкновенного помятого жизнью служаку государства. Его жена мучилась и старела из-за постоянного безденежья и завистливо указывала мужу на некогда презираемых им штатских современников. Такой образ жизни характерен для массы офицеров во всех странах. В Испании хоть был какой-то выход. Офицер мог принять участие в перевороте, который в случае успеха вознес бы его куда выше друзей из числа либералов и коммерсантов.

В силу всех этих причин заговор, во главе которого стоял монархист генерал Оргас, имел серьезные шансы на успех. Секретная организация, целью которой было создание «революционной ситуации в армии», УМЕ (Военный союз Испании), решительно взялась за дело. Летом 1932 года Каталонский статут вызвал бурю эмоций среди офицеров. Дело было не только в том, что фактическое создание Каталонского государства угрожало целостности Испании, которую офицеры поклялись защищать. Каталонское самоуправление, похоже, открыто уязвляло армию, стараниями которой в Барселоне с 1917-го по 1923 год действовали законы военного времени.

Разве не к каталонским националистам генерал Примо де Ривера отнесся куда жестче, чем к многим другим своим критикам?

В то же самое время составлялись и иные планы, направленные против республики. То и дело спорадически проводились встречи, начало которым было положено на Калье-Алькала в мае 1931 года. Число их участников ширилось. В конце 1931 года король Альфонс, находящийся в изгнании, отказался от бывшего осуждения своих мятежных сторонников. За сим последовал судебный процесс над ним и приговор к пожизненному заключению *in absentia*¹⁰. Наконец был подписан пакт между его партией ортодоксальных монархистов «Обновление Испании» и сторонниками дальнего родственника короля дона Хайме, карлистского претендента на престол. Ортодоксальные монархисты испытывали предубеждение, обоснованное с точки зрения Конституции, к переговорам с карлистами, которые ныне взяли себе более respectable имя традиционалистов. Так или иначе, эти две группы формально согласились сотрудничать. Их альянс получил название TYRE («Традиционалисты обновленной Испании»). Тем не менее, когда вскоре после этого дон Хайме скончался, его наследник, пожилой дядя дон Альфонсо Карлос (во Второй карлистской войне он командовал дивизией), денонсировал это соглашение, и к тому же сами карлисты разделились. Неукротимые сторонники дона Альфонсо Карлоса попытались возродить память об их прежнем сильном «сообществе» — они не хотели считать себя обыкновенной политической партией. Можно было предполагать, что, как и в XIX столетии, самую весомую поддержку они получают в Наварре. Хотя в этой провинции и во многих деревнях пользовались баскским языком, политические события прошлого и сегодняшнее экономическое развитие побуждали Наварру следовать не столько за баскскими националистами, сколько за карлистами. Ибо наваррцы представляли собой сплоченную группу сельских хозяев, обитавших у подножия Пиренеев. Причина, по которой они в массе своей выступали против Баскского статута, была проста — в Наварре не было ни бизнесменов, ни буржуазии, которым хотелось бы вести западный образ жизни и свободно заниматься коммерцией. Наваррцы были ревностными католиками, и их священники не собирались модернизировать или гуманизировать христианские доктрины. Путешествие в Наварру в полной мере возвращало в Средневековье. Нет необходимости говорить, что антиклерикальные реформы республики вызвали в Наварре резкое неприятие и сами по себе пробудили к жизни старый

дух этих пиренейских долин — к середине 1932 года практически не было ни одного крупного города, где не существовало бы отделений карлистского движения. Обычно ими руководили аристократы, не гнушающиеся насилием.

Политические идеи карлистов были достаточно примитивны. Несколько лет назад группа политиков обсуждала идею возвращения монарха. При этом присутствовал граф Родесно, высокий циничный аристократ, возглавлявший в кортесах партию традиционалистов. Один из политиков повернулся к нему и спросил, кто мог бы быть премьер-министром в случае возвращения короля. «Вы или один из этих джентльменов, это же чисто секретарские дела». — «Но чем бы вы стали заниматься?» — «Я? — воскликнул граф. — Я бы пребывал при короле, и мы говорили бы об охоте». Политика, построенная на разговорах об охоте, — такова была сущность карлистских взглядов на развитие общества. Ортодоксальные монархисты — это, как правило, весьма богатые люди, крупные землевладельцы, финансисты. Среди карлистов же нередко можно было встретить полностью обедневших аристократов с безукоризненной генеалогией, которые тем не менее были не в состоянии расплачиваться с долгами.

Так что не было ничего странного в том, что глубокая, полумистическая религиозность карлистов заставляла их с откровенной враждебностью относиться к современному миру (особенно к либерализму и к Французской революции). Они были страстно преданы своему девизу: «За Бога, Отечество и короля». Но если анархисты верили, что создадут новый мир с помощью пистолета и энциклопедии, то карлисты испытывали такую же веру в пулемет и католический молитвенник.

Все эти заговоры постиг преждевременный конец в ходе неудавшейся попытки «пронунсиаменто» генерала Санхурхо в августе 1932 года. Генерал относился к числу самых известных вояк в Испании. Ветеран испано-американской войны, он командовал войсками до самого конца марокканской кампании. Именно он, «Рифский Лев», в 1927 году вернул Испании победу. Ранее Санхурхо принимал участие в «пронунсиаменто» Примо де Риверы в 1923 году. Он был смелым и крепко пьющим, пользовался репутацией ловеласа, и его выразительная физиономия представляла собой странное сочетание вялости и силы. В 1931 году он командовал гражданской гвардией и сообщил королю, что тот не может рассчитывать на его корпус в деле спасения монархии. В 1932 году, получив пост командующего карабинерами (пограничной стражей), генерал легко позволил себя убедить друзьям из чис-

ла монархистов и соратников по армии, что его обязанность — поднять мятеж против республики. «Вы единственный, мой генерал, можете спасти Испанию», — говорили они ему¹¹. Сам же Санхурхо, похоже, сомневался в исходе дела и не уделял большого внимания организации заговора. Тем не менее его откровенно потрясла трагедия в Кастельбланко. Он лично посетил деревню и слышал рассказы свидетелей, как деревенские женщины водили свои жуткие хороводы вокруг трупов солдат гражданской гвардии. В заговоре активно участвовали несколько лидеров карлистов и фанатичный молодой юрист из Андалузии Фаль Конде. Становой его хребет составляли офицеры-аристократы, включая многих из тех, кто с мая 1931 года участвовал в конспиративных встречах¹². Но цели мятежа просматривались весьма слабо. Это был не столько призыв к восстановлению монархии, сколько попытка просто свергнуть «антиклерикальную диктатуру Асанья». Тем не менее в своем манифесте Санхурхо использовал точно те же слова, которые два года назад взяли на вооружение приверженцы республики: «Из самых глубин народа идет страстное требование справедливости, и мы решили удовлетворить его... Когда существуют Закон и Справедливость, революция всегда будет преступлением или сумасшествием. Но когда господствует Тирания, революция неизбежна».

До начала мятежа молодой летчик, майор, монархист Ансальдо отправился в Италию, чтобы попытаться получить поддержку со стороны итальянского фашистского режима. Он встретился с маршалом Бадольо, который пообещал ему в случае победы оказать дипломатическое содействие. В самой Испании группа новоиспеченных фашистов, так называемая Националистическая партия Бургоса, возглавляемая доктором Альбиньяном, также оказала мятежникам поддержку.

Мятеж окончился полным фиаско. Некая проститутка оказалась предательницей. Асанья и правительство были полностью в курсе грядущих событий. К тому же о мятежниках вот уже несколько недель болтали во всех кафе¹³. Генерал Санхурхо краткое время торжествовал в Севилье, но в Мадриде все пошло наперекосяк. Большинство так и не состоявшихся бунтовщиков было взято в плен, хотя на Пласа-де-ла-Сибелес состоялось нечто вроде короткого боя. Асанья с сигаретой в зубах невозмутимо наблюдал за стычкой с балкона военного министерства. Санхурхо поддался уговорам своих советников и направился в Португалию. Задержанный на границе, он был доставлен обратно и пошел под суд вместе с 150 другими мятежниками. Сначала генерал был приговорен к смертной казни, но потом приговор ему заменили на по-

жизненное заключение. Он был отправлен отбывать наказание в тюрьме в Сантонье. 144 других заговорщика рангом поменьше, большей частью офицеры, среди которых были два принца дома Бурбонов, были высланы в гнилую африканскую колонию Вилья-Сиснерос¹⁴. Первое восстание против республики кончилось полным поражением мятежников.

Примечания

¹ Может, только с небольшой национальной группой в Венгрии — не исключено, когда-то они были басками, в далекие времена эмигрировавшими со своей родины.

² Наварра населена преимущественно басками, и баский язык тут по-прежнему в ходу. Но в силу определенных причин, о которых еще пойдет речь, их политическая история пошла другим путем.

³ Кроме тех, кто жил в Наварре. Это маленькое королевство до XVI столетия управлялось полунезависимым монархом.

⁴ Из 489 887 человек, имеющих право голоса, за статут проголосовали 411 756, против — 14 196 и 63 935 воздержались.

⁵ Рабочий класс Бильбао не был так уж привержен католицизму и не обладал таким свободомыслием, как буржуазия. Их позднейшая приверженность идее централизации, которую высказывал CNT, стала причиной напряженности в классовых отношениях.

⁶ Тем не менее баски были далеко не столь близки к правым, как в 1932 году. Заговорщик генерал Оргас и экс-король Альфонс пообещали в обмен на помощь компромисс в вопросе о самоуправлении.

⁷ Данные XIX столетия еще абсурднее. В 1898 году на каждые сто человек приходилось по генералу.

⁸ Испанское Марокко состояло, во-первых, из четырех так называемых *presidios* в Сеуте, Мелилье, Альхусемасе и Пеньон-де-Велес-де-ла-Гомера, которые долгое время считались составной частью Испании, а во-вторых, из испанского протектората в северо-западном Марокко.

⁹ Статья 2 Закона об армии.

¹⁰ *In absentia* (лат.) — в отсутствие подсудимого. (Примеч. пер.)

¹¹ У Санхурхо были давние связи в среде карлистов, поскольку его отец был бригадиром в армии дона Карлоса, а брат матери — его секретарем. Санхурхо родился в Памплоне в 1876 году, в самый разгар карлистских войн.

¹² Подавляющее число заговорщиков составляли или молодые офицеры, которые едва успели дать присягу на верность королю перед его отречением, или старые генералы, много лет служившие монархии.

¹³ Во время процесса над заговорщиками судья спросил одного из них, Хосе Феликса де Легуэрика (будущего министра иностранных дел при генерале Франко), откуда он узнал дату начала мятежа. «От моего консьержа, — последовал ответ. — Несколько недель он сообщал, что дата откладывается. И наконец вчера торжественно объявил: «Сегодня вечером, дон Хосе Феликс!»

¹⁴ Четверо из этих заключенных — герцог Севильский, Мартин Алонсо, Серрадор и Телья — впоследствии стали командирами сил националистов в Гражданской войне.

Глава 8

Касас-Вьехас. — Падение правительства Асаньи. — Выборы в ноябре 1933 года. — Хиль Роблес и CEDA. — Хосе Антонио Примо де Ривера и рождение фаланги. — Начало испанского коммунизма.

Конец 1932 года Мануэль Асанья и его правительство миновали без особых усилий. Почти все время правые газеты «АВС», «Дебаты» и «Информация» были под запретом и не выходили. Анархисты вели себя сравнительно спокойно. Чистка гражданских служб началась с увольнения лиц, «несовместимых с режимом». Осенняя сессия кортесов была занята прохождением Закона о конгрегациях, который развивал и уточнял статьи Конституции, имеющие отношение к религии. Иезуиты уже в феврале оставили Испанию. Были подготовлены законы, определяющие сроки окончания религиозного обучения и начала других ограничений в деятельности религиозных орденов: духовные начальные школы закрывались к 31 декабря 1933 года, а средние школы и университеты на три месяца раньше. Это означало, что в стране, где и без того было мало школ, предстояло дать образование еще более чем трети миллиона учеников. Тем не менее Марселино Доминго, министр образования, приложил поистине геркулесовы усилия, чтобы претворить в жизнь эту часть идеалов республики. За год после инаугурации было построено 7000 школ и еще 2500 за год от апреля 1932-го до апреля 1933 года. Зарплаты учителям начальных школ были повышены, хотя и продолжали составлять скромную сумму в 3000 песет (примерно 70 долларов) в месяц. В отдаленные провинции были отправлены передвижные школы. Если три года назад в средних школах обучалось 20 000 учеников, то к концу 1932 года получали образование 70 000.

Страна следила за процессом Хуана Марча, миллионера с Мальорки, который получил еще от Примо де Риверы монопольное право доставки в Испанию табачных изделий. Марч был обвинен в мошенничестве, но, подкупив охрану, совершил сенсационный побег из тюрьмы в Гвадалахаре и впоследствии использовал свое немалое состояние в 20 миллионов фунтов стерлингов, чтобы обвалить валюту республики, которая тем не менее все эти годы стояла на одном и том же уровне: 55—56 песет за фунт.

И все же мир в стране был еще раз нарушен в январе 1933 года — на этот раз едва ли не смертельным ударом со стороны левых. 11 января 1933 года анархисты подняли мятеж в деревне Касас-Вьехас в провинции Кадис. По крайней мере

большая их часть, взбудораживших пуэбло, были чужаками в деревне. Хотя мэр сдался, гражданская гвардия не последовала его примеру и по телефону запросила помощи из соседней Медины-Сидонии. Вскоре прибыло подкрепление в составе взвода штурмовой гвардии. Ее корпус сформировался после майского мятежа 1931 года из специальных полицейских сил для защиты республики и состоял из офицеров и рядовых, особо верных новому режиму. «Асальто», как впоследствии стали называть эти части, выкинули из деревни анархистов, которые укрепились на соседнем холме. А тем временем патрули гражданской и штурмовой гвардии стали проресывать дом за домом в поисках оружия. Пожилой ветеран анархистского движения Сейседос отказался впускать их. Началась осада его дома. Сейседос вместе со своей дочерью Либертарией, набивавшей пулеметные ленты, и с пятью другими соратниками решительно сопротивлялся. Разъяренные «Асальто» уже потеряли несколько человек. Из министерства внутренних дел пришла телеграмма, разрешающая применять самые жесткие меры. Были расстреляны около десятка ранее арестованных пленников. Вызванный самолет разбомбил осажденных анархистов. Сейседос, Либертария и остальные защитники дома погибли в огне. На следующее утро анархисты, оборонявшиеся за пределами деревни, сдались. Часть из них была тут же без церемоний расстреляна на месте. Менендес, генеральный директор службы безопасности, подтвердил право «Асальто» на расстрел при попытке к бегству¹.

Асанья и Касарес Кирога, в то время министр внутренних дел, так полностью и не оправались от последствий этого инцидента. Не без доли лицемерия правые тут же обвинили их в «убийствах людей». Мартинес Баррио заявил, что правительство установило режим «крови, грязи и слез». Ортега-и-Гассет открыто оповестил, что республика разочаровала его. Большинство, поддерживавшее Асанью в кортесах, резко сократилось в своей численности.

В апреле 1933 года состоялись муниципальные выборы в тех местах, куда в 1931 году вернулись монархисты. Они не имели своего представительства в кортесах. Правительственные партии вернули 5000 советников, правые — 4900, а центристская оппозиция, возглавляемая теперь Лерру и его радикалами, — 4200. Не подлежало сомнению, что популярность министров катастрофически упала.

И как следствие, летом 1933 года Асанья подал в отставку. К тому времени прошли все законы в поддержку Конституции. Ясно было, что в ближайшее время на грядущих ноябрьских выборах народ выскажется о работе правительства. Мар-

тинес Баррио сформировал временное правительство. Асанья и его соратники в свою защиту привели большое количество принятых законов в дополнение к основополагающему — об образовании. К законам о церковных орденах, сельском хозяйстве, об армии и самоуправлении Каталонии был предложен новый и весьма прогрессивный закон о разводах, по которому законодательно признавался гражданский брак. Приняли также законы о сверхурочном труде, коллективной аренде, арбитражных судах, о минимуме заработной платы, о рабочих контрактах, правах женщин и о наборе на гражданскую службу. Был одобрен и новый исправительный кодекс. Создавалось впечатление, что за два года обсудили чуть ли не все реформы сэра Роберта Пиля, Гладстона и Асквита.

Однако выборы не могли принести Асанье ничего хорошего. Неожиданным был уровень испытанного им поражения. Даже его партия получила всего восемь мест. А всего партиям, которые поддерживали последнее правительство, досталось лишь 99 мест, из которых 58 пришлось на долю социалистов. Центр во главе с радикалами Лерру получил 167 мест (радикалы вернули 104 места, а «Лига», партия каталонских бизнесменов, — 25). Правые завоевали 204 места. Из них 43 были членами альянса монархистов и традиционалистов. Получили мандаты 86 аграриев, партия которых создана главным образом в интересах кастильских производителей пшеницы и оливок. Но самая большая группа правых, появившаяся в совершенно обновленных кортесах, представляла собой новую католическую партию — CEDA, созданную как политическое продолжение крупного общественного католического движения, взявшего старт в начале 20-х годов. Тем не менее сердцевину CEDA составляло движение, возникшее после падения монархии и выражающее интересы католиков в политике республики. Основной движущей силой за спиной CEDA был Анхель Эррера, издатель «Дебатов», чьей целью (которая, без сомнения, совпадала с целями папы Пия XI и его государственного секретаря Эудженио Пачелли) было подспудное намерение создать в Испании христианско-демократическую партию по модели, которая после 1945 года успешно выдержала испытание в Германии, Италии и Франции. Тем не менее в Испании 30-х годов XX века добиться этого было трудно. Антиклерикальный характер Конституции означал, что CEDA при своем создании не могла принести присягу на верность режиму. Даже более мелкие антицерковные меры (такие, как передача кладбищ в ведение светских властей и отмена церковных обрядов в армии), скорее всего, вызывали такую же ярость, как и куда более суровые законы. Поэтому CEDA должна была искать себе союзников. Ее лидеры не хотели отталки-

вать богачей из правых партий, на средства которых они могли рассчитывать. Они искренне хотели отмежеваться от буржуазии, которая могла бы подтолкнуть их к монархистам, и тех сил, которые решительно противостояли новой республике. Наконец Хиль Роблес, молодой барристер из состава редакции «Дебатов», который стал лидером CEDA, воплотил в жизнь мысль, которая пришла ему в голову. Он отправился в Германию и встретился с Гитлером. Скорее всего, Роблес обдумывал идею о создании в Испании корпоративного государства по образцу Австрии Дольфуса. Он позволил своим сторонникам приветствовать его на выборах возгласами «Хефе!» («Вождь!»), теми же самыми, что «Дуче» или «Фюрер». Его подчеркнутое умалчивание о своих намерениях — без сомнения, он хотел сплотить воедино всех своих последователей — вызвало со стороны левых подозрения в фашистских взглядах Роблеса. Кстати, это был год, когда Гитлер пришел к власти.

Есть несколько серьезных причин, почему после выборов 1933 года CEDA во главе с Хилем Роблесом стала самой влиятельной партией в Испании. Во-первых, республика в первый раз наделила женщин правом голоса, и не подлежало сомнению, что большинство из них будут голосовать по подсказке своих исповедников. Да и церковь в целом не скрывала, что поддерживает CEDA. Во-вторых, после двух лет правления республики наметился ожидаемый поворот в сторону правых. В-третьих, пока правые и центристские партии составляли различные предвыборные союзы, в среде левых царил разброд. Ибо даже крупная Испанская социалистическая партия, при всем весе ее престижа, с ее дисциплинированными профсоюзами склонялась к левым.

Изменения в социалистической партии следует отнести первым делом на счет давних страхов Ларго Кабальеро потерять поддержку анархистов. Хотя за годы, когда ее лидеры сотрудничали с правительством, CNT численно выросла, CNT не осталась в долгу. Эффективные и согласованные акты насилия, которые в последние месяцы совершали анархисты, заставили Ларго Кабальеро принять решение — он должен повести испанский рабочий класс к социализму. Кабальеро считал, что это можно сделать, только публично порвав с республиканскими партиями среднего класса, с которыми социалисты сотрудничали в правительстве, и установив контакт с самой решительной из пролетарских партий. И более того — Ларго позволил своим новым советникам Луису Аракистайну и Хулио Альваресу дель Вайо убедить себя, что сотрудничество с Асаньей и буржуазией никогда не принесет успеха². На выборах 1933 года за социалистов было отдано 1 722 000 голо-

сов. Но в силу их изолированности они получили только 58 мест, в то время как радикалы с их 700 000 голосами — 104 места.

Среди многих депутатов кортесов, избранных в 1934 году от мелких партий, были два человека, в единственном числе представлявших свои партии: молодой юрист Хосе Антонио Примо де Ривера, сын прежнего диктатора, который открыто называл себя фашистом, и сеньор Боливар, представлявший себя коммунистическим депутатом от Малаги.

Начало испанского фашизма было положено во время правления диктатора Примо де Риверы, и сделал это Хименес Кабальеро. Начав политическую карьеру, как многие фашисты, в рядах социалистов, это восторженный выходец из среднего класса, полупоэт, полужурналист, под влиянием Курцио Малапарте, с которым познакомился в Италии еще в 1928 году, стал приверженцем Муссолини. Вернувшись в Испанию, он начал пропагандировать любопытную теорию вооруженной «латинскости». Она противостояла любому развитию событий, которое могло привести к расколу стран Средиземного моря. В то время Хименес Кабальеро с особой ненавистью относился к Германии, а спустя какое-то время стал считать Россию союзницей Средиземноморья. Рим был для него центром мира, как столица религии и, соответственно, фашизма. Тем не менее эти взгляды были пересмотрены, когда в 1933 году Гитлер пришел к власти в Германии.

Нацисты всегда имели в Испании горячих поклонников. В марте 1931 года бывший студент Мадридского университета Рамиро Ледесма Рамос основал экстремистский журнал «Завоевание государства». В нем он пропагандировал политику, сходную с немецким нацизмом в период его зарождения. Ледесма довел свое восхищение фюрером до такой степени, что даже обзавелся такой же челкой. Он отличался чисто пуританской нетерпимостью. В своем журнале заявлял, что не ищет голоса избирателей, а поддерживает «политику боевых чувств, ответственности и борьбы». Центром движения должны быть «военизированные отряды, которые без лицемерия возьмут в руки винтовки». К нему примкнул некто Онесимо Редондо. Как Хименес Кабальеро и Ледесма, он был выходцем из среднего класса, изучал право в Саламанке и работал чиновником в казначействе. Онесимо преподавал испанский в университете Маннхейма, где восхищался «несгибаемыми рядами нацистов». Вернувшись в 1930 году в свой родной Вальядолид, он вместе с Ледесмой взял на себя ответственность за создание движения, претенциозно названного «Хунт национал-синдикалистского наступления» (известного как JONS). В 1931 го-

ду в Вальядолиде была составлена программа движения из «шестнадцати пунктов». Они включали отрицание сепаратизма и классовой борьбы, поддержку испанской экспансии в Гибралтаре, в Танжере, Французском Марокко и Алжире, а также «пристрастное исследование иностранного влияния в Испании». Как и соответствующие немецкие документы, программа включала наказания для тех, «кто спекулирует на нищете и невежестве народа», и требовала контроля («упорядочения») доходов. Не в пример Гитлеру, Ледесма и Онесимо Редондо отводили место католической религии, которая, как они считали, воплощает «расовые традиции испанцев». Католицизм означал для них то же, что арийская кровь для Гитлера. Например, они считали CEDA сознательным союзником «реакции» и в этом противостояли Хименесу Кабальеро. В 1933 году Онесимо Редондо успешно организовал в Вальядолиде профсоюз из 3000 рабочих. И это было свидетельством того, что в Испании массы, полные пролетарского воодушевления, увлечены фашизмом, кроме некоторого количества анархистов, которые скорее по личным, чем интеллектуальным мотивам продолжали ссориться с CNT. Часть из них с самого начала были обыкновенными бандитами. С этим небольшим образованием JONS стал проводить совместные воскресные тренировки, а его представители в университете начали открытую войну с FUE (Союзом испанских университетов), студенческим союзом левой ориентации. Тем временем стали появляться на свет другие фашистские и национал-социалистические группы; многие газеты и книги, периодические издания и памфлеты, вскормленные соответствующими политическими подпитками, предлагали фашистское «решение» проблем Испании. Шумная группа юнцов собиралась вокруг Хосе Антонио Примо де Риверы, который постепенно становился лидером молодых фашистов Испании. На пост этот никто больше не претендовал³.

Хосе Антонио был высоким симпатичным юристом, которому минуло тридцать с небольшим. Ему нравилось, когда люди испытывали к нему симпатию, и он умел вызывать ее. Даже его «марксистские» враги признавали обаяние Хосе Антонио. Его речи и статьи создавали о нем представление как о способном студенте, который прочел, но не усвоил утомительный курс политической теории. Карьеру свою он начал как монархист и продолжал оставаться католиком. В своей газете «Эль Фасцио» (вышел только один номер) он писал: «Страна представляет собой историческое единство... для нас и наших объединений она выше всего. Государство основано на двух принципах — служение всему народу и классовое со-

трудничество». Год спустя Хосе Антонио провозгласил: «Фашизм взбурлил Европу. С его помощью можно понять все — историю, государство, пролетаризацию общественной жизни; это новый способ понять феномен нашей эпохи. Фашизм уже торжествует в некоторых странах, а в таких, как Германия, пришел к власти неоспоримым демократическим путем». Хосе Антонио всегда был готов сражаться с любым, кто осмеливался критиковать его отца, да и вся его карьера откровенно напоминала попытку повторить путь старого диктатора. Строго говоря, этот молодой человек искренне старался найти национальный путь в попытках обуздать раздробленность либерализма. Его любимым стихотворением было киллингское «Если». Перед воскресными шествиями или возможными уличными стычками он любил читать своим сторонникам строфы из него. В 1933 году Хосе Антонио основал свою собственную партию — «Испанская фаланга». Название он позаимствовал у боевого построения македонцев, которые в IV веке до н. э. положили конец греческой демократии. После убийства одного из фалангистов членом FUE Хосе Антонио и Ледесма Рамос обсудили вопрос о слиянии фаланги и JONS. Новая объединенная партия поставила перед собой примерно такие же цели, как и «Шестнадцать пунктов» 1931 года. Она приняла символ JONS (ярмо и стрелы) и его черно-красный флаг (такой же, как у анархистов). Главой партии стал Хосе Антонио⁴.

В 1933 году Испанская коммунистическая партия насчитывала едва ли не больше трех тысяч членов⁵. Ее лидеры ничего собой не представляли. Эта партия была основана в 1921 году теми отколовшимися социалистами, которые были готовы влиться в Коминтерн; им помогали некоторые анархисты-диссиденты. В 20-х годах XX века коммунисты были настолько незаметны, что Примо де Ривера даже не взял на себя труд формально запретить эту партию. С появлением республики из-за границы вернулась часть коммунистов-эмигрантов. Но к тому времени их лидеры, в основном каталонцы, поссорились со Сталиным и присоединились к Троцкому, поддерживая его в противостоянии, возникшем в России после смерти Ленина. Далее эти еретики быстро порвали связи с официальной Испанской коммунистической партией и образовали несколько своих небольших групп из среды рабочего класса. Ведущей среди них стал Революционный союз рабочих и крестьян⁶. Их трудно было назвать твердокаменными троцкистами, поскольку они не во всем придерживались его взглядов (так, они не входили в Четвертый Интернационал), но тем не менее они противостояли Сталину с позиций марксизма и разделяли основные воззрения

Троцкого: за границей — перманентная революция, а дома — коллективизация рабочего класса. Ссоры между этими двумя группами были бурными и долгими. Имея отношение к политике советского правительства и Коминтерна, обе эти партии держались в стороне от всех прочих в Испании, особенно от социалистов, которых на партийном жаргоне тех лет называли социал-фашистами. Из-за этого бойкота марксистские группы порой вступали в тактические (но не идеологические) союзы с анархистами.

В то время скудные коммунистические силы базировались преимущественно в Севилье, Малаге, Барселоне и Мадриде. Основную часть членов партии составляли малоквалифицированные рабочие, такие, как, например, официанты. Но они доставляли правительству куда больше хлопот, чем можно было бы предполагать судя по их численности. Объяснялось это частично качеством коммунистической пропаганды, а частично — известными отношениями партии с Советским Союзом. И в какой-то мере тем, что большинство испанской буржуазии толком не разбиралось в отличиях одной пролетарской партии от другой. Кроме того, и анархисты постоянно заявляли, что их цель — установление «либертарианского коммунизма».

Как и в других коммунистических партиях, при испанских коммунистах был «инструктор», присланный из Коминтерна. В Испании эту роль играл Витторио Кодовилья, по происхождению аргентинец или итальянец (известный в Испании как «товарищ Медина»). Большую часть жизни он организовывал коммунистические партии в Южной Америке и в конце 1933 года прибыл в Испанию. Кодовилья отличался ненасытным аппетитом. Жак Дорио, который в начале 20-х годов XX века был самой яркой надеждой Французской коммунистической партии, заметил по этому поводу: «Людовик XIII любил видеть рядом с собой людей, которые умели насыщаться. Кодовилья будет отлично смотреться рядом со Сталиным»⁷. Впоследствии в помощь Кодовилье прибыл болгарин Степанов. В те времена в Испании то и дело появлялись агенты Коминтерна, и нет никаких сомнений, что некоторых социалистов, таких, как Альварес дель Вайо, коммунисты считали «попутчиками». Трудно сказать, какое воздействие они оказывали на ход событий. И они сами и их враги переоценивали их значимость.

Испанские коммунисты всегда отличались неуправляемостью. В течение 1934-го, 1935-го и особенно 1936 годов Советский Союз отчаянно старался заключить союз с Англией и Францией, направленный против Гитлера⁸. С начала 1934 года политика Коминтерна заключалась в создании Народного фронта или альянса всех левых партий, включая рабочий класс

и буржуазию, для противостояния фашизму, то есть всем правым партиям, чья деятельность помогала Гитлеру и (в меньшей степени) Муссолини. Тем не менее с начала того же 1934 года всем коммунистическим партиям было предложено использовать «буржуазную парламентскую демократию», пока она не будет заменена «пролетарской демократией». Именно в это время Испанская социалистическая партия Ларго Кабальеро решила возглавить неукротимых левых. В свою очередь, испанские коммунисты получили указание распространить свое влияние в среде податливых социалистов, чтобы укрепиться на левом фланге политики, получившей одобрение Коминтерна и советского правительства.

Не только испанские коммунисты, но и Испанская социалистическая партия в 1934 году искренне восхищались Советским Союзом и его достижениями после 1917 года. Кроме того, в это время тысячи даже весьма искушенных жителей западного мира были готовы поверить американцу Линкольну Стефенсу, который в 1929 году, вернувшись из Москвы, в аэропорту Нью-Йорка сказал встречавшим его: «Я видел будущее! И оно работает!»⁹ Тогда в самом деле казалось, что Советский Союз еще не предал свои первоначальные идеалы. Были неизвестны подробности коллективизации на селе, да и причины преследования Троцкого для многих оставались непонятными. Еще не начинались сталинские чистки старых большевиков¹⁰. Испанская коммунистическая партия утверждала, что на ней лежит заслуга в создании широкого Народного фронта на всеобщих выборах в феврале 1936 года. Потребовалось не так уж много усилий, чтобы и социалисты приняли на вооружение салют в виде вскинутого сжатого кулака (позаимствованный у немецких коммунистов), красное знамя, революционную фразеологию и призыв к единству перед лицом международного фашизма. Коммунистические партии распространяли его по всему миру.

Примечания

¹ Лучшим источником событий в Касас-Вьехас считается отчет комиссии кортесов, хотя его стоит сравнить с работой Хобсбаума, который внимательно изучил кадисские газеты того периода.

² Мадариага считал, что эти два шурина и толкнули солидного уравновешенного Ларго Кабальеро к революции. Скорее всего, именно их приход на место Фабра Риваса в качестве главных советчиков и помог смещению его партии влево.

³ На самом деле в 1932 году Хименес Кабальеро предложил Прито взять на себя верховное командование фалангой.

⁴ Полное слияние фаланги и JONS произошло лишь 13 февраля 1934 года.

⁵ Михаил Кольцов в «Испанском дневнике» сообщает, что в 1931 году в ней было всего 800 членов. Сами коммунисты утверждали, что в феврале 1936 года партия насчитывала 35 000 человек, но, скорее всего, это преувеличение. Генерал Кривицкий приводит цифру 3000 человек в начале 1936 года, но не исключено, что в своих подсчетах он просто потерял один ноль.

⁶ Он стал ведущей группой в партии, которая позднее обрела известность как POUM (Рабочая партия марксистского единства).

⁷ В 30-х годах XX века «латинской» секцией Коминтерна руководил лидер Итальянской коммунистической партии Пальмиро Тольятти, сбежавший из Италии от Муссолини в 1924 году; среди его многочисленных псевдонимов самым известным был Эрколе Эрколи. До появления Кодовильи основным представителем Тольятти в Испании был немец Хейнц Нойман, ветеран немецкой и китайской революций.

⁸ Автор считает, что лучшая характеристика советской политики во времена Народного фронта дана Леонардом Шапиро в его работе «Коммунистическая партия Советского Союза». В силу определенных причин свидетельства генерала Кривицкого «Я был агентом Сталина» заслуживают меньшего внимания.

⁹ В своей книге «Свидетель» Уиттекер Чамберс описывает эти годы как «неудержимый дрейф» к коммунизму американских интеллектуалов из средних классов. Может, куда больше для распространения идей коммунизма в Испании сделали не секретные агенты, а рассказы испанских рабочих, которые после революции в Астурии отправились работать на строительство московского метро. Они восприняли его как настоящее инженерное чудо и вернулись в Испанию, полные неподдельного энтузиазма перед тем, что им довелось увидеть.

¹⁰ Киров был убит в декабре 1934 года. Каменев, Зиновьев и другие были осуждены за государственную измену в январе 1935 года. Они были приговорены к тюремному заключению. Вскоре они снова предстали перед судом, который вынес куда более жестокий приговор.

Глава 9

*Лерру у власти. — Всеобщая забастовка в Сарагосе. —
Монархисты в Риме. — Правительство Сампера. — Ley de
Cultivos. — Баскские мэры. — CEDA входит в правительство. —
Октябрьская революция в Мадриде, Барселоне и Астурии. —
Личность Франко.*

История Испании двух с половиной лет после всеобщих выборов ноября 1933 года характеризуется неуклонным сползанием к хаосу, насилию, убийствам и, наконец, к войне. Время от времени в течение этих тревожных лет некоторые личности тщетно пытались остановить жуткий и, как позднее выяснилось, неизбежный процесс. Им не хватало энергии, удачливости и уверенности, необходимых для успеха. Мало кто заслуживает извинения за те роли, которые им приходилось играть. Ибо ни у кого, ни у одной группы не было той

силы и великодушия, которые могли бы предотвратить катастрофу. Но если никто не заслуживает прощения, то в той же мере никого не следует осуждать. При тех условиях, которые существовали в Испании зимой 1933/34 года, всем и каждому приходилось подчиняться неумолимой логике, которая обреченно заставляла их играть свои роли. Крупная личность, умеющая идти на компромиссы, склонная к сочувствию и пониманию, могла бы смягчить остроту споров, которые сотрясали страну. Но подобный человек так и не появился.

Первое после выборов правительство представляло собой центристскую коалицию, состоящую главным образом из радикалов. Премьер-министром стал Лерру. CEDA и Хиль Роблес поддержали его в кортесах, но сами в администрацию не вошли. Католическая партия держалась в стороне, выжидая критического момента, когда слово будет предоставлено Хилю Роблесу и он придет к власти. Но тем временем трансформация Лерру, который заключил союз с католической партией, показалась предательской его главному помощнику Мартинесу Баррио, и тот перешел в оппозицию, возглавив собственную группу радикалов, принявшую название Республиканская объединенная партия.

Первые трудности нового правительства были связаны с неожиданными вспышками особо воинственных стачек. Всеми ими руководили анархисты, которые нападали на отдельные посты гражданской гвардии и пустили под откос экспресс Барселона—Севилья, убив девятнадцать человек. В Мадриде прошла забастовка телефонистов. Всеобщая забастовка в Валенсии длилась несколько недель, а в Сарагосе 57 дней. CNT никогда не выплачивала забастовочное пособие, но стойкость и несгибаемость рабочих удивили и встревожили страну. Забастовщики решили отправить поездом из Барселоны своих жен и детей, но гражданская гвардия обстреляла и остановила его на полпути. Добиться умиротворения страны было нелегко.

К новому, 1934 году правительство предприняло ряд мер, чтобы остановить реформы своих предшественников. Закрытие религиозных школ было отложено на неопределенный срок. Скоро выяснилось, что иезуиты снова приступили к преподаванию¹. Священники стали получать две трети от своего жалования 1931 года. И хотя аграрный закон продолжал существовать, его претворение в жизнь спустили на тормозах. Всем политическим заключенным была дарована амнистия, включая генерала Санхурхо и его соратников по мятежу 1932 года. Но этот акт милосердия всего лишь побудил старых заговорщиков, в первую очередь карлистов, строить новые планы. С начала

1933 года в деревнях Наварры (так же как в городах на юге и в центре Испании, где молодые анархисты, фалангисты, социалисты и коммунисты учились владеть оружием) снова раздались звуки очередей. На рыночных площадях еженедельно стали появляться карлистские «красные береты» (*boinas rojas*). За организацию подготовки этих новых *requetés* (так этих новобранцев называли во времена карлистских войн по названию воинственного марша ударных батальонов) взялся лихой амбициозный полковник Энрике Варела, получивший за мужество в Марокко две высшие награды Испании. Варела, которого лидеры карлистов Фаль Конде и граф Родесно встретили в тюрьме Гвадалахары после мятежа 1932 года, путешествовал по пиренейским деревням в обличье священника под именем Дядюшка Пепе, будучи на самом деле провозвестником войны. Когда его произвели в генералы, место Варелы занял полковник Рада².

31 марта 1934 года Антонио Гойкоэчеа, пожилой денди, лидер монархистов в кортесах, вместе с двумя карлистами Рафаэлем Ольсабалем и Антонио Лисарсой, а также генералом Баррерой нанес визит Муссолини. Испанцы посетовали на несогласованность действий. Муссолини тем не менее отбросил их опасения, сказав, что для успеха заговора необходимо, чтобы движение обладало тенденциями «монархизма, корпоративности и представительности». И этого достаточно. Он пообещал испанским мятежникам полтора миллиона песет, 200 пулеметов и 20 000 гранат и с началом восстания был готов прислать еще. Деньги были выданы на следующий день³.

Через четыре дня после этой странной встречи в Риме Лерру ушел в отставку в знак протеста против медлительности действий президента Алькалы Саморы, который должен был поставить свою подпись под законом об амнистии. Его преемник Сампер тоже был радикалом. Он приложил все старания, чтобы ничего не менять в политике, опасаясь ухудшить ситуацию. Возникла совершенно статичная ситуация, которая не имела права на существование. В июне серьезно осложнилось положение в Каталонии. Каталонское правительство Женералитат приняло Закон об обработке земли, о процессе арбитражного разбирательства вопросов аренды виноградников. Их владельцы обратились с жалобой в высшую юридическую инстанцию республики, Трибунал конституционных гарантий, который незначительным большинством голосов отменил этот закон на том основании, что государство не должно заниматься такими мелочами. Но Луис Компаньс, который после смерти Масиа стал президентом Женералитата, своим указом ратифицировал закон. Этот шаг представлял собой прямой вызов правительству в Мадриде. Побудил Компаньса

к подобным действиям его советник по внутренним делам Денкас, который был склонен использовать каталонский национализм, придав ему полуфашистский характер. Асанья тут же нарушил молчание, которое хранил со времени своего падения, оценив каталонскую «Эскерру» (ее лидером стал Компаньс) как «единственную в Испании подлинно республиканскую партию».

Когда на передний план встал вопрос о сепаратистских устремлениях басков, это привело к серьезным конституционным спорам. Финансовые взаимоотношения Басконии с центральным правительством в Мадриде определялись соглашением 1876 года. Оно предоставляло баскам автономную фискальную систему, при которой почти все налоги шли провинции и лишь некоторая сумма выделялась государству. Муниципальные советы провинции решили, что ряд законов, представленных правительством Сампера, угрожают соглашению. Конечно, после выборов 1933 года не могло быть и речи, что Баскония получит такой же статус, как и Каталония. Посему баскские мэры решили провести новую серию муниципальных выборов в трех провинциях — Бискайе, Гипускоа и Алаве, после чего избранные представители должны будут публично поддержать мадридское соглашение. Правительство запретило выборы, но они все же состоялись. Мэров арестовали. По всем трем провинциям прокатилась волна демонстраций в поддержку самоуправления Басконии.

Пока шли разборки с внезапно обострившимися проблемами сепаратизма, страна неожиданно была шокирована слухами о выгрузке в Астурии семидесяти ящиков с оружием⁴. Государство встревожилось. На большом митинге CEDA в Астурии, в том памятном месте, откуда король Пелайо начал Реконкисту, чтобы отвоевать Испанию у мавров, Хиль Роблес заявил: «Мы не потерпим, чтобы и дальше продолжалось такое положение дел!» CNT и UGT, которые впервые после 1917 года пошли на сотрудничество, немедленно объявили в Астурии всеобщую забастовку, что весьма затруднило делегатам CEDA возвращение домой в Мадрид. Через неделю Хиль Роблес заявил, что, когда кортесы снова соберутся в октябре, он и его партия больше не будут поддерживать правительство Сампера. Тем самым он ясно дал понять, что хотел бы сам прийти к власти. Услышав это, UGT выпустило заявление, осуждающее Хиля Роблеса как «закоренелого иезуита». Если CEDA войдет в правительство, не заявив о своей поддержке республики, UGT не отвечает за их дальнейшие действия. То есть UGT сочло вхождение CEDA в правительство первым шагом к установлению в Испании фашистского ре-

жима. Хиль Роблес, мучимый страхом, что в этом случае потеряет много сторонников из правого крыла, неохотно оповестил о своей приверженности республике. Он вроде бы признавал так и не пересмотренные антиклерикальные статьи Конституции. Испанские социалисты из UGT стали свидетелями, как за последние 18 месяцев немецкие и австрийские социалисты потерпели сокрушительное поражение от Гитлера и Дольфуса. А в чем была разница между Дольфусом и Хилем Роблесом?

Близилось время новой сессии кортесов. 4 октября 1934 года Хиль Роблес отказал в поддержке неэффективному правительству Сампера, которое немедленно подало в отставку. Испания затаила дыхание. Ко всеобщему удивлению, президент Алькала Самора не предложил Роблесу сформировать новое правительство. Эта трудная задача снова была доверена Лерру. Но он включил в свой кабинет трех членов CEDA, хотя самого Роблеса среди них не оказалось.

Незамедлительно последовала бурная реакция. В Мадриде UGT объявил всеобщую забастовку, и некоторые вооруженные социалисты даже открыли огонь по министерству внутренних дел на Пуэрта-дель-Соль. Анархисты из CNT не поддержали забастовку. Союз рабочего класса⁵, который Ларго Кабальеро пытался организовать по всей стране из всех партий рабочего класса, обосновался только в Мадриде. В него входили лишь социалисты и немного коммунистов. Ларго Кабальеро пребывал в растерянности. Но к концу дня правительство овладело ситуацией. Все лидеры социалистов были арестованы.

В Барселоне вхождение CEDA в правительство побудило Компаньса объявить о создании «Каталонского государства» как составной части «Федеративной Испанской республики». И снова Компаньса побудил на это непродуманное решение его советник Денкас, который к тому времени уже создал новую милицию «Эскамотс» по образцу фашистской, хотя номинально она служила целям каталонских националистов. Тем не менее основная мысль, выраженная в публичном обращении Компаньса к Каталонии, заключалась в том, что налицо нападение фашистов из CEDA. «Монархические и фашистские силы, которые уже пытались предать республику, достигли своей цели, — объявил Компаньс. — В этот непростой час правительство, которое я возглавляю, от имени народа и парламента берет на себя все властные функции в Каталонии, провозглашает Каталонское государство в составе Федеративной Испанской республики и, укрепляя отношения со всеми, кто прямо выражает протест против фашизма, приглашает их участвовать в работе временного правительства Республики Каталонии». Эта любопытная речь

стала объявлением совершенно новых отношений между Каталонией и всей остальной Испанией, а также приглашением оппозиции объявить о своей поддержке правительства, которое в случае необходимости обоснуется в Барселоне. Для Лерру и его министров в Мадриде не было секретом, что в данный момент Асанья находится в Барселоне⁶.

Тем не менее каталонское восстание сошло на нет почти так же быстро, как и всеобщая забастовка в Мадриде. Прошло несколько вооруженных стычек между милицией Денкаса и специальными силами безопасности, созданными для защиты Женералитата, а также между гражданской гвардией и регулярной армией. Погибло около двадцати человек. Анархисты из FAI и CNT держались в стороне. Компаньс послал за генералом Батетом, командиром дивизии, расквартированной в Барселоне, и попросил его заявить о своей преданности новому федеральному режиму. Батет, который сам был каталонцем, помедлив, ответил: «Я за Испанию». И затем арестовал Компаньса и все правительство, за исключением Денкаса, который по канализационным трубам выбрался на свободу⁷. По всей Барселоне сопротивление было быстро подавлено, а Компаньс с достоинством обратился по радио к своим сторонникам с призывом сложить оружие.

«Октябрьская революция» в Мадриде и Барселоне не состоялась.

В остальной части Испании вспыхивали волнения и забастовки, но все они, за одним исключением, были быстро подавлены. Исключением стала Астурия, где революция 1934 года еще ждет своего исследования. Здесь восстанием — именно таковым эти события и были — руководили крепкие и политически высокосоциальные шахтеры, представители передового рабочего класса Испании. Их действия носили не столько экономический, сколько политический характер. И хотя повсюду в Испании, когда речь заходила о подготовке восстания, партии рабочего класса не могли найти общего языка, в Астурии по призыву Союза братьев-пролетариев⁸ установилось сотрудничество анархистов, социалистов, коммунистов и полутроцкистов из Союза рабочих и крестьян.

Восстание в Астурии было тщательно подготовлено по всей провинции; центры его располагались в ее столице Овьедо и в соседних шахтерских городах Мьерес и Сама. Повсюду сигналом к началу восстания стало вхождение CEDA в правительство. К тому времени шахтеры были очень хорошо организованы. Они имели запасы оружия, взрывчатку. В их распоряжении были объединенные рабочие комитеты, которые руководили восставшими. Их реакцией на явный захват власти «фашистами» в Мад-

риде должна была стать по возможности полномасштабная пролетарская революция. «Около половины восьмого утра, — сообщал Мануэль Гросси, — перед зданием муниципалитета Мьерес, уже занятого восставшими рабочими, собралась толпа примерно из двух тысяч человек. С одного из балконов я объявил о создании социалистической республики. Энтузиазм был просто неопишуем. Вслед за криками «Виват!» в честь революции следовали другие лозунги в честь социалистической республики. Когда меня снова смогли услышать, я дал указание продолжать начатое...»

Предполагались нападения на посты Гражданской гвардии, церкви, монастыри, муниципалитеты и другие ключевые здания в городах и деревнях провинции.

Через три дня после начала революции большая часть провинции оказалась в руках шахтеров. Все города и деревни оказались под контролем революционного комитета, который взял на себя ответственность за снабжение и безопасность жителей. Радиостанция в Туроне взволнованно призывала к соблюдению моральных норм. Оружейные заводы в Трубии и Ла-Вега (Овьедо) были заняты рабочими комитетами и теперь работали круглые сутки. Другие заводы и шахты остановились (последние несколько лет многие шахты и так были частично законсервированы). Призывные пункты объявили набор всех рабочих от восемнадцати до сорока лет в Красную армию. За десять дней мобилизовали 30 000 рабочих⁹. Уровень сотрудничества между различными партиями удивлял их самих. Даже анархисты признали «необходимость временной диктатуры», хотя в дальнейшем они предполагали отделиться от коммунистов. В некоторых пуэбло коммунисты были куда больше заняты установлением собственной диктатуры, чем отправкой людей на фронт. Но как правило, призывы UHR не оставались без ответа.

Шахтеры Астурии успешно устанавливали власть революционных Советов по всей провинции, но давалась им эта акция с боями. Начались они в Овьедо и Гижоне. Регулярных войск, расквартированных в Астурии, было слишком мало для решительного противостояния, и пока им удавалось лишь удерживать район Авильи к северо-западу от Овьедо. Тем временем стало известно, что некоторые революционеры позволяют себе неспровоцированное насилие и мародерство. Местные комитеты занялись наведением порядка и дисциплины, взяв контроль над всем районом. В целом этого удалось добиться. Но кое-где случались вспышки насилия. Были сожжены несколько церквей и конвентов. Во время попытки захватить казармы Пелайо, которые удерживала гражданская гвардия, восставшие разрушили дворец епископа и большую

часть университета Овьедо. Было расстреляно несколько священников, преимущественно в Туроне. В Саме осажденные тридцать гражданских гвардейцев и сорок солдат отбивались полтора дня. Когда они сдались, всех расстреляли. Были изнасилованы и убиты несколько женщин из среднего класса. Без сомнения, эти зверства стали результатом не продуманных действий, а всеобщей неразберихи и в значительной мере усугубили кризис.

Правительство в Мадриде оказалось перед лицом подлинной гражданской войны, и этого никто не мог отрицать — ни рабочие, ни буржуазия. Комитеты, контролировавшие шахтерские поселки около Мьерес, стали готовить марш на Мадрид. Лерру и его министры приняли ряд важных решений. Во-первых, они послали за генералами Годедом и Франсиско Франко, которые должны были, возглавив генеральный штаб, руководить подавлением восстания. Во-вторых, приняли совет этих двух офицеров, когда те порекомендовали вызвать для умирения шахтеров Иностраннный легион.

Франсиско Франко Бахамонте как раз минуло сорок лет, когда при правительстве Лерру он был приглашен на службу в военное министерство¹⁰. Родившийся в 1892 году в Эль-Ферроле в Галисии, Франко был сыном военно-морского казначея, и предки со стороны как отца, так и матери имели отношение к флоту. Но мест в школе морских кадет не оказалось. Вместо этого Франко в 1907 году поступил в пехотную академию в Толедо. Оттуда он получил назначение в Марокко, где в быстрой последовательности становился самым молодым капитаном, майором, полковником и генералом. Последний чин Франко получил после победоносного завершения войны. Он командовал Иностраннным легионом с 1923-го по 1927 год, разработал, а потом и возглавил в 1925 году высадку десанта в заливе Алхусемас, за линиями Абд эль-Керима, что и привело к победе. Все эти годы Франко всецело отдавался своей профессии. Он никогда не пил, не проводил время с женщинами, но в то же время (как торопятся упомянуть его набожные биографы) не посещал мессы¹¹. Его знали как жестокого сторонника дисциплины. Храбрость Франко не подвергалась сомнению: он более чем достойно вел себя под огнем. Генерал оказался блистательным организатором, и эффективность действий Иностраннного легиона в основном объяснялась его стараниями. Первый опыт подавления революционных выступлений он обрел в 1917 году, во время всеобщей забастовки, когда получил временное назначение в Овьедо. После долгих отсрочек, связанных с военными кампаниями, Франко наконец женился на глубоко верующей девушке из хорошей

кастильской семьи по имени Кармен Поло. Франко был невысок ростом и толстоват уже в молодые годы. Высоким пискливым голосом он отдавал военные команды так, словно читал молитву. Генералу были свойственны терпеливость и осторожная предусмотрительность, качества типичные для уроженца Галисии, которых так не хватало Касаресу Кироге и Кальво Сотело. Правда, в годы республики осторожность Франко граничила с нерешительностью. Он пользовался великолепной репутацией «блистательного молодого генерала», но постоянно отказывался принять чью-либо сторону в политике. Когда в апреле 1931 года в мадридских кафе пронесся слух, что правительство собирается назначить его верховным комиссаром в Марокко, Франко публично заявил, что откажется от этого поста, ибо в противном случае ему придется проявить «незаслуженно хорошее отношение к только что установившемуся режиму, который без должного уважения относится к людям, еще вчера прославлявшим нацию». Когда монархистов-заговорщиков спросили: «С вами ли Франко?», они не смогли дать однозначного ответа. Его никогда не видели в компании офицеров, которые поддерживали генерала Санхурхо при попытке переворота в 1932 году¹². В то же время, судя по заявлениям, которые Франко произносил, будучи комендантом Сарагосы, республиканцы считали, что он сторонник авторитарного правления. Они знали, что Франко долгое время интересовался политикой. В начале 1926 года он потребовал, чтобы в его штаб-квартиру прислали книги по политической теории. Но брата генерала, Рамона, знаменитого летчика, который первым пересек по воздуху Южную Атлантику, считали республиканцем. И он действительно был таковым в 1930 году, когда сбрасывал листовки (его с трудом удалось удержать от попыток сбросить бомбы) на королевский дворец во время неудачного восстания республиканцев. В то же время свояком Франко — они были женаты на сестрах — был молодой лидер CEDA Рамон Серрано Суньер.

Правительство доверило Франко не только подавление восстания шахтеров, но и командование его старым корпусом, Иностранным легионом, главным образом потому, что сомневалось, удастся ли какой-либо другой части достичь успеха в Астурии. Военный министр, радикал Диего Идальго потом объяснял, что его потрясла предвавшая перед ним альтернатива послать неопытных юных новобранцев со всего полуострова погибать в Астурии. А ведь им пришлось бы вести бои против опытных мастеров взрывного дела и устройства засад. «Я решил, — писал он, — что необходимо ввести в дело части, которые могут защитить Испанию, драться и умирать,

выполняя свой долг». Через несколько часов после появления Франко в военном министерстве Иностраный легион под руководством полковника Ягуэ был послан сменить гарнизоны в Астурии.

Легионеры сразу же добились успеха. При помощи марокканских регулярных войск и авиации они быстро «освободили» Овьедо и Хихон. В этих городах завоеватели дали себе волю и их зверства превзошли и по количеству, и по ужасу все деяния шахтеров. После пятнадцати дней революции и войны, которые, как казалось их участникам, длились всю жизнь, мятежники наконец сдались. Белармино Томас, лидер социалистов, который все эти дни был среди сражающихся, в последний раз обратился к огромной толпе шахтеров, собравшихся на главной площади Самы: «Товарищи мои, красные солдаты! Здесь, перед вами, с уверенностью могу сказать, что мы оправдали тот мандат доверия, что вы вручили нам. Мы с грустью должны признать, что наше мужественное сопротивление потерпело неудачу. Нам пришлось вступить в мирные переговоры с генералами вражеской армии. Но мы потерпели только временное поражение. Мы можем сказать лишь, что рабочие остальных провинций Испании не выполнили свой долг и не поддержали нас. Наша неудача позволила правительству взять под свой контроль всю Астурию. Хотя у нас были ружья, пулеметы и пушки, у нас не было боеприпасов. Нам осталось лишь заключить мир. Но это не значит, что мы отказываемся от классовой борьбы. Наша сегодняшняя капитуляция — всего лишь остановка в пути, когда мы осмыслим наши ошибки и подготовимся к следующей битве, которая завершится победой эксплуатируемых...»

Далее последовали жестокие расправы. Одним из условий сдачи восставших шахтеров был вывод легиона и «Асальто» из Астурии. Условие это не только не было выполнено, но даже не военный министр, а генерал Лопес Очоа дал приказ оставить их на территории Астурии. Эти части вели себя как армия победителей, которая живет за счет страданий покоренных. Примерно 1300 человек было убито в ходе военных действий (и не менее того стали жертвами репрессий) и около 3000 ранено. Но среди погибших было всего 100 гражданских гвардейцев, 98 солдат, 86 асальто и карабинеров. Официально было признано, что погибло более тысячи гражданских лиц — преимущественно шахтеров. Эти цифры значительно преуменьшены, хотя сомнительно, чтобы число жертв репрессий, как считали, превысило 5000 человек. Большинство восставших погибло в конце боев, когда легион установил жестокий террор¹³. В октябре и ноябре в Испании насчитывалось

30 000 политических заключенных. Подавляющее большинство их было из Астурии. Казармы пуэбло в этом регионе были превращены во временные тюрьмы, и мучительное пребывание в них унижало человеческое достоинство. Журналист Луис Сирваль, который осмелился указать на эти ужасные условия, сам был арестован и убит в тюрьме тремя молодыми офицерами легиона. А тем временем в Мадриде генералов Франко и Годеда чествовали как спасителей нации.

Примечания

¹ Хотя декрет, формально изгнавший их, продолжал оставаться законом.

² На самом деле ни Варела, ни Рада не были карлистами; у них не имелось никаких связей с Наваррой. Оба были родом из Андалузии. Варела — сын офицера, с самого детства отличавшийся непомерными амбициями. Его храбрость в марокканской войне стала притчей во языцех.

³ Подробности этой встречи стали известны в ходе Гражданской войны после того, как во время обыска в доме Гойкоэчеа были найдены некоторые документы. Сам Гойкоэчеа рассказал о ней только в 1937 году.

⁴ Это оружие было закуплено в Португалии, в Кадисе, у каких-то революционеров ведущими членами UGT. Теплоход с грузом на борту оставил Кадис, направляясь якобы в Джибути, но потом пошел в Астурию.

⁵ Alianza Obrera.

⁶ Свидетельств, позволяющих утверждать, что Асанья знал о замыслах каталонцев и социалистов, не существует. В то же время, думаю, профессор Пирс был прав в своем предположении, что Асанья был полностью готов принять президентство в новой федеральной Испании, если бы ему предложили эту корону.

⁷ Дальнейшая его история довольно туманна, но не подлежит сомнению, что потом он подвизался как агент Муссолини.

⁸ UHR (Union de Hermanos Proletarios).

⁹ Гросси утверждает, что к концу революции под ружьем было 50 000 шахтеров, но, скорее всего, их было порядка 30 000. Предполагается, что 20 000 были членами UGT, 4000 входили в CNT, а еще 6000 относились к разным другим группам.

¹⁰ До сих пор еще не написана полная и точная биография этого умного, жесткого, терпеливого и бесстрастного генерала. Существуют его хвалебные жизнеописания, но они имеют мало общего с истиной.

¹¹ Его пуританство может быть объяснено разгульным образом жизни отца, который он продолжал вести до самой смерти. Умер он на девяностом году, через десять лет после того, как его сын стал главой государства.

¹² Бертран Гуэль называет его среди тех заговорщиков, которые готовили переворот еще раньше, в 1932 году. В то время Франко был разгневан решением Асаньи распустить академию в Сарагосе.

¹³ По заявлению министерства внутренних дел от 3 января 1935 года, в октябре по всей Испании было убито 1335 человек и 2951 ранен;

разрушено или серьезно повреждено было 730 зданий. Овьедо превратился в руины, хотя примерная стоимость ущерба от восстания не превышала миллиона фунтов стерлингов. Было захвачено 90 000 ружей, 33 000 пистолетов, 10 000 динамитных шашек, 30 000 гранат и 330 000 обойм.

Глава 10

Последствия восстания в Астурии. — Попытка Лерру найти средний путь. — Республика в тупике. — Выборы 16 февраля 1936 года.

После революции октября 1934 года и ее подавления пришлось предпринимать сверхчеловеческие усилия, чтобы избежать катастрофы гражданской войны. Они не приносили успеха. Все лидеры социалистов сидели по тюрьмам¹. Вместе с ними в камерах оказались и члены каталонского правительства, Асанья и несколько левых политиков. В этих условиях события в Астурии обретали для испанского рабочего класса эпическое значение. Кое-кто, откликаясь на последние слова Белармино Томаса, сказанные на обреченном митинге в Саме, мрачно пророчествовал, что октябрь 1934 года станет для Испании тем же, что 1905 год для России. Во время заключения Ларго Кабальеро стал читать, может быть, в первый раз, труды Маркса и Ленина. Ему было около семидесяти, за плечами осталась жизнь осторожного реформиста, и вот теперь этот сдержанный лидер социалистов стал стремительно склоняться к революционным методам борьбы. А тем временем в Париже Ромен Роллан высказал мнение, с которым были согласны все борцы астурийского восстания: «Со времен Парижской коммуны мир не видел ничего более прекрасного»².

Естественно, события в Астурии вызвали ужас в среде испанского среднего класса. Теперь им казалось, что почти все, даже военная диктатура, предпочтительнее существующего политического разброда. Может, власть возьмет генерал Франко, пока он стоит во главе генерального штаба и военного министерства? Почему бы Хилю Роблесу и CEDA не использовать лучшим образом свою оппозицию правительству? В тот период на удивление мало упоминалась фаланга, главным образом потому, что Хосе Антонио погряз в спорах со старым лидером JONS Ледесмой Рамосом. Последний всегда считал Хосе Антонио таким «сеньорито» и остро критиковал его за контакты с церковью и высшими классами³. В конечном итоге, после того как Ледесма опубликовал серию статей, в которых осуждал Хосе Антонио как «орудие реакции», он был

изгнан из фаланги. Все эти события и непрестанные финансовые трудности молодого испанского фашизма привели к тому, что численно его ряды почти не росли, хотя в этот период после астурийской революции можно было предполагать, что его призывы получают отклик. По воскресеньям они в своих синих рубашках продолжали устраивать шествия. Их враги из среды рабочего класса были разогнаны или сидели по тюрьмам, и они не знали, чем еще заняться. Другие полуфашистские группы, группировавшиеся вокруг Рамиро де Маэсту, продолжали вести страстные и громогласные полемические кампании. И хотя в военном министерстве продолжал оставаться генерал Франко и многие офицеры-монархисты, известные своими правыми взглядами, получили командные посты, в то время военные заговорщики проявляли бурную активность. Так, карлисты по-прежнему давали о себе знать в Наварре. Еще не зная, какая судьба постигнет подготовленных ими офицеров, они все же открыли в Памплоне военную академию. И в развитие соглашения с Муссолини в марте 1934 года четыреста молодых карлистов отправились в Италию изучать искусство ведения современной войны⁴.

В то время премьер-министром Испании продолжал оставаться Лерру. Все последующие месяцы он прилагал незаурядные усилия, чтобы найти устраивающий всех средний путь в водоворотах испанской политики. Когда после революции Компаньса монархисты потребовали полной отмены каталонского статута, Лерру (и в этом его поддержала CEDA) заверил, что приостановит его только в том случае, если Каталония будет управляться генерал-губернатором. Тем не менее самой сложной проблемой для режима стал вопрос наказания мятежников 1934 года. Ибо в конце марта 1935 года военный трибунал, специально созданный для этой цели, вынес двадцать смертных приговоров. Из них уже два были приведены в исполнение⁵. К тому времени был убит Луис Сирваль, журналист, который привлек всеобщее внимание к ужасу репрессий легиона. Лерру и радикалы, предвидя печальные последствия, которые повлечет за собой казнь, скажем, Белармино Томаса и Гонсалеса Пеньи (два социалистических депутата от Астурии) или Компаньса, одобрили замену смертных приговоров не столь суровыми наказаниями. Тем не менее CEDA и, соответственно, ее министры поддержали решения о смертной казни. Лерру получил поддержку президента Алькалы Саморы, который вспомнил, как в 1932 году были наказаны генерал Санхурхо и его соратники. Приговоры были пересмотрены. Министры от CEDA подали в отставку. После продолжительного правительственного кризиса Лерру сформировал новый кабинет, в который вошли пять

представителей от CEDA, включая Хиль Роблеса на посту военного министра. Но казней больше не было. Компаньс, Ларго Кабальеро и другие лидеры, обвиненные в руководстве восстанием, были приговорены к тридцати годам тюрьмы, но никто ни на мгновение не поверил, что они отсидят этот срок. Асанья был освобожден, и обвинение против него отвергнуто подавляющим большинством кортесов⁶.

Новое правое, католическое правительство Испании приступило к делу. Было внесено предложение о пересмотре некоторых статей Конституции. Предстояло видоизменить характер региональной автономии, организовать сенат, пересмотреть законы о разводе и браке. Независимый финансист Чапаприета приготовился внести на рассмотрение бюджет, которого не видели в республике с 1932 года. Он хотел положить конец коррупции гражданских служб и засилью бюрократии. Но эти меры, прекрасные сами по себе, могли воспрепятствовать желанию правительства заниматься вопросами образования, хотя жалование учителей по-прежнему оставалось нищенским. Не удалось добиться соглашения ни по вопросам пересмотра Конституции, ни по бюджету. Во-первых, достаточно сдержанный министр сельского хозяйства от CEDA Хименес Фернандес, ознакомившись с предполагаемыми изменениями аграрного закона, подал в отставку. Чапаприета сам сформировал правительство, в котором Лерру стал министром иностранных дел. Но тут всю радикальную партию потряс внезапный финансовый скандал, последствия которого были непоправимы. Авантюрист из Голландии Даниэль Штраус уговорил кое-кого из министров-радикалов поддержать замысел нового типа рулетки «страперло». Штраус гарантировал солидные доходы в обмен на разрешение ввести «страперло». Когда разразился скандал, выяснилось, что племянник Лерру и его приемный сын поддерживали самые тесные связи со Штраусом. Ясно было, что с ним был связан и сам Лерру, финансовые дела которого всегда оставались запутанными. И ему, и другим радикалам, на которых обрушилось шумное возмущение общества, пришлось уйти в отставку. Для многих испанцев «страперло» — это слово вошло в язык как символ финансового скандала в высших сферах — стало символом неспособности демократов из среднего класса соблюдать достойные стандарты поведения. И наконец через несколько недель премьер-министр Чапаприета поссорился с CEDA из-за предлагаемого бюджета. Хиль Роблес и его друзья подали в отставку.

Это был, как поторопились указать противники демократии, двадцать шестой правительственный кризис республики. За последние четыре с половиной года должности министров в том или ином кабинете занимали семьдесят два человека.

Каждому из них полагалась приличная пенсия, чтобы содержать себя на уровне, достойном бывшего министра. Отношение страны к демократическим процедурам сильно напоминало Францию в мае 1958 года после пятнадцати лет Четвертой республики. Алькала Самора пробовал самые разные сочетания партий, чтобы создать работоспособную администрацию. Раз за разом он терпел поражения. В конце концов Самора решил распустить кортесы и назначить новые выборы. Исходя из того, что хоть какое-то правительство должно заниматься делами до и после выборов, Алькала попросил его составить Портелу Вальядареса, бывшего министра при монархии и неутомимого исследователя присциллианской ереси.

4 января кортесы были распущены. Выборы были назначены на 16 февраля. На выборах доминировал Хиль Роблес. Его фотографии в роли «хефе» с подписями внизу, представлявшими его как «всесильного военного министра», угрожающе смотрели со щитов во всех городах. Тем не менее, по мере того как кампания набирала темпы, лидерам CEDA становилось ясно, что их путь к власти будет далеко не столь прост, как на первых порах казалось. Тем не менее они начали составлять общий список, куда вошли самые разные правые партии. Фалангисты, монархисты и карлисты вместе с аграриями и независимыми во многих местах вступили в альянс, составив вместе с CEDA блок, который они назвали Национальным фронтом. Но промедление с решением его создания, без сомнения, стоило Национальному фронту немало числа голосов.

Слева к нему примкнули несколько независимых партий центра. Они включали Лерру и его радикалов, «Лигу» (партию каталонских бизнесменов), «прогрессивистов» (сторонников Саморы) и партию центра, которую в последнюю минуту успел сформировать премьер-министр Портела Вальядарес. Среди центристских партий числились Баскская националистическая партия, которая, хотя с 1934 года и находилась в очень плохих отношениях с правыми и их католическими коллегами из CEDA, по-прежнему решительно не хотела заключать союз с левыми. Так же она относилась и к альянсу с правыми.

На выборах 1936 года левые партии объединились в блок, названный Народным фронтом. Название было предложено коммунистической партией. Предыдущим августом на 7-м конгрессе Коминтерна в Москве Димитров, болгарский коммунист, ставший генеральным секретарем Коминтерна благодаря своему мужественному поведению на процессе, где его обвинили в поджоге рейхстага, определил политические цели всемирного коммунистического движения перед лицом угрозы, которую представлял приход Гитлера к власти. «Образование

единого Народного фронта, — сказал он, — говорит, что совместные действия с социал-демократами стали необходимостью. Разве мы не можем объединить в едином строю коммунистов, социал-демократов, католиков и других рабочих? Товарищи, вы должны помнить древнюю легенду о взятии Трои. Атакующая армия была неспособна добиться победы, пока с помощью троянского коня не проникла во вражеский лагерь. Мы, революционные рабочие, не должны стесняться такой тактики»⁷. Это слова и определили политику Народного фронта. В прошлом коммунистов осуждали за то, что они считали фашистскими все «буржуазные» партии. Теперь они решили хранить верность «буржуазной» парламентской демократии, пока не придет черед заменить ее «пролетарской». Конечно, политика этого Народного фронта пошла значительно дальше, чем действия так называемого Народного фронта 20-х годов XX века. Коммунистические партии (как в Восточной Европе в 1945 году) получили инструкции проводить общие мероприятия с другими рабочими партиями, в том числе и среднего класса. Для Советского Союза и его наиболее преданных сторонников из исполнительного комитета Коминтерна такая политика была в лучшем случае компромиссом, продиктованным необходимостью сохранить долгосрочную цель коммунистов: свергнуть капиталистическое буржуазное общество. Советскому правительству нужны союзники даже из буржуазных стран, прежде всего из Франции и Англии, для противостояния гитлеровской Германии.

В Испании создание Народного фронта имело куда более серьезные последствия. Но с течением времени стало ясно, что коммунисты вряд ли могут дать ему что-то большее, чем имя. Ибо в Испании условия сотрудничества между партиями рабочего класса (в том числе левой республиканской Асаньи и, как ни странно, бывшими радикалами Мартинеса Баррио из Объединенной республиканской партии) существовали и без давления коммунистов. Такие условия сохранялись во время существования республики. Разница была в том, что в 1936 году сторонники Асаньи и Мартинеса Баррио были готовы к сотрудничеству с социалистами, пусть даже те, не в пример своей сдержанности в 1931 году, поддерживали революционную Астурию. Но обе эти крупные партии все еще предпочли считать Испанскую коммунистическую партию слишком маленькой, чтобы она могла представлять для них угрозу. (Хотя во Франции немалая численность коммунистической партии значительно осложнила ее сотрудничество с Леоном Блюмом.) Полутроцкистский Альянс рабочих и крестьян вскоре после кое-каких внутренних перестановок был переименован в POUM (Partido Obrero de

Unificación Marxista) и тоже поддержал Народный фронт на выборах в феврале 1936 года. Но анархисты из FAI и CNT продолжали держаться в стороне. Тем не менее в последнюю минуту они разрешили своим членам в некоторых районах заявлять во время избирательной кампании, что они поддерживают тот союз, о котором впервые шла речь во время астурийского восстания. Дело было в том, что одним из основных пунктов в программе Народного фронта называлась амнистия всем политическим заключенным⁸.

Другие пункты в программе Народного фронта снова возвращают нас к событиям в Астурии. Должны быть устранены все препятствия, связанные с потерей работы по политическим мотивам, — откровенное предупреждение тем предпринимателям, которые наняли новых рабочих вместо тех, кто сидел в тюрьме или лишился работы после забастовок в октябре 1934 года. Государство должно выплатить компенсации жертвам 1934 года. Необходимо восстановить Каталонский статут. Обсудить стату-ты других регионов. Приоритет должен быть отдан аграрному закону и другим реформам, начатым в 1933 году.

Избирательная кампания прошла относительно спокойно.

Алькала Самора снял цензуру прессы и отменил «чрезвычайное положение», которое со времени астурийского восстания продолжало существовать во многих регионах. О насилии говорили лишь листовки и воззвания. «Ватиканский фашизм, — гласила одна листовка, — предлагает вам работу и обрекает на голод; он предлагает вам мир и оставляет по себе пять тысяч могил; он предлагает вам порядок и возводит виселицы. Народный фронт предлагает не больше и не меньше того, что он может дать: Хлеб, Мир и Свободу!»⁹ Лерру и радикалы сосредоточили усилия на подрыве позиций партии центра, которую оставил Портела. Кальво Сотело, экс-министр финансов при диктатуре Примо де Риверы, в первый раз предстал как фигура национального масштаба, в качестве лидера монархической партии, вместо Антонио Гойкоэчеа (после того как Сотела, будучи в изгнании в Париже в 1931—1932 годах, посетил несколько встреч заговорщиков против республики, он уже не стал для них чужаком). 19 января он предупредил всех испанских патриотов, что, если они не проголосуют за Национальный фронт, над всей Испанией будет развеваться красный флаг — «тот флаг, красный цвет которого станет символом уничтожения прошлого Испании и ее идеалов».

Испания пошла на выборы в воскресенье 16 февраля — в день карнавала перед Пасхой. 34 000 солдат гражданской гвардии и «Асальто» следили за порядком. Карабинеры охраняли банки и посольства в Мадриде, ибо почти все силы по-

лиции были брошены на избирательные участки. В целом все прошло спокойно. Лишь позже поступили сообщения, что в разных деревнях были застрелены три человека. Небольшие волнения вспыхнули в Гранаде. Но такие случаи стали редки. Корреспондент «Таймс» Эрнст де Кокс сообщал, что выборы прошли в «целом образцово». Вот результаты первого круга (в скобках — второго):

НАРОДНЫЙ ФРОНТ			
Социалисты	85		(99)
Левые республиканцы	75	(партий Асаньи)	(87)
Объединенные республиканцы «Эскерра»	32	(Мартинес Баррио)	(39)
	20	(левые каталонские сепаратисты)	(36)
Коммунисты	14		(17)
Другие	30		
Итого:	256		278
ПРАВЫЕ (НАЦИОНАЛЬНЫЙ ФРОНТ)			
CEDA	94	(Хиль Роблес)	(88)
Аграрии	12	(землевладельцы)	(11)
Монархисты	11	(Кальво Сотело)	(13)
Независимые	12		(10)
Традиционалисты	11	(карлисты)	(9)
Другие	3		(3)
Итого:	143		134
ЦЕНТР			
Партия центра	19	(партия Портелы Вальядареса, экс-премьера)	(16)
Льига	11	(каталонские бизнесмены)	(12)
Радикалы	8	(Лерру)	(4)
Прогрессивисты	6	(Алькала Самора)	(6)
Баски	10		(10)
Другие	5		
Итого:	54		55

Поскольку избиратели голосовали за альянс, а не за отдельные партии, трудно подсчитать количество голосов, отданных за каждую из них. Тем не менее в совокупности каждая группа получила:

Народный фронт	4 176 156
Баскские националисты	130 000
Центр	681 047
Национальный фронт	3 783 601

Таким образом, Народный фронт утвердился как ведущий союз партий — и по количеству голосов, и по числу мест в кортесах. Но если бы центристы и правые сложили свои голоса, у них было бы небольшое численное преимущество. Конечно, организация выборов не имела ничего общего с Конституцией. Левые в 1934 году получили куда меньше мест, чем им полагалось, если бы их количество было прямо пропорционально отданным за этот блок голосам. Потом были неоднократные попытки манипулировать с цифрами для доказательства того, что Народный фронт пришел к власти незаконно. А тем временем в кортесах оставалось еще двадцать незаполненных мест. Никто из претендовавших на них не набрал необходимых 40 процентов голосов¹².

Примечания

¹ Тем не менее Прието успел укрыться во Франции (как он сделал в 1930 году во время восстания в Хаке). Он не поддерживал замысел восстания против правительства.

² Эти его слова приводит Гросси.

³ Связи Хосе Антонио с армией и прочими силами «старой Испании», которые возмущали Ледесму, объяснялись несколькими причинами. Во-первых, необходимостью в финансовой поддержке. Во-вторых, стремлением обрести связи в обществе, которых он был лишен как сын прежнего диктатора. И кроме того, отсутствием у него уверенности, что его партия сможет достаточно быстро обрести силы, чтобы нанести поражение социализму. По крайней мере, именно эти слова были в любопытном письме генералу Франко, отправленном как раз перед восстанием в Астурии, 24 сентября 1934 года. В нем он давал понять Франко, что был бы готов поддержать военный переворот, чтобы восстановить «забытое историческое достоинство страны». Тем не менее Франко не ответил.

⁴ Стоит отметить, что полковник Рада, который уже натаскивал карлистов в Наварре, имел тесные отношения с фалангой. Какое-то время он командовал фалангистской милицией и утром 7 октября 1934 года, когда в Мадриде социалисты начали всеобщую забастовку, отправился оценивать положение дел в одной машине с Хосе Антонио, Ледесмой Рамосом и пилотом Руисом де Альдой. Последний был в то время ближайшим сподвижником Хосе Антонио (и даже откликался на имя Фаланга). Он был родом из Эстельи (Наварра). Сам Хосе Антонио в 1934—1935 годах несколько раз вел переговоры с полковником Барбой.

⁵ Первым из казненных был бандит из Барселоны, чье участие в революции ничем не отличалось от его обычных занятий, а вторым —

сержант регулярной армии Васкес, который дезертировал из своей части в Астурии и примкнул к шахтерам.

⁶ Все же в его поддержку проголосовало 189 депутатов, а против — 68. Его дело рассматривалось в кортесах, ибо не было доказательств, в силу которых он должен был бы предстать перед военным трибуналом.

⁷ Из отчета о 7-м конгрессе Коминтерна, опубликованном Коммунистической партией Великобритании. Образ троянского коня следует понимать как оправдание для иностранных коммунистических партий идеи сотрудничества с буржуазией, которая должна прийти на место зловещих угроз в адрес той же буржуазии.

⁸ Мотивы действий советского правительства и лабиринты его сложнейших интриг обсуждаются ниже. Пока автор указал лишь самые главные из тех факторов, которые помогут понять ход выборов 1936 года.

⁹ 5000 могил. Это число рабочих, которые предположительно были расстреляны в Астурии.

¹⁰ Если бы места, полученные басками, перешли к их будущим союзникам по Народному фронту, то количество мест этой группы возросло бы до 261, а у центра упало бы до 49.

¹¹ После второго тура все еще оставались вакантными три места.

¹² Жонглирование цифрами продолжалось бесконечно. Хотя несколько фигур в центре пользовались безусловным уважением и количество поданных за них голосов не подвергалось сомнению, их политическая ориентация оставалась размытой — левые они или правые. Случались и прямые угрозы, но несколько таких инцидентов были скорее исключением. Но если часть таких инцидентов и может быть отнесена на счет левых, то, без сомнения, жители в сельских районах, хотя и отличались левыми взглядами, все же голосовали за правых. Как и всегда, они поступали так из страха перед местными «касиками» или агентами землевладельца. Так, в августе доктор Франц Бокенау посетил деревню Алиа в долине Тахо и убедился, что в ней царит высокий революционный дух. Такого он в Испании еще не встречал. Тем не менее в феврале деревня целиком проголосовала за правых. Такие факты вызывали бесконечные споры вокруг количества отданных голосов, методики их подсчетов и, соответственно, числа мест.

Глава 11

Франко и Портела Вальядарес. — Тюрьмы открываются. — Асанья возвращается к власти. — Кампания убийств фаланги. — Ларго Кабальеро как «испанский Ленин». — Появление Кальво Сотело. — Генерал Мола в Памплоне. — Ссоры в среде левых. — Смещение Алькалы Саморы. — Апрельский мятеж. — Асанья становится президентом. — Заговоры коммунистов. — Хосе Антонио присоединяется к конспираторам.

Пока результаты первого тура выборов 16 февраля продолжали поступать, генерал Франко, все еще начальник генерального штаба военного министерства, созвонился с премьер-министром Вальядаресом. После того как он вместе с

генералом Годедом «умиротворил» Астурию, этот сдержанный, неторопливый, но амбициозный офицер обрел репутацию непримиримого врага левых. Может, в энтузиазме, с которым средний класс приветствовал его склонность к репрессиям, он уже увидел ту награду, которая достанется ему, если он не потеряет головы. События в Астурии убедили его, что раскол в Испании зашел слишком далеко и пришло время поставить на кон силовое наведение «порядка». Тем не менее пока генерал держался в стороне от политики. Не в пример многим своим коллегам в армии, он не имел льстецов, которые подбивали бы его на те или иные действия. В порядке дня был постоянный вопрос: «Какую позицию занимает Франко?» Зимой 1935/36 года Сальвадор де Мадарьяга (представитель республики в Лиге Наций) и доктор Мараньон встречались с Франко. И тот и другой сочли, что начальник генерального штаба был совершенно искренен, говоря им, что не хочет присоединяться ни к какому заговору против республики¹. Тем не менее через три недели Франко предупредил временного премьер-министра страны Портелу Вальядареса, что необходимо объявить военное положение и тем самым предотвратить захват власти Народным фронтом. Портела ответил, что такое решение может спровоцировать революцию. Однако Франко уверял его, что при поддержке правительства хватит сил ее сокрушить. Портела колебался. Этот демократ и франкмасон был богатым человеком. Он обсудил данный вопрос с Диего Мартинесом Баррио, лидером Объединенной республиканской партии и тоже масоном тридцать третьей ступени. Впоследствии ярые враги масонства обвинят Портелу в следовании масонским инструкциям, при посредстве Мартинеса Баррио спешно доставленным из Цюриха, или из Английского банка, или из любого другого места, где в то время заседал совет гроссмейстеров ордена. Затем Портела встретился с Кальво Сотело, который говорил в том же ключе, что и Франко. Тем не менее на следующий день Портела передал власть Асанье, видному политику Народного фронта². Это, конечно, было сделано в полном соответствии с Конституцией. Уходящий с поста премьер-министр не получал никаких тайных масонских инструкций. Генерал Франко вместе с генералами Фанжулом (позднее, при Хиле Роблесе, заместитель секретаря военного министерства), Варелой (экс-наставником карлистов), Эмилио Молой (командующим войсками в Марокко), Оргасом и Понте решили не предпринимать никаких немедленных шагов контрреволюционного характера. Все же в Аликанте излишне торопливый капитан Хильберт вывел своих людей на улицы. Можно предположить, что это было попыткой взять власть в

городе. Хильберта застрелил свой же капрал, хотя в печати его смерть была подана как самоубийство. Недалеко от Аликанте, в Фонтильес, возбужденная и восторженная толпа сторонников Народного фронта попыталась освободить из лепрозория больных проказой. Но больные предусмотрительно отказались покидать лечебницу.

Повсюду бушевал безграничный энтузиазм по поводу победы Народного фронта. Перед зданием министерства внутренних дел в Мадриде с криками «Амнистия!» собирались огромные толпы. В Овьедо вооруженные сторонники Народного фронта в ожидании результатов выборов открыли ворота тюрьмы, где содержалось большинство пленников, захваченных после революции в Астурии. Вместе с ними оказались на свободе и обыкновенные преступники.

Первым действием Асаньи на посту премьер-министра стала подпись под указом об амнистии всех политических заключенных. Социалисты и лидеры Каталонии 1934 года вышли на свободу. Компаньса и его советников по выходе из тюрьмы радостно приветствовали как вновь обретенных вождей. Зеленые, все в цветах, улицы их любимого города давно не видели такого энтузиазма. Еще один указ Асаньи дал депутатам от Каталонии право выбрать свое собственное правительство. Как и предполагалось, Компаньс и его друзья одержали триумфальную победу и вернулись в Женералитат. Трибунал конституционных гарантий счел незаконным приостановление действия Каталонского статута. Тем временем Асанья формировал свое правительство. Оно было почти полностью составлено из представителей его собственной партии, то есть левых республиканцев, объединенной республиканской (сам Мартинес Баррио стал спикером кортесов), «Эскерры» Компаньса (каталонские левые) и галисийских автономистов Касареса Кироги, который, как и в 1933 году, стал министром внутренних дел. Конечно, это было правительство меньшинства, зависящее от большинства в кортесах и своих союзников по последним выборам из Народного фронта.

Новая администрация Асаньи и его министров начала свою работу с призыва к спокойствию. Было объявлено чрезвычайное положение и введена жесткая цензура прессы. По всей стране прошло назначение новых гражданских губернаторов — главным образом членов партии Асаньи. Из-за участия в репрессиях в Астурии генералы Франко и Годед были смещены со своих постов в военном министерстве; первого отправили командовать войсками на Канарские острова, второго — на такой же пост на Балеарах. Правительство приступило к работе по выполнению условий пакта о Народном фронте. Сно-

ва стал работать Институт аграрной реформы. От 50 до 75 тысяч крестьян (главным образом в Эстремадуре) еще до конца марта под покровительством института обзавелись своими участками земли. Были представлены на рассмотрение и другие меры, связанные с указом об амнистии. Среди них, в частности, предписание хозяевам принять обратно на работу тех, кого они выгнали после стачек 1934 года, а также компенсировать им потерянную зарплату. Вместе с этим хозяевам предоставлялся выбор: взять ли человека на прежнее место или выплатить ему компенсацию. Эта непростая ситуация говорила об отношении нового правительства к испанской индустрии. В результате всех этих мер стоимость песеты упала, ведущие финансисты стали переводить свои средства из страны и уезжать сами³.

Но эти трудности оказались незначительными по сравнению с другими угрозами закону и порядку. С момента выборов по всей стране прокатился вал насилий, убийств и поджогов. Частично он был вызван вспышкой бурной радости со стороны левых, освобожденных из тюрем или, по крайней мере, из-под власти CEDA и радикалов. Чувствовалась тут и продуманная работа фаланги, решившей усугубить хаос в Испании, что позволило бы оправдать установление жестокого режима. Хосе Антонио Примо де Ривера потерял свое место в результате выборов и, соответственно, уже не столь благодушно относился к идее демократических институтов. В конце февраля 1936 года фаланга насчитывала по всей Испании приблизительно 25 тысяч членов, что, впрочем, никак не сказывалось на размахе ее провокаций. Вооруженные ручными пулеметами, сеньоры из фаланги разъезжали на машинах, делая все, чтобы усугубить беспорядок: от покушения на убийство автора Конституции республики, юриста, придерживающегося социалистических взглядов Хименеса де Асуа до поджогов церквей — их можно было списать на анархистов. Вооруженные члены FAI и CNT по-прежнему решительно держались в стороне от режима. Они продолжали верить, что свободу им даст «энциклопедия вместе с пистолетом», то есть свободу от любого политического бремени. Неудачи республики давали им то же радостное удовлетворение, что и фалангистам. И «пистолерос» с обеих сторон продолжали вести совместную работу, особенно против социалистов, которые, продолжая с отвращением относиться к фалангистам, считали их «пособниками FAI».

Неприятнь и ссоры двух самых больших профсоюзов в Испании, CNT и UGT, достигли апогея в первой половине 1936 года. Разные воззрения на стачечную борьбу повлекли за собой непрекращающиеся перестрелки. Но даже не это было

³ Х. Томас
«Гражданская война в Испании»

основной темой споров в среде рабочего класса Испании. Ибо старые распри внутри социалистической партии между Прието и Ларго Кабальеро, которые скрывались с 1917 года, сейчас вышли на поверхность. После выборов Ларго Кабальеро вдохновился близкой возможностью революции и реальностью, как ему казалось, прихода к власти. И наконец, он был сплошь окружен льстецами из числа его друзей в Испанской коммунистической партии⁴. Они стали называть его испанским Лениным. Этот опытный муниципальный советник и профсоюзный работник был просто в восторге от явно не подходящего ему прозвища. Поскольку голоса его партии привели к власти правительство Асаньи, Ларго Кабальеро, объезжая Испанию, выступал перед ревущими толпами с театральными пророчествами о близости революции. Реальная политика Ларго Кабальеро, без сомнения, была куда сдержаннее, чем его апокалиптические выступления. Но доподлинно этого никто не знал. Ларго продолжал спорить с Прието, который по-прежнему придерживался реформистских взглядов. Выразилось это, в частности, в том, что стали выходить две социалистические газеты, контролируемые соответственно Ларго и Прието: «Кларидад» и «Эль Сосьялиста».

В то время как противоречия левых (хотя в то же время они были безоговорочно уверены, что будущее принадлежит им) продолжали стремительно нарастать, весной 1936 года правые и остатки центристов начали обретать общий язык. Объединенные общими опасениями о грядущей волне насилия со стороны левых, которая потрясла бы все испанское общество, члены CEDA, армейские офицеры, карлисты, монархисты, мелкая и крупная буржуазия и даже радикалы, сторонники Лерру, — словом, все пришли к единому мнению, что правительство Асаньи напоминает Временное правительство Керенского перед приходом большевиков к власти в России 1917 года. Оппозиция установила контакт с этими группами, чей альянс на выборах затруднил ее победу. Поражение центра (включая почти стопроцентный уход радикалов) было самой заметной приметой последних выборов. Потерял место даже сам Лерру. После победы Народного фронта несколько членов центристских групп помедили, по крайней мере, с тактической поддержкой правых. По сути, CEDA продолжала оставаться самой большой партией в кортесах⁵. Но ее неудача в попытке завоевать полную победу заставила многих из тех, кто поддерживал CEDA на первых порах, предположить: а не является ли вообще фикцией стремление создать партию христианской демократии? Место Хилья Роблеса как «хефе» среднего класса Испании, светлой надежды правых занял куда

более опасный и неразборчивый в средствах Кальво Сотело, который стал главным оратором от оппозиции на заседаниях кортесов. Но в ту бурную весну уже мало кто из испанцев считал, что стоит возлагать на кортесы большие надежды⁶.

А меж тем заговор генералов, наполовину монархистский, наполовину чисто военный, корни которого тянулись с начала республики, снова обрел реальные очертания. «Изгнание» генерала Франко на Канарские острова, а Годеда — на Баlearские преследовало цель предоставить безобидные должности лицам, подозреваемым в измене республике. А тем временем генерал Мола, прежде командовавший войсками в Марокко, был переведен на пост военного губернатора Памплоны. Прежде чем офицеры в конце февраля покинули Мадрид, у них состоялось несколько встреч с генералом Варелой и другими коллегами. Они согласились, что, если президент наделит властью Ларго Кабальеро или анархия захлестнет страну, они поддержат военный мятеж. Варела и Оргас предлагали начать мятеж немедленно. Мола был более осторожен. Перед отбытием на Канары Франко позвонил Асанье и недвусмысленно предупредил премьер-министра об опасности прихода к власти коммунистов. Асанья презрительно отверг такое предположение⁷. И похоже, Франко окончательно проникся мыслью о том, что «спасти Испанию» сможет только военный мятеж. И все же он продолжал колебаться.

В последующие несколько месяцев центром организации военного заговора стал генерал Мола. Он был преданным делу генералом с литературным складом ума. Мола отличало лисье лицо, глаза его были прикрыты узкими очками. Во времена падения монархии он был генеральным директором службы безопасности и в этом качестве пользовался особой неприязнью со стороны интеллектуалов-республиканцев. «Расстрелять Мола!» — таков был популярный лозунг мятежников 1930—1931 годах. В результате во время первого правительства Асаньи он остался без работы⁸. До 1936 года Мола не имел никакого отношения к заговорам против республики. Тем не менее его коньком стала конспирация. Из Памплоны по всей Испании спешили курьеры, особенно в Лиссабон, где генерал Санхурхо предоставил в распоряжение заговорщиков (как и следовало ожидать) свой авторитет и связи среди карлистов. В феврале Санхурхо побывал в Германии — формально на зимних Олимпийских играх. Вместе с полковником Бейгбедером, военным атташе испанского посольства в Берлине, худым аскетичным ветераном марокканских войн, он, как говорят, в сопровождении адмирала Канариса, главы германской военной разведки, посетил немецкие оружейные заводы. С Испа-

нией у Канариса были старые связи: еще во время Первой мировой войны он из испанских портов руководил атаками немецких подлодок на суда союзников. Хотя Санхурхо не договаривался о немедленных закупках оружия (поскольку предполагал, что его заговор и так увенчается успехом), его уверили, что немецкая военная помощь, если она потребуется для закрепления успеха, будет предоставлена, по крайней мере Канарисом⁹.

Планы Мола стали ясны в апреле. Готовящийся мятеж не должен был иметь ничего общего с «пронунсиаментом» в старом стиле. Во всех провинциях Испании, на Балеарских и Канарских островах, в Испанском Марокко формировались две ветви заговора, военная и гражданская. Мола объявил, что цель заговора — установить «порядок, мир и справедливость». «Все должны принимать участие в восстании (в каком-то смысле циркуляр генерала читался как проспект какой-то компании), кроме тех, кто руководствуется указаниями из-за рубежа: социалисты, масоны, анархисты, коммунисты и так далее». Отделения в провинции получили указания разработать детальные планы захвата общественных зданий в своих районах, особенно линии связи, а также подготовить оповещения о введении военного положения. В этот момент Санхурхо вылетит из Португалии и станет президентом военной хунты, «которая немедленно установит в стране порядок и законность». В некоторых местах — например, в Севилье — фаланге отводилась важная роль в мятеже, но политические цели этой партии нигде не упоминались. (Франко перед отбытием на Канары побеседовал с Хосе Антонио в доме своего свояка Серрано Суньера и указал, что надежной связью между фалангой и генералами может стать командир Иностранного легиона, полковник Ягуэ, яростный поклонник фаланги. Тем не менее окончательное решение было отложено на несколько недель.) План Мола имел в своей основе установку: все должно быть готово не позже, чем через двадцать дней, то есть к концу апреля. Он включал в себя следующее указание: «Необходимо постоянно помнить, что быстро сокрушить сильного и хорошо организованного врага можно только с чрезвычайной жестокостью. Следовательно, должны быть арестованы все руководители политических партий, движений и союзов, не примкнувших к движению; эти люди будут подвергнуты показательным наказаниям, чтобы попытки противостояния были задушены в зародыше». Документ был подписан «директор» — то есть Мола.

Тем временем Асанья и его правительство изо всех сил старались восстановить порядок. 27 февраля они закрыли штаб-

квартиру фаланги в Мадриде. 15 марта, когда фалангисты подложили бомбу в дом Ларго Кабальеро, был арестован Хосе Антонио — формально за то, что при нем нашли незарегистрированное оружие¹⁰.

Последовали и другие аресты фалангистов. Но даже из-за стен Образцовой тюрьмы к «пистолерос» и бомбометателям продолжали поступать инструкции. Через неделю республика получила удар со стороны левых, который заставил вспомнить о событиях в Касас-Вьехас. Несмотря на то что аграрная реформа продолжалась, тысячи безземельных крестьян, голосовавших за Народный фронт, сочли, что осуществляется она слишком медленно. В Эстремадуре жители деревень стали захватывать большие запущенные поместья, отводить себе участки, после чего проводить митинги на деревенских площадях, которые проходили под шумные славословия республики. В деревне Джусте, где в монастыре провел свои последние дни император Карл V, произошло кровавое столкновение между гражданской гвардией и крестьянами. Были убиты восемнадцать жителей деревни и один гвардеец. Несмотря на неоспоримую победу сил «законности и порядка», захваты земель на местах продолжались. И правительство уже не осмеливалось их пресекать.

Ежедневно шли перестрелки между фалангистами и членами FAI, социалистами и анархистами и даже между двумя группировками социалистической партии. FAI и CNT издали серию угрожающих оповещений и провели ряд предупредительных забастовок. Премьер-министр Мануэль Асанья, «сильный человек» республики, смог отреагировать на это лишь словами, заявив что испанский рабочий класс — это «сырой материал для художника». 4 апреля он дал интервью Луису Фишеру, американскому журналисту. «Почему вы не проведете чистку в армии?» — спросил Фишер. «Зачем?» — поинтересовался Асанья. «Потому что несколько недель назад на улицах были танки, и вы до двух часов утра находились в министерстве внутренних дел. Вы должны опасаться волнений». — «Всего лишь сплетни, которые ходят по кафе», — ответил Асанья. «Я слышал об этом в кортесах», — возразил Фишер. «Ах, да кортесы — одно большое кафе, — сказал Асанья и добавил улыбаясь: — Единственный испанец, который всегда оказывается прав, — это Асанья. Если все испанцы станут «асаньястами», все будет хорошо». Но в разговоре с другим журналистом он выразился более точно: «Sol y sombra! Свет и тень! Вот что такое Испания»¹¹.

К 7 апреля даже Прието поддался господствующей панике и стал настаивать на смещении Алькалы Саморы. Конститу-

ция оговаривала, что если президент за время своего срока дважды распускает кортесы, то он может быть отставлен со своего поста — получив вотум недоверия. Народный фронт воспользовался этим положением, готовый идти даже на роспуск кортесов. Фронт опасался, что Алькала Самора может использовать свое положение для содействия правому «пронунсиаменто». Правые в кортесах даже не попытались поддержать президента, ибо они тоже не испытывали к нему любви. Алькале Саморе пришлось оставить Национальный дворец, и остаток жизни он провел в изгнании, проклиная тех, кто сместил его со столь хорошо оплачиваемого поста.

Но это ничего не изменило. 13 апреля судья Мануэль Педрегаль, который приговорил фалангиста¹² к тридцати годам тюрьмы за убийство мальчишки-курьера, работавшего у социалистов, сам был убит. 14 апреля, во время парада на Пасоде-Кастельяна в честь четвертой годовщины республики, в президентскую трибуну была брошена бомба. Лейтенант гражданской гвардии был по ошибке застрелен. Посчитали, что он направляет свой пистолет на Асанью. Похороны этого офицера, прошедшие 16-го числа, превратились в грандиозную демонстрацию силы. Почти на всем пути до Восточного кладбища похоронную процессию сопровождали сплоченные отряды мадридских фалангистов, восклицавших: «Испания! Единая, великая и свободная!» Полные энтузиазма члены «Социалистической молодежи» пели «Интернационал», салютовали вскинутыми кулаками и осыпали кортеж пулями. На самом кладбище состоялась схватка между фалангистами и жандармами. В течение этого дня было убито около дюжины людей — и среди них Андрес Саэнс де Эредиа, двоюродный брат Хосе Антонио. Его застрелил лейтенант Хосе Кастильо. Через три месяца эта смерть повлекла за собой еще более тревожные последствия.

По столице циркулировали самые разные слухи. Правые считали, что Бела Кун, венгерский коммунист, которого на Западе считали кем-то вроде Робеспьера и Ленина, прибыл в Севилью, чтобы начать революцию¹³. В кортесах ежедневно повторялись обвинения, что Асанья играет роль Керенского. В конце месяца вернулись на родину те испанские коммунисты, которым удалось успешно скрыться после астурийской революции и добраться до Москвы. Вернулся оттуда и Альварес дель Вайо, журналист и советник Ларго Кабальеро. Главным образом при его содействии «Социалистическая молодежь» объединилась с коммунистическим молодежным движением. Коммунисты впоследствии стали доминировать в этом союзе. Это вызвало беспокойство даже в ближайшем

окружении Ларго Кабальеро. Аракистайн, издатель газеты Ларго Кабальеро «Свет» («Кларидао») и шурин Альвареса дель Вайо, взорвался: «Мы теряем нашу молодежь! Что происходит с Испанской социалистической партией?»¹⁴ Прието не мог сдержать гнева. Более того, именно в это время большое количество членов молодежного движения CEDA, которым никогда не везло под руководством Хилия Роблеса, тоже сделали шаг навстречу экстремизму и объединились с фалангой, хотя в то время эта организация была публично запрещена после бунта во время похорон лейтенанта гражданской гвардии. Среди тех, кто присоединился к фаланге, был руководитель молодежи CEDA, свояк генерала Франко, Рамон Серрано Суньер, который стал одной из самых значительных фигур в цепи связей между генералом и фалангой. В начале 20-х годов XX века он учился вместе с Хосе Антонио в Мадридском университете, и эти старые контакты облегчили путь к идеологическому альянсу.

Тем не менее военный мятеж Мола в апреле не состоялся. План целиком зависел от генерала Родригеса дель Баррио, генерального инспектора армии. В последний момент тот испугался и сказался больным. Предполагалось, что генерал Оргас вместе с отрядом гражданской гвардии будет ждать сигнала в дружественном итальянском посольстве. Но и это, и другие шаги были по телефону отменены генералом Варелой. И в самом деле, в апреле ни карлисты, ни фаланга еще не были готовы в полной мере сотрудничать с Молой. Политические лидеры карлистов продолжали в Лиссабоне вести переговоры с генералом Санхурхо о будущем Испании после переворота. На первых порах Фаль Конде предлагал просто распустить все политические партии и организовать правительство всего из трех человек — Санхурхо станет президентом и ответственным за вопросы обороны; будут еще министр образования и министр промышленности¹⁵. И пока все эти политические цели обсуждались при посредстве тайных курьеров, к тактическому плану операций добавлялись все новые детали. В Мадриде Кальво Сотело носился от «Палас-отеля» до «Ритца» и по частным домам, договариваясь с финансистами. Но что происходило с фалангой? Партия, занятая покушениями и уличными драками, получила секретную директиву, предупреждающую против объединения сил с военными заговорщиками: «Мы не будем ни авангардом, ни штурмовым отрядом, ни бесценным союзником никакого смешанного реакционного движения»¹⁶. Смелые слова, и они точно выражали подлинные взгляды тех старых фалангистов, которые участвовали в уличных стычках еще с 1931 года. Но к тому

времени их голоса стихли. Вне всяких сомнений, фаланга не могла остаться в стороне от событий, которые последуют вслед за мятежом военных.

1 мая по всей Испании прошли традиционные демонстрации рабочих. Им сопутствовали общие забастовки, к которым во многих городах призвала CNT. По бульварам крупных городов прошли шествия теперь объединившейся социалистической и коммунистической молодежи, которые напоминали зародыш Красной армии. Звуки «Интернационала» или же какой-нибудь из прекрасных песен, рожденных во время боев в Астурии, — например, «Первое мая» или «Молодая гвардия», встречались вскинутыми сжатыми кулаками. Огромные портреты Ларго Кабальеро, Сталина и Ленина, подобно знаменам, плыли по бульвару Кастельяно в Мадриде, с изящных балконов которого, полная восторженного ужаса, смотрела буржуазия, представлявшая Испанию Карла V. Конечно же это не должно продолжаться вечно. Через четыре дня из своей тюрьмы Хосе Антонио (который всегда любил Санхурхо, поскольку тот дружил с его отцом) обратился с открытым письмом к испанским солдатам, призывая их положить конец всем нападкам на «священную сущность Испании». «Последним средством спасения, — добавил он, — как говорил Шпенглер, всегда будет взвод солдат, который и спасет цивилизацию». Ушли в прошлое те дни, когда Хосе Антонио утверждал, что нет ничего бесполезнее солдата, что у них всех цыплячья сердца и самый большой трус — это Франко. Но все же фаланга не стала неотъемлемой частью военного заговора. Май еще не подошел к концу, когда Хосе Антонио заметил, что он во всем согласен с речью Прието.

10 мая 1936 года Мануэль Асанья был избран президентом Испанской республики вместо Алькалы Саморы. В коллегии выборщиков, собравшихся во дворце Ретиро, за него проголосовало 238 человек и лишь пять — против. Избрание прошло тихо и спокойно, если не считать драки в коридоре между Аракистайном, все еще поддерживавшим Ларго Кабальеро, и Хулианом Сугасагойтия, издателем газеты Прието «Эль Сосьялиста». CEDA и другие правые партии не выдвигали своего кандидата и воздержались при голосовании. Через несколько дней премьер-министром стал Касарес Кирога, возглавив почти такой же, как при Асанье, кабинет. Отношение Асаньи к своему избранию удивило многих его сторонников, поскольку было странным, что он согласился оставить пост главы правительства в такой момент, когда рядом не было ни одного государственного деятеля подобного масштаба. Все же стало ясно, что он с удовольствием воспользовался возможностью сменить тревожный хаос корте-

сов на уединенное величие Национального дворца. Скорее всего, Асанья убедил себя, что, став главой государства, он тем самым успокоит средний класс, опасющийся революции. Но устранить эти страхи было не так легко. Женщина-депутат от социалистов, эмигрировавшая из Германии, Маргарита Нелькен, объявила: «Мы хотим революции, но не такой, как русская, которая может служить нам лишь моделью, ибо мы должны разжечь огромное пламя, отсветы которого будут видны по всему миру, и от потоков крови покраснеют моря». 24 мая Ларго Кабальеро произнес в Кадисе большую речь. «Когда Народный фронт расколется, — заявил он, — что неизбежно последует, станет очевидным триумф пролетариата. Затем мы установим диктатуру пролетариата, что означает репрессии в адрес капиталистов и буржуазных классов!» В то время уже составлялись заговоры и обдумывались планы их претворения в жизнь. Несмотря на тот факт, что установление коммунистического режима в Испании противоречило сдержанной внешней политике Сталина того времени, Коммунистическая партия Испании, возбужденная присоединением «Социалистической молодежи», продолжала кормить Ларго откровенной лестью, заставляя его делать все более и более экстремистские заявления¹⁷. Тем временем в Сарагосе состоялся ежегодный конгресс CNT. Раздоры с FAI успешно разрешились. Конгресс потребовал продолжения предупредительных забастовок, усиления борьбы против UGT и «буржуазного» правительства, 36-часовой рабочей недели, месячного оплачиваемого отпуска, повышения зарплаты¹⁸ и, наконец, «либертарианского коммунизма».

Тем не менее, пока в рабочем классе и особенно среди левых продолжали существовать непримиримые разногласия практически едва ли не по каждому вопросу, шла ли речь о политике или о тактике, правые наконец сомкнули ряды. 1 июня Хосе Антонио в письме к Моле сообщил из тюрьмы, что он полностью поддерживает военный заговор и предоставляет свою партию в его распоряжение. Он также пообещал, что началу мятежа поспособствуют 4000 фалангистов.

Таким образом, к началу июня Мола завершил последние (на этот раз стратегические) приготовления. Генерал Кейпо де Льяно, высокий, красивый и всегда подвыпивший командир корпуса карабинеров, присоединившийся к заговору позднее прочих, ибо сначала Мола отверг его, должен будет взять на себя непростую задачу в Севилье¹⁹; генерал Саликет поднимет Вальядолид; сам Мола станет отвечать за Бургос и Памплону; в Мадриде будет командовать генерал Вильегас, а генерал Кабанельяс (который считался крепким республиканцем) — в Сарагосе. Барселону возьмет на себя генерал Гонсалес Каррас-

ко; сам Франко вылетит, чтобы принять командование Африканской армией, а Годед возглавит гарнизон в Валенсии. Остальные города были поделены между другими доверенными офицерами. Младшие офицеры, которые помогут в организации мятежа, будут вознаграждены немедленным продвижением по службе, «или, если они пожелают, гражданским постом с такой же заработной платой».

5 июня Мола пустил в обращение политический документ, в котором излагался план восстания, который призван был обеспечить ему успех. Должна быть создана «Директория», включающая президента и четырех других членов. Все в ее составе должны быть офицерами. Они будут наделены правом издавать законы, которые будут ратифицированы законодательной ассамблеей. Последняя станет избранной «в соответствии с избирательным правом, которое будет сочтено наиболее подходящим». Действие кортесов и Конституции 1931 года, без сомнения, будет приостановлено. Законы, не соответствующие «новой органической системе» государства, отменяются, а тех, кто «черпает идеи из-за границы», объявят вне закона. Новая система во многом будет напоминать ту, что хотел ввести прежний диктатор Примо де Ривера, несмотря на некоторые вербальные уступки фаланге и карлистам.

Карлисты (с которыми Мола теперь поддерживал контакты), однако, не согласились на немедленную реализацию этой программы, хотя у Мола состоялась шестичасовая беседа с Фалем Конде в наваррском монастыре Ираче²⁰.

С такими настроениями Испания, страна, о которой историки Средневековья торжественно говорили, что демократия в ней родилась на несколько поколений раньше, чем в Англии, пришла к дебатам в кортесах 16 июня.

Примечания

¹ Доктор Мараньон встретил Франко в Париже, на обеде в испанском посольстве. Франко вернулся из Лондона, с похорон короля Георга V. Он представлял Испанию и в траурной процессии шел за обреченным маршалом Тухачевским, представлявшим Россию. Эрудированный врач и генерал легиона пошли прогуляться по набережной Сены, и Франко сказал, что через несколько недель в Испании все успокоится.

² Мистер Лоренс Фернсуорт, автор книги «Борьба Испании за свободу», сообщает, что Портела сказал ему, будто в данный момент Хиль Роблес замыслил переворот. Все же я склонен верить Генри Бакли, который, посетив на следующий день после выборов штаб-квартиру CEDA, убедился, что Хиль Роблес пришел в ярость, когда ему предложили пойти на антиконституционные действия. Визит Франко к генералу Посасу, командующему гражданской гвардией, в то время зани-

мавшему пост министра внутренних дел, тоже не принес успеха. Тот также отказался выступить против Народного фронта.

³ Так, Хуан Марч покинул страну уже 16 февраля и впоследствии поддерживал тесные связи с заговорщиками из числа военных.

⁴ К тому времени испанских коммунистов насчитывалось всего около 10 000 человек, хотя сама партия утверждала, что она имеет 35 000 членов. Особым влиянием компартия пользовалась в окрестностях Мадрида, а в Каталонии и в Стране Басков сторонников у нее было куда меньше. Если не считать Пассионарии, лидеры партии были сравнительно неизвестными личностями. Секретарь партии Хосе Диас, бывший анархист, бывший чистильщик обуви из Севильи, был человеком скромным, хотя и энергичным. На людях он безоговорочно следовал политике Коминтерна, в частных же беседах он неоднократно осуждал ее. Его ближайшим доверенным другом был Хесус Эрнандес, глава отдела пропаганды и редактор «Мундо обреро». Этот человек, несмотря на свои тридцать с небольшим лет, был ветераном коммунистического движения. Уже в шестнадцать лет, когда его признали виновным в попытке покушения на Прието, он считался профессиональным террористом. После пребывания в Москве в 1936 году Эрнандес был избран в кортесы, где обрел известность призывами к насилию, звучавшими в его речах. Другими ведущими коммунистами были Педро Чека, Михе и Урибе, марксистский теоретик партии.

⁵ Полная численность CEDA никогда не предавалась гласности. Ядро партии составляло примерно 12 000 человек.

⁶ Во втором туре выборов, 3 марта, Народный фронт получил 8 мест, баски и правые — по 5, а центристы — 2. Таким образом, у Народного фронта оказалось всего 278 мест и еще он мог рассчитывать на другие 10 мест басков. У правых оказалось 134 места, а у центра — 55.

⁷ Хотя их разговор был на удивление уклончив. «Вы не правы, — сказал Франко, — отсылая меня. В Мадриде я был бы куда более полезен и армии и миру в Испании». — «Я не боюсь развития событий, — ответил Асанья. — Я знал о мятеже Санхурхо и мог бы предотвратить его. Я предпочел, чтобы он сам рухнул».

⁸ Хотя его мемуары об этом периоде работы в министерстве внутренних дел пользовались большим успехом.

⁹ Как оно и было. Хотя карлисты еще не установили контактов с Молой, в военном комитете председательствовал Сен-Жан де Люс, принц Франсуа Ксавьер из пармских Бурбонов, племянник (и возможный наследник) пожилого дона Альфонса Карлоса, претендента на престол от карлистов. Комитет закупил 6000 ружей, 150 станковых и 300 ручных пулеметов, 5 миллионов патронов и 10 000 пулеметных лент. Тем не менее из этого количества до июля 1936 года в Испанию попали лишь пулеметы, закупленные в Германии. Остальное оружие было конфисковано в Антверпене, и даже личное вмешательство принца Франсуа Ксавьера вкупе с королем Бельгии не принесло результатов.

¹⁰ Существует, возможно, апокрифическая история, как перед арестом Хосе Антонио его пригласил к себе Асанья и попросил покинуть страну. «Не могу, — ответил тот. — У меня больная мать». — «Но ваша мать умерла много лет назад», — ответил Асанья. «Моя мать — Испания, — якобы сказал Хосе Антонио, — и я не могу оставить ее». Эта история появилась в лиссабонской газете 21 ноября 1936 года. Доподлинно известно, что примерно в это время Эдуардо Аунос, один из ближайших сподвижников Хосе Антонио, уговаривал его улететь из Испа-

нии. «Ни в коем случае, — сказал Хосе Антонио. — Фаланга — это не старомодная партия заговорщиков, руководители которых сидят за границей».

¹¹ На трибунах арены для боя быков места называются Sol или Sombra, в зависимости от того, затенены они или нет.

¹² Фалангиста звали Ортега, и в начале Гражданской войны он был убит в своей тюрьме в Сантоне.

¹³ Это конечно же было неправдой. В то время Бела Кун был слаб и болен, и к тому же его вскоре расстреляли. Достойный доверия информатор встретил Куна в 1935 году в Москве, и тот сказал, что болен и не может добраться до Испании. Да и в этом случае он бы не представлял никакой опасности. Тем не менее вполне возможно, что в это время Испанию посетил Эрне Гере, тоже венгерский коммунист, который под псевдонимом Сингер был «инструктором» у французских коммунистов.

¹⁴ Эти слова были сказаны Генри Бакли, в то время корреспондентом «Таймс» в Мадриде. Аракистайн, который был страстным антикоммунистом, рассказывал, что нередко видел, как к Альваресу дель Вайо заходит агент Коминтерна Витторио Кодовилья (он жил в том же доме этажом выше). Но необходимо помнить, что это был период, когда Народный фронт признавали силой огромное количество людей во всем мире. Агент Коминтерна воспринимался как желательный союзник и соратник. И в то время вряд ли требовалось старательно уговаривать «Социалистическую молодежь», чтобы она объединилась с коммунистами.

¹⁵ Раньше карлисты хотели сами поднять восстание, и Санхурхо согласился возглавить временное правительство для реставрации монархии (королем должен был стать претендент от карлистов), если такое изолированное восстание вообще состоится.

¹⁶ Между февралем и июлем 1936 года число фалангистов, как и коммунистов, значительно выросло — скорее всего, теперь их было не менее 75 000. Кроме организации Онесимо Редондо в Вальядолиде (которое обрело себе сторонников и среди рабочих в Севилье) были и молодые представители среднего класса и студенты, еще не окончившие учебу.

¹⁷ Я пришел к выводу, что три документа, как говорят, найденных в четырех различных местах после начала Гражданской войны, содержавших планы переворота социалистов и коммунистов, который должен был выглядеть как мятеж правых, — не поддельные. Их часто перепечатывали, вместе с факсимиле подписей. Эти три документа включают в себя а) план Ларго Кабальеро, его сторонников и коммунистов в период 11 мая — 29 июня установить Советы, б) исчерпывающие инструкции проведения революции, в) подготовленный отчет о митинге коммунистической партии в Валенсии 16 мая. Первое упоминание об этих документах я нашел в «Наваррском дневнике» от 7 августа 1936 года, то есть к этой дате просто не успели бы сделать убедительную политическую фальшивку. Факт подлинности документов еще не означает, что прописанные в них планы были бы обязательно претворены в жизнь. Это были скорее мечты, а не чертежи или наброски предполагаемых планов, которые могли никогда и не возникнуть. Они не могут оправдать мятеж генералов, ибо их планы составлялись задолго до того, как были подготовлены планы их врагов. Необходимо отметить одного лишь историка, Б. Феликса Маэса, который считал, что возможность восстания «коммунистов» или левых сил играла какую-то роль в мотивах, заставивших генералов поднять мятеж.

¹⁸ Эти требования вызвали бессрочную забастовку строителей, которая на все лето приостановила эту отрасль и привела к перестрелкам между UGT (который был согласен на арбитражное разбирательство) и CNT.

¹⁹ Он уже издавна испытывал неприязнь к республике после того, как в 1930 году не удалась его попытка занять пост военного министра, на что он крепко надеялся. Он принял активное участие в заговоре 1930 года и покинул страну вместе с Рамоном Франко.

²⁰ В дополнение к трудностям, которые осложняли отношения Мола с карлистами, у него не было полного взаимопонимания и с Военным союзом. Этот союз хотел предать суду за государственную измену всех министров, работавших после 1932 года.

Глава 12

Революции прошлого и канун катастрофы

Середина лета 1936 года стала кульминацией страстных споров, которые велись в Испании 150 лет. 1808, 1834, 1868, 1898, 1909, 1917, 1931, 1932, 1934 годы и, наконец, февраль 1934-го — все это были критические даты; они возникали все чаще и чаще, пока наконец испанская трагедия не вспыхнула жарким пламенем. Стоит вспомнить, как в 1808 году навсегда рухнула старая монархия и как в 1834-м вокруг вопроса о либеральной конституции началась открытая война, которая шла пять лет. Припомним, как в 1868 году коррумпированная монархия была свергнута армией и как страна разорвалась в войне, которая была и религиозной, и региональной. В это время представители Бакунина основали первые организации рабочего класса. А в 1868 году завершение испано-американской войны вернуло домой из последних колоний огромную армию, которая питалась бесчисленными напоминаниями о былом величии Испании и, будучи не в силах найти себе применение, преисполнялась раздражения. Тогда героическая группа молодых выходцев из среднего класса стала готовить интеллектуальное и экономическое возрождение страны, «повесив замок на могилу Сиды»¹. Отметим, как в 1909 году классовая ненависть, подогретая каталонским национализмом, привела к кровавой неделе в Барселоне, которая обратилась против церкви. Вспомним, как в 1917 году революционная всеобщая забастовка была подавлена армией, которая сама находилась на грани мятежа, а военная диктатура Примо де Риверы, установившаяся в 1923 году, стала единственной за сто лет, образовавшей испанское правительство, которое дало стране передышку от политических убийств, забастовок и бесплодных политических интриг.

Как либералы, чьи протесты привели к изгнанию и диктатора в 1930 году, и короля в 1931-м, оказались неспособны создать демократические порядки, достаточно крепкие, чтобы удовлетворить чаяния и рабочих, и старых правящих классов, так они оказались неспособны провести в жизнь свои же реформы. Посмотрим, как в 1932 году часть правых попыталась компенсировать свое поражение на выборах «пронунсиаменто» в старом стиле и как в 1934 году часть на этот раз уже левых сил после собственного поражения на выборах, движимая характерным для всей Европы страхом перед фашизмом, устроила революцию, которая привела в Астурии к временной диктатуре рабочего класса. Заметим, как в феврале 1936 года две стороны конфликта, которые к тому времени уже обрели четкие очертания и окрестили себя воинственным словом «фронт», вынесли наконец свои споры к проверке на всецародные выборы и как не самая убедительная победа Народного фронта привела к созданию прогрессивных, но слабых министерств, которые, как считали их коммунистические и социалистические сторонники, смогут поднять занавес перед долгожданными социальными и региональными переменами. Отметим, наконец, что большинство ведущих фигур в Испании 1936 года принадлежало к поколению, которое жило в бурные времена, и Ларго Кабальеро, Кальво Сотело, Санхурхо играли если и двусмысленные, то и достаточно важные роли. Сюда надо причислить и воплощение былой славы страны, хозяев экономической власти, которых поддерживали армия и церковь. Все они считали, что вот-вот потеряют свои позиции. Противостояли им «профессора» — большинство образованных представителей среднего класса — и почти вся рабочая сила страны, взбешенная годами оскорблений, нищеты и унижений, отравленная знанием лучших условий жизни, которыми пользуются их товарищи по классу во Франции и Англии, и тем доподлинным преимуществом, которого добился рабочий класс в России. Трагедия была неизбежна.

Вторая Испанская республика пала потому, что с самого начала ее не приняли мощные и влиятельные политические силы как справа, так и слева. Более того, в попытке решить многие наболевшие проблемы, перед лицом которых стояла Испания (и которые привели к краху предыдущего режима), она оттолкнула многих, кто на первых порах хотел сотрудничать с ней. Пять с половиной лет республики пришлось на время, когда со страстью, подогретой кризисами, одна из политических сторон обрела достаточно сил, чтобы не дать другой стороне одержать немедленную победу, если разразится

война. После падения монархии в 1808 году в Испании были три главных объекта противоречий, послуживших поводом для ссор и споров: церковь и либералы; землевладельцы, к которым позже присоединилась буржуазия, и рабочий класс; те, кто требовал тех или иных местных прав (главным образом в Каталонии и Стране Басков), и защитники жесткого централизованного контроля Кастилии.

Все эти три диспута подкармливали друг друга, доводя накал страстей до высшей точки кипения², так что любые попытки одной из сторон смягчить ситуацию тут же пресекались возобновлением насилия с другой стороны.

На этих жестоких конфликтах и жила страна. У испанцев не было привычек к организации, к компромиссам или хотя бы к вежливым выражениям. И если существовали традиции, общие для всей Испании, то, скорее всего, это горячность и непримиримость в спорах по вопросам религии, взаимоотношения классов и происхождения. Тем не менее все испанцы, сознательно или подсознательно осознавая, что когда-то Испания была крупнейшей страной в мире, в то же время чувствовали, что она должна по крайней мере выглядеть единой и все бесконечные споры несущественны для ее великой истории. Именно это в какой-то мере и заставляло испанцев думать, что в любом компромиссе есть что-то унижающее по отношению к идеалам (пусть даже это и означало, что им никогда не удастся создать практическую политическую программу). В то же самое время огромное количество людей хотели «новой Испании» (что на деле могло означать сотню самых разных понятий), которая была бы достойна ее великого прошлого и высоких качеств самих испанцев. Эти мотивы подспудно руководили теми сеньорами, которые пели гимн фалангистов «Лицом к солнцу»:

Лицом к солнцу, облачившись в мундиры,
Расшитые только вчера,
Смерть найдет меня, если придет ей пора,
И я больше не увижу тебя...
Вставайте (Arriba!), батальоны — и к победе,
Ибо Испания начинает пробуждаться.
Испания — едина! Испания — великая!
Испания — свободная! Испания — вставай!

Те же эмоции владели и страстными революционерами, которые пели анархистский гимн «Сыны народа»:

Сын народа, тяжелы твои цепи,
Угнетение не в силах снести!
Если жизнь твоя в скорби проходит,
Лучше умереть, чем быть рабом!

Рабочий!
Ты больше не будешь страдать!
Угнетателей
Кара постигнет!
Вставай, народ,
Кто верность хранит
Призыву
Революции мира!

Примечания

¹ Эта фраза принадлежит экономисту Хоакину Косте.

² Хотя не в том же самом порядке, как они всегда были в прошлом. Например, во время Первой карлистской войны либералы выступали как защитники контроля со стороны Кастилии против региональных требований каталонцев и басков, а в 1936 году наследники этих либералов отстаивали своеобразную федерацию провинций.

Книга вторая

МЯТЕЖ И РЕВОЛЮЦИЯ

Глава 13

Письмо Франко от 23 июня. — Споры карлистов с генералом Молей. — Дата мятежа назначена: 15 июля. — Путешествие «Стремительного дракона». — Маневры в Марокко. — Убийство лейтенанта Кастильо. — Убийство Кальво Сотело.

23 июня генерал Франко написал из своего полуизгнания на Канарах письмо премьер-министру республики Касаресу Кироге.

Он протестовал против недавнего смещения со своих постов офицеров правых взглядов. Эти действия, писал генерал, вызвали столь серьезное возмущение, что он считает себя обязанным предупредить премьер-министра (который одновременно был и военным министром) об опасности, «угрожающей дисциплине в армии».

Это письмо было последним заявлением Франко, его оправданием «перед историей», как он потом сам его оценил. Он сделал все, что в его силах, для мирного разрешения ситуации, хотя должен был знать, что эти последние часы уже ничего не решали¹. Тем не менее премьер-министр ничего не ответил. Для Франко это стало последней возможностью. Больше он не колебался. И в конце июня ему оставалось к назначенной дате мятежа только договориться с карлистами.

Но 1 июля 1936 года генералу Моле пришлось выпустить документ, призывающий своих соратников по заговору к терпению. В Марокко Африканская армия начала свои летние маневры. В Тенерифе Франко маялся вынужденным бездельем и занимался тем, что выслушивал сплетни о заговорах. Города на материке задыхались в тисках стачки строителей. UGT хотел ее прекратить, потому что воцарился полный хаос, а CNT, наоборот, продолжить — по той же причине. В Мадриде бастовали лифтеры, официанты и тореадоры — все, кого

подняло левое крыло UGT. Слухи ширились. Вспыхнула паника из-за рассказней, что в рабочем пригороде группа монахов отравила детский шоколад. С начала июля каждодневные политические убийства стали обычным явлением. Так, 2 июля два фалангиста, сидевшие за столиком мадридского кафе, были убиты выстрелами из проезжавшей машины. Во второй половине того же дня двух человек, выходявших из кафе в Мадриде, группа каких-то людей расстреляла из автоматов. Такая мини-война продолжалась начиная от выборов в феврале, но никто не обращал на нее внимания. Почти ни в одном из случаев убийц задержать не удалось, хотя, конечно, политические убийства куда труднее раскрываются, чем уголовные или бытовые. 8 июля в Мадриде было арестовано семьдесят фалангистов, а в провинциях — несколько сотен по обвинению, что они готовили беспорядки. Среди них был Фернандес Куэста, шеф мадридского отделения фаланги. А тем временем в военном министерстве от глаз офицеров, верных республике, не укрылись возбужденные совещания среди тех, кто, как они знали, был враждебен республике. Гарсиа Эскамес, хитрый и обаятельный уроженец Андалузии, который командовал подразделением легиона в Астурии, а теперь замещал Мола в Памплоне, появлялся с новостями и планами. Тогда и верные республике офицеры стали совещаться. Впоследствии они с особой горечью вспоминали эти последние дни перед Гражданской войной, когда им еще доводилось говорить с коллегами, которые позже оказались по другую сторону фронта.

Но пока Мола так и не удавалось достичь политического соглашения с карлистами. Они упорно настаивали на своих главных требованиях: мятеж должен проходить под монархическими флагами и, добившись успеха, следует распустить все политические партии. 7 июля Мола написал Фалью Конде (и другим ведущим карлистам), пообещав поднять вопрос о флагах сразу же после начала мятежа и заверив, что он, Мола, не имеет связей ни с какой политической партией. «Вы должны понять, — добавил он, — что в силу вашего отношения к делу все наши действия парализованы. Есть о п р е д е л е н н ы е задачи, которые необходимо заранее подготовить, так как их невозможно будет отменить. Ради блага Испании прошу вас как можно скорее ответить»². 7 июля Фаль Конде написал ответ, требуя гарантий, что будущий режим будет антидемократическим, и настаивая, чтобы вопрос о флаге был решен немедленно. Мола, с трудом удержавшись от гневной вспышки, на оба эти условия ответил отказом. «Движение традиционалистов, — написал он, — своей неуступчивостью разрушает

Испанию так же, как и Народный фронт». Тем не менее 9 июля генерал Санхурхо написал из Лиссабона примирительное письмо, которое, похоже, успокоило и Фаля Конде и генерала. А тем временем на улицах Памплоны шла подготовка к ежегодному фестивалю «Сан-Фермин». Как и в прошлые годы, на улицы выпускались бычки, которые через весь город, заруженный толпами, бежали к арене для боя быков. В этом празднестве принимали участие все без исключения молодые люди, за которыми с балконов наблюдали их девушки в карнавальных нарядах. Среди молодежи было много тех, кто через неделю окажется в рядах карлистских сил. В толпе зрителей можно было заметить хитрое лицо Мола в очках. Его сопровождали генерал Фанхуль, ведущий заговорщик из Мадрида, и полковник Карраско, которым предстояло возглавить мятеж в Сан-Себастьяне.

В Лондоне Луис Болин, корреспондент монархической газеты «АВС», подрядил в авиакомпании «Оллей Эйруэйс» из Кройдона самолет «Стремительный дракон», чтобы доставить Франко с Канарских островов в Марокко, где тот должен был взять на себя командование Африканской армией³. Но выяснилось, что в Испании нет самолетов, обладающих скоростью, достаточной для такой деликатной миссии. Испанские заговорщики, кроме того, пришли к выводу, что английский пилот вызовет больше доверия, чем кто-либо из соотечественников⁴.

Через два дня, 11 июля, английский самолет вылетел из Кройдона. За штурвалом сидел капитан Бебб. Он понятия не имел о сути задания, которое ему придется выполнять. Сопутствовали ему Болин, отставной майор Хью Поллард и две пышноволосяные молодые женщины. Одна из них была дочерью Полларда, а другая — ее подругой. Этих пассажиров, которые, как и пилот, не догадывались о цели полета, пригласил английский издатель и католический историк Дуглас Джерролд, чтобы придать непростому путешествию самый ординарный характер⁵. Этой же ночью в Валенсии группа фалангистов захватила радиостанцию и послала в эфир загадочное сообщение о том, что скоро разразится «национал-синдикалистская революция». Они исчезли до появления полиции. В тот же день в Мадриде Касареса Кирогу еще раз предупредили о грядущих событиях. «Значит, ожидается м я т е ж? — осведомился он с абсурдной веселостью. — Очень хорошо. Я же, со своей стороны, предпочту отдохнуть!»

Следующий день, 12 июля, был воскресеньем. В Марокко совместные маневры Иностранного легиона и регулярных войск завершились парадом, который принимали генералы Ромералес и Гомес Морато, командовавшие соответственно Восточной зо-

ной Марокко и Африканской армией. Альварес Буйлья, верховный комиссар Марокко, с гордостью облачился в мундир капитана артиллерии, которым он был двадцать лет назад. Ни эти два генерала, ни верховный комиссар не были посвящены в заговор, в котором многие из офицеров, участвовавших на параде, должны были играть ведущие роли. Гомес Морато пользовался особой неприязнью в ортодоксальных военных кругах, ибо именно он по приказу Асаньи и Касареса осуществил перестановки в командовании, чтобы поставить на важные посты верных режиму офицеров. В ночь перед парадом эти два генерала телеграфировали в Мадрид, что с Африканской армией все в порядке. Но в ходе маневров заговорщики провели последнее совещание. На встрече молодых офицеров полковник Ягуэ, командир Иностранного легиона, употребил даже слова «крестовый поход» (потом их неоднократно использовали в речах националистов), чтобы описать движение, которое привело к мятежу. И крики «¡CAFÉ!» — аббревиатура испанских слов «Товарищи! Да здравствует испанская фаланга!» — были слышны даже на официальном банкете, состоявшемся по окончании маневров. Альварес Буйлья спросил, почему люди требуют кофе, когда на столе еще стоит рыба. Ему сообщили, что крики раздаются из группы молодых людей, которые, простите, кажется, немного выпили. В этот же день «Стремительный дракон» приземлился в Лиссабоне, где Болин провел совещание с Санхурхо.

Вечером того же дня в девять часов лейтенант гражданской гвардии Хосе Кастильо возвращался домой после службы. Жил он в центре Мадрида. В начале года именно он убил маркиза Эредиа, фалангиста и двоюродного брата Хосе Антонио, когда во время похорон члена гражданской гвардии, который, в свою очередь, был убит на параде в честь пятой годовщины республики, начались беспорядки. С того времени фаланга сделала Кастильо объектом своей мести. В июне он женился. В канун свадьбы его жена получила письмо с вопросом, почему она выходит замуж за человека, который «скоро станет трупом». 12 июля было жарким воскресеньем мадридского лета — чиновники и дипломаты уже начали оставлять столицу, перебираясь в Сан-Себастьян. Когда Кастильо подошел к дому, в него разрядили револьверы четыре человека, которые быстро затерялись на узких переполненных улочках⁶.

Он был вторым из офицеров гвардии, убитым в последние месяцы, — месяц тому назад фалангистами был застрелен капитан Фараудо, инструктор, когда прогуливался со своей женой по Гран-Виа. Когда известие о гибели Кастильо достигло штаб-квартиры гвардии, расположенной в казармах Понтехос рядом с министерством внутренних дел на Пуэрта-дель-Соль,

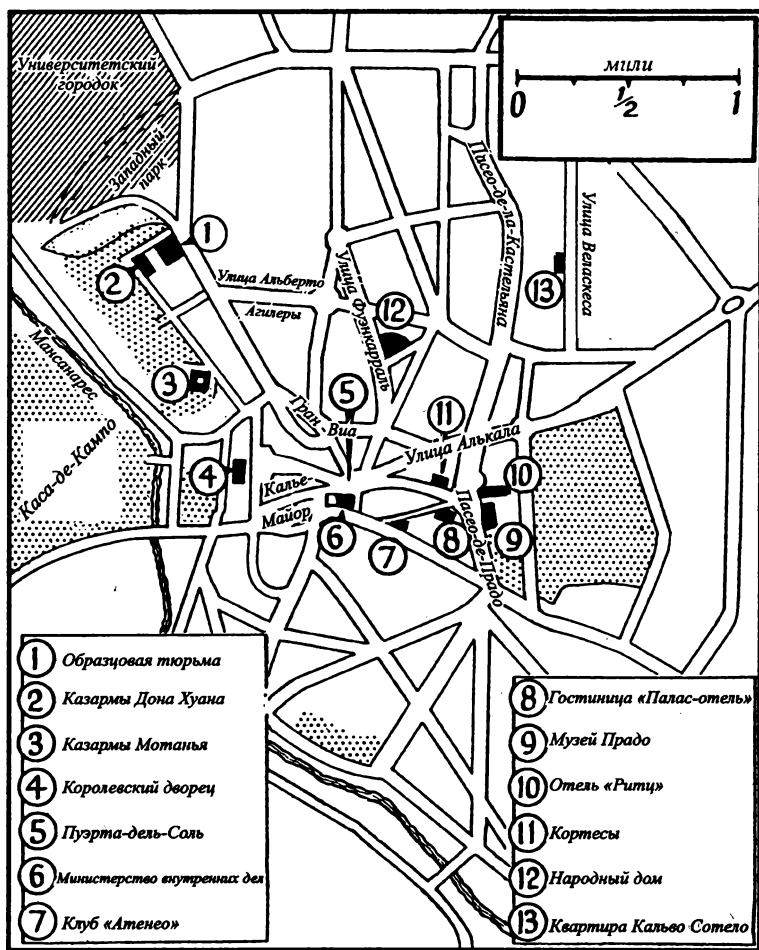
оно вызвало взрыв ярости. Новость быстро распространилась, и на улице перед домом Кастильо собралась разгневанная и бурно жестикулирующая толпа. Разгорелись страсти, раздавались крики о мести. Кто-то предложил прямо на улицах расправляться с редкими компаниями фалангистов или сеньоров, и часть коллег покойного с угрожающими намерениями двинулась на улицы. И в этот момент раздалось неглупое предложение, что мстить надо не столько рядовым участникам, сколько лидерам правых.

Предложение это поступило не от члена корпуса гражданской гвардии, а от капитана Конде, убежденного приверженца левых. Он был уволен из армии за свое участие в мятеже 1934 года и лишь недавно восстановлен в звании правительством Касареса Кироги, у которого, как говорили, капитан был специальным агентом. Историки-националисты обвиняют Касареса Кирогу, его шефа полиции и капитана Конде в том, что они составили заговор с целью убийства Кальво Сотело еще до известных дебатов 16 июня, когда лидер монархистов прямо сообщил премьер-министру, что тот угрожает его жизни. 11 июля в адрес Пассионарии было выдвинуто прямое обвинение в угрозе убить Сотело⁷. Говорят, что один из двух офицеров полиции, охранявших Кальво Сотело как депутата кортесов, рассказал другу Кальво, что его начальник отдал приказ не препятствовать попыткам убийства Сотело, а если покушение произойдет в сельской местности, то и помочь убийцам. Охрана сразу же была заменена на тех, кому Сотело мог доверять. Впрочем, Молес, министр внутренних дел в правительстве Кироги, в дальнейшем подчеркнуто не уделял внимания этому делу. В конечном итоге Молес был обвинен в том, что в «ночь длинных ножей» позвонил Касаресу Кироге, который находился на балу в бразильском посольстве, и попросил согласия премьер-министра на убийство его главного парламентского оппонента. Эти обвинения, которые к тому же были опубликованы много лет спустя, не кажутся правдоподобными. Похоже, правда о том, что произошло, именно такова, какой ее и видели в ту ночь: капитан Конде предложил вместо всеобщих уличных боев с врагами арестовать Кальво Сотело и, наверно, Хиля Роблеса. Они, как и Хосе Антонио, будут заложниками хорошего поведения правых — включая и военных заговорщиков. Премьер-министр мог дать свое согласие на такое предложение. В этом нет сомнений. Вскоре после полуночи из казарм Понтехос выехали броневик и туристский автомобиль. В броневике были капитан Кондес, два члена Союза коммунистическо-социалистической молодежи, пулеметчик Викторiano Куэнка, когда-то

служивший телохранителем генерала Мачадо на Кубе, студент-медик, в то время лечивший Куэнку от гонореи, а также несколько штурмовиков. В машине находились два капитана и три лейтенанта. Броневик направился к дому Кальво Сотело, а автомобиль — к Хилю Роблесу⁸.

Глава по крайней мере первого из этих маршрутов позаботился, чтобы его жертва была не просто арестована, а убита при задержании. Эти меры были внушены капитану Конде — если не он сам их придумал — кем-то из членов молодежного объединения социалистов и коммунистов. Конде и сам причислял себя к нему. Вполне возможно, что такое предложение было высказано во время специального инструктажа от имени Испанской коммунистической партии — ее устраивал этот взрыв народного возмущения, который должен был привести к решительным переменам.

События развивались. Примерно в три часа утра понедельника 13 июля ночной дежурный у парадных дверей дома Кальво Сотело в шикарном и современном районе Мадрида позволил Конде, Куэнке и штурмовикам подняться наверх к квартире своей жертвы. Кальво Сотело подняли с постели и заставили вместе с ночными гостями отправиться в штаб-квартиру полиции, хотя Сотело и пользовался депутатской неприкосновенностью. Штурмовики уже обрезали телефонный шнур, чтобы жертва не могла ни сообщить о незаконном аресте, ни позвать на помощь. К своему удовлетворению, Кальво Сотело убедился, что документы капитана Конде говорят о нем как об офицере гражданской гвардии. Поэтому он спокойно, хотя и не без некоторых опасений, расстался с семьей, пообещав тут же позвонить, как только выяснится, что от него хотят. «Если, — добавил он, — эти господа не вышибут мне мозги». Броневик сорвался с места со скоростью 70 миль в час. Все его пассажиры молчали. Когда они отъехали от дома на четверть мили, Куэнка, сидевший сразу же за политиком, всадил ему в затылок две пули. Тот умер мгновенно, хотя его тело продолжало оставаться в прежнем положении, зажатое с двух сторон штурмовиками. По-прежнему никто не проронил ни слова. Вскоре броневик встретился с машиной, где сидели капитаны и лейтенанты; им не удалось найти Хиля Роблеса, который на уик-энд уехал в Биарриц. Конде и его люди направились на Восточное кладбище, где передали могильщику тело Кальво Сотело, сказав, что это какой-то мертвый сеньор, которого они нашли на улице, и что все документы по этому поводу будут доставлены утром. Могильщик не счел в происшедшем ничего необычного, и труп Кальво Сотело был опознан только к полудню следующего дня.

Карта 3. Мадрид

¹ Тем не менее летчик-монархист Ансальдо писал, что даже в середине лета 1936 года (несмотря на свою активность сразу же после выборов) Франко все еще медлил и колебался. «С Франкито или без Франкито, — заявил Санхурхо, — но мы должны спасти Испанию».

² Письмо хранится в карлистском архиве в Севилье. К «определенным действиям» относились, во-первых, заверение фаланги, что мятеж начнется 15 июля, а во-вторых, подготовка самолета, чтобы перебросить Франко в Марокко.

³ Болин получил указание от своего редактора Луиса де Тены, который сам выслушал приказ полковника Альфредо Кинделана из военно-воздушных сил Испании; он же отвечал и за один из каналов связи заговора.

⁴ 7 ноября 1936 года «Ньюс кроникл» опубликовала рассказ об этих событиях летчика капитана Бейба.

⁵ Все же, по словам мистера Джерролда, Поллард имел «опыт участия в революциях».

⁶ Убийцами Кастильо были фалангисты. Один из них, получив знаки отличия на Гражданской войне, потом во время Второй мировой войны служил Германии и Японии, а по ее окончании его можно было встретить в Мадриде, где он спокойно жил и процветал.

⁷ Это произошло в кортесах. Говорят, когда Кальво Сотело сел после очередного темпераментного выступления, она крикнула: «Это твоя последняя речь!» Но в официальных отчетах нет упоминания о такой ее реплике, не упоминали о ней и такие два уважаемых свидетеля, как мистер Генри Бакли и сеньор Мигель Маура.

⁸ Я лично не верю, что Касарес Кирога заранее знал об этих убийствах, в чем его обвиняют.

Глава 14

Последствия убийства Кальво Сотело. — Две похоронные службы на Восточном кладбище. — Мола встречается с генералом Батетом. — Франко покидает Тенерифе.

Мало кто из представителей среднего класса в Испании не был потрясен убийством Кальво Сотело. Лидер парламентской оппозиции был убит работниками государственной полиции — пусть даже у них были основания подозревать, что жертва замешана в заговоре против правительства. И теперь было совершенно ясно, что правительство при всем желании не в состоянии контролировать своих агентов. Днем 13 июля был арестован капитан Морено, сидевший в автомобиле — вместе с остальными штурмовиками. Капитан Конде пустился в бега, и его политические соратники, включая Куэнку, растворились в толпах воинственных коммунистов и социалистов. Корпус гражданской гвардии «Штурм» ставил препятствия полицейским, которые без большой охоты, но подчиняясь настойчивым

неотступным требованиям семьи Сотело начали расследование этого преступления¹. Тем временем кабинет министров провел почти весь день 13 июля в непрерывных заседаниях. Он издал приказ о закрытии в Мадриде штаб-квартиры монархистов, карлистов и анархистов. Но члены двух первых организаций (хотя на деле их было гораздо больше) и многие другие весь день звонили в дом к Кальво Сотело с выражениями соболезнования. В восемь вечера UGT и коммунисты заявили о своей полной поддержке правительства. Прието выступил со статьей в дневном издании «Эль Сосьялиста», провозгласив, что даже война была бы предпочтительнее этой серии убийств. К полуночи он возглавил делегацию социалистов, коммунистов, членов UGT, которые потребовали от Касареса Кироги раздать оружие рабочим организациям. Тот отказался, ехидно добавив, что если Прието будет слишком часто посещать его, то создастся впечатление, что это он управляет Испанией. Жаркой ночью Мадрид застыл в тревожном ожидании. Вооруженные члены левых партий — те, на кого можно было положиться в случае начала военных действий и которые успели разжиться оружием, что хранилось в арсеналах их партий, — продолжали бодрствовать, не спуская глаз с тюрем и министерских зданий. Члены же правых партий гадали, чья будет следующая очередь услышать роковой стук в дверь.

Мола назначил наконец окончательную дату восстания. Оно должно будет начаться в Марокко 17 июля в 17.00. Карлисты выразили свое согласие в декларации, которую в Сен-Жан-де-Люс подписали Фаль Конде и принц Франсуа-Ксавьер Бурбон Пармский. Этому способствовало примирительное письмо Санхурхо от 9 июля, в котором он высказал цели мятежа. Если бы не убийство Кальво Сотело, раздоры между Молой и Фалем Конде, без сомнения, продолжались бы. Теперь заговорщики пришли к выводу, что Мадрид, а также Севилья (и уж конечно, не Барселона) вряд ли сдадутся при первых же выстрелах. В этих местах гарнизоны вместе с фалангой и другими вооруженными сторонниками должны будут закрепиться в своих казармах и ждать подмоги. В соответствии с разработанным планом Мола с севера, Гоед с северо-востока и Франко с юга вместе с другими генералами из остальных гарнизонов двинутся к общей цели — столице. Санхурхо вылетит из Португалии и приземлится там, где это будет удобнее сделать. Ветераны марокканских войн во главе с «Рифским Львом», одержав верх над своими соотечественниками, под его командой теперь завоюют свою же страну.

На следующий день, 14 июля, на Восточном кладбище в Мадриде состоялись две похоронные службы. Первым хорони-

ли лейтенанта Кастильо, чей гроб, покрытый красным флагом, провожали вскинутыми сжатыми кулаками толпы республиканцев, коммунистов, социалистов и гражданской полиции. Затем через несколько часов в могилу опустили тело Кальво Сотело, облаченного в плащ с капюшоном. Место его упокоения было окружено огромной толпой, которая провожала его жестами фашистского салюта. От имени всех присутствующих Гойкоэчеа принес клятву перед Богом и Испанией отомстить убийцам. Вице-президент и постоянный секретарь кортесов были атакованы толпами представителей среднего класса (и среди них много хорошо одетых женщин), которые кричали, что они не хотят иметь никаких дел с парламентариями. Между фалангистами и гражданской полицией завязалась короткая перестрелка, несколько человек были ранены, а четверо убиты. Эти похороны были последним политическим митингом в Испании перед Гражданской войной.

Весь день в Мадриде стояла возбужденная атмосфера.

Правительство приостановило выпуск правых газет «Вот» и «Эпоха» за публикацию сенсационных материалов об убийстве Кальво Сотело без предварительного согласования с цензурой. В работе кортесов сделали перерыв, чтобы охладить страсти. Лидеры правых партий протестовали и угрожали покинуть парламент. Ларго Кабальеро, возвращавшийся после визита в Лондон, по просьбе правительства остановил свой поезд около Эскориала и, чтобы избежать демонстраций, которыми могли бы ознаменовать его приезд на Северном вокзале, добрался до Мадрида на машине.

Левые организации в канун празднования Богородицы Кармен бодрствовали всю ночь, о чем антиклерикал Прието романтически напомнил своим читателям в «Эль Сосьялиста». Продолжались споры между UGT и CNT, и временами из южных пригородов доносились звуки спорадически вспыхивающих перестрелок между двумя профсоюзами. Днем в Тенерифе прибыл дипломат Сангронис и проинформировал Франко, что на следующий день в Лас-Пальмасе приземлится самолет, который доставит его в Марокко.

Утром 15 июля состоялось заседание Постоянного комитета кортесов, состоявшего из представителей всех ведущих партий, избранных пропорционально числу депутатов. Первым делом граф Валлельяно от монархистов выразил формальный протест в связи с убийством Кальво Сотело и объявил, что его партия в дальнейшем не будет принимать участия в работе парламента, ибо ясно видно, что страна охвачена анархией. Он покинул заседание. Через несколько часов Валлельяно и Гойкоэчеа, к которым в течение следующих двух дней присоединились

многие известные аристократы и представители правых партий, уехали в более безопасные города (такие, как Бургос) или за границу. Они понимали, что, если в столице начнутся бои, их жизни окажутся под угрозой. Тем временем в комитете кортесов взял слово Хиль Роблес. Он красноречиво воздал дань памяти Кальво Сотело, который еще недавно был его соперником и чью судьбу он чуть не разделил. Роблес перечислил акты насилия последних нескольких месяцев — включая шестьдесят одно убийство и десять ограблений церквей. Ответственность он возложил на правительство. Роблес припомнил, как члены политических партий, поддерживающих правительство, открыто заявили об оправдании любого акта насилия против Кальво Сотело и как министр внутренних дел проигнорировал угрозы его жизни, о которых сообщил Хоакин Бау. Свое выступление он завершил словами, что этот кабинет министров превратил демократию в фарс и сам превратился в администрацию крови, грязи и позора. Роблес во всеуслышание заявил, что отказывается сотрудничать с CEDA в демократических процессах парламентского правительства и умывает руки от всех дел, связанных с парламентом. Не подлежит сомнению, что он знал о грядущем военном мятеже, хотя сам не имел отношения к его подготовке. Покинув Мадрид, Хиль Роблес направился в Биарриц. Комитет же согласился созвать кортесы в следующую среду, 21 июля. Лидеры партий потребовали, чтобы при этом все депутаты оставляли личное оружие в гардеробе. Так что готовящееся заседание, которое так никогда и не состоялось, сразу же было названо конференцией по разоружению. Из событий, происходивших за пределами Мадрида, стоит отметить, что 15 июля «Стремительный дракон» наконец приземлился в Лас-Пальмесе. В Сан-Себастьяне под аккомпанемент приветственных возгласов прошла заупокойная служба по Кальво Сотело. После нее возникли волнения, в ходе которых был убит один человек.

16 июля. Последний день перед мятежом. С утра Мола направился в Логроньо для встречи с генералом Батетом, командиром 6-й дивизии со штаб-квартирой в Бургосе. Было известно, что этот офицер хранит верность правительству, хотя именно он, командуя войсками в Барселоне, хладнокровно сокрушил в этом городе левую каталонскую революцию 1934 года. Мола опасался, что во время randevu на него будет совершено покушение, и сопроводившие его офицеры вооружились гранатами. Батет откровенно сказал Моле, что из Барселоны направляются какие-то «пистолерос» с целью убить его, и предложил ему покинуть Наварру. Мола лишь улыбнулся этой угрозе, которая была высказана из добрых чувств. Затем Ба-

тет попросил Мола заявить, что он не собирается поднимать мятеж против республики. «Я даю слово, что не собираюсь ввязываться в авантюры», — ответил Мола и позднее хвастался двусмысленностью этих слов. Встреча на том и завершилась. Позднее Мола сумел передать письмо Хосе Антонио в тюрьму Аликанте о последних приготовлениях к мятежу.

В Мадриде этот день прошел относительно спокойно. Министр труда опубликовал свое решение с уважением отнестись к забастовке строителей, которую работодатели отказались принять. Часть рабочих из UGT вернулась на стройплощадки, обратившись в кортесы с апелляцией. Однако CNT продолжала стоять на своем. В Барселоне, где, несмотря ни на что, весь июль царил покойствие, стали циркулировать настойчивые слухи о готовности армии к восстанию. Вооруженные члены различных организаций взяли под охрану штаб-квартиры всех левых и республиканских партий. Было арестовано много фалангистов, и некоторые признались, что они действительно готовились ограбить и поджечь редакции республиканских газет. И действительно, к тому времени в Испании почти не осталось надежд, что правые и те силы, что позднее поддержали националистов в ходе войны, признают законность правительства Касареса Кироги. К тому времени и само правительство открыто объявило правые партии своими врагами, хотя не признало и левых союзниками. Что же касается партий левого крыла, то все они, конечно, понимали и неизбежность мятежа, и те большие возможности, которые открываются перед ними.

Правительство предприняло определенные шаги, дабы ограничить размах мятежа, если он все же состоится. В Кадисе был арестован и посажен за решетку участник заговора генерал Варела. Эсминец «Чаррука» отправили из Картахены в Альхесирас, а канонерская лодка «Дато» получила приказ сняться с якоря в Сеуте. Все эти меры имели целью предотвратить переброску на материк любых частей легиона или регулярных войск. Но на самом деле эти предосторожности не могли помочь правительству, поскольку оно понятия не имело, насколько командиры этих кораблей верны режиму.

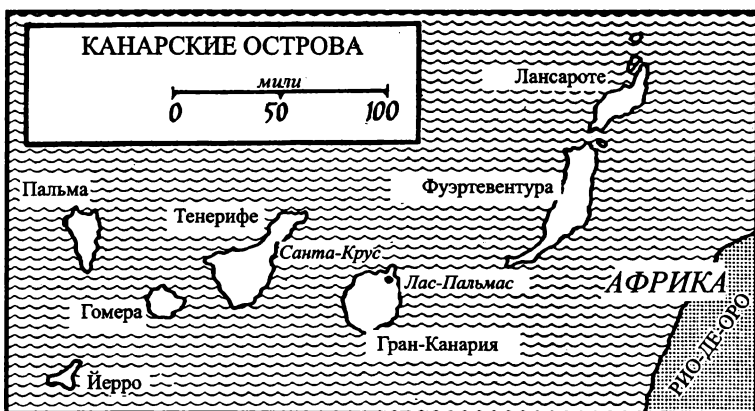
А тем временем на Канарах капитан Бебб успешно обвел вокруг пальца местные власти, объясняя, почему ему без всяких документов пришлось садиться в аэропорту. В Генерифе Франко готовился к поездке в Лас-Пальмас. Как раз в это время генерал Балмес, военный губернатор Лас-Пальмаса, стал жертвой несчастного случая во время тренировочных стрельб. Эта абсурдная трагедия, о которой в той возбужденной атмосфере стали ходить слухи как о покушении или самоубийстве, дала Франко

повод отправиться в Лас-Пальмас для участия в похоронах. Он сообщил, что отправляется в инспекционную поездку. Заместитель секретаря военного министерства по телефону разрешил Франко оставить Tenerife. Через полчаса после полуночи с 16-го на 17 июля генерал вместе с женой и дочерью поднялся на борт небольшого катера. Так начался первый этап пути, который привел его на вершину власти в Испании, но почти точно можно утверждать, что, зная Франко, каким долгим будет этот путь, он бы не начинал его. В это же время полковник Валентин Галарса из военного министерства в Мадриде передал последнее послание от Моля Годеду на Мальорку: он должен идти брать Барселону, а не Валенсию, где его место займет генерал Гонсалес Карраско². Тем временем брат Моля Рамон, прибыв из Барселоны в Памплону, выразил опасения, что в столице Каталонии мятеж может провалиться. Генерал успокоил брата, и тот вернулся в Барселону, где его, как и многих других братьев, ждала смерть.

Примечания

¹ После начала Гражданской войны Конде и Морено были убиты в Гвадараме. Документы расследования 25 июля были захвачены в министерстве внутренних дел, и с тех пор их больше никто не видел.

² Это изменение планов было продиктовано мотивами Годеды. Тот считал, что если мятеж потерпит поражение, то именно в Барселоне можно будет добиться компромисса с противной стороной. Сын Годеды выступил с возмущенным опровержением.

Карта 4. Канарские острова

Глава 15

Восстание в Мелилье. — В Тетуане. — В Сеуте. — В Лараче. — Мадрид узнает новости. — Конституционные контрмеры. — Восстание в Андалузии. — Кейпо де Льяно в Севилье. — События в Гранаде, Кордове и Альхесирасе.

Той ночью в Мелилье генерал Ромералес объезжал город, опасаясь беспорядков. У здания муниципалитета он пошутил с лидерами местных социалистов: «Вижу, что массы бдят». Он вернулся домой, полный уверенности, что все в порядке. Из двухсот испанских генералов Ромералес был самым легковерным. На следующее утро офицеры-участники заговора в Мелилье собрались в картографическом отделе штаба. Полковник Сеги назвал своим соратникам точный час начала мятежа — пять пополудни. Для захвата общественных зданий все было готово. С этими планами наконец ознакомили руководителей отделения фаланги, но один из них, Альваро Гонсалес, оказался предателем. Он тут же проинформировал главу мелильского отделения партии «Республиканский союз» Мартинеса Баррио, который сообщил информацию руководителю местного управления, а тот передал ее Ромералесу. И сразу же после того, как заговорщики, удалившиеся на ленч, вернулись в картографический отдел, где уже началась раздача оружия, лейтенант Саро приказал войскам и полиции окружить здание. Затем он встретился с восставшими старшими офицерами. «Что вас сюда привело, лейтенант?» — весело спросил полковник Гасапо. «Я должен обыскать здание в поисках оружия», — ответил Саро. Гасапо немедленно позвонил Ромералесу: «Это правда, генерал, что вы отдали приказ обыскать картографический отдел? Здесь нет ничего, кроме карт». — «Да-да, Гасапо, — ответил Ромералес, — но это необходимо сделать». Близился час мятежа, несколько преждевременного, но в любом случае его было не избежать. Гасапо позвонил в часть Иностранного легиона с просьбой освободить его и других офицеров, которых Саро держал в осаде. В конце концов Саро, помявшись, заявил, что его люди не будут стрелять, и сдался. Полковник Сеги, вытащив револьвер, направился к кабинету Ромералеса. В его стенах продолжалась горячая перебранка между теми офицерами, которые предлагали генералу подать в отставку, и теми, кто готов был сопротивляться. Касарес Кирога, которому по телефону сообщили об опасном положении в картографическом отделе, из Мадрида приказал Ромералесу арестовать Сеги и Гасапо. Но кто взялся бы исполнить такой приказ? Ромералес сидел за столом, мучаясь нерешитель-

тельностью. Вошедший Сеги под дулом револьвера принудил его написать прошение об отставке. Восставшие офицеры объявили военное положение, заняли все общественные здания в Мелилье (включая и аэродром), закрыли местное управление и все центры левых партий, а также арестовали лидеров левых и республиканских группировок. Вокруг управления и в рабочих кварталах прошли яростные схватки, но трудящиеся были захвачены врасплох. У них было мало оружия. Всех пленников, сопротивлявшихся восстанию, расстреляли, включая Ромералеса. К вечеру был составлен список членов профсоюзов, левых партий и масонских лож. Их немедленно арестовали. Все, кто на февральских выборах голосовал за Народный фронт — или подозревался в этом, — оказались в опасной ситуации: им угрожал расстрел. К тому времени в Мелилье утвердился военно-полевой закон. В дальнейшем по подобному же плану мятежники действовали в остальном Марокко и по всей Испании.

Тем временем полковник Сеги позвонил полковникам Сайнсу де Буруаге и Ягуэ, которые отвечали за организацию восстания соответственно в Тетуане и Сеуте, двух других главных городах на североафриканском побережье. Кроме того, он телеграфировал Франко, который в данный момент был в Лас-Пальмесе на похоронах Балмеса, и объяснил, почему захват Мелильи пришлось провести раньше назначенного часа. Вечером Ягуэ разослал телеграммы по гарнизонам материковой Испании с долгожданным паролем — «Как обычно» (*Sin novedad*). Кирога пытался разыскать Ромералеса или Гомеса Морато, командующего всеми частями в Африке. Последнего он нашел в казино в Лараче. «Генерал, — спросил премьер-министр, — что происходит в Мелилье?» — «В Мелилье? Ровным счетом ничего. А в чем дело?» — «Там восстал гарнизон». Оставив казино, Гомес Морато немедленно вылетел в Мелилью, где, едва успев ступить на землю в аэропорту, тут же был арестован.

К тому времени в Тетуане полковники Асенсио, Бейгбедер (бывший военный атташе в Берлине, переведенный в Марокко) и Сайнс де Буруага тоже начали мятеж. Последний позвонил верховному комиссару и, бесцеремонно обратившись к нему как к капитану артиллерии (в форме которого тот гордо выступал на параде по окончанию маневров), потребовал отставки. Альварес Буйлья связался с Кирогой, который, в свою очередь, приказал ему держаться изо всех сил, пообещав, что на другой день флот и авиация придут к нему на помощь. Верховный комиссар, окруженный несколькими верными ему офицерами, забаррикадировался в своей резиден-

Карта 5. Испанское Марокко

ции. Снаружи майор Кастехон и 5-я бандера¹ уже рыли на площади окопы. Немного погодя из аэропорта Сан-Рамель позвонил майор Лапуэнте, двоюродный брат генерала Франко, и сказал, что он и его эскадрилья остаются верными правительству. «Спротивляйтесь, сопротивляйтесь!» — повторяя слова Касареса, подбодрил их Буйлья. Но к этому времени, когда быстро стемнело, резиденция генерал-губернатора и аэропорт оставались единственными объектами, которые еще не попали в руки мятежных полковников. Те же, подобно коллегам из Мелильи, полностью сокрушили сопротивление руководителей профсоюзов и левых, или республиканских, групп. Бейгбедер отправился проинформировать калифа и великого везира Тетуана о смысле происходивших событий и получил их временную поддержку. В городе он также взял на себя руководство департаментом по делам туземцев, и его гражданские служащие безропотно восприняли исчезновение администрации Альвареса Буйльи. В Сеуте в одиннадцать вечера Ягуэ с помощью Иностранного легиона легко взял власть в городе. С другой стороны не раздалось ни единого выстрела. В Лараче на Атлантическом побережье до двух часов утра мятеж не давал о себе знать. Но бой между мятежниками и офицерами, верными республике, которых поддерживали профсоюзы, носил тут острый характер. Были убиты два офицера мятежников и пять гражданских полицейских. Но к рассвету город оказался в руках националистов. Все их противники были арестованы или расстреляны. В то же самое

время генерал Франко с генералом Оргасом стали хозяевами Лас-Пальмаса. Франко тут же ввел на всем архипелаге военное положение. Когда он диктовал свой манифест, последовал звонок от Касареса Кироги. Премьер-министру сообщили, что Франко отправился по гарнизонам. На этом связь между генералом и правительством прервалась. В четверть шестого утра 18 июля Франко из Лас-Пальмаса распространил свой манифест, в котором говорилось об особом отношении, которое испанские офицеры испытывают к стране, а не к ее правительству. В манифесте отвергалось иностранное влияние и в уклончивых выражениях говорилось, что после победы в стране будет установлен новый порядок. Манифест был немедленно передан всеми радиостанциями Канарских островов и Испанского Марокко. Жаркими рассветными часами мятеж начался и на материке.

Оба дня 17-го и 18 июля Касарес Кирога и правительство пытались положить конец мятежу при помощи обычных конституционных мер. Продолжая непрестанно звонить Альваресу Буйлье и другим лояльным силам в Марокко и требуя оказывать сопротивление любой ценой, премьер-министр, который узнал о восстании в Мелилье от Ромералеса к полудню, приказал нескольким военным судам оставить свои базы в Картахене и Эль-Ферроле и идти к побережью Марокко. 17 июля он действовал исходя из убеждения, что мятеж ограничен только пределами Марокко. Эта осторожность, естественно, вывела из себя лидеров левого крыла, которые ждали, что в любую минуту мятеж может перекинуться и на материк. Они считали, что все оружие, которое имелось в распоряжении правительства, должно быть передано им. Но этот революционный порыв не был поддержан Кирогой, который заявил, что любой, кто передаст оружие рабочим, будет расстрелян. Ночью 17 июля улицы и кафе Мадрида были запружены толпами возбужденных людей; никто из них толком не знал, что происходит, но все были разгневаны, ибо отсутствие оружия лишало их возможности защищаться. Тем не менее в военном министерстве группа левых офицеров контролировала ситуацию, а генерал Посас, глава гражданской гвардии, и генерал Мьяха, командующий дивизией в Мадриде, пользовались репутацией лояльных военных. Заговорщики в Мадриде проводили у себя по домам торопливые и взволнованные совещания.

Первые сообщения о мятеже правительство передало утром 18 июля, когда мадридское радио оповестило, что «ни один, абсолютно ни один человек в Испании не принял участия в этом абсурдном заговоре». Правительство пообещало, что мя-

теж в Марокко будет быстро подавлен. Но пока эти слова, не особенно веря им, слушали граждане Мадрида, мятеж, как и было договорено, охватил всю Андалузию. Почти повсеместно 18 июля гражданские губернаторы в больших городах последовали примеру правительства в Мадриде и отказались от широкого сотрудничества с организациями рабочего класса, которые требовали оружия. Во многих случаях именно это обеспечило успех мятежа и подписало смертные приговоры самим губернаторам, расстрелянными вместе с рабочими лидерами. Начнись восстание 18 июля во всех провинциях Испании, то, скорее всего, 22 июля, как и предполагалось, мятежники повсеместно торжествовали бы. А если бы либеральное правительство Касареса Кируги раздало оружие и приказало гражданским губернаторам сделать то же самое, при первых же признаках опасности использовав рабочий класс для защиты республики, вполне возможно, что мятеж был бы подавлен².

События 18 июля складывались не в пользу республики. Все шло по тому же сценарию, что и в Мелилье. С первыми лучами рассвета и вплоть до полудня гарнизоны в городах поднимали мятеж, им на помощь немедленно приходила фаланга и во многих случаях гражданская гвардия. Там, где не стояли армейские гарнизоны, гвардия, фаланга и местные правые действовали самостоятельно. Назначенный лидер мятежников объявлял военное положение и вводил в действие законы военного времени, о чем зачитывалось с балкона городского муниципалитета на главной площади. Пока гражданский губернатор тянул время в своем кабинете, пытаясь созвониться с Мадридом, сопротивление захвату власти пытались оказывать социалисты, коммунисты и анархисты из местной милиции. Офицеры, верные республике, и во многих случаях полиция противостояли мятежу и пытались побудить к действиям и гражданское правительство, и организации рабочего класса. И UGT и CNT совместно призвали к всеобщей забастовке, и тут же стали расти баррикады из дерева, камня, мешков с песком — словом, из всего, что было под руками. Завязались стычки; их участники с обеих сторон не жалели своей жизни.

18 июля мятеж охватил всю Андалузию. В Севилье генерал Кейпо де Льяно, командир карабинеров, захватил власть совершенно неожиданным образом. Как Санхурхо в 1932 году, он до мятежа не имел никаких связей в городе и на самом деле прибыл сюда только 17 июля на своей машине «испано-суиса». Потом он хвастался, что проделал на ней «20 000 миль ради заговора», делая вид, что инспектирует таможенные по-

сты. В сопровождении лишь своего адъютанта и трех других офицеров он утром 18 июля появился в штаб-квартире, где из-за жары никого не было. По коридору он прошел к генералу Вилья-Абрайе, командиру севильского гарнизона. «Должен сообщить вам, — сказал Кейпо, — что пришло время принимать решение: или вы со мной и другими вашими товарищами, или с правительством, которое ведет Испанию к гибели». Генералу и его штабу никак не удавалось собраться с мыслями. Если они поддержат Кейпо де Льяно, а восстание, как в 1932 году, потерпит поражение, то им грозила ссылка в Вилья-Сиснерос. В конце концов Кейпо арестовал их и приказал всем сидеть в другой комнате. Поскольку ключа от нее не имелось, он поставил перед дверью капрала и приказал ему стрелять в любого, кто попытается выйти. Затем Кейпо в сопровождении одного адъютанта отправился в пехотные казармы и был весьма удивлен, увидев, что войска под ружьем уже стоят на площади. Тем не менее Кейпо подошел к полковнику, которого никогда раньше не видел, и сказал: «Жму вашу руку, мой дорогой полковник, и благодарю за то, что в этот час, когда решается судьба нашей страны, вы приняли решение встать на сторону братьев по оружию». — «Я решил поддержать правительство», — сказал полковник. Кейпо выразил удивление и спросил: «Можем ли мы поговорить в вашем кабинете?» Полковник продолжал стоять на своем, и Кейпо отстранил его от командования полком. Но никто из других офицеров не захотел занять его место. Кейпо послал своего адъютанта найти хотя бы одного из тех трех офицеров, которые прибыли вместе с ним. Он остался совершенно один в окружении армейцев, которые явно не симпатизировали ему. Генерал стал шутить с ними, и собеседники признались, что опасаются последствий мятежа Санхурхо 1932 года. Наконец Кейпо нашел капитана, которому смог передать командование полком. Отойдя в заднюю часть комнаты, он изо всех сил крикнул офицерам: «Вы мои пленники!» Те с нескрываемой покорностью опустили головы. Но далее Кейпо выяснил, что в полку насчитывается всего 130 человек. Прибыли пятнадцать фалангистов, которые предоставили себя в его распоряжение. Этого было слишком мало, чтобы захватить огромный город с населением в четверть миллиона человек. Критический момент миновал, когда артиллерийские казармы согласились поддержать восстание. На Пласа-Сан-Фернандо была выведена тяжелая артиллерия. После краткой перестрелки с группой «Штурм», собравшейся в отеле «Инглатерра», гражданский губернатор позвонил Кейпо и покорно сдался на условиях, что ему будет сохранена жизнь. К мятежу присоединилась граж-

данская гвардия Севильи. Когда утро подходило к концу, весь центр Севильи уже был в руках Кейпо де Льяно. Тем временем рабочие организации пытались понять, что, собственно, происходит. Радио Севильи призвало ко всеобщей забастовке и обратилось с призывом к крестьянам соседних деревень идти в город на помощь своим братьям по классу. Огромные толпы собирались у штаб-квартир профсоюзов с требованием оружия. Но его было немного. Тем не менее весь день в рабочих пригородах возводили баррикады. Объяты пламенем были одиннадцать церквей вместе с шелковой фабрикой, принадлежащей монархисту маркизу Луке де Тене. В это время Кейпо уже занял радиостанцию. В восемь вечера он выдал первую из своей знаменитой серии речей. Голосом, охрипшим от многолетнего употребления шерри и вальдепени, Кейпо объявил, что Испания спасена, а та чернь, что сопротивляется восстанию, будет расстреляна³. Но с приходом ночи Севилья по-прежнему оставалась разделенной на две части.

В течение этого дня Альхесирас, Херес, Кадис и Ла-Линеа почти полностью оказались в руках мятежников, хотя во всех из них сопротивление было окончательно подавлено лишь на следующий день с появлением первых частей Африканской армии. В Кордове полковник Каскахо, военный губернатор, принудил к сдаче своего гражданского коллегу Родригеса де Леона под угрозой применения артиллерии, хотя по телефону из мадридского министерства внутренних дел тому обещали, что подмога явится через несколько часов. В Гранаде возникла тупиковая ситуация: генерал Кампинс, военный губернатор, рассказал своим офицерам о мятеже в Марокко. На улицах сторонники Народного фронта весь день митинговали вместе с анархистами. Заговорщики в этом городе пока ничего не предпринимали, хотя с энтузиазмом прослушали выступление по радио Кейпо де Льяно. Порт Уэльва рядом с португальской границей, хотя и был отрезан от республиканской Испании восстанием в Севилье, сразу же перешел в руки Народного фронта. Генерал Посас из министерства внутренних дел Мадрида выдал по телефону срочный приказ командиру гражданской гвардии направить колонну против Кейпо в Севилью. Майор Аро с небольшими силами отправился выполнять приказ, но по прибытии в город немедленно перешел на сторону Кейпо. В Малаге мятежник генерал Пакстот отказался объявить военное положение, когда выслушал по телефону угрозы подвергнуть город обстрелу с моря. Но в тот день это был последний успех правительства. Вечером прекратилось сопротивление в Тетуане, последнем оплоте республиканцев в Африке⁴.

Примечания

¹ Бандера была самостоятельным подразделением, в которое входило до 600 человек, дивизион мобильной артиллерии и ремонтная служба.

² Догматический историк анархизма Макс Неттлау позже безуспешно пытался подвести под это решение рациональное основание. «Когда существует автономия, — писал он в «Информационном бюллетене» CNT—FAI 25 июля, — то люди в соответствующее время могут получать оружие и получают его. Когда автономии не существует, то почти ничего не удается сделать, и в таком, и только в таком случае враг получает временное преимущество».

³ «Чернь» или «каналы» было любимым выражением Кейпо в течение всей войны.

⁴ Сопrotивление левых длилось в Санта-Круз-де-ла-Пальма до 28 июля. Все остальные Канарские острова были заняты мятежниками к 20 июля.

Глава 16

Мадрид ждет. — «Народу нужно оружие». — Революция и контрреволюция на флоте. — Неудача попытки подавить мятеж конституционными средствами. — Жестокости. — Уход в отставку Касареса Кироги. — Мартинес Баррио и поиски компромисса. — Отказ Молы. — Отставка Мартинеса Баррио. — Народ вооружается.

Как и о поражении в Марокко, мадридское правительство узнавало о нем в стране по телефону: командир мятежников, сместивший гражданского губернатора или верного правительству военного, мог ответить оскорблениями или возгласом: «Арриба! Испания!» Таким же образом новости поступали к лидерам партий и профсоюзов. Андрэ Мальро красочно описал, как это происходило. «Алло, Авила? — спрашивает Мадрид. — Как у вас дела?» — «Салют! — отвечает Авила. — У нас все отлично. Да здравствуют Бог и король!» — «Вот и отлично. Всего хорошего!»¹ Тем не менее в течение всего этого дня Касарес продолжал действовать так, словно он и в самом деле руководит страной. Он консультировался с генералами Нуньесом де Прадо и Рикельме², которые, как он знал, продолжали хранить верность республике. Говорил он и с президентом Асаньей, со спикером кортесов Мартинесом Баррио и с ведущим мадридским юристом Санчесом Романом, который придерживался слишком правых взглядов, чтобы примкнуть к Народному фронту. Группа лидеров республики обсуждала, как достигнуть компромисса, который поможет избежать свержения режима и гражданской войны. Но рабочие уже запридумали

почти все улицы Мадрида и настойчиво требовали оружия. Делегация водителей такси, позвонив премьеру, предложила ему услуги 3000 такси, чтобы сломить мятежников. В распоряжении UGT было 8000 ружей, но их почти все разобрала коммунистическая и социалистическая молодежь. Молодые люди уже начали оставлять свои рабочие места и нести на улицах постоянную полицейскую службу. 8000 стволов было слишком мало, чтобы сопротивляться мадридскому гарнизону и его сторонникам из фаланги, хотя пока еще в кварталах правых не было заметно никаких признаков волнения. Специальные издания «Клариад» и «Эль Сосьялиста» крупными буквами заголовков на первых полосах требовали: «Оружия для народа»³. «Оружия, оружия, оружия!» — весь день громогласно раздавалась на улицах и на Пуэрта-дель-Соль. Огромные толпы мужчин и женщин окружили муниципалитет и военное министерство. Но Касарес отказывался прислушиваться к их требованиям. Во второй половине дня он приказал генералу Нуньесу де Прадо в Сарагосе попытаться достичь какого-то компромисса с командиром дивизии генералом Кабанельясом, который, как предполагалось, был республиканцем. «Смена министра удовлетворит все требования генерала и устранил необходимость мятежа», — сказал Кабанельясу Нуньес де Прадо. Тем не менее сам он был арестован и позднее расстрелян вместе со своим адъютантом. В Мадриде кабинет министров продолжал непрерывно заседать в военном министерстве в Королевском дворце, а потом перебирался в министерство внутренних дел на Пуэрта-дель-Соль. В двадцать минут восьмого мадридское радио объявило, что мятеж повсеместно подавлен, даже в Севилье. Это было первое официальное сообщение о том, что в пределах материковой Испании происходят волнения. За этим последовала серия указов о смещении со своих постов Франко, Кабанельяса, Кейпо де Льяно и Гонсалеса де Лары (он командовал войсками в Бургосе). А тем временем из всех радиоприемников в жаркой столице лилась темпераментная музыка, частично чтобы успокоить, а частично чтобы завести толпы, ожидающие сообщений. Время от времени из громкоговорителей раздавались призывы: «Народ Испании! Оставайтесь на нашей волне! Не выключайте свои радиоприемники. Слухи распространяются предателями. Оставайтесь на нашей волне!» В десять вечера Пассионария произнесла первую из своих многочисленных яростных речей, прозвучавших во время Гражданской войны. Она требовала организовать сопротивление по всей стране, призывала женщин Испании драться, пуская в ход ножи и кипящее масло, и закончила свое выступление лозунгом:

«Лучше умереть стоя, чем жить на коленях! Но пасаран!» («Они не пройдут!») Выразительные слова этого ее призыва сразу же стали главным боевым кличем республики. Но Касарес, пользуясь поддержкой Асаньи, по-прежнему отказывался вооружить рабочих. И если еще недавно его считали революционером, то сейчас он, как реакционер, стал объектом всеобщей ненависти. Его псевдоним Штатский по кличке знаменитого быка, который отказывался защищаться, повторялся повсюду с откровенным презрением. Что же до заговорщиков в Мадриде, они все еще продолжали пребывать в нерешительности.

Весь день правительство делало все, что было в его силах, дабы подать уже успешно завершившуюся революцию в Марокко. Тетуан и Сеута подверглись бомбардировке. Но она лишь заставила султана и великого везира с большей легкостью принять те изменения, которые им навязал Бейгбедер. Не причинили бомбы и каких-либо разрушений военных объектов. В борьбе с мятежниками в Марокко Касарес пытался использовать и флот. Утром 18 июля в Мелилью из Картахены пришли три эсминца. В пути офицеры слышали радиообращение Франко из Лас-Пальмаса. Втайне они договорились присоединиться к националистам. По прибытии в Мелилью офицеры получили приказ обстрелять город. Капитан одного из эсминцев описал цели начавшегося мятежа и призвал свою команду поддержать его. Его слова были встречены полным молчанием, которое наконец прервал единственный возглас: «В Картахену!» С этим призывом согласилась вся команда корабля. Офицеры были разоружены и арестованы, а эсминец поднял якорь, уходя от мятежного города в открытое море. Точно такие же сцены имели место и на других эсминцах. Три военных корабля предоставили себя в распоряжение правительства, и на каждом был сформирован судовой комитет для замены офицеров.

Попытки справиться с мятежом при помощи конституционных средств постигла неудача. Этот исход был неизбежен, поскольку большинство так называемых сил законности и порядка присоединились к мятежникам, которые утверждали, что именно они представляют законность и порядок. Единственную силу, способную сопротивляться мятежникам, представляли профсоюзы и левые партии. Тем не менее прибегнуть к помощи этих сил означало для правительства необходимость смириться с неизбежностью революции слева. И не стоит удивляться, что такие либералы из среднего класса, как Касарес, опасались столь решительного шага. Но при той ситуации, которая сложилась в Испании в ночь на 18 июля, он был

неизбежен. В городах, где состоялся мятеж, в Марокко и Андалузии, им уже противостояли революционные левые партии. Именно такую революцию Кейпо де Льяно подавлял в Севилье, хотя сам спровоцировал ее.

Таким образом, всю Испанию накрыло огромное облако актов насилия, в которых нашли себе выход ссоры и враждебность, копившиеся многими поколениями. Поскольку связь была затруднена или вообще прервана, каждый город оказался предоставлен сам себе, и его драма развивалась как бы в вакууме. Географическая разобщенность в Испании стала главным фактором социального разъединения нации. Региональные амбиции посеяли ветер и теперь пожинали бурю. Центральная власть прекратила существование, и в ее отсутствие отдельные личности и города стали вести себя вне всяких норм и правил, словно ни общества, ни истории для них не существовало. В течение месяца без суда и следствия казнили около ста тысяч человек. Были разорваны на куски несколько епископов, а церкви осквернены. Образованные христиане проводили вечера, убивая неграмотных крестьян. Подавляющее большинство этих преступлений с обеих сторон было делом рук людей, уверенных, что они совершают не только справедливые, но и благородные деяния. Тем не менее они вызвали такой накал ненависти, что, когда наконец был установлен какой-то порядок, он мог лишь рационализировать эту ненависть, единственным исходом которой могла быть только война. И было бы совершенно неправильно считать, что такое развитие событий вызывало отвращение и неприятие. Испанцы из всех партий с головой кинулись в войну, напоминая веселые ликующие толпы в столицах остальной Европы августа 1914 года, хотя в 1936 году испанцы подсознательно чувствовали, что они должны примыкать к какой-то партии.

Эти ужасные последствия предвидел Касарес Кирога, когда в ночь на 18 июля он в отчаянии мерил шагами свой кабинет в Пасео-де-Кастельяна, только недавно покрытый позолотой. Предельно измотанный, Касарес пришел к выводу, что ему остается лишь подать в отставку. Президент Асанья только сейчас ясно увидел размер поджидающей их катастрофы. Он тут же призвал Мартинеса Баррио, непревзойденного мастера компромиссов, составить новое правительство, которое попробовало бы договориться с мятежниками. Все новые министры были достаточно сдержанными и скромными людьми. Кабинет включил в свой состав и барристера Санчеса Романа, который держался срединной позиции. Это имя в сообщении радио Мадрида было встречено толпой на улицах и в кафе криками: «Измена!» и «Предатели!». 100 000 рабочих двинулись от муниципалитета на Пуэрта-дель-Соль. «Оружия,

оружия, оружия!» — на ходу скандировали толпы. Тем временем предпринимались попытки найти какой-то компромисс. Генерал Мьяха, командовавший расположенной в Мадриде дивизией, добродушный офицер республики (в армии его называли Папой), которого Мартинес Баррио назначил военным министром, позвонил Моле в Памплону. После обмена любезностями Мола откровенно заявил, что выступил против правительства. Несколько позже ему позвонил сам Баррио и предложил пост в правительстве. «Народный фронт не может обеспечить порядок, — ответил Мола. — У вас есть свои сторонники, а у меня свои. Если бы мы заключили сделку, мы предали бы и свои идеалы, и своих людей. И нас обоих стоило бы линчевать». Эти смелые слова генерала Мола обошлись стране в тысячи жизней — включая и его собственную. К тому моменту стало ясно, что хотя мятеж в Памплоне и не увенчался мгновенным успехом, но и подавить его сразу тоже не удалось. Мола взял на себя огромную ответственность за ход событий. Но как он мог отступить на этом этапе? И если бы даже и пошел на это, другие его просто отодвинули бы в сторону. Аналогичный призыв, с которым Баррио по телефону обратился к генералу Кабанельясу в Сарагосе, тоже не увенчался успехом⁴. Когда в ночь с 18-го на 19 июля эти попытки завершились неудачей, на рассвете Асанья, Мартинес Баррио и лидеры социалистов Прието и Ларго Кабальеро провели новые консультации. Социалисты предупредили, что не остается никакой альтернативы, кроме как раздать оружие профсоюзам. Вскоре громкоговорители мадридского радио оповестили, что вновь сформированное правительство «констатирует объявление фашизмом войны испанскому народу». Администрация, как и при Касаресе Кироге, была полностью сформирована из либералов республиканских партий, выходцев из среднего класса. Но социалисты, коммунисты и анархисты объявили, что поддерживают новых министров, и формально отложили в сторону свои противоречия. Премьер-министром стал Хосе Хираль, профессор химии и близкий друг Асаньи; до этого он был министром по морским делам. Генерал Посас, возглавляющий гражданскую гвардию, и генерал Кастельо, военный губернатор Бадахоса, стали соответственно министром внутренних дел и военным министром. Оба считались надежными республиканцами, а Хираль надеялся, что их присутствие в правительстве убедит средний класс его поддержать, а также усилит либеральные позиции в армии. Новое правительство немедленно предприняло тот неизбежный шаг, от которого Касарес, до конца верный Конституции, уклонялся. Народ должен получить оружие! 19 июля с восхо-

дом солнца от военного министерства по улицам Мадрида двинулась вереница грузовиков с ружьями к штаб-квартирам CNT и UGT, где их разбирали ожидавшие оружия толпы, которые с яростным восторгом восклицали: «Но пасаран!» и «Салют!». Такие же приказы раздать все имеющееся в наличии оружие были по телефону отданы гражданским губернаторам всех провинций, хотя во многих случаях они уже запоздали, ибо их отдавали на рассвете того летнего дня, когда вторая волна мятежей затопила Испанию. Именно тогда Франко, сойдя с борта «Стремительного дракона», ступил на африканскую землю, где его встретил в Тетуане Сайнс де Буруага, в том самом аэропорте Сан-Рамель, где предыдущим днем были разгромлены последние республиканцы, возглавляемые двоюродным братом Франко майором Лапуэнте⁵. «Чурука» в Кадисе взял на борт первую часть Африканской армии и 200 мавританцев, которым предстояло высадиться непосредственно в Испании. Команды военных кораблей, что пошли на юг к Альхесирасу, были готовы восстать против своих офицеров. Даже такой крутой коммунист, как Эль Кампесино, позже выразил удивление, что в течение одного-единственного дня было «столько крови и боев».

В Мадриде, в Барселоне и всюду, где, как обычно, в воскресенье должны были состояться бои быков, они были отменены⁶. Началась давно предсказанная кровавая коррида народа Испании.

Примечания

¹ На самом деле в Авиле мятеж начался только 19 июля. Телефонная связь продолжала исправно служить обеим сторонам — как и за все время Гражданской войны — достижение, которым ее американский менеджмент откровенно гордился.

² В результате тщательного расследования удалось установить, что все генералы испанской армии, которые активно поддерживали республику, были масонами.

³ Мадридские анархисты ко всем этим событиям относились индифферентно, поскольку всецело были заняты организованной ими забастовкой строителей.

⁴ Кабанельяс считал себя республиканцем. Его убедил присоединиться к мятежу некий молодой офицер, который приставил пистолет ему к голове и сказал, что для решения у него остается минута.

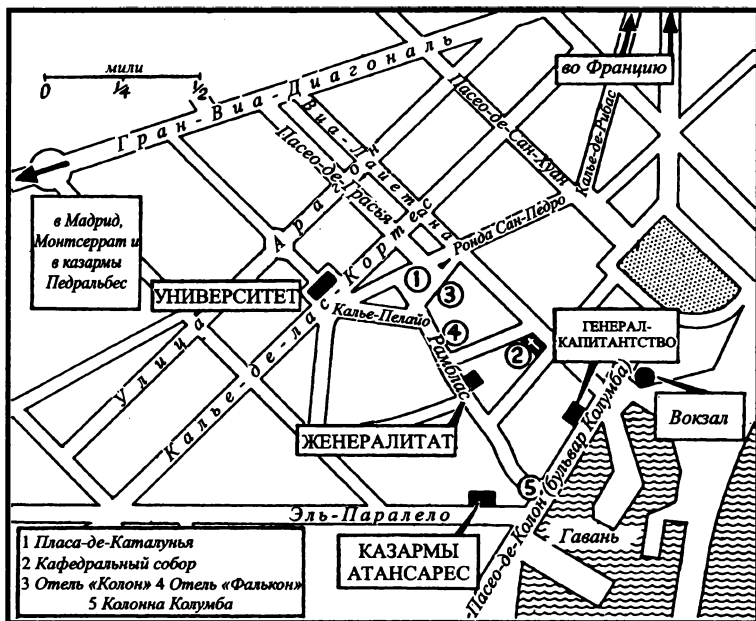
⁵ Позже Лапуэнте был расстрелян. Франко вылетел из Лас-Пальмаса утром 18 июля. Прежде чем приземлиться в Тетуане, он сделал остановки в Агадире и Касабланке. Вполне возможно, что генерал благоразумно не торопился прибыть в Марокко, пока не убедился, что его друзья одержали там победу.

⁶ До конца Гражданской войны в Испании вообще больше не проводилось боев быков.

Глава 17

*19 июля. — Битва в Барселоне. — Хихон. — Овьедо. — Галисия. —
Провинция Басков. — Бургос. — Сарагоса. — Памплона. —
Вальядолид. — Революция на флоте. — Мятеж в Мадриде.*

19 июля в Барселоне, где еще недавно было до странности спокойно, разразилось крупнейшее сражение. Ночью величественный город был взбужден слухами. Все пространство от огромной центральной площади Каталунья вдоль тенистой авеню Рамблас с ее барами и цветочными магазинами вплоть до гавани у Пласа Пуэрта-де-ла-Пас, где с высокой колонны статуя Колумба вглядывалась в Средиземноморье, было заполнено толпами. Генерал Льяно де ла Энкомьенда, командир дивизии, расквартированной в Барселоне, предупредил своих офицеров, что, если в силу обстоятельств ему придется выбирать между двумя экстремистскими движениями, он без промедления сделает выбор в пользу коммунизма, но не фашизма. Среди тех, кто слушал его, были и руководители мятежа (в том числе и кавалерийский генерал Фернандес Бурриель, который до возвращения генерала Годеда с Мальорки командовал городским гарнизоном), который планировалось начать на следующий день. Предполагалось, что войска из самых разных казарм должны стянуться на площади Каталунья. Занять остальную часть города, скорее всего, будет несложно. Но заговорщики не оценили уровень враждебности к ним со стороны гражданской гвардии города, которой командовали генерал Арагуррен и полковник Эскобар¹, а также огромного количества рабочих, в массе своей анархистов. Вечером 18 июля президент Компаньс отказался подчиниться требованию «Оружие — народу!». Тем не менее члены CNT силой захватили несколько arsenалов и теперь были готовы к неизбежной схватке. Буквально в одно мгновение руководители анархистов превратились из разыскиваемых преступников хоть и не в защитников демократии, но в «лидеров антифашистского революционного альянса». Тем временем Льяно де ла Энкомьенда сообщил Компаньсу, что в гарнизоне все спокойно. Все же президенту не спалось. В два часа ночи он и Вентура Гасоль, поэт и его советник по культуре, вышли на проспект Рамблас. Компаньс низко надвинул на глаза мягкую шляпу. Растрепанная шевелюра его спутника, завитки которой падали на лоб, придавала ему вид скрипача прошлого века. Бурное веселье субботней ночи Барселоны постепенно уступало место уже традиционному для этого города революционному рассвету. Внезапно стало ясно, что улицы заполнены не празд-

Карта 6. Барселона

ными гуляками, а вооруженными рабочими. Танцевальная музыка в динамиках сменилась настойчивыми призывами к пролетарскому единству. В передаче Радио Мадрида голос Пассионарии призывал помнить о восстании в Испании 1808 года, встретившем Наполеона. В четыре утра Компаньс получил известие: войска под командованием полковника Лопеса-Амора оставили свои казармы Педральбес на севере города и движутся к площади Каталунья.

Солдат в казармах подняли спозаранку и выдали по солидной порции бренди. Им сообщили, что их посылают то ли громить анархистский мятеж, то ли пройти маршем по городу в честь так называемой Барселонской олимпиады — фестиваля, организованного левыми силами, противостоящим официальным Олимпийским играм, которые должны были начаться в Берлине. Но две группы мятежников так и не встретились, поскольку и та и другая натолкнулись на яростное сопротивление рабочих, возглавляемых анархистами. Те получили поддержку полиции и гражданской гвардии, которая в Барселоне, едва ли не единственная в Испании, полностью сохранила

верность правительству². Артиллерийской колонне под командованием полковника Лопес-Амора удалось добраться до площади Каталунья, где они обманом захватили здание телефонной станции, но продвинуться дальше не смогли. Офицеры, возглавлявшие мятеж, оказались не в состоянии справиться с революционной непредсказуемостью противника. Второе артиллерийское подразделение захватила колонна вооруженных рабочих, которые, стреляя в воздух, преградили военным путь и «страстными словами» упростили мятежников не открывать огонь. Затем им удалось уговорить войска повернуть пушки против своих же офицеров. Но большая часть вооруженных столкновений в Барселоне проходила далеко не так легко, и рабочим удавалось добиваться успеха только за счет собственной гибели. Утром Годед вернулся с Мальорки, которую он захватил практически без единого выстрела. Ему не удалось ни вдохнуть мужество в свои войска, ни стянуть к ним подкрепление. Бои продолжались весь день. Площадь Каталунья была завалена телами людей и конскими трупами. В начале вечера старое здание управления порта, где Годед расположил свою штаб-квартиру, было взято штурмом. Сам Годед попал в плен и был вынужден обратиться по радио к своим сторонникам со сдержанным и благородным призывом сложить оружие, как поступил Компаньс, когда была подавлена революция 1934 года. Годед пошел на это главным образом для того, чтобы удержать своих сторонников на Мальорке от посылки подкреплений, о которых он просил ранее. Голос генерала был слышен по всей республиканской Испании, и повсюду его слова встретили с энтузиазмом. К вечеру в руках мятежников оставались лишь казармы Атансарес близ порта, и у подножия колонны Колумба засели два пулеметчика, которые весь день поливали огнем выход с бульвара Рамбле на Пласа Пуэрта-дела-Пас.

19 июля повсюду царили суматоха и неразбериха. То и дело вспыхивали конфликты, которые так и не получали разрешения.

В Астурии гражданская гвардия Хихона закрепились в казармах Симанакас. В Овьедо, центре революции 1934 года, где с февраля шло революционное брожение, возникла любопытная ситуация. Город был полностью потерян для мятежников. Но командующий гарнизоном полковник Аранда, который в Марокко обрел репутацию самого умного стратега, представился и гражданскому губернатору и руководству профсоюзов как надежный «меч республики». Он убедил их, что ситуация далеко не так серьезна, чтобы вооружать рабочих. Гонсалес Пенья, который руководил восстанием в Асту-

рии 1934 года, и Белармино Томас, еще один депутат от социалистов, позволили уговорить себя и согласились с Арандой, чья политическая ориентация оставалась для них неизвестной. Четыре тысячи шахтеров, которые могли бы обеспечить безопасность Овьедо, двинулись на поезде через Астурию в Мадрид. В девять вечера, созвонившись с Молой, Аранда объявил, что присоединяется к мятежникам. Он был поддержан силами гражданской гвардии и фаланги. Левые в Овьедо запаниковали. Но остальная часть Астурии была настроена враждебно к Аранде, и к 20 июля он оказался в плотном кольце осады шахтеров.

В Басконии третья и самая южная провинция ее, Алава со столицей в Витории, была без труда захвачена мятежниками во главе с полковником Алонсо Вегой. Но две другие провинции, Бискайя и Гипускоа, были столь же легко удержаны правительством. В Бильбао, столице Бискайи, мятеж вообще не состоялся. Расквартированный там полк, естественно, был готов поднять мятеж, но его предал полковой кузнец. В Сан-Себастьяне, столице Гипускоа, военный губернатор полковник Карраско был арестован. Тем не менее Прието все утро звонил из Мадрида, дабы убедиться, что далекая от революционных настроений Баскская националистическая партия поддержит правительство. Но ему не стоило беспокоиться. К полудню и в Бильбао, и в Сан-Себастьяне вместе со всеми горными и рыбацкими деревушками обеих провинций прошла всеобщая мобилизация добровольцев. В обоих городах была создана хунта обороны, многие известные деятели правого крыла оказались под арестом, а их машины реквизированы. Эти шаги были инспирированы баскскими националистическими политиками во главе с Мануэлем де Ирухо. Тем временем военные заговорщики продолжали мешкать, теряя время. Наконец телефонный звонок от Мола побудил полковника Вальеспина, закрепившегося в казармах Лойолы в Сан-Себастьяне, к решительным действиям. Две пушки были наведены на здание гражданского управления. Все его служащие сбежали, дав возможность освободиться полковнику Карраско. Что он и сделал, присоединившись к другой группе правых, засевших в отеле «Мария-Кристина». Восставшая гражданская гвардия заняла клуб «Гран Казино». Сложилась ситуация, при которой прекрасная летняя столица Испании могла оказаться в руках мятежников. Когда в эфире радио Сан-Себастьяна послышался револьверный выстрел, диктору пришлось объяснять: «Выстрел, который вы только что слышали, был произведен нашим товарищем, который, споткнувшись, выронил оружие. Жертв нет». Хотя полковник

Карраско и объявил военное положение, полковник Вальеспин откладывал выступление — «маньяна»³. А ночью мощная колонна республиканцев со стороны оружейного центра Эйбара начала занимать город.

В Галисии основное сопротивление мятежникам оказали команды военных кораблей в портах Ла-Корунья, Виго и Эль-Ферроль. Их не удалось сразу же принудить к повиновению, и в Ла-Корунье мятеж начался лишь 20 июля. В Эль-Ферроле мятежники к ночи овладели портом, но моряки, владевшие линкором «Испания» и другими кораблями, обстреляли побережье. В других городах Галисии мятеж увенчался успехом лишь после ожесточенных уличных боев, когда обнищавшие, оборванные крестьяне решительно двинулись в город пешком и на повозках, словно спеша на фиесту, готовые драться и умирать.

Самые впечатляющие победы 19 июля мятежники одержали в Бургосе, Памплоне, Сарагосе и Вальядолиде. В Бургосе, древней столице Кастилии, строгом, сдержанном и очень консервативном городе, мятеж без труда увенчался успехом, не было сделано почти ни одного выстрела. «Здесь даже камни — националисты, — гордо заметила в августе графиня Вальелано доктору Жюно из Красного Креста⁴. Воодушевлял мятежников полковник Гавилан (за день до этого генерал Гонсалес де Лара был арестован и отправлен в тюрьму в Гвадалахе). И именно он арестовал генерала Батета и полковника Мена, командовавшего гражданской гвардией, который тоже сохранил верность республике.

Жены членов гражданской гвардии успели удержать губернатора от раздачи оружия народу, сказав, что его пустят в ход, дабы убивать их мужей. В этом городе было много известных лиц правого направления, таких, как Саэнс Родригес и Гойкоэча, которые отпраздновали победу.

В Сарагосе войска вышли на улицы с первыми лучами расвета и прежде, чем профсоюзы сумели организовать сопротивление, успели захватить все ключевые точки города. Уэска и Хака, другие города Арагона, были захвачены столь же легко, хотя в Барбаро, городке рядом с границей Каталонии, командир местного гарнизона полковник Вильяальба наконец решил поддержать республику. Его отход от мятежников был восторженно принят, и полковника сочли самым известным офицером из тех, кто отказался участвовать в заговоре националистов. В Теруэле, столице Арагона, самой южной провинции, когда мятежники объявили о введении военного положения, их слушало всего семеро солдат. Губернатор отменил его, но гражданская гвардия и полиция все же подняли мятеж.

Последовавшей всеобщей забастовки оказалось недостаточно, чтобы предотвратить бескровный успех мятежников. В Наварре не было никаких сомнений в победе националистов. Когда в Памплоне Мола объявил о военном положении, его с энтузиазмом поддержали 6000 карлистов, которым генерал выдал щедрые обещания, и вся провинция тут же оказалась в его руках. Сцены религиозного энтузиазма вкупе с воинственным пылом напоминали о возбуждении, царившем в Наварре в XIX веке во время карлистских войн. И стар и млад, все в красных беретах, пели старый карлистский гимн «Ориаменди». Памплона была запружена жителями соседних деревень, требовавших выдать им оружие. Здесь, как и в Бургосе, командир гражданской гвардии поддержал Народный фронт и был расстрелян своими же подчиненными.

В Вальядолиде, другом соборном городе на кастильской равнине, где в бедности умер Колумб, генерал Саликет, который уже был в списке офицеров, уходящих в отставку, и генерал Понте, ветеран монархистских заговоров, неожиданно появились в кабинете командира дивизии генерала Молеро, масона, и потребовали от него присоединиться к ним. Мятежники дали своему собрату офицеру четверть часа на раздумья и удалились в приемную. Пока шли минуты, с улицы доносились звуки уличных боев между фалангистами и рабочими. Внезапно генерал Молеро с криком «Да здравствует республика!» распахнул дверь, и один из его адъютантов открыл огонь. Состоялась короткая перестрелка. С каждой из сторон было убито по одному младшему офицеру, но в конечном итоге победа досталась мятежникам. Молеро увели и позднее расстреляли. В городе железнодорожные рабочие отважно дрались против хорошо вооруженных противников, среди которых были члены гражданской гвардии, полиции, а также горожане и фалангисты. Защитники здания администрации так и не сдались, и его сровняли с землей. Тем не менее к вечеру Вальядолид был взят. Луис Лавин, гражданский губернатор, которого Касарес Кирога назначил специально, чтобы покончить с фашизмом в городе, обнаружил, что оказался в полном одиночестве — его покинули все сотрудники и друзья. Сев в машину, он попытался добраться до Мадрида, но был схвачен и доставлен обратно пленником в своем собственном доме, где уже успел расположиться генерал Понте. Лавин высказал единственное требование: чтобы его увезли в тюрьму через черный ход, а не через парадный.

Из других городов Старой Кастилии Сеговия была взята мятежниками без кровопролития, так же как и Авила, где освободили из тюрьмы восемнадцать фалангистов, включая Онесимо Редондо. Самора и Паленсия тоже быстро сдались

мятежникам, хотя в обоих городах офицеры, гражданская гвардия и правые несколько дней провели как на иголках, ибо постоянно ходили слухи о неизбежном появлении поезда с шахтерами, которые должны были вернуться после того, как разгромят Аранду и Овьедо. В Леоне в самом деле появились 2000 шахтеров с требованиями выдать им оружие. Военный губернатор генерал Бош заявил, что они получат часть оружия, если покинут город. В результате рабочие получили 200 ружей и четыре пулемета. В городе на следующий день сохранялось спокойствие. В Эстремадуре Касера и ее провинция была захвачена восставшими, но Бадахос, благодаря лояльности гарнизона и генерала Каstellо, остался республиканским. В Новой Кастилии и Ламанче у мятежников был только один успех — в Альбасете, захваченном гражданской гвардией. В Андалузии 19 июля генерал Кейпо де Льяно занял Севилью, но пригороды продолжали оставаться в руках рабочих. В андалузских городах, где 18 июля мятеж в целом увенчался успехом, продолжались спорадические перестрелки, и в Кадисе и Альхесирасе националисты получили существенную подмогу от только что появившихся отрядов мавров Африканской армии. Противостояние в Гранаде продолжалось весь день. Из военного министерства генералу Кампинсу, военному губернатору, позвонил Каstellо с требованием вооружить колонну войск и послать ее маршем на Кордову. Но два полковника из гарнизона ответили, что сомневаются, согласятся ли офицеры возглавить ее. Еще один полковник, ссылаясь на начавшуюся всеобщую забастовку, сообщил, что Гранада уже полностью в руках марксистов. Мадрид потребовал от Кампинса, чтобы экспедицию возглавила милиция Народного фронта. Он отправился в артиллерийские казармы и объявил собравшимся офицерам: «Господа, военный мятеж провалился. Я верю, что вы остаетесь полностью верны республике. Я получил приказ из Мадрида конфисковать в гарнизоне оружие». Ответом ему было молчание, которое он счел за согласие. Но и к полуночи вооружить никого не удалось.

Такое же противостояние сохранялось и в Валенсии. К середине утра все было готово к началу восстания, несколько тысяч горожан заверили мятежников в своей поддержке, но тут из Барселоны пришли плохие известия. Генерал Гонсалес Карраско, который прибыл из Мадрида возглавить мятеж, внезапно проявил нерешительность. Военный губернатор генерал Мартинес Монхе, который не участвовал в заговоре, тоже заколебался. А к тому времени масса рабочих Валенсии, возглавляемая докерами-анархистами, высыпала на улицы.

Колледж Святого Томаса Вильянуэвского и церковь Двух святых Томасов были разграблены и подожжены. Пока генералы продолжали колебаться, несколько левых офицеров гражданской гвардии начали раздавать народу оружие. К приходу ночи ситуация не разрешилась. Эта нерешительность охватила все побережье от Аликанте и до Гандии. Но не было никаких сомнений в том, что дальше к югу до Алмерии и по всей остальной Андалузии Народный фронт одержал верх. До 18 июля о мятеже тут не было и слышно. К наступлению ночи темпераментная Испания пылала огнем революции.

На Балеарах, где в Мальорке Годед сберег себя для мятежа, сержантский состав и части гарнизона Менорки предотвратили успех мятежника генерала Боша⁵. К ночи офицеры объявили военное положение в порту Маона, но тут же были окружены. Тем не менее на Ибисе и на других мелких островах архипелага мятеж увенчался успехом. 19 июля 1936 года Испанское Марокко продолжало оставаться самым спокойным доминионом Испании — если не считать гнилой колонии на западном побережье Африки, куда еще не дошли известия о мятеже. Генерал Франко, встретившись со старыми друзьями в легионе, назначил место сбора в Тетуане и спланировал переброску Африканской армии через пролив. Боев тут не было, по крайней мере на суше. А вот в водах, омывающих Марокко, сложилась совершенно иная ситуация. На рассвете 19 июля «Либертед» и «Сервантес» вышли из Эль-Ферроля и легли курсом на юг. Они были посланы правительством, чтобы разгромить мятеж в Марокко. Позже единственный исправный испанский линкор вышел из Виго до того, как в этом порту начался мятеж, и тоже направился на юг. На всех этих кораблях, как и на «Чурруке», когда она высадила первую партию мавров в Кадисе, а также на всех военных кораблях в Картахене революционеры одержали верх по примеру тех трех крейсеров, которые за день до этого были посланы в Мелилью. Команды воодушевило послание из Адмиралтейства в Мадриде, обращенное к ним, а не к командирам, — захватить и заключить под стражу тех офицеров, которых они еще не убили. Самая жестокая схватка произошла на «Линкоре», на середине океана, где офицеры оборонялись в кают-компани до последнего⁶. (На лаконичный вопрос, что делать с трупами, — его задал судовой комитет, взявший на себя командование, — Адмиралтейство ответило: «С соответствующей торжественностью опустить за борт».) Так что к вечеру 19 июля внушительная эскадра под командой самозванных судовых комитетов из членов экипажа собралась в районе Гибралтара, чтобы преградить Франко

доступ в Южную Испанию. Все же канонерской лодке «Дато» вечером 19 июля удалось переправить через пролив второй отряд войск мятежников. А часть 5-й бандеры Иностранного легиона доставили в Севилью по воздуху тремя самолетами «брге».

Наконец и в Мадриде начался мятеж, но к этому времени профсоюзы и политические партии были к нему готовы. По настойчивому требованию UGT двери тюрем отворили, и сидящие в них анархисты вместе с обыкновенными преступниками вышли на свободу. Номинальный руководитель мятежа в Мадриде, генерал Вильегас, решил, что эта ноша для него непосильна, и его место занял заместитель Вильегаса генерал Фанхуль, который когда-то был заместителем секретаря военного министерства при Хиле Роблесе. К полудню он появился в казармах Монтанья. В этих огромных зданиях, разбросанных к западу от Мадрида, откуда открывался вид на долину неторопливой речушки Мансанарес, в течение дня собрались офицеры из других казарм Мадрида и некоторое количество фалангистов. Фанхуль рассказал о политических целях мятежа и о его соответствии закону. Затем мятежники сделали попытку выйти на улицы столицы. Но к тому времени у ворот воинской части собралась огромная толпа, часть которой была вооружена — из 55 000 ружей, выданных правительством профсоюзам, 50 000 стволов были здесь, у казарм Монтанья. Теперь покинуть эту крепость было бессмысленно. Толпа стояла так плотно, что мятежники физически не могли выйти за ворота. Они решили прибегнуть к помощи пулеметов. Толпа ответила огнем, но до утра события так и не получили продолжения.

Примечания

¹ Под именем полковника Хименеса он выведен в романе Мальро «L'Esprit».

² Энтузиазм жителей Барселоны, когда они увидели на Рамблас группу неторопливо ехавших всадников гражданской гвардии, отдававших пролетарский салют, был просто безграничен.

³ М а н ь я н а — чисто испанское выражение «завтра», обозначающее, что не стоит спешить. (Примеч. пер.)

⁴ Он рассказал об этом в своих записках, но сомнительно, чтобы его собеседница использовала слово «националисты», ибо в те времена оно было не в ходу.

⁵ Не путать с генералом Бошем из Леона.

⁶ Тех флотских офицеров, которых просто взяли под стражу, в августе расстреляли в Картахене. Мемуаристы националистов подсчитали, что 98 процентов офицеров, находившихся во время мятежа на своих кораблях, было убито.

Глава 18

Конец мятежа в Мадриде. — Толедо и Алькасар. — Конец мятежа в Барселоне. — Мятеж в Гранаде. — Валенсия. — Сан-Себастьян. — Севилья. — Ла-Корунья. — Эль-Ферроль. — Леон. — Менорка. — Смерть Санхурхо. — Разделительная линия в Испании на 20 июля.

В течение ночи с 19-го на 20 июля в Мадриде были подожжены пятьдесят церквей. Партии рабочего класса взяли столицу под полный контроль. Утром 20 июля толпа, превышающая размерами ту, что была предыдущим днем, собралась на Пласа-де-Эспанья. Все кричали: «Смерть фашизму!» и «Все на защиту республики!». Крики эти повторялись с восторженной монотонностью. Копье Дон Кихота, чья статуя стояла в центре сквера, энтузиасты использовали как знак, указывающий на казармы Монтанья¹. Уже пять часов продолжался обстрел крепости. К штурму были привлечены авиация и две пушки, которых притащили сюда на волах. Громкоговорители увещевали солдат в казармах поднять восстание. Фанхуль при всей его уверенности не представлял, как ему отсюда связаться с другими казармами в Мадриде. И сомнительно, признают ли они его лидером. Гарнизоны могли поддерживать контакт друг с другом только при помощи сигналов, подаваемых с крыш. Тем не менее именно таким образом Фанхуль смог сообщить генералу Гарсиа де ла Эррану в предместье Карабанчель, чтобы тот прислал подкрепление и освободил их. Но оно не смогло бы пробиться к осажденным. К половине десятого Фанхуль и полковник Серра, предыдущий командир этого гарнизона, получили ранения. Через полчаса в окне крепости появился белый флаг. Толпа подалась вперед в ожидании сдающихся. Ее встретили пулеметные очереди. Это повторялось дважды, взбеленив атакующих. Но со стороны осажденных такая тактика стала не столько хитростью, сколько признаком растерянности. Часть сержантов и рядовых хотели сдать, предав своих офицеров. «Вперед! К бою! Вперед!» — доносились выкрики из толпы. Наконец за несколько минут до полудня огромные двери казармы поддались натиску атакующих. Толпа, полная маниакальной ярости, ворвалась во двор, где через несколько минут началась резня. Внезапно в проемах окон, выходявших на улицу, появились милиционеры и стали кидать ружья толпе. Один гигант-революционер счел своим долгом выкидывать обезоруженных офицеров, одного за другим, с самой верхней галереи в толпу во дворе, опьяненную бессмысленной жесткостью. Последовавшие зверства не поддаются

описанию. Большинство офицеров, включая Серру и даже тех, кто был готов поддержать республику, было убито. Тех же, кому удалось спастись, бросили в Образцовую тюрьму, даже не перевязав им раны. Генерала Фанхуля с трудом спасли от смерти и арестовали, чтобы впоследствии судить. Драгоценные запасы оружия (и боеприпасов) тоже были спасены от разграбления и под охраной милиции доставлены в военное министерство.

Воодушевленные участники штурма маршем прошли до Пуэрта-дель-Соль. Но здесь их шествие было прервано обстрелом со всех сторон. Пока люди лежали, прижавшись к земле, отряд милиции очистил дома, примыкающие к площади. Что же до других гарнизонов Мадрида, офицеры из саперных казарм на Эль-Пардо двинулись на север к Вальядолиду, сказав своим подчиненным, что они идут драться с генералом Молой. Среди тех, кого удалось таким образом обмануть, был сын Ларго Кабальеро, которого немедленно взяли под арест. В пригороде Хетафе офицеры-летчики, верные республике, подавили попытку восстания на авиабазе; артиллерийские казармы в Карабанчеле также были захвачены лояльными режиму офицерами вместе с отрядом милиции. Мятежный генерал Гарсиа де ла Эрран был убит своими же подчиненными. Один за другим сдавались и другие гарнизоны.

Наспех вооруженные отряды милиции, основным, а зачастую и единственным оружием которых был огромный энтузиазм, заполнив такси, грузовики или реквизированные частные автомобили, ринулись на юг к Толедо и на северо-восток к Гвадалахаре. Ибо в обоих этих соседних городах мятеж увенчался временным успехом. В Толедо, пользуясь подавляющим численным превосходством, милиция оттеснила мятежников под командованием полковника Москардо в небольшой и легко обороняемый район с центром в Алькасаре, полукрепости-полудворце, который стоял на возвышенности, господствующей над городом и рекой Тахо. Москардо отверг попытки военного министерства и правительства принудить его к сдаче. В конечном итоге он забаррикадировался в крепости. В его распоряжении оказались 1300 человек, 800 из них были членами гражданской гвардии, 100 — офицерами, 200 — фалангистами или вооруженными сторонниками других правых партий и 190 — кадетами академии (которые были распущены на летние каникулы). Кроме того, полковник взял с собой 550 женщин и 50 детей. И прихватил, по его собственным словам, с собой в заложники «гражданского губернатора со всей семьей и некоторое количество левых политиков (точнее, около ста человек)»². Гарнизон был хорошо обеспечен боеприпасами с соседнего оружейного завода, а вот при-

пасов не хватало с самого начала осады. Что же до отрядов милиции, отправившихся к Гвадалахаре, и этот город, и Алькала-де-Энарес были взяты с относительной легкостью, хотя гражданская гвардия Гвадалахары под командованием генерала Гонсалеса да Лары оказала мужественное сопротивление.

Все это время гражданская гвардия в Мадриде, чья верность правительству вызывала сомнения, была заблокирована в своих казармах. Победа над мятежниками и в Мадриде, и в его окрестностях означала начало революции. Ограждения вокруг Пуэрта-дель-Соль были украшены огромными портретами Ленина и Ларго Кабальеро. Дон Мануэль Асанья, мрачный и ошеломленный, продолжал пребывать в Королевском дворце; портфели в министерствах по-прежнему принадлежали его друзьям, но на улицах власть уже взял народ. Подлинной исполнительной властью в столице стал UGT, возглавляемый социалистами. С помощью левой молодежи, социалистов и коммунистов он соблюдал порядок. В результате антинародного мятежа в Мадриде воцарился синдикализм. 20 июля стало для рабочих днем триумфа.

К вечеру на счету милиционеров, которые стреляли не задумываясь, было уже много жертв. Два надежных офицера-республиканца, полковник Мангада и майор Барсело, организовали в Каса-де-Кампо скорое судопроизводство, чтобы судить офицеров, захваченных в казармах мятежников. Во многих случаях они знали этих людей и всю жизнь относились к ним с ненавистью. Вечером и ночью под их мрачным руководством состоялись первые казни. К тому времени в Мадриде около 10 000 милиционеров были готовы вступить в любой бой, который может начаться.

К вечеру 20 июля мятеж в Барселоне был полностью подавлен. В половине первого ночи после продолжительного боя сдались казармы Атарасанас. Легко подавили и остальные очаги сопротивления. При штурме казарм был убит лидер анархистов Аскасо и брат Мо́лы, капитан Рамон. За два дня боев погибло примерно 200 «антифашистов» и 3000 ранено.

Президента Компаньса посетили руководители анархистов во главе с Гарсиа Оливером и Дуррути. Эти люди, известные своей склонностью к насилию, сидели перед Компаньсом, поставив ружья между колен; одежда их была в пыли после двух дней боев. Они готовы были отомстить за Аскасо.

Компаньс обратился к ним со следующей осторожной речью:

«Прежде всего должен сказать вам, что CNT и FAI никогда не воздавалось должное. Вас всегда жестоко преследовали, и я, который в прошлом был с вами³, позже в силу острой политической необходимости вынужден был противостоять

вам. Сегодня вы — хозяева города. — Помолчав, он с осуждением высказался о роли своей собственной партии в подавлении мятежа: — Если я вам не нужен или если вы не хотите, чтобы я оставался президентом Каталонии, сразу же скажите мне, и в рядах борцов с фашизмом одним солдатом станет меньше. Если же вы верите, что я готов погибнуть на этом посту лишь для того, чтобы не восторжествовал фашизм, если вы считаете, что вам могут пригодиться я, моя партия, мое имя, мой престиж, то можете полагаться на меня и на мою преданность, как на человека, который считает, что все постыдное прошлое ныне похоронено, и который страстно желает, чтобы Каталония стала одной из самых прогрессивных стран мира».

Таким образом, в умах лидеров анархистов уже стал расти и укрепляться некоторый консерватизм. Хотя они все еще поддерживали идею либертарианской революции, разработанную первыми учениками Бакунина, их приход к власти, а также боевое братство, закаленное в боях последних двух дней, привело анархистов к сотрудничеству с другими левыми партиями. Была достигнута договоренность, что они будут согласовывать пределы своей власти в городе с силами других организаций в так называемом «Комитете антифашистской милиции». Ему предстояло непрерывно заседать. В состав комитета входило по три представителя от UGT, CNT, FAI и «Эскерры», по одному представителю от POUM и «Рабассарес»⁴ и по два от всех республиканских партий. И после подавления мятежа эта организация, в которой задавали тон представители анархистов (Дуррути, Гарсиа Оливер и Хоаким Аскасо⁵), стала подлинным правительством Барселоны. Хотя милицейские патрули еще обстреливались тайными сторонниками мятежников, тем не менее основной заботой комитета стала подготовка сил милиции к маршу на Сарагосу, а также к революции в Барселоне.

20 июля наконец пришло к завершению противостояние в Гранаде. К полудню улицы города заполнили рабочие, требовавшие оружие, которое офицеры гарнизона все еще отказывались выдавать им, несмотря на приказы генерала Кампинса. Генерал Посас позвонил из Мадрида, требуя «решительного и безжалостного подавления» малейших попыток военного мятежа. Его замыслили полковники Муньос и Леон. Кампинс не с самой умной целью нанес визит в казармы артиллеристов и одним из своих капитанов был обвинен в предательстве. К своему изумлению, он услышал, что весь офицерский корпус гарнизона, гражданская гвардия и милиция поддерживают мятежников. Кампинс сделал попытку скрыться, но ему преградили путь. Его

адъютант предложил генералу подписать декларацию о введении военного положения. Что он и сделал после того, как, посетив пехотные казармы, убедился, что и тут все офицеры на стороне мятежников. В этот момент все части гарнизона Гранады получили приказ выйти на улицы города. Но их командиром уже был не генерал Кампинс, посаженный в тюрьму, а полковник Муньос. Город был занят без труда. Невооруженная толпа рассеялась, стоило только военным появиться перед муниципалитетом. Гражданский губернатор и его сотрудники не оказали при аресте никакого сопротивления. Был убит лишь один солдат из сил националистов при занятии центра города. К ночи продолжал держаться лишь единственный рабочий квартал Эль-Альбасин, прямо под Альгамброй. Он не сдавался до 24 июля. При его штурме рабочие понесли неисчислимые потери.

В Валенсии противостояние продолжалось несколько дней, хотя еще 20 июля баланс сил явно склонялся в пользу республики. Когда некоторые офицеры стали раздавать оружие профсоюзам, в город прибыл президент временной хунты провинции Леванте Мартинес Баррио. Спикеру кортесов удалось уговорить генерала Монхе поддержать его замысел. Поскольку Монхе был масоном, резонно предположить, что в этой ситуации важную роль сыграла оккультная власть ложи «Великий Восток». А тем временем все расположенные в городе части оказались в осаде рабочих отрядов. Генерал Гонсалес Карраско, который тщетно метался по городу от одного убежища до другого, понял, что все напрасно, и решил бежать в Северную Африку. Его сторонники в гарнизонах продолжали выдерживать осаду. Были сожжены одиннадцать церквей и разрушен дворец архиепископа.

Подобная же неопределенность царила и в Аликанте, где генерал Гарсиа Альдаве тоже позволил Баррио уговорить себя. Хосе Антонио Примо де Ривера и его брат Мигель продолжали томиться в тюрьме Аликанте без всякой надежды на освобождение. В Сан-Себастьяне мятежники продолжали держаться в отеле «Мария-Кристина» и казармах Лойолы, но появление вооруженных рабочих из Эйбара заставило их расстаться с надеждой взять город. Они оказались в такой же плотной осаде, как и гражданская гвардия в Хихоне.

В Севилье 20 июля Кейпо де Льяно одержал наконец победу. По воздуху из Марокко прибыла первая часть легиона под командованием майора Кастехона. Он повел своих легионеров в последний штурм Трианы, рабочего квартала на другом берегу Гвадалквивира. Рабочие предместья практически не были вооружены, но сопротивлялись до конца. В одном из них, в Сан-Хулиане, резня носила особенно жуткий характер.

Всех мужчин, встреченных на улице, легионеры избивали и закалывали ножами. Нижнюю часть Трианы разнесли в куски артиллерийские залпы.

В Ла-Корунье, на северо-западе полуострова, действовали два генерала — Сальседо, командир дивизии, и Каридад Пита, военный губернатор. Первый был вял и апатичен, а второй, полковник Мартин Алонсо, считался горячим приверженцем правительства и Народного фронта. Глава заговора в Ла-Корунье, он отсидел в Вилья-Сиснерос за свое участие в мятеже 1932 года и при драматических обстоятельствах сбежал отсюда. Сальседо воздерживался с принятием решения, не решаясь присоединиться к мятежу, пока не получит уверенности, удался ли он. Наконец к полудню 20 июля, когда сторонники Народного фронта запрудили улицы, генерал Каридад Пита, доставив хорошие новости из Барселоны и Мадрида, уговорил своего коллегу перейти на сторону правительства. Но оба были немедленно арестованы Мартином Алонсо. Через несколько часов мятежники очистили центр города и взяли в плен гражданского губернатора, которого расстреляли вместе со своей женой в компании двух генералов⁶.

В рабочих районах бои продолжались еще два дня, поскольку к рабочим пришло подкрепление — колонна шахтеров из Астурии. Наконец исход боев решило преимущество вооруженных мятежников. Тем не менее их противникам удалось в относительном порядке отступить к Хихону. Последний бой состоялся на кладбище, широко известном благодаря могиле сэра Джона Мура, героя войны на полуострове.

В Эль-Ферроле весь день продолжалось сражение между моряками и мятежниками, одержавшими верх на суше. Медлительность с принятием решений привела к капитуляции обоих кораблей. Сдались также торпедные катера и сторожевые корабли береговой охраны. На судах было убито тридцать офицеров, но гораздо больше оказалось под стражей, и их сразу же освободили. Всех революционных моряков расстреляли. Таким образом, Эль-Ферроль стала главной и на какое-то время единственной военно-морской базой националистов. В Леоне восстание началось в два часа дня 20 июля. Гражданский губернатор от всей души сожалел об отсутствии шахтеров, которые за день до этого направились в Мадрид. И хотя стояла редкая даже для этих мест удушающая жара, она не помешала рабочим отчаянно сражаться против войск, которыми командовал генерал Бош. Бои шли на улицах предместий. Тем не менее в городе мятежники, как и во всей провинции, одержали победу. Единственное достойное упоминания сражение произошло в Понтеферрадо, центре системы связей реги-

она, где, как считали некоторые из прибывших сюда из Овьедо шахтеров, они будут в безопасности. Те, кто раздобыл оружие в Леоне, стали жертвой бойни на рыночной площади. В Менорке генерал Бош 20 июля потерпел поражение от объединенных сил Народного фронта и солдат его же собственного гарнизона. Так что важная военно-морская база в Маоне перешла в руки республики. Позднее генерала и одиннадцать других офицеров расстреляли без суда.

20 июля произошло еще одно важное событие. Мола послал в Лиссабон самолет, за штурвалом которого сидел молодой летчик-монархист Ансальдо. Он должен был доставить в Бургос генерала Санхурхо. Прибыв на его виллу, Ансальдо встретил сорок возбужденных солдат и офицеров, которые, столпившись вокруг генерала, слушали по радио противоречивые известия, лихорадочно звонили по телефону и пытались предсказывать ход событий. Ансальдо торжественно представился и сообщил, что предоставляет себя «в распоряжение главы Испанского государства!». Все присутствовавшие запели Королевский марш, одни прослезились от избытка эмоций, другие стали восклицать: «Да здравствует Санхурхо! Да здравствует Испания!»

Мадридское правительство высказало Португалии претензии за то, что оно позволило пользоваться своим военным аэродромом пилоту мятежников. Власти Португалии, хотя и симпатизировали Санхурхо, все же потребовали от Ансальдо переместить свой самолет на более отдаленную посадочную площадку. В конечном итоге ему пришлось взлетать с маленького аэродрома в Маринье, окруженного соснами. Несмотря на обеспокоенность пилота, генерал решил взять с собой два тяжелых чемодана с обмундированием, которое понадобилось бы ему как главе нового Испанского государства. Скорее всего, именно этот дополнительный груз и затруднил взлет самолета. Пропеллер коснулся верхушек деревьев, машина загорелась. Раненого Ансальдо выбросило из самолета, а его пассажир погиб в огне. Он стал жертвой своего ненасытного тщеславия, а не (о чем неизбежно шла речь в то время) диверсии республиканцев или даже генерала Франко. Это несчастье плюс недавнее убийство Кальво Сотело, продолжающееся пребывание в тюрьме Хосе Антонио и пленение Годеда привели к тому, что Франко и Мола остались единственными выдающимися личностями в лагере националистов. Пока Моле приходилось иметь дело с последствиями более чем неудачного мятежа на севере Испании и готовиться драться на трех фронтах, Франко уже установил надежный контроль над Марокко и испытанной Африканской армией.

К 21 июля можно было провести приблизительную границу между районами, где мятеж в целом увенчался успехом, и теми, где он большей частью провалился. Начинаясь с середины испанско-португальской границы, эта линия шла в северо-западном направлении, где недалеко от Мадрида поворачивала к юго-западу, к горам Гвадаррамы, а затем шла к Теруэлю (примерно в ста милях от Средиземного моря в Арагоне), поднималась на север к Пиренеям и завершалась на испано-французской границе примерно на середине ее протяженности. Кроме узкой полоски побережья, включающей в себя Астурию, Сантандер и две прибрежные провинции Басконии, все к северу и западу от этой линии стало территорией националистов (которая включала также Марокко, Канарские и Балеарские острова, за исключением Менорки). К югу и востоку, кроме главных городов Андалузии — Севильи, Гранады, Кордовы и Альхесираса (все они, кроме двух последних, оказались изолированными друг от друга), вся территория однозначно принадлежала республиканцам. В таких городах на ее территории, как Толедо, Сан-Себастьян, Валенсия и Хихон, некоторые здания продолжали удерживаться мятежниками. А Альбасете и Овьедо, хотя и окруженные республиканцами, оставались в руках националистов. Во многих городах, полностью захваченных мятежниками, еще несколько дней шли бои, главным образом в рабочих кварталах.

В сельской местности Андалузии ситуация оказалась донельзя запутанной. Типичными можно считать события в шахтерском городке Пособланко. Сначала гражданская гвардия 18 июля одержала победу в начавшемся мятеже. Затем шахтеры окружили свой собственный город и принудили ее сдать. Все 170 гвардейцев были расстреляны. Бои заняли четыре недели. Эти события были последней кульминацией неудержимых вспышек мятежа, которые полыхали в Кастильбланко, Касас-Вьехас и Юсте⁷.

Примечания

¹ Позже националисты обратили внимание, что рука этой статуи Дон Кихота выкинута как бы в фашистском приветствии — она не согнута и кулак не сжат.

² В вопросе, были или нет заложники в Алькасаге, приходится полагаться лишь на заявление Москардо, сделанное после войны.

³ Компаньс намекает, что в бытность его адвокатом ему нередко приходилось за минимальный гонорар защищать в судах анархистов.

⁴ «Р а б а с с а р е с» — партия виноделов, которая в 1934 году начала защищать свои виноградники от лендлордов.

⁵ Х о а к и м А с к а с о — брат Аскасо, погибшего 20 июля.

⁶ Рассказывают, что жена губернатора погибла самым ужасным образом. Она только что перенесла аборт, и ее опустили в могилу на носилках — на них же она и была расстреляна. Один из тех, кто нес носилки, сошел с ума.

⁷ Что же до нескольких оставшихся испанских колоний, события в них развивались с некоторым замедлением, но в конечном итоге Гвинея, Фернандо-По, Ифни и Вилья-Сиснерос все же присоединились к националистам, хотя в Гвинее бои продолжались еще два месяца.

Глава 19

Испания националистов. — Преследования. — Жестокость. — Смерть Гарсиа Лорки. — Юридическое оправдание репрессий.

Мгновенно возникли две Испании, разделенные этой условной линией. В националистской Испании главную роль стали играть военные. Любой, в руках у которого была хоть минимальная военная власть, мог без труда облегчить себе жизнь. Штатских постоянно оскорбляли и даже обвиняли в трусости — лишь потому, что они не принадлежали к армии. Постоянно можно было услышать издевательскую фразу: «Те, кто не носит форму, должны носить юбки». Военно-полевые законы постепенно заменяли собой всю юстицию. Чиновники и судейские «расследовались» для проверки их надежности в новых условиях. Судьями становились просто люди правых взглядов, готовые подчиняться законам военного времени. Правление националистов, в сущности, стало противоположностью революции в обыкновенном смысле слова. Все политические партии, поддерживавшие Народный фронт, были запрещены. Исчезли даже старые партии правого крыла и центристские, включая CEDA. Политическая жизнь как таковая сошла на нет. Единственными группами, разрешенными в националистской Испании, остались фаланга и карлисты, но они скорее приняли характер «движений», а не политических партий. Редакции левых газет были закрыты. Забастовки карались смертной казнью. Запрещалось свободное передвижение по железной и шоссейным дорогам. Арестовали масонов, членов партий Народного фронта и профсоюзов, а во многих районах — и тех, кто просто голосовал за республиканцев на февральских выборах. Многие были расстреляны. «А, это красная Аранда, — сказал монархист, граф Вальельано удивленному представителю швейцарского Красного Креста, доктору Жюно, когда они в августе проезжали через этот городок. — Боюсь, нам придется посадить в тюрьму весь этот город и расстрелять многих его жителей»¹.

Число казней варьировалось от района к району в зависимости от прихотей местных командиров или властей. Гражданских губернаторов и чиновников, назначенных правительством Народного фронта, почти повсеместно ставили к стенке. Как и тех, кто во время мятежа призывал к всеобщим забастовкам. Кое-где судьбы расстрелянных разделяли их жены, сестры и дочери. Часто им брили головы, а на лбу издевательски рисовали эмблемы рабочих партий, таких, как UHR или UGT. Женщин могли и изнасиловать. Эти жестокости практиковались с определенной целью. Хотя у мятежников было хорошее вооружение, численность их оставалась невелика. В таких местах, как Севилья, где проживало много рабочих, их следовало запугать и принудить к повиновению новому порядку, чтобы командиры националистов могли спокойно спать. Посему националисты предпочитали обращаться со своими врагами не только с предельной жестокостью, но действовать совершенно открыто, выставляя тела жертв на всеобщее обозрение, хотя церковь настоятельно требовала, чтобы обреченные имели право на последнее причастие. «Только десяти процентам из этой бедной паствы было отказано в последнем покаянии перед тем, как передать их нашим доблестным офицерам», — с удовлетворением сообщал «почтенный» брат на Мальорке. Тем не менее, как правило, в публичном погребении отказывали даже родственникам казненных².

После успеха мятежа аресты продолжались день за днем. Никто не знал, в каком преступлении его обвинят и вернется ли он когда-нибудь домой. Французский католический писатель Жорж Бернанос, который в то время был на Мальорке, описывал, как вооруженные отряды националистов «каждый день арестовывали людей в пустующих деревнях, когда труженники возвращались с полей. Они отправлялись в последний путь все в тех же пропотевших на плечах рубашках, с мозолистыми от ежедневных трудов руками, оставив на столе нетронутый суп, и женщины, задыхаясь, бежали за ними, чтобы успеть передать узелок с вещами, завязанными в чистую салфетку»³. Но куда чаще аресты и сопутствовавшие им расстрелы проводились по ночам. Расстреливали по одному, а порой и группами. Исполнители казней имели в своем распоряжении обильные запасы вина и давали обреченным возможность перед смертью выпить, чтобы легче уйти в мир иной. Тела находили на следующее утро. Часто среди них были уважаемые члены левых партий или офицеры, сохранившие верность республике. Но никто не осмеливался опознавать трупы. Например, тела полковника Мены, главы гражданской гвардии в Бургосе, верного присяге кавалерийского полковника, и еще

шестерых других хорошо известных горожан были похоронены под надгробием с надписью: «Семь неопознанных тел. Найдены на холме у 102-го километрового столба на дороге в Вальядолид».

Спустя какое-то время (по крайней мере, на севере) публичное выставление трупов напоказ было запрещено приказом генерала Моля. Он заявил, что валяющиеся по обочинам дорог тела не предвещают ничего хорошего. Тем не менее казни продолжались, но на этот раз они были скрыты от глаз — расстреливали в садах, в отдаленных монастырях или среди валунов на каком-нибудь пустынном холме.

Многие подробности событий тех дней остаются неясными. Так, например, рассказывали, что многих жертв заставляли копать себе могилы, куда и сваливали расстрелянных. Говорили, что жен милиционеров не только насиловали, но и вырезали им груди. Заключенных обливали бензином и поджигали. Многие из этих историй были придуманы с пропагандистскими целями в республиканской Испании, но чаще они распространялись из-за границы. Писатель Артур Кестлер, в то время работавший в отделе пропаганды Коминтерна в Париже, позже описал, как стараниями его шефа, чешского руководителя отдела пропаганды Отто Каца эти «истории» были сознательно вписаны в текст его книги «Испанское завещание». Но часть из самых серьезных обвинений в жестокостях и зверствах (включая и те, что приведены выше) была подготовлена советом уважаемых юристов Мадрида. Однако не подлежит сомнению, что людей расстреливали, а порой и пытали на глазах их близких. Известно также, что генерал Франко приказал: ни одно прошение о помиловании не должно попадать к нему до того, как казнь будет приведена в исполнение⁴. Директор школы из Уэски был забит фалангистами едва ли не до смерти — они пытались заставить его признаться, что он знал о «заговоре революционеров». После суда директор покончил с собой, разорвав зубами вены на руке. В Наварре и Алаве баскских националистов расстреливали без причастия. Рассказывали, что некий палач приказал своей жертве сложить крестом вытянутые перед собой руки и кричать «Да здравствует Христос, король наш!», а в это время ему отрубали конечности. Его жена, которую вынудили смотреть на эту сцену, сошла с ума, когда несчастного закололи наконец штыком.

Большинство исполнителей этих зверств были не фалангистами, а членами старых правых партий. Гражданская гвардия, военные, остатки CEDA — вот кто на самом деле составлял проскрипционные списки. Фаланга же прикладывала все силы, чтобы установить собственные стандарты справедливости⁵.

В дальнейшем выяснилось, что невозможно привести точные цифры убитых националистами в первые дни мятежа — то ли в уличных боях, то ли в ходе массовых казней. Республиканцы называют очень большие цифры. Рамон Сендер считает, что к середине 1938 года в националистической Испании казнили 750 000 человек. Мадридский Совет юристов сообщает, что за первые недели военных действий было убито 9000 рабочих в Севилье (всего 20 000 к концу 1937 года)⁶, 2000 в Сарагосе, 5000 в Гранаде, 7000 по всей Наварре и 400 в Альхесирасе. Глава английского католического колледжа в Вальядолиде дал показания о 9000 убитых в этом городе. По словам Бернаноса, на Мальорке с июля 1936-го до марта 1937 года казнили 3000 человек. Репортера небольшой португальской газеты потрясли цифры убитых к июлю 1937 года — националисты совершили около 200 000 казней. Антонио Бахамонте, который целый год был главой отдела пропаганды при Кейпо де Льяно (и, испытывая омерзение к этой работе в дальнейшем, сбежал за границу), считает, что к началу 1938 года в районах, которые контролировал его бывший шеф, казнили 150 000 человек. Можно с уверенностью утверждать, что все эти цифры сильно преувеличены. Республиканцы, которым довелось обитать в мятежной Испании, в тюрьме или вне ее, естественно, преувеличивают число казней — не из-за озлобленности, а из-за живых воспоминаний о ночных расстрелах, когда число в двадцать казненных значительно превышала сила их воображения. Хотя мадридский совет юристов считает, что в первые месяцы войны в Наварре состоялось 7000 казней, епископ Витории (смещенный националистами со своего престола) утверждает, что такое количество людей было убито в Наварре, Бискайе и Алаве за все время военных действий. Сами власти мятежников никогда не публиковали никаких данных о количестве погибших вне поля боя на своей территории. Внимательное изучение достаточно серьезных свидетельств позволяет утверждать, что речь, скорее всего, может идти о 40 000 казнях, проведенных националистами за все время войны. Это число включает расстрелянных без суда и следствия пленных, что были захвачены в самом начале войны, казненных по приговору суда и убитых в уличных боях. Были казнены за «бунты» и офицеры, сохранившие верность правительству. В их числе шестеро генералов: Молеро из Вальядолида, Батет из Бургоса, Ромералес из Мелильи, Сальседос и Каридад Пита из Ла-Коруньи и Кампинс из Гранады. Казнили и адмирала Асароло, командующего арсеналом в Эль-Ферроле⁷.

Среди этих смертей в памяти многих осталась гибель Федерико Гарсиа Лорки, крупнейшего испанского поэта того времени.

Он никогда не примыкал ни к одной политической партии — его шурин был социалистом, мэром Гранады, а сам Лорка поддерживал тесные связи с левыми интеллектуалами. После победы мятежа в Гранаде Лорка покинул свой городской дом (он изредка бывал в нем) и нашел убежище у своего друга поэта Луиса Росалеса, брат которого был фалангистом. Несмотря на то что он находился под их защитой, Лорку увели и расстреляли. Подлинная причина его смерти, а также место последнего захоронения так до сих пор в точности и неизвестны. Скорее всего, ответственность за его смерть несет местное отделение фаланги. Могли его расстрелять и гражданские гвардейцы, чьи души поэт однажды сравнил с грубым сукном их мундиров. Сейчас он покоится в неизвестной могиле где-то в отдаленной части провинции Гранады⁸.

Юридическим основанием всех этих казней было лишь одно — состояние войны, о которой главари мятежа объявили в день его начала. Сначала не было никаких даже подобных судебных процессов. Один человек выносил приговор и приводил его в исполнение. Тем не менее вскоре появился ряд военных трибуналов, в пожарном порядке созданных из отставных офицеров, в помощь которым призывались юридически подкованные лица. Те придавали приговорам трибунала юридическую форму, так что были довольны и военные и юристы. И все же эта парадоксальная юридическая форма «беспокоила всех, кто не страдал сектантским ослеплением».

Что вызвало это волну насилия? Многие настоящие убийцы, как из среды рабочего класса, так и мятежники, без сомнения, искренне наслаждались этим кровопролитием. Но остальные — а их было большинство — искренне считали, что их обязанность — с корнем истребить грязные ереси социализма, коммунизма и анархизма. Ибо они, как в Бога, верили, что эти идеи уничтожат их вечную и прекрасную Испанию.

Примечания

¹ Об этом и о многом другом сообщают такие свидетели, как Бахамонте, Бернанос и другие. В то время из-за жесткой цензуры и ограничений свободы передвижений журналистов новости с территории мятежников поступали очень скупо, тем более что капитан Болин, возглавлявший цензуру националистов, с удручающим постоянством продолжал высылать журналистов.

² Бернанос и мистер Лоренс Дандес считают, что настоящий террор на Мальорке начался лишь после того, как республиканцы в августе и сентябре атаковали остров. Главный исповедник тюрем мятежной Испании брат Мартин Торрент позже высказал теологическую мудрость: «Счастлив тот, кто приговорен к смерти, ибо он единствен-

ный, кто знает, когда он должен умереть. Так что у него есть возможность перед смертью получить успокоение души».

³ В то время Бернанос жил на Мальорке в доме семьи фалангистов Де Сайас.

⁴ Информация, поступившая от дочери адмирала националистов, расстрелянного в самом начале войны. Позже, когда женщина узнала, что судья, приговоривший ее отца к смерти, был осужден на территории мятежников, она попыталась вмешаться, но не смогла предотвратить его казнь.

⁵ В то время по обе стороны разделительной линии нигде не было места состраданию или мысли о друзьях, которые оказались по другую сторону границы. Например, Мола следующим образом отреагировал на предложение Красного Креста об обмене политическими заключенными. Он сказал доктору Жюно: «Как вы можете ожидать, что я обменяю кабальеро на красного пса? Если я отпущу заключенных, мои же собственные люди сочтут меня предателем... — Мола был одержим этими опасениями. — Вы явились слишком поздно, месье, эти собаки уже уничтожили самые величественные духовные ценности нашей страны».

⁶ Будущий республиканский ас полковник Лассаль потом сбросил с воздуха лилии на могилы республиканцев в Севилье.

⁷ Можно предположить, что данные республиканцев правдивы. В маленьких городках националисты расстреливали куда больше пленных, чем Народный фронт; в маленькой деревушке в провинции Малаги «красные» казнили 12 человек, а националисты — 111. Но в больших городах все было наоборот.

⁸ Мистер Бреннан в 1950 году попытался разыскать могилу поэта и считает, что нашел ее в Визнаре, на краю андалузского поместья герцога Веллингтона. В течение десяти лет в мятежной Испании никто не вспоминал о Гарсиа Лорке. Затем фаланга стала возлагать ответственность за его гибель на католиков, говоря, что ложные слухи якобы о расстреле республиканцами драматурга Бенавенте вынудили католического депутата от Гранады Руиса Алонсо отдать приказ о расстреле Лорки в виде ответной меры. Другое предположение о смерти поэта гласит, что он был, подобно Кристоферу Марло, убит в пьяной драке из-за красавицы цыганки. Результаты расследования Бреннана в целом подтверждаются и другими работами. Хотя Васкес Осанья утверждает, что до 18 августа поэт был еще жив. Нельзя полностью отбрасывать и мотив мести из зависти со стороны какого-то незначительного поэта-фалангиста.

Глава 20

Революция. — Поджоги церквей. — Оценка количества убийств, совершенных рабочим классом и республиканцами. — «Чека». — Ужасные события в Сьюдад-Реале. — Ответственность правительства.

А тем временем вихрь революции пронесся и по тем городам, где мятеж националистов был подавлен, и по тем, где он не состоялся. Повсюду возникали комитеты контроля, в которых формально были представлены все партии Народно-

го фронта, вместе с анархистами. На деле же их состав отражал реальную расстановку политических сил в том или ином городе¹. Комитеты ставили себе целью внести такие изменения в городское сообщество и его окружение, которые отвечали бы взглядам сильнейшей в данном городе партии. Первыми шагами, общими для всей Испании, были объявления вне закона всех правых партий, конфискация отелей, правых газет, предприятий и особняков. В них революционные партии и профсоюзы разбивали свои новые шикарные штаб-квартиры. Дороги патрулировались милицейскими патрулями. Появлялись многочисленные подкомитеты, которым предстояло заниматься всеми отраслями городского и сельского хозяйства. Республиканская Испания представляла не столько единое государство, сколько беспорядочное сочетание отдельных республик. Неразбериха в регионах напоминала обстановку 1870-х годов или времен Наполеоновских войн, хотя сейчас она была в немалой мере подогрета классовыми и религиозными страстями.

С самого начала революции ей повсеместно сопутствовала волна убийств, разрушений и грабежей. Милицейские соединения политических партий и профсоюзов организовывали отряды, которые брали себе имена, напоминающие названия футбольных команд. Существовали, например, «Рыси Республики», «Красные Львы», «Фурии», «Спартакус», «Сила и Свобода». Другие отряды называли себя в честь левых, испанских и заграничных, политических лидеров². Их страстная ненависть первым делом была обращена против церкви. Во всей республиканской Испании костелы и монастыри безжалостно грабились и сжигались, хотя церковь практически нигде не принимала участия в мятеже. Почти все истории, рассказывающие, как мятежники вели огонь с церковных башен, оказывались неправдой³. Религия повсеместно подверглась остракизму, как хранитель образцов морали и поведения высшего и среднего классов. Чаще всего целью повстанцев был не грабеж, а разрушение. Так, например, в Мадриде анархисты сурово отругали мальчишку, который вместо того, чтобы сломать в церкви стул, похитил его⁴. Некоторые знаменитые мадридские церкви и монастыри были спасены от нападений распоряжениями правительства. Но в провинции они оставались совершенно незащитными. В Барселоне под надежной защитой находился только кафедральный собор. Тем не менее крупнейшие произведения искусства были спасены. И хотя пропала масса более мелких ценностей, единственным подлинным актом вандализма стало сожжение десяти тысяч томов библиотеки в Куэнке, в том числе знаменитого «Catecismo de

Indias». Такие пожарища чаще воспринимались с осуждением, чем с восторгом. Но уничтожение икон и освященных предметов, зрелища церковных ряс на милиционерах часто вызывали только смех. Большинство свидетелей пожаров, жителей соседних домов беспокоило главным образом то, не перекинется ли пламя на их имущество. Тем не менее церкви, стояли ли они пустыми или же использовались как склады или убежища, в республиканской Испании были безоговорочно закрыты, как и штаб-квартиры правых партий⁵. Этим акциям сопутствовали неконтролируемые покушения на жизни священников и «буржуев». Националисты называют цифру в 85 940 убитых или казненных в республиканской Испании за время войны⁶. Эти данные, возможно, преувеличены, хотя они на удивление соответствуют тяжелым обвинениям в уничтожении 300 или 400 тысяч человек⁷. Из общего числа убитых 7937 имели отношение к религии: 12 епископов, 283 монахини, 5255 священников, 2492 монаха и 249 послушников. Точность этих цифр подтверждается и другими доступными свидетельствами. Если в целом принять эти подсчеты за истину, то можно предположить, что между 18 июля и 1 сентября 1936 года было казнено примерно 75 000 человек, ибо почти все противозаконные убийства в республике следует отнести к началу войны.

Эти бесстрастные цифры — как и те, что относятся к разгулу страстей у националистов, — ошеломляют. Многие преступления сопровождалась частично фривольной, частично садистской жестокостью. Так, например, приходский евяшеник в Навальморалесе сказал арестовавшим его милиционерам: «Я готов пострадать за Христа». — «О, это мы тебе устроим, — ответили они. — Ты умрешь точно как Христос». Связав, они подвергли священника безжалостному бичеванию. Затем привязали ему к спине бревно, напоили уксусом и увенчали терновым венцом. «Богохульствуй, и мы простим тебя», — сказал главарь милиционеров. «Это я прощаю и благословляю вас», — ответил священник. Милиционеры стали совещаться, как предать его смерти. Некоторые хотели гвоздями распять на кресте, но в конце концов просто пристрелили. Последней его просьбой, обращенной к своим мучителям, было желание при расстреле стоять лицом к палачам, чтобы, умирая, он мог благословить их.

Епископ Хазны был убит вместе со своей сестрой, которую специально пригласила милиционер по прозвищу Веснушка. Убийство состоялось на глазах двухтысячной возбужденной толпы в болотистом пригороде Мадрида, известном как «Пруд дядюшки Раймонда». Епископов Кадиса и Алмерии застави-

ли вымыть палубу тюремного судна, стоявшего рядом с Малагой, после чего их расстреляли. Епископа Сьюдад-Реаля убили, когда он работал над книгой по истории Толедо. После его смерти была уничтожена картотека из 1200 карточек. Монахиня была убита, отказавшись выйти замуж за одного из милиционеров, которые захватили ее монастырь Нуэстра-Сеньор-дель-Ампаро в Мадриде. «Комитет Крови» в Эль-Пардо (провинция Мадрида) во время суда над приходским священником упился до бесчувствия церковным вином. Один из милиционеров использовал дароносицу как миску для бритья. Случалось, что монахинь перед расстрелом насильовали⁸. Труп священника бросили на мадридской улице Салле-Мария-де-Молина с плакатом на шее: «Я иезуит». В Сернере монаху в уши забивали четки, пока не продырявили барабанные перепонки. Имеются достоверные данные, что нескольких священников сожгли живьем. Огромные толпы собирались в Барселоне, когда на обозрение были выставлены эксгумированные трупы девятнадцати салезианских монахинь. В Сьемпосуэло дона Антонио Диаса де Морала кинули на арену с быками, которые затоптали его до беспамьяства. Потом ему отрезали ухо, подражая обычаю, когда у быка отрезают ухо, чтобы наградить матадора. Кое-кого сжигали живьем, а других хоронили заживо, предварительно заставляя выкопать себе могилу. В Алькасар-де-Сан-Хуане молодому человеку, известному своим благочестием (хотя, может, кто-то считал это ханжеством), выкололи глаза. В провинции Сьюдад-Реале преступления отличались особой жестокостью⁹. Матери двоих иезуитов загнали в рот распятие. Сбросили в шахту 800 человек. Их смерть встречалась аплодисментами, словно победа на корриде. Раздавались крики: «Свобода! Долой фашизм!» Не один священник сошел с ума от этих зрелищ. Один приходский церковник в Барселоне потерял рассудок после того, как его несколько дней допрашивали, куда он дел свой профсоюзный билет. «Зачем мне билет? — непродуманно ответил тот. — Я священник».

Никто больше не говорил «адыю». Повсеместно звучало слово «салют». Некий Фернандес де Дьос даже написал мистру юстиции, осведомляясь, не может ли он поменять свою фамилию на Бакунин, потому что больше «не хочет иметь ничего общего с Богом»¹⁰. «Неужели вы до сих пор верите в этого Бога, который всегда молчит и не смог защититься, даже когда сжигали его изображения и храмы? Признайте, что Бога не существует и что ваши священники — всего лишь лицемеры, которые обманывают народ». Такие жгучие вопросы возникали во многих городах и деревнях рес-

публиканской Испании. В истории Европы и, может, даже мира не было времен, когда религия и все ее деяния не вызвали такую страстную ненависть. Тем не менее один священник, свидетель гибели в провинции Барселона не менее 1215 монахов (и 55 монахинь), которому с помощью президента Компаньса удалось скрыться во Франции, имел смелость признать: «Красные уничтожали наши церкви, но сначала мы сами их уничтожили». В Испании были убиты далеко не все священники. Те, которые остались в живых и не смогли уехать за границу, стали «сотрудничать» с республикой. Их воспринимали просто как людей определенной профессии, которые ничем не отличались от, скажем, дантиста или адвоката, кроме того, что им не разрешалась частная практика и право ношения рясы. Если признавалось, что они каким-то образом позорили профессию или же в прошлом никогда не надевали чистый воротничок на похоронах какого-нибудь бедняка, их могли и убить¹¹. Религиозная бойня объяснялась «социальными» мотивами. Испанский рабочий класс нападал на церковников потому, что считал их ханжами и лицемерами, которые дают ложное духовное обоснование тирании правящих классов.

Конечно, если говорить об убитых, то к юристам относились еще с большей ненавистью, чем к церковникам. Опасность угрожала всем, кого только могли заподозрить в симпатиях к националистам. В иррациональной обстановке Гражданской войны, когда речь заходила о националистах, никто не мог толком разобраться, что является государственной изменой, а что нет. Главным основанием для подозрений во враждебности к революции было членство в CEDA, фаланге или принадлежность к церкви. В сельских районах революция проявлялась главным образом в убийствах представителей обеспеченных классов или «буржуев». Описание Эрнестом Хемингуэем в романе «По ком звонит колокол» сцены, как жители маленького пуэбло первым делом колами забили насмерть всех мужчин из семей среднего класса, а потом скинули их со скалы, почти точно соответствует событиям в андалузском городке Ронда. Там в первый месяц войны было убито 512 человек.

В больших городах, где потенциальных врагов было больше, применялись более сложные процедуры. Все политические партии и профсоюзы республики организовали у себя следственные отделы, которые с гордостью называли себя по русскому образцу «чека». Только в Мадриде их было двадцать шесть. Первые дни войны в городах республики характеризуются полным смешением различных групп, каждая из которых обладала неограниченной властью и каждая несла ответствен-

ность лишь перед какой-то партией или государственным учреждением или даже перед конкретным человеком. Порой разные «чека» консультировались друг с другом прежде, чем «выдернуть» очередную жертву. Но эти консультации были лишь формальностью, которая, как правило, ничего не давала. Перекрестный допрос всегда состоял из угроз и оскорблений. Порой глава «чека» издали показывал задержанному какую-то карточку, давая понять, что это его членский билет партии, враждебной Народному фронту. Смертные приговоры этих «судов» выносились большой буквой «L» (Liberty), то есть «Свобода», на соответствующих документах. Буква сопровождалась жирной точкой. Это означало, что заключенный должен быть немедленно казнен. Приговор приводился в исполнение специальными группами, которые часто состояли из бывших преступников.

Наибольший страх в Мадриде вызывала та «чека», которую называли «утренний патруль». Ее деятельность разворачивалась в ранние утренние часы. Но различий между этой командой и «бригадой уголовных расследований», возглавляемой бывшим печатником Гарсиа Атаделем¹², было немного. Все эти организации имели доступ к архивам министерства внутренних дел, которые помогали им разыскивать членов правых партий. Деятели первых «чека» потом стали политическими вождями республики¹³.

Большей частью в «чека» просто расстреливали. Но случались и акты откровенного зверства и пыток.

В подавляющем большинстве случаев подобным образом без суда и следствия расправлялись с рядовыми членами правых партий. Но часто соседи убивали таких же рабочих, как они сами, заподозрив их в лицемерии, в подбострастном отношении к хозяевам или же просто не доверяя им. Так, например, в Альтее, неподалеку от Аликанте, анархист зарубил почтмейстера из-за высокой цены марок и стакана вина, который выпил, ожидая расчета¹⁴. Большинство действующих политических лидеров правых вместе с генералами, принимавшими участие в мятеже, взяли под стражу. Их было довольно много, и среди них достаточно много личностей, куда более известных, чем те, кто сидел у националистов. Например, генерал Лопес Очоа, который командовал войсками, подавившими восстание в Астурии. При этом он вел себя настолько сдержанно, что его пришлось сместить. Генералов вытаскивали из камер или забирали даже из больниц, чтобы предать смертной казни. С рядовыми офицерами, которые попали в Образцовую тюрьму в Мадриде, обращались несколько лучше.

Этот хаос давал возможности сводить личные счета.

Так, один заключенный, освободившись из обыкновенной тюрьмы, вломился в квартиру судьи, который несколько месяцев назад вынес ему приговор, убил его на глазах семьи и скрылся вместе с серебром, увязанным в простыню. Случалось и немало ошибок. Например, в своем доме в «буржуазной» части Барселоны группа анархистов арестовала крупного музыканта, известного своими либеральными взглядами. «Но я ваш друг!» — запротестовал он, когда его вели на расстрел. Анархисты не поверили ему. Им казалось невозможным, чтобы великий человек жил среди «буржуев». Чтобы доказать свою правоту и тем самым спасти жизнь, музыкант взял инструмент и стал играть. У анархистов по щекам катились слезы — так их тронула музыка, и они осознали, какую фатальную ошибку едва не совершили.

Но другим не удавалось столь легко доказывать свою невиновность. Невиновность? В чем? В подавляющем большинстве случаев человек был безоговорочно виновен лишь потому, что не был беден и жил в относительном комфорте. В эти тревожные времена люди, принадлежавшие к той же среде, что и президент республики Асанья (окна его спальни в Национальном дворце выходили на Каса-де-Кампо, где неоднократно совершались казни), ее руководители, не могли спокойно спать по ночам. Ибо они не в состоянии были положить конец этим убийствам и в конечном счете, как и правительство, несли за них ответственность. Ведь эти деятели не подавали в отставку и вряд ли могли рассчитывать, что их не осудят за совершенные преступления. Часть лиц, занимавших официальные посты в республике, давали понять, что по большому счету их не волнует судьба многих соотечественников. Например, некий чиновник Женералитата отказался вести переговоры, в результате которых можно было бы обменять политических заключенных в Барселоне на тех, кто находился в плену у националистов. Спасение своих товарищей на юге Испании означало бы прощение врагов в Барселоне¹⁵. Тем не менее находились руководители, которые считались не с политическими соображениями, а с личными чувствами (от Компаньса до Пассионарии), отступали от своих взглядов и, рискуя репутацией, спасали потенциальных жертв насилия¹⁶.

Кем были эти убийцы? В целом можно считать их появление результатом заключительного взрыва настроений подавленной ненависти, которые из поколения в поколение крылись под внешней оболочкой испанского общества. Откровенно говоря, многие из убийц (такие, как Гарсиа Атадель из Мадрида) были обыкновенными мясниками, которые воз-

никают во время каждой революции. Но встречались и такие, которым откровенно нравилось убивать, испытывая при этом едва ли не сексуальное наслаждение. Но многие не имели с ними ничего общего. Для социалистов и коммунистов, которые входили в эти отряды убийц, уничтожение «буржуев» было частью военной операции; они считали, что борьбу надо вести безостановочно на всех фронтах и тот, кто не нанесет удара первым, потерпит поражение. Отличались и анархисты из CNT и FAI. Они убивали словно в мистическом запале, решив сокрушить все материальные приметы старого мира, все внешние признаки прогнившего и лицемерного «буржуазного» прошлого. Когда, отправляя на смерть «недостойных» личностей, они кричали «Да здравствует свобода!» и «Долой фашизм!», их страсти были полны серьезности. Колонну тех, кого взяли в плен в Барселоне, прогнали тридцать миль по берегу моря, чтобы расстрелять на фоне прекрасного залива Ситжес. Обреченные на смерть последние мгновения своей жизни смотрели на волшебное утреннее Средиземное море. «Видите, какой прекрасной представала бы перед вами жизнь, — говорили их убийцы, — если бы только вы не были буржуями, вставали бы пораньше и чаще видели рассвет, как это приходится делать рабочим»¹⁷.

Примечания

¹ Эти комитеты были сформированы повсюду, кроме Мадрида, обстановку в котором номинально контролировало правительство Хирала, хотя фактическая власть принадлежала UGT и Ларго Кабальеро.

² В своей книге воспоминаний «Люди, годы, жизнь» Илья Эренбург рассказывает, что одна центурия приняла его имя. (*Примеч. пер.*)

³ Потом уже задним числом сообщалось о разных «провокациях» — чего и следовало ожидать. Например, информационный бюллетень CNT—FAI сообщал 25 июля: «В субботу в больнице Сан-Пабло священник вступил в горячий спор с врачом, после чего выхватил пистолет и разрядил всю обойму, но не во врача, а в лежащих вокруг раненых. Свидетели происшедшего пришли в такую ярость, что захватили четырех самых известных фашистов из святой братии и расстреляли их тут же на месте».

⁴ Протестантские церкви не подвергались нападениям и стояли открытыми. Правда, в Испании было всего 6259 протестантов.

⁵ Монастыри очистили от всех их обитателей. Для одних это, конечно, означало обретение свободы, ибо многим испанским девушкам приходилось в ранней юности принимать постриг против их воли. Для других уход из монастыря был связан с неприятностями иного рода. Одна девушка, выйдя из стен монастыря в Барселоне, для возвращения в свою деревню смогла найти только платье с блестящими: конечно же в монашеском одеянии ей было бы небезопасно на дорогах Каталонии. Так что ей пришлось украсить себя блестящим

одеянием. Но когда она появилась в деревне, ее семья и близкие сочли, что вместо того, чтобы жить в мире и покое за стенами монастыря, она вела жизнь проститутки. Камнями ее забили до смерти.

⁶ Среди них было примерно 5000 женщин, 500 из которых были убиты в Мадриде и его окрестностях. Расстреливали и детей. Те, кому в то время довелось побывать в мадридских моргах, рассказывали, что видели детские трупы в пижамках.

⁷ В то же время существует предположение, что эти цифры были и преуменьшены, чтобы не создавать за границей слишком тяжелого впечатления об испанском национальном характере.

⁸ Четыре монахини были изнасилованы и убиты в Посуэло-де-Аларкон под Мадридом. Но в целом нападения на женщин были редким явлением в Испании Народного фронта.

⁹ Дон Алисио Леон Дескальсо был кастрирован, а отрезанные половые органы засунули ему в рот.

¹⁰ Заместитель министра ответил: «Имеет смысл упростить длинную и сложную процедуру, когда причина смены фамилии носит столь уважаемый характер». Многие из вышеописанных инцидентов описаны в самых разных работах. «Жестокостям» посвящена огромная литература в Испании националистов; почти в каждой провинции были проведены тщательные расследования. Республиканцы, проигравшие войну, конечно же были лишены возможности провести аналогичное расследование на территории мятежников.

¹¹ Такой же подход был и к докторам. Но если врач заботливо относился к своим немущим пациентам, его оставляли на свободе.

¹² Позднее он попал в плен к националистам. Писатель Артур Кестлер встречался с ним в сеvilьской тюрьме в начале 1937 года. Его казнили с помощью гарроты, удушающего устройства, которое можно увидеть в «Ужасах войны» Гойи. Жертву привязывают к столбу в сидячем положении и медленно душат железным ошейником.

¹³ Так, например, Педреро Гарсиа, помощник Атаделя, стал главой военной разведки. Тагуэнья, руководитель «утреннего патруля», возглавил армейский корпус.

¹⁴ Покупка марок в небольших испанских деревушках всегда была сложным делом. Все марки были аккуратно сложены и упакованы в оберточную бумагу. Об инциденте в Альтее рассказывал местный житель. Этот анархист позднее был казнен коммунистами — во-первых, из-за того, что был анархистом, а во-вторых, его подозревали в тайных связях с фалангой. В целом вся эта история иллюстрирует, как непросто было добиваться ясности, когда речь шла о мотивах зверских убийств.

¹⁵ Тем не менее надо упомянуть, что, когда в Мадриде доктор Жоно от имени Красного Креста обратился к премьер-министру Хиралоу с предложением, чтобы женщины и дети при желании могли покинуть территорию республики, националисты так никогда и не откликнулись на него; Хираль не имел возможности добиться принятия этого предложения.

¹⁶ В январе 1937 года всеобщая амнистия формально оправдала всех убийц. В то время правительство вряд ли могло действовать по-другому, поскольку почти все, кто нес ответственность за убийства, были в армии.

¹⁷ Если бы анархисты не тратили так много бензина, развозя своих жертв по самым красивым местам или пытаясь дотла спалить церкви, в августе их вооруженные силы могли бы куда успешнее действовать против националистов на Арагонском фронте.

Глава 21

Характер Испании националистов

С 24 июля формальное руководство националистами осуществляла хунта, сформированная в Бургосе под председательством генерала Кабанельяса. Генерал Мола предоставил ему этот пост не в силу достоинств генерала, а скорее чтобы успокоить Кабанельяса. К тому же в Сарагосе ему был нужен более активный командующий. Прежде чем создать хунту в Бургосе, Мола посоветовался с монархистом Гойкоэчеа¹ и графом Вальелано — но конечно же не с Франко и не с фалангистами. С самого начала Мола предполагал участие в хунте штатских, но, когда обдумывался замысел, никаких имен не называлось. На первых порах в ее состав входили только руководители мятежа на территории полуострова — генералы Мола, Саликет, Понте и Давила. Франко стал ее членом в начале августа. Тем не менее для самой Испании Франко долгое время оставался личностью мифической. О нем постоянно говорили, но никто не знал, где он находится. В начале мятежа коммунике националистов были полны куда большей уверенности. Говорилось, что Франко из-за пролива уже прибыл на материк. Сообщалось, что Мола стоит у ворот Мадрида. Но затем новости стали более сдержанными. Однако высказывались предположения, что Франко организовал настолько безупречную армейскую систему, что потерпеть поражение просто невозможно.

Мола провозгласил создание хунты. Перекрывая оглушительную сарабанду колоколов бургосских церквей, генерал с лисьей физиономией хрипло кричал с балкона здания на главной площади: «Испанцы! Граждане Бургоса! Правительство, в котором свили гнусное гнездо подонки из либералов и социалистов, мертво. Его прикончила наша доблестная армия. Испания, подлинная Испания повергла дракона, и теперь он корчится на брюхе, глотая пыль. Я беру на себя командование войсками, и недалек тот час, когда два знамени — священная эмблема креста и наш прославленный флаг — бок о бок взвьются над Мадридом!» Затем хунта собралась на первое заседание, но, поскольку решать особенно было нечего, ее руководители перебрались за скромный столик в кафе «Казино». Кабанельяс и два полковника составили нечто вроде секретариата, чтобы давать националистской Испании те указания, которые будут сочтены необходимыми. Деятельность обыкновенного правительства была затруднена отсутствием гражданских служащих и необходимой документации. Тем не менее ситуацию удалось облегчить с добровольной помощью пред-

ставителей среднего класса, полных желанием установить контакты с новым режимом. Отсутствие документов компенсировалось строгим соблюдением так хорошо зарекомендовавших себя правил военного положения. В сущности, Кабанельяс и его хунта исполняли те же роли, что Хираль, Асанья и Компаньс. Мола управлял севером Испании от Эль-Ферроля до Сарагосы и от Пиренеев до Авилы. Франко контролировал Марокко и Канарские острова. Кейпо де Льяно господствовал в националистской Андалузии. Его ночные радиопередачи, полные хриплых бессвязных ругательств, угроз убить семьи «красных» республиканских моряков и хвастливых рассказов о сексуальных подвигах легионеров и регулярных войск обеспечили ему известность по всей Европе. На севере Мола постоянно выступал по радио Наварры, Кастилии и Сарагосы, с особой ненавистью относясь к Асанье, «чудовищу, абсурдному порождению заново рехнувшегося Франкенштейна, не имеющего ничего общего с плодом любви к женщине. Асанья должен быть заключен в клетку, чтобы специалисты по строению мозга смогли изучить этот самый интересный в истории случай умственной дегенерации».

Под руководством этого военного правительства фаланга, которая продолжала успешно множить свои ряды, действовала скорее как политическая полиция, а не как партия. Немецкий авиаконструктор и промышленник Вилли Мессершмитт, в августе посетивший националистскую Испанию, сообщил, что у фаланги, похоже, нет ни реальных целей, ни идей. Эти «молодые люди лишь с увлечением играют оружием и гоняют коммунистов и социалистов». Вместе с большинством своих лидеров, включая сидящих в тюрьмах республики Хосе Антонио Примо де Риверу, Фернандеса Куэсту и Серрано Суньера, фалангисты занимались не столько политической теорией, сколько бурной деятельностью. Фалангистские патрули неустанно прочесывали улицы, останавливали подозрительных лиц, проверяли у них документы и при каждой возможности кричали: «Вива Испания!» Были реквизированы все такси, частные машины и автобусы. К фалангистам также перешли многие здания, а взносы в фонды националистов взыскивались со всех лиц и организаций, чья верность движению вызывала сомнения. В некоторых местах расследовались банковские счета. Гражданам все время давали понять, чтобы они воздерживались от разговоров о политике. В городах хунты царило молчание, которое резко контрастировало с вавилонским столпотворением в республике. Радиостанции постоянно играли старый Королевский марш, маршевую песню карлистов «Ориаменди» и беспрестанно повторяли гимн фалангистов.

В Севилье весь город был заклеен огромными плакатами Кейпо де Льяно. Через несколько дней повсюду появились также изображения Франко. В магазинах продавали патриотические эмблемы. Фасады зданий были целиком закрыты развернутыми плакатами фаланги. «Фаланга призывает тебя! — кричали они. — Теперь или никогда! Другого пути не существует. Ты с нами или против нас?» Карлисты, и не только в Наварре, также расклеивали большие плакаты. «Наш флаг — единственный, — сообщали они. — Это флаг Испании! Всегда тот же!» Правда, вопрос, какой же флаг будут использовать мятежники, пока так и оставался нерешенным. Это была едва ли не самая главная тема политических дискуссий. Должен ли это быть флаг монархии или республики?

В большинстве населенных пунктов Испании националистов рабочий класс вел себя достаточно спокойно. На это были свои причины. Многие, кто еще недавно входил в партии рабочего класса, перешли к фалангистам в надежде обрести защиту для себя и своих семей. В некоторых случаях эти скрытые политические перебежчики были обнаружены и казнены.

Для утверждения своего общества националисты нуждались в поддержке церкви. В целом они ее получили — кроме баскской церкви. Так же как были священники и монахи, которые поддержали республику, несмотря на гибель многих своих братьев. Были и церковники, которые не скрывали своей растерянности из-за массы хладнокровных убийств, совершенных, как они хорошо знали, в Испании националистов во имя Христа. Например, два святых отца прихода Сердца Девы Марии в Севилье пожаловались Кейпо де Льяно на казни невинных людей. Священник андалузской деревни Кармоне был изгнан фалангой за то, что мешал им проводить казни.

Среди высших иерархов церкви только епископ Витории (чья епархия включала в себя и провинцию Басков) отказался предоставить в распоряжение движения свой пост и престиж. В дни церковного праздника в Севилье кардинал Илундейн посетил мессу в обществе Кейпо де Льяно, а пикет фалангистов позже сопровождал процессию в честь Богородицы.

Едва только началась война, партия фалангистов стала демонстрировать такое религиозное рвение, которое ранее совершенно не было присуще их политике или убеждениям. Для рядового и младшего командного состава фалангистов стало обязательным посещение церковных служб, исповедь и причастие. В устах пропагандистов фалангист сочетал в себе полумонаха и полувоина. Идеальный женский образ для них предстал в сочетании черт Святой Терезы и Изабеллы Католической². Тем временем архиепископы, епископы, канон-

ники и священники ежедневно взывали к помощи Девы Марии войскам националистов, моля, чтобы она помогла им как можно скорее взять Мадрид. Часть священников даже воевали в рядах националистов. Тем не менее редко можно было встретить столь кровожадного служителя церкви, как священник из Эстремадуры, приказавший похоронить живьем четырех милиционеров и раненую девушку в могилах, которые их заставили выкопать для себя. В Бадахосе священник заметил, что раненый милиционер укрылся в кабинке для исповеди в соборе. Он вытащил пистолет и пристрелил его. Другой священник, столь же фанатичный, как отец Фермин Исурдыга из Памплоны, стал членом фаланги. Какое-то время Исурдыга был главой отдела пропаганды в штаб-квартире националистов.

Примечания

¹ Явившись в Испанию, дон Хуан предложил свои услуги Моле, но тот отверг их. Тем не менее другие члены королевской семьи или сражались, или агитировали за националистов.

² Считалось, что этому образу идеально соответствует Пилар Римо де Ривера, сестра Хосе Антонио.

Глава 22

Республиканская Испания. — Революция в Мадриде. — В Новой Кастилии. — В Барселоне и Каталонии. — В Валенсии и Андалузии. — В Басконии, Сантандере и Астурии.

Когда схлынула первая волна бурных восторгов победы над мятежниками, в Мадриде воцарилось не столько революционное, сколько воинственное и драчливое настроение. Улицы были запружены милиционерами в их синих «монос» — эти рабочие спецовки стали униформой Республиканской армии на Мадридском фронте. В некогда элегантном и даже шеголеватом городе стало опасно появляться в хорошей одежде — был риск, что такого человека могут обвинить в фашизме. На улицах появились сотни девушек из рабочих предместий, собиравших деньги, особенно для международной организации Коминтерна «Красная помощь». Громкоговорители все время вещали о победах на всех фронтах. Иностранцы наблюдатели единодушно отмечали отсутствие у испанцев психологического стресса из-за войны. Не в пример странам, участвовавшим в Первой мировой войне, или России с ее Гражданской войной, сексуальная жизнь

в Испании бурно функционировала. Браки с величайшей легкостью заключались прямо в штаб-квартирах милиции, а немного погодя партнеры с той же легкостью забывали о них. Позже правительство признало законными любые браки милиционеров, заключенные после 18 июля любым военным комитетом или офицерами. Получил право гражданства и, как говорилось, «брак просто так». В соответствии с ним женщина считалась законной женой мужчины, с которым она прожила десять месяцев или от которого ждала ребенка¹. Столь же легко стало и получить развод.

Подлинной исполнительной властью в Мадриде была партия UGT, поскольку она отвечала за снабжение продовольствием и городское хозяйство. Профессиональные чиновники в массе своей не отличались преданностью республике или работали спустя рукава, лишь часть дня — чем, впрочем, не отличались от правительства Хирала. Было предпринято несколько попыток провести чистки на гражданской службе, но многие чиновники различных убеждений так и остались на своих местах. UGT работала в относительном содружестве с CNT, своими старыми противниками, хотя забастовка строителей, которая стала последним поводом для их вражды, тянулась до начала августа. На популярном плакате того времени были изображены двое убитых милиционеров из UGT и CNT, ручейки крови которых сливались в общую лужу.

За UGT в Мадриде просматривалась коммунистическая партия.

Политическая пропаганда и тактическое искусство лидеров коммунистов были главными причинами растущего их влияния, хотя играла роль и старая вражда между фракциями Ларго Кабальеро и Прието в социалистической партии². Коммунистическая пропаганда, руководимая Хесусом Эрнандесом, основное внимание уделяла двум темам: организации социальной политики и сравнению нынешнего сопротивления с мятежом и восстанием испанского народа против войск Наполеона в 1808 году.

На первом этапе революции, в котором UGT играл заметную роль, сделать удалось немного. Были экспропрированы предприятия и поместья, о владельцах которых точно знали, что они на стороне националистов. Вскрыли тысячи банковских счетов, конфисковали несчетное количество домов, драгоценностей и дорогих вещей³.

Революционная молодежь устроилась во дворце финансиста Хуана Марча, а Палас-отель стал приютом для трудновоспитуемых подростков. Правые газеты были захвачены их соперниками с левого фланга. Была также реквизирована вся промышлен-

ность, выпускавшая военную продукцию, — формально военным министерством, но на деле рабочими комитетами. Позже управляющие других фирм стали организовывать подобные же комитеты, чтобы, разделив с ними ответственность, избежать худшего исхода. Они быстро охватили всю промышленность в Мадриде, а поскольку отвечали за свою деятельность перед профсоюзами, а те, в свою очередь, перед политическими партиями, концерны обрели пусть и не прямое, но косвенное политическое руководство. Тем не менее в августе правительство в Мадриде контролировало всего 30 процентов промышленного потенциала. Банки не были реквизированы, но они работали под неослабным наблюдением министерства финансов. Ввели мораторий на возвращение долгов и ограничения на снятия сумм с текущих счетов, но во всем прочем банки функционировали нормально. Новая финансовая политика сказалась лишь в том, что суммы арендной платы сократили на 50 процентов. Кроме ночных убийств, после которых на Каса-де-Кампо оставались лежать трупы⁴, самой заметной приметой революции в Мадриде стали общественные рестораны, которые организовывали профсоюзы. Для них поставлялись продукты, получаемые профсоюзами из сельскохозяйственных районов в Леванте. Излюбленное блюдо из риса и картошки с мясом подавалось в этих ресторанах в неограниченном количестве. Хлеба не было, поскольку равнины Северной Кастилии, где росло зерно, оказались в руках мятежников. На этом этапе развития событий они считали, что могут принудить республику к сдаче угрозой голода. В общественных ресторанах, на многих складах и в магазинах чеки, выдаваемые профсоюзами, обменивались на продукты или вещи. Заработная плата во всем Мадриде стала выдаваться в виде таких же клочков бумаги. Деньги начали исчезать, и торговцы закупали лишь то, что они точно могли продать. Этому экономическому хаосу положил конец мадридский муниципалитет, который взял на себя контроль за выдачей чеков и снабжение хоть какой-то пищей семей милиционеров, безработных и мадридских нищих. Тем не менее разорились многие торговцы, принимавшие эти платежные средства, которые так никогда и не были оплачены. Милиционеры стали платить сами себе по 10 песет в день (в одних случаях они изымались из средств предприятий, на которых они работали, в других им платили правительство или профсоюзы), и сумма эта выплачивалась их иждивенцам даже в случае смерти кормильца.

В городах и сельской местности Новой Кастилии, республиканской Эстремадуры и Ламанчи, как и в столице, тон задавали UGT и революционная молодежь, социалисты и коммунисты. Анархисты встречались редко. Тем не менее во

всех этих районах революция проходила по образцу Мадрида. Продолжали существовать старые муниципальные власти, работавшие вместе с комитетами Народного фронта. Экспроприации были нечастым явлением. Например, магазины и предприятия в Талавере-де-ла-Рейна могли быть заклеены объявлениями «Здесь работает коллектив». Но это означало, что доходом распоряжается не рабочий контроль, а он делится между хозяином и рабочими. В сельских районах Ламанчи и Новой Кастилии большие поместья все же конфисковали, и ими управляли теперь местные отделения UGT. С материальной точки зрения для рабочих ничего не менялось, они получали то же жалованье. На юге в Сьюдад-Реале, главном городе Ламанчи, было конфисковано только одно предприятие — электростанция. Рынки, кафе и магазины продолжали оставаться теми же, что и прежде. Доктор Франц Боркенау, посетивший эти места в августе, отметил, что коровы на новой коллективной ферме под Сьюдад-Реалем хорошо выглядят, а зерно, для хранения которого приспособлена часовня, убирается вовремя. До коллективизации рабочие жили в Сьюдад-Реале и приезжали на уборку. Теперь они обитали в доме владельца поместья, где сами себе готовили. Пища, хотя ее было и немного, была лучше, чем раньше. До войны эти же рабочие ломали технику, купленную землевладельцем, поскольку считали, что он хочет понизить им жалованье. А теперь сами выписали молотилку из Бильбао.

Революция, центром которой в июле 1936 года стала Барселона, отличалась от событий в центре Испании тем, что там ею руководили анархисты. Подлинным руководящим органом в Барселоне и во всей Каталонии стал Комитет антифашистской милиции, сформированный 23 июля. Возглавили его FAI и CNT. Барселона стала пролетарским городом, которым Мадрид никогда не был. Экспроприации прошли повсеместно. Отели, магазины, банки, заводы были или реквизированы, или закрыты. Реквизированные управлялись комитетом из бывших техников и рабочих⁵. Тщательно изучались банковские книги. О каких тратах, о каких доходах, о каких подкупах шла в них речь! А затем (как заметил рабочий комитет строительства барселонского метро) «мы выставили на всеобщее обозрение эти авантюры!». Поскольку огромное и помпезное псевдоготическое здание Торговой палаты было захвачено под штаб-квартиру FAI и CNT, казалось, что все идет как полагается. Никто не рисковал появиться в одежде, свойственной среднему классу. Ношение галстука могло кончиться арестом⁶. Все 58 церквей Барселоны (кроме кафедрального собора, спасенного приказом Женералитета) были сожжены. Много ценного бен-

зина потратили впустую в попытках сжечь построенное Гауди здание «Святое семейство» (Sagrada Familia), но, увы, оно было из цемента. В начале августа еще оставались несколько церквей и монастырей. Но восторг, который вначале вызывали сцены их разрушения, сошел на нет, и районы руин заботливо охранялись пожарными.

К тому времени власть, обретенная анархистами в Барселоне, вызвала у них чувство ответственности, изумлявшее тех представителей среднего класса, которые еще оставались в городе. CNT приказал всем своим членам возвращаться на работу. Сам анархистский профсоюз уже обладал немалой властью: своей радиостанцией, восемью ежедневными газетами, массой еженедельников. Периодические издания отслеживали каждый аспект жизни общества. На частых митингах выступали лучшие ораторы анархистов. В подобном размахе деятельности кое-кто из анархистов усмотрел забвение чистоты прежних идеалов: вожди, по их мнению, стали политиками, которых интересует только власть. Это был единственный случай в истории, когда анархисты контролировали жизнь большого города. И можно только удивляться, как мало пользы извлекли они из этой возможности.

После убийства Трильяса, президента профсоюза докеров UGT, — скорее всего, это было делом рук анархистов — FAI и CNT вместе с другими партиями осудили это преступление. В один голос они предупредили, что любой, кто позволит себе стрелять или грабить, будет казнен. «Уголовный мир Барселоны позорит революцию», — заявили они. FAI приказал всем своим членам проявлять особую бдительность, чтобы пресекать такие позорные действия. «Покончить с этими подонками! Если мы этого не сделаем, то уголовники разделяются с революцией, обесчестив ее». Официально политика анархистов была довольно сдержанной — и должна была быть таковой по крайней мере «до падения Сарагосы». Но по ночам на дороге, ведущей из Барселоны к горе Тибидадо, продолжала слышаться стрельба. Не прекращались аресты «фашистов». Что будет после победы? Конечно, не дешевая «буржуазная» демократия «Эскерры». UGD и CNT смогут «руководить всей хозяйственной жизнью Испании без помощи извне». Но 26 июля CNT в Каталонии официально предупредила своих сторонников, что не стоит «заглядывать дальше победы над фашизмом».

Одним из необычных последствий господства анархистов в Каталонии стало перерастание движения каталонских сепаратистов (номинально они продолжали руководить Каталонией) в партию, которая, как правило, поддерживала мадридское прави-

тельство⁷. Барселонская милиция с анархистами во главе распространила свое влияние по всему Арагону, что гарантировало республиканцев от противостояния центрального правительства. 9 августа в Олимпийском театре в Барселоне состоялся массовый митинг анархистов, протестующий против распоряжения Мадрида о призыве в армию части резервистов, где им придется служить под командой офицеров. «Мы не можем быть солдатами в форме! Мы хотим оставаться милицией Свободы! Конечно, на фронте. Но только не в казармах с солдатами, не имеющими отношения к Народному фронту!» Протестуя против центрального правительства, они наконец сомкнули ряды с давними каталонскими сепаратистами. Но Женералитат, опасаясь последствий появления «политических армий», согласился с правительством в Мадриде и поддержал создание регулярной армии с назначенными сверху офицерами, без определенных политических убеждений. В этом важнейшем пункте Женералитат получил поддержку новой Объединенной социалистической партии Каталонии (PSUC), состоящей из четырех левых групп, которые объединились после мятежа. Хотя генеральным секретарем партии стал ветеран социалистического движения (и антианархист) Коморера, коммунисты (так же как и в слиянии молодежи национальных социалистов и коммунистов в апреле), благодаря их подавляющему большинству, уму и твердости, стали доминировать в партии. PSUC даже вошла в Коминтерн. UGT в Барселоне, где она, конечно, находилась под политическим руководством социалистов, тоже попала под контроль коммунистов. Если к 19 июля в барселонских профсоюзах состояло 12 000 членов, то к концу месяца их число выросло до 35 000. Наличие партийного билета или профсоюзной карточки помогало раздобывать пищу, и, кроме того, революционная обстановка настойчиво требовала объединения. И хотя по сравнению с CNT (только в Барселоне этот профсоюз числил в своих рядах 350 000 человек) эта организация была весьма малочисленной, она стала ценным подарком для коммунистов.

PSUC, естественно, склонялся к армейской системе, а не к милицеской. Коммунистическое руководство партии не стало поддерживать настроения масс, ибо надеялось завоевать господство путем проникновения в официально признанное правительство. По сути, не существовало партии, которая так, как коммунисты, была заинтересована в распространении в армии своих политических взглядов. Они надеялись добиться цели путем пропаганды в среде офицеров и рядовых. Тем не менее формальная политика коммунистов в Барселоне и Мадриде отвергала все, что могло бы помешать победе в войне, а «политические контакты между товарищами» должны были

приблизить победу. Все же PSUC постоянно ссорился с анархистами из-за любых мелких реформ, предлагаемых Женералитатом, — на 15 процентов повысить заработную плату, ввести 40-часовую рабочую неделю. Кроме того, в первые же дни после разгрома мятежа PSUC предложил оказать финансовую поддержку вдовам погибших бойцов. Но Гарсиа Оливер, выступавший от имени CNT, заявил, что «уменьшение рабочих часов может привести к поражению революции». Коммунисты, которые планировали проводить социальные реформы лишь после победы революции, также не собрались удовлетворять настоятельные требования бедных слоев населения, которые уже не испытывали желания присоединяться к анархистам.

Ссоры, временами вспыхивавшие между анархистами и коммунистами, отражали те противоречия, которые много лет назад существовали между Марксом и Бакуниным. Они обрели особую остроту именно теперь, когда предполагалось, что PSUC может войти в региональное правительство. 31 июля Компаньс повысил свой ранг — он был теперь не просто президентом Женералитата, а президентом всей Каталонии. Это был новый шаг к обретению полного суверенитета Каталонии, и, как и все прочие, он не был согласован с Мадридом. Три члена PSUC вошли в преобразованный Женералитат. Анархисты угрожали покинуть Комитет антифашистской милиции, если PSUC не выйдет из правительства. Что партии и пришлось сделать. Их время нанести ответный удар еще придет. Но они уже попытались разоружить милицию анархистов в тех кварталах, что находились под их контролем. CNT, объявив эти намерения предательскими, яростно выступил против и добился успеха. «Товарищи, — обратился 5 августа FAI к PSUC, — вместе мы одолели кровавое чудовище фашистского милитаризма. Так давайте же будем достойны нашей победы и до окончательного триумфа станем крепить единство наших действий. Да здравствует революционный антифашистский союз!»

В стороне от анархистов и PSUC стоял POUM, полутроцкистская партия, главным образом из бывших каталонских коммунистов. Она значительно выросла с начала войны. Многие вошли в нее, считая, что партия эта противостоит и недисциплинированности анархистов и жесткости PSUC. Иностранцы, проживавшие в Барселоне, вступали в POUM из-за романтических убеждений, считая, что эта партия в самом деле воплощает великую мечту об Утопии. Доктор Боркенау отметил, что в среде этих политэмигрантов царил атмосфера политического энтузиазма; они откровенно радовались при-

ключениям, которые несет с собой война, с облегчением чувствовали, что серые и грустные годы изгнания позади, и безоговорочно верили в «полный успех» республиканцев. И POUM, чья новая штаб-квартира расположилась в отеле «Фалькон» на Рамблас, сосредоточил усилия на том, чтобы его незнакомое имя стало широко известно в обществе — большие буквы этой аббревиатуры появлялись на автобусах и машинах, шла настойчивая агитация за создание правительства «только из рабочих».

События в Барселоне нашли отражение во всей Каталонии и в республиканском Арагоне. В пуэбло были созданы политические комитеты. Власть, как и повсюду, оказалась в руках самой сильной партии, несмотря на ее формальное представительство. Повсюду она принадлежала CNT, но в провинции Лерида господствовал POUM. Обычно над зданием муниципалитета висел красный флаг с серпом и молотом, напоминая о магнетическом притяжении, которое СССР вызывал у всех пролетарских партий, а не только у коммунистов. Железные дороги и общественные службы находились под контролем только CNT и UGT. Церкви во всех деревнях были сожжены. В некоторых местах, где до августа их не поджигали, особенно на курортах вдоль побережья Коста-Браво, излюбленных средним классом, преобладали умеренные настроения. Доктор Боркенау заметил, с какой печалью женщины несли в костер молитвенники, образы, статуэтки и другие талисманы, которые имели не столько религиозную ценность, сколько были предметами семейной гордости, частью повседневной жизни семьи. В целом все представители «буржуазии», включая священников, юристов, врачей, были расстреляны, а их дома и земли перешли к муниципалитетам. Как и повсюду в Каталонии, жестокость революционеров сопровождалась странными проявлениями великодушия. Например, французскому писателю и летчику Антуану де Сент-Экзюпери, который в то время был военным корреспондентом, удалось уговорить революционный комитет одной деревни даровать жизнь монаху, пойманному в лесу. Анархисты обменялись радостными рукопожатиями друг с другом и с монахом, поздравляя его со спасением.

В Каталонии не было больших поместий, и революционеры не могли решить, что делать с землей, которая попала им в руки. Наконец осенью было принято решение: половина конфискованных земель переходит под управление комитетов, а вторая половина распределяется между беднейшими крестьянами. Комитеты в пуэбло будут получать и половину арендной платы, а другая половина значительно сокращена. В Каталонии не мог-

ли предусмотреть, как крестьяне будут обращаться с собственностью «буржуев». В Сереньене, где не осталось ни одного представителя среднего класса (включая и ветеринара), доктор Боркенау вместе с английским коммунистом Джоном Корнфордом наблюдал, как уничтожались все документы, имеющие отношение к сельскому хозяйству. Посреди главной площади был разведен огромный костер, языки пламени которого поднимались выше церкви, и молодые анархисты торжественно кидали в него все новые связки бумаг.

Ниже по побережью, в Валенсии, хунта Мартинеса Баррио, поставленная Хиралем, чтобы контролировать пять провинций Леванте, проявила еще большую беспомощность перед комитетами контроля, чем Женералитат перед Комитетом антифашистской милиции. Мартинес Баррио был вынужден обосноваться на жительство в сельской местности, а не в Валенсии. Хотя CNT продолжала оставаться сильнейшей группой, под началом которой были и порт, и транспорт, и строительные рабочие, Валенсия считалась более буржуазным городом, чем Барселона, хотя в ней экспроприаций было меньше. UGT контролировала положение дел в среде «беловоротничковых» рабочих, а они стойко придерживались позиций Ларго Кабальеро. Республиканцы, у которых было много надежных сторонников из нижних слоев среднего класса и богатых крестьян, делили свои симпатии между теми, кто видел свой шанс в развитии сепаратистского движения в Валенсии, и теми, кто неуклонно поддерживал Асанью и Хирала. Коммунистическая партия в Валенсии была невелика, не пользовалась симпатиями и постоянно грызлась с анархистами. Она вела здесь политику такую же сдержанную, как и республиканцы, и поддерживала Мартинеса Баррио. Позже компартия обрела поддержку среди богатых крестьян Валенсии, поскольку успешно претворяла в жизнь план распределения экспроприированных земель среди крестьян и выступила против анархистов, стоявших за коллективизацию и запрещение частной торговли.

В Андалузии революция по духу была главным образом анархистской, и на ней не сказывалось даже ограниченное влияние центральных властей из Барселоны. Во многих пуэбло муниципальные советы слились с новыми комитетами. Дороги и общественные службы контролировали как прежние чиновники, так и милиционеры, назначенные комитетом. Каждый город действовал сам по себе и нес за это ответственность. Мятежники занимали территории совсем рядом с Каталонией — в Севилье, Гранаде, Кордове, в портах Кадиса и Альхесираса, и это вызвало особые опасения республиканцев. Между лидерами анархистов, угнездившимися в таких городах,

как Малага, и обитавшими в маленьких пуэбло, царила неприкрытая враждебность. Первые хотели утвердиться в деревнях, но встречали сопротивление местных лидеров, которые воспринимали их появление как покушение на свои права. Революция тут носила куда более экстремистский характер, чем по всей Испании. Во многих местах была полностью ликвидирована частная собственность, а торговцам отказались выплачивать долги. Часто деньги объявлялись вне закона. В деревушке Кастро-дель-Рио под Кордовой образ жизни стал напоминать мюнстерскую коммуну баптистов 1530 года — частный обмен товарами был запрещен, закрылся деревенский бар, употребление кофе жителями деревни преследовалось. «Они хотят вести нормальный образ жизни, как те, кого экспроприировали, — заметил доктор Боркенау, — и в то же время избавиться от их богатств». В этом регионе большие поместья продолжали обрабатывать те, кто и раньше работал в них, но теперь они не получали заработной платы — в деревенской столовой им в соответствии с потребностями выдавались продукты. Было совершенно непонятно, что делать с землями, лежавшими между пуэбло. Там повсеместно стояли казармы, брошенные взбунтовавшимися гражданскими гвардейцами, которые, укрепившись на верхушках холмов, в монастырях и других труднодоступных местах, стали вести жизнь разбойников, грабя соседей. Дольше всех продержался гарнизон капитана гражданской гвардии Кортеса в монастыре Санта-Мария-де-ла-Кабеса в горах к северу от Кордовы.

Анархистский характер революции в Андалузии претерпел изменения в провинции Хаэн, которая в течение нескольких лет стойко поддерживала UGT, а также в Малаге и Альмерии, где большинство докеров были коммунистами. Социальные изменения в Хаэне были незначительными. Например, в замшелом городишке Андухаре были убиты пятеро «буржуев», но их земли так и остались нетронутыми. UGT передал муниципалитету право управления большими соседними поместьями, в результате чего их продолжали обрабатывать те же батраки за прежнюю нищенскую плату. Хотя революцию в Малаге и возглавили коммунисты, она также решительно ничего не дала народу. Частично отрезанная от остальной республиканской Испании (в руках националистов к северо-востоку была Гранада), живущая под ежедневной угрозой воздушных налетов, в атмосфере слухов, что вот-вот город будет взят, Малага страдала от недостатка энтузиазма, который был свойствен революциям к северу от города.

Территория, протянувшаяся вдоль северного побережья Испании, была отрезана от остальной республики централь-

ной равниной Северной Кастилии и горами Наварры, которые контролировал генерал Мола. Здесь существовали три сообщества — в Бильбао и Сан-Себастьяне, в Сантандере и Хихоне. В этих городах и в провинциях Бискайя и Гипускоа, где преобладали баскские националисты, продолжал существовать общественный порядок, свойственный среднему классу. Бильбао, Сан-Себастьян и окружающие их территории контролировались комитетами обороны, в которых баскские националисты преобладали над UGT, коммунистами и анархистами. Из этих трех последних групп только анархисты (у них были сильные позиции среди рыбаков и строителей) позволяли себе выступать против басков, которые не скрывали, что с недоверием относятся ко всем рабочим партиям. Поэтому в новый моторизованный корпус баскской милиции и в батальоны порядка (для милиционеров) не разрешалось вступать членам левых революционных партий, хотя среди них было много представителей, чья верность республике вызывала сомнения.

Кроме полковника Карраско, нескольких офицеров и фалангистов, которые действительно принимали участие в мятеже, в провинции Басков милиционеры расстреляли около пятисот человек. Ответственность за это несли главным образом анархисты. Но с начала августа преследования высшего и среднего класса фактически прекратились⁸. Священники получили свободу, возобновились церковные службы. Сожжены были лишь две церкви в Сан-Себастьяне, да и те в самом начале войны. Экспроприировали имущество лишь тех капиталистов, которые принимали участие в мятеже. Оно передавалось в распоряжение государственных органов.

Единственной приметой социальных перемен в провинции Басков был декрет, запрещающий кому-либо быть директором больше чем одной компании (это был удар не столько по буржуазии в целом, сколько по баскским миллионерам), получать ренту больше 50 процентов, как и по всей республиканской Испании. Был учрежден Отдел общественной помощи, куда в случае необходимости мог обратиться любой гражданин. В то же время военная промышленность Бискайи — оружейный завод в Эйбаре, небольшие производства оружия в Гернике и Дуранго, заводы в Бильбао, на которых выпускались гранаты и орудия, — была передана Комитету обороны Бильбао. Баскские националисты также получили контроль над финансовыми структурами своей провинции. Были сформированы новые отделы для контроля крупных банков Басконии. В них входили четыре члена старого совета директоров, два акционера, два вкладчика и четверо служащих, избранных коллегами. Баскское министерство финансов выдвигало кандидатуры акцио-

неров и вкладчиков и должно было одобрить кандидатуры членов старых советов и представителей от служащих.

Несмотря на сравнительную умеренность, Баскония неизбежно должна была войти в конфликт с римско-католической церковью. После неудачи попыток церковных друзей Хосе Антонио Агирре, лидера басков, уговорить его и его партию присоединиться к националистам епископ Витории и Памплоны в пастырском послании, зачитанном по радио 6 августа, публично обвинил баскских католиков в приверженности республике. Но баскские священники во главе с викарием Бильбао посоветовали политическим лидерам Басконии и дальше поддерживать республику. Правда, доказательств подлинности этого пасторского послания не было, поскольку его копий никто не видел. Кроме того, оно было оглашено без соблюдения должных формальностей. И наконец, имелись основания предполагать, что епископ Витории не был полностью свободен в своих действиях (он едва ли не был заключен в своем дворце), епископ не мог знать правду о событиях в провинциях Гипускоа и Бискайя. Изменение отношения со стороны баскских националистов могло навлечь неприятности на многих людей и на саму церковь. Таким образом, баскские священники, и дальше придерживаясь своих взглядов, оставались с паствой, чьим духовным потребностям продолжали служить. Они часто вмешивались в действия властей, спасая тех, кто становился жертвой насилия со стороны левых партий, особенно своих собратьев в Астурии и Сантандере. Баскские католические лидеры продолжали поддерживать республику, а впоследствии даже входили в правительство. Они идеологически оправдывали ее существование, доказывая, что четырех условий, которые приводит святой Фома Аквинский, позволяющих восстать против государства, не существовало и последняя папская энциклика отрицает законность мятежа⁹.

В Хихоне на побережье Астурии ситуация осложнялась тем, что в казармах Симанкас продолжала сопротивление гражданская гвардия под командованием полковника Пинильи. Тем не менее во время осады казарм отношения между UGT, CNT и коммунистами стали там даже ближе, чем в дни восстания 1934 года. Белармино Томас, депутат от социалистов, был губернатором провинции Астурия, и правительство передало ему всю полноту власти. Поскольку наземная связь с Мадридом была прервана, ему приходилось действовать столь же независимым образом, как и его баскские и каталонские коллеги. Он председательствовал в комитете, состоявшем из двух коммунистов, двух членов CNT, двух из UGT, двух из FAI; по столько же членов комитета было от Объединения социалистической

молодежи, от левых республиканцев вместе с одним представителем либертарианской (анархистской) молодежи. Шахты в Астурии были под контролем совета, в который входил директор, представляющий государство, несколько техников, заместитель директора, секретарь и трое рабочих. Директор мог действовать только с разрешения рабочих, и вся эта управленческая система представляла собой уникальное сочетание рабочего контроля и национализированного предприятия.

Дома в Хихоне, подвергавшиеся непрерывному обстрелу крейсера националистов, были разрушены. В них жили бедняки. Они вели пуританский образ жизни и верили в будущее. Огромные плакаты, развешанные по городу, изображали красный материк Испании, в центре которого стоял маяк, лучи которого освещали всю Европу. Текст на плакате гласил: «Испания осветила весь мир! Вива Народный фронт Астурии!» По ночам громкоговорители разносили по пустым улицам хорошие новости с далеких фронтов. Хихон, притулившийся на самом краю негостеприимной Атлантики, казалось, был единственным одиноким советским городом, предоставленным самому себе.

Что же до Сантандера, этот город стал неколебимым форпостом UGT, что и следовало ожидать, ибо он с незапамятных времен был единственным портом Кастилии. Его комитет обороны обладал большой степенью независимости от центрального правительства в Мадриде.

С самого начала Гражданской войны военная тактика этих трех провинций исходила из верности республике на севере, но была значительно затруднена политическими распрями. Единственное общее, что оказалось у них после нескольких недель войны, — это нехватка продовольствия. Порой появлялись пиво, сигареты, сыр и немного рыбы, но припасов было немного. Символом Северной Испании в конце 1936 года стал уроженец Хихона по прозвищу «человек, которого боятся даже кошки». Он мог попасть камнем в кошку с расстояния в двадцать ярдов. И тогда вечером на обед подавался жареный цыпленок.

Примечания

¹ Нет необходимости уточнять, что этот указ привел к появлению двоеженства, но его отмена вызвала еще большую неразбериху. В 1937 году республику отличало обилие случайных связей.

² Prestige коммунистов заметно повысился из-за безупречного порядка в организованном ими так называемом Пятом полку.

³ В соответствии с позднейшими подсчетами общая сумма конфискованных денег и ценностей составляла (по всей Испании во

время войны) 330 миллионов песет (8 миллионов фунтов стерлингов), а золота и драгоценностей — 100 миллионов песет (2,5 миллиона фунтов стерлингов). Эти данные кажутся достаточно достоверными.

⁴ С юмором, которым всегда славились мадридцы, они называли трупы этих несчастных рыбами, у которых стеклянные глаза и постоянно открытые рты.

⁵ Подавляющее большинство барселонских владельцев предприятий или расстреляли, или им удалось скрыться. Остались лишь те, кто пользовался хорошей репутацией за отношения с рабочими. Предприятия «Форд» и «Дженерал электрик» были захвачены в Барселоне в начале августа. После протеста американского правительства Испания выплатила компенсацию. В целом республика старалась не конфликтовать с другими государствами, реквизируя их предприятия.

⁶ Газета анархистов «Солидаритет обрера» осудила советского министра иностранных дел Литвинова как буржуа, который носил шляпу. Анархистский профсоюз шляпников немедленно выразил протест.

⁷ Долгое время этого не замечалось. В августе, когда было захвачено барселонское отделение Банка Испании и университет Барселоны порвал связи со своими коллегами в Мадриде, право на жизнь обрели совершенно противоположные тенденции.

⁸ Хотя в крепостях и на кораблях, превращенных в плавучие тюрьмы, все еще продолжали содержаться почти три тысячи заключенных, среди которых было много женщин и детей.

⁹ Условия Фомы Аквинского таковы:

— общественные блага (религия, справедливость и мир) должны быть серьезно нарушены;

— восстание должно быть сочтено необходимым общественными лидерами в целом и достойными людьми, представляющими народ в национальных организациях;

— должна существовать глубокая уверенность в успехе начинания и убежденность, что беды, принесенные революцией, не будут больше, чем беды из-за ее отсутствия;

— никакими иными средствами не излечить нарастание опасности ценностям общества.

Глава 23

Первые кампании. — Бои в Сьерре. — Осада Алькасара. — Противостояние двух сторон. — Оружие из-за границы.

22 июля можно было утверждать, что в Испании разгорелась настоящая война. Это был не просто мятеж, который пришлось подавлять. Повсюду в городах республики радостные чувства после поражения мятежа уступали место страху, так как армии националистов уже приближались к ним. Даже в самых маленьких городках милиция профсоюзов и партий начала воспринимать себя не как уличных драчунов и революционеров, а как солдат. И действительно, им пришлось стать таковыми. С рассветом 19 июля Мола послал своего адъютанта полковника из Андалузии Гарсиа Эскамеса на юг для осво-

бождения Гвадалахары. В его распоряжении было 1600 человек, главным образом рядовых, два отряда регулярных войск и отряд фалангистов. Его бы ждала удача, не остановись он для усмирения волнений в Логроньо, военный губернатор которого почему-то не хотел подчиниться. Так что когда первая внушительная ударная сила начавшейся войны оказалась в двадцати милях от Гвадалахары, пришло известие, что город в руках мадридских милиционеров. Гарсиа Эскамесу пришлось отступить к перевалу Сомосьерра, северо-восточным воротам Мадрида. Здесь железнодорожный туннель с 19 июля удерживался группой монархистов из Мадрида, которыми командовали братья Миральес. К ним на помощь подходили силы милиции, которые раньше заняли Гвадалахару.

В полночь 21 июля из Вальядолида к северо-западу от Мадрида к столице двинулись смешанные силы армии и фалангистов, возглавляемые полковником Серрадором (еще один бывший заговорщик 1932 года). Они прошли через Гвадарраму, где их встречали с бурным восторгом, и выходили к перевалу Альто-де-Леон. В составе этих сил был и Онесимо Редондо, основатель JONS в Вальядолиде, недавно освобожденный из тюрьмы в Авилье. Альто-де-Леон занимали крупные силы мадридской милиции. Националисты быстро поняли, как важно отбросить врага от перевала. В противном случае под угрозой могла оказаться вся Старая Кастилия. Мола послал два отряда под командованием полковников Беорлеги и Кайуэлы (в них входили карабинеры, регулярные части и фалангисты) в провинции Басконии. Первый отряд должен был освободить гарнизон, осажденный в казармах Лойолы в Сан-Себастьяне, а второй — пройти маршем к Толосе, древнему баскскому городу.

Тем временем в Барселоне постоянно ходили слухи, что к городу приближается армия националистов, выступившая из Сарагосы. На деле же в Сарагосу вступили 1200 солдат из Памплоны, которые просто помогли националистам предпринять несколько карательных экспедиций против соседних городов Арагона, в которых власть временно перешла к Народному фронту. Ни о каком генеральном наступлении на Барселону не было и речи. Подчиняясь настоятельным требованиям правительства Мадрида, 23 июля из Барселоны выступили две колонны для «освобождения» Сарагосы. Первая состояла главным образом из милиции анархистов, и возглавлял ее отъявленный бандит Дуррути, который после успеха революции обрел непомерную самоуверенность и был полон бредовых мечтаний о собственном величии. В колонне царило такое восторженное возбуждение, что лишь через два часа после выхода из Барселоны

Карта 8. Поход Гарсиа Эскамеса,
19—27 июля 1936 года

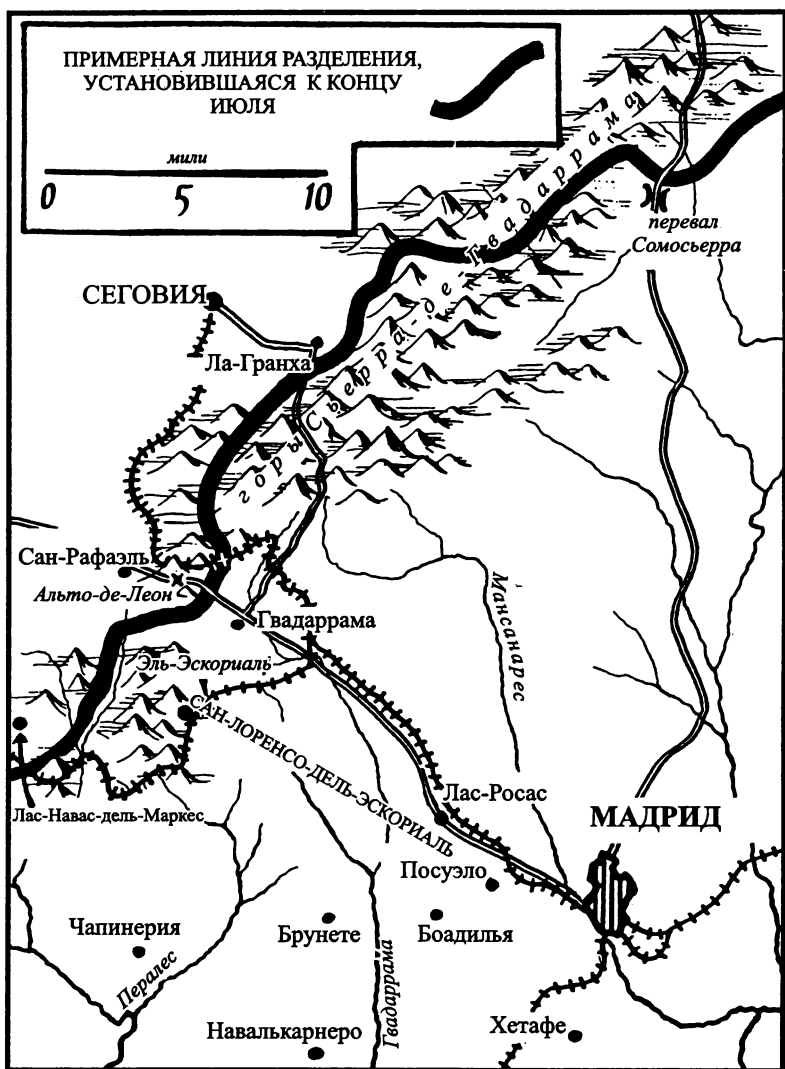
анархисты спохватились, что забыли боеприпасы. Пропагандистские листовки провозглашали: «Свободный Человек вступил в борьбу против фашистской гиены в Сарагосе». Вторая колонна состояла преимущественно из солдат барселонских казарм, верных республике. Командовал ею майор Перес Фаррас.

В ходе этих кампаний основной силой республики были милицйские части различных организаций рабочего класса. Правда, в штабах военного министерства в Мадриде, формально руководивших этими операциями, работали профессиональные военные, сохранившие верность республике. Ей служили примерно 200 офицеров, включая 13 генералов. Одни из них, скорее всего, поняли, что, оказавшись во время мятежа на территории республики, надо заявить о своей верности правительству; другие же, без сомнения, были левыми, социалистами, республиканцами или даже коммунистами. Среди тех, кто поддержи-

вал правительство скорее в силу случайности, чем по убеждениям, оказался вялый, добродушный генерал Мьяха, который в свое время входил в антиреспубликанский военный союз¹. Третьи считали, что обязаны быть на стороне республики в силу данной присяги. Среди них были полковник Эрнандес Сарабия, убежденный республиканец, глава военного штаба Асанья в 1932 году и заместитель военного министра, и генерал Кастильо со своим адъютантом майором Менендесом. Поскольку по мере развития событий Кастильо погружался в меланхолию², Эрнандес Сарабия фактически взял на себя руководство военным министерством. Генерал Рикельме, принимавший участие в заговоре против Примо де Риверы в 1926 году, командовал всеми частями в Мадриде. Милицию, которая шла в бой против националистов с боевым кличем «На Сьерру!», на первых порах тоже возглавляли армейские офицеры. Капитан Галан, профессиональный офицер, коммунист, брат «героя Хаки», возглавлял милицию в Сомосьерре, а полковник Кастильо командовал частями, которые сначала оседлали, а потом оставили перевал Альто-де-Леон.

В дальнейшем части, двинувшиеся по направлению к Авиле, отрезали этот город от Альто-де-Леона. Командовал ими полковник Мангада — тот поэт-офицер, которого Асанья арестовал и посадил в тюрьму (но потом был вынужден вернуть свое доверие) за то, что он в 1932 году провозгласил: «Да здравствует республика!» — в ответ на тост генерала Годеда, в то время генерального инспектора армии, предлагавшего выпить просто за Испанию. Хотя ему удалось захватить несколько пуэбло, гражданская гвардия в которых перешла на сторону националистов, Мангада дошел только до Навальперала, что находился в двадцати километрах от цели. Майор отчаянно боялся потерять связь с Мадридом. Неудача его наступления на слабо защищенный город святой Терезы объяснялась националистами появлением святой, которая, как утверждают, солгала Мангаде, что Авила «полна вооруженными людьми». Тем не менее этих сомнительных успехов было достаточно, чтобы подчиненные майора триумфально пронесли его по Пуэрта-дель-Соль в Мадриде и произвели в генералы³.

А тем временем сражения за Альто-де-Леон и Сомосьерру, первые настоящие столкновения Гражданской войны, шли с неослабевающей яростью. Обе стороны использовали свое ограниченное, но примерно равное количество самолетов, чтобы бомбить друг друга; все пленные были расстреляны⁴. Правительственные войска, пусть и превосходившие по численности, понесли тяжелые потери — и от артиллерии националистов, заметно превосходившей республиканскую, и в

Карта 9.

Примерная линия разделения, установившаяся к концу июля

силу наивной отваги неопытных милиционеров. 22 июля Альто-де-Леон, а 25 июля перевал Сомосьерра перешли к националистам. Но остальные господствующие высоты Гвадаррамы продолжали удерживаться республиканцами. В бою под Альто-де-Леоном погиб фалангист Онесимо Редондо. У республиканцев полковник Кастильо и его сын были расстреляны их же подчиненными за «измену», выразившуюся в отказе вести милиционеров к победе, которую, по их мнению, они заслуживали. Офицеру испанской армии было нелегко командовать людьми, которые порой перед боем требовали показать ладони и проверяли наличие на них мозолей.

Тем не менее самый знаменитый инцидент этого периода испанской войны произошел в Толедо. Из Мадрида министр образования, военный министр и генерал Рикельме отчаянно названивали полковнику Москардо, командиру осажденного в Алькасар гарнизона националистов, уговаривая его сдаться. Наконец 23 июля Кандидо Кабельо, глава толедской милиции, позвонив полковнику Москардо, сообщил, что если тот через десять минут не сдаст Алькасар, то он, Кабельо, лично расстреляет Луиса Москардо, сына полковника, который этим утром попал в плен. «Ты поймешь, что это правда, когда поговоришь с ним», — добавил Кандидо Кабельо. Луис Москардо смог произнести только одно слово. «Папа», — пробормотал он в трубку. «Что там происходит, мой мальчик?» — спросил полковник. «Ничего особенного, — ответил сын. — Они говорят, что расстреляют меня, если Алькасар не сдастся». — «Если это правда, — ответил полковник Москардо, — то вручи свою душу Богу, крикни: «Да здравствует Испания!» — и умри как герой. Прощай, сын мой, прими мой последний поцелуй». Кандидо Кабельо вернулся к телефону. Полковник Москардо сообщил, что в милости не нуждается. «Алькасар никогда не сдастся», — сказал он, кладя трубку. Москардо был убит 23 августа⁵. Алькасар продолжал оставаться в осаде. Хотя продовольствия не хватало, воды и боеприпасов было вдоволь. Провизия появилась в результате смелой вылазки и нападения на соседнее зернохранилище, откуда было доставлено две тысячи мешков с зерном. Основой питания в Алькасаре были хлеб и конское мясо (в начале осады там оказались 177 лошадей).

Пока Алькасар в Толедо продолжал сопротивляться, казармы Лойолы в Сан-Себастьяне сдались баскам 27 июля, а за два дня до этого прекратила сопротивление гражданская гвардия в Альбасете. В Валенсии взяли штурмом казармы, в которых закрепились офицеры. Те, кто уцелел во время боя, были отданы под суд и в массе своей казнены. Единственными местами на территории республики, где еще продолжалось сопротивление национа-

листов, оставались Овьедо, казармы Симанакас в Хихоне, Алькасар и несколько отдельных территорий в Андалузии.

В то же время подверглась изменению сама линия, разделяющая Испанию — на юге, севере и северо-востоке. Даже тех частей Африканской армии, легионеров и солдат, что успели перебросить через пролив, оказалось достаточно, чтобы заметно расширить район, которым из Севильи управлял генерал Кейпо де Льяно. Плодородные, но ныне заброшенные земли на южном побережье, что лежали между портом Уэльва и Севильей, Кадисом и Альхесирасом, а также между Севильей и Кордовой, после серии стремительных рейдов, проведенных войсками, закаленными в марокканских войнах, перешли в руки националистов⁶. Теперь националисты не просто контролировали несколько городов Андалузии, где мятеж увенчался успехом, — в их распоряжении оказалась целая территория, которая глубокой раной вонзилась в самое сердце революционного юга, хотя Гранада и еще несколько городов продолжали сопротивляться. Но их падение было делом недалекого будущего. По мере того как эти города и деревни переходили в руки националистов, в них, как и ожидалось, сразу же начинались кровавые казни — отмщение за зверства революционеров.

На севере в баскской провинции Гипускоа националистам тоже удалось значительно изменить границу в свою пользу. Полковник Беорлеги, выступивший из Наварры во главе отряда из 700 карлистов, захватил деревню Ойардзун, что лежала в двух милях к югу на полпути от дороги Сан-Себастьян — пограничный город Ирун. Искусство, с которым полковник управлял огнем своего небольшого отряда, создало у басков впечатление, что им угрожает мощная военная сила. Так что Ойардзун не пришлось брать штурмом, хватило только обстрела из старых 155-миллиметровых пушек, что вели огонь из приморской крепости Нуэстра-Сеньор-де-Гваделупе.

В Арагоне революционные армии Барселоны под командованием майора Переса Фарраса⁷ и колонна анархистов, возглавляемая Дуррути, продолжали продвигаться к западу, неся смерть городам и деревням на пути к Сарагосе и Уэске. В некоторых из них, например в Каспе, мятеж сначала увенчался полным успехом. Но порыв возбужденных людских масс из Барселоны, вдохновленных революцией, захватывал все места, куда они входили, независимо от того, приходилось ли их брать штурмом или нет. Если не считать Каспе, где силы гражданской гвардии во главе с капитаном Негрете держались несколько часов, прикрываясь живым щитом из жен и детей членов местного профсоюза, барселонские колонны нигде не встречали серьезного сопротивления.

⁷ Х. Томас
«Гражданская война в Испании»

Ни одна из сторон в этом нескончаемом конфликте не имела достаточно убедительного перевеса. Африканская армия, выступившая на стороне националистов, имела 32 000 штыков, но почти половина из них осталась в Марокко для поддержания порядка. Националисты могли положиться примерно на две трети личного состава гражданской гвардии — всего в нее входило 22 000 человек — и на 1000 фалангистов. Примерно две трети армии — или около 40 000 человек — были с националистами, но их составляли главным образом недавние призывники, которые большей частью стояли в гарнизонах. Хотя из 14 000 профессиональных офицеров на сторону республики перешли всего 200 военных, но на ее территории были взяты в плен 5000 офицеров, которые в принципе могли присоединиться к мятежникам⁸. В начале Гражданской войны карлистские войска насчитывали 14 000 человек. Фалангисты располагали силами примерно в 50 000 бойцов. С одобрения султана прошел набор марокканских туземцев, которые вошли в состав регулярных войск. В самой материковой Испании призывные участки существовали почти в каждом городе, и новобранцам обещали платить до 3 песет в день, что и привлекло много добровольцев из рабочего класса. Тем не менее с течением времени выяснилось, что единственной надежной силой в армии националистов оказался легион, а также марокканские части. Почти все они продолжали базироваться в Африке, хотя три группы по морю и воздуху перебросили на материк. В дальнейшем доставка их морским путем стала опасной, поскольку флот оказался в руках революционеров. Была необходима авиация — и чтобы перебросить Африканскую армию через пролив, и для защиты кораблей, которые отправлялись в плавание. Но у Франко были только три старых «бреге» и один «фоккер», взятые в Тетуане; несколько гидропланов в Сеуте, «дорнье», захваченный в Кадисе, и «юнкерс» авиакомпании «Люфтваганза», прилетевший на Канары⁹. Мола был точно в таком же незавидном положении. Флот националистов состоял из старого линкора «Испания», одного крейсера и одного эсминца (все они стояли в Эль-Ферроле), канонерской лодки и нескольких кораблей береговой охраны¹⁰. Еще утром 19 июля, оценив свои силы, генерал Франко решил просить помощи из-за границы.

Тем временем правительство республики взяло под свой контроль промышленные районы вокруг Бильбао и Барселоны, а также — что Прието в то время счел признаком окончательной победы — Банк Испании, в котором хранился шестой в мире по величине запас золота. Республиканцы тоже страдали от острой нехватки оружия и от отсутствия подготовленных людей, которые умели бы владеть им. Особенно не хватало самолетов, ко-

торые, казалось, были ключом к победе, и, хотя правительство получило в свое распоряжение едва ли не всю авиацию испанских военно-воздушных сил и более половины летного состава, эти эскадрильи вряд ли обладали подлинной военной мощью. Республиканский флот, состоявший из линкора «Хайме Примеро», трех крейсеров, пятнадцати эсминцев и примерно десяти подводных лодок, был в плохом техническом состоянии, и на нем почти не осталось офицеров.

Так что в это же самое время республика, не догадываясь о намерениях генерала Франко, тоже решила искать помощи за границей.

Примечания

¹ Когда в 1937 году у генерала Мьяхи, командовавшего Мадридским фронтом, начались неприятности, ему пришлось уничтожить свой членский билет этой организации.

² Вскоре он действительно сошел с ума, а затем такая же судьба постигла и Эрнандеса Сарабиа. На него, скорее всего, повлияла смерть его брата Хосе в Эстремадуре от рук анархистов.

³ Колонну Мьяхи сопровождала группа мадридских проституток, которые наградили гонореей такое количество милиционеров, что их военная мощь резко пошла на убыль. Когда они отказались возвращаться домой, Мангада приказал расстрелять часть проституток.

⁴ По обеим сторонам фронта врачам приходилось силой защищать раненых, чтобы их не расстреливали прямо на койках.

⁵ Два республиканца, из Нью-Йорка, генерал Асенсио Торрадо и Луис Кинтанилья, социалист и художник, выразили сомнения в подлинности этой знаменитой истории. О ней поведал Герберт Мэттью, который в то время был мадридским корреспондентом «Нью-Йорк таймс». По его версии этой истории, сын полковника был убит в казармах Монтанья. Телефонная связь между Алькасаром и Толедо была прервана с 22 июля, а вся история появилась в газетах лишь спустя несколько месяцев после освобождения Толедо, когда националистам потребовалось в плане контрпропаганды опровергнуть слухи, дошедшие и до Мигеля де Унамуно о плохом обращении с заложниками в Алькасаре.

⁶ Уэльва попала к националистам после неудачи мятежа гражданской гвардии, офицеры которой отказались выступать против Севильи.

⁷ Этот офицер был известен своими левыми и сепаратистскими взглядами. Компаньс поставил его во главе сил Каталонии в ходе неудачной революции 1934 года.

⁸ В 1936 году в испанской армии служило 10 698 офицеров. Остальных Асанья отправил в отставку. 8000 военнослужащих сержантского состава все до единого человека присоединились к мятежникам.

⁹ Через несколько дней к ним прибавились еще один «дорнье» и два небольших гидроплана «савоя», поступившие из частных источников.

¹⁰ «Республика», большой крейсер, названный позднее «Наварра», получил такие серьезные повреждения у Кадиса, что практически вышел из строя. «Канары» и «Балеары», новые крейсера по 20 000 тонн водоизмещения, все еще стояли на верфях в Эль-Ферроле.

Книга третья

ЕВРОПЕЙСКИЙ СКАНДАЛ

Глава 24

*Как на Испании отразились события,
происходившие в остальной Европе*

В течение многих поколений Испанию не опасались как врага и не ценили как друга. Чтобы положить конец пятнадцатилетней войне с рифами, испанской армии пришлось обращаться за помощью к Франции. О существовании испанских военно-воздушных сил никто не подозревал. Что же касается флота, то слова Шеридана: «Испанский флот, тебя никто не знает, ибо тебя не видно» постоянно вертелись на кончике языка неизменного заместителя главы Форин Офис сэра Роберта Ванситтарта¹. Если война в Испании превратилась в международный кризис, если обе стороны обвиняли друг друга в содействии иностранному вмешательству, если вопли «мы не хотим, чтобы тут были иностранцы!» боевым кличем оглашали пустынные долины Арагона, если почти каждый иностранец, который писал о войне, придерживаясь взглядов той или иной стороны, приходил к убеждению, что «иностранцы» должны оставить испанцев в покое и пусть они дерутся между собой, то надо четко понимать, что не кто иной, как сами испанцы, просили и даже требовали помощи со стороны. И отнюдь не силы Европы настояли на вмешательстве в испанские дела.

Большинство политических групп в Испании из-за слабости своей собственной страны испытывали нескрываемое притяжение к другим странам, как таковым, а не к сходным политическим движениям в них. Это справедливо не только по отношению к левым, которые признавали, что их цель — сблизить Испанию с Францией, Англией или Россией, но и к правым, даже к тем, которые громче всех кричали, что хотят

сохранить или даже усилить изоляцию Испанию от всей остальной Европы. Если католики видели международный заговор франкмасонства, то масоны в той же мере верили, что лояльность римской церкви представляет собой широкий заговор, руководимый папой и серыми кардиналами. Средний класс Испании поддерживал торговые и финансовые связи с другими странами. Испанская телефонная сеть принадлежала американской компании. Почти все крупные запасы медной руды Испании оказались в руках английской компании «Рио Тинто». Концерн Армстронга владел третью испанской пробки. Водопроводная система Севильи тоже принадлежала англичанам². Французы контролировали серебряные копи в Пеньяроле и медные — в Сан-Плато. Бельгийцы основали крупный холдинг, который занимался строевым лесом Испании, владели трамвайными путями и железными дорогами, а также угольными шахтами в Астурии. Канадская компания обеспечивала электроснабжение Каталонии. Это были самые крупные из многих иностранных инвесторов, заинтересованных в такой слаборазвитой стране, как Испания. Затем существовала фаланга, которой, несмотря на весь ее национализм, испанские традиции были свойственны не больше, чем, скажем, анархистам. И хотя перед Гражданской войной Испанию в изобилии наполняли русская литература и пропагандистские материалы об СССР, не меньше информации поступало и о фашистской Германии. Нацистская партия имела убежденных сторонников среди членов немецкой колонии в Испании, которая составляла 12—15 тысяч человек. Испанская секция немецкого Трудового фронта имела не менее 50 отделений. Перед Гражданской войной постоянно множились немецкие туристские конторы и книжные магазины, и между фалангистами и местными лидерами нацистов установились прочные связи. По мере того как шло обсуждение бед Испании и методов их «разрешения», пример Германии, сильного и организованного врага декадентской демократической Франции, становился все привлекательнее в глазах молодого поколения испанского среднего класса.

Откровенно говоря, ни в биологическом, ни в интеллектуальном смысле Испания не была более уникальна, чем другие страны. Ее отличие от них крылось лишь в более медленном развитии. Испанские проблемы всегда считались проблемами остальной Европы. Все ее гражданские войны имели много общего с общеевропейской гражданской войной, которая длилась с времен Ренессанса. Те испанцы, которые пытались преобразовать свою национальную гордость в политическую идеологию, идеализировали некоторые сохраняющиеся в

Испании аспекты доиндустриального европейского общества, включая преувеличенное чувство личного достоинства и отсутствие стремления к материальному обогащению, а также давнюю нескрываемую склонность к насилию. И если говорить об обществе как таковом, то такая окостенелость могла сохранять только форму, а не его суть.

В широком смысле слова испанская Гражданская война явилась результатом появления в Испании основополагающих европейских идей. Ведь еще с начала XVI столетия каждое из ведущих политических движений Европы с огромным энтузиазмом воспринималось одной группой испанцев и встречало столь же яростное неприятие другой. Ни та ни другая сторона не выражали ни малейшего желания искать компромисс. Всеобщий католицизм Габсбургов, абсолютизм Бурбонов, революционный либерализм Франции, романтический, а потом и коммерческий сепаратизм, социализм, анархизм, коммунизм и фашизм — все эти концепции, за исключением последних, попав в Испанию, обретали предельно резкие контрасты света и тени. Это, кстати, является характерной особенностью испанского пейзажа, которую прекрасно отражал в своих полотнах Рибера. Острота, с которой эти политические идеи в Испании противостояли друг другу, являлась специфической испанской особенностью. Никто не мог быть более преданным сторонником абсолютизма, чем испанец. Никто, кроме испанских либералов, не демонстрировал столь отчетливо все достоинства и недостатки либерализма. Испанские анархисты стали единственными в европейской истории, которые оказали хоть какое-то воздействие на ход событий. Даже в 1936 году в кортесах были сторонники всех вышеназванных идей (кроме анархистов, которые бойкотировали выборы), хотя некоторым из них минуло четыреста лет от роду. Испания стала лакмусовой бумажкой для политизированной Европы. Сторонники каждого направления мечтали о всепоглощающем господстве только их взглядов и о том, чтобы остальные были устранены с той же решительностью и неуклонностью, с которой в XVI столетии из страны были изгнаны мавры и евреи. Каждая группа стралась придерживаться взглядов испанского генерала XIX века Нарваэса, который, когда его на смертном одре спросили, прощает ли он своих врагов, ответил: «Своих врагов? Их у меня нету. Я их всех перестрелял».

Тем не менее испанская Гражданская война, начавшаяся в 1936 году, неизбежно должна была стать общеевропейским кризисом. Так же как во время Войны за испанское наследство, Войны за независимость и карлистских войн, многие обитатели остальной Европы с 1936-го по 1939 год оказались

втянутыми в испанский конфликт. Идеи, владевшие Европой, бросили испанцев в горнило войны. Ведущие государства Европы вступили в военный конфликт по просьбе самих испанцев. И теперь им пришлось взять на себя ответственность за его развитие, оказывая помощь той или иной стороне, когда им казалось, что она проигрывает. В течение всей войны отвращение и тяга — чувства, которые остальная Европа всегда испытывала к Испании, а Испания к ней, — находили отражение в дипломатических оценках этой борьбы. И наконец, последние кампании этой войны стала возможной благодаря помощи со стороны, которая пришла в самый критический момент. Но этого следовало ожидать. Испанец, даже такой приверженец либерализма, как профессор Альтамира, может написать историю Испании, не упоминая о герцоге Веллингтоне. А ведь, не будь его, Бонапарт мог бы взойти на королевский престол в Мадриде.

Примечания

¹ Он цитирует эту строчку в своих мемуарах, когда насмешливо вспоминает обещание, данное Сальвадором де Мадарьягой, представителем Испании в Лиге Наций (Испания неизменно была самым истовым ее членом), поддержать систему коллективной безопасности во время абиссинского кризиса 1935 года.

² В 1935 году почти 50 процентов испанского экспорта уходило в Соединенное Королевство, которое обеспечивало 17 процентов импорта в Испанию.

Глава 25

Республика просит помощи у Франции. — Блюм соглашается. — Франко обращается за помощью к Муссолини. — Реакция на войну в Москве. — Сталин раздумывает. — Тольятти, Дюкло, Видали и Герё отправляются в Испанию. — Франко взывает к Гитлеру. — Блюм и Дельбос летят в Лондон. — Совет Идена. — Условия Англии.

В ночь на 19 июля Хираль, новый премьер-министр республики, послал телеграмму en clair¹ премьер-министру Франции: «Обеспокоены опасным военным переворотом. Просим незамедлительно помочь нам оружием и самолетами. Братски ваш Хираль»². Тот экстраординарный факт, что испанский премьер-министр предпочитает обратиться непосредственно к своему французскому коллеге, объясняется характером подписи. Хиралью, ныне ставшему лидером Народного фронта Испании, впол-

не естественно предполагать, что Леон Блюм, глава правительства французского Народного фронта, скорее всего, отнесется к нему с большей симпатией и пониманием, чем испанский посол в Париже Карденас, дипломат старой школы³.

Леон Блюм, этот темпераментный и страстный француз, занимал пост премьер-министра Франции лишь с 5 июня, возглавляя кабинет министров из социалистов и радикалов, который пользовался поддержкой коммунистов. Как и правительство Испанской республики, он был сформирован в результате победы предвыборного альянса Народного фронта. Будучи пацифистом по своим взглядам, полный желания решить все социальные проблемы у себя дома, Блюм тем не менее, как и его коллеги, сразу понял, что обращение Испанской республики имеет для них исключительно важное значение. Ибо в это время в Париже, Лионе и других городах Франции непрестанно шли уличные бои между левыми и правыми, между группами социалистов или коммунистов и фашистов. Часто создавалось впечатление, что даже во Франции фашистский переворот не заставит себя ждать. Симпатии к республике поддерживались и стратегическими расчетами, поскольку националистическая Испания, скорее всего, будет испытывать враждебность к французскому Народному фронту, если даже не к самой Франции. И когда утром 20 июля Леон Блюм получил телеграмму Хирала, он спешно пригласил к себе министра иностранных дел Ивона Дельбоса и военного министра Эдуарда Даладьё. Оба они были радикалами. И хотя, скорее всего, симпатизировали не столько Испанской республике, сколько социалистам — членам ее кабинета министров, все трое тут же согласились помочь Хиралу.

В тот же день генерал Франко послал Луиса Болина на «Стремительном драконе», за штурвалом которого все так же сидел капитан Бебб, в Биарриц, где тот взял на борт Луку де Тену, редактора монархической газеты «АВС». Он проконсультировался с Хуаном Марчем, чья финансовая поддержка становилась особенно важной именно сейчас, когда мятеж явно перерастал в гражданскую войну. Лука де Тена и Болин вылетели в Рим, где обратились к итальянскому правительству с просьбой о поставке военных материалов. В то же самое время в своем коммюнике националисты гордо объявили: «На кону стоят не только интересы Испании, звук наших труб разносится во все стороны от Гибралтара».

На следующий день, во вторник 21 июля, первая реакция на испанский кризис появилась и в Москве. Коминтерн и Профинтерн (организация, созданная для координации действий коммунистов в профсоюзах) созвали общее собрание.

Идея помощи республике получила мощную поддержку. Было решено созвать следующее собрание 26 июля в Праге.

Реакция Сталина и советского правительства на начало испанской войны (какую бы роль в ней раньше ни играли испанские коммунисты) прежде всего диктовалась ответом на вопрос, в какой мере она скажется на текущих потребностях советской внешней политики. Если, как в Китае в 1926 году (и возможно, как с греческими коммунистами в 1947 году), коммунистическое сопротивление будет необходимо принести в жертву, значит, так тому и быть — и потом уже последуют долгие казуистические оправдания этого поступка. В Европе советское правительство, вне всяких сомнений, откровенно опасалось нацистской Германии. Советский режим фактически родился после трех лет Гражданской войны, длившейся с 1917-го по 1920 год, которая заметно сказалась на опасениях советских людей, не желающих еще одной войны. Страх нового конфликта заставил Россию выйти из своей изоляции в конце 1920 года, вступить в Лигу Наций в 1934 году и в следующем году заключить с Францией союз. Литвинов, советский министр иностранных дел, красноречиво выступал в Лиге Наций, призывая к созданию системы коллективной безопасности, которая должна была включать экономические и военные санкции против нарушителей соглашения — то есть против Германии, Италии и Японии⁴. Победа националистов в Гражданской войне в Испании могла означать, что Франция с трех сторон будет окружена потенциально враждебными ей странами. В таком случае Германии будет проще напасть на Россию, не опасаясь удара Франции с тыла. В силу этой сомнительной причины советское правительство имело серьезные основания помешать победе националистов.

Кроме того, война в Испании предоставляла Испанской коммунистической партии с ее дисциплиной, умелой пропагандой, ее престижем, проистекающим из тесных связей с Россией, великолепную возможность создать в Испании второе коммунистическое государство. Но победа коммунистов встревожила бы Англию и Францию, две влиятельные силы, с которыми Россия в силу дипломатических соображений хотела бы сблизиться. Скорее всего, это вызвало бы крупномасштабную войну. Она бы дорого обошлась России. В силу этих причин Сталин не отдавал приказов Испанской коммунистической партии и своим главным агентам Кодовилье и Степанову в полной мере использовать все свои возможности, чтобы обрести контроль над Испанской республикой. Не посылал он и оружие в Испанию.

Тем не менее, поскольку Сталин собирался в ближайшее время провести очередную чистку старых большевиков, русский диктатор был вынужден с несвойственным ему вниманием выслушивать руководителей Коминтерна того времени. Они имели свое собственное мнение по вопросу, какова должна быть реакция коммунистов на войну в Испании. В конце концов, это был и повод заявить о себе. Они могли дать понять Сталину, что, пока он колеблется, сторонники Троцкого уже называют его «убийцей и предателем испанской революции, соучастником Гитлера и Муссолини». Тем не менее с неуклюжестью краба Сталин все же пришел к одному-единственному выводу относительно Испании: он не позволит республике проиграть, но и не станет помогать ей победить. Чем дольше будет длиться эта война, тем свободнее он будет в любых своих действиях. Может даже, она станет началом мировой войны, в которой Англия, Франция Италия и Германия уничтожат друг друга и судьбы мира будет решать Россия, которая пока останется в стороне⁵. Так что с течением времени Советский Союз отвечал на требования оказать помощь Испании лишь посылкой продовольствия и сырья. Кроме того, советские рабочие вносили «пожертвования» от своей зарплаты в помощь испанцам. В то же время представители Коминтерна в Испании получили подкрепление. Пользуясь псевдонимами Альфредо и Эрколи, в Испанию прибыл умный лидер Итальянской коммунистической партии в изгнании Пальмиро Тольятти, которому предстояло руководить тактикой Испанской коммунистической партии⁶. Какое-то время ему сопутствовал французский коммунист Жак Дюкло. Прибыл в Испанию военным советником милиции испанских коммунистов (под псевдонимом Карлос Контрерас) и Витторио Видали, другой итальянский коммунист, который много лет вел революционную деятельность в Соединенных Штатах. Еще одним из лидеров международного коммунистического движения, вскоре прибывшим в Испанию, был венгр Эрнэ Герэ, который много лет работал в Париже под именем Зингер, а теперь стал Педро или Герэ. На него была возложена ответственность за руководство коммунистами в Каталонии. Степанов с Кодовильей, еще два представителя Коминтерна, также провели в Испании какое-то время. Таким образом, Сталин был весьма основательно представлен в Испании. И Испанской коммунистической партией, по сути, руководили не Хосе Диас или Пассионария, а гораздо более искусный политический тактик Тольятти⁷. Тем временем отдел пропаганды западноевропейской секции Коминтерна под руководством своего блистательного шефа немецкого коммуниста Вилли Мюнцен-

берга из своей штаб-квартиры в Париже неустанно работал, связывая события в Испанской республике со всеобщим антифашистским крестовым походом, который начался, когда советское правительство повело аналогичную политику по отношению к Народному фронту и системе коллективной безопасности⁸. Со стороны эта политика, олицетворяемая столь сильными личностями, казалась монолитной и убедительной, но стоит понять, что в то время многие из мелких шестеренок огромной коммунистической организации имели свои собственные идеи и воззрения, воплощения которых и добились. Тем не менее такие люди, как Герё, были типичными сталинскими бюрократами. В силу этой причины нельзя говорить о единой политике коммунистов в Испании.

Пока все эти проблемы неторопливо обсуждались в Москве, агенты Франко Болин и Лука де Тена вечером 22 июля очутились в Риме. Не теряя времени, они тут же встретились с графом Чиано, итальянским министром иностранных дел. Четыре года спустя Чиано рассказал Гитлеру, что, по словам Франко, ему хватило бы «двенадцати грузовых самолетов, чтобы через несколько дней одержать победу в этой войне». Чиано проявил интерес к первым эмиссарам Франко, но спросил их лишь о природе движения националистов — и ни о чем больше. Итальянское правительство ясно представляло себе, что связывает Франко с теми монархическими заговорщиками, которые в 1934 году просили и получили помощь у Муссолини. Выяснилось, что Франко был не в курсе подробностей этого соглашения. Такое положение сохранялось до 24 июля, когда Мола прислал в Рим Гойкоэчеа, центральную фигуру событий 1934 года, и наконец итальянцы согласились предоставить помощь испанским мятежникам. 22 июля Франко впервые обратился за помощью к Германии. По его поручению полковник Бейгбедер, который отвечал в Тетуане за отношения с местными племенами, послал генералу Кухленталю, немецкому военному атташе в Париже, «очень срочную просьбу» предоставить «десять грузовых самолетов с полной загрузкой». Груз будет закуплен частными немецкими фирмами и доставлен немецкими летчиками в Испанское Марокко. Вечером того же дня летчик авиации националистов капитан Франсиско Арранс в сопровождении Адольфа Лангенхайма, руководителя отделения нацистской партии в Тетуане, и Иоханнеса Бернхардта, немецкого бизнесмена из Тетуана и директора экономического отдела «Аусландорганизацион» (иностранная департамент нацистской партии) в Марокко, вылетел в Берлин с частным письмом к Гитлеру, содержащим просьбу поддержать обращение Бейгбедера. Они летели на

«юнкерсе», реквизированном в Лас-Пальмаса у «Люфтганзы»⁹. Бернхардт, бывший торговец сахаром из Гамбурга, покинул этот город из-за финансовых неприятностей. В Тетуане он работал в компании, которая продавала кухонное оборудование испанским гарнизонам. Таким образом, он обрел друзей в офицерской среде. И он, и Лангенхайм видели возможности личного обогащения в продаже товаров испанским мятежникам.

А тем временем в Париже испанский посол Карденас посетил Леона Блюма и от имени Хиралья обратился с просьбой о 20 бомбардировщиках «потез», 8 ручных пулеметах, 8 шнейдеровских пушках, 250 000 патронов к пулеметам и 20 000 бомб. Для экспорта в Испанию этого вооружения следовало получить лицензию французского правительства. Хотя военная промышленность Франции была национализирована и с технической точки зрения закупки носили частный характер, все же было необходимо одобрение кабинета министров. Почти в то же время, когда все было согласовано, на Кэ-д'Орсэ раздался телефонный звонок от Корбэна, французского посла в Лондоне.

Сам лично придерживаясь крайних правых взглядов, Корбэн так истово озвучивал пожелания Англии (особенно правительству Народного фронта), что его называли «английским послом в Лондоне». Правительство Великобритании, получив телеграмму от своего посла в Париже, серьезно встревожилось из-за французской реакции на кризис в Испании. На 23—24 июля в Лондоне была назначена встреча английского, французского и бельгийского министров иностранных дел, которым предстояло обсудить предположительный подход Гитлера и Муссолини к новому договору пяти государств о коллективной безопасности. Болдуин через Корбэна попросил Блюма прислать своего секретаря по иностранным делам Дельбоса, чтобы вместе с Иденом обговорить положение дел в Испании. По совету Алексиса Леже, уроженца Мартиники, генерального секретаря Кэ-д'Орсэ (потом он стал известен как нобелевский лауреат, поэт, автор «Анабасиса»), Блюм согласился. Для Леже настоящим «кошмаром» (любимое слово дипломатического словаря тех лет) стала мысль о том, что Англия может отвернуться от левой Франции и объединиться с Германией. В то же самое время Карденас, испанский посол, испытывая симпатии к националистам, подал в отставку, оставив двух испанских офицеров-летчиков обговаривать детали переброски оружия, но на следующий день из Женевы явился Фернандо де лос Риос, бывший министр республики, который и взял на себя эти обязанности.

Утром 23 июля в Лондоне началась конференция. Блюм явился как раз к ленчу. В холле отеля «Кларидж» Иден спросил его: «Вы собираетесь посылать оружие Испанской республике?» — «Да», — сказал Блюм. «Это ваше дело, — заметил Иден, — но я попросил бы вас только об одном. Будьте благодарными».

Этот совет Идена точно отражал глубокое стремление к миру, которое в то время испытывали британский кабинет министров и народ Англии. Лидер оппозиции Эттли поддержал лейбористскую партию и английский рабочий класс, проявивших симпатии к испанским товарищам. И в резолюции от 20 июля потребовал оказать им «всю практическую поддержку». Однако большая часть высшего и среднего класса Англии открыто поддерживала националистов. Тем не менее в Англии не было ни одного политика, который взялся бы утверждать, что страна должна вмешаться в этот конфликт, встав на ту или иную сторону. Вопрос заключался лишь в том, какую форму нейтралитета предпочесть. На первых порах лейбористская партия считала, что надо дать возможность республике закупать оружие — и в Англии, и в любом другом месте. Но с этим не согласились критики-консерваторы из правительства, такие, как Уинстон Черчилль, который, хотя и противостоял Германии и Италии, так же как и оппозиции (скорее по традиции, чем по идеологическим причинам), не считал, что испанский конфликт имеет какое-то значение для Англии, даже со стратегической точки зрения. Черчилль сам был встревожен революционным характером республики и несколько дней спустя написал личное письмо Корбэну, послу Франции, с протестом против французской помощи республике, предупредив его о необходимости соблюдать «предельно строгий нейтралитет»¹⁰. В Форин Офис Иден пытался проводить такую же политику, стараясь, чтобы она была общей для Англии и для Франции. Британское правительство исходило из предположения, что ремилитаризация Рейнской зоны в феврале и итальянское завоевание Абиссинии удовлетворят аппетиты диктаторов и они примутся помогать установлению нового порядка в Европе. При такой раскладке возникновение «испанского кризиса» совершенно не устраивало правительство Болдуина.

Английским послом в Испании в то время был сэр Генри Чилтон¹¹, сухой, лишенный воображения дипломат старой школы. Его американский коллега Клод Боуэрс, который не скрывал, что по убеждениям является заядлым республиканцем, сообщал в Вашингтон о Чилтоне как о после, который старается «нанести урон правительству и обслуживает инсургентам».

Тем временем англичан взволнована испанская война так же, как когда-то Французская революция. Конечно, то было время высокой политической сознательности. В начале весны появился первый выпуск «Репортера». В нем сообщалось, что издание «не собирается предоставлять свои страницы писателям реакционных и фашистских взглядов». В мае объявил о своем существовании Клуб левой книги, который взялся каждый месяц публиковать книги, направленные против войны и фашизма. За ним появился Клуб правой книги. Такая вовлеченность литературы в политику стала отражением острых социальных проблем, в частности всеобщей международной озабоченности соблазнительностью примера России, падением влияния религии, «крахом общепринятых норм», возвышением Гитлера. Марши голодных, обездоленных и безработных стали характерными для того времени. Официальная лейбористская оппозиция правительству Болдуина казалась неэффективной. Такие способные политические лидеры, как Черчилль и Ллойд Джордж, блистали на задворках политической жизни. Настроения этого времени отлично выразил В.Х. Оден в своей поэме «Испания 1937»:

Завтра для молодых поэтов обернется взрывами бомб.
Пока же прогулки вдоль озера, недели в хорошей
компании;
Завтра летним вечером состоятся велосипедные гонки
по предместьям.
Но уже сегодня готовься к борьбе.

Столь же точным оказалось и другое стихотворение того же поэта:

Что вы предлагаете? Строить прекрасный город?
Я буду.
Я согласен.
Или это стремление к самоубийству, к романтической
Смерти?
Очень хорошо. Я принимаю и этот ваш выбор,
ваше решение.
Да, я — Испания.

Для левых интеллектуалов Испания сразу же стала смыслом жизни, работы и творческого вдохновения. Стивен Спеннер написал, что Испания «предложила XX веку 1848 год». Филип Тойнби, студент, член коммунистической партии, вспоминает, как новости из Испании привели его к выводу, что «наконец-то брошена перчатка борьбе против фашизма». Рекс Уорнер, тоже сторонник республики, писал: «Испания сорвала все покровы Европы». Для интеллектуалов не было никаких сложностей в понимании вопроса, какая сторона в этой войне «права»¹².

Но в целом общество разделилось. «Морнинг пост», «Дейли мейл», «Дейли скетч» и «Обсервер» поддерживали националистов, а «Ньюс кроникл», «Дейли геральд», «Манчестер гардиан», «Дейли экспресс» и «Дейли миррор» — республиканцев. «Таймс» и «Дейли телеграф» старались быть беспристрастными.

Примечания

¹ En clair (фр.) — в незашифрованном виде, открытым текстом. (Примеч. пер.)

² Отношения французского Народного фронта с Испанией Леон Блюм обсуждал с Пьером Ко, своим министром авиации.

³ Позднейшие подсчеты показали, что лишь три процента испанского дипломатического корпуса поддержали правительство. Во многих посольствах и консульствах Испании за границей разгорелась своеобразная гражданская полувойна. В Риме посол Сулуэта забаррикадировал подступы к своей взбунтовавшейся канцелярии.

⁴ Смысл конечной цели советской политики заключался в том, чтобы коммунистические партии сдвинулись с крайних левых позиций политического спектра ближе к центру, а потом вступили бы в альянс с правыми и фашистами. Процесс этот, который нашел свое окончательное воплощение в советско-германском пакте 1939 года, так полностью и не реализовался. Без сомнения, Сталин подсознательно уже лелеял идею о договоре с Германией, если Литвинову не удастся заключить надежный союз с Англией и Францией.

⁵ Этот мотив объясняет, почему Россия и французские коммунисты так старались, чтобы Франция вступила в войну на стороне республики. Определенное объяснение политике Сталина дает ответ Литвинова на вопрос французского правительства (предположительно в конце июля), какова будет реакция советского правительства, если вмешательство Франции вызовет всеобщую войну. Он признал, что советско-французский пакт обязывает СССР помогать Франции, если она подвергнется нападению третьей силы. Но затем Литвинов уточнил, что «это будет совершенно иное дело, если война станет результатом вмешательства одной из наших стран в дела третьей».

⁶ Биографы Тольятти Марчелла и Морси Феррара утверждают, что до июня 1937 года его в Испании не было. В то же время Эрнандес говорит, что Тольятти обосновался в Испании уже в августе 1936 года. Скорее всего, в 1936 году и в первой половине 1937-го он всего лишь наносил визиты в Испанию (хотя порой надолго оставался в ней).

⁷ Лучшим источником сведений о политике коммунистов в Испании стала достаточно неприятная для них книга ведущего перебежчика из среды коммунистов Испании Хесуса Эрнандеса «Я, сталинский министр в Испании».

⁸ Мюнценберг, которого раньше знали как «Красного Херста» Германии, считался гением журналистики. Сын плотника, он был готов продать душу дьяволу, чтобы получить деньги или поддержку. Обладал необыкновенным даром привлекать графинь, банкиров, генералов и интеллектуалов для содействия своему очередному начинанию. Именно он ввел в оборот понятие «попутчик». Его помощником и телохранителем в Париже был чех Отто Кац, он же Симоне. К июлю 1936 года Мюнценберг уже начал ссориться со своими хозя-

евами в Москве, которые считали его слишком независимым. Когда зимой 1936/37 года он порвал с партией, отдел пропаганды Коминтерна многое потерял, настолько жива и ярка была его работа.

⁹ Своих агентов в Берлин послал и Мола. Немцы не могли поверить, что эмиссары Франко и Молы не знают друг о друге, и потому попросили Аррансу посетить кафе, где сидели и люди Молы. Когда же два испанца не подали и виду, что знают друга друга, немцы поверили, что север и юг Испании совершенно не согласовывают свои действия.

¹⁰ В октябре Черчилль предельно ясно выразил свое отношение к республике ее послу в Лондоне Аскарате. Когда лорд Роберт Сесил представил их друг другу, Черчилль, побагровев от гнева, пробормотал: «Черт, черт, черт!» — и отказался пожать протянутую руку посла. Правда, в 1938 году отношение Черчилля к республике значительно изменилось.

¹¹ Основные члены дипломатического корпуса еще до начала мятежа оставили Мадрид и на лето перебрались в район Сан-Себастьяна. К 22 июля они спокойно и с комфортом устроились в Сен-Жан-ле-Люс, по другую сторону французской границы. В Мадриде остались лишь младшие сотрудники посольств или консульств, а послы тем временем отдохали от забот и тревог. В Испании вообще отсутствовал немецкий посол, пока в апреле из Парижа не прибыл граф Велзек.

¹² В 1937 году периодическое издание «Левое крыло» провело достаточно беспристрастный опрос английских писателей, обратившись к ним с вопросом, какую сторону они «поддерживают». За националистов были только пятеро — среди них Ивлин Во, Элеанор Смит и Эдмунд Бланден. Среди тех шестнадцати, которые предпочли остаться нейтральными (я продолжаю держаться своего убеждения, что это лучший выбор для литератора — не принимать участия в общественной деятельности), были такие имена, как Эзра Паунд, Шон О'Фаолейн, Герберт Уэллс. Оставшаяся сотня писателей в темпераментных выражениях заявила о своей поддержке республики. В их числе были Лашель Аберкромби, В.Х. Оден («рентгеновские лучи испанской войны выявили всю ту ложь, на которой зиждится наша цивилизация»), Самюэль Беккет (который большими буквами дал простой ответ: «ЗА РЕСПУБЛИКУ!»), Сирил Конноли («интеллектуалы идут первыми, прикрывая собой женщин и детей»), Алистер Кроули, Форд Мэдокс Форд, Олдос Хаксли и многие другие.

Глава 26

Блум возвращается в Париж. — Де лос Риос. — Беспокойство Блума. — Компромисс. — Муссолини посылает Франко «савойи». — Его мотивы. — Дипломатия графа Чиано. — Эмиссары Франко в Байрейте. — Германия согласна предоставить помощь. — Ее цели. — Ее организация. — Салазар. — Вилли Мюнценберг за работой. — Реакция по ту сторону Атлантики. — Рузвельт и Холл. — Крах в Италии. — Бурное совещание во французском кабинете министров. — Странная просьба из Мадрида.

Пока Иден и Блум совещались в Лондоне, Фернандо де лос Риос, новый представитель республики в Париже, нанес визиты Даладье, военному министру, Пьеру Ко, министру авиации,

и Жюлю Моку, заместителю Блюма в кабинете министров. Франция взялась предоставить пилотов, чтобы перегнать самолеты «потез» в Испанию. Некий «член французского кабинета» (без сомнения, радикал) сообщил графу Вельчеку, немецкому послу в Париже, что Франция готова поставить Испанской республике «примерно тридцать бомбардировщиков, несколько тысяч бомб и определенное количество 75-миллиметровых орудий». Вельчек передал это сообщение Дикхофу, главе немецкого министерства иностранных дел. Дикхоф, преуспевающий карьерный дипломат, дал указание немецкому посольству в Лондоне довести информацию до Идена. Кроме этого, Дикхоф проинформировал немецкое военное министерство, что, по его мнению, о помощи Франко (к тому времени от него уже поступил запрос Бейгбедера о поставке оружия) «не может быть и речи». В сущности, немецкое министерство иностранных дел отреагировало на испанский кризис точно так же, как и английское. Помощь какой-либо из сторон угрожает опасностью всеобщей войны. А тем временем личному посланнику Франко к Гитлеру не удалось улететь дальше Севильи, где ему пришлось задержаться из-за поломки двигателя самолета.

Вечером 24 июля Блюм и Дельбос вернулись в Париж. В Ле-Бурже их встречал радикал Шотан. Он сообщил, что во время отсутствия Блюма новость о решении правительства помочь Испанской республике через испанского военного атташе в Париже Антонио Барросо, убежденного сторонника мятежников, просочилась и стала известна правому публицисту Анри Кериллису. И тот уже оповестил об этом плане в «Эхо Парижа». «Никто не может понять, — сказал Шотан, — почему мы рискуем войной ради Испании, когда не пошли на этот риск ради Рейнской области». На деле радикалы уже начали протестовать против идеи помощи Испании. И это недовольство, и предупреждение Идена продолжали беспокоить Блюма, когда в десять часов он встретился с де лос Риосом вместе с Даладье (военным министром), Пьером Ко, Венсаном Ориолем (министром финансов) и Дельбосом. Де лос Риос (как и Франко немцам) указал Блюму, что гражданскую войну «нельзя рассматривать как сугубо национальную проблему», потому что у Испании есть стратегические отношения с Италией и Марокко. Блюм искренне хотел помочь республике. Контракт на поставку самолетов был уже готов. Но, помня предупреждение Идена, Блюм воздерживался от непосредственных действий. Он спросил де лос Риоса, не смогут ли испанские летчики перегнать самолеты в Испанию. По крайней мере это будет компромисс. Де лос Риос сказал, что это невозможно — Испании не хватает летчиков. И его

правительство хотело бы нанять для этой цели французских пилотов. На этом этапе переговоров Даладье напомнил о франко-испанском договоре 1935 года. От имени Испании его подписал тогдашний министр торговли Мартинес де Веласко, который ныне сидел в Образцовой тюрьме в Мадриде. Секретная статья соглашения позволяла Испании купить у Франции на 20 миллионов франков военного снаряжения. Де лос Риос и Блюм договорились, что самолеты и другое военное снаряжение могут быть поставлены в соответствии с этой статьей. После того как де лос Риос ушел, Блюм поведал своим коллегам о разговорах в Лондоне и особенно — о реакции английского правительства. Из всех французских министров только сторонник радикальных взглядов Дельбос колебался.

Де лос Риоса поднял с постели телефонный звонок Пьера Ко, который попросил испанца немедленно приехать к нему домой. Пьер Ко передал послу слова Дельбоса, который заявил, что не убежден в возможности французских пилотов перегнать самолеты в Испанию. Так что приходится исходить из предположения, что они доставят их по воздуху в Перпиньян, а дальше пилотировать придется испанцам.

На следующее утро, 25 июля, де лос Риос посетил французское министерство авиации. Казалось, все было готово для немедленной отправки самолетов. Но тут выяснилось, что Кастильо, советник испанского посольства, отказывается подписывать документы на поставку самолетов, а Барросо, военный атташе, чек на их оплату. Оба они подали в отставку на том основании, что не хотят содействовать покупке оружия, которое будет направлено против их народа, и сообщили прессе о своем решении. Разразилась буря возмущения. Все французские вечерние газеты во главе с «Эхом Парижа» опубликовали сенсационные сообщения о «торговле оружием». Президент Франции Лебрэн предупредил Блюма, что тот втягивает Францию в войну. То же самое сказал и Эррио, ветеран политики, экс-премьер и спикер палаты депутатов. Премьер-министр буквально разрывался между своим пацифизмом и желанием помочь республике. Никогда еще перед интеллектуалом в политике не вставал более жестокий выбор. В четыре часа дня состоялось заседание кабинета министров. Даладье и Дельбос выступали за то, чтобы отказать помощь Испании, Ко тоже считал, что ее просьбу надо удовлетворить. Наконец был найден компромисс. Правительство коммюнике сообщало, что отказывает Испании в поставке оружия. Груз же решили отправить через Мексику. Для частной закупки не этом пути не должно было встретиться никаких препятствий. В течение дня 140 000 фунтов стерлингов

золотом доставили в аэропорт Ле-Бурже в качестве гарантии оплаты. Главным организатором операции оставался министр авиации Пьер Ко. Байрон своего времени Андре Мальро, в то время близкий к коммунистам (хотя он никогда не был членом партии), выступал в роли покупателя от имени Испанской республики¹. А тем временем испанское посольство в Париже превратилось в настоящий караван-сарай, где весь день и большую часть ночи мельтешили разнообразные личности всех национальностей, предлагая за любую цену оружие всех типов и видов, боеприпасы и самолеты².

Утром 25 июля в Риме Чиано принял Гойкоэча вместе с Сайнсом Родригесом. Связь между заговорщиками 1934 года и мятежниками 1936-го получила удовлетворительное объяснение³. Муссолини и Чиано тут же договорились об оказании помощи, в первую очередь транспортной авиацией. В течение нескольких дней в Марокко перелетели одиннадцать самолетов «Савойя-81», за штурвалами которых сидели итальянские летчики.

Мотивы, побудившие Муссолини действовать именно таким образом, были противоречивыми. Диктатору льстило, когда к нему обращались с просьбами. Его воодушевляла идея господствовать в Средиземноморье, и он считал, что его амбиции получают поддержку, если в Испании утвердится правое правительство, основанное на полуфашистских идеях. Эта «новая Испания», скорее всего, оттеснит французские войска от итальянской границы, а в случае франко-итальянской войны не позволит перебросить французские войска из Марокко во Францию. После триумфального завоевания Абиссинии Муссолини продолжали беспокоить две проблемы: как утвердить свой международный авторитет и где его можно проявить на новом этапе. Он как-то заметил, что «итальянцев надо подгонять пинками». «Когда война в Испании закончится, — сказал он, — мне придется найти что-то еще: итальянский характер формируется в бою». Причина вмешательства Италии *ad pauseam*⁴ повторялась итальянскими дипломатами в течение всей Гражданской войны: Италия «была не готова к появлению коммунистического государства» в Испании. Такое объяснение интервенции Муссолини дал своей жене Ракеле. В то же время, начав оказывать помощь, он испытывал и неподдельный страх. До июля 1936 года его пропаганда была направлена больше против «декадентских» демократий Франции и Британии, чем против коммунизма. И хотя правительство Испании даже умеренно левых взглядов могло с враждебностью воспринимать его замыслы, Муссолини, несмотря на презрение к буржуазному образу жизни, которое он постоянно выражал, вполне возможно, тянуло

больше к Испании, чем к Германии. В то время его отношения с Гитлером носили неопределенный, весьма осторожный характер. Но испанский кризис вызвал нападки против коммунизма и изменил их отношения. Испания сделала Гитлера и Муссолини союзниками. Потом уже Чиано рассказал Канталупо, своему первому послу в Испании националистов, что «дуче лишь очень неохотно согласился оказать Франко военную поддержку». И король Виктор-Эммануил возражал против идеи широко-масштабного содействия мятежникам. Чиано же, напротив, с энтузиазмом поддерживал ее.

Дипломатия Чиано, который сыграл важную роль в последовавших событиях, была резко антианглийской, чуждой той смеси восхищения и ненависти, которую испытывал к Британии Риббентроп и даже Муссолини. Когда трое фалангистов описали ему, как во время правления короля Филиппа II Англия унижала Испанию, Чиано одобрил их «мудрый образ действий» и предостерег против «опасной англomanии, порой свойственной даже опытным дипломатам». Его намерения во время испанской войны были облегчены тем, что и само британское правительство хотело заключить союз с Италией. Но это лишь способствовало презрительному отношению Чиано к Англии, хотя он всегда хорошо относился к лорду Перту, новообращенному католику, который, будучи послом в Риме, настолько истово следовал инструкциям своего правительства, что старался дать понять Чиано: он человек, «который может понять и даже полюбить фашизм». В это время итальянский шпион, служивший камердинером в доме Перта, подобрал ключи к личному сейфу посла, получил доступ ко всем телеграммам, которыми Рим обменивался с Лондоном. Так что Чиано обрел возможность предельно легко строить свои отношения с Британией, пока наконец англичане не догадались, что где-то происходит утечка секретных материалов. Перт презрительно отверг возможность поиска шпиона в Риме. Тем не менее он не исключал, что это могло произойти в единственном случае, когда во время свадьбы дочери жена оставила на ночь свои драгоценности в его сейфе среди телеграмм. И ее тиара исчезла.

Утром 25 июля эмиссары Франко из Тетуана, капитан Арранс, Бернхардт и Лангенхайм наконец прибыли в Берлин. Письмо Франко было передано Гитлеру через отдел иностранных дел нацистской партии. Днем в министерстве иностранных дел его исполнительный директор Дикхоф и министр Нейрат, не скрывая своего удовлетворения, повторили, что поставки оружия националистам в Испании невозможны, поскольку о них стало известно, и посему «у немецкой общины

в Испании могут быть серьезные неприятности». Тем не менее и нацистская партия, и адмирал Канарис, возглавлявший военную разведку, имели другое мнение на этот счет. Канарис немедленно рекомендовал Франко⁵ своему начальству как «проверенного человека», «заслуживающего полного доверия и поддержки», которого он встречал несколько раз во время своих сомнительных визитов в Испанию.

Геринг, глава люфтваффе, отвечавший за немецкий пятилетний план, в 1946 году на Нюрнбергском процессе так рассказал об этих событиях: «Когда в Испании разразилась Гражданская война, Франко обратился с просьбой о помощи к Германии. Ему была нужна поддержка с воздуха. Вместе со своими частями Франко находился в Африке и... не мог перебросить их, потому что флот был в руках коммунистов, а главным решающим фактором в войне была возможность высадки его войск в Испании... Фюрер обдумывал эту проблему. Я посоветовал ему в любом случае оказать поддержку: во-первых, чтобы предотвратить распространение коммунизма, а во-вторых, чтобы проверить технические возможности моих молодых люфтваффе».

Фюрер решил встретиться с Бернхардтом и Лангенхаймом вечером 26 июля в Байрейте. Он находился под впечатлением постановки «Валькирий» Вагнера. И без всяких консультаций с министром иностранных дел гарантировал немецкую поддержку Франко.

Позже Гитлер объяснял свое неожиданное решение тем, что хотел привлечь внимание запада к Испании, чтобы обеспечить «незаметное» перевооружение Германии. В 1941 году Гитлер говорил уже по-другому: «Если бы не существовала опасность, что Европу захлестнет красная чума, я не стал бы вмешиваться в испанскую революцию. С церковью было покончено», — с удовольствием добавил он. 27 июля 1936 года он и Риббентропу привел эти причины, побудившие его вмешаться. Кроме того, в том же году Фюрер сказал, что победа националистов в Испании позволит фашистам «контролировать морские коммуникации Англии и Франции». Таким образом, у вмешательства были и стратегические причины. В 1937 году Фюрер дал еще одно объяснение: Германии необходима железная руда; националисты же могли обеспечить ее поставки, а левые отказали бы в них. Скорее всего, эту причину привел Бернхардт на встрече 26 июля. Без сомнения, подлинные мотивы действий немецкого правительства представляли собой смесь всех этих причин. Канарис, вспоминая опыт Первой мировой войны, скорее всего, привел другой довод: в ходе военных действий немецкие подлодки не смогут заправляться топливом, если испанские базы будут в ру-

ках демократов или левых. Муссолини был откровенно польщен, когда Франко почтительно попросил его о помощи, и впервые за три года, что он пришел к власти, это обращение другого государства дало Муссолини возможность почувствовать себя незаменимым. Роль, отведенная Бернхардту и Лангенхайму, дала понять, что последовавшие политические решения определялись нацистской партией, а не министерством иностранных дел. Тем не менее ничто не говорило, что нацисты хотели бы установления в Испании государства, сходного по своей социальной структуре с нацистской Германией. Как и Канарис, они предпочитали обрести военного, а не идеологического союзника.

После встречи в Байрейте 26 июля департамент COS «W» немецкого военного министерства получил указание спешно начать набор «добровольцев» и поставки военных материалов. Две холдинговые компании должны были обеспечить переправку из Германии в Испанию ее заказов, в виде уплаты за которые шло испанское сырье. Компаниями этими были HISMA (Compañía Hispano-Marroquí de Transportes) и ROWAK (Rohstoffe-und-Waren-Einkaufsgesellschaft). Если немецкий торговец хотел что-то продать Испании, он должен был иметь дело с ROWAK, а HISMA «держала там рынок». Была собрана флотилия торговых судов, и военно-морской флот получил приказ обеспечить им охрану. В Марокко немедленно вылетели тридцать грузовых «Юнкерсов-52». В то же самое время под командованием генерала фон Шееле была создана «туристская группа», которой предлагалось набирать добровольцев и инструкторов для испанской армии. 31 июля на шести «хейнкелях» из Гамбурга в Кадис вылетели восемьдесят пять человек. На место прибыли они 5 августа. В составе группы — инженеры, техники и летчики-истребители. В сентябре она пополнилась новыми летчиками, вместе с которыми были доставлены два танка, батарея противотанковых орудий и несколько самолетов воздушной разведки. Позже Шееле стал военным руководителем HISMA, Бернхардт — ее главным управляющим в Севилье, а полковник фон Тома возглавил пехотные части и танковую группу. Частью обязанностей фон Тома и его офицеров была подготовка испанцев, а частично он и сам должен был обрести боевой опыт. По словам фон Тома, испанцы быстро обучались — и столь же быстро все забывали. В дальнейшем в Испанию из Германии еженедельно прибывали по четыре транспортных самолета. Каждые пять дней швартовались и грузовые суда⁶.

Кроме назначения вышеупомянутых офицеров, через неделю стала действовать организация, созданная Гитлером по

просьбе Франко. Передали эту просьбу два нациста из Марокко. Немецкое министерство иностранных дел было застигнуто врасплох. 28 июля Дюмон, глава испанского отдела, снова сделал запись о том, что министерство против оказания помощи. Эту точку зрения разделяли военный министр фельдмаршал фон Бломберг и начальник генерального штаба, генерал фон Фриче. Они считали, что операция «Магическое пламя», как она была названа, ничего не даст с военной точки зрения. Риббентроп, специальный советник Гитлера по иностранным делам, тоже сомневался. До середины октября немецкие министерства иностранных дел и экономики были в полном неведении о деятельности компаний HISMA и ROWAK — хотя министерство финансов с самого начала оказалось в курсе дел, поскольку выделило ROWAK кредит в три миллиона рейхсмарок. Тем не менее МИД, хотя и продолжая недоумевать, безропотно подчинился решению, принятому вопреки его советам. Когда правительство республиканской Испании сразу же выразило протест германскому советнику в Мадриде по поводу того, что немецкие самолеты приземляются в Тетуане, на экземпляре этого документа, прибывшего в министерство иностранных дел, появилась сухая резолюция: «Ответу не подлежит». Все должно было сохраняться в глубокой тайне.

Воздушный ас Адольф Галланд описывал, как «тот или другой наш товарищ (по люфтваффе) внезапно исчезал в далеком небе... Месяцев через шесть он возвращался, загоревший и в прекрасном настроении».

Почти все немцы, прибывшие в Испанию, особенно летчики, были молодыми нацистами, искренне убежденными в девизе их марша: «Пусть все рушится вокруг нас — мы будем идти вперед. Наши враги — красные и большевики во всем мире». Хотя их трудно было считать подлинными добровольцами, они хотели попасть в Испанию, считая пребывание в ней частью своей военной службы.

На первых порах большая часть немецкой помощи шла через Португалию. Страна недвусмысленно участвовала в испанской Гражданской войне. Пусть даже не столь религиозные, как приверженцы португальского «корпоративного режима», испанские националисты придерживались почти тех же взглядов, что и «благородный Салазар», как его назвал южноафриканский поэт Рой Кемпбелл⁷. Военная помощь, которую сам Салазар оказывал националистам, была невелика⁸. Но он предоставлял им многое другое, столь же ценное: территорию, где можно было плести заговоры; убежища; средства связи между двумя зонами в начале Гражданской войны. Николас Франко, старший брат генерала, вместе с Хилем Роблесом получил разрешение органи-

зывать в Лиссабоне свою штаб-квартиру для закупок оружия. Посол республики в этой столице Санчес Альборнос тут же стал фактически пленником в своем посольстве. 1 августа Салазар заметил, что готов помогать мятежникам «всеми имеющимися у него средствами», включая и участие португальской армии, если в том возникнет необходимость⁹. Испанских республиканцев, которые скрывались на территории Португалии, обычно передавали в руки националистов, а португальская пресса служила им с самого начала. 20 августа немецкий посланник в Лиссабоне сообщил, что военные материалы, доставленные из Германии на пароходах «Вигберт» и «Камерун», без задержки проследовали в Испанию. Салазар, сообщил он, устранил «все трудности... своим личным вмешательством и вниманием к деталям»¹⁰.

Тем временем 26 июля, как раз в тот день, когда Гитлер согласился оказать помощь Франко, Гастон Монмуссо, глава Европейского отделения Профинтерна, возглавил совместное заседание Коминтерна и Профинтерна в Праге. Было принято решение найти миллиард франков для помощи испанскому правительству. Девять десятых из них должен был предоставить Советский Союз. Руководить фондом будет комитет, в который войдут: Торез, лидер Французской коммунистической партии, Тольятти, Пассионария, Ларго Кабальеро и Хосе Диас. За расходование средств фонда, без сомнения, предстояло отвечать лишь первым двум. Во всей Европе и Америке началась мощная и продуманная пропагандистская кампания в помощь Испанской республике. Появилась масса организаций, готовых ее оказать. Формально они были независимыми и носили гуманитарный характер, но фактически ими руководили коммунисты. В центре этой кампании оказался Вилли Мюнценберг, обосновавшийся в Париже. Самой значительной из групп была «Международная красная помощь», которая активно помогала левым революционерам в Испании еще с 1934 года. 31 июля лидеры «Международной красной помощи» организовали в Париже митинг. Они создали Международный комитет помощи народу Испании, президентом которого стал Виктор Баш¹¹. Вскоре в каждой стране появились его отделения. Со временем все эти организации сосредоточились только на сборе средств, продуктов питания и оказании помощи невоенного характера. Номинальными лидерами комитетов чаще всего бывали уважаемые личности, но секретарями при них, как правило, оказались коммунисты. Военной помощи из России не поступало. Когда испанские коммунисты пожаловались на это забвение их интересов, Тольятти резко ответил: «Россия как зеницу ока бережет свою безопасность. Любое неосторожное движение с ее стороны

может нарушить баланс сил и развязать войну в Восточной Европе».

Первая реакция на испанскую войну была отмечена и по ту сторону Атлантики. В Чили, Мексике, Аргентине, Уругвае, Парагвае и на Кубе жило много недавних иммигрантов из Испании. Но и без того все страны Латинской и Южной Америки чувствовали определенную причастность к событиям в Испании. Откровенную симпатию к националистам испытывали Бразилия и канадская провинция Квебек, где, как и в Испании, существовали фашистские организации католического толка. Чили тоже придерживалась неприкрытой пронационалистической позиции. Мексиканское правительство с самого начала активно поддерживало Испанскую республику, что и следовало ожидать от страны, конституция которой появилась после восстания против привилегий церкви и аристократов.

В то время Соединенные Штаты готовились к президентским выборам 1936 года, на которых предстояло дать высокую оценку достижениям первого срока президентства Рузвельта. Для большинства американцев международные события казались чем-то очень далеким. И республиканская и демократическая партии придерживались политики нейтралитета по отношению ко всем этим европейским «авантюрам». В мае 1935 года через конгресс прошел Акт о нейтралитете. Теперь по закону американские граждане не имели права продавать или переправлять оружие любой из сторон, которые, по словам президента, «находятся в состоянии войны». Хотя этот акт не имел отношения к гражданским войнам, американское правительство с самого начала распространило его действие и на испанский конфликт, пусть даже президент Рузвельт и испытывал искреннюю симпатию к Испанской республике и его дочку зрения разделял американский посол в Испании Кларк Боуэрс, историк по профессии. Миссис Элеонора Рузвельт, министр финансов Генри Моргентау, министр сельского хозяйства Генри Уоллес, министр внутренних дел Генри Икес и заместитель государственного секретаря Самнер Уэллес — все были на стороне республиканцев. Но государственный секретарь Корделл Холл решительно придерживался позиции невмешательства и твердо стоял на своем.

Тем не менее общественное мнение в Америке, как и в Европе, стало интересоваться испанской войной. Из нью-йоркского информационного бюро испанского правительства и из «Службы новостей полуострова», нью-йоркской штаб-квартиры националистов, шел бурный поток пропагандистских материа-

лов. Американские газеты принимали ту или иную сторону с еще большей страстностью, чем в Англии или Франции. Американские католики нападали на сторонников республики, а либералы — на тех, кто прославлял националистов. Это противоречие разделило двух ведущих репортеров «Нью-Йорк таймс» В.П. Кэрни, выступавшего со стороны националистов, и Герберта Мэттью, который поддерживал республиканцев.

30 июля из первой эскадрильи бомбардировщиков «савойя», посланной итальянским правительством в помощь испанским националистам, две машины совершили вынужденную посадку в Беркране во Французском Марокко, а одна потерпела аварию в Зайде в Алжире. Трое из экипажа последней погибли, а двое были ранены. Расследование, проведенное генералом Дененом, бывшим французским министром авиации, выявило, что самолет шел под итальянским флагом, а в его грузовом салоне находились четыре пулемета. На рассвете он поднялся с Сардинии, и пилотировали его итальянские военные летчики в гражданской одежде. Выживший летчик признал, что экспедиция должна была оказать помощь испанским националистам. Вскоре после этого инцидента испанский самолет, пролетевший над Беркраном, сбросил мешок, в котором была форма испанского Иностранного легиона и записка на итальянском: «Наденьте ее и говорите французам, что вы из части легиона, которая стоит в Надоре».

В первой половине того же дня Кэ-д'Орсэ опровергло сообщение о том, что французское правительство посылало какие-то военные материалы Испанской республике; вечером Блюм и Дельбос повторили опровержение и перед комитетом по иностранным делам Сената. В то время это была правда — поставку еще не осуществили. 2 августа состоялось бурное заседание французского кабинета министров. Ко утверждал, что доказательства итальянской помощи националистам свидетельствуют: политика невмешательства потерпела крах. Дельбос с подачи Леже и «учитывая позицию Англии» говорил, что все страны, которые могут оказать помощь тому или другому участнику военных действий в Испании, должны были бы заключить всеобщее соглашение о невмешательстве. В восемь вечера кабинет объявил, что он решил немедленно обратиться к «заинтересованным государствам» — в первую очередь к Англии и Италии, — предложив им заключить «пакт о невмешательстве». В то же время Ко получил указание поторопиться и, поскольку уже были получены доказательства, что Италия оказывает помощь националистам, не волноваться из-за переправки грузов через Мексику. И в республику было отправлено стрелковое оружие, 30 разведчи-

вательных самолетов и бомбардировщиков, 15 истребителей, 10 транспортных и учебных самолетов.

Далее последовал набор техников для республики. В морские ремонтные мастерские в Картахене и Валенсии отправились опытные рабочие (им платили 2000 песет в месяц, и 5000 они получали при подписании контракта). Французский депутат-радикал Буссютро контролировал набор пилотов для Испании (те получали по 25 000 песет в месяц). Страховая компания, в которой он директорствовал, застраховала жизнь каждого из них на 300 000 франков¹². А тем временем в Париж прибыл англичанин Филип Ноэль-Бейкер. Блюм растолковал ему, что националистская Испания представляет для Британии такую же угрозу, как и для Франции. Мистер Ноэль-Бейкер выдвинул предположение, что британский кабинет министров должен быть ознакомлен с этими опасениями через сэра Мориса Хэнки, секретаря кабинета. Блюм послал адмирала Дарлана, главу французского штаба военно-морских сил, чтобы тот неофициально связался с правительством Болдуина. Все это время из республиканской Испании, особенно из Каталонии, поступали призывы о помощи: «Рабочие и антифашисты всех стран! Мы, рабочие Испании, бедны, но мы преследуем благородные идеалы. Наша борьба — ваша борьба. Наша победа — это победа Свободы. Мы — авангард международного пролетариата в борьбе против фашизма. Мужчины и женщины всех стран! Спешите к нам на помощь! Оружие для Испании!»

Тем временем правительство республики дало понять, что никому не позволит помешать его закупкам оружия. 2 августа Барсиа, министр иностранных дел в кабинете Хиралья, попросил немецкого бизнесмена Штурма из Независимой авиационной ассоциации в Берлине продать самолеты, легкие бомбардировщики и бомбы мощностью от 50 до 100 килограммов. Оплата может быть произведена в любой валюте, даже в золоте. Эта просьба объясняет ту особую вежливость, с которой в то время республиканское правительство относилось к Германии (цензура запрещала даже оскорбительное использование свастики в карикатурах), хотя и было известно, что она поставляет оружие его врагам. Немецкий чиновник Швендеман, получивший просьбу, долго не давал прямого ответа. Тем временем германское торговое судно «Усаморо» успело покинуть Гамбург, неся на борту первый груз помощи националистам. «Туристская группа» послала пилотов и техников. В Риме Чиано организовал в итальянском министерстве иностранных дел специальный отдел, чтобы отслеживать помощь националистам.

В интернационализации испанской Гражданской войны был еще один аспект. Так же как 1850-е годы были веком великих

послов, 1930-е стали веком великих журналистов. С конца июля в течение двух с половиной лет к югу от Пиренеев можно было встретить самых видных представителей мировой журналистики. Агентства новостей нанимали известных писателей, чтобы те представляли их в испанской войне. Испанцы понимали это и гордились выпавшей на их долю славой. Журналисты много писали об Испании, и часть этих текстов составили блистательные репортажи. Но немало было и таких, из-под пера которых выходили не столько комментарии или репортажи, сколько памфлеты в пользу той или иной стороны. Особенно справедливо это было по отношению к республиканской стороне, ибо департамент печати националистов не обладал даром вызывать энтузиазм у англосаксонских корреспондентов. Многие журналисты со стороны республиканцев время от времени оказывались на линии фронта, обучали испанцев пользоваться пулеметами, организовывали поставки оружия. И именно корреспондент «Таймс» первым указал Комитету антифашистской милиции, что они не выиграют войну, пока не накормят голодающую Барселону.

Примечания

¹ Мальро стал знаменит в 1934 году после выхода в свет его романа «Условия человеческого существования».

² Решение Франции о невмешательстве вызвало ссоры и глубокие раздоры во Втором Интернационале, одним из лидеров которого была Испанская социалистическая партия. Так, раскол в Бельгийской социалистической партии (которая в то время входила в правительство) длился до 1940 года.

³ Атилио Тамаро сообщает, что, несмотря на двукратную просьбу Франко, Муссолини отказывался поставлять оружие и согласился, лишь когда узнал, что Блюм собирается помогать республике. Но скорее всего, это не было решающим фактором. Канталупо упоминает о трех просьбах, из которых лишь третья была удовлетворена.

⁴ *Ad pauseam (лат.)* — до тошноты. (Примеч. пер.)

⁵ Не стоит и сомневаться, что именно за эту услугу Франко потом предоставил убежище и пенсию фрау Канарис после того, как в 1944 году ее мужа постигла позорная смерть. Иан Колвин считает также, что в 1940 году Канарис в частном порядке посоветовал Франко, как отвергнуть требование Гитлера вступить в войну.

⁶ Последние данные приводит Тома, националистский историк войны в воздухе. За все время военных действий в Испанию пришло 170 грузовых кораблей, главным образом из Гамбурга.

⁷ В своей поэме «Ружье в цветах». Революция застала Кемпбелла в его доме в Толедо. Он едва успел спастись сам и спасти свою семью. Позже он стал одним из самых ярых поклонников националистов, хотя и не принимал участия в их боевых действиях.

⁸ На стороне националистов воевало 20 000 португальцев, меньшая часть из них была обыкновенными призывниками, но большая — добровольцы.

⁹ В ответ на просьбу генерала Мола, переданную Салазару генералом Понте, Португалия предложила Моле неограниченную поддержку.

¹⁰ Вскоре международные левые круги стали испытывать к Салазару столь же острую неприязнь, как и к Франко. Луис Голдинг призывал к бойкоту португальских портов.

¹¹ В и к т о р Б а ш — венгерский еврей, крупный ученый, которого дело Дрейфуса заставило примкнуть к либералам.

¹² Блюм свидетельствовал, что после заседания кабинета министров 8 августа никаких поставок не осуществлялось. Но похоже, он спутал даты. Позже Ко обвиняли в том, что он передал Испании самолеты, которые в 1940 году пригодились бы самой Франции. Но на самом деле все они были старыми и в 1940 году толку от них не было бы.

Глава 27

Война в Сьерре и Арагоне. — Дуррути. — Первые иностранные добровольцы. — Джон Корнфорд. — Модесто. — Эль Кампесино. — Пятый полк.

В первых числах августа на двух основных полях сражений начала испанской войны наступило относительное спокойствие. В Арагоне линия фронта тянулась на юг от Пиренеев, проходя мимо Хаки, Уэски, Сарагосы, Бельчите, Дароки и Теруэля (все они были в руках националистов), а дальше, как считали «антифашисты», ответственность за нее несла Валенсия. Позиции республиканских войск врезались клиньями на территорию националистов у Тардьенте (там была штаб-квартира колонны PSUC) и Сьетамо, которое взял гарнизон из Барбастро, сохранивший верность республике (оба городка недалеко от Уэски). Штаб основной колонны POUM обосновался в Лесиньене, к северо-западу от Сарагосы, в горах Сьерра-де-Алькубьерре. Вдоль Эбро в Осеро и Пине стояли анархисты Дуррути. На юге в Монтальбане бывший плотник Ортис командовал смешанной группой с преобладанием анархистов. Самой мощной из перечисленных частей была колонна Дуррути, которая подошла к Сарагосе на расстояние штурмового броска. Здесь полковник Вильяльба, командир гарнизона Барбастро и по крайней мере официально командующий всем фронтом, уговорил Дуррути остановиться, опасаясь, что его могут отрезать. Милиция осталась в виду Сарагосы. «И восемнадцать месяцев огни города продолжали призывно мерцать в ночи, подобно иллюминаторам огромного лайнера», как потом написал Джордж Оруэлл. Линия фронта состояла из выдвинутых вперед частично укрепленных позиций на возвышенностях; в расположенных за ними деревнях стояли примерно по 300 человек.

Карта 10. Наступление республиканской милиции в Арагоне

Такая группа, на вооружении у которой обычно имелось шесть легких полевых пушек и по две гаубицы, практически не поддерживала связи с колонной в другой деревне или на соседнем холме. Например, бойцы PSUC послали из Тардьенте в Барселону грузовик с трофеями. На пути его охрану остановили солдаты POUM и расстреляли как грабителей. Гробы с трупами вернули в Тардьенте. Деревни, через которые проходила барселонская милиция, приобщались к революции. Так, жители Лериды решили спасти от пламени свой кафедральный собор. Дуррути тут же положил конец этим упадническим настроениям. Собор сгорел дотла. Тем не менее склонность Дуррути к насилию вызвала к нему ненависть крестьян Пины (пуэбло неподалеку от Сарагосы), и его колонна, провожаемая молчаливыми проклятиями, была вынуждена оставить эту деревню.

Националисты укрепились на точно таких же позициях, хотя их офицеры старались блюсти воинскую дисциплину. У регулярных частей не хватало энтузиазма, что компенсировалось отсутствием дисциплины и у каталонцев. Но фалангисты были полны такого же яростного боевого пыла, как и их противники. Их сердца наполнились жаждой мщения, когда бомба, сброшенная единственным бомбардировщиком республиканцев, поразила знаменитое изображение Девы Пилар Сарагосской, хотя и не взорвалась. Дело было не только в религиозных чувствах. Незадолго до этого святая была торжественно объявлена капитан-генералом города его покровительницей.

В революционных колоннах было несколько групп иностранцев — главным образом немецкие и итальянские эмигранты, коммунисты и социалисты, которые, скрывшись от Гитлера и Муссолини, прибыли на Олимпиаду рабочих в Барселону. Итальянцы организовались в так называемый Батальон Гастоне-Соцци, а немцы под командованием Ганса Беймлера, бывшего депутата рейхстага от коммунистов, — в Центурию Тельмана (в нее входило около ста человек)¹. Французы и бельгийцы составили Парижский батальон. Среди них было и несколько женщин. Они не относились к какой-то конкретной политической группировке, хотя среди них и доминировали коммунисты. В конце августа еще одна группа итальянцев из колонны под командованием Карло Россели вступила в бой под Уэской. Первыми английскими добровольцами в Испании были Сэм Мастерс и Нат Коэн, два закройщика из Ист-Лондона, которые, приехав во Францию на велосипедах, застали там начало мятежа и сразу же отправились в Барселону. Оба они были коммунистами. В Барселоне Мастерс и Коэн организовали центурию, названную в честь английского коммуниста Томаса Манна. Раньше Мастерс воевал в Центурии Тельмана². Тем не менее до сентября она не участвовала в боевых действиях. Первым англичанином, который попал на фронт, оказался Джон Корнфорд, двадцатилетний студент-историк кембриджского Тринити-колледжа, праправнук Чарльза Дарвина и сын Лоренса, профессора античной философии в Кембридже³. Когда в бою под Скиросом погиб Руперт Брук, его так потрясла эта смерть, что через месяц он крестился, взяв себе имя Руперт, хотя, оставаясь практичным интеллектуалом, всегда представлялся как Джон. В свои двадцать лет Конфорд уже считался одним из столпов английской коммунистической партии⁴. В девятнадцать лет он женился на дочери шахтера из Уэльса. Поэт Корнфорд дважды становился первым на своем курсе исто-

риков; он входил в состав комитета по организации Кембриджского профсоюза. Несмотря на жесткость и несгибаемость его коммунистических взглядов, поэтическая натура Корнфорда постоянно давала о себе знать.

Война в Испании в огромной мере способствовала развитию его поэтического таланта. Как ни странно для коммуниста, но на Арагонском фронте он 13 августа присоединился к колонне POUM в Лесиньене. Произошло это потому, что у него не было при себе документов, доказывающих его «антифашистские взгляды», и отряды PSUC отказались его принять. Первой из погибших английских добровольцев оказалась женщина, Фелисия Браун, художница и член коммунистической партии. Она пала 25 августа на Арагонском фронте. До этого она жила в Коста-Браво и дралась на улицах Барселоны, куда прибыла на Олимпиаду⁵.

К началу августа накал боев в Сьерре к северу от Мадрида заметно ослаб и там воцарилось спокойствие. Попытки захватить господствующие высоты, которые продолжались до конца июля, кончались неудачами. Генерал Рикельме, на которого республика возлагала основные военные надежды, сменил неудачливого полковника Кастильо, командовавшего силами милиции. Неудача наступления заставила еще раз сменить командование, которое на этот раз взял на себя полковник Асенсио Торрадо⁶, самый блистательный военный стратег среди офицеров, оставшихся верными республике. Правительство продолжало удерживать все узловые точки подходов к Мадриду, кроме перевалов Альто-де-Леон и Сомосьерра, через которые генерал Понте (сменивший полковника Серрадора) и Гарсиа Эскамес спустились, соответственно, на три и восемь миль в сторону Мадрида. Поскольку боеприпасов не хватало, Мола приказал им воздержаться от попыток дальнейшего наступления. Обе эти группы, состоящие из солдат регулярных войск, карлистов и фалангистов (на Альто-де-Леоне было больше фалангистов, а на Сомосьерре — карлистов), держали оборону против значительно превосходящих их сил правительственной милиции.

Республиканцы в Сьеррас, не в пример своим соратникам в Арагоне, были в первую очередь бойцами и лишь потом — революционерами. Даже анархисты понимали, что если хочешь выиграть бой, то приходится подчиняться какому-то порядку, а главными их частями командовал профессиональный офицер, майор Переа. Все милиционеры носили «моно», и на головных уборах у них были обозначения их профсоюзов (а не политических партий). Как и те части, что вышли из Барселоны, мадридская милиция была организована в ко-

лонны, примерно по 600 человек в каждой. Колонны обычно состояли из шести батальонов, или центурий, приблизительно по 100 человек. Обычно одни из них брали себе громкие названия, многие из которых вызывали в памяти давние революции или уличные бои — например, «Парижская коммуна». Другие называли себя именами современных политических лидеров, таких, как Пассионария. Несколько подразделений были известны как Стальные батальоны, ибо в них входил отборный состав членов профсоюзов или партий. Тем не менее, среди республиканских частей в Сьеррас самой знаменитой был Пятый полк, созданный коммунистической партией. Он получил такое название потому, что обычно в Мадриде стояли четыре полка. Коммунисты с самого начала создали четкую военную организацию полка, противопоставив ее разболтанному революционному энтузиазму милиции.

Основу Пятого полка составляла социалистическая и коммунистическая молодежь, но и остальные присоединялись к нему, откликнувшись на призывы Пассионарии. В конце июля на фронт отправились примерно 8000 человек этой части. Кроме четкой военной организации в Пятом полку существовал и институт политических комиссаров по образцу Красной армии времен Гражданской войны в России, которые должны были убедительно разъяснять бойцам цели, за которые они воюют. В России эта система была создана для контроля над царскими офицерами, воевавшими на стороне Красной армии. Теоретически в Пятом полку при командирах всех рангов, вплоть до полковника, тоже существовали комиссары. И теоретически комиссар должен был визировать каждый приказ командира. Но на практике ничего этого не было. Духовной силой полка был итальянский коммунист Видали (Карлос Контрерас). Безжалостный в той же мере, как и решительный и энергичный, он пользовался репутацией человека, который лично расстреливал трусов, и в то же время включил в состав Пятого полка мадридский муниципальный оркестр, под маршевые мелодии которого полк чеканил шаг. Под руководством Видали выросли известные военные руководители из среды испанских коммунистов — знаменитый Энрике Листер⁷, недавний каменщик, и Хуан Модесто, в прошлом лесоруб, служивший сержантом в Иностранном легионе под командованием генерала Франко. Оба этих незаурядных и талантливых человека принимали участие в астурийском восстании 1934 года, после которого им удалось добраться до России, где они учились в военной Академии имени Фрунзе. Листер еще мальчишкой попал на Кубу, где осваивал искусство профсо-

⁸ Х. Томас
«Гражданская война в Испании»

юзной политики на стройках Гаваны. Позже он организовал кровопролитную революцию в Ла-Корунье. Третьим коммунистическим лидером, который появился во время боев в Сьеррас, стал Валентин Гонсалес, известный под именем Эль Кампесино (Крестьянин). Он обрел известность из-за своей бороды, мощного телосложения, говорливости и физической силы. Недоброжелатели говорили, что и борода и прозвище Гонсалеса — предметы творчества коммунистов, стремившихся привлечь крестьян в коммунистическую партию. Сам он говорил, что стал известен еще с шестнадцати лет, когда взорвал четырех гражданских гвардейцев в их одинокой караульне в Эстремадуре и ушел в горы. Позже он воевал в Марокко — по его словам, на обеих сторонах. Гонсалес был блистательным партизанским вожаком, но с трудом справлялся с выпавшими на его долю обязанностями командира бригады и дивизии. Хотя он с целью пропаганды числился командиром, всей текущей оперативной работой занимался толковый молодой майор Медина.

Передовая линия между Барселоной и Мадридом, двумя главными центрами республики, ее основными фронтами, носила неопределенный характер. Колонна милиции, которая взяла Гвадалахару и Алькалу, двинулась на штурм города Сигуэнсы. Но наступление захлебнулось — как из-за противодействия националистов, так и из-за нехватки боеприпасов. Из Барселоны колонна милиции двинулась к Теруэлю, самому южному городу Арагона, находившемуся в руках мятежников. Гражданские гвардейцы, составлявшие часть этой колонны, едва только оказались на фронте, сразу перебежали к националистам. Хотя Теруэль был окружен с трех сторон и майор Агуадо, его первый командир из националистов, убит, взять город не удавалось. Здесь, как и повсюду, милиционеры занимались не столько войной, сколько революцией. Сложная обстановка в регионе усугублялась еще и тем, что в конце августа из соседней тюрьмы были освобождены обыкновенные уголовные преступники. Многие из них присоединились к Железному батальону CNT.

Между этими основными полями сражений вдоль линии разделения, которая всюду называлась «линией фронта», была масса проходов, через которые было нетрудно с любой стороны попасть в другую часть Испании. Тут и там на вершинах холмов располагались дозоры милиционеров из ближайших городов республики, которым противостояли такие же группы фалангистов или гражданской гвардии националистов. Так постепенно страсти, бушевавшие в Испании, переходили в стадию обыкновенной войны.

Примечания

¹ Тельман был портовым рабочим из Гамбурга, чьи хотя и не очень грамотные, но искренние воззрения привлекли к нему внимание Сталина. В конце 20-х годов XX в. он стал лидером немецких коммунистов. Его ограниченная и нерассуждающая преданность России контрастировала с предательскими сомнениями интеллектуалов из среднего класса. Беймлер был заключен в концентрационный лагерь, но бежал оттуда, задушив своего охранника и переодевшись в его форму.

² Единственный полный отчет об английских добровольцах в Испании приведен в книге Билла Раста «Британцы в Испании». Он достаточно точен, хотя, как хороший коммунист, автор часто забывает или игнорирует ту роль, которую играли некоммунисты или те, кто вышел из партии до окончания войны в Испании.

³ Спутником Корнфорда на различных участках Арагонского фронта был Ричард Беннет, тоже из Тринити-колледжа. Краткое время пробыл на передовой, Беннет стал сотрудником Барселонского радио и вел передачи «Голоса Испании».

⁴ В то время Коммунистическая партия Великобритании насчитывала всего 7000 членов. Корнфорд главным образом отвечал за возрождение коммунизма в Кембридже, и если в 1933 году Социалистический клуб (по своим взглядам он был скорее коммунистическим) насчитывал 200 человек, то в 1936 году их стало уже 600. Их центром был Тринити-колледж.

⁵ Этих иностранных добровольцев поддерживал Британский отряд медицинской помощи. В него входило от двадцати четырех до тридцати человек, включая врачей и медсестер.

⁶ Не путать с полковником (позже генералом) Асенсио Кабанильясом, который считался одним из лучших командиров националистов. Против него воевал республиканец Асенсио.

⁷ Мальро описал его в своем романе «Надежда» под именем Мануэля.

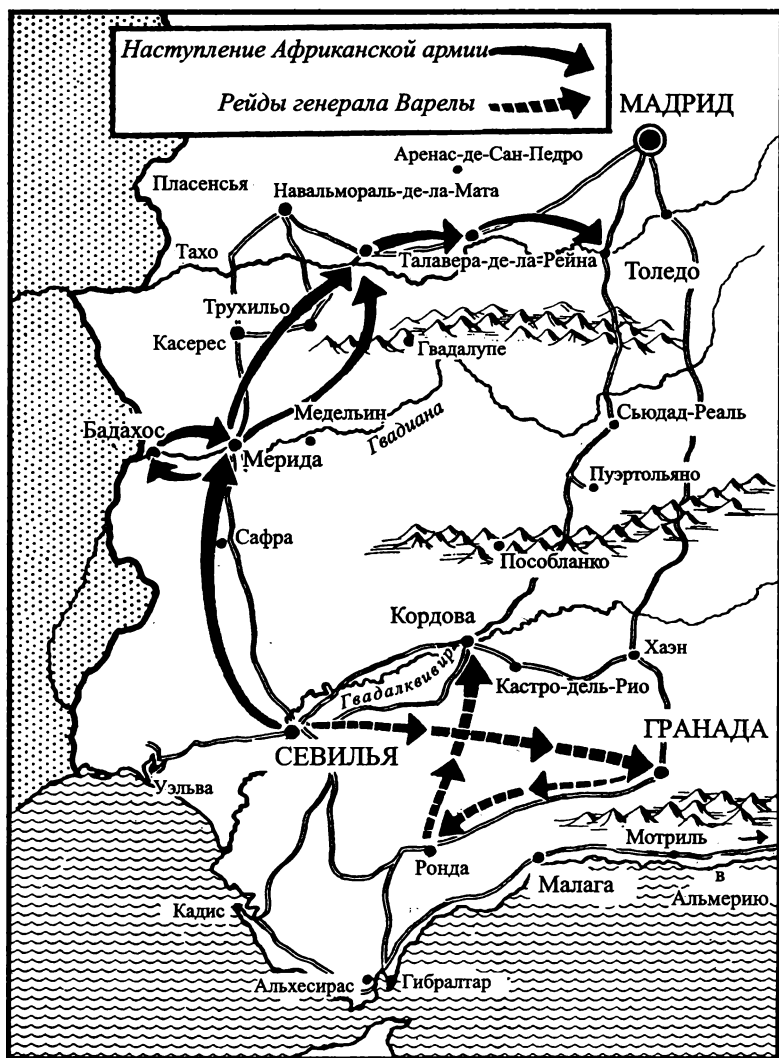
Глава 28

Наступление Африканской армии. — Мериды. — Бадахос. — Медельин. — В долине Тахо. — Талавера.

Наконец запутанную ситуацию в Испании изменили две серьезные военные кампании: наступление Африканской армии генерала Франко к северу от Севильи и поход Северной армии генерала Молы против баскской провинции Гипускоа. Действиям генерала Франко помогли Германия и Италия. Между 25 июля и 5 августа немецкие транспортные самолеты перебросили к Севилье 1500 бойцов Африканской армии. Это был первый «воздушный мост»¹. Гитлер не преувеличивал, когда в 1942 году заметил: «Франко должен был быть воздвигнут памятник в честь «Юнкерса-52». Испанская революция должна благодарить за победу именно этот транспортный

самолет»². Тем временем итальянские истребители обеспечили воздушное прикрытие тех торговых судов, которые 5 августа, в «день Богородицы Африканской», доставили из Марокко в Испанию 2500 человек со всем снаряжением. Франко обеспечил контроль над Гибралтарским проливом. Корабли республиканского флота, которыми неумело руководили их команды, укрылись в гаванях Картахены и Барселоны, где они и провели почти всю войну. Армии Франко предстояло подтянуться к Севилье, откуда двинуться на север, чтобы отбросить республиканцев от португальской границы, после чего соединиться с Северной армией и по долине Тахо начать наступление на Мадрид. Этими ударными силами командовал генерал Франко, который, оставив части в Марокко под командованием Оргаса, 6 августа прилетел в Севилью. Тут действовал Ягуэ, фалангистский командир Иностранного легиона, и вместе с ним майоры Асенсио, Кастехон и Телья — все трое ветераны марокканских войн.

Каждый из них командовал «бандерой» легиона и «табором» регулярных войск, с одной или двумя батареями. В распоряжении отрядов было 100 быстрых мощных грузовиков, которые действовали независимо друг от друга. Около города грузовики останавливались. Примерно полчаса длились бомбардировка и артиллерийский обстрел. Затем на приступ шли легионеры и марокканцы. В случае сопротивления в дело вступали штурмовые отряды. Если удавалось находить тела жертв революционного террора, то начиналась охота за оставшимися лидерами левых партий, которых расстреливали на месте. Вместе с этими карательными мерами повсюду заново открывались церкви, служили мессы и крестили детей, которые родились в этом месяце. Таким образом, почти не встречая сопротивления, к 10 августа Ягуэ дошел до Мерида с ее величественными римскими памятниками, покрыв за неделю почти 300 километров. Для Ягуэ, который по натуре был типичным кондотьером, этот марш стал настоящим приключением, в ходе которого он отменно бражничал. Горячий и пылкий, Ягуэ пользовался большой популярностью в войсках, ничем не напоминая тех холодных, сдержанных немецких генералов, которыми Франко инстинктивно восхищался. В шести километрах к югу от Мерида милиция этого города дала частям Ягуэ первый настоящий бой. Сражение развернулось у реки Гвадиана перед городом. Асенсио штурмом овладел и мостом, и самим городом. Таким образом, Ягуэ установил связь с северной зоной мятежной Испании, хотя еще не все его части представляли собой боевую силу. Кроме того, ему удалось отрезать пограничный город Бадахос. Он взял его со-

Карта 11. Наступление Африканской армии

вместным наступлением с частями Асенсио и Кастехона, оставив Телью в Мериде. 11 августа меридская милиция, выбитая из города, получив подкрепление в виде 2000 штыков штурмовых частей и гражданской гвардии из Мадрида, бросилась в яростную контратаку. Телья отбил ее, дав возможность Ягуэ, у которого вместе с силами Кастехона и Асенсио было около 3000 человек, сосредоточить все усилия на Бадахосе. Защищал город полковник Пучдендолас, в помощь которому из Мадрида подошли 2000 милиционеров, а всего в рядах защитников Бадахоса сосредоточилось около 5000 человек. Тем не менее перед самым штурмом они потратили все боеприпасы, энергию и уверенность на подавление мятежа гражданской гвардии.

Жаркий и пыльный Бадахос был окружен стенами, а с востока, откуда наступал Ягуэ, путь к нему преграждала и река Гвадиана. С утра начался обстрел города, и в середине дня 14 августа Ягуэ приказал начать наступление. «Бандера» легиона прорвалась к площади Пуэрта-де-ла-Тринидад, распевая полковой гимн, который прославлял смерть в бою. Первый натиск был отбит пулеметным огнем милиционеров. Но второй бросок легионеров увенчался успехом — врагов они резали кинжалами. Хотя от штурмового отряда остались в живых только капитан, капрал и четырнадцать рядовых, проход в город был обеспечен. В то же время другая колонна легионеров атаковала стены рядом с Пуэрта-дель-Пилар. Их удалось взять с меньшими потерями. Бой развернулся на улицах. Два отряда наступающих встретились на площади Республики под сенью кафедрального собора, и можно было считать, что город взят. Тем не менее рукопашные схватки продолжались до самой ночи. Бадахос был завален трупами.

Положить конец схваткам и казням было невозможно, поскольку во время штурма города было непонятно, то ли продолжать бой, то ли прекратить стрельбу. Полковнику Пучдендоласу удалось скрыться в Португалии. Легионеры убивали всех, у кого в руках было оружие, включая двух милиционеров, пытавшихся найти спасение на ступенях алтаря. Многих милиционеров, которые, оставшись без боезапаса, все же не собирались сдаваться, расстреляли на арене для быков³. Казни продолжались и весь следующий день 15 августа и впоследствии, хотя уже в меньшем масштабе⁴. Эта победа перекрыла республиканскому правительству доступ к португальской границе.

20 августа Ягуэ, повернув на восток к Мадриду, начал новое наступление. Телья через Трухильо вышел к Навальмораль-де-ла-Мата, которое он занял 23 августа. К востоку тянулась долина реки Тахо, в которой не встречалось никаких

естественных препятствий. Перевалив горы Гвадалупе, Асенсио и Кастехон вышли к Тахо. Сюда же развернулась и готовая к бою мадридская армия Эстремадуры генерала Рикельме, снова получившая подкрепление. Под городом Медельином французская эскадрилья Андре Мальро почти полностью уничтожила часть колонны Асенсио. Но на земле милиция не смогла справиться с легионерами и марокканцами, которые, обойдя ее, заставили под угрозой окружения торопливо отойти к городу. Отступили 9000 человек (включая 2000 анархистов, которые отказались подчиняться приказам Рикельме и предприняли совершенно бессмысленную атаку на холмы Сан-Висенте).

Таким образом, Асенсио и Кастехон соединились с Тельей у Навальморала. После нескольких дней отдыха 28 августа наступление возобновилось по северному берегу долины Тахо. Кампания напоминала события в Эстремадуре двухнедельной давности. Спротивления практически не оказывалось. Республиканские части, многие из которых были переброшены из Гвадаррамы, не привыкли вести боевые действия в таких сухих бесплодных местах. Были случаи дезертирства. Милиция отказывалась рыть окопы, поскольку считала, что это трусость, которая унижает их достоинство. Правительство не могло пойти на риск потерять это соединение в решающем сражении, и поэтому республиканские части все время отступали. 2 сентября колонны Африканской армии достигли города Талавера-де-ла-Рейна, в котором укрепились 10 000 милиционеров. В их распоряжении была вся артиллерия, которую им удалось стянуть (а также бронепоезд), и надежно укрепленные позиции на склонах холмов перед городом. На рассвете 3 сентября Асенсио и Кастехон начали окружение города. Были заняты аэродром и железнодорожная станция, находившиеся в некотором отдалении от центра. К полудню был предпринят штурм города, защитники которого уже испытывали крайнюю тревогу. Днем после скоротечных уличных боев Ягуэ занял Талаверу. Вечером, когда заместитель военного министра Эрнандес Сарабия из Мадрида позвонил в Талаверу, ему ответил марокканец. Пал последний город, который мог преградить Франко путь к Мадриду.

Примечания

¹ Всего в июле и августе из Африки в Испанию было переброшено 10 500 человек и еще 9700 в сентябре. Затем необходимость в воздушном мосте отпала, поскольку Франко полностью овладел ситуацией на море. Техническим советником при Франко во время действия воздушного моста служил немец капитан Хайнихен.

² Тем не менее для серьезных историков эти слова не кажутся очень убедительными. А что, если бы Франко не получил из-за границы транспортной авиации? Но кто взялся утверждать, что националисты о б я з а т е л ь н о потерпели бы поражение? Кордова могла бы пасть. Но пала бы Севилья? И разве Африканскую армию не удалось бы перебросить на материк каким-то иным образом?

³ Сообщения о «бойне» в Бадахосе первыми поведали миру два французских журналиста Дани и Дерте и португальский репортер Мариу Невиш. Позднее их рассказ опроверг майор Макнейл-Мосс в книге «Легенда о Бадахосе», которому, в свою очередь, убедительно возразил Артур Кестлер в «Испанском завещании». Личное расследование автора в Бадахосе в 1959 году заставило его убедиться в истинности вышеописанной истории. Точное количество убитых на арене, наверное, так никогда и не будет установлено, хотя, скорее, оно ближе к двумстам, чем к двум тысячам — эту цифру назвал мистер Джей Аллен из «Чикаго трибюн». Арена в Бадахосе стала излюбленным местом казней, поскольку она расположена недалеко от главной площади. Некоторые (описывались водостоки на Калье-Сан-Хуан, по которым текла кровь) детали, появившиеся во время падения Бадахоса, оказались ложными. На этой улице просто нет водостоков. Слухи, что силы националистов могли и не входить в город, поскольку Португалия разрешила пройти по ее территории, как оказалось, не имели под собой оснований. Бой шел и в самом кафедральном соборе, о чем автору рассказывали независимые очевидцы.

⁴ Совершенно очевидно, что Ягуэ не пытался предотвратить кровопролитие. Но по приказу Франко он все же запретил маврам кастрировать трупы своих жертв, что было привычным для них военным ритуалом. Но даже и в этом случае немецкий офицер засвидетельствовал Роберту Бразильяку, что видел много тел, с которыми обошлись подобным образом — у некоторых на груди лежало распятие.

Глава 29

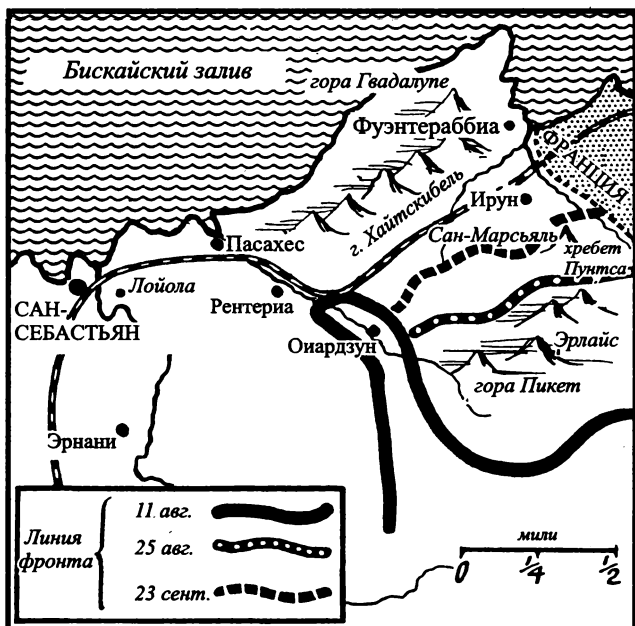
Кампания в Гипускоа. — Бомбардировка Сан-Себастьяна. — Ирун.

Вторая главная кампания августа началась на севере. Целью Мола был захват Сан-Себастьяна и Ируна, чтобы отрезать басков от французской границы на западе Пиренеев. Здесь действовали четыре колонны, состоящие главным образом из уроженцев Наварры. Командование над ними взял их земляк, генерал Сольчага. 11 августа полковник Латорре занял старую баскскую столицу Толосу. В тот же день полковник Беорлеги захватил Пикокет, ключевую горную грядку, перекрывающую подступы к Ируну. 15 августа пал и расположенный неподалеку город Эрлайс. Телесфоро Монсон, аристократ и баскский националист, отправился в Барселону за помощью. Но Женералитат мог выделить только 1000 стволов. Тем временем баски конфисковали все золото в отделении Банка

Испании и других банках Бильбао и морем переправили его в Париж, чтобы закупить оружие.

Мятежники же подвели несколько судов, которые были в их распоряжении, к Сан-Себастьяну и Ируну. Полковник Ортега, недавний сержант-майор карабинеров, командовавший частями в Сан-Себастьяне, пригрозил за каждого горожанина, убитого при обстреле с моря, расстрелять по пять заключенных. А пленников в Сан-Себастьяне было много, и, поскольку этот город считался летней столицей страны, среди них были весьма известные люди. Тем не менее 17 августа корабли мятежников открыли по городу огонь. Население попряталось, но все же четыре человека были убиты и тридцать восемь ранены. Ортега казнил восемь заключенных и пять офицеров-мятежников. Обстрелы с моря продолжались и в последующие дни, но паники среди гражданского населения они уже не вызывали. Ежедневно на Ирун и Сан-Себастьян падали бомбы с итальянских самолетов «капрони». 26 августа начался штурм Ируна. В нем участвовали около 2000 националистов (550 легионеров, 450 карлистов, 440 гражданских гвардейцев и 400 фалангистов), натиск которых отражали примерно 3000 басков и республиканцев. В распоряжении полковника Беорлеги была почти вся артиллерия, переданная ему Молой. Кроме того, у него было несколько легких танков, вооруженных пулеметами, и броневиков, на бортах которых мелом были выведены надписи «Вива Испания». Силы басков подкреплялись французскими и бельгийскими техниками, посланными Французской коммунистической партией¹ и анархистами из Барселоны. Но у басков совершенно не было артиллерии.

Бой проходил под палящим солнцем и так близко от французской границы, что Беорлеги пришлось запретить своим людям стрелять в восточном направлении. День за днем артиллерия мятежников вела огонь, атака следовала за атакой. Позиции басков были разрушены, и их пришлось оставить. Но защитники вернулись и в рукопашных схватках отбили свои позиции обратно. После небольшой заминки снова начался артиллерийский обстрел. Возвышенность Пунтца перед 2 сентября, когда она была окончательно захвачена, артиллерия срыла до основания. Пунтца четырежды переходила из рук в руки. В этот же день наваррцы захватили белоснежные здания монастыря Сан Марсиал на обдуваемом ветрами холме над самым Ируном и таможенный пост в Беобии. Тот был окружен. В рукопашной схватке дрались до последнего человека; мало кому удалось добраться до реки Бидасоа и вплавь перебраться во Францию. Все наблюдатели свидетельствуют, что обе стороны сражались, не думая о личной безопасности, хотя по ночам или во время по-

Карта 12. Кампания в Гипускоа

луденной сиесты огонь прекращался. Противники в это время осыпали друга друга обвинениями в трусости. Многие жители Ируна начали по Международному мосту уходить к дороге на Эндайе. Гонимые слепой паникой, баженцы с детьми и жалким домашним скарбом спешили к границе пешком, в инвалидных колясках и верхом, на машинах и повозках, неся с собой домашних животных и гоня скот. Хотя жены еще кормили милиционеров, те уговаривали их бежать. Наконец остался один арьергард, которому, в сущности, уже нечего было оборонять. 3 сентября 1936 года 1500 солдат Беорлеги взяли Ирун. За штурмом наблюдали толпы зрителей с французского берега Бидасоа. К двум часам ночи была взята пограничная деревушка Беобия. Многие из защитников Ируна, включая его администрацию, еще до восхода солнца перебрались во Францию. Последними уходили анархисты во главе со своими соратниками из Барселоны, французы и бельгийцы. Они подожгли несколько кварталов Ируна и успели расстрелять часть заключенных в форте Гвадалупе у Фуэнтеррабии. После чего бежали, оставив остальных пленников радостно встречать Беорлеги, когда на следующий

день тот вошел в горящий разрушенный город. В последнем бою на Международном мосту против группы французских коммунистов, вооруженных пулеметами, Беорлеги получил смертельную рану в ногу. Что же до беженцев, которые хотели продолжать борьбу, то 560 человек, включая французов и бельгийцев, на поезде добрались до Барселоны, где вступили в арагонскую колонну. Остальные оказались в лагерях беженцев во Франции.

Примечание

¹ По его собственному признанию, сделанному 16 марта 1939 года, в Ируне был лидер Французской коммунистической партии, бывший руководитель интербригад Андре Марти.

Глава 30

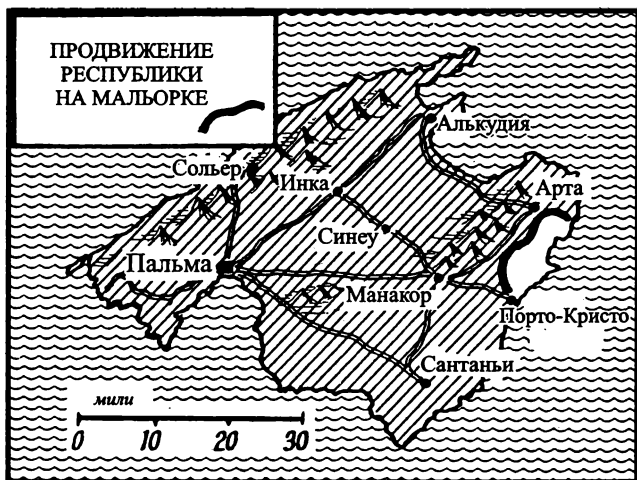
Генерал Варела в Андалузии. — Генерал Мьяха на Кордовском фронте. — Кампания на Мальорке. — Казармы Симанкас. — Аранда удерживает Овьедо. — Москардо продолжает держаться в Алькасаре. — Воздушный налет на Мадрид.

Кроме двух своих главных стратегических вылазок на юге Испании, в августе националисты предприняли несколько попыток установить связь между Севильей, Кордовой, Гранадой, Кадисом и Альхесирасом. Генерал Варела, энергичный и амбициозный сын сержант-майора, бывший инструктор карлистов, с «табором» марокканцев пошел на Гранаду. Провинция Малага, пусть и окруженная горами, с севера и запада была открыта возможному наступлению националистов. Тем не менее немедленный штурм Малаги пришлось отменить. Варела получил приказ двинуться на север для защиты позиций националистов у Кордовы, которым с 20 августа угрожало наступление республиканцев под командованием генерала Мьяхи. В ночь с 18-го на 19 июля тот стал военным министром и теперь возглавлял милицию Андалузии, насчитывающую примерно 10 000 человек. Наступление остановилось у самых ворот Кордовы, и, скорее всего, ей предстояло пасть, если бы не появление Варелы со своими марокканцами. Мьяха и его милиция были отброшены, многие милиционеры пускали в ход ружья лишь против тех, кто пытался остановить их бегство. Поражение сил Мьяхи поставило перед правительством вопрос о его преданности делу республики. В Мадриде стали интересоваться, может ли вообще генерал или бывший про-

фессиональный офицер хранить ей верность. Конечно, шпионы действовали повсюду. Например, Мьяха лично слышал по радио Бургоса сообщения о его снятии с командования, еще до официального сообщения.

В августе и республика провела военную кампанию. 9-го числа объединенный экспедиционный отряд Каталонии и Валенсии под командованием капитана военно-воздушных сил Байо на четырех транспортных кораблях в сопровождении линкора, двух эсминцев, подлодки и шести самолетов прибыл в Ибису. Рабочие восстали против пятидесяти солдат местного гарнизона, и остров вернулся под контроль республики. 13 августа в виду западного берега Мальорки появился отряд Байо.

На рассвете 16 августа на берег высадились 2500 человек, которые незамедлительно заняли небольшой городок Порто-Кристо. Хотя высадка прошла успешно, утро так и не принесло окончательной победы. К вечеру на берегу оказалось еще 10 000 человек. Они продвинулись в глубь острова на 10—12 километров. Тем не менее республиканцы сами не ожидали такого успеха, что позволило националистам собрать силы для контратаки. На помощь им прибыла эскадрилья итальянских истребителей, которые гордо называли себя «Драконами смерти», и три бомбардировщика во главе с рыжебородым Арконовальдо Бонаккорси, ярым фашистом, именовавшим себя

Карта 13. Мальорка.
Продвижение республики

графом Росси¹. К тому же выяснилось, что республиканские бомбардировщики не в силах добраться до острова и разбомбить Пальму. Из Африки прибыл отряд Иностранного легиона. Контрнаступление националистов, которыми командовал полковник Гарсиа Руис, началось 3 сентября. Каталонский экспедиционный корпус отступил к своим кораблям. Пляжи были покрыты трупами, но многим милиционерам удалось скрыться с поля боя, побросав почти все оружие. Часть раненых, расквартированных в монастыре, была расстреляна прямо под образом Богородицы, но несколькими заключенным удалось спастись от казни. Так что экспедиция завершилась бесславным концом, хотя барселонское радио сообщило: «После блистательной победы с Мальорки вернулась героическая каталонская колонна. Во время высадки не пострадал ни один человек, что объясняется удивительным тактическим мастерством капитана Байо, высокой моралью и дисциплиной наших непобедимых милиционеров». Тем не менее Мальорка несколько месяцев оставалась феодальным поместьем «графа Росси», который в черной фашистской униформе, с белым крестом на шее, в красной гоночной машине с шумом носился по острову в компании вооруженного фалангистского капеллана. Именно тогда размах убийств рабочих Мальорки достиг своего пика.

Тем временем в Астурии, в Хихоне и Овьедо весь август продолжались бои у казарм Симанкас. Когда кольцо осады у Хихона поредело, астурийские шахтеры смогли собрать все силы у Овьедо. Но полковник Аранда не решался оставить город, который занял с такой легкостью. Осада Хихона осложнялась постоянными обстрелами артиллерии с крейсера. В то же время 180 защитников города внимали успокаивающим передачам радио из Лиссабона, из Ла-Коруньи и Севильи с ложными сообщениями о том, что к ним уже идет подмога. Запасы воды в стенах города подходили к концу, и, слушая ночные передачи из Севильи генерала Кейпо де Льяно, который попивал хорошее вино, осажденные едва ли не сходили с ума. Тем не менее они не сдавались. Как и в Толедо, милиционеры взяли в плен двух сыновей полковника Пинильи и надеялись принудить к сдаче этого фанатичного офицера. Тот отказался капитулировать, и оба сына были расстреляны. Наконец шахтеры, пушту на штурм казарм. Пинилья приказал драться до последнего. 16 августа этот незаурядный командир послал по радио сообщение на борт военного корабля националистов: «Дальше обороняться невозможно. Казармы горят, и враг начинает занимать их. Вызываем огонь на себя!» Приказ был

выполнен, и последние защитники казарм Симанкаса погибли под обстрелом. Затем шахтеры снова подошли к Овьедо. У засевшего в городе Аранды не хватало боеприпасов, но и у шахтеров оставался только их убийственный динамит. Так что никто не предпринимал никаких действий. Аранда должен был оборонять город, окруженный врагами, имея в своем распоряжении всего 3000 человек. Оборона в немалой степени держалась на его неизменном мужестве.

В Толедо с перерывами продолжались военные действия. Соппротивление Алькасара выводило из себя осаждавших его милиционеров. Весь август шла ружейная перестрелка с обеих сторон. Хорошо подготовленные и укрытые стенами защитники вели прицельный огонь, и милиция не делала попыток пойти на штурм, чтобы положить конец осаде. Через мегафоны обе стороны обменивались оскорблениями и хвастливыми заявлениями. Бомбы, которые от случая к случаю падали на Алькасар, не оказывали никакого воздействия на защитников древней крепости, которая была надежно укреплена еще в начале столетия, когда генерал Франко учился в ее пехотной школе. Сплошь католическое население, обитавшее в этом районе, заставляло осаждающих постоянно опасаться измены. А тем временем гражданские власти старались защитить несравненные произведения искусства в толедских церквях и музее Эль Греко. Хотя у защитников Алькасара боеприпасов было в избытке, надежд на скорое освобождение у них не оставалось. Они были полностью отрезаны от внешнего мира и не имели представления, что делается в остальной Испании. У них не было электричества, а вместо соли в ход шла штука-турка со стен. Тем не менее осажденные вели себя с удивительным мужеством. Проводились парады, и единственного оставшегося в крепости породистого жеребца берегли на племя. В подвалах крепости состоялась фиеста в честь Успения, с танцами фламенко под кастаньеты. 17 августа над крепостью пролетел самолет националистов, который сбросил ободряющее послание от Франко и Мола и, что было важнее всего, новости. 4 сентября пал город Талавера-де-ла-Рейна, в семидесяти километрах от крепости на берегу Тахо².

Приблизившись к Мадриду, националисты стали действовать более решительно. 23 августа подвергся бомбардировке аэропорт Хетафе, расположенный недалеко от города, а 25 августа бомбы упали на другой аэропорт, Куатро-Вьентос, что был еще ближе к Мадриду. 27-го и 28 августа сам Мадрид пережил воздушный налет. Фелькер, сотрудник немецкого посольства, сообщил, что налет 27 августа осуществили три «Юнкерса-52». Он попросил Берлин, чтобы, пока осуществ-

ляются регулярные рейсы «Люфтганзы», «юнкерсы» не совершали налетов на Мадрид. Тем не менее 29 августа ему пришлось снова обратиться с жалобой. «Юнкерс-52» сбросил четыре тяжелые бомбы на военное министерство, причинив зданию серьезные разрушения. Погибло четыре человека. Это вызвало в Мадриде резкие антинемецкие настроения. Фелькер предупредил, что посольству Германии и немецкой колонии придется оставить город³.

Примечания

¹ Есть основания предполагать, что прибытие первых итальянцев на Мальорку прямо финансировалось Хуаном Марчем, который появился в Риме в конце июля.

² Кроме того, в Алькасаре было получено следующее сообщение от «молодой женщины из Бургоса»: «Героический эпос, который ваше мужество в честь Бога и Испании написало на стенах нашего знаменитого Алькасара, навсегда останется гордостью испанского рыцарства. Благородные кадеты, мы, сеньориты, полны радости и надежды и, как и вы, ждем величественного рассвета Новой Испании». Все были уверены, что Алькасар обороняют только кадеты.

³ Налеты привели к тому, что во всех кварталах Мадрида были созданы домовые комитеты. Дежурные, услышав сигналы сирен, заставляли всех спускаться в подвалы. В комитеты поступали также распоряжения правительства о сохранности домов и о защите против мародеров. За этим последовало создание специальных полицейских сил, возглавляемых социалистами и коммунистами. Местные отделения коммунистической партии организовали рабочие группы, которые закрывали синим уличными фонари и следили за светомаскировкой. Но в это время года обеспечить ее было нелегко, так как при закрытых занавесях в помещениях становилось нестерпимо жарко. Жители получали указания не оставаться в комнатах, выходящих на улицы, а находиться со свечами во внутренних помещениях. Это стало обычным для жителей стран Западной Европы во время Второй мировой войны. Эти налеты на Мадрид стали первыми воздушными ударами такого рода.

Глава 31

Дипломатические битвы августа 1936 года. — На пути к пакту о невмешательстве. — США держатся в стороне. — Уловки Италии. — Хитрости Сталина. — Розенберг в Мадриде и его миссия. — Отношение Германии. — Комитет мистера Идена.

На военном поприще дела у республики складывались не лучшим образом, и дипломатические события августа стали сигналом к отступлению. 3 августа Шамбрэн, французский посол в Риме, представил Чиано план его правительства по

введению политики невмешательства. Чиано пообещал внимательно изучить его. Британия, едва только появилась эта идея, одобрила ее в принципе. В тот же день немецкий крейсер «Германия» бросил якорь в Сеуте. Адмирал уединился за ленчем с Франко, Лангенхаймом, Бернхардтом и Бейтбедером. Эскорт фалангистов приветствовал их криками: «Хайль Гитлер!» На следующий день, 4 августа, Франсуа-Понсэ, французский посол в Берлине, передал план о невмешательстве Нейрату, который ответил, что Германия не испытывает необходимости в таких декларациях. Тем не менее он был готов обсудить вопрос, с тем чтобы Гражданская война в Испании не распространилась по всей Европе. Предполагалось, что участницей этих переговоров будет и Россия. Нейрат добавил, что ему известно о поставках французских самолетов республиканцам. Франсуа-Понсэ ответил, что и немцы точно так же снабжают националистов. В Москве французский посол сделал аналогичное предложение советскому правительству. 6 августа Чиано, проконсультировавшись с Хасселем, немецким послом в Риме, сказал, что Италия в принципе согласна с французским планом. Но он уточнил о необходимости «проверить все собранные средства» с обеих сторон, создать план включения в эту схему всех стран и установить надежный контроль. В тот же день советская газета «Правда» сообщила, что рабочие уже собрали 12 145 000 рублей в помощь Испании. Но само советское правительство, как и итальянское, согласившись с французским планом невмешательства «в принципе», попросило Португалию присоединиться к группе государств, поддерживающих план, и потребовало, чтобы «некоторые государства» — то есть Германия и Италия — немедленно прекратили оказывать мятежникам помощь. Тем не менее 7 августа Франсуа-Понсэ вернулся на Вильгельмштрассе (а Шамбрэн в Палаццо Киджи) с наброском декларации о невмешательстве, уже одобренной Британией, Бельгией, Голландией, Польшей, Чехословакией и Россией, которая запрещала прямые или косвенные поставки военных материалов и самолетов. Нейрат сказал, что это будет трудно осуществить без введения блокады. В тот же день в Лиссабоне послы Англии и Франции попросили Монтейру, португальского министра иностранных дел, присоединиться к пакту о невмешательстве. Тот, как и Чиано, пообещал.

Все это время французская граница была открыта для поставок помощи республике. Но 8 августа французский кабинет министров изменил свою политику. Коммюнике сообщало, что с 9 августа приостанавливается весь экспорт в Испанию военных материалов. Объяснялось, что такой подход отвечает «практи-

чески единодушному одобрению», полученному в ответ на предложенную правительством идею невмешательства. На деле же за день до коммюнике сэра Джордж Клерк, английский посол, выдвинул Дельбосу едва ли не ультиматум. Если Франция не прекратит поставки военного снаряжения в Испанию, из-за чего может последовать война с Германией, Англия будет считать себя свободной от обязательства оказать помощь Франции, как оговорено в Локарнском договоре. К тому же адмирал Дарлан вернулся из Лондона с плохими вестями. Он виделся со своим старым другом адмиралом лордом Чатфилдом, который сказал, что нет никакого смысла искать неофициальные подходы к правительству через сэра Мориса Хэнки и Франко — хороший патриот Испании. Кроме того, Адмиралтейство было «неприятно поражено» сообщениями об убийствах испанских морских офицеров. Дарлан сообщил, что Англия ни в коем случае не будет содействовать французской помощи республике. Опасения вступить в конфликт с Англией и были той причиной, по которой французский кабинет министров решил изменить свое решение. Блюм горько сожалел об этом отступлении. Он был на грани решения подать в отставку, но Ориоль и Фернандо де лос Риос (с помощью Хименеса де Асуа он исполнял обязанности испанского посла в Париже) убедили его не делать этого. Ведь в любом случае для республики будет лучше иметь расположенное к нему, чем враждебное правительство¹. 9 августа Блюм, несмотря ни на что, был восторженно встречен огромной митингующей толпой на Сен-Клу, которая скандировала: «Оружие для Испании!», а самолеты выписывали дымом слово «Мир» в синем летнем небе воскресного дня. И социалистические и коммунистические лидеры французских профсоюзов поддерживали ту политику, которую требовал народ. И социалист Жуо, и Торез (как и английские коммунисты) как один заявили, что «для сознательных рабочих не может быть нейтралитета». Как только поставки оружия были запрещены, тут же начался сбор средств для приобретения одежды, продуктов и медикаментов в помощь республике. На деле французские самолеты продолжали поступать в Испанию через те страны, которые не участвовали в политике невмешательства. И все то время, пока Пьер Ко продолжал оставаться министром авиации (до июня 1937 года), ремонтные мастерские во французских аэропортах обслуживали республиканские самолеты. Эти нарушения политики невмешательства официально объяснялись «навигационными ошибками».

Пока Блюм выступал на Сен-Клу, советник немецкого посольства в Лондоне вкрадчиво заверял Форин Офис; что «из Германии не поступают и не будут поступать никакие воен-

ные материалы». Тем не менее в тот же день американский консул в Севилье отметил прибытие десяти новых бомбардировщиков «савоя» из Италии, восемнадцати немецких «юнкерсов», шести истребителей и шести зениток — вместе с двадцатью итальянскими летчиками и тридцатью немецкими. Германский консул в Севилье предупредил Вильгельмштрассе, что эти немцы не должны появляться на улицах в военной форме, поскольку их немедленно узнавали и встречали «шумными овациями». Один «юнкерс» совершил вынужденную посадку на территории республики, где его тут же задержали вместе с экипажем. На следующий день немецкий посланник в Мадриде Швендеман, получив инструкцию из Берлина, потребовал его немедленного освобождения. Испанское правительство ответило отказом. 12 августа Нейрат заявил Франсуа-Понсэ, что, пока испанцы не освободят самолет («обыкновенная транспортная машина»), Германия не станет придерживаться условий пакта о невмешательстве. 13 августа Португалия в принципе одобрила политику невмешательства, особо оговорив для себя свободу действий, если расширение войны представит угрозу для ее границ.

Правительству Соединенных Штатов тоже пришлось определить свое отношение к испанской войне. 5 августа государственный секретарь Корделл Холл довел до всеобщего сведения (хотя без публичного оповещения), что американское правительство одобряет жесткую политику невмешательства. 10 августа авиационная фирма «Гленн Мартин компани» осведомилась, как правительство отнесется к продаже восьми бомбардировщиков республике. Государственный секретарь ответил, что «эта сделка не соответствует духу правительственной политики». Затем госдепартамент проинструктировал Боуэрс, американского посла в Испании: ему надлежит отказаться даже от предложения о посредничестве, с которым к дипломатическому корпусу в Сен-Жан-де-Люс обратился посол Аргентины. 20 августа правительство США не приняло и предложение Уругвая о посредничестве государств Америки². А тем временем Мексика, единственная из всех государств мира, начала открыто поставлять оружие республиканцам. В начале сентября президент Карденас публично заявил, что он уже отправил 20 000 семимиллиметровых ружей и 20 миллионов патронов испанскому правительству.

Франция и Англия продолжали добиваться введения политики невмешательства. 15 августа, после того как поступили новости о полете английского самолета из Кройдона в националистскую Испанию, Британия запретила экспорт военных материалов в Испанию. 17 августа Нейрат вручил ноту Фран-

суа-Понсэ, в которой требовал посодействовать освобождению «юнкерса». Кроме того, все государства, имеющие военную промышленность, должны были взять на себя сходные обязательства прекратить военные поставки в Испанию; Нейрат предложил, что такое запрещение должно распространяться и на участие добровольцев. Чиано тоже обратил внимание Шамбрэна, французского посла в Риме, на этот последний пункт, но пообещал, что еще до рассмотрения этого вопроса и проблемы с фондами Италия запретит экспорт оружия. Такая внезапная перемена политики удивила француза. Она была бы весьма желательна, пусть даже немецкий посол в Риме дал понять, что «оповещать об этом мы не будем». 20 августа Вельчек сообщил в Берлин, что дальнейшая затяжка с соглашением о невмешательстве плохо скажется на положении мятежников, ибо в таком случае Блюм будет вынужден оказать неограниченную помощь испанскому правительству. А вот адмирал Редер на следующий день письменно предложил Гитлеру альтернативу: или Германия, пусть даже рискуя войной, оказывает Франко куда более масштабную помощь, чем сейчас, тем самими готовя немецкую армию к мировому конфликту, — или устраняется и предоставляет националистов их собственной судьбе. Нейрат же продолжал уламывать Гитлера согласиться с политикой невмешательства. Было совершенно ясно, что поток людей и военного снаряжения не только продолжается, но и возрастает. 24 августа, хотя в Мадриде пока так и не решили судьбу «юнкерса», Германия подписала декларацию, предложенную Францией³.

Советский Союз возражал против этих переговоров в той же мере, как и Германия, но не больше. Мотивы Сталина, заставлявшие его присоединиться к соглашению о невмешательстве, заключались главным образом в желании вступить в альянс с Францией и Англией. Он хотел принять участие в дискуссии великих держав. 23 августа Россия приняла соглашение о невмешательстве, а 28 августа Сталин издал указ, запрещающий экспорт военного снаряжения в Испанию, что поставило Советский Союз вровень с другими державами. Во время этих переговоров чиновники советского Министерства иностранных дел действовали с куда большей неуверенностью, чем обычно. Литвинову пришлось растолковывать Сталину все тонкости текста. Газета «Известия» буквально вылезала из кожи вон, заявляя, что, хотя «нейтралитет — это не наша идея» и он представляет собой «полное отступление перед фашистскими правительствами», Советы приняли его, поскольку «французская декларация ставит цель положить конец фашистской помощи мятежникам». Перед советской

политикой стояла дилемма — ублажить Францию, не отказываясь от идеи мировой революции. Никогда ее решение не было столь трудным. Но медлительность Сталина объяснялась еще и тем, что в данный момент он был занят первым процессом над группой старых большевиков, который начался 19 августа: Каменев был приговорен к смерти 23 августа, а несколько дней спустя и Зиновьев. В эти дни Сталин меньше всего думал об Испании.

Тем не менее в то время, когда советское правительство присоединилось к соглашению о невмешательстве, дипломатические отношения между Испанией и СССР установились и по форме и по сути⁴. 25 августа в Барселону прибыл генеральный консул СССР Антонов-Овсеенко, старый революционер, который в 1917 году командовал отрядами Красной гвардии, взявшими Зимний дворец, а потом был членом первого большевистского правительства в России. Последние годы он был в опале как последователь Троцкого. Опытный российский дипломат Марсель Розенберг, бывший заместитель секретаря Лиги Наций, 27 августа в Мадриде представил свои верительные грамоты посла. Розенберг привез с собой большой штат сотрудников, включая генерала Берзина, в недавнем прошлом возглавлявшего советскую военную разведку, частого собутыльника Ворошилова. В Испании Берзина чаще всего называли Горевым. В шестнадцатилетнем возрасте он участвовал в партизанских действиях во время революции 1905 года. Раненым был взят в плен, приговорен к смертной казни, но потом из-за молодости сослан на вечное поселение в Сибирь. Сбежав оттуда, Берзин продолжил свою революционную деятельность, вступив в 1917 году в Красную армию. Это был высокий седовласый человек, которого порой по ошибке принимали за англичанина⁵. Помощником Антонова-Овсеенко по коммерческой части стал Артур Сташевский. Поляк, невысокий и плотный, он производил впечатление обычного бизнесмена. Сташевский также служил в Красной армии. Позже он принял активное участие в реорганизации советской торговли мехами, посещал Америку. Эти советские граждане теперь присоединились к группе иностранных коммунистов, уже перебравшихся в Испанию, таких, как Карлос Контрерас и Кодовилья. Дата прибытия русских в Мадрид свидетельствует о том, что двойное отношение к испанским событиям, выраженное в «Известиях», отражало двойственную политику Сталина, который, как всегда, старался обернуть события к собственной выгоде. Штаб-квартира советской миссии в Мадриде расположилась в тихом отеле «Гейлорд» между Прадо и парком Ретиро⁶.

Советское правительство сделало еще один противоречивый шаг. Коминтерн был призван заняться поставками гуманитарной помощи республике. С этой целью по всему миру было создано множество структур. Многие из них носили чисто демократический характер, но часто на деле ими из-за кулис руководили члены коммунистической партии. И похоже, что, пока советское правительство воздерживалось от прямой помощи республике, присматриваясь, как будет действовать пакт о невмешательстве, Коминтерн, подчиняясь его указаниям, стал организацией поставок оружия. По мнению генерала Вальтера Кривицкого, который в то время из Гааги руководил сетью советской военной разведки в Западной Европе, это решение было принято 31 августа в Москве как результат переговоров с делегацией республики, которая предложила «большое количество золота». Может, это произошло и несколько раньше, но во всяком случае тут кроется объяснение столь большому штату помощников Розенберга, прибывших с ним в Мадрид, поскольку советское правительство не хотело открыто посылать «русских» в Испанию. Кривицкий подтверждал, что 2 сентября он получил инструкции мобилизовать все возможности для поставок оружия в Испанию из Западной Европы⁷.

Двойственное поведение Советов соответствовало такой же ситуации в Германии. 25 августа, на другой день после того, как Германия подписала соглашение о невмешательстве, военный министр фельдмаршал Бломберг пригласил к себе полковника Варлимонта. «Гитлер, — сказал Бломберг, — принял решение помогать Франко». Немецкий контингент, отправляющийся в Испанию, предстояло возглавить Варлимонту. 26 августа Варлимонт и Канарис нанесли визит генералу Роатте, главе итальянской военной разведки, и обменялись идеями относительно будущих действий в Испании. Затем Варлимонт под фамилией Вальтерсдорфа на итальянском крейсере отправился в Тетуан. Немецкий самолет доставил его и Роатту сначала в Севилью, где они переговорили с генералом Кейпо де Льяно, а потом в Касерес, на встречу с Франко. Таким образом, Варлимонт приступил к выполнению своих обязанностей. Пока правительственные круги разных стран словесно выражали свое уважение политике невмешательства, мистер Иден принял итальянское предложение о создании комиссии для контроля над ее работой. После обсуждения, какой властью она будет обладать, был создан Комитет по невмешательству. Под председательством сэра Эдварда Грея, известного еще с времен Балканских войн, в него должны были входить опытные послы, а проводить заседания комитета намечалось в Форин Офис в Лондоне. Первую встре-

чу предполагалось провести 9 сентября. Так родился на свет Комитет по невмешательству, который от уклончивости и двусмысленности перешел к унижительному лицемерию, длившемуся все время Гражданской войны в Испании⁸.

Примечания

¹ Де лос Риос убедил Блюма горячим и красноречивым описанием юных милиционеров, которые в горах дерутся с фашизмом. Блюм закрыл лицо руками и заплакал. Де лос Риос сделал то же самое. Этим и закончилась беседа.

² Для Америки первым «инцидентом», связанным с Гражданской войной, стала случайная бомбардировка (националистами) парохода США «Кейн», который шел из Гибралтара в Бильбао, чтобы эвакуировать оттуда американских граждан. Пароход не пострадал. Затем последовали уклончивые извинения от Франко.

³ Экипаж «юнкерса» уже был освобожден. Сам самолет уничтожен во время воздушного налета националистов.

⁴ Республика давно собиралась установить с СССР дипломатические отношения, но этому помешали выборы 1933 года, когда в кортесах взяло верх правое большинство. Обмен послами планировался еще с февраля 1936 года, но произошел он только сейчас.

⁵ Под псевдонимом Старик Берзин, как глава разведки, появляется в книге Уиттекера Чамберса «Свидетель». Американские коммунисты ошибочно предполагали, что Старик оказался в Испании, чтобы избежать ликвидации. Это случилось в 1937 году.

⁶ Чтобы представить себе удивительную картину жизни в этом отеле в период от августа 1936 года до марта-апреля 1937-го, стоит прочитать 18-ю главу романа «По ком звонит колокол» — может быть, лучший репортаж, когда-либо написанный Хемингуэем.

⁷ Свидетельства Кривицкого следует считать сомнительными, если вообще не подделанными. Позже он скрылся в Америке, отказавшись от службы своим хозяевам, и в 1941 году скончался в гостинице в Вашингтоне. Не исключено, что Кривицкий был убит. Его книга и статьи в «Сатердей ивнинг пост», которая ее распространяла, скорее всего, частично написаны известным американским советологом, о котором бытует мнение, что он помогал Кривицкому писать отчеты для ФБР. Нет сомнения, что ФБР подправляла данные исходя из своих оценок. Кривицкий конечно же ошибается, предполагая, когда именно советское правительство решило поставлять в Испанию оружие отечественного производства. Все другие данные свидетельствуют, что этого не происходило вплоть до конца октября. Кроме того, Кривицкий не входил в число лиц, которых непосредственно ставили в известность о решении такого рода, хотя в Коминтерне к нему относились с уважением.

⁸ Несмотря на британскую политику невмешательства, Форин Офис дал указание английскому посольству в Мадриде предоставлять убежище испанским беженцам от «красного террора», и буквально через несколько недель в распоряжении посольства уже оказалось семь зданий. В течение всей войны иностранные посольства в Мадриде предоставляли укрытие для нескольких тысяч испанцев из среднего и высшего класса. Часть из них были активными членами «пя-

той колонны», другие просто испуганы войной; все страдали от голода, холода и недостатка свежего воздуха. В ходе войны многих из них обменяли на республиканцев, оказавшихся в руках националистов.

Глава 32

Поражения республиканцев и их причины. — Бойня в Образцовой тюрьме. — Падение правительства Хиралья. — Ларго Кабальеро формирует свое министерство.

Начало сентября было ознаменовано поражениями испанского правительства на всех фронтах. Ягуэ занял Талаверу, Ирун — Беорлеги, который угрожал Сан-Себастьяну; десант на Мальорку потерпел полный крах; Сарагоса, Уэска, Овьедо и Алькоатрас продолжали оставаться в руках мятежников; на юге были потеряны большая часть Андалузии и почти вся Эстремадура. Основным объяснением успехов националистов были мощь и опыт хорошо вооруженной Африканской армии. Страсть и безрассудная отвага помогали одержать верх в уличных боях, но, естественно, не могли противостоять опыту легионеров и регулярной гвардии. Самые смелые милиционеры были не в силах скрыть страха перед доселе неизвестным потрясением от воздушных бомбардировок. Те, которые каждую неделю перед войной так гордо маршировали по Кадельяне, никогда не знали, что такое падающие бомбы. Всего два бомбардировщика, половина бомб которых не взрывалась, а другая половина не причиняла урона, могли вызвать всеобщее бегство с позиций. Политические пристрастия сказывались даже на тактике военных действий. На талаверском фронте большие надежды возлагались на бронепоезд, это любимое детище Гражданской войны в России. Но при всем уважении, которое к нему питал Троцкий, в Испании бронепоезд оказался бесполезным. Тем не менее испанские офицеры республики постоянно обращались к опыту Гражданской войны в России, пытаясь решать собственные проблемы, связанные с руководством крупными воинскими соединениями¹. Беды подстерегали их не только на линии фронта. Военное министерство не смогло организовать действенного контроля, у него не было эффективного центрального штаба, и переброски различных групп милиционеров сталкивались с бесконечными бюрократическими проволочками. Не было возможностей практиковаться в стрельбе, да и самих ружей для такой подготовки не имелось. Некоторые политические партии придерживали часть вооружения для

возможного использования против своих сегодняшних друзей. Так, считалось, что в распоряжении CNT в Мадриде в их штаб-квартире хранятся 5000 ружей. Все меньше становилось продуктов — не только из-за потери Кастилии, но и из-за чудовищно огромных поставок на фронт.

Влияние поражений вкупе с неудачами Хираля получить оружие у двух буржуазных демократий привело к требованию сменить военное руководство республиканцев. В Мадриде эти пожелания неотступно высказывали самые экстремистские члены UGT — группа, сплотившаяся вокруг Ларго Кабальеро, подлинного короля Мадрида. Каждодневно он и Альварес дель Вайо посещали фронт в Сьерре, где выступали с речами. Милиция приветствовала их. Тем не менее они хотели не просто войти в правительство, а доминировать в нем. Даже Прието жаловался, что чтение социалистических газет заставляет мрачнеть министерство внутренних дел. Сам Прието неустанно работал, помогая министерствам, хотя даже и не был министром. Итальянский социалист Пьетро Ненни, прибыв в Мадрид в начале августа, так описал облик Прието: «В рубашке с короткими рукавами, он проявлял бурную активность. Прието никого собой не представляет; он не министр; он депутат парламента, прервавшего свои заседания. Но в то же время Прието все и вся — он координирует и оживляет деятельность правительства». Прието не желал, чтобы его партия взяла на себя руководство. Он считал возможным добиться от Англии и Франции помощи республике путем создания правительства среднего класса. И без сомнения, Прието не хотел помощи от Ларго Кабальеро. Он предложил, чтобы министры-социалисты просто «руководили» правительством Хираля, как делал он сам. Коммунисты поддерживали эту политику. Ларго Кабальеро критиковал предложение Прието за его неспособность провести чистку администрации или установить контроль над экономикой. Для социалистов, считал он, это будет такой же компромисс, как в 1931-м и 1933 годах, когда они вошли в правительство Асаньи. В сущности, Ларго хотел сам возглавить правительство.

К тому времени политических заключенных, которые оказались в руках республики, постигла самая разная судьба. В Барселоне генералы Годед и Фернандес Буррьель были судимы и расстреляны. Защищал двух генералов, которые держались с бесстрастным достоинством, адвокат-пенсионер. Против них свидетельствовали генерал Льяно де Энкомьенда (он потерял сына, который сражался вместе с милицией в Гвадарраме) и генерал гражданской гвардии Арангурэн. Еще два мятежника были расстреляны за участие в военном бун-

те в крепости. Либеральные члены республиканского правительства лишь с большой неохотой согласились на смертный приговор. Через несколько дней по приговору военного суда были расстреляны генерал Фанхуль и полковник Кинто, который в последний момент женился на доселе незнакомой ему женщине.

23 августа в Образцовой тюрьме в Мадриде вспыхнул пожар. Были ли его причиной подожженные матрасы, с которыми 3000 заключенных атаковали свою охрану, или же это оказалось делом рук обыкновенных заключенных, в камерах которых милиционеры CNT искали оружие? Подлинную причину пожара, скорее всего, так никогда и не удастся выяснить. Но новость, что в тюрьме восстали политические заключенные, во всех подробностях распространилась по городу одновременно с сообщениями о Бадахосе, чему цензура не смогла помешать. Вокруг тюрьмы собралась толпа, возглавляемая милиционерами, приехавшими на побывку. Они требовали взять тюрьму штурмом и перебить всех политических заключенных. Для наведения порядка спешно прибыли политики-социалисты. Но милиционеры отказывались их слушать. Сорок заключенных были расстреляны тут же во дворе тюрьмы. Их мертвые тела таскали по мощеным плитам, чтобы устрашить оставшихся в живых. После угроз, что будут перебиты все заключенные, самых известных из них вместе с тридцатью другими пленниками расстреляли. Среди казненных были Мелькиадес Альварес и Мартинес де Веласко; популярные правые политики Фернандо Примо де Ривера, брат Хосе Антонио; Руис де Альда; его ближайший друг, доктор Альбиньяна, лидер партии националистов и генерал Вильегас, который в свое время возглавлял мятеж в казармах Монтанья. Удивительно, что во время казней в тюрьме бывшему лидеру молодежного крыла CEDA Серрано Суньеру, фалангисту Фернандесу Куэсте и карлистскому заговорщику Антонио Лисарсе удалось спастись.

После всех этих ужасных событий министерство юстиции сделало первый шаг к нормализации обстановки. Им стало создание народных трибуналов, которым предстояло восполнить пробелы, образовавшиеся после развала судебной системы и убийств или бегства профессиональных юристов. В каждой провинции республиканской Испании эти трибуналы приобрели несколько иной характер. Тем не менее в целом их составляли 14 делегатов от Народного фронта и CNT плюс три члена от прежней юстиции. Лицам, которые представляли перед такими трибуналами, позволялось прибегать к примитивной форме защиты (хотя фалангистов безоговорочно пригово-

ривали к расстрелу, так же как и членов СЕДА и тех, кто собирал для них средства). Например, врачам, которых обвиняли в нежелании возвращать долг, удавалось опровергнуть обвинение и добиться осуждения своих обвинителей. Некоему скромному торговцу лишь в последний момент удалось спастись от обвинения в шипонаже со стороны своего должника². Все же «самодеятельные» казни продолжались, хотя их размах спадал. Например, два брата, герцоги Верагуа и де ла Вега, потомки Колумба, были расстреляны милиционерами лишь потому, что те опасались оправдания братьев Народным трибуналом. В конце августа правительство предписало гражданам закрывать двери в одиннадцать вечера, избегать вечерних прогулок, проинструктировать консьержей никого не пускать в дом и тут же звонить в полицию, если «громкий стук в дверь даст понять, что хочет войти милиция». Эти меры практически положили конец незаконным убийствам и расстрелам.

4 сентября Асанья неохотно принял отставку Хиралья с поста премьера. Реальнее всего его пост должен был достаться Ларго Кабальеро, но тот отказался принимать его без участия коммунистов. (Он пригласил к единению анархистов; те отказались.) До сих пор ни одна коммунистическая партия не входила в правительство стран Запада. Центральный комитет Испанской коммунистической партии не пошел на объединение сил, поскольку опасался скомпрометировать себя антикоммунистической политикой правительства. Все же Москва дала указание войти в правительство, и Ларго Кабальеро сформировал его на базе сотрудничества с коммунистами. Последние объяснили свои действия тем, что Гражданская война требует единства в борьбе против фашизма и основные цели пролетарской революции уже достигнуты. Эрнандес, редактор «Мундо обреро», стал министром образования, а Урибе, теоретик марксизма, — министром сельского хозяйства. В состав кабинета вошли шестеро социалистов, включая Прието как министра военно-морских сил и авиации и Альвареса дель Вайо, который стал министром иностранных дел. Хуан Негрин, социалист, не имевший тесных политических контактов, получил пост министра финансов. Он был профессором физиологии в Мадридском университете и пользовался уважением у администрации вуза. Удовлетворили и настойчивое желание Аракистайна — он был назначен послом в Париже³. Кабинет дополнили и двумя членами Республиканской левой (включая Хиралья, который получил пост министра без портфеля) и по одному члену от Объединенной республиканской партии и «Эскерры». Ларго Кабальеро взял на себя обязанности военного министра, заменив

Эрнандеса Сарабаи, который окончательно выбился из сил после месяца стратегических импровизаций. Кабальеро поддерживал профессиональный штаб во главе с майором Эстрадой. Полковник Родриго Хиль, артиллерийский офицер старой школы, стал заместителем военного министра. «Правительство Победы», как его окрестили, имело странный характер не только из-за участия коммунистов, но и потому, что Эрнандес, новый министр образования, девятнадцать лет назад был осужден за покушение на убийство нынешнего нового министра военно-морских сил и авиации Индалесио Прието.

Примечания

¹ Большое впечатление на них оказал фильм о Чапаеве, герое Гражданской войны в России. Перед войной в среде испанского рабочего класса он пользовался огромной популярностью. В то время в Мадриде демонстрировался и «Маленький полковник» с Ширли Темпл, и капитан Лидделл-Гарт мог бы гордиться тем воздействием, которое он оказал на тактику. Величайший успех сопутствовал комику Гроучо Марксу, который изображал полковника в «Утином супе». Крепко смахивая на профессионального испанского офицера, он, стоя перед картой, бросал: «Да эту проблему может решить трехлетний ребенок. — И после паузы: — Доставить мне ребенка трех лет!» Милицонерам, приезжавшим на побывку из Сьерры, это очень нравилось.

² Между августом 1936 года и июнем 1937-го перед народными трибуналами предстало не менее 46 004 человек, из которых 1318 было приговорено к смертной казни.

³ Лопес Оливан, посол в Лондоне, который на первых порах, казалось, был верен республике, оставил свой пост и присоединился к националистам. Его заменил Пабло де Аскарате, заместитель генерального секретаря Лиги Наций, который стал первой повсеместно уважаемой личностью, представлявшей интересы республики в самом важном лондонском посольстве. Когда он прибыл в Лондон, маршал дипломатического корпуса, сэр Сидней Клайв, передал Аскарате послание от короля Эдварда VIII. Королю, сообщил сэр Сидни, не понравилась бы очередная смена послов, и, если Франко займет Мадрид и будет признан как реальный правитель Испании, король надеется, что Аскарате сможет остаться на своем посту. Аскарате был хорошо принят лондонским дипломатическим корпусом, как и Ян Масарик из Чехословакии, который отказался принять приглашение «Красного посла», и Гранди, итальянский посол. Риббентроп, который представил свои верительные грамоты на другой день после Аскарате, всегда был с ним корректен. Но перед Аскарате стояла не легкая задача. Фактически он должен был создать посольство заново, поскольку большинство старых сотрудников покинули его. Во время первого визита в Форин Офис Ванситтарт принял Аскарате с подчеркнутой холодностью, отвергнув просьбу разрешить республиканским пилотам тренироваться в Британии.

Глава 33

Националистская Испания в августе. — Флаг националистов. — Большой митинг в Севилье. — Кредит из Техаса. — Перебранка с Германией. — «Молодой генерал».

В первых числах сентября националисты начали пропагандистскую кампанию. Теперь их движение должно было обрести героическое и духовное значение — только оно могло оправдать тяготы войны. Если первые июльские коммюнике и манифесты требовали драконовских мер по соблюдению порядка и обузданию анархии, то теперь в них шла речь о «крестовом походе свободы». Для поддержки военных усилий, сохранения моральных устоев, для оправдания казней надо было все время страстно взывать к духу героического прошлого и при помощи патриотической пропаганды вызывать чувства гражданственности. Республиканцев всех мастей называли не иначе как «красные».

15 августа, на Успение, флаг Испанской республики был заменен монархистским стягом. В ходе торжественной церемонии в Севилье Франко вышел на балкон муниципалитета, осыпал полотнище флага поцелуями, и над толпой, заполнившей площадь, разнесся его голос: «Вот он! Вот он, ваш флаг! Они хотели похитить его у нас!» Кардинал Севильи Илундаин тоже поцеловал флаг. Затем Франко продолжил: «Это наш флаг, тот, кому мы клялись, под которым сотни раз гибли наши отцы, увенчивая его славой». Закончил он свое выступление со слезами на глазах. Следующим взял слово Кейпо де Льяно, пустившись в бессвязные рассуждения о разных флагах, которые имела Испания в разные времена. Наконец он сравнил цвета монархистов с «благородной кровью наших солдат и золотой урожайной почвой Андалузии»¹. Завершил де Льяно свое выступление обычным упоминанием о «марксистском отроде». Во время его речи стоявшие рядом Франко и Мильян Астрай, основатель Иностранного легиона (он вернулся из Аргентины сразу же после начала мятежа), с трудом удерживались от смеха. В заключение Кейпо де Льяно сказал, что лишь обуревавшие его чувства помешали ему произнести речь в полном объеме. Затем выступил Мильян Астрай², который, казалось, потерял больше частей тела, чем у него осталось. У него была лишь одна нога, один глаз и одна рука, на которой осталось лишь несколько пальцев. «Мы не боимся их! — громогласно заявил он. — Пусть приходят и увидят, на что мы способны под этим флагом!» Послышался чей-то голос, крикнувший: «Вива Мильян Астрай!» — «Что это? — за-

орал генерал. — Никаких приветствий в мою честь! Пусть все провозглашают вместе со мной: «Да здравствует смерть! Долой интеллигенцию!» Толпа эхом подхватила этот идиотский лозунг. «А теперь пусть приходят красные! — добавил он. — Смерть им всем!» И он швырнул свою шляпу в толпу, которая разразилась восторженными криками.

Вслед за ним Хосе Мария Пеман, поэт правых взглядов, один из основных литературных апологетов движения, сравнил эту войну с «новой войной за независимость, с новой реконкистой, с новым изгнанием мавров!». Последнее восклицание прозвучало несколько странно в городе, откуда несколько дней назад экспедиция марокканских солдат отправилась на север, чтобы взять Мадрид, в городе, где и основные здания, и генералов даже сейчас охраняли марокканцы. «За нами, — продолжил Пеман, — двадцать веков христианской цивилизации! Мы сражаемся за любовь и за честь, за картины Веласкеса, за комедии Лопе де Веги, за Дон Кихота и за Эскориал!» Переждав восторженные отклики толпы, он добавил: «Мы воюем также и за Пантеон, за Рим, за Европу и за весь мир!» Он закончил свое выступление упоминанием Кейпо де Льяно, которого сравнил со «второй Хиральдой». И хотя, может быть, это последнее сравнение вечно пьяного генерала с величественной мавританской башней рядом с кафедральным собором Севильи и не дошло до толпы, приветствовавшей оратора, он сам легко мог поверить, что его мастерство пропагандиста и самого активного сторонника националистов в испанской Гражданской войне превратило это сомнительное сравнение в чистую правду.

Хотя всего через неделю после начала войны из Германии и Италии стали регулярно поступать военные сводки (и пока никакие вопросы об оплате не оскверняли отношения националистской Испании со своими первыми друзьями), основным занятием генералов стали поиски кредитов для оплаты такого сырья, как нефть, ибо небольшого количества ее, поступавшего с Канарских островов, было явно недостаточно.

Поскольку все запасы испанского золота оказались в руках республиканцев, националистам пришлось начинать войну и без запасов валюты, и без надежд получить кредит из-за границы. Поэтому с самого начала конфликта были предприняты строгие меры, запрещающие вывоз иностранной валюты, а стоимость песеты жестко зафиксировали на довоенном уровне. Эти меры поддерживались ожиданием победы националистов. Немецкое агентство HISMA помогло стабилизировать валюту националистов. Их экономику поддерживала также экспортная торговля рудами из Андалузии и Марокко и доставка сельскохозяйственной продукции из Андалузии и с Канар-

ских островов. К тому же финансисты Европы и Америки не только ждали победы националистов, но и страстно желали ее. Хотя республика с большим старанием оберегала имущество иностранных концернов в Испании, крах иностранных вложений в России был еще слишком свеж в памяти, чтобы его можно было забыть. Так что вопрос с поставками нефти был разрешен при помощи долгосрочного кредита, который без всяких гарантий предоставила Техасская нефтяная компания³.

Однако отношения между испанцами и их немецкими союзниками не всегда складывались гладко. Так, военный руководитель компании HISMA фон Шееле в конце августа поссорился с командующим авиацией националистов генералом Кинделаном. Фон Шееле предположил, что более быстрые французские «бреге», действовавшие в Арагоне, могут одержать верх над немцами, а Кинделан сказал, что в таком случае «хейнкели» должны пилотировать испанцы. Фон Шееле ответил, что испанцам это не под силу. Предмет спора был доложен Франко. Между солдатом фон Шееле и нацистом Бернхардтом тоже шло постоянное соперничество, ибо последний старательно пытался создать впечатление, что Шееле всего лишь служит под его началом, а подлинным представителем Гитлера при Франко является именно он, Бернхардт. Таким образом, на испанской почве соперничали между собой нацистская партия и германская армия. Тем временем авиаконструктор и промышленник Вилли Мессершмитт по возвращении в Германию после визита в Испанию националистов предупредил министерство иностранных дел, что пришло время получить от Франко заверения «о необходимости со стороны Испании в дальнейшем признать экономическое и, может даже, политическое влияние Германии». Он предложил, что должен быть заключен договор о квоте поставок сырья в Германию, который будет действовать определенное количество лет. Бернхардт, обеспокоенный тем, что его оттесняют от Франко, возразил. Позднее Франко, отвергнув совет Бернхардта, все же принял решение начать поставки медной руды в Германию из шахт, номинально принадлежащих английской компании «Рио Тинто», как часть оплаты за военное снаряжение. Немцы отнюдь не были идеологическими союзниками Франко. Капитан «Странк»⁴, высокопоставленный офицер немецкой разведки, позже сетовал, что, по его мнению, политика «серединного пути» Асаньи привлекательнее так называемой «армии спасения» Франко, хотя она предполагает возвращение старого порядка с землевладельцами и сильной церковью.

На этом этапе итальянская помощь ограничивалась лишь поставками самолетов с итальянскими летчиками. Они вступали в армию националистов как члены Иностранного легио-

на. Таким образом, из-за них никаких серьезных споров не возникало.

В течение августа положение Франко у националистов значительно укрепилось. Частично это было результатом успехов Африканской армии, в то время как Мола был занят массой мелких и не столь заметных военных операций. Наверное, частично повлияли и отношения, которые установились у Франко с Германией и Италией. У обеих стран, особенно у первой, сложилось впечатление о перспективности «молодого генерала» и в то же время возможности на него влиять. Они пришли к этому выводу, скорее всего, не оценив уровень влияния, которое оказывала на Франко его жена, ревностная католичка. Она безоговорочно видела в своем муже вождя, призванного Богом для спасения Испании от врагов церкви. Да и сам Франко в силу религиозных причин стал воспринимать себя как крупного политического лидера. Тем не менее к тому времени националистская Испания осталась без единого командования. Мола, Кейпо и Франко встречались несколько раз, но так и не пришли к единому мнению, кто из них станет верховным главнокомандующим. Отсутствие центрального командования становилось все более и более серьезным препятствием, и к концу августа несколько генералов — особенно Кинделан, командующий военно-воздушными силами, — стали обсуждать, как преодолеть эту трудность⁵.

Примечания

¹ В романе Хемингуэя «По ком звонит колокол» Пилар сравнивает республиканский флаг с «кровью, гноем и гранатом», а флаг монархистов называет просто «кровь и гной».

² Некоторое время он соперничал с Кейпо как главный пропагандист националистов. Шесть вечеров подряд страстно говорил о смерти и о чистоте испанских женщин, но слушатели с трудом следили за его мыслями. Позже он руководил пропагандой националистов в Саламанке.

³ Ко времени мятежа на пути в Испанию уже шли пять танкеров техасской компании. Они получили приказ поставить топливо националистам в кредит. Эти поставки продолжались. После введения в действие Акта об эмбарго поступления нефти не прекратились, но теперь считалось, что она предназначена для Франции. За это компания была оштрафована на 22 000 долларов. Правда, это ее не остановило: в 1936 году было поставлено 344 000 тонн нефти, в 1937-м — 420 000, в 1938-м — 478 000 и в 1939 году — 624 000 тонн. Счет был оплачен, и кредит возобновился.

⁴ Скорее всего, это был Кол Функ, позже немецкий военный атташе в националистской Испании.

⁵ 26 августа Франко обосновался во дворце в Касересе, куда перевел свою штаб-квартиру. В прохладной гостиной дома этого жаркого города в Эстремадуре он работал вместе со своими адъютантами и братом Николасом, который был при нем политическим советником. В двух случаях, когда Франко выезжал на фронт к Африканской армии, ему приходилось выскакать из машины и искать укрытия от налетов республиканской авиации.

Глава 34

«Правительство победы». — Полковник Асенсио Торрадо. — Рохо и Алькасар. — Африканская армия отдыхает. — Встречается Комитет по невмешательству. — Новое наступление вдоль Тахо. — Последний штурм Алькасара. — Варела приходит на помощь. — Освобождение Алькасара.

Первым делом «Правительство победы» должно было избежать немедленного поражения. Это было его главной задачей. Тревожила близость фронта по Тахо, и туда навстречу Ягуэ и своему тезке Асенсио из легиона был послан хитрый полковник Асенсио Торрадо, ранее командовавший войсками в Сьерре. К Тахо была переброшена из Арагона колонна итальянских добровольцев, вместе с группой французских волонтеров «Парижская коммуна». Асенсио немедленно пошел штурмом на Талаверу. Хотя его люди сражались отважно и стойко, он не смог перестроиться, чтобы противостоять быстрому контр-наступлению националистов. Как нередко бывало у республиканских командиров, ему пришлось выбирать между отступлением и окружением. За него решили подчиненные. Они хлынули назад, оставив за собой его штаб и много снаряжения. Но националисты не стали сразу же преследовать республиканцев. Семисоткилометровый марш от Севильи утомил даже Африканскую армию. Генеральный штаб националистов понимал, что чем ближе их войска подходят к Мадриду, тем ожесточеннее будет сопротивление. В передышке основные штурмующие колонны перестраивались. Талавера при этом оставалась базой операции против Мадрида. Тем временем свежие, заново экипированные силы под командой полковника Делгадо Серрано стремительно двинулись с севера, впервые установив оперативную связь между южной группой войск Мола и кавалерийской частью полковника Монастиерио, двигающейся от Авилы. Связь была установлена 8 сентября в Аренас-де-Сан-Педро в горах Гредос. На западе от территории республики был отрезан большой кусок. Умиротворение его последовало обычным порядком¹.

⁹ Х. Томас
«Гражданская война в Испании»

9 сентября защитники Алькасара в Толедо слышали, как из милицейского поста по другую сторону улицы к ним обращаются по мегафону с известием, что майор Рохо, бывший профессор тактики Пехотной академии, хотел бы передать предложение от правительства. Поскольку Москардо и другие офицеры в крепости знали Рохо, его впустили внутрь, и огонь по Алькасару был прекращен. Он предложил в обмен на сдачу Алькасара гарантию жизни и свободы для укрывшихся там женщин и детей. Самих же защитников ждет военно-полевой суд. Москардо, естественно, отверг эти условия. В ответ он попросил Рохо, чтобы во время очередного прекращения огня правительство прислало в Алькасар священника. Рохо пообещал и покинул крепость, поговорив с остальными офицерами гарнизона, которые безуспешно уговаривали его остаться с ними.

В тот же день, 9 сентября, в Лондоне впервые собрался Комитет по невмешательству. Британскую делегацию возглавлял секретарь Британского казначейства В.С. Моррисон², который и занял место председателя. Другими странами, которых представляли их послы в Лондоне, были Албания, Австрия, Бельгия, Чехословакия, Дания, Эстония, Финляндия, Франция, Германия, Греция, Венгрия, Ирландия, Италия, Латвия, Литва, Люксембург, Норвегия, Польша, Румыния, Турция, Советский Союз и Югославия. Список включал в себя все европейские страны, кроме Швейцарии, которая хотя и запретила экспорт оружия, но в силу своего нейтралитета отказалась, как и Соединенные Штаты, даже вступать в Комитет по невмешательству.

Первой встрече комитета сопутствовала «волна сомнительных процедур», по словам «Правды». Представители собравшихся стран согласились передать Френсису Хеммингу, чиновнику казначейства, который стал секретарем комитета, тексты законов своих стран, запрещающих экспорт оружия. Кроме британского представителя, главными фигурами в комитете были Корбэн, посол Франции; Гранди, бывший государственный секретарь у фашистов, которого Муссолини отправил в лондонское посольство за недостаточную приверженность фашистским взглядам, и Майский, советский посол. Немецкий посол Риббентроп и его заместитель, принц Бисмарк, с самого начала заняли не столь заметное место, как Гранди, ибо конечно же получили инструкции предоставить ему право играть первую скрипку. Тем не менее Риббентроп впоследствии сетовал, как ему трудно было сотрудничать с Гранди, «интриганом, равно которому не было». Португалия, на участии которой настаивал Советский Союз, не была представлена. Португальский посол в Берлине сказал 7 сентября (когда немецкому судну «Усаморо» было отказано в портовой технике для разгрузки в Лиссабоне

оружия для националистов. Как считали в Берлине, это объяснялось давлением Англии), что его страна не будет участвовать в работе комитета, пока не запретят вербовку добровольцев. Но Португалия могла не беспокоиться. Гранди получил инструкции от Чиано «приложить все силы, чтобы деятельность комитета носила чисто формальный характер». Позже Риббентроп откровенно признал, что Комитет по невмешательству лучше было бы назвать «комитетом вмешательства»³. Отношение Германии к комитету было более двусмысленным, чем у итальянцев, частично потому, что немецкое министерство иностранных дел и военное министерство плохо координировали свою деятельность. И немецкие дипломаты толком не знали, поможет Франко или нет подлинная политика невмешательства. Что же до Франции и Англии, то Бисмарк считал, что для обеих стран «вопрос стоит не столько о немедленных шагах, сколько об умиротворении бурных эмоций левых партий... для чего и был создан этот комитет». И хотя сообщения того времени английских и французских консулов (не говоря уж о других агентах) в националистской Испании пока остаются недоступными для историков, наверное, не так уж абсурдно предположение, что они были информированы не хуже, чем их американские коллеги. Английский консул в Севилье, как сообщал американский консул мистер Бей, должен был знать, что в городе полно немецких и итальянских солдат, летчиков, самолетов и танков. С начала проведения политики невмешательства они не только не сделали ни малейшей попытки покинуть город, но и их число, равно как и количество вооружения, постоянно растет. Фактически с самого начала английское и французское правительства были заняты не столько тем, чтобы положить конец вмешательству с обеих сторон, сколько созданием в д и м о с т и такой политики. При существующем подходе к политике невмешательства невозможно было предотвратить поток военного снаряжения в Испанию с обеих сторон. А это лишь продлевало войну.

Позже Британия обвинила Италию в посадке самолета на Мальорке 7 сентября. Через пять дней, 12 сентября, Ингрэм, британский представитель в Риме, дал понять, что перемены в Средиземноморье «близко касаются правительства Великобритании». Чиано ответил, что ничего такого не происходило и не замыслилось⁴. Инцидент показал, что Британия будет протестовать, если почувствует, что ее насущным интересам угрожают какие-то последствия испанской войны, но она не пойдет на откровенный разрыв соглашения, для укрепления которого так много сделала. Кабинеты Болдуина и Блюма считали, что и их страны, и Испания, и мир в Европе будут в максимальной безопасности, если прекратится военная помощь Испании. Оба пра-

вительства прилагали незаурядные усилия для сохранения пакта, хотя во Франции эта политика вызывала протесты со стороны левых, что больно ударило по Блюму. Но судя по большинству высказываемых мнений, в обеих странах эта политика пользовалась поддержкой. В Англии лейбористская партия даже осудила промедление с введением в действие политики невмешательства. Что же до коммунистов, то 7 сентября Торез пытался убедить Блюма изменить свою политику, касающуюся помощи Испании. Хотя ему это не удалось, Блюм тем не менее добился, чтобы коммунисты не голосовали против правительства в Национальной ассамблее. Коминтерн поддержал образование в Лондоне Комиссии по расследованию фактов нарушения пакта о невмешательстве в Испании. Членами ее стали такие уважаемые личности, как Филип Ноэль-Бейкер, профессор Тренд из Кембриджа и доктор Элеонора Рэтбоун. Двумя секретарями комиссии были Джоффри Бинг и Джон Лэнгдон-Дэвис, оба члены коммунистической партии⁵.

В Испании 13 сентября баски сдали националистам Сан-Себастьян и отступили без боя, не рискуя подвергнуть разрушению его прекрасные проспекты. Кроме того, они расстреляли несколько анархистов, которые хотели поджечь город перед вступлением в него врага. На юге генерал Варела предпринял новый марш по Андалузии, к северу от гор, прикрывавших протяженную прибрежную равнину Малаги. Двигаясь к Ронде, Варела беспрепятственно занимал одно поселение за другим. В Арагоне он вступил в бой при Уэске. Но республиканцы не пошли в наступление. Положение республики несколько улучшилось лишь в Толедо. Условия жизни в Алькасаре осложнялись с каждым днем. У защитников крепости почти не осталось продовольствия — ежедневный рацион хлеба был урезан до 180 граммов на человека. 11 сентября во время трехчасового перемирия в крепость прибыл священник из Мадрида Васкес Камараса, который из-за своих либеральных взглядов с трудом избежал смерти от рук милиционеров. Поскольку выслушать исповеди у всех было невозможно, он дал общее отпущение грехов Москардо и защитникам крепости. В торжественной и мрачной проповеди Камараса говорил о славе, которая ждет гарнизон в другом мире. Все защитники получили помазание. Тем временем некоторые из них успели переговорить с гражданскими гвардейцами, обложившими крепость. Те угощали их сигаретами и принимали письма для передачи семьям. Васкес Камараса покинул стены крепости, и осада продолжалась. Республиканцы решили положить конец сопротивлению, прорыв подземный туннель под стены и заложив мины под две башни, ближайšie к городу. Для пре-

дотвращения хаоса, который мог возникнуть после взрывов, гражданское население было эвакуировано. В Толедо были приглашены военные корреспонденты, которым предстояло стать свидетелями гала-концерта с падением Алькасара.

Следующий день, 12 сентября, был ознаменован важным шагом Франко к обретению верховной власти в лагере националистов. На аэродроме Сан-Рафаэль в Саламанке состоялась встреча хунты. Генералы Оргас и Кинделан выдвинули идею единого командования силами националистов. Мола с таким рвением поддержал это предложение, что вызвало сомнение в его искренности. Может, он в самом деле решил, что для победы в войне необходимо единое командование и чем быстрее она завершится, тем надежнее он укрепит свое положение. Старый вояка Кабанельяс был единственным генералом, кто возразил против этого плана. При голосовании он воздержался. Кинделан, поддержанный Молой, предложил Франко возглавить единое командование. Предложение получило поддержку. Затем генералы разъехались, но в течение двух недель в командовании ничего не менялось⁶.

Вторая встреча Комитета по невмешательству прошла 14 сентября. На ней был организован подкомитет из представителей Бельгии, Британии, Чехословакии, Франции, Германии, Италии, Советского Союза и Швеции, которому предстояло заниматься повседневными проблемами политики невмешательства. Даже в нем малым государствам приходилось лишь следовать в фарватере политики великих держав, и в настоящих дебатах участвовали только Франция, Англия, Италия и Германия. Стремление умиротворить Гитлера, забвение своей ответственности перед международным сообществом со стороны Скандинавии и, как их сейчас называют, стран Бенилюкса в самом деле было самым отвратительным аспектом дипломатической истории тех дней. Но что же они могли сделать, если Британия продолжала политику «умиротворения»? 14 сентября советский представитель Каган обвинил Италию в том, что итальянский военный самолет совершил посадку в Виго. Чиано отрицал этот случай. Это совпало с первой общественной реакцией папы Пия XI на войну в Испании. Выступая в Кастельгандольфо, где его слушали 600 беженцев из Испании, папа сказал, что республиканцы испытывают «истинно сатанинскую ненависть к Господу»⁷. Советская помощь Испании в виде денег, продовольствия и других невоенных материалов то ослабевала, то снова возобновлялась. Но военной поддержки связи не оказывали.

В Испании генералу Вареле, который 16 сентября взял Ронду, удалось завершить свой замысел захвата всей централь-

ной Андалузии. Мола после того, как Сан-Себастьян оказался в его руках, все свое внимание снова обратил на юг, имея целью выход к Мадриду непосредственно с северо-запада из района Авила. В Астурии колонна фалангистов и армии наконец выступила из Ла-Коруњи, чтобы попытаться освободить Аранду в Овьедо. В долине Тахо опять завязались бои. Милиция снова сражалась с фанатичной отвагой. На этот раз ее удалось убедить рыть окопы. Тем не менее милиционеры отказывались покидать их, пусть даже силы генерала Ягуэ обходили их, чтобы взять в кольцо. После семичасового боя милиции все же пришлось выбирать между отступлением и окружением. И снова они оставили свои хорошо подготовленные оборонительные позиции у Санта-Олальи, а также Македу, город, который сдался Ягуэ 21 сентября.

Теперь командованию националистов пришлось принимать достаточно важное решение: идти ли им на выручку Толедо, который находился всего в сорока километрах, или продолжать марш на Мадрид? Положение Алькасара вызывало серьезные опасения. Его защитникам приходилось уйти в подвалы. Запасы воды подходили к концу. Они съели мулов и почти всех лошадей, кроме одного коня — того самого чистокровного скакового жеребца, который должен был погибнуть последним. 18 сентября республиканцы взорвали юго-восточную башню. Строение превратилось в груды щебня. Милиционеры, преодолев развалины, водрузили красное знамя на конной статуе Карла V во дворе крепости. Но заряд под северо-восточной башней не взорвался. Четверо офицеров, вооруженных только револьверами, отбросили милиционеров от северной башни. 20 сентября в больнице Санта-Крус были подготовлены пять машин с бензином. Стены Алькасара залили горючей жидкостью. Чтобы воспламенить ее, в ход пошли гранаты. Из Алькасара выскочил кадет, пустив в ход пожарный шланг. Он был убит, но шланг втянули обратно в Алькасар. К полудню бензин все же вспыхнул, но большого урона не причинил. К вечеру в Толедо появился Ларго Кабальеро, утверждавший, что Алькасар падет через двадцать четыре часа. На следующий день Франко принял решение освободить город. Генерал Кинделан спросил, понимает ли он, что отклонение от плана может стоить ему Мадрида. Франко согласился, что это вполне возможно. Однако, по его мнению, духовное (или пропагандистское) значение освобождения Москаро куда важнее. Но может быть, националистов куда сильнее манило искушение завладеть оружейным заводом Толедо, что и стало решающим фактором для наступления. 23 сентября Варела, сменивший заболевшего Ягуэ, двинулся на Толедо; две колонны, наступавшие с севера, возглавляли полковники Асен-

сио и Баррон. А тем временем осаждавшие подвели новую мину под северо-восточную башню. В Толедо прибыла из Мадрида штурмовая гвардия, чтобы окончательно завершить разгром крепости. Заряд был взорван 25 сентября, и башня рухнула в Тахо. Но мощное каменное основание крепости не пострадало. И пока правительство готовило коммюнике о падении Алькасара, Варела уже был от нее на расстоянии всего пятнадцати километров.

Тем временем в Женеве собралась ежегодная Генеральная ассамблея Лиги Наций. Сама организация рассыпалась на глазах. Ее ошибки были очевидны. Никогда еще, даже в самые свои блистательные времена (как, например, после принятия в свой состав Германии в 1925 году), она не теряла свой облик как организации, созданной победителями в 1919 году. Все же до 1935 года она сравнительно успешно выполняла свою роль, выражая желание добиться всеобщего мира. Лига Наций добилась мира между греками и болгарами в 1925 году; она положила конец колумбийско-перуанской войне в 1934-м. Правда, от событий в Маньчжурии в 1931 году она отстранилась. И это было еще не все. В 1935 году Лига так и не смогла предотвратить вторжение Муссолини в Абиссинию. Она проголосовала за санкции, но те не возымели никакого эффекта и 4 июля 1936 года вообще были отменены. Африканская авантюра Муссолини сошла ему с рук при всеобщем молчании. Ответственность за все эти поражения лежит на Франции и Англии, чье влияние было преобладающим во Дворце наций. На Генеральной ассамблее 1936 года должны были возобновиться дебаты об Абиссинии. Но теперь в порядке дня была Испания. 24 сентября в кулуарных разговорах на ассамблее Иден убедил Монтейру, чтобы Португалия присоединилась к Комитету по невмешательству. Открывая заседание ассамблеи, Иден в своей речи даже не упомянул Испанию, хотя до этого заверял, что британская политика будет построена на искреннем сотрудничестве с Лигой Наций. Доктор Ламас из Аргентины, председательствовавший на ассамблее, при поддержке других делегаций стран Латинской Америки попытался не дать слово Альваресу дель Вайо по вопросу об Испании, так как его выступление не числилось в повестке дня (правда, в ходе общих дебатов разрешалось затрагивать любую тему). Тем не менее Альварес дель Вайо вышел на трибуну. Иден призывал его проявить сдержанность. Альварес осудил Соглашение о невмешательстве, посчитав, что оно уравнило правительство Испании с мятежниками, хотя по канонам международного законодательства его правительство имеет законное право покупать оружие за границей, а мятежники такого права не имеют. Республика может принять подлинное невмешательство, но оно должно включать право приобретения оружия.

Пока в Женеве произносились речи, Алькасар был освобожден. 26 сентября Варела перерезал дорогу, соединяющую Толедо с Мадридом. Теперь отступать республиканцы могли только к югу. Утром 27 сентября защитники крепости увидели на голых пологих холмах долгожданную армию Варелы. К полудню начался штурм Толедо. И сразу же сказался натиск и военная подготовка Африканской армии, хотя защищать Толедо было нетрудно. Милиция дрогнула и побежала, оставив за собой полные арсеналы оружейного завода. Вечером защитники Алькасара услышали на улицах арабскую речь. Пришло освобождение. Как всегда, в городе, захваченном националистами, началась кровавая баня. Лейтенант Фитцпатрик рассказывал, что, увидев за городом изуродованные тела двух летчиков-националистов, националисты не довели до Толедо ни одного из пленников, а по главной улице к городским воротам текли ручьи крови. В больнице Сан-Хуан марокканцы убили врача и перестреляли раненых прямо на койках⁸. Сорок анархистов, застигнутых в семинарии, выпили немалые запасы анисовой водки и подожгли здание, погибнув в огне. Сам Варела вошел в город 28 сентября. Москардо, возглавив парад своих солдат, отдал ему честь и сказал, что рапортовать не о чем. «Все нормально», — добавил он. Эта форма послужила паролем мятежникам 17—18 июля. В первый раз за два месяца осажденные вышли на свежий воздух. Они возносили молитвы «Святой Деве Средиземноморской, Богоматери Алькасара».

В тот же день, 28 сентября, Португалия впервые присутствовала на заседании Комитета по невмешательству. Британским представителем вместо В.С. Моррисона стал лорд Плимут. Своей надменностью он разгневал советскую делегацию. «Этот высокомерный лендлорд, — писала «Правда», — ценитель лошадей и член аристократического клуба бифштексов». В Женеве Литвинов в той мере, в какой это ему было позволено, объяснил те непростые мотивы, которыми руководствовался Советский Союз, присоединяясь к пакту о невмешательстве. Советское правительство, сказал он, присоединилось «потому, что в противном случае Франция стала бы опасаться войны». Хотя Литвинов, как и Альварес дель Вайо, считал политику невмешательства противозаконной.

Примечания

¹ Именно в этой точке к Африканской армии присоединились два отставных английских офицера, лейтенанты Нангл и Фитцпатрик. Первый, служивший в индийской армии, был одним из самых профессиональных и знающих офицеров своего времени. Он был пол-

ностью предан армейской жизни, и только ей. Фитцпатрик — романтический солдат удачи из Ирландии — объяснил, что отправился добровольцем в Испанию после того, как увидел фотографию милиционера, восседающего на алтаре в облачении священника. Оба получили в легионе офицерские звания — первые иностранцы, которые не начали службу в нем рядовыми. Ставший капитаном Фитцпатрик любезно позволил автору прочесть его неопубликованные воспоминания о событиях в Испании.

² Позже он стал спикером палаты общин, виконтом Данроссил и генерал-губернатором Австралии. Он был председателем комиссии английского кабинета министров, которая координировала политику невмешательства между различными департаментами. Он и рассказал об этой встрече.

³ В своих апологетических мемуарах, написанных в Нюрнберге между судом и приговором, Риббентроп добавил: «Я хотел, чтобы эта проклятая Гражданская война в Испании пошла к черту, потому что она постоянно заставляла меня вступать в споры с британским правительством».

⁴ Но в течение всей Гражданской войны Мальорка была оплотом Италии. Рамбль, главная улицы Пальмы, была переименована в Виа-де-Рома, и в начале ее высилась статуя двух римских юношей в тогах с орлами на плечах. Залив Польенса стал итальянской военно-морской базой. На остров потоком шло военное снаряжение. Итальянцы заминировали и укрепили Мальорку.

⁵ Испанская республика тоже утверждала, что она готова согласиться с «подлинным невмешательством». Под этим не имелось в виду законодательство другой страны, запрещавшее Испании закупать оружие. Позиция Испании отличалась от точки зрения лейбористов, считавших, что ни одна из сторон не должна получать оружие из-за границы.

⁶ Прието тоже был страстным сторонником единого командования у республиканцев, но его старания не увенчались успехом.

⁷ В тот же самый день мадридский священник, поддерживавший республику, брат Гарсиа Моралес, воззвал к папе, чтобы тот осудил мятежников.

⁸ Об убийствах в госпитале рассказали и другие журналисты. Я думаю, не исключено, что этот жуткий инцидент вызван тем фактом, что здоровые милиционеры скрывались в госпитале, из окон которого вели огонь по маврам.

Глава 35

Николас Франко как Люсьен Бонапарт. — Франко — глава государства. — Анархисты входят в состав правительства Каталонии. — Дуррути и новый мир. — Статут басков. — Обед в Саламанке. — Новое наступление Африканской армии. — Де лос Риос в Вашингтоне. — Институт политических комиссаров.

1 октября, в ходе подготовки к завершающему наступлению на Мадрид, Франко был назван главой государства Испании националистов. Почва для такого шага была подготовлена Кинделаном и Николасом Франко, который, помня о событи-

ях 18 брюмера, действовал в роли Люсьена Бонапарта. 29 сентября Кинделан, Оргас, Ягуэ и Франко прилетели в Саламанку. По прибытии Франко приветствовал как генералиссимуса эскорт фалангистов и карлистов, которых на этот предмет уже проинструктировал соответствующим образом Николас Франко. На совещании хунты Кинделан зачитал декрет, наделяющий этим титулом главу государства. Однако собравшиеся генералы отнеслись к этому предложению достаточно холодно. Зачем военную ответственность генералиссимуса дополнять еще и политической?¹ Кабанельяс сказал, что ему нужно время обдумать декрет. Встреча была прервана на ленч, в ходе которого Кинделан, пустив в ход замаскированные угрозы и откровенную лесть, добился своего — Франко был утверждён в том качестве, как он того и хотел. Чтобы не уязвлять гордость Кабанельяса, ему было дано два дня «на размышление». В подлинном тексте указа, принятого генералами 29 сентября, о Франко говорилось как о главе правительства. Но в последний момент в типографию на мотоцикле примчался специальный посланник от Николаса Франко, чтобы успеть изменить текст — в нем появился титул «глава государства», и в таком виде указ вышел в свет.

То был подлинный триумф Франко, хотя в хаосе войны и буре радостных эмоций, охвативших националистскую Испанию после освобождения Алькасара, никто не обратил на это внимания. 1 октября в Бургосе Франко был утверждён главой государства. В первой же речи он изложил свое видение будущего Испании: всенародное голосование будет отменено и найдены «лучшие пути выражения воли народа»; труд должен иметь гарантии против владычества капитала; церковь будет пользоваться уважением; налоги пересмотрены; независимость крестьян обеспечена. В продолжение речи изложение теоретических основ сменилось не столь уж существенными аспектами программы фалангистов. Толпа на площади скандировала: «Франко, Фран-ко, Фран-ко!», как всего год назад кричала Хильо Роблесу: «Хе-фе, хе-фе, хе-фе!» И те и другие возгласы копировали итальянские призывы «Ду-че, ду-че!». Но вся ситуация напоминала скорее пародию на итальянский фашизм, потому что коротенькая фигурка генерала Франко, окруженного священниками в черных облачениях и солидными «буржуа», никак не могла производить внушительного впечатления. Тем не менее плакаты, расклеенные по всей националистской Испании, провозглашали ценности триединства: «Одно государство. Одна страна. Один вождь». Франко был назван «каудильо» (плохой перевод слова «фюрер»). На улицах городов националистской Испании повсюду развешали лозунги: «Цезари всегда были непобедимы-

ми генералами». Поскольку все лидеры фалангистов или погибли, или сидели по тюрьмам, фаланга приняла Франко без всяких протестов — по крайней мере пока. Карлисты тоже были заняты своими проблемами — 28 сентября в Вене скончался старый претендент на престол Альфонсо Карлос. Он был последним потомком по прямой линии дон Карлоса, и его племяннику по браку принцу Ксавьеру Бурбону Пармскому предстояло быть регентом, пока не будет найден новый член династии Бурбонов, который станет неукоснительно соблюдать принципы традиционного антидемократизма. Когда Франко был «коронован» в Саламанке, Фаль Конде и другие лидеры карлистов отсутствовали. Они находились в Вене на похоронах дон Альфонсо Карлоса.

2 октября исполнительная хунта в Бургосе стала административным органом националистов. Возглавил ее соратник Мола, генерал Давила. Николас Франко, «большой друг Германии», как охарактеризовал его немецкий дипломат Дюмулен, остался при своем брате в качестве «генерального секретаря». Генерал Оргас сохранил свою должность верховного комиссара Марокко, а полковник Бейгбедер — его генерального секретаря. Чтобы задобрить Кабанельяса, ему предоставили sinecuru генерал-инспектора армии. В распоряжении генералиссимуса Франко уже были две армии, на севере и на юге, неразрывно связанные с именами Мола и Кейпо де Льяно. Тем не менее последний, обосновавшийся в своем частном королевстве в Севилье, продолжал доставлять Франко неприятности. Все так же продолжались его бурные ночные радиопередачи, хотя в последнее время он перестал кричать «Да здравствует республика» в заключение каждой из них.

Африканская армия продолжала оставаться под личным контролем Франко, который перенес свою штаб-квартиру из Касереса в Саламанку. Варела вел боевые действия силами четырех колонн под командованием Асенсио, Баррона, Дельгадо Серрано и Кастехона. Каждая в числе 1200 человек состояла из марокканцев и легионеров. Батальон фалангистов-добровольцев Севильи был придан Дельгадо Серрано. Эти сравнительно небольшие силы готовились наступать на Мадрид на 40-километровом фронте, протянувшемся от Толедо до Македы. Но наступление не начиналось, пока Франко не уверился в подавляющем преимуществе в воздухе, пока не подошли танки, поставленные немцам и итальянцам², и пока Арагонский фронт, откуда Франко снял несколько марокканских частей для подкрепления, не сохранил стабильность.

Произошли политические изменения и у республиканцев. 26 сентября CNT, которая со времени мятежа обладала в Барселоне реальной властью, вошла в состав Женералитата. Хуан

Карта 15. Наступление на Мадрид

Фабрегас стал советником по экономике Каталонии. Анархисты же назвали правительство Каталонии Региональным советом обороны, чтобы у их уже обеспокоенных экстремистских последователей не создалось впечатление, будто они вошли в настоящее правительство. К нему присоединился и POUM — Андрес Нин стал министром юстиции. Вошло в правительство, которое возглавил Коморера, и PSUC. Правительство объявило своей целью обуздать революционную разболтанность. Значение анархистов с каждым днем стало падать — так же как и влияние Комитета антифашистской милиции, в котором они пользовались авторитетом. Это привело к гневным вспышкам среди рядовых анархистов. Тем не менее Дуррути сохранял свой идеализм. «Я не жду никакой помощи ни от одного правительства в мире», — сказал он в конце сентября канадскому журналисту. Тот ответил: «Если вы победите, то вам придется сидеть на груде развалин». — «Мы всегда жили в трущобах и развалинах, — парировал Дуррути, — и мы поймем, как приспособиться к этому времени... Мы будем и строить. Это мы возвели дворцы в Испании, Америке и повсюду. Мы, рабочие, построим города, которые займут их место. Они будут еще

лучше — по крайней мере; мы не боимся развалин. Мы собираемся унаследовать всю землю. Буржуазия, прежде чем сойти со сцены истории, может взорвать и разрушить свой мир. Но мы несем новый мир в своих сердцах»³. В то же время РОУМ считал, что за ним в каталонском правительстве стоит «большинство рабочих». Они продолжали громко удивляться: «Мы что, сотрудничаем с этой дешевой буржуазией? Или они сотрудничают с нами?»

Через неделю, 1 октября, в Валенсии собрались остатки кортесов, чтобы одобрить статут Баскской автономии. Лидер басков Агирре провозгласил, что баски, хотя они и католики, не боятся ни пролетарского движения, ни его мотивов, «ибо мы знаем, сколько в них истины». Он заверил, что новая Баскская республика (известная как Эускади), президентом которой он стал, будет поддерживать мадридское правительство «до полной победы над фашизмом»⁴. 7 октября все муниципальные советники трех провинций Басконии, которые смогли прибыть в священный городок Гернику, проголосовали за президента временного правительства Эускади, которое будет править в Басконии во время Гражданской войны. Агирре были избран почти единогласно. Затем он огласил состав правительства, которое дало присягу под украшенным дубом. Гражданский губернатор Бильбао передал власть Агирре. В новый кабинет вошли пять баскских националистов, которым достались ключевые посты министров внутренних дел, юстиции, обороны и сельского хозяйства; естественно, они определяли лицо баскского правительства. Правда, в него входили также три социалиста, один коммунист и по одному члену из двух республиканских партий. Первая акция нового правительства носила гуманный характер. С помощью доктора Жюно из Международного Красного Креста оно эвакуировало на кораблях его величества 130 женщин — политических заключенных⁵. Были реорганизованы части и баскской гражданской гвардии, которая стала Народной гвардией под командованием майора Ортусара. В нее входили лишь баскские националисты, каждый не менее шести футов ростом.

6 октября Африканская армия начала новое наступление. Из Македы и Торрихоса войска двинулись прямо на север и, продвинувшись вперед, повернули с запада на восток — такой маневр был свойствен этой кампании после падения Бадахоса. Она совпала с наступлением с севера частей генерала Вальдеса Кабанильяса. Двинувшись из Авилы, они встретились с Африканской армией. Немецкие и итальянские самолеты впервые обрушили бомбовые удары на линии снабжения Мадрида. Атака Кастехона прорвала оборону республиканцев. Тем не менее

Асенсио столкнулся с яростным сопротивлением на холмах Сан-Вьенте, да и Вальдесу Кабанильясу удалось лишь слегка продвинуться в сложных горных условиях Сьерра-де-Гредос.

В этот же день в Лондоне собрался Комитет по невмешательству. Лорд Плимут передал Германии, Италии и Португалии суть тех обвинений в помощи, которые испанское правительство выдвинуло в Женеве. Майский обвинил Португалию в предоставлении своей территории в качестве базы для действий националистов и потребовал создания комиссии для контроля испано-португальской границы. Тем же вечером в Саламанке Франко устроил прием для Дюмулена, немецкого советника в Лиссабоне, который передал Франко поздравления Гитлера по случаю его избрания главой государства. Франко сказал, что он от всей души восхищается Гитлером и новой Германией. Он добавил, что надеется вскоре водрузить свой флаг рядом со стягом цивилизации, который уже поднял Гитлер. Франко поблагодарил Гитлера за «неоценимую материальную и моральную помощь». Обед продолжился в компании высокопоставленного немецкого летчика, прибывшего в Саламанку, Николаса Франко и Кинделана. Франко, как сообщил Дюмулен, «не позволил ни на минуту усомниться в серьезности и искренности его отношения к нам, он весьма оптимистично оценивает военную ситуацию и рассчитывает в ближайшем будущем взять Мадрид». Генералиссимус позволил себе порассуждать о будущем политическом устройстве Испании: в настоящий момент не стоит обсуждать вопрос о реставрации монархии; куда важнее — «хотя заниматься этим надо очень осторожно» — создание общей идеологии для всех, кто борется за освобождение, — армии, фаланги, карлистов, ортодоксальных монархистов и CEDA.

На следующий день, 7 октября, наступление на Мадрид возобновилось. Выздоровевший Ягуэ вернулся к своим войскам, которые взял под свою команду Варела. Это означало, что теперь Африканской армией руководили несгибаемый фалангист и романтик-карлист. Они считали, что самолеты, летавшие над Мадридом, заставят республиканцев задуматься об эвакуации города. Мола не без юмора сообщил, что 12 октября он собирается выпить чашечку кофе на столичной улице Гран-Виа.

В Лондоне советский представитель Каган передал лорду Плимуту ноту, которая скорее напоминала ультиматум. Именно в это время советские суда уже готовились покинуть Одессу и другие порты Черного моря, неся на борту оружие для республики. Каган заявил, что 20 сентября четырнадцать итальянских самолетов перебросили легионеров в Испанию, тем самым на-

рушив Пакт о невмешательстве. Если этому не будет немедленно же положен конец, то советское правительство будет считать себя свободным от всех обязательств, вытекающих из соглашения. «Если соглашение существует, — заявил Каган, — мы хотим, чтобы оно полностью выполнялось. Если комитет... может следить за ним... это очень хорошо. Если не может, то пусть прямо скажет об этом». На следующий день советский дипломат в Москве сказал американскому поверенному в делах, что, пока комитет не докажет, что он решительно настроен немедленно положить конец нарушениям, Советский Союз не станет участвовать в его работе, считая себя вправе оказывать помощь Испании военным снаряжением. Резкое изменение советской политики разъярило английский Форин Офис. «На что Россия может надеяться, — заявили англичане, — в такое время отказываясь от нейтралитета?» Но 9 октября действия Советов были поддержаны конференцией британской лейбористской партии, которая единодушно приняла резолюцию, констатирующую, что Германия и Италия нарушили свой нейтралитет и это требует расследования. Заседание комитета длилось семь часов, и обмен оскорблениями между Каганом и Гранди удивил остальных дипломатов. Португальский посол даже покинул заседание, когда обсуждалось советское предложение о патрулировании испано-португальской границы.

Тем временем в Испании Африканская армия захватила Сан-Мартин-де-Вальдегlesiас, согласовав свое наступление с направлением удара Вальдеса Кабанильясa на Эль-Тьемпо. Когда наконец установилась линия фронта с севера на юг, кавалерия Монастерио была переброшена в долину Тахо на помощь Телье и Баррону. Милиция, отступавшая к Мадриду, неизменно шла вдоль дорог, что делало ее легкой добычей для авиации националистов с ее пулеметами. Только Байо, в свое время командовавший десантом на Мальорку, тревожил стягивавшуюся армию националистов успешными партизанскими действиями.

Хотя Мола и опоздал на randevу с чашечкой кофе на Гран-Виа (все же в одном из кафе для него был накрыт столик, о чем оповещали крупные буквы вывешенного объявления), в конце первой декады октября республика столкнулась с возможностью поражения на всех фронтах. Ларго Кабальеро отказался мобилизовать мощную строительную индустрию Мадрида на рытье окопов под тем предлогом, что у него нет лопат и колючей проволоки. Он добавил, что испанцы никогда не будут вести войну, прячась за деревьями и в окопах. Советское оружие еще не прибыло, поставки из Франции и других источников были невелики, и рассчитывать на них, так же как на собственное производство, было нельзя. 10 октября де лос

Риос, только что назначенный послом республики в Вашингтоне, обратился к Корделлу Холлу с безуспешным призывом позволить республике закупать оружие в США. Он сказал, что крах республики приведет к падению Блюма, вслед за чем последует конец демократии. Холл сказал, что в Америке нет законов, запрещающих помощь Испании, — только политика «моральной отстраненности».

В Мадриде 10 октября была сделана новая попытка правительства добиться сохранения дисциплины в армии. Она выразилась в том, что милиция потеряла свою независимость и теперь оказалась вынужденной подчиняться приказам генерального штаба. Кроме того, по требованию Альвареса дель Вайо и коммунистической партии в армии был введен институт политических комиссаров, который уже существовал в Пятом полку. Цель его состояла в укреплении среди милиционеров политических убеждений, пошатнувшихся после исчезновения их собственных политических партий, а также для надзора над кадровыми офицерами. В любом случае это можно было считать победой коммунистической партии. С самого начала комиссарами назначались главным образом коммунисты, ибо партия уже доказала, что в нее входят самые эффективные республиканские пропагандисты. На деле их организацией занимался некий неопознанный советский коммунист-офицер, которого называли Мигель Мартинес⁶. Через четыре дня в испанской войне произошли самые крупные перемены: в республику начала поступать советская военная помощь.

Примечания

¹ Стоит уточнить, что генералы, возражавшие против этого предложения, были антимонархистами и опасались, что Кинделан и Оргас, оба монархисты, на самом деле хотят таким путем подготовить реставрацию монархии.

² Историки националистов утверждают, что это был первый груз итальянской помощи, прибывший по морю. Он включал в себя двенадцать «Фиатов-32» и «тысячи артиллерийских снарядов». Груз был выгружен в Виго в конце сентября.

³ Но вскоре Дуррути поддался уговорам Ильи Эренбурга сменить «разболтанность на дисциплину». Прокомментировал он это так: «Ты говоришь, что офицеров должны назначать? И приказам надо всегда подчиняться? Интересная мысль. Трудно себе представить, но давай попробуем...»

⁴ Баскский националист Ирухо вошел в республиканский кабинет 25 сентября.

⁵ Это был один из самых печальных инцидентов Гражданской войны. Бильбао подвергся бомбардировке 29 сентября. Ярость жите-

лей города привела к тому, что были перебиты почти все политические заключенные, которые в ужасающих условиях содержались на трех маленьких грузовых кораблях, стоявших в гавани. Баскское правительство освободило 130 женщин — их группа должна была стать частью обмена, о котором предварительно уже договорился доктор Жюно. Но когда доктор вернулся в Бильбао, выяснилось, что он не учел детей, которые проводили каникулы под Бургосом. Он пообещал доставить их. Но националисты нарушили свое слово. Звонили все колокола Бильбао, матери и родственники детей заполнили гавань в ожидании корабля его величества. Но когда он пристал к берегу, на борту детей не оказалось. Разочарование было таким ужасным, что доктора Жюно чуть не линчевали. Но позже сорок детей все же возвратили. Тем не менее полный обмен так никогда и не состоялся.

⁶ Не исключено, что им был будущий маршал Рокоссовский, который, без сомнения, находился в это время в Испании, действуя под псевдонимом. (Автор ошибается. Под именем Мигеля Мартинеса в Испании действовал Михаил Кольцов, собственный корреспондент «Правды» и личный эмиссар Сталина. Автора ввело в заблуждение, что в «Испанском дневнике» М. Кольцова часто появляется некий Мигель Мартинес. — *Примеч. пер.*)

Глава 36

Советская помощь. — Содействие Коминтерна. — Сталин колеблется. — Визит Тореза в Москву. — Создание Интернациональной бригады. — Путешествие в Альбасете. — Марти, Лонго и их штаб. — Клебер. — Советские грузовые суда. — Другие тревоги. — Геринг требует персонал для работы в Испании.

Типпельскирх, немецкий представитель в Москве, сделал попытку оценить объем советской помощи, поступившей в Испанию до 28 сентября. «Вопрос, в какой мере Советы поставляли не только «гуманитарную» помощь, остается открытым», — писал он¹. В Берлине не было получено никаких доказательств, что русские нарушают эмбарго на поставки оружия. Но Ларго Кабальеро с неприкрытой горечью обвинял Советский Союз, который, как он считал, заинтересован лишь в том, чтобы не нарушить франко-советский пакт. Хесус Эрнандес пожаловался генералу Берзину, советскому военному атташе, что отказ СССР поставлять оружие весьма осложняет положение испанских коммунистов. Розенберг, советский посол в Мадриде, сообщил, что, если в самое ближайшее время оружие не поступит, республика может пасть. В сентябре в Испанию прибывали все новые и новые советские и коминтерновские лидеры. В середине месяца здесь оказался Михаил Кольцов, ведущий иностранный корреспондент «Правды»,

который осуществлял и военные, и пропагандистские функции. За ним последовал Александр Орлов, недавно возглавлявший экономический отдел НКВД. Теперь на него была возложена организация филиала этой неприглядной организации для слежки за активистами Коминтерна и иностранными коммунистами в Испании². Столь значительная и зловещая личность не могла быть послана в Испанию, пока не стало ясно, что назревает перемена советской политики в Испании. Но Сталин продолжал медлить и колебаться. Вроде все указывало на то, что грядет интервенция. И все же, хотя Каменев и Зиновьев упокоились в своих холодных могилах, он тянул, желая убедиться, как сработает пакт о невмешательстве³, в какой мере уже обговоренная помощь Коминтерна изменит положение дел, и, может быть, прислушиваясь к мнению своих генералов, таких, как Тухачевский. Занятый строительством мощной армии, он возражал против посылки драгоценных военных материалов так далеко от Родины⁴.

Наконец Сталин принял решение. Оно стало результатом визита в Москву 21 сентября Мориса Тореза, лидера Французской коммунистической партии. К тому времени размах помощи, организацией которой было приказано заняться генералу Кривицкому в Гааге, был на весьма примитивном уровне. 21 сентября, оставив за собой проволочки и задержки, свойственные как коминтерновской, так и советской бюрократии, генерала Кривицкого в Гааге посетил агент Зимин. Он растолковал ему, что советское правительство никоим образом не должно быть связанным с переправкой оружия, организованной Коминтерном. Первым шагом, сказал Зимин, должно быть создание организации, которая и будет заниматься закупками оружия по всей Европе. Кривицкий организовал финансовую компанию, открыл офис и гарантировал получение прибыли. Найти сотрудников было нетрудно. Они напоминали персонажей романа Филиппа Оппенгейма. Среди них, например, был таинственный доктор Миланос, родом из Греции, обосновавшийся в польском порту Гдыня. Был Фуат Бабан, еще один грек, представитель Турции на фирмах «Шкода», «Шнейдер и Гочкис», которого позже арестовали в Париже за распространение наркотиков. Была и такая личность, как Вентура. Еврей по происхождению, родившийся в Константинополе, обладатель фальшивого паспорта, он в Австрии был обвинен в мошенничестве. В Греции жил с любовницей. В Париже постоянно обитал в гостинице на авеню Фридланд⁵. Именно такие лица, которых стоит вспомнить, в течение всей испанской войны за спинами почтенных джентльменов из Комитета по невмешательству занимались своей прибыльной деятельностью, поставляя старое оружие милиционерам в доли-

нах и горах Испании. Целая цепочка импортно-экспортных фирм была создана в Париже, Лондоне, Праге, Цюрихе, Варшаве, Копенгагене, Амстердаме и Брюсселе, средства которых контролировали молчаливые партнеры из НКВД. Оружие приобреталось в Чехословакии, Франции, Польше, Голландии и даже в Германии. Здесь адмирал Канарис несколько раз через коммунистов поставлял в Испанию бракованное военное снаряжение⁶. Так как французская граница была закрыта, оптимальным путем доставки оружия был морской. Груз шел в сопровождении консульских документов других государств, Китая или Латинской Америки, подтверждающих, что товар предназначен для их стран. Тем не менее до октября эта система работала не лучшим образом. Торез, посетив Москву⁷, поддержал доводы, выдвинутые Розенбергом, советским послом в Мадриде: СССР должен оказать Испании прямую военную помощь. Кроме того, Торез настоял на посылке отрядов добровольцев, которых по всему миру будут собирать иностранные коммунистические партии (хотя будут охотно принимать и некоммунистов). Организовывать их будет Коминтерн, а руководить — иностранные коммунисты, изгнанные из своих стран и ныне живущие в России. Эти интернациональные бригады представят собой огромную пропагандистскую ценность для коммунистов и, кроме того, вместе с Пятым полком укрепят республиканскую армию. Они могут стать ядром интернациональной Красной армии. Предложение об организации таких международных сил было выдвинуто на встрече Коминтерна и Профинтерна 26 июля, с которой и началась организация «гуманитарной» помощи Испании. Английский коммунист, военный эксперт Том Уинtringхэм, оказавшийся в Испании с отрядом британских медиков, также поддержал эту идею. С этого времени сотни иностранцев вступили в республиканскую армию. Многие из них принадлежали к РОУМ. Предложение Тореза⁸ заключалось в том, чтобы взять под свой контроль благородные стремления, которые вели в Испанию добровольцев со всего света, и обеспечить их присоединение к силам, которыми руководила коммунистическая партия. Такая организация могла бы стать главным получателем советской помощи Испании. Если же, к примеру, испанское правительство не заплатит за нее, ее легко можно будет приостановить. Кроме того, сохранность советского оружия даже в Испании обеспечивалась тем, что оно находилось бы в руках преданных членов партии.

Глава Коминтерна, болгарин Димитров, с энтузиазмом отнесся к этой идее. Да Сталин и сам понял, что таким путем он может избавиться от большого количества коммунистов-эмигрантов в Советском Союзе, которых лучше не иметь под

боком к началу больших чисток. Кроме того, если вместе с поставками оружия в Испании очутятся некоторые советские генералы, то именно они смогут руководить ударными силами, пусть даже там и будут иностранные коммунисты. Таким путем они обретут военный опыт, хотя за это и придется заплатить советским военным снаряжением. С этого времени советская военная газета «Красная звезда» стала уделять много внимания военным действиям в Испании, так же как и немецкие «Wissen und Wehr» и «Kriegskunst».

В начале месяца итальянский эмигрант-республиканец (не коммунист) Рандольфо Паккарди сделал испанскому правительству предложение сформировать Итальянский легион — независимый от политических партий. Он будет состоять только из итальянских политических эмигрантов, и на первых порах набор их можно осуществить в Париже. Но Ларго Кабальеро отверг эту идею. Тольятти откровенно сказал Хесусу Эрнандесу, что советская помощь должна поступать не столько республиканской армии, сколько коммунистической партии. «Анархистам и социалистам мы скажем, что оружия не хватает, так что они будут ругать Блюма и Комитет по невмешательству...» Сталин, который оценивал весь этот проект не без опаски, решил не рисковать. Прежде чем советское оружие окажется на испанской земле, весь оставшийся испанский золотой запас должен быть переправлен в Советский Союз, как гарантия оплаты поставок. Тем советским инженерам и военным специалистам, которых он послал в Испанию, Сталин дал приказ «держаться подальше от артиллерийского обстрела». Это означало, что они не имели права ни погибнуть в бою, ни, что было бы еще хуже, попасть в плен.

Теперь формирование интербригад стало главной заботой Коминтерна. Каждая коммунистическая партия получила указание выделить определенное количество добровольцев. Во многих случаях предписанная цифра была больше, чем могли обеспечить местные коммунисты. Этими проблемами, пусть и не напрямую, как Тольятти в Испании, занимались большинство самых способных лидеров Коминтерна. В Париже будущий маршал Иосип Броз-Тито, на первых порах обосновавшись в маленькой гостинице на левом берегу, принялся собирать добровольцев. Их поток шел через так называемую «тайную железную дорогу», которая обеспечивала волонтеров из Восточной Европы паспортами и деньгами⁹. Если доброволец не был членом коммунистической партии, его обычно опрашивал представитель НКВД, а на испано-французской границе осматривал врач из числа коммунистов¹⁰. Хотя многие избегали этой проверки, особенно те, кто вступали в чис-

ло добровольцев прямо в Испании. Встречались среди них и заядлые авантюристы, искавшие волнующих переживаний, — такие, как Ник Гиллейн, бельгиец, который объяснил свое присутствие в Испании «духом приключений, скукой и дождливой осенью 1936 года». Примерно 60 процентов из числа добровольцев уже были коммунистами, и примерно 20 процентов вступали в ряды компартии во время пребывания в Испании. 80 процентов интербригадовцев (или даже больше), прибывших из самых разных стран (включая Британию), были выходцами из среды рабочего класса. Молодые люди из числа немецких и итальянских беженцев, которые оказывали фашистским режимам вооруженное сопротивление, были ветеранами Первой мировой войны. Многие из них, особенно французы, нигде не работали, и почти все имели опыт уличных боев с фашистами в Берлине, Париже и даже Лондоне. Среди британских волонтеров оказалось немало таких, кто хотел дать выход своим эмоциям, избавиться от каких-то личных бед, от неумения приспособиться к жизни. Один из добровольцев, английский коммунист, так суммировал мотивы, которые привели его соотечественников в Испанию: «Без сомнения, подавляющее большинство оказалось здесь в поисках идеала — не важно, по какой причине они отправились на его поиски». Большое значение имела квалификация. Но пусть потомки не подвергают сомнению искренность и серьезность убеждений этого поколения. Пусть часть его оказались авантюристами, но большинство из лидеров того времени были убежденными сталинистами. Впрочем, многие добровольцы не относились ни к тем ни к другим. Скорее всего, не меньше трети из них погибли в боях. Позднее те, кто остался жив, стали жертвами политического и профессионального остракизма из-за их пребывания в Испании. Во время чисток в Восточной Европе 1949 года многих расстреляли лишь за то, что они были в Испании.

Центральный пункт по набору в интербригады располагался в Париже на Рю де Лафайет. На соседней Рю де Шаброль находилось «техническое бюро», которое возглавлял военный советник поляк Кароль Сверчевский, он же Вальтер. В Первой мировой войне Сверчевский воевал на стороне России. Затем он принимал участие в революции и Гражданской войне, а позже стал профессором Московской военной академии¹¹. Набором руководили итальянские коммунисты Нино Нанетти и Джузеппе ди Витторио (Марио Николетти). В основу пропагандистской кампании выдвинули лозунг: Испания должна стать «могилой европейского фашизма». Центр руководства набором находился на Рю Матюрэн-Моро, 8. Его отделения открылись в Париже, по всей Франции и Бельгии. Из

Франции волонтеры интернациональных бригад добирались до Испании поездами или на кораблях. Первая группа 14 октября прибыла на свою базу в Альбасете, на полпути между Мадридом и Валенсией. Окруженный бескрайними пустошами Ламанчи, этот город столетиями был известен как центр производства ножей.

500 добровольцев отбыли с парижского вокзала Аустерлиц поездом номер 77 (позже его стали называть «составом волонтеров»). Миновав Перпиньян и Барселону, по прибытии в Альбасете они убедились, что к их приезду ничего не готово. В их распоряжение предоставили казармы гражданской гвардии. Помещения на нижнем этаже все еще были в пятнах крови тех, кого тут убивали 25 июля. Интербригадовцы, испытывая брезгливость, предпочли расположиться на ночь в комнатах наверху. В первой группе почти все были французами плюс несколько беженцев из Польши и Германии, проживавших в Париже. В составе группы были и несколько бывших белогвардейцев, которые надеялись таким кружным путем обрести себе право вернуться на Родину. Вскоре к ним присоединились многие иностранные волонтеры, которые дрались в Арагоне и в долине Тахо, включая немецкую Центурию Тельмана, итальянскую Гастон-Соцци и французский Парижский батальон. Среди них был и Джон Корнфорд, хотя после боев в августе он съездил в отпуск домой в Англию. Большинство новых рекрутов состояли в компартии. Были среди них и социалисты с либералами, которых коммунисты привечали с особым теплом, выражая тем самым дух Народного фронта.

На другой день после прибытия в Альбасете все добровольцы были зарегистрированы и получили удостоверения личности. Клерк опрашивал, есть ли среди них телеграфисты, офицеры, сержанты, повара, артиллеристы, пулеметчики и кавалеристы. Многие откликнулись, руководствуясь не столько своими знаниями, сколько амбициями. Затем добровольцев собрали по языковым группам. Англичан было слишком мало, чтобы сформировать из них отдельный батальон, так что одна часть из них присоединилась к немцам, а другая — к французам.

Верховное командование на базе осуществляла «тройка» в составе командира базы Андре Марти, генерального инспектора Луиджи Лонго (Галло) и старшего политического комиссара Джузеппе ди Витторио (Николетти). Двое последних, итальянцы, были не обделены способностями и даже гуманностью¹². У Марти не было ни того ни другого. Сын рабочего, заочно приговоренного к смерти за свое участие в Парижской коммуне,

судовой механик, Марти обрел известность в 1919 году, когда поднял мятеж на черноморской эскадре французского флота, не подчинившись приказу выступить в поддержку Белой армии. В то время он не был коммунистом, но стал им в 1923 году. Своим подъемом до самых верхов руководства Французской коммунистической партии он обязан своему подчеркнуто антимилиитаристскому прошлому. Марти получил назначение в Альбасете еще и потому, что вроде что-то понимал в военном деле. Кроме того, он пользовался неизменной благосклонностью Сталина, как человек, который семнадцать лет назад отказался поднять оружие против борющейся Советской республики. К 1936 году Марти оказался подвержен навязчивой идее о присутствии повсюду воображаемых фашистов или шпионов¹³. Кроме того, он был высокомерен, некомпетентен и жесток. В Испанию за ним последовала и его жена Полина, от которой Марти временами хотел избавиться. Во время чисток он полностью поддерживал советскую политику. Даже Сталин был не столь подозрительным, как Андре Марти.

Командиром базы стал приятель Марти, муниципальный советник из Парижа, Гайман, который откликнулся на обычное испанское имя Видаль. Французский артиллерист майор Агар организовал специальную школу для артиллеристов, наблюдателей, комиссаров и картографов. Капитан Алокка, итальянский портной из Лиона, командовал кавалерийской частью в соседнем городке Ла-Рода, а другой француз, капитан Этьен, племянник генерала, своего тезки, создал артиллерийскую базу в Альмансе. Андре Мальро расположил эскадрилью интербригад в Алькантарилье, и советские техники принялись обустроить тренировочный аэродром в Лос-Алькасаресе. Здесь советские инструкторы готовили испанцев и иностранных добровольцев к воздушным боям. В Альбасете стало слишком тесно для курсантов, и соседние деревни заполнили интербригадовцы. Мадригерас — итальянцы, Тарасону-де-Ла-Манча — славяне, Ла-Роду — французы и Махору — немцы. Норвежец доктор Оскар Телге с помощниками преимущественно из своих земляков отвечал за медицинское обслуживание, а Полина Марти считалась инспектором всех госпиталей. Луис Фишер, американский журналист, сначала был главным квартирмейстером, пока не поссорился с Марти и его обязанности перешли к болгарину Капову. Готвальд, чешский коммунист, какое-то время был в Альбасете главным политическим советником. Немец Ульбрихт организовал немецкий отдел НКВД, который расследовал деятельность немецких, швейцарских и австрийских «троцкистов». Французская коммунистическая партия обеспечила бригаду формой, в которую

входили даже альпийские круглые шерстяные шляпы. В интербригаде соблюдалась железная дисциплина. «Испанский народ и испанская народная армия еще не одержали победы над фашизмом, — сказал Марти, выступая перед интербригадовцами. — Почему? Потому что им не хватает энтузиазма? Тысячу раз — нет. Потому что им не хватает смелости? Тысячу раз я скажу — нет. Им не хватает трех вещей, которыми должны обладать мы, — политического единства, военного руководства и дисциплины». Говоря о военном руководстве, он показал на невысокого седоватого человека в плаще, застегнутом на все пуговицы до самой шеи: «Теперь у нас будет генерал Эмиль Клебер!» Клеберу минул сорок один год, он был уроженцем Буковины, которая в то время входила в состав Австро-Венгрии, а теперь стала частью Румынии. Настоящее его имя было Лазарь Стерн, а псевдоним он взял в честь одного из талантливейших генералов Французской революции¹⁴. В Первую мировую войну он был капитаном австрийской армии, но, попав в плен к русским, оказался в Сибири. Когда началась революция, Стерн бежал и присоединился к большевикам. Его обвиняли в подсобничестве при убийстве царя в Екатеринбурге. Клебер принимал участие в Гражданской войне и после её окончания учился в Академии имени Фрунзе, став членом военной секции Коминтерна. Во время войны в Китае Клебер выполнял различные конфиденциальные задания и, может быть, с этой же целью бывал и в Германии. Теперь он прибыл в Испанию как руководитель интернациональных бригад. Коммунистическая пропаганда создала ему облик типичного солдата удачи из натурализовавшихся канадцев. Когда Марти представил интербригадовцам их будущего командира, Клебер вышел вперед и в знак приветствия вскинул сжатый кулак. Его встретил гром оваций. Марти продолжил: «Тут есть те, кто слишком нетерпелив, кто хочет сразу же попасть на фронт. Они преступники. Когда первая интербригада вступит в бой, она будет состоять из отлично подготовленных солдат с хорошим вооружением». Так что подготовка в Альбасете продолжалась. Языковые трудности были преодолены. Различное понимание, где лево, а где право, было устранено в ходе муштровки. Тем не менее серьезно воспринимали ее лишь немцы, которые в ней и преуспевали. Ирландцы увеселяли мрачные казармы своими привычными песнями. Стены были испещрены лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь» на самых разных языках.

В течение нескольких следующих месяцев добровольцы продолжали прибывать в Альбасете. В.Х. Оден, который сам короткое время в 1937 году работал в Испании на машине

«Скорой помощи», подчеркнул патриотический порыв интербригадовцев в следующих красочных словах:

«Многие слышали о далеком полуострове, о сонных долинах, о пустынных островах рыбаков или о страдающем сердце города, слышали и летели к нему, как чайки или как цветочные семена.

В грохоте и лязге длинных экспрессов они мчались сквозь пустоши, сквозь ночь, сквозь туннели; они плыли по океанам; они шли через горы. И все несли свои жизни.

На выжженных площадях, где тени не было ни клочка, Африка стояла бок о бок с Европой; на этом пространстве, прорезанном реками, наши мечты обретали плоть; и мрачные образы наших страхов становились живыми и резкими. Ибо страхи, что заставляли нас бегать к врачам и читать брошюры о зимних круизах, брали в полон батальоны, но мы, покинувшие университеты и магазины, уже были другими.

Мы хотели скорее вступить в бой, как хочет этого пуля и бомба. В нашем сердце — Мадрид. И в нем нежность цветет. И на носилках, и за бруствером мы помним часы нашей дружбы в армии этой земли»*.

Одни волонтеры прибывали морем из Марселя, другие пересекали Пиренеи по тайным тропам, которых не знала или не контролировала французская полиция, осуществлявшая политику невмешательства своего правительства. Те, кто шел через Пиренеи, проводили одну ночь в старом замке Фигерас. Но почти все пути тянулись через Барселону или Аликанте, где с криками «Салют!», «Но пасаран!» и «УНР» добровольцев встречали восторженные толпы. Улицы были заполнены испанцами, распевавшими «Интернационал», так они провожали волонтеров. До отправки поезда их ждал прием в городском муниципалитете, где оркестр играл «Интернационал», «Молодую гвардию», «Красное знамя» или Гимн Риго. По пути поезд останавливался на маленьких станциях, и крестьяне толпились у вагонов, предлагая вино и фрукты, вздымая в приветствии сжатые кулаки и провожая поезд возгласами «Да здравствует Россия!» — хотя они и знали, что его пассажиры не русские, а французы или англичане. Даже во время этих кратких остановок оркестры играли «Интернационал», а местные коммунисты и другие партии Народного фронта толпились на перронах, размахивая знаменами с названиями своих деревень. Неудивительно, что рекруты всю дорогу не трезвели. У одного ирландца из Ливерпуля, который потом в стиле вольтеровского «Кандида» описал свои приключения, в

* Вольный перевод И. Полоцка.

первую же ночь в Альбасете начался такой запой, что он шесть месяцев не вылезал с гауптвахты интербригады¹⁵.

В то же время, когда в Альбасете сколачивалось ядро интербригад, в Картахену и Аликанте стали прибывать советские корабли с грузом оружия. Первое судно, скорее всего, пришвартовалось 15 октября, когда «Правда» в унисон с Майским потребовала от «фашистских» стран, чтобы они уважали политику невмешательства, или же испанское правительство получит возможность закупать оружие. В тот же день Сталин направил открытое письмо Хосе Диасу, лидеру испанских коммунистов. Оно было напечатано в «Мундо обреро» 17 октября. В нем говорилось: «Освобождение Испании от ига фашистских реакционеров касается не только испанцев, а является общим делом всего прогрессивного человечества». С 1-го по 24 октября через Босфор прошли 12 советских грузовых судов с оружием на борту. Официально они шли в Мексику, Лондон и Гамбург. Кроме них 11 октября «Георгий Димитров» в Одессе взял на борт 60 грузовиков для Испании; 12 октября из Одессы вышла «Нева» со 151 грузовиком; 13 октября в Аликанте высадились 150 человек из СССР, а «Большевик» доставил в Аликанте 18 самолетов, 15 танков и 300 ящиков с боеприпасами. В тот же день испанский корабль «Кампече» выгрузил в Аликанте боеприпасы советского производства, а «Трансбалт» поднял на борт в Одессе 100 грузовиков и контейнеры с продовольствием; 16 октября «Комсомол» выгрузил в Картахене 50 танков, доставив и их экипажи вместе со всем снаряжением. Испанское судно «Лаваменди» в открытом море перегрузило к себе с неопознанного советского судна некоторое количество разобранных самолетов; в этот же день 150 советских летчиков высадились на аэродроме в 150 милях к югу от Аликанте, и, как сообщалось, «в начале октября» неизвестный советский пароход выгрузил в Аликанте 6 самолетов. Почти весь советский персонал состоял из летчиков и инструкторов. Командовал ими офицер Яков Смушкевич, он же «генерал Дуглас»¹⁶. В это время в Мадрид под самыми разными прикрытиями прибывали и другие советские офицеры. Поскольку все они фигурировали под псевдонимами, выяснить их личности было нелегко. Одним из них, без сомнения, был генерал-танкист Павлов. В это или в другое время в Испании оказались будущие маршалы Рокоссовский, Конев и Малиновский¹⁷.

К тому времени организации, собиравшие помощь для Испании, бурно функционировали почти во всех странах мира. Повсюду действовали «Друзья Испании», Комитеты медицинской помощи Испании, Комитеты за свободу Испа-

нии. За ними маячила тень Коминтерна или местных коммунистических партий. Филип Тойнби, в то время член коммунистической ячейки в Оксфорде, позже описывал, как он получал приказы «организовать комитеты защиты Испании по всему университету, и они множились как кладки моли».

Не все эти организации ставили себе целью помочь республике одержать победу в войне. Многие оказывали чисто гуманитарную помощь обеим сторонам. Тем не менее большая часть собранных денег уходила республиканской Испании, поскольку она, в них нуждалась больше, чем националисты, которые почти всю войну в изобилии снабжались продовольствием и медикаментами. Такое положение дел заставило националистов прийти к выводу, что все иностранные агентства, работающие в республиканской Испании, занимаются политической подрывной деятельностью. И действительно, за большинством самостоятельных комитетов английских гуманитариев стояли коммунисты. Но на самом деле в такой помощи больше нуждалась республика, чем националисты, потому что с самого начала мятежа корпус испанских военных медиков почти полностью перешел на сторону мятежников¹⁸.

В то же самое время в Германии Геринг стал жаловаться, что у него не хватает сменного персонала для работы в Испании. Гесс предоставил в его распоряжение зарубежную организацию нацистской партии во главе с Эберхардтом фон Ягвицем. Тот стал работать непосредственно с Герингом, и в его распоряжение было отведено двенадцать комнат в штаб-квартире нацистской партии. И наконец, 16 октября немецкие министерства иностранных дел и экономики услышали о существовании таких контор.

Примечания

¹ Тем не менее мистер Д.Ц. Уотт раскопал два интересных сообщения в досье немецкого военного атташе в Анкаре, поступивших от немецкого агента, который имел доступ к турецким данным об объеме советских поставок, прошедших через Дарданеллы. Из этих данных вытекает, что 3 сентября 1936 года три советских судна доставили 500 тонн обговоренных материалов и 1000 тонн боеприпасов.

² Кривицкий сообщает, что решение о назначении Орлова состоялось на встрече в Москве 14 сентября. Это было едва ли не последнее заседание под председательством Ягоды, главы ГПУ. 24 сентября он был смещен Ежовым, а впоследствии расстрелян. По мнению Кривицкого, советская военная помощь Испании началась именно с этого дня.

³ Литвинов в автобиографии приводит рассказ о Сталине тех времен. Общепринятое мнение считает, что этот документ — подделка. Но я нашел в нем несколько абзацев касательно Испании, которые

совершенно точны. Тем не менее нижеследующий текст следует воспринимать с определенной сдержанностью. 10 сентября Литвинов заметил Молотову, который продолжал требовать помощи Испании, что есть «обязательства перед Блюмом». Димитров, которого Литвинов недолюбливал, а Сталин обидно называл «бедной марксистской версией анархиста», как обычно, доказывал, что СССР потеряет влияние в Народном фронте в Париже, если не поможет Испании. Литвинов назвал этот аргумент «чепухой». Он сказал, что главная цель Советского Союза — добиться создания системы международной безопасности в форме соглашения, в котором примут участие и Франция с Англией. Сталин колебался, сказал Литвинов, добавив, что «он редко так поступал».

⁴ И тогда и теперь было принято оценивать все эти оттяжки и противоречивые действия как свидетельства зловещего маккиавелизма. На деле же советскую политику очень часто можно было объяснить просто тем, что ею занимались бестолковые и медлительные люди.

⁵ Эти данные приводятся в ноте немецкого министерства иностранных дел от 8 октября 1938 года, поданной в МИД националистской Испании.

⁶ Хотя из Германии в республику поступало и качественное снаряжение, на что до 1938 года жаловался посол Франко в Берлине.

⁷ В это же время в Москву прибыл Вилли Мюнценберг, глава отдела пропаганды Коминтерна, чтобы обсудить положение дел в республиканской Испании. В Париж он вернулся лишь с благими пожеланиями. Вскоре Мюнценберг окончательно рассорился со своими шефами и вышел из партии, после чего в 1940 году в Южной Франции стал жертвой загадочного убийства.

⁸ В принципе очень сомнительно, что автором этой идеи был сам Торез, человек, обделенный воображением. Должно быть, Тольятти, Видали и Розенберг посоветовались и, скорее всего, использовали свое влияние в поддержку этого замысла.

⁹ Когда после таинственного убийства Горкича и других югославских лидеров в конце 1936 года он стал главой Югославской коммунистической партии, Тито обеспечивал переправку югославов в Испанию. По данным одной из его биографий, Тито хотел лично воевать в Испании, но Коминтерн запретил ему участвовать в боевых действиях. Тито отрицал, что он когда-либо бывал в Испании, но, скорее всего, под тем или иным предлогом посещал штаб-квартиру интербригад. Его нежелание признать это, без сомнения, связано с какими-то подробностями убийства Горкича.

¹⁰ Правительство Испанской республики отнюдь не питало иллюзий относительно связи между коммунистической партией и волонтерами. Об этом свидетельствует совет, который испанский консул давал будущим добровольцам, — сразу же установить контакт с коммунистической партией.

¹¹ В романе «По ком звонит колокол» Хемингуэя он изображен под именем генерала Гольца.

¹² В начале 60-х годов XX века Луиджи Лонго был вице-президентом Итальянской коммунистической партии, а Джузеппе ди Витторио вплоть до своей смерти в 1958 году — генеральным секретарем Всеобщей конфедерации труда коммунистического профсоюза, самого большого в Италии. Лонго взял себе псевдоним по имени известного эlegantного матадора Эль Галло, который недавно покинул арену.

¹³ Хотя, без сомнения, в составе интербригад шпионы были.

¹⁴ Французский маршал Клебер какое-то время (в 1780-х годах) служил и наемником в австрийской армии.

¹⁵ Анархисты с самого начала относились к интербригадам с недоверием. Их милиционеры, которые охраняли французскую границу, получили приказ не пропускать добровольцев. Уступили они лишь после вмешательства международных авторитетов, но продолжали считать, что в этих людях нет необходимости. Им было нужно оружие, а не солдаты.

¹⁶ Псевдоним был подсказан названием одноименного истребителя. Подлинное имя генерала Дугласа стало известно лишь в 1956 году.

¹⁷ В том же самом номере «Вопросов истории» за 1956 год рассказывается о пребывании Малиновского в Испании, а также об участии в испанской войне и других советских офицеров, включая генерала Штерна (Григоровича), которого не стоит путать с Клебером, чье настоящее имя, как уже известно, было Лазарь Стерн. В статье также упоминаются генералы Мерецков, Родимцев и летчик А. Серов — в это или в другое время все они были в Испании. Единственное свидетельство о пребывании в Испании Рокоссовского и Конева, если не считать слухов, приводится в книге Эль Кампесино «Коммунисты в Испании». По его словам, Рокоссовский в националистской Испании был арестован и обвинен в шпионаже — по заданию Сталина он старался выяснить характеристики немецкого оружия. Эль Кампесино рассказывает, что Конев (Паулито) в Испании готовил террористов. В этих историях нет ничего невероятного. Эль Кампесино рассказывал, что был в очень хороших отношениях с Малиновским (Маньолито), который имел тогда звание полковника и любил есть горох по-турецки.

¹⁸ Тем не менее существовал общий фонд, который оказывал помощь обеим сторонам. Так, Английский фонд всеобщей помощи Испании имел поддержку архиепископа Кентерберийского и Вестминстерского, главного раввина Англии и настоятеля шотландской церкви.

Глава 37

Новое наступление Африканской армии. — Асанья покидает Мадрид. — Оценка советской помощи. — Чистое золото отправляется в Одессу. — Чиано в Берлине.

В самой Испании 16 октября была наконец снята осада с гарнизона националистов в Овьедо, который находился в очень тяжелом положении. Помощь подоспела как раз вовремя: еще немного — и осажденные пали бы перед натиском астурийских шахтеров, которые уже проникли в город. Тем не менее единственным форпостом националистов на территории республики оставался лишь монастырь Санта Мария де ла Кабеса под Кордовой, который удерживал капитан Кортес и отряд гражданской гвардии. Варела стал готовиться к следующему этапу наступления на Мадрид. 15 октября вся тридцатикилометровая линия фронта была отброшена на 15 километ-

ров. Наступление продолжалось и 16—17 октября, когда с юга нанесли новые удары Баррон и Телья. Майор Доминго, полевой командир республиканцев, в отчаянии застрелился после двухчасового боя. Узловой город Ильескас, на полпути между Толедо и Мадридом, перешел в руки националистов 17 октября. Ларго Кабальеро, который позвонил в город командующему его гарнизоном, к своему ужасу услышал в трубке голос Варелы. На следующий день усталая республиканская армия, которую ее новые комиссары с трудом приободряли заверениями, что вот-вот подойдет советская помощь, предприняла контрнаступление на части Кастехона у Чапинерии. К утру 19 октября 6000 милиционеров прорвали линию обороны и окружили город. Кастехон лично возглавил вылазку из города через его кладбище, и победа республиканцев превратилась в поражение. 20 октября 15 000 республиканцев снова пошли в наступление под личным командованием генерала Асенсио Торрадо¹, майоров Рохо, Мена и Модесто на Ильескас, где со своими марокканцами и легионерами расположился Баррон. Республиканские части прибывали на фронт на двухъярусных мадридских автобусах, которые на ровной местности были хорошо видны с командного пункта Баррона. Артиллерийский огонь разнес город в щебенку, и он был окружен. На поле боя подросла кавалерия Монастерио и колонна Тельи из Толедо, и националисты еще раз обошли части милиции, которые к 23 октября отступили на свои прежние рубежи. Американский консул в Гибралтаре отметил, что 23 октября на землю Испании прибыли первые итальянские пехотинцы — 23 ветерана абиссинской войны.

Канонада боя теперь была слышна уже в Мадриде. В городе царило мрачное настроение. Асанья, как и многие другие горожане, счел, что столица потеряна, и отправился в Барселону, даже не сообщив о своем отбытии членам кабинета. Министры впервые услышали о его бегстве, когда из Барселоны позвонили с вопросом, какой прием следует оказывать президенту. Кабинет торопливо объявил, что президент отправился с инспекционной поездкой на фронты; это сообщение считалось в Мадриде самым лучшим анекдотом во время Гражданской войны. Асанья обосновался в живописном горном монастыре Монтсеррат за пределами Барселоны, довольно далеко от возможных налетов с воздуха и сравнительно близко от французской границы — на тот случай, если республику постигнет окончательный крах. Неспособный справиться со своей болезненной эмоциональностью, Асанья предельно разгневал своих министров. Он категорически отказывался знакомиться с донесениями разведки, называя их

«плохими детективными историями». Его искренность заставляла президента всегда говорить чистую правду, даже в ходе телефонных звонков в другие страны, которые легко можно было подслушать. И когда члены кабинета высказывали ему претензии, он только отвечал: «Я же не виноват, что у меня есть аналитические способности, а у вас нет».

Приближение боевых действий заставило анархистов и социалистов установить между собой более тесные, чем раньше, братские отношения. В Барселоне UGT и CNT решили отложить свои разногласия до лучших времен — во всяком случае, в декларации от 22 октября они объявили, что теперь у них есть общая цель. Если крупных капиталистов следует экспроприировать без всякой компенсации, а их концерны коллективизировать, то мелких собственников беспокоить не стоит. Если их фирмы производят военную продукцию, то они (как и иностранные предприниматели) должны получать компенсацию. Анархистам пришлось уступить и в таких вопросах, как единое республиканское командование, обязательность военной службы, соблюдение дисциплины и «объединение военной промышленности». Хотя в заявлении отсутствовало упоминание о сельском хозяйстве, оно означало еще одну победу UGT над CNT или же коммунистов и PSUC над анархистами, а также скрытую победу мадридского правительства над Барселоной.

В Мадриде Народный фронт и CNT договорились усилить поиск «пятой колонны» в городе. Снова возобновились бессудные убийства, хотя и ненадолго. Так был убит Рамиро де Маэсту, в свое время принадлежавший к «поколению 1898 года», а позже ставший теоретиком испанского фашизма. Лояльность подвергалось непрерывным подозрениям. На Асенсио Торрадо возложили вину за отступление из-под Ильескаса, и ему еще повезло, что 24 октября он получил пост заместителя генерала Посаса, когда тот стал командующим армией Центра. В тот же день генерал Мьяха, давний козел отпущения за провал наступления на Кордову, вернулся после отпуска из Валенсии и был назначен командующим мадридским фронтом, унаследовав генералу Кастелью, бывшему военному министру, который окончательно свалился с ног. А тем временем стремительное наступление кавалерии Монастерио к востоку от дороги Ильескас—Толедо привело к падению Боркса, Эскиваса, Сесеньи и Куэсты-де-ла-Рейны. Под угрозой оказались коммуникации Мадрида с Валенсией.

Во время этих новых боев под Мадридом через Босфор продолжала идти советская помощь. С 20-го по 28 октября в Испанию пришли, как минимум, девять больших грузовых судов. Всего они доставили не меньше сотни грузовиков, 25 тан-

ков, 1500 тонн боеприпасов, 6000 — зерна и 3000 тонн другого продовольствия, а также 1000 тонн дизельного топлива. Но точно и даже приблизительно подсчитать объем советской помощи невозможно. По данным националистов, с 20 октября по 20 ноября разнообразное советское военное снаряжение составило 100 000 ружей, 3000 миллионов патронов, 1500 пулеметов, 6000 снарядов, 300 бомбардировщиков, 200 орудий, 75 зениток, 20 000 фугасов и 25 000 авиационных бомб.

Все республиканцы считали эти подсчеты до смешного преувеличенными. Коммунисты сознательно преувеличивали размеры помощи. Подобно чуду с библейскими рыбами и хлебами, каждые шесть советских самолетов превращались в 600. Данные националистов также были заметно преувеличенными. Но, без сомнения, приток помощи заметно вдохнул жизнь в оборону республиканцев.

Частично чтобы дать гарантию оплаты и этих поставок, и будущих, а также золотого запаса республики, в случае падения Мадрида немалая часть его стоимостью в 1 521 642 400 песет (63 265 684 фунтов стерлингов) из общего количества в 2 258 569 908 песет (70 процентов были в золотых фунтах стерлингов) 25 октября была отправлена из Картахены² в Одессу. Большая часть золотого запаса уже была в Париже, но часть его оставалась в Мадриде до конца войны. Россия была выбрана потому, что она казалась единственным другом республики, а оказись золото в Париже или Лондоне, оно могло бы подвергнуться риску быть конфискованным в соответствии с Соглашением о невмешательстве. Выдвинутые впоследствии обвинения против Советского Союза, что он, присвоив эти деньги, обманул республику, имели сомнительный характер, поскольку поставленные материалы не имели рыночной цены. Тем не менее не подлежит сомнению, что СССР крупно заработал на своих поставках. В дополнение к золоту Испания переправила в Россию немалое количество сырья. В этих сделках участвовали Ларго Кабальеро и доктор Негрин, министр финансов. Дал свое согласие и Асанья. Позже Прието утверждал, что он не знал о судьбе золота. Вопрос так и остался открытым, но похоже, что фактически Прието помогал доставке золота в Картахену. В ночь перед погрузкой итальянские самолеты бомбили город. Испуганный Прието настаивал на необходимости искать укрытие на старой военно-морской базе. Как позже выяснилось, это феерическое количество золота 25 октября отбыло в СССР и 6 ноября через Тунис пришло в Одессу.

Очередная встреча Комитета по невмешательству состоялась 23 октября. Советское правительство, как объявил Майский,

отныне не считает себя связанным условиями соглашения «в большей мере, чем оставшиеся участники» комитета. Главным событием этого заседания стал разрыв дипломатических отношений Португалии с испанским правительством. Хотя советская пресса и предполагала такое развитие событий, СССР не вышел из состава комитета. Объяснением тому было возвращение из Женевы Литвинова. Он, без сомнения, объяснил, что оставить комитет означало бы разрыв отношений с Англией и Францией и нанесло удар политике коллективной безопасности. Тем временем лорд Плимут 24 октября распространил ноту подкомитета, обвиняющую Россию в трех нарушениях соглашения, а Италию — в одном. Он также предложил установить контроль над поставками военного снаряжения в Испанию, поставив в испанских портах наблюдателей, которые информировали бы комитет о своих выводах.

Во время этих лондонских споров итальянский министр иностранных дел граф Чиано посетил Берлин. Здесь он обсудил положение дел в Испании с Нейратом и Гитлером. Все они согласились, что Германия и Италия после падения Мадрида должны признать националистов официальным правительством Испании. Нейрат пришел к выводу, что Мадрид будет взят через неделю. Немцы и итальянцы отбросили идею о влиянии на внутренние дела Испании или о присвоении какой-то части ее территории. Обменялись они и слухами: Чиано сказал, что ничего не слышал о немецком сообщении о 400 тысячах русских, якобы направляющихся в Испанию. Тем не менее, сказал Чиано, он организует наблюдательную службу на морских путях между Сицилией и Африкой. Он добавил, что Италия закончила подготовку двух подводных лодок для националистов. При нынешней ситуации такие суда должны нести вахту в Средиземноморье. Эта встреча еще больше сблизила немцев и итальянцев. Через неделю Муссолини в первый раз употребил фразу «Ось Берлин—Рим» по отношению к их союзу.

Примечания

¹ Он был произведен в генералы после Талаверы.

² Сюда золото доставили несколько недель тому назад.

³ Об этом говорится в книге Альвареса дель Вайо «Последний оптимист», и я лично считаю, что его рассказу можно верить, поскольку в то время (и вплоть до конца 1937 года) Прието ни в коем случае не был антикоммунистом.

Книга четвертая

ОСАДА МАДРИДА

Глава 38

Появление советского вооружения. — Немецкое правительство формирует легион «Кондор». — «Пятая колонна». — Националисты готовятся к своему триумфу. — Анархисты входят в правительство. — Мола готовит план штурма. — Бегство правительства из Мадрида. — Генерал Мьяха и контроль коммунистов. — Михаил Кольцов. — Бойня политических заключенных в Паракуэльос. — Правительство избегает покушения в Тараконе.

28 октября дипломаты снова встретились в зале Локарно Форин Офис. В своей многословной речи Майский возмущенно повторил, что страны, которые решили просто снабжать правительство Испании (то есть Советский Союз), «не считают себя связанными условиями соглашения о невмешательстве» более, чем Германия, Италия и Португалия. Конгресс британских тред-юнионов и лейбористская партия поддержали русских в их стремлении отказаться от политики невмешательства. К тому времени призыв «Оружие для Испании!» объединил левых как в Британии, так и повсюду в мире¹. Ларго Кабальеро выступил по радио Мадрида. «Пришло время нанести врагу смертельный удар, — начал он. — Наши силы растут. В нашем распоряжении — прекрасное высококачественное оружие. У нас есть мощные танки и самолеты. Прислушайтесь, товарищи! На рассвете наши артиллерия и бронепоезда откроют огонь. Немедленно вступит в бой авиация. Танки пойдут на врага в его самых уязвимых точках». Мадрид уже и раньше слышал такие оптимистические предсказания. Тем не менее на этот раз Ларго Кабальеро говорил правду: прибыли советские танки и самолеты.

Наступление началось на рассвете 29 октября. Группа советских танков, под командованием опытного танкиста генерала

Павлова, смела кавалерию националистов. Танки действовали в новом стиле «блицкрига», который разработал в Германии полковник Гудериан, а в СССР с удовольствием взял на вооружение маршал Тухачевский. Суть ее заключалась в том, что танки действовали мощной ударной группой, а не растягивались в линию, как предпочитали французы, для поддержки пехоты². На узких улочках Эскиваса разразилось странное экзотическое сражение между танками и всадниками. Поскольку Пятый полк запаздывал с поддержкой, танкам вскоре пришлось отойти. После этой атаки националисты пришли к выводу, что с юга Мадрид укреплен надежнее, чем они думали.

На следующий день — хотя новости об атаке русских танков пока так и не поступили — Нейрат, немецкий министр иностранных дел, спешно передал инструкцию Канарису, который под своим любимым именем Гильермо недавно прибыл в Испанию и с удовольствием гонял на машине по пустынным и ухабистым дорогам. «Ввиду того что помощь красным может возрасти, — сказал Нейрат, — немецкое правительство не считает, что тактика боевых действий белых испанцев, на земле и в воздухе, может принести успех». Далее он проинструктировал Канариса сделать Франко формальное предложение, предоставив ему мощное подкрепление. Если Франко согласится получить его, то руководить им будет немецкий командир. Кроме того, Франко должен будет гарантировать, что военные действия станут носить более систематический и активный характер. Франко принял эти условия. И 6 ноября в Севилью прибыл так называемый легион «Кондор». Командовал им генерал фон Шперрле, а начальником штаба был полковник Рихтгофен. На первых порах часть состояла из четырех бомбардировочных эскадрилий по двенадцать бомбардировщиков в каждой, такой же эскадрильи истребителей и эскадрильи, в которую входили амфибии, самолеты-разведчики и экспериментальные модели. В дополнение легиону была придана часть с зенитным и противотанковым вооружением и два танковых взвода по четыре танка в каждом³. Личный состав этих сил насчитывал 6500 человек. Как ни странно, вооружение, оборудование и техника были довольно примитивными. Многие «кондоры» не имели радиосвязи. Пулеметы надо было перезаряжать вручную. Бомбардировщиками были «Юнкерсы-52», а истребителями «Хейнкели-51» и «Мессершмитты-109». К легиону была также приписана «Группа Северного моря» из специалистов артиллерийского, миного и сигнального дела. Они базировались на линкорах «Германия» и «Адмирал Шеер». Поскольку именно в это время Россия решила оказать помощь республике, Германия усилила и реорганизовала свою. В силу мрачной иронии судьбы советским и

немецким офицерам, которые за несколько лет до прихода Гитлера к власти тайно учились вместе на равнинах Белоруссии, теперь пришлось на деле применять полученные знания в крупнейшей военной игре испанской кампании, жертвами которой оказались простые испанцы.

Благодаря новой помощи их немецких союзников генералы националистов преисполнились глубокой уверенности в своих силах. Мола взял командование над всем Мадридским фронтом, который, как он считал, должен осуществить последний штурм. Свою штаб-квартиру он разбил в Авиле. Когда группа иностранных журналистов спросила, какая из его четырех колонн возьмет Мадрид, он произнес слова, которые с тех пор повторялись несчетное количество раз: это будет «пятая колонна» тайных сторонников националистов в самом городе. С 29 октября начались интенсивные бомбардировки Мадрида, в какой-то степени для того, чтобы удовлетворить интересы немецких советников, которые хотели увидеть реакцию гражданского населения. 30 октября на Хетафе было предпринято мощное наступление — среди трупов насчитали шестьдесят детей. С этого дня на окраинах Мадрида происходили постоянные стычки, а 6 ноября Африканская армия захватила небольшую деревню, которая, по словам журналистов, было «ключом» к Мадриду. 4 ноября пал аэропорт Хетафе. На следующий день националисты заняли пригородные кварталы Алькоркон и Леганес, где располагались автобусная и трамвайная станции Мадрида.

Франко объявил, что окончательное освобождение столицы уже близко, и предупредил мадридцев, что они должны сидеть по домам, неприкосновенность которых «наша доблестная и благородная армия будет уважать». Этим словам сопутствовала угроза, что «мы выясним всех виновных, и только на них падет меч закона». Список будущих арестантов уже был готов, а в Авиле сформирована будущая муниципальная администрация завоеванного города. Конвой грузовиков с продовольствием держались сразу же за артиллерийскими позициями. Радио Лиссабона даже передало описание, как Франко на белом коне въезжает в Мадрид.

После радостных надежд, вспыхнувших после атаки русских танков, на стороне республиканцев наступило повсеместное уныние. Улицы столицы были заполнены толпами беженцев, которые гнали свой скот, несли скарб и домашних животных. В критический час правительство было реорганизовано, и теперь в него вошли анархисты, как месяц назад в Женералитат Каталонии. Гарсиа Оливер стал министром юстиции, стекольщик Хуан Пейро — министром промышленности, Хуан Лопес Сан-

чес — министром торговли, а Федерика Монтсень, близорукая женщина-интеллектуал из Барселоны, — министром здравоохранения. То, что лидеры рабочего класса вошли в правительство, почти не вызвало удивления. В остальных министерствах, которых было от тринадцати до восемнадцати, почти все осталось по-старому. Асанья возражал против участия анархистов в правительстве, но в ходе телефонного разговора был вынужден согласиться. Гарсиа Оливер, может, единственный неподдельный анархист, которому выпало заниматься юстицией, сразу же поразил даже республиканцев эффективностью своих действий. Но главной его заботой, едва только он занял кабинет, стало уничтожение в министерстве юстиции архивных дел заключенных. Что он и сделал. Потом было сказано, что все эти компрометирующие досье сгорели во время воздушного налета. Анархистская газета «Солидаридад обреро» назвала день 4 ноября «самым потрясающим в политической истории страны» и объявила, что правительство «отказалось быть угнетателем рабочего класса». Все требования Национального совета, а не правительства были немедленно отброшены. Из Парижа социалист Аракистайн объяснил, что UGT стала претворять в жизнь революционный социализм, а CNT признана государством как «инструмент борьбы». Но отец Федерики Монтсень сказал дочери, что это означает «ликвидацию анархизма. Придя к власти, вы не сможете отказаться от нее».

Анархисты не стали заново открывать огонь по кабинету. Наоборот — и они поддались господствующему унынию. Не теряли бодрости только коммунисты, монотонно, но искренне повторяли по радио и на улицах лозунг: «Но пасаран!» Это они предупреждали Мадрид, что, если город падет, будет перебита половина населения. Престиж и их, и созданного ими Пятого полка зависел от того, выживет ли город.

Колеблясь между чрезмерной уверенностью и осторожностью, Мола, Варела и Ягуэ отложили начало наступления до 7 ноября. План заключался в том, что острие основного удара будет направлено между Университетским городком и пасаде-Эспанья, отсекая кварталы среднего класса, которые тянулись на холмах над долиной Мансанареса. В случае успеха со стороны Мансанареса и Каса-де-Кампо обороняющимся пришлось бы с трудом штурмовать холм за Западным парком. Колонна Асенсио первой из сил Ягуэ должна была форсировать Мансанарес ниже пасео-де-Росалес, длинной улицы, тянувшейся над Западным парком, и, поднявшись по склонам, захватить Образцовую тюрьму и казармы Дон Хуана. Кастехону предстояло выйти левее и занять студенческую резиденцию в той стороне Университетского городка, что примыкала к

Мадриду. Справа Дельгадо Серрано должен был захватить казармы Монтанья и держать под огнем Королевский дворец и Гран-Виа. Учитывая, что основное наступление развивалось с юга, Баррону и Телье предстояло в это же время ворваться в пригород Карабанчель.

Правительство Ларго Кабальеро решило оставить Мадрид и перебраться в Валенсию. Было объявлено, что администрация не может исполнять свои обязанности, находясь в зоне военных действий. Решение правительства исходило из того, что город неминуемо должен пасть. В три часа утра 6 ноября Кабальеро оповестил командира мадридской дивизии генерала Мьяху об этом плане и добавил, что в любом случае контроль над ситуацией остается за ним. Ведущие министры, гражданские служащие и политики всех партий, кроме коммунистов, также потянулись из Мадрида, прихватив с собой все правительственные досье, кроме документов военного министерства. Мьяха и генерал Посас, командующий Центральной армией, были вызваны к заместителю военного министра генералу Асенсио. Тот вручил каждому из них по конверту с надписью «строго конфиденциально, до шести утра не открывать». После чего и Асенсио отправился в Валенсию. Мьяха настоял на том, чтобы немедленно вскрыть конверты. При этом они с Посасом выяснили, что инструкции были неправильно разложены. Посас получил приказ расположить новую штаб-квартиру Центральной армии в Тараконе. Мьяхе же предстояло создать «хунту обороны» из представителей партий Народного фронта, которая и возьмет на себя оборону Мадрида.

Коммунисты и их русские советники воспользовались представившейся возможностью. Они тут же взяли на себя все функции исполнительной власти, брошенные гражданскими служащими. Пока советские самолеты рассыпали листовки, призывавшие мадридцев помнить оборону Петрограда, «Мундо обреро» объясняла женам бойцов, что теперь они будут приносить своим мужьям обеды «не на заводы, а в окопы». Республиканские чиновники и командиры, полные упаднических настроений, отказывались сотрудничать с Мьяхой. И тогда коммунист Антонио Михе сообщил, что Пятый полк безоговорочно поступает в распоряжение генерала. Он добавил, что коммунисты будут защищать каждый дом в Мадриде. Почти весь состав «хунты обороны», которую приказал сформировать генерал Асенсио, состоял из молодых людей. Хотя, как и было предписано, в нее входили правящие партии по принципу пропорционального представительства, точно так же, как и в пуэбло в первые дни войны, власть принадлежала сильнейшей группировке — в данный момент коммунистиче-

ской партии и ее молодежному крылу. Михаил Кольцов, корреспондент «Правды», какое-то время был главной вдохновляющей силой «хунты обороны».

Был создан и новый генеральный штаб. Он главным образом состоял из офицеров, которых ввиду их незначительности не сочли нужным брать в Валенсию. Рохо, который командовал силами республики во время осады Алькасара, стал его главой. На него пала трудная задача выяснить, какие силы и какое вооружение все еще находятся в его распоряжении. В силу неразберихи в военном министерстве из-за отбытия Ларго Кабальеро была потеряна связь с боевыми частями, которые оказались в той или иной мере предоставлены сами себе. Всех командиров, а затем и лидеров профсоюзов собрали в военном министерстве. Мьяха обратился к ним с речью, полной патриотизма. Он не стал скрывать исключительную серьезность ситуации и потребовал, чтобы на следующий же день на фронт были отправлены 50 000 человек. Командиры, воодушевившись, вернулись к своим людям — по крайней мере, теперь они знали, что Мадрид не сдастся без боя. Молодые коммунисты и социалисты тем временем организовали поиск членов «пятой колонны». Мигель Мартинес, главный советский комиссар, отсылал политических заключенных в Образцовую тюрьму. В тревожные часы почти все они были зверски перебиты охраной. Официально они погибли во время «перевода в новую тюрьму», в маленькую соседнюю деревушку Паракуэльос-де-Харама. В течение следующих нескольких дней в ходе массовых казней были уничтожены почти все политические заключенные в Мадриде, в той же самой деревне, в соседней с ней Сан-Фернандо-де-Энарес и в Торрехонде-Ардосе. Было убито порядка тысячи человек, и среди них Ледесма Рамос, первый испанский фашист.

Само правительство с трудом избежало подобной же судьбы. По пути в Валенсию несколько министров были задержаны в Тарагоне «железной колонной», кагулярами «Испанской революции», которые не одобряли участие их лидеров в правительстве. Под дулами винтовок министров бесцеремонно выкинули из машин. Им было приказано возвращаться на свои места в Мадриде — или они будут расстреляны. Альварес дель Вайо уговорил правительство сделать вид, что оно возвращается в Мадрид, и на полной скорости проскочить мимо анархистских пикетов. Деятели UGT столкнулись с такими же сложностями на другой дороге в Валенсию, у Куэнки. Таковы были последствия падения престижа правительства в тот момент, когда Африканская армия стояла у ворот Мадрида.

Примечания

¹ На конференции лейбористской партии в Эдинбурге 519 000 голосов было подано против партийной линии, поддерживавшей политику невмешательства. Голосовали, в частности, сэр Чарльз Тревельян, Кристофер Аддисон, Филип Ноэль-Бейкер и Эньюрин Бевин.

² Восхищение русских этой «революцией в военном деле» частично объяснялось тем, что она была сродни их собственной политической и экономической революции.

³ Танками командовал фон Тома, который уже провел в Испании три месяца, обучая испанцев. Он же был главным военным советником.

Глава 39

Битва за Мадрид. — Мобилизация населения. — Появление первой из интернациональных бригад. — Их роль в обороне. — Националисты держатся. — Появление в Мадриде Дуррути. — Асенсио пересекает Мансанарес. — Бой в Университетском городке. — Мадрид в огне.

Битва, которая началась 7 ноября к западу от Мадрида, была одним из самых необычных сражений современной войны. Армия, хорошо вооруженная, но насчитывающая всего 20 000 человек, преимущественно марокканцев и легионеров, вступила в яростное боевое столкновение с плохо вооруженной, но огромной массой горожан. Первых поддерживали немцы и итальянцы, а их врагов — советские танки и авиация.

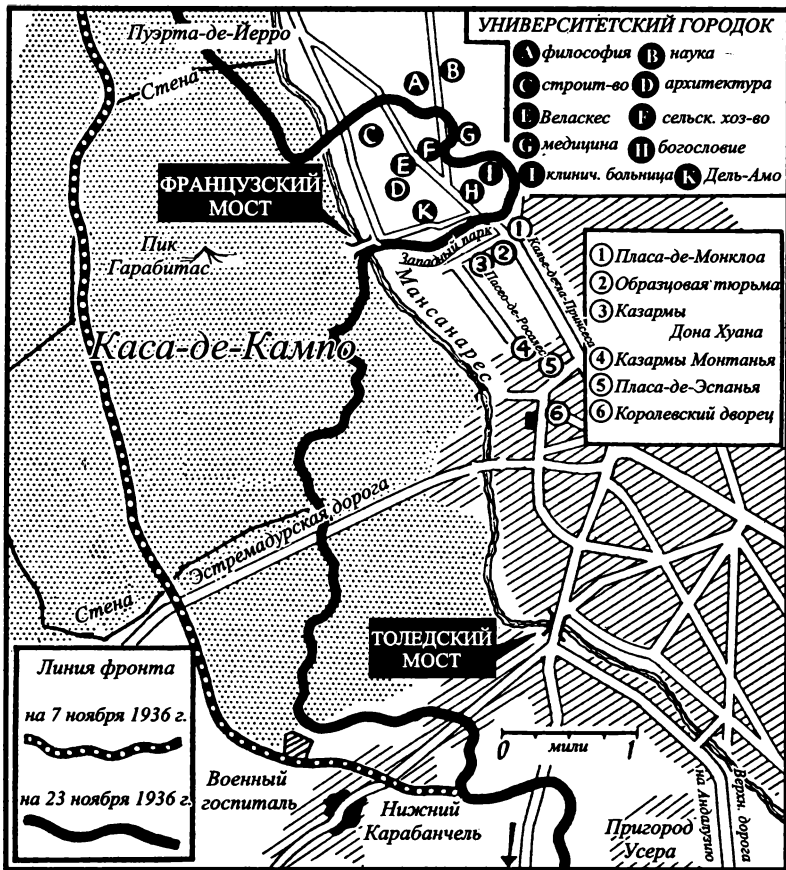
На рассвете Варела обрушил на город мощный артиллерийский огонь. Одновременно с его началом радио Мадрида отдало приказ строить баррикады. Массы рабочих двинулись на передовую линию. Многие были без оружия, готовые брать ружья погибших. Из уличных громкоговорителей непрерывно доносился голос Пассионарии, побуждавший женщин кипятить масло и выливать его на головы тех, кто попытается ворваться в их дома. Женщины, как и в первые дни войны, играли большую роль; на демонстрациях они требовали, чтобы всех мужчин отправляли на фронт. Женский батальон даже дрался у моста Сеговиа¹. В строительстве баррикад участвовали и дети. В первый раз в небе появились русские истребители, которые вступили в бой с немецкими и итальянскими бомбардировщиками. Без сомнения, они не стали решающим оружием, но продвижение националистов остановила стойкость обороняющихся. Милиционеры, воспламененные листовками, речами и поэмами, утверждавшими, что те, кто не верит в победу, трусы, беспрекословно исполняли приказы,

требовавшие не отступать ни на дюйм. В Каса-де-Кампо националистам, которые предполагали выйти к казармам Монтанья, удалось добраться лишь до возвышенности, известной как гора Гарабитас. Отсюда открывался прекрасный вид, и отсюда же с артиллерийской позиции можно было через долину обстреливать Мадрид. Все время командиры республиканцев требовали подвоза боеприпасов и сообщали, что половина их бойцов уже погибла. И все время Мьяха отвечал, что подкрепление уже послано. Но невозможно было понять, в какой мере дух сопротивления обеспечивается действиями штаб-квартиры Мьяхи, расположенной в подвалах военного министерства, и в какой — распоряжениями советского генерала Берзина, чей кабинет был по соседству. Конечно же сопротивление в большой степени было обязано пропаганде и руководству коммунистов — испанцев и русских.

Утром 8 ноября сражение завязалось снова. Пока артиллерия Варелы громила здания на улице Короля Альфонсо в Университетском городке и каждые две минуты радиосвязь Мадрида отдавала приказы о всеобщей мобилизации, по Гран-Виа в сторону фронта в безукоризненном строю промаршировал первый отряд интербригад.

Возглавлял его немецкий батальон с приданным ему взводом английских пулеметчиков². Сначала он был назван по имени своего командира, бывшего прусского полковника Ганса Кале, теперь коммуниста, но потом сменил название и стал Батальоном Эдгара Андре, в честь одного из руководителей немецких коммунистов, в начале месяца казненного Гитлером.

Вторым шел Батальон Парижской коммуны, состоящий из французов и бельгийцев. Возглавлял его полковник Дюмон³, бывший профессиональный офицер и в то же время давний член коммунистической партии. Этим франкоязычным бойцам также был придан взвод английских пулеметчиков. Третьим был Батальон Домбровского под командой поляка, полковника Тадеуша Оппмана. Состоял он главным образом из польских шахтеров, живших во Франции и Бельгии. Все три подразделения включали в себя большую часть немцев, французов и поляков, которые остались в живых после боев в Арагоне и долине Тахо. Частью командовал энергичный и способный венгр Клебер. Бригада прибыла из Ламанчи, где крестьяне, радостно встречая ее, кричали: «Но пасаран!» и «Салют!», а интербригадовцы отвечали им возгласами «Рот фронт!». За этими подтянутыми, дисциплинированными бойцами в вельветовой форме и стальных касках следовали два эскадрона французской кавалерии — все это произвело огромное впечатление на мадридцев, уже было решивших, что столица

Карта 16. Битва за Мадрид

потеряна. Многие решили, что Советский Союз пошел на прямое участие в войне. Так что с балконов на Гран-Виа звучали и приветствия: «Да здравствуют русские!»

К вечеру бригада вышла на позиции. Батальон Эдгара Андре и Батальон Парижской коммуны были направлены к Каса-де-Кампо. Батальон Домбровского пошел на соединение с Листером и Пятым полком в Виллаверде. Клебер взял на себя командование всеми силами республиканцев в Каса-де-Кампо и Университетском городке и тут же привел в изумление испанских командиров решительностью своих действий. В Каса-де-Кампо интернациональная бригада расседоточилась среди защитников. На четырех испанцев приходился примерно один интербригадовец — они поднимали боевой дух и учили стрелять упрямых милиционеров. Африканская армия столкнулась с пулеметным огнем, не уступавшим ее собственному.

Часто повторялись утверждения, что интербригада спасла Мадрид. Эта точка зрения была настолько широко распространена, что в Сен-Жан-де-Люс британский посол сэр Генри Чилтон заверял своего коллегу Боуэrsa, что «в армии, оборонявшей Мадрид, вообще не было испанцев». 11-я интернациональная бригада, скорее всего, включала в себя не больше 1900 человек. В 12-й же интербригаде, которая наконец прибыла на Мадридский фронт 12 ноября, было порядка 1600 человек. Этих сил было слишком мало, чтобы они сами по себе могли изменить ход событий. Тем более, что милиция и рабочие еще 7 ноября, до появления бригады, остановили Варелу. Эта победа принадлежала жителям Мадрида. Тем не менее в нескольких последующих сражениях отвага и опыт интербригад сыграли решающую роль. Пример интербригад, где могли расстрелять милиционеров, чтобы заставить их продолжать сопротивление, вызвал у мадридцев чувство, что они не одни, что есть такие понятия, о которых в ночь на 8 ноября по мадридскому радио страстно говорил республиканский депутат Фернандо Валера: «Здесь, в Мадриде, проходит всеобщий фронт, который разделяет свободу и рабство. Здесь, в Мадриде, сошлись в непримиримой борьбе две несовместимые цивилизации: любовь против ненависти, мир против войны, братство во Христе против тирании церкви... Это Мадрид. Это борьба за Испанию, за гуманизм, за справедливость, и этот плащ, залитый кровью, укрывает собой всех людей! Мадрид! Мадрид!» И все же большинство в мире предпочитало верить сообщениям многих известных журналистов, таких, как Сефтон Делмер, Херберт Мэттью, Генри Бакли и Винсент Шин, которые, расположившись на Гран-Виа или в отеле «Флорида», непрерывно сообщали, что Мадрид, скорее всего, падет.

На следующий день, 9 ноября, Варела, остановленный в Каса-де-Кампо, начал новое наступление — на этот раз оно не было отвлекающим маневром. Но уличные бои смутили марокканцев, которые так и не продвинулись вперед. В Каса-де-Кампо Клебер собрал весь состав интербригад. И когда сгустился вечерний туман, он повел их в атаку. «За революцию и свободу — вперед!» Среди зарослей падубов и эвкалиптов бой длился всю ночь и утро 10 ноября. К его завершению в районе Каса-де-Кампо в руках националистов оставалась только гора Гарабитас. Но треть 1-й интербригады полегла на поле боя. Вареле пришлось отказаться от прямого штурма Мадрида через Каса-де-Кампо. Кровавопролитное сражение продолжилось в Карабанчеле. На территории военного госпиталя стороны сошлись в рукопашной. В то же время бомбардировки столицы, которые непрерывно продолжались с начала штурма, усилились. Особенно густо на город сыпались зажигалки, ибо огонь лучше всего способствовал распространению паники.

12 ноября продолжающаяся битва у Карабанчеля убедила руководителей обороны Берзина, Клебера, Рохо и Мьяху, что следующее наступление Франко предпримет в направлении автотрассы Мадрид—Валенсия. Соответственно в этот сектор обороны была выслана новая 12-я интербригада, состоящая из батальонов Тельмана, Андре Марти и Гарибальди — немцев, французов и итальянцев. Ею командовал генерал Лукач. На самом деле он был венгерским писателем Матэ Залкой. Как и Клебер, Лукач был венгром, во время Первой мировой войны служившим в австрийской армии. Попав в плен к русским, вступил в Красную армию. Раньше он был известен как Кемени, герой Смирны. Он обладал качеством, которое случайный путешественник посчитал бы типичным венгерским гусарством, бравадой. Комиссаром бригады был коммунист, немецкий писатель Густав Реглер, красивый, как Зигфрид. До этого он руководил походной радиоустановкой республики, покупке которой способствовал французский поэт и коммунист Луи Арагон. Батальоном Тельмана в интербригаде командовал Людвиг Ренн (Арнольд Вет фон Голссенау), который стал известен после своего пацифистского романа «Война», в основу которого легли его воспоминания о Первой мировой войне. Его комиссаром был баварский коммунист бывший депутат Ганс Беймлер, он же исполнял комиссарские функции для всех немцев в Испании. При этом же в батальон входили и восемнадцать англичан, включая Эсмонда Ромилли, необузданного анархиста, племянника Уинстона Черчилля. Батальон Гарибальди возглавлял не коммунист, а республиканец Рандольфо Паччарди, который с самого начала проявил себя

выдающимся руководителем. Командиром одной из его рот был Пьетро Ненни, бывший соратник Муссолини по социалистическому движению.

Эта часть была подготовлена к военным действиям несколько хуже, чем 11-я бригада. Когда она вступила в бой, то команды часто путались, ибо при передаче приказов возникали проблемы с языком. (Лукач ни как лингвист, ни как командир не отличался способностями Клебера.) Бригаде пришлось вступить в бой усталой после 14-километрового марша. Артиллерийская поддержка оказалась слабой. Несколько подразделений потерялись. Сражение длилось весь день, но цель штурма, холм в географическом центре Испании, известный как Серро-делос-Анхелес, оставался неприступным. Бригаде пришлось отступить, и она была переброшена на Мадридский фронт.

Ко времени появления 12-й интернациональной бригады в Мадрид прибыл и Дуррути во главе колонны из 3000 анархистов. Его убедила покинуть Арагон Федерика Монтсень, сказав, что это пойдет на пользу правительству. Дуррути потребовал выделить ему самостоятельный участок фронта, чтобы его люди могли показать свою отвагу. Мьяха нехотя согласился направить анархистов в Каса-де-Кампо. Берзин приставил к ним опытного советника, македонского коммуниста Санти. Дуррути получил приказ 15 ноября перейти в наступление, которому окажут поддержку вся республиканская артиллерия и авиация. Тем не менее, когда наступил назначенный час атаки, пулеметы марокканцев так напугали анархистов, что они отказались идти в бой. Разгневанный Дуррути пообещал начать наступление на следующий день. Но и Варела избрал этот момент для новой атаки. Трижды авангард колонны Асенсио выходил к Мансанаресу, и трижды его отбрасывали. Наконец Асенсио вышел к берегу реки ниже Паласете-де-ла-Монклоа. После массированной артиллерийской и авиационной подготовки два «табора» марокканцев и «бандера» легионеров форсировали водную преграду. Они выяснили, что анархисты сбежали и, таким образом, путь в Университетский городок открыт. Высоты были быстро очищены, захвачена Школа архитектуры и другие соседние здания. Из Каса-де-Кампо для защиты факультета философии и литературы вышла 11-я интербригада. Но в это время реку форсировали все новые и новые части Африканской армии, включая бойцов из колонн Дельгадо Серрано и Баррона.

В Университетском городке начался кровавый бой. Похоже, этот городок был обречен на уничтожение в строгом соответствии с лозунгом основателя Иностранного легиона Мильяна Астрая — «Долой интеллигенцию!». Чудовищная неразбериха дополнялась вавилонским смешением языков, непрерывным

пением «Интернационала» на самых разных языках и обменом оскорблениями между националистами и республиканцами. Под аккомпанемент маршевых песен немецкие коммунисты с неукротимой тевтонской обреченностью рушили стены лабораторий и аудиторий. В темноте звучали неразборчивые команды, обращенные к людям, прибывшим защищать город, которого они так и не видели: «Батальон Тельмана — вперед!», «Батальон Андре на помощь!», «Гарибальди, аванти!». Часы артиллерийского обстрела и бомбардировок, перед которыми не отступала ни одна из сторон, сменялись рукопашными схватками за этажи зданий или даже за отдельные помещения. В клинической больнице саперы Батальона Тельмана заложили взрывчатку в лифты и отправили их наверх, чтобы те взорвали марокканцев на следующем этаже. В этом же здании марокканцы понесли потери, съев зараженных экспериментальных животных. Обе стороны дрались с огромной отвагой. Группа поляков оказывала яростное сопротивление в Каса-де-Веласкес (названном так потому, что отсюда мастер рисовал Гвадарраму) и полностью погибла. Авангард марокканцев еще раз отбросил анархистов Дуррути с Пласа-де-ла-Монклоа, первой площади, входившей в границы Мадрида, и с боем двинулся вдоль длинной Калье-дела-Принсеса. Часть из них отчаянно пробивалась вдоль Пасео-де-Росалес, чтобы выйти к Пласа-де-Эспанья. Все были перебиты. Но слухи о том, что «мавры уже на Пласа-де-Эспанья», не так-то легко было прекратить. Чтобы вселить бодрость в милиционеров, на передовую линию прибыл Мьяха. «Труссы! — орал он. — Умирайте в окопах! Погибайте вместе со своим генералом Мьяхой!»

Битва за Университетский городок продолжалась до 23 ноября. К тому времени три четверти района оказались в руках Молы. Он стремился захватить клиническую больницу и больницу Святой Кристины, а также Институт гигиены и рака. Продвижению Молы к Пласа-де-Монклоа мешали защитники факультета философии и литературы. Две предельно вымотанные армии наконец начали рыть окопы и строить укрепления. Националисты осознали, что дальнейшее наступление на Мадрид может обойтись им слишком дорого. Республиканцы же поняли, что, окончательно отбросив врага, они понесут не меньшие потери.

21 сентября, когда сражение было в самом разгаре, в бою у Образцовой тюрьмы был убит Дуррути. Говорили, что он погиб от шальной пули, выпущенной со стороны Университетского городка. Тем не менее он, скорее всего, был убит кем-то из своих людей, одним из тех «неуправляемых», которые не принимали новую анархистскую политику (с августа Дуррути отчаянно

отстаивал выражение «дисциплина недисциплинированности») и его участия в правительстве. Похороны Дуррути в Барселоне стали незабываемым событием. В течение всего дня по проспекту Диагональ, самой широкой улице города, шли колонны по 80 или 100 человек в рядах. Вечером двухсоттысячная толпа поклялась блюсти заветы погибшего вожака. Но смерть Дуррути ознаменовала собой конец классического века испанского анархизма. Поэт-анархист провозгласил, что благородство Дуррути заставит встать «легионы новых Дуррути». Он ошибался.

Тем временем Франко, сказав португальским журналистам, что предпочтет разрушить Мадрид, чем оставить его «марксистам», резко усилил интенсивность бомбардировок. Немецких офицеров нового легиона «Кондор» интересовала реакция гражданского населения на тщательно спланированные попытки поджечь город, квартал за кварталом. Бомбами старались поразить, насколько возможно, больницы и такие здания, как «Телефоника», разрушение которого вызвало особую панику. Воздушные налеты сопровождалась артиллерийскими обстрелами с Гарабитас. С 16-го по 19 сентября бомбежки шли главным образом по ночам, и в их ходе погибло 1000 человек. Ни один большой город в истории не подвергался таким испытаниям, хотя они были лишь предварительной прикидкой того, что несколько лет спустя довелось пережить Лондону, Гамбургу, Токио и Ленинграду. Из-за огромных пожаров столица порой напоминала пыточную камеру. За треском пламени можно было слышать монотонный рефрен, который повторялся как гул далекого барабана: «Но па-са-ран! Но па-са-ран! Но па-са-ран!» Многие мадридцы перебирались в район Саламанки, где жили представители среднего класса. Но места для всех не хватало. 20 000 человек жили на улицах, предпочитая оставаться в Мадриде, а не выбираться к побережью. Все же за неделю 15 000 человек были переправлены в Левант. Но военный и психологический эффект воздушных налетов оказался несущественным, поскольку они вызвали куда больше ненависти, чем страха. Бомбы попали в Паласьо де Лир, городской дворец герцога Альбы, но милиционерам удалось спасти большинство бесчисленных произведений искусства, хранившихся в нем⁴. Луи Деллапре, парижский корреспондент, сделал в своем дневнике апокалиптическую запись: «О, старая Европа, постоянно занятая своими мелкими играми и зловещими интригами, да позаботится Господь, чтобы она не захлебнулась потоками этой крови». Через несколько дней он погиб при аварии самолета, когда летел домой жаловаться редактору, что тот не публикует его самые сенсационные сообщения⁵.

В течение этих недель Мадрид был отрезан от всего остального мира⁶. Когда по единственной линии связи Мьяха связался с Валенсией и потребовал от Ларго Кабальеро дополнительных боеприпасов, то в ответ получил требование сберечь столовое серебро министерства, оставшееся в столице.

Примечания

¹ Появление этой части разъярило ирландского лейтенанта Фитцпатрика. Женщины в бою были для него последней степенью деградации республиканцев.

² В него входил Джон Корнфорд.

³ Его называли полковник Кодак, потому что он любил фотографироваться. Двадцать лет назад Дюмон и Ганс противостояли друг другу в рядах немецкой и французской армий на Западном фронте.

⁴ Герцог был среди тех, кто громогласно жаловался на «красный вандализм». В 1937 году республиканскую Испанию посетили сэр Ф. Кеньон, бывший директор Британского Музея, и Джеймс (теперь сэр Джеймс) Манн, хранитель собрания Уоллеса, и сообщили, что сокровища искусства в музее Прадо и повсюду в республике находятся в прекрасном состоянии.

⁵ Эта авиакатастрофа — один из многих инцидентов испанской войны, суть которого так и осталась неясной. Был ли самолет в самом деле сбит истребителем республики, которая не хотела, чтобы представитель Лиги Наций, вернувшись в Женеву, рассказал о подлинном состоянии здравоохранения в Мадриде? Или же самолет Делпри был достигнут националистами, которые постарались, чтобы в Париж не попали собранные им известия? И та и другая версия кажутся мне весьма сомнительными.

⁶ 23 ноября посольство США было переведено из Мадрида в Валенсию, хотя американский представитель Венделин явно не хотел уезжать. К тому времени город уже покинуло большинство посольств; хотя они оставили после себя несколько сотрудников, которые заботились о беженцах.

Глава 40

Вмешательство и невмешательство. — Блокада со стороны националистов. — Германия и Италия признают националистов. — Испано-итальянское соглашение от 28 ноября. — Обсуждение немецкой и итальянской помощи. — Фаупель. — Испания перед Лигой. — Британский план посредничества. — Британия и волонтеры. — Американские добровольцы. — Закон об эмбарго в США. — «Мар Кантабрико». — План контроля. — Муссолини и Геринг.

В Лондоне Комитет по невмешательству продолжил свои дискуссии. 12 ноября Майский с удовольствием констатировал, что «после недель бесплодных разговоров наш комитет...

наконец выработал схему более или менее эффективного контроля за Соглашением о невмешательстве»¹. Ибо в этот день был одобрен план лорда Плимута о введении на границах Испании и в ее портах института наблюдателей, которые будут выявлять нарушения пакта. Но Португалия, Германия и Италия потребовали, чтобы прежде, чем план будет представлен обеим воюющим сторонам, в него следует включить и систему воздушного контроля. Поскольку сделать это было практически невозможно, стало ясно, что эти страны заинтересованы лишь в продолжении дискуссий, а не в быстрой договоренности. Все это время немецкий консул в Одессе и корреспонденты из Стамбула сообщали о поступлениях оружия и других материалов из СССР. Не мог консул пропустить и прибытие неприметного судна водоизмещением в 4000 тонн с неразборчивым названием, которое, не поднимая флага, бросило якорь на рейде Одессы. Разгружали его по ночам. Оно доставило испанский золотой запас. «Если все ящики с золотом, которые мы разгрузили в Одессе, — позднее рассказывал Кривицкий со слов одного из офицеров НКВД, занимавшихся этой разгрузкой, — выложить бок о бок на Красной площади, то они покроют ее с начала до конца». Когда золото наконец оказалось в Москве, подсчет его, казалось, длился вечно — во всяком случае, сопровождавшим его испанским чиновникам пришлось надолго задержаться в России. Когда наконец подсчеты закончились, одного из них переправили в Вашингтон, другого в Буэнос-Айрес, а третьего в Мексику. Из советских официальных лиц, знавших об этой сделке, Гринько, народный комиссар финансов, позднее был расстрелян, а Маркуилц и Карган, директор и заместитель директора Госбанка, отправлены в Сибирь вместе с Ивановским, представителем Гохрана в Госбанке. Вскоре советское правительство объявило об открытии новых шахт на Урале и стало экспортером золота.

Конечно, поставки советской военной помощи отмечались, кроме немецкого, и другими консулами. 15 ноября Иден откровенно сказал в палате общин, что есть и другие страны, «более достойные осуждения за нарушение политики невмешательства, чем Германия и Италия».

Тем не менее 17 ноября Иден столкнулся с новой испанской проблемой. Националисты заявили, что собираются помешать поставкам военных материалов в республику и с этой целью будут атаковать иностранные суда в республиканских портах. Теперь, если британским судам, доставляющим оружие в Испанию из иностранных портов, будет угрожать опасность, они в соответствии с международными законами могут

просить помощи у военно-морского флота². Но вмешательство националистов может обрести законный характер, если Франко получит права воюющей стороны в Гражданской войне. Хотя британское правительство и предпочло бы пойти на такой акт признания (считалось, что таким образом Британии будет проще держаться в стороне от конфликта), Франция категорически возражала.

Прежде чем объявить о согласии с такой блокадой, Германия и Италия сообщили, что признают националистов единственным и подлинным правительством Испании³. Франко получил это известие вместе с заверениями властей Германии и Италии, что Португалия и националистская Испания являются бастионами культуры, цивилизации и христианства в Европе. «Это известие, — сказал Франко, — явилось высшей точкой моего земного бытия».

Правительство Ларго Кабальеро ответило немецкому и итальянскому «акту вероломства» тем же высокопарным языком, что и Франко: «Историческая роль Испании как оплота демократии приобрела еще большее значение». И все же Иден в палате общин сказал 20 ноября, что «вполне возможно проводить политику невмешательства, признав правительство той или другой стороны». Французские дипломаты все больше и больше мрачнели. Американские журналисты уже считали, что европейская война на пороге.

Об отношении Англии к блокаде со стороны националистов Иден объявил 23 ноября⁴. Должен быть подготовлен законопроект, запрещающий доставку оружия в Испанию на английских судах из всех портов. Это было сделано 27 ноября, и 3 декабря билль стал законом. Французское правительство приказало своим военным кораблям не оказывать помощь торговым судам, если те столкнутся с блокадой, но и не приняло по этому поводу никаких законодательных мер. Кризис продолжался.

27 ноября итальянский посол в Париже сказал своему американскому коллеге Буллиту, что Италия не перестанет поддерживать Франко, если даже Россия отвернется от республики. «Усилий одного Франко будет недостаточно, чтобы он мог завоевать всю Испанию». В этой игре Муссолини все поставил на победу Франко. Поэтому Чиано послал к нему своего помощника Анфузо с предложением поставить в Испанию дивизию чернорубашечников и оказывать ей помощь в дальнейшем вплоть до победы. В ответ Франко согласился поддерживать Италию в ее политике в Средиземноморье. Ни одна из сторон не признала предложенные Лигой Наций коллективные меры против другой стороны, и торговые поставки про-

должали оставаться такими же выгодными, как и прежде. Франко в принципе согласился на предложение Италии, и дивизия чернорубашечников стала прибывать в Испанию. Тем временем в Бургос явился первый немецкий посол при правительстве националистов. Им стал генерал Фаупель, командир корпуса в Первой мировой войне и некогда генеральный инспектор армии Перу. Гитлер сказал ему, чтобы он лично не занимался военными проблемами. Но Фаупель взял с собой одного чиновника для пропаганды и еще одного для «организации фаланги». Представляя свои верительные грамоты, Фаупель предпочел надеть профессорскую мантию и шапочку, а не мундир. С самого начала испанские лидеры невзлюбили Фаупеля и его жену — «грузную, интеллигентную, полную материнских чувств». Фаупель, в свою очередь, счел Франко человеком «приятным», но «неспособным оценивать ситуацию». Генерал Фаупель был настроен антирелигиозно и не любил высший класс — он считал, что только выходец из низов может совершить фашистскую революцию. Соответственно он наставлял своих пропагандистов поддерживать отношения с самыми радикальными членами фаланги, особенно с ее новым лидером, представителем среднего класса Эдильей.

Среди первых сообщений генерала Фаупеля в Берлин было предупреждение (с ним согласился генерал Шперрле, командир легиона «Кондор»), что Германия или должна предоставить Франко самому себе, или же прислать ему дополнительные силы. В последнем случае, по мнению Фаупеля, понадобятся одна немецкая и одна итальянская дивизия полного состава. Сконцентрированный кулак в 15—30 тысяч человек, сказал он, мощным ударом прорвет в оборону республиканцев и выиграет войну. Дикхоф из министерства иностранных дел возразил против этого предложения, доказывая, что в таком случае, во-первых, потребуется больше, чем одна дивизия, и, во-вторых, Германия и Италия могут вызвать к себе такую же ненависть испанцев, как Франция в 1808 году. Вопрос оставался нерешенным в течение нескольких недель.

Ситуация осложнилась несколькими новыми международными решениями. Дельбос опасался, что Италия сможет атаковать Барселону. Он предложил Идену попросить Германию, Италию и Россию заключить «джентльменское соглашение» о прекращении поставок оружия, а затем выступить посредниками в Испании. Он попросил также поддержки у Рузвельта. Буллит, получив обращение, воспользовался случаем предупредить Дельбоса, чтобы он «не основывал свою иностранную политику... на ожидании, что когда-либо Соединенные Штаты снова пошлют свои войска, военные суда, вооружение и

деньги в Европу». В это же время республика обратилась к Совету Лиги Наций с заявлением о агрессии Германии и Италии против Испании. 2 декабря Комитет по невмешательству согласился (Португалия воздержалась) предоставить обоим испанским сторонам план лорда Плимута. 4 декабря Франция, к которой теперь присоединилась и Британия, официально обратилась к Германии, Италии, Португалии и России с предложением о посредничестве. Иден объяснил, в чем заключалась его идея, — пусть шесть государств, наиболее активно вовлеченных в конфликт, призвут к перемирию, пошлют в Испанию комиссию и после народного плебисцита помогут организовать правительство из лиц, которые не участвовали в Гражданской войне, таких, как Сальвадор де Мадарьяга. Форин Офис, что бы раньше ему ни говорили, наконец внимательно выслушал своего севильского консула, сообщившего, что через город прошли 5000 немцев (ядро легиона «Кондор») и 20 ноября в Кадисе выгрузили на берег 20 немецких зенитных установок, а также 700 солдат. К тому же лорд Плимут впервые поднял вопрос об участии неиспанцев в испанской войне, который, по его мнению, надо срочно решить. Гранди, справедливо указав, что Германия и Италия еще в августе предлагали запретить доступ добровольцев, возразил против отдельного рассмотрения этого вопроса⁵.

Теперь существовали три франко-английских плана, призванные хотя бы смягчить условия испанской войны: организация контроля, предложение о посредничестве и возможность вынести на передний план запрет добровольцам прибывать в Испанию. В воскресенье 6 декабря, предположив, что надо хотя бы обсудить эти идеи, Муссолини, Чиано и начальник итальянского генерального штаба встретились для разговора об интенсификации итальянской помощи Испании. Тут же присутствовал и вездесущий Канарис, который сообщил итальянцам, что Германия решила сократить свое присутствие в Испании, доведя его до уровня участия итальянцев. Немецкий военный министр особенно рьяно протестовал против предложения Фаупеля послать в Испанию целую воинскую часть. Тем не менее эти сетования не оказали воздействия на итальянцев. Муссолини был полон желания еще активнее участвовать в «крестовом походе». В начале декабря из Италии отправились 3000 чернорубашечников с отличным военным снаряжением. Но через несколько дней Бломберг, немецкий военный министр, сказал американскому послу Додду, что испанский кризис завершен. Германия, испытав некоторые образцы нового вооружения, не хочет больше в нем участвовать. К сожалению, он опередил события на два года.

10 декабря, вызвав раздражение у Литвинова, который посоветовал Альваресу дель Вайо не поднимать вопрос об Испании в Лиге Наций, и у Франции, с которой вообще не консультировались, Альварес в Женеве представил дело республики перед Советом Лиги. Вряд ли он мог ожидать, что после стольких неудач коллективных действий Лига выступит в защиту Испании. Но по крайней мере вопрос был включен в повестку дня. 11 декабря Альварес дель Вайо потребовал, чтобы Лига осудила Германию и Италию за признание мятежников. Он указал, что иностранные военные корабли нападали на торговые суда в Средиземном море, в боевых действиях участвуют марокканские части, Соглашение о невмешательстве совершенно неэффективно. Лорд Креннборн (Англия) и Виено от Франции отрицали полную беспомощность плана невмешательства и призвали совет одобрить франко-британский замысел посредничества. В завершение совет издал резолюцию, осуждающую вмешательство в испанские дела, предупредил членов Лиги, входящих в комитет, что они должны всеми силами способствовать политике невмешательства, и рекомендовал прибегнуть к посредничеству. Тем не менее редакционные статьи в газетах националистов и республиканцев, выражая точки зрения своих правительств, отвергали посредничество. Хотя Россия и Португалия выразили готовность поддержать любой предложенный план такого рода, Германия и Италия нашли эту идею слишком сомнительной, чтобы быть принятой обеими сторонами. Фактически план посредничества был отложен. Иден и Дельбос предложили не столь амбициозный замысел. 16 декабря республика в принципе приняла план введения контроля, в то же время детально изложив свою уже знакомую точку зрения на невмешательство и оставив за собой право после дальнейшего изучения отвергнуть план целиком или частично. Националисты ответили 19 декабря. Они просили пояснить, как будет работать этот план. Ответы были подготовлены председателем подкомитета Комитета по невмешательству 23 декабря. К этому времени в воздухе витало ощущение, что может возобновиться всеобщая война. Оно подогревалось все новыми сообщениями: в Испанию ежедневно прибывали итальянцы, Испанская республика захватила немецкое судно «Палос»; националисты и итальянцы потопили советское грузовое судно «Комсомол». В Париже у Дельбоса состоялся серьезный разговор с Вельчеком. Французский народ хочет взаимопонимания с Германией, сказал он. Путь к этому лежит в сотрудничестве с Испанией. В канун Рождества 1936 года английские и французские послы в Берлине, Риме, Москве и Лиссабоне через голову Комитета по невмешательству выступили с требованием с начала января запретить участие добровольцев в

испанской войне. Франсуа-Понсэ сказал, что раньше этот вопрос не казался Франции достаточно важным, чтобы в законодательном порядке запрещать свободу действий для добровольцев⁶. Блюм получил заверения от итальянского министра, что, если бы он помог Франко утвердиться в Испании, мог бы начаться период франко-итальянской дружбы. Дипломат добавил — и возможно, это было правдой, — что Муссолини искренне ненавидит Гитлера и ждет только возможности расстаться с ним⁷.

Конечно же иностранцы продолжали ехать в Испанию. «Вооруженные туристы», как назвал их Уинстон Черчилль. В Кадис прибыл второй отряд из 3000 итальянских чернорубашечников и 1500 техников. Им предстояло участвовать в боевых действиях в составе батальонов под командой итальянских офицеров и носить форму испанского Иностранного легиона. Всего в Испании уже находилось 14 000 итальянских солдат и летчиков. Они получали два вида заработной платы: от Франко по две песеты в день, а от Муссолини — по двадцать лир. Количество немцев в Испании оставалось неизменным — примерно 7000 человек. Их финансировали только из Берлина. В последний день 1936 года американский генеральный консул в Барселоне представил свои подсчеты: с октября по железной дороге из Франции прибыло 20 000 иностранных волонтеров; между Рождеством и Новым годом через Барселону и Альбасете прошло 4000 добровольцев. А между тем 1 января в Москве 17 советских летчиков получили звания Героев Советского Союза «за выполнение важного правительственного задания», то есть за службу в Испании. Хотя формально Советский Союз не признавал своей помощи Испании, но, так как все журналисты зафиксировали присутствие мощных советских танков и самолетов, советское правительство оказалось вынужденным придерживаться позиции «некоей страны, которая пришла на помощь испанской демократии».

Первая организованная группа из 96 американских добровольцев покинула Нью-Йорк 26 декабря⁸. Ее отъезд стал нарушением закона, запрещавшего американцам вступать в армию другого государства. Тем не менее он не относился к американцам, которые поступали на такую службу, находясь за границей. Уильянуть от действия этого закона было нетрудно, хотя с 11 января в паспортах США ставилась отметка: «В Испании недеятелен»⁹. В принципе это ничего не меняло, ибо прямо в Париже добровольцы встречались с вербовщиками бригады. В сущности, граждане США, добровольно сражавшиеся за республику, не подвергались потом никаким преследованиям (за всю войну у националистов американских добровольцев не было).

Американское «моральное эмбарго» на поставку военных материалов в Испанию действовало до 28 декабря. В этот день Роберт Кьюз, натурализовавшийся латыш из Джерси-Сити, работавший на Коминтерн, запросил лицензию на поставку Испанской республике авиационных двигателей общей стоимостью в 2 775 000 долларов. Госдепартамент обеспечил лицензию, но публично выразил сожаление, что американская фирма так эгоистично настаивает на своих законных правах, которые противоречат политике правительства. Государственный департамент выслал ноты правительствам, входящим в Комитет по невмешательству, с описанием этих фактов и сообщил, что груз отправится в путь только через два месяца. Но, справедливо опасаясь, что правительство США может запретить эту поставку, Кьюз немедленно начал загружать зафрахтованное им испанское судно. Президент тут же потребовал от сенатора Питтмана и члена палаты представителей Макрейнольдса, как только конгресс 6 января снова соберется на свою сессию, внести в обе палаты резолюцию, запрещающую поставки оружия в Испанию. Протестовал против нее только сенатор Най. Он заявил, что резолюция не имеет отношения к нейтралитету, так как повредит республике больше, чем националистам. Несколько членов нижней палаты тоже раскритиковали ее. Тем не менее в сенате новый закон прошел единогласно 81 голосом, а из 407 членов палаты представителей против него голосовал только один человек. Этот инакомыслящий, Бернارد, заявил, что данный акт лишь формально нейтральный, а на деле «мешает демократической Испании воспользоваться ее законными международными правами в то время, когда ее атакуют орды фашистов»¹⁰. Поскольку в сенате случилась какая-то техническая ошибка, резолюция так и не стала законом до 8 января, а 7-го испанское судно «Мар Кантабрико», неся на борту лишь часть груза, в большой спешке отчалило из Нью-Йорка.

Но то был еще не конец приключения. Два американских летчика Берт Акоста и Гордон Барри, которые осенью перегоняли самолеты для республики, заявили, что должны получить еще по 1200 долларов. Поэтому они уговорили береговую охрану передать приказ капитану «Мар Кантабрико», который шел проливом Лонг-Айленд¹¹, оставить корабль, пока не будет выплачен долг. Но приказ имел отношение только к личной собственности Прието, испанского министра авиации. Так что в сопровождении катера береговой охраны и самолета испанское судно быстро покинуло пределы трехмильной зоны (на тот случай, если эмбарго на доставку оружия станет законом быстрее, чем предполагалось) и пошло в порт Вера-Крус в

Мексике, где взяло на борт остальной груз и направилось в Испанию. Хотя оно, маскируясь, шло под английским флагом, националисты захватили корабль в Бискайском заливе вместе с грузом (который Кейпо де Льяно объявил бесполезным). Он в конечном итоге был использован против басков в сражении под Бильбао. Тех испанцев, что входили в состав команды, казнили¹².

Франко заявил, что, приняв Акт об эмбарго, президент Рузвельт действовал как «настоящий джентльмен». Германия также одобрила его. Американские социалисты и коммунисты, как и многие либеральные интеллектуалы в Соединенных Штатах, резко протестовали против него. Во время всей испанской войны либералы настойчиво просили президента, чтобы он, учитывая большое количество иностранных войск в Испании, официально объявил о состоянии там войны. Тем более, что, как настаивали либералы, в соответствии с Актом о нейтралитете от 1935 года, должен быть предотвращен любой экспорт военных материалов со стороны Германии и Италии. Однако государственный секретарь Корделл Холл сомневался, в действительности ли существует интервенция Германии и Италии в Испании, хотя послы США постоянно информировали его об этом. Рузвельт позволил себя убедить, что декларация о войне в Испании может повлечь за собой опасность мировой катастрофы. Так что он воздержался от подобного шага.

5 января Португалия, а 7 января Германия и Италия ответили на англо-французское предложение относительно добровольцев. (СССР сделал это уже 27 декабря.) Немецкая нота была подписана лично Гитлером. Почему ситуация прошла мимо внимания Комитета по невмешательству? И нечестно выходить с таким предложением именно сейчас, когда на стороне республиканцев действуют большие силы добровольцев. Тем не менее Германия готова сотрудничать, если в соответствии с планом будет осуществлен эффективный контроль, а также уделено внимание и всем насущным проблемам, связанным с Гражданской войной.

Германия, которая, казалось, предоставила Италии разбираться со всеми испанскими проблемами, внезапно пошла на провокацию. Немецкое судно «Палос», захваченное республикой 27 декабря, было освобождено, но находившийся на борту испанец задержан вместе с грузом целлулоида и телефонных аппаратов на том основании, что этот груз относится к военным материалам. Германское требование освободить задержанного и вернуть груз не было принято во внимание. Тогда немецкий военно-морской флот потребовал в виде на-

казания подвергнуть бомбардировке какой-нибудь республиканский порт или морской конвой. Нейрат согласился пригрозить «серьезнейшими мерами», если требование не будет немедленно удовлетворено. Когда этого не произошло, были захвачены три республиканских торговых судна, и два из них передали националистам. Обстрел порта оставили на будущее.

Последовал и другой кризис. 7 января французское правительство узнало, что в Испанском Марокко высадились 300 немцев. Блюм дал указание немедленно выразить протест. Леже напомнил Вельчеку, немецкому послу в Париже, о франко-испано-марокканском соглашении от 1912 года, запрещавшем в Испанском или Французском Марокко вести враждебные действия друг против друга. Вельчек отрицал наличие немецких войск в Марокко. Тем временем этот факт возбудил общественность Франции и вызвал негативное отношение во французской прессе. Ванситтарт обещал, что, если сообщения подтвердятся, Англия окажет Франции поддержку. На следующий день вдоль границы Французского Марокко начали концентрироваться французские войска. Фаупель сообщил Нейрату, что немецкие части находятся в испанской Меллиле, на которую не распространяется действие соглашения. Тем временем Гитлер пригласил Франсуа-Понсэ и сообщил ему, что Германия не имеет никаких территориальных претензий к Испании. Это заявление было передано в прессу, и кризис сошел на нет. Инцидент вошел в историю как быстро возникшая и легко ликвидированная опасность войны из всей череды неприятностей, которые трепали нервы Франции между 1918-м и 1939 годом.

Несмотря ни на что, немецкая и итальянская помощь Испании все же не достигла своей цели и была довольно ограниченной. 13 января Аттолико, итальянский посол в Берлине, интеллигент, вышедший из низов, который не знал немецкого языка, позвонил Нейрату и попросил послать еще людей в Испанию. Нейрат ответил, что это может серьезно осложнить общеевропейскую ситуацию. «Если мы не хотим пойти на риск войны, — добавил он, — то должны прийти к пониманию, что близится время, когда нам придется отказаться от дальнейшей поддержки Франко». Новая франко-английская нота была представлена 10 января. Она требовала, чтобы участие добровольцев в испанской войне в целом было приравнено к преступлению. Так уже поступили Британия и Франция. Похоже, что Нейрат был искренне согласен с ней. «Если соглашение относительно добровольцев будет достигнуто, — заявил он, — то Германия будет неукоснительно соблюдать вытекающие из него обязательства. Мы будем не только тре-

бовать строгих мер контроля, но и сами участвовать в них». В то же время, когда Аттолико сказал, что Франко хочет отвергнуть контроль как «недопустимое ограничение национального суверенитета», Нейрат потребовал от него в целях сохранения Комитета по невмешательству согласиться с решением в принципе, но обговорить условия. 14 января Вайцзеккер сказал агенту собственной информационной службы Риббентропа, что «всю эту испанскую авантюру пора кончать. Вопрос лишь в том, чтобы Германия с достоинством вышла из нее». Тем не менее в тот же день Геринг заявил, что Германия никогда не потерпит «красную Испанию». При наличии этих противоречивых точек зрения Геринг, Муссолини и Чиано встретились 20 января в Риме. Они сошлись во мнении, что теперь Франко получает «достаточную поддержку» и Германия с Италией должны поддержать франко-британский план, запрещающий посылать добровольцев в Испанию. Последнюю партию военной помощи следует выслать 31 января. Кроме того, они согласились, что Гражданская война в Испании ни при каких условиях не должна перейти в мировую. Шмидт, переводчик Геринга на этой встрече, отметил, что и немцы и итальянцы говорили о своих войсках в Испании так, словно там в самом деле были только добровольцы.

А что Сталин? Все это время советские торговые суда, некоторые под испанским флагом, некоторые под советским или мексиканским, пересекая Средиземное море, продолжали доставлять в Испанию военное снаряжение¹³. Но для понимания событий этих месяцев необходимо учитывать, что Россия переживала едва ли не самый страшный год в своей истории. В течение 1937 года 90 процентов ведущих деятелей коммунистической партии были уничтожены во время «ежовщины» — кровавой бани, которую по приказу Сталина устроил нарком НКВД. За ними в тайные могилы последовали, без преувеличения, тысячи и тысячи людей. Данные японской разведки свидетельствовали, что в 1937 году было уничтожено 35 000 офицеров — половина советского офицерского корпуса, которых обвиняли в шпионаже в пользу Германии. Многие из офицеров и других советских официальных лиц, которые с августа 1936 года находились в Испании, исчезли в этой безмолвной и безжалостной бойне. В январе 1937 года несколько членов ЦК попытались остановить эту волну убийств и насилия, но за эту попытку они заплатились жизнями. В то же самое время стало ясно, что Сталин, начав разочаровываться в возможности союза с Францией и Англией, снова обратил внимание на возможный союз с Гитлером. Канделаки, советский торговый представитель в Берлине, по-

лучил указание запустить пробный шар в сторону Германии, но тот был отвергнут. Однако в то время советская внешняя политика *faute de mieux*¹⁴ строилась на поддержке идеи демократии и Народного фронта¹⁵. Но эти курьезные факты превращают в мрачную иронию одержимость Андре Марти, искавшего «фашистских шпионов» в Альбасете.

В преддверии нового года, так же как и в первые недели войны, Германия и Италия могли предполагать, что им удастся спасти националистов от проигрыша. Вайцеккер, глава политического департамента германского МИД, отметил: «Цель Германии, так же как и Италии, одна. Мы не хотим коммунистической Испании». Советская помощь по-прежнему направлялась, чтобы предотвратить поражение республиканцев. Не подлежало сомнению, что вторжение любых крупных сил, достаточных, чтобы обеспечить победу одной из сторон, приведет к риску общеевропейской войны. И в умах немецких, итальянских, советских, английских и французских лидеров присутствовало одно неизменное соображение: никто не хочет, чтобы из-за испанского конфликта разразилась такая война. Но фальшь продолжающейся политики невмешательства все более возмущала большинство либералов и социалистов в западных странах. Поэтому они и не входили в правительство, когда мучительная дилемма Блюма начала беспокоить их.

Примечания

¹ Стоит вспомнить, что 12 ноября 1936 года было днем знаменитого признания Болдуина в палате общин, который заявил, что из-за опасения проиграть выборы он был «не совсем искренен» перед электоратом в вопросе перевооружения.

² Если только конфликт произойдет вне испанских территориальных вод, куда иностранные военные суда не имеют права заходить.

³ Произошло это 18 ноября. Предыдущим днем Германия и Япония подтвердили свои дружеские отношения в Анतिकоминтерновском пакте, который под предлогом борьбы с коммунизмом на самом деле был наступательным военным альянсом. Год спустя к нему присоединилась и Италия.

⁴ 24 ноября Роберт Грейвс, бывший резидент на Мальорке, позвонил Уинстону Черчиллю с просьбой осудить политику Италии и Германии в Западном Средиземноморье. Состоялся следующий разговор.

«Ч е р ч и л л ь. У обеих сторон руки по локоть в крови. Вы хотите вмешательства? Страна этого не поддержит.

Г р е й в с. Не вмешательства в смысле встать на чью-то сторону... но Британия должна защищать свои интересы в Средиземном море.

Черч и л л ь. Меня только что посетили семь французских депутатов — отчаянно просили о вмешательстве. И это лучшие мозги во Франции...»

⁵ Британская публика была занята иными проблемами, чем возможность невмешательства в испанские дела. 26 ноября Болдуин сообщил кабинету министров, что король желает, дабы они издали закон, позволяющий ему жениться на миссис Симпсон. 1 декабря сгорел Хрустальный дворец. 3 декабря слухи о готовящемся акте отречения просочились в прессу. Мистер Гарри Поллит заверил своих читателей, что «для рабочего класса кризиса вообще не существует. Пусть король женится на ком хочет». Сэр Освальд Мосли призвал Британский союз фашистов встать за короля. 12 декабря Болдуин сообщил палате общин, что король принял решение отречься.

⁶ Немцы считали, что Британия озабочена лишь сохранением своих коммерческих интересов в Испании. Как сообщил Фаупель, советник по торговле английского посольства не только часто посещал Бургос, но и Чилтон держал власти националистов в курсе, что идет подготовка заявления, с которым Иден в три часа дня выступит в палате общин. В десять утра того же дня Франко уже знал об этом. Удивляться здесь не стоит, ибо Чилтон придерживался пронационалистских взглядов. «Я надеюсь, — сказал он американцу Боуэрсу, — что немцы пришлют достаточно солдат и покончат с войной».

⁷ Продолжение этих миротворческих настроений отражено в англо-итальянском «джентльменском соглашении» от 2 января 1937 года. Оно подтверждало независимость Испании и свободу судоходства в Средиземном море. Предполагалось, что вслед за соглашением последуют подробные переговоры, но до 1938 года они так и не начались (и вызвали падение Идена).

⁸ 6 января группа прибыла на свою базу в Вильянуэве-де-ла-Хара, рядом с Альбасете. Вокруг тянулись плоские равнины Ламанчи, которые так напоминали родину двум уроженцам Висконсина, что были в составе группы. Поскольку в ней было и несколько кубинцев, с жителями деревни быстро установились добрые отношения.

⁹ Эти паспорта сыграли в истории гораздо большую роль, чем их владельцы. НКВД собирал документы всех погибших (и кое-кого из живых) членов интербригад и пересылал их в Москву, где Кривицкий отобрал стопку из более чем сотни таких паспортов, «главным образом американских». Новые их обладатели въезжали в Америку как обыкновенные граждане.

¹⁰ Позже Бернад внес резолюцию в поддержку республики, требовавшую, чтобы те же ограничения были наложены и на правительства Германии и Италии.

¹¹ Испанский генеральный консул в Нью-Йорке отрицал, что этим людям причитались какие-то деньги.

¹² Позже сенатор Най обвинил владельцев пароходной компании в Нью-Йорке, что они шпионили для Франко и организовали арест «Мар Кантабрико».

¹³ По сообщениям немецкого военного атташе в Испании, в январе в страну пришли восемь кораблей (пять испанских, три русских), доставив 6 самолетов, 35 орудий, 12 танков, 3150 тонн снаряжения и 3250 тонн боеприпасов.

¹⁴ *Faute de mieux (фр.)* — за неимением лучшего. (*Примеч. пер.*)

¹⁵ Эти переговоры описаны Кривицким. Послание от Нейрата Шахту (февраль 1937 года), найденное в архивах немецкого министерства иностранных дел, подтверждает, что Кривицкий говорил правду.

Глава 41

Противостояние вокруг Мадрида. — Боевые действия в Вильярале, Бодадилье, Лопере и на дороге на Ла-Корунью.

Все эти изощренные интриги в столицах Европы никоим образом не сказались на событиях в Испании. Положение Мадрида принято было называть осадой, хотя в руках врагов находилась лишь малая часть города. Продолжалась охота за членами «пятой колонны», особенно за теми, кого подозревали в стрельбе по ночам из так называемых «машин-призраков». Как-то ночью полиция поступалась в финское посольство на Калье-Фернандо-эль-Санто, но ее отказались впустить и из здания кто-то открыл огонь, ранив одного полицейского. Вломившись наконец в дипломатическую миссию, полиция нашла в нем 525 дрожащих испанских буржуа. Все сотрудники посольства, кроме одного испанца, отбыли в Валенсию¹. Еще одним событием начала зимы стало убийство маркиза де Борчгрейва, бельгийского посла. Считалось, что он уговорил дезертировать из интербригады несколько своих соотечественников. И как-то ночью его тело было найдено за городской чертой Мадрида.

Пока две армии, противостоящие друг другу на Мадридском фронте, собирались с новыми силами, баски под командованием генералов Льяно де Энкомьенды и Мартинеса Кабреры взяли Виторию, столицу их южной провинции Алава. Республика Эускади к тому времени поставила под ружье 46 пехотных батальонов по 660 человек в каждом. 27 таких подразделений состояли из баскских националистов (их называли «квадрис»), 8 — из членов UGT, а в остальных были коммунисты, революционная молодежь, левые республиканцы и анархисты. Этой армии был придан «корпус причастников» из 100 священников, на которых были возложены уникальные для республиканской армии обязанности: они служили мессы, блюли мораль у «квадрис», давали последнее причастие умирающим и «воспитывали призывников в духе христианских традиций». Но при наличии этих сил военная промышленность басков работала далеко не на полную мощность. Она нуждалась в сырье из-за границы, но не могла его закупать из-за блокады националистов и условий Соглашения о невмешательстве. В соответствии с ними Испания не имела права импортировать даже овечью шерсть, ибо та могла пойти на изготовление пыжей. В сентябре в Бильбао прибыло оружие из Гамбурга (поставка Коминтерна), а в конце октября большой груз из СССР — 12 одноместных истребителей, 25 бро-

немашин, 12 других автомобилей, 12 зениток, легкое оружие и авиабомбы. Самолеты сопровождали пилоты. Кроме этого пополнения и еще нескольких орудий, баски больше не получили вооружения из СССР.

30 ноября баски начали наступление на Вильяреаль-де-Алаву. Позиции националистов защищал полковник Иглесиас и его 600 бойцов. 2 декабря город был окружен, но 5 декабря из Витории на помощь Иглесиасу прибыла часть полковника Алонсо Веги. Баски были отброшены мощным артиллерийским огнем и бомбежками. Не допуская и мысли об отступлении, они не позаботились подтянуть к передовой военно-полевой госпиталь и не смогли обеспечить медицинскую помощь. За одну ночь в импровизированном госпитале в храме Святого Антония Уркиольского от гангрены погибло 400 человек. Так кончилось первое и единственное наступление басков во время Гражданской войны.

Тем не менее оно ознаменовало период высочайшей уверенности Баскской республики в своих силах. Несмотря на предательство некоторых офицеров, Агирре реорганизовал оборону. Его помощник Альдасоро решил проблему обеспечения продовольствием басков и 100 000 беженцев, которые прибыли в Бильбао из Гипускоа. Большую часть его приходилось импортировать. Суда с продовольствием сопровождал конвой из рыболовецких судов, на каждом из которых стояли по две 101-миллиметровые пушки. Таким образом поступали запасы продовольствия и из остальной Испании.

13 декабря на Мадридском фронте снова начались бои. Националисты решили продолжать наступление, первые попытки которого были предприняты десять дней назад. Цель его заключалась в том, чтобы, во-первых, отрезать республиканцев от Гвадаррамы и, во-вторых, окружить Мадрид с севера². В ходе сражения националисты стремились выйти к дороге Мадрид—Ла-Корунья, что пролегла в нескольких милях от Эскориала. Оперативное управление осуществлял недавно назначенный командующий Мадридским фронтом генерал Оргас. Варела командовал на поле боя. Под его началом было примерно 17 000 пехотинцев и кавалеристов, собранных в четыре мобильные бригады Гарсиа Эскамеса, Баррона, Сайнса де Бураги и Монастерио. Националисты, как обычно, начали с мощной артиллерийской подготовки, 14 декабря был взят небольшой городок на севильской равнине (в двадцати километрах от Мадрида) Боадилья-дель-Монте, над которым возвышался монастырь. Силы республики здесь состояли из нескольких разношерстных батальонов под командой майора Барсело, офицера республиканской армии, который, как и

Карта 17. Битва за дорогу на Ла-Корунью

многие профессиональные военные, присоединился к коммунистической партии, привлеченный ее дисциплиной. В бой вступил резерв — советские танки генерала Павлова и обе интербригады. Батальону Тельмана и Батальону Парижской коммуны были приданы два подразделения англичан. Взводы Корнфорда и Ромилли впервые встретились под дубовыми деревьями вдоль дороги на Боадилью. Националисты отступили из Боадильи. Ее заняли батальоны Тельмана и Домбровского, затем их окружили мятежники. Начался жестокий бой, в котором обе стороны несли большие потери. На улицах городка остались лежать семьдесят восемь павших бойцов интербригад. Из десяти оставшихся англичан, приданных Батальону Тельмана, в живых осталось только двое³. Один из них был Эсмонд Ромилли, другой — Берт Овенден⁴, коммунист из Стокпорта. Рядом с соседним замком герцога Суэски завязалась жестокая рукопашная схватка. Замок удерживали республиканцы, члены гражданской гвардии, которые отступили, оставив после себя сотню трупов. Националисты, взяв Боадилью и Вильянуэву-де-ла-Каньяду, продвинулись на восемь километров к северу и остановили наступление.

Еще до окончания этих боев республиканцы предприняли неудачное наступление на Кордовском фронте. Именно в его ходе вышло знаменитое коммюнике: «В течение всего дня про-

должалось наступление, не уступившее врагу ни клочка территории». К тому времени в интербригадах было уже достаточно добровольцев из Англии, чтобы сформировать из них полноценную английскую роту. Рота Ноль в составе 145 человек вошла во французский Батальон «Марсельезы» новой 14-й интернациональной бригады польского генерала Вальтера⁵.

Британской ротой командовал капитан Джордж Натан, который, получив офицерское звание во время Первой мировой войны, в 1918 году стал единственным евреем — офицером гвардейской бригады. Поспорив в офицерской столовой относительно оплаты рядовых, он подал в отставку и большую часть 20-х и 30-х годов XX века прозябал без работы, хотя какое-то время служил швейцаром в «Питер Джоунзе»⁶. К тому времени он большими стараниями обрел акцент представителей высшего класса, чем очень гордился. В Испании Натан неизменно ходил в мундире с иголки, в ослепительно блестящих сапогах, которые полировал один из его столь же безупречных денщиков. Сообразительный и храбрый как лев, он искренне считал себя настоящим главой наемников. Натан пользовался всеобщим уважением. Отличительной его приметой был стек с золотым набалдашником, один вид которого вселял бодрость в подчиненных. Одно подразделение его роты состояло из ирландцев, которые, как они говорили, «набрались военного опыта в Ирландии». Их головокружительно отважный командир Фрэнк Райан был членом ИРА с 1918 года. В канун Рождества рота поездом отправилась на Андухарский фронт и 28—29 декабря вместе со всей бригадой безуспешно пыталась взять маленькую деревушку Лоперу. В этом бою погиб комиссар роты Ральф Фокс. Среди английских коммунистов он, выпускник оксфордского Колледжа Магдалены⁷, был ведущим пропагандистом. На следующий день после того, как ему минул 21 год, погиб и Джон Корнфорд. Последняя его поэма была полна романтики и чужда политических мотивов. Все это время поэт находился под воздействием мрачных скандинавских саг, герои которых дерутся с непревзойденным мужеством, пусть даже зная, что их ждет поражение. Как ни странно, эти мифы существовали в окружении оливковых рощ долины Гвадалквивира.

После этой неудачи в штаб-квартиру генерала Вальтера прибыл Андре Марти. Майора Ласалья, командира Батальона «Марсельезы», обвинили в шпионаже в пользу националистов, судили и расстреляли. Перед казнью майор продолжал доказывать, что он невиновен, выкрикивал проклятия в адрес Марти и просил вмешательства полковника Путца из Эльзаса, председателя военного совета, который и вынес ему

приговор. На самом деле Ласаль был скорее трусом, чем шпионом.

После Рождества Оргас предпринял новую попытку перерезать дорогу Мадрид—Ла-Корунья. Четыре колонны, участвовавшие в бою под Боадильей, получили подкрепление из новобранцев и фалангистов, обученных немецкими офицерами в Касересе. С самого начала им противостояли республиканские бригады Эль Кампесино, Барсело, Сиприано Меры и Дурана. Сиприано Мера был известным генералом из анархистов, которого сделала таковым война. Дуран, по профессии композитор, нашел свое призвание на командном посту.

Наступление началось 3 января. Баррон двинулся вдоль дороги из Вильянуэвы-де-ла-Каньяды и 4 января достиг первых домов в Лас-Росас, что стояли у железной дороги Мадрид—Эскориал. Справа Гарсиа Эскамес и Сайнс де Бурага преодолевали упорное сопротивление у Посуэло. Наступление развивалось медленно потому, что летние виллы в этом районе послужили хорошими укрытиями для обороняющихся. Генерал Клебер послал в Посуэло подкрепление из Батальона Парижской коммуны, а в Лас-Росас — Батальон Тельмана и Батальон Эдгара Андре. 5 января после дня бездействия из-за сгустившегося тумана националисты возобновили наступление. Вслед за броском танков и ударом мобильной артиллерии свой груз обрушили бомбардировщики, за которыми двинулись две волны пехоты в сопровождении еще одной группы танков. Фронт республиканцев был прорван на всем его протяжении. Эта атака в стиле «блицкрига» вызвала интерес у немецких офицеров, которые с безжалостной объективностью рассматривали Испанию как свой «европейский полигон». Бригады Барсело, Эль Кампесино и Сиприано Меры потеряли связь друг с другом, боеприпасы были на исходе. Мьяха, командовавший всей обороной, был вынужден открыть бесмысленную стрельбу в надежде, что, услышав эту канонаду, его войска продолжат сопротивление. Он даже устроил инсценировку казни дезертира, чтобы обороняющиеся в окопах не проявляли слабости. Близящаяся катастрофа вынудила его перебросить бригаду Листера с юга Мадрида и уговорить Ларго Кабальеро прислать 14-ю интербригаду из-под Кордовы.

Наступление продолжалось. Националисты вышли к автотрассе у Лас-Росас и обошли Посуэло (хотя сам город еще держался). Но колонна Оргаса понесла очень тяжелые потери от пулеметов интербригады. 6-го числа Батальон Тельмана получил приказ закрепиться у Лас-Росас и не отступать ни на шаг. Приказ был потом пересмотрен, но он так и не дошел до батальона, который попал в окружение. Весь день Батальон

Тельмана держал оборону против танков, воздушных налетов и атак пехоты. Несколько раз марокканцы врываются в их окопы и, как водится, штыками прикалывали раненых. Но немцы не сдавались. На следующий день Клебер отдал батальону новый приказ — перейти в наступление. Выжившим пришлось передать: «Невозможно. Батальон Тельмана уничтожен». Вальтер, командир 1-й роты Батальона Тельмана⁸, во время боя испытал странное ощущение, наткнувшись на труп летчика легиона «Кондор», с которым когда-то служил в одной эскадрилье.

К 9 января националисты ценой больших потерь одержали победу и продвинулись на 10 километров вдоль шоссе, где уже начинались дома Мадрида. 10 января в Мадрид прибыли 14-я и 12-я интербригады, включая и английскую Роту Ноль. Ею командовал Джок Каннингхэм⁹, коммунист с 1922 года, освобожденный после двух лет тюрьмы, где сидел за то, что поднял на Ямайке мятеж Аргильского и Сазерлендского полков горцев. Натан командовал Батальоном «Марсельезы», унаследовав погибшему Ласалю. Немецкое подразделение 14-й интербригады, проделав двухсуточный путь после боев у Кордовы, попросило 12 часов отдыха. Вальтер, их польский командир, обратился к бойцам: «Правительство воззвало к лучшим солдатам! Это вы. Или же по отношению к 14-й бригаде это надо считать ошибкой?» Часть все же отправилась на фронт, и, может быть, то был единственный случай в истории, когда польский командир сломил сопротивление немцев. На следующий день в густом тумане и при жгучем холоде войска республики пошли в контрнаступление. 12-я интербригада вышла к Махадонде, а 14-я — к Лас-Росас. Один из ее батальонов был потерян в тумане, и больше его никто так и не видел. Советские танки, которыми командовал лично генерал Павлов, отчаянно утюжили окрестности, уничтожая живую силу, но так и не смогли закрепиться. Сражение продолжалось до 15 января, когда обе стороны стали закапываться в землю. В общей сложности потери за десять дней составили 15 000 человек. Оргас продолжал удерживать 10 километров шоссе, но Мьяха не позволил отрезать Сьерру. Военное противостояние обрело законченный характер.

На всем протяжении 2000-километрового фронта стояла тишина, поскольку ни у одной из сторон не было сил больше чем на один рывок. Во многих местах фронт представлял собой просто систему «выцарапанных в каменной почве окопов с совершенно примитивными брустверами и амбразурами — они были сложены из кусков известняка. В окопах находилось не больше двенадцати часовых, перед которыми тянулись заграждения из колючей проволоки; склон холма спускался, казалось бы, в без-

донную долину, по другую сторону которой лежали такие же голые холмы»¹⁰. В Арагоне на каждой вершине холма сидели грязные, оборванные люди, националисты или республиканцы, которые, «дрожа от холода, сбивались в кучку вокруг своего флага» и прятались от случайных пуль. Порой до них доносились голоса с другой стороны, то сулящие райскую жизнь, полную комфорта, для тех, кто дезертирует, то осыпавшие их оскорблениями. Среди националистов и в самом деле убежало до пяти дезертиров за ночь на участке одной роты. Республика предлагала каждому перебежчику с той стороны 50 песет и 100, если он прихватит с собой оружие. Случались дезертирства и у республиканцев. В большинстве случаев дезертирами были люди, которые в самом начале войны случайно попали в армию. Чтобы спасти свою жизнь, им приходилось делать вид, что преданы той стороне, за которую они дрались, но на самом деле эти «бойцы» ждали лишь первой возможности сбежать с передовой.

Зиму 1936 года в Испании, наверное, лучше всего характеризует длинный караван грузовиков с продовольствием, который националисты, дожидаясь падения Мадрида, подогнали к самому городу. Их содержимое медленно гнивало под дождем и снегом. А в миле отсюда мадридцы стойчески жевали рисовые лепешки, и угроза голода становилась для них все очевиднее¹¹.

Примечания

¹ После этой истории было организовано ложное посольство под флагом Сиам. Цель его заключалась в том, чтобы найти скрывающихся националистов. Несколько человек (не больше шести) обратились в него в поисках убежища. Их переговоры были прослушаны через тайные микрофоны. Позже все эти люди были убиты.

² В боях начала декабря убили коммуниста Ганса Беймлера, комиссара всех немцев в Испании, — он не был ликвидирован, как случилось, своими коммунистическими собратьями. Его заменил куда более зловещий Франц Далем.

³ Первоначально англичан было восемнадцать, но восемь погибли в двух предыдущих столкновениях, на юго-востоке Мадрида и в Университетском городке.

⁴ Овенден был убит в Брунете в июле 1937 года. Ромилли вскоре вернулся в Британию и погиб, пилотируя бомбардировщик во время битвы за Англию. Его книга «Боадилья» — прекрасное описание этого сражения.

⁵ 13-я интербригада была уже сформирована и находилась под Теруэлем. Она состояла главным образом из уроженцев Восточной Европы.

⁶ «П и т е р Д ж о у н з» — большой универсальный магазин, преимущественно женской одежды и принадлежностей женского туалета в Лондоне. (Примеч. пер.)

⁷ К моменту гибели Ральфу Фоксу было 36 лет. Во вступлении к его мемуарам Гарри Поллит называет Байрона предшественником Фокса — он тоже погиб за свободу другой страны. Поллит даже процитировал знаменитые строчки:

Свобода, твой флаг изодран, но плещет.
Он летит как гроза против ветра.

Похоже, в то время Поллит был увлечен Байроном. Уговаривая Стивена Спендера вступить в коммунистическую партию, чтобы оказать помощь Испании, Поллит объяснил, как он лучше всего может помочь партии: «Отправляйся в Испанию и погибни там, товарищ, — движению нужны Байроны».

⁸ Не путать с польским генералом Вальтером.

⁹ Каннингхэм оказался единственным солдатом, который обрел в военной тюрьме такую репутацию, что власти предпочли досрочно освободить его, лишь бы не иметь дело с беспорядками, которые он там постоянно устраивал. Каннингхэм обладал огромной физической силой и, хотя почти не отдавал приказов, был безусловным лидером. Его называли «английским Чапаевым» — и большего комплимента в то время быть не могло.

¹⁰ Цитата из «Памяти Каталонии» Джорджа Оруэлла. Он прибыл в Барселону в конце декабря и в составе колонны POUM отправился на Арагонский фронт, где и оставался до апреля. После тяжелого ранения через месяц вернулся на фронт, но в июне наконец вернулся в Англию.

¹¹ К тому времени доктор Жюно из Красного Креста обосновался в Сен-Жан-де-Люс в надежде получить возможность реально заняться обменом пленными. Отделения Красного Креста располагались в Саламанке и Валенсии, но сообщались через Женеву. Был составлен список заключенных, и порой удавалось обменивать кое-кого из пленников. В отделениях Красного Креста стояли плечом к плечу друзья и враги, оставаясь непримиримыми даже в общей беде. Доктор Жюно рассказал историю Исабелы, яростной монархистки, ради брата которой он несколько месяцев надоедал республиканским властям. Наконец пришло известие: «Казнен вместе с десятью другими. Похоронен на кладбище». Покрывшись смертельной бледностью, но не проронив ни слезинки, Исабела отказалась встречаться с Карлотой, жених которой бесследно исчез. Они знали истории друг друга, но, полные презрения и ненависти, избегали встреч. По потом Карлота сказала: «По крайней мере, она сможет прийти к нему на могилу. Я же никогда ничего не узнаю. Никогда».

Глава 42

Казнь Хосе Антонио. — Мигель де Унамуно. — Испания националистов зимой 1936 года. — Юстиция националистов. — Экономические условия националистской Испании. — Отношение церкви. — Слухи.

Отзвуки этого события особенно широко распространились по обе стороны фронта. Речь идет о суде над Хосе Антонио, который состоялся в Аликанте. Решение отдать под

суд лидера фаланги, похоже, было продиктовано опасением, что, если республика рухнет, один из ее главных врагов избежит наказания. Как всегда, страх стал отцом жестокости. Во время процесса одним из свидетелей обвинения выступил милиционер.

«Вы ненавидите подсудимого?» — спросил Хосе Антонио, который сам защищал себя. «От всего сердца», — ответил свидетель.

Основатель фаланги держался с неизменным достоинством и убедительно выступал в свою защиту, но был приговорен к смертной казни. Его брату Мигелю и его жене вынесли такой же приговор. Но с благородством, которого не отрицали даже его враги, он призвал помиловать их. «Жизнь — это не фейерверк, которым кончается вечеринка в саду», — заключил он. В результате приговор им был отменен. Но сам Хосе Антонио такого милосердия не удостоился. Принцесса Бибеску, дочь Асквита, которая в бытность свою женой бывшего румынского посла в Мадриде была известна как одна из подруг Асаньи, позвонила президенту и попросила его приостановить казнь. Асанья мрачно ответил, что не в силах ничего предпринять, поскольку он и сам заключенный. Так что 19 ноября Хосе Антонио расстреляли. Последней его просьбой было желание, чтобы после расстрела патио, на котором происходила казнь, было чисто вымыто. «Мой брат Мигель не должен ступать по моей крови», — сказал Хосе.

Долгое время об этой казни ничего не сообщалось. У националистов Хосе Антонио числился среди «пропавших без вести». (И всегда, когда на торжественных церемониях зачитывались имена мучеников-фалангистов, стоящие в строю, в подражание такому же ритуалу у нацистов, отвечали: «Здесь!») Его гибель убрала со сцены еще одного человека, который мог бы стать соперником Франко. Фернандес Куэста и Серрано Суньер, его возможный преемник, продолжали томиться в республиканских тюрьмах. В течение последующих четырех месяцев фалангу возглавлял Мануэль Эдилья, почти неграмотный механик из Сантандера. Его происхождение из недр рабочего класса заставляло Эдилью стремиться к превращению фаланги в партию радикального типа, которая будет пользоваться широкой поддержкой рабочих масс.

В отместку за смерть Хосе Антонио националисты расстреляли сына Ларго Кабальеро, который находился в плену с 19 июля, когда офицеры его полка двинулись из Эль-Пардо на север на соединение с Молой. Эта потеря потрясла премьер-министра республики. Он с каждым днем все больше ревновал Пассионарию, Мьяху и других руководителей

обороны Мадрида, о которых газеты всего мира писали в своих статьях.

Еще одним значительным событием, отразившимся на настроении воюющих по обе стороны линии фронта, стало изменение взглядов самых известных интеллектуалов довоенной Испании. Большинство из них во время мятежа оказались в республиканской Испании. Они подписали манифест в поддержку республики. Под ним были подписи таких лиц, как медик и биограф доктор Мараньон, бывший посол и романист Перес де Айала, историк Менендес Пидаль, а также знаменитый писатель и философ Хосе Ортега-и-Гассет. Тем не менее жестокости республиканцев и все усиливающееся влияние коммунистов вынудили этих людей, которые так много сделали для становления республики в 1931 году, воспользоваться любой возможностью, чтобы уехать за границу. Там они отреклись от поддержки республики¹. Совершенно противоположных взглядов придерживался выдающийся и словоохотливый баскский философ Мигель де Унамуно, автор «Трагического ощущения жизни», верховный жрец «Поколения 1898 года». С началом Гражданской войны он оказался на территории националистов. Еще 15 сентября Унамуно продолжал поддерживать движение националистов в их «борьбе за цивилизацию против тирании». Но к 12 октября изменил свои воззрения. В этот день в большом зале Университета Саламанки проходила большая торжественная церемония фестиваля. На ней присутствовали епископ Саламанки, гражданский губернатор, сеньора Франко и генерал Мильян Астраи. Председательствовал Унамуно, ректор университета. После церемонии открытия Мильян Астраи яростно обрушился на Каталонию и Страну Басков, назвав их «раковыми опухолями на здоровом теле нации. Фашизм, который принес Испании здоровье, будет знать, как уничтожить их, — он вырежет эти образования из здоровой плоти с решительностью хирурга, который отбрасывает ложное сострадание». Толпа из задних рядов зала поддержала оратора любимым девизом Астры: «Да здравствует смерть!» Затем Астраи прибегнул к уже знакомому обращению к толпе. «Испания!» — выкрикнул он. И тут же ему автоматически откликнулась часть присутствующих. «Единая Испания!» — снова выкрикнул Астраи. «Великая!» — ответила аудитория. И на последний выкрик Астры: «Испания!» — его сторонники крикнули: «Свободная!» Несколько фалангистов в их синих рубашках приветствовали фашистским салютом непрменный ряд портретов Франко на стенах зала. Теперь взгляды всех присутствующих обратились к Унамуно, который неторопливо поднялся и сказал: «Выслушайте мои слова, вы все. Все вы знаете меня и знаете, что я не могу хранить

молчание. Порой молчать означает лгать. Ибо молчание можно понять как соучастие. Я хочу оценить речь — если ее можно так назвать — генерала Мильяна Астрыя, который присутствует среди нас. Давайте отбросим личные оскорбления, прозвучавшие в этой внезапной вспышке поношений в адрес басков и каталонцев. Сам я родился, конечно, в Бильбао. Епископ, — здесь Унамуно показал на прелата, сидящего рядом с ним, — нравится ему это или нет, каталонец из Барселоны. — Он сделал паузу. В зале царило испуганное молчание. В националистской Испании таких речей еще не произносили. — И только что, — продолжил Унамуно, — я услышал бессмысленный некрофильский вопль: «Да здравствует смерть!» И я, который провел всю жизнь, осмысливая парадоксы, рожденные из бессмысленного гнева или других эмоций, должен сказать вам, умной и опытной аудитории, что этот нелепый парадокс вызывает у меня отвращение. Генерал Мильян Астрыя — калека. Давайте скажем об этом без обиняков. Он инвалид войны. Как Сервантес. К сожалению, сейчас в Испании слишком много калек. И если Бог не внемлет нашим молитвам, скоро их будет еще больше. И мне доставляет боль мысль о том, что генерал Мильян Астрыя будет определять психологию масс. Калека, лишенный духовного величия Сервантеса, он испытывает зловещее облегчение, видя вокруг себя уродства и увечья». При этих словах Мильян Астрыя не смог больше сдержаться. «Долой интеллигенцию! — заорал он. — Да здравствует смерть!» Со стороны фалангистов послышался одобрительный гул. Но Унамуно продолжал: «Здесь храм разума. И я его верховный жрец. Это вы оскорбляете его священные пределы. Вы можете победить, потому что у вас в достатке грубой силы. Но вы никогда не убедите. Потому что для этого надо уметь убеждать. Для этого понадобится то, чего вам не хватает в борьбе — разума и справедливости. Я все сказал». Наступило долгое молчание. Затем профессор канонического права сделал смелый жест. Взяв Унамуно под руку — с другой стороны рядом с ним сидела сеньора Франко, — вместе с ним пошел к выходу. Но это было последнее выступление Унамуно. С тех пор ректор находился под домашним арестом. Умер он от разрыва сердца в последние дни 1936 года. Эта трагедия его последних месяцев была естественна для общества, в котором по сентябрьскому закону все книги «социалистического и коммунистического содержания подлежали уничтожению как угрожающие общественному здоровью». В декабре эти книги (или любое издание «в целом разрушительного характера») подлежали сдаче в течение сорока восьми часов.

Положение дел в обеих Испаниях продолжало разительно отличаться одно от другого. Разве только тысячи испанцев

поддерживали ту или иную сторону в силу чистой случайности или оттого, где они оказались в июле 1936 года. Позже они оказались под воспламеняющим воздействием пропаганды, призывавшей отбросить свой оппортунизм и сомнения и преданно служить тому делу, в поддержку которого они вроде бы выступили. Для националистов главными заботами были война, армия и ее организация. Политические и социальные перемены глубоко волновали только ближайших последователей Хосе Антонио. Подавляющее большинство новоиспеченных фалангистов (их называли «Новые рубашки»), которые присоединились к движению лишь во время мятежа, куда меньше были озабочены сильной социальной программой. Конечно, «Новые рубашки» продолжали искать свою манеру политического поведения. Кстати, ни одна политическая партия не росла так стремительно, как фаланга, — даже коммунистическая партия в республике. Если в июле в ее рядах было 75 000 человек, то к концу года она уже насчитывала миллион членов. Многие были выходцами из CEDA. Тем не менее немцу Велцкеру, который прибыл в Севилью после закрытия немецкого посольства в Аликанте, националистская Испания показалась «оптимистической» и «фривольной». Он сетовал, что не была начата ни одна из программ для решения «социальных вопросов, в которых и крылись корни Гражданской войны» и что не была введена всеобщая воинская повинность, которая, как он считал (ошибочно), существовала в республиканской Испании.

Но в любом случае война все же вызвала радикальные перемены в Испании националистов. Самой известной организацией стала «Зимняя помощь», основанная в Вальядолиде вдовой Онесимо Редондо, лидера фалангистов, погибшего под Альто-де-Леоном. Она впервые собралась в единственной комнате Вальядолидского детского центра. Через несколько месяцев ее отделения распространились по всей националистской Испании². Но так как ее название совпадало с аналогичной нацистской организацией в Германии, то вскоре она была переименована в «Социальную помощь». Из нее выросли и другие организации, например «Кухня братства», обеспечивавшая одеждой нуждающихся и детские дома. В то же самое время существовала насущнейшая необходимость развивать производство во всех сферах, без чего невозможно было выиграть войну. Волей-неволей это привело к определенным переменам. Даже Кейпо де Льяно, несмотря на всю свою браваду, обеспечил 9000 фермеров семенным зерном, что позволило возделывать миллион акров в Андалузии, которые в противном случае так и лежали бы невспаханые.

Численно небольшие, но хорошо вооруженные силы на линии фронта выражали характер общества националистов³. Его лидеры постоянно опасались волнений в тылу и посему продолжали расстреливать всех возможных врагов режима, в том числе, случалось, и заключенных. Канталупо, новый итальянский посол, начал свою дипломатическую миссию с просьбы положить конец этим расправам. Франко твердо заверил его, что заключенных больше не расстреливают.

Есть возможность проследить четыре стадии в манере казней, которые проводили националисты. С самого начала расстреливали без каких бы то ни было юридических процедур. Несколько позже стали прибегать к уловкам, типа «убит при попытке к бегству». С октября 1936-го до февраля 1937 года заключенным предоставлялась возможность самим защищать себя перед трибуналом, хотя свидетелей, как правило, не выслушивали. С февраля 1937 года и до конца войны все дела рассматривались военным советом. Это создавало видимость справедливости, но приговоры все равно выносились по политическим мотивам. Многим приходилось долго и мучительно ждать казни.

К тому времени определились многие особенности, характерные для националистской Испании. Так, пока военно-полевые суды в привычном порядке рассматривали дела, были организованы специальные конфискационные комиссии, которые изымали собственность осужденных, а раньше это происходило от случая к случаю и беспорядочно.

В конце 1936 года неудача прямого штурма Мадрида и повсеместная стабилизация линии фронта вызвала уныние в военных кругах националистов и их зарубежных сторонников. Но экономически националистская Испания оказалась в прекрасном положении. Ее песета была конвертируемой валютой и стоила вдвое больше, чем песета республики. Продовольствия оказалось в избытке, и существовала поддержка старых испанских финансистов и банкиров. Их кредиты помогали приобретать снаряжение и, кроме того, нефть от техасской нефтяной компании.

В то время националистская Испания административно была разделена на две части. Бургос считался официальной резиденцией правительства. Здесь же находились казначейство, министерства юстиции и труда, представительство католической церкви, которая по традиции выражала правый аспект идеологии националистов. В Саламанке обосновались глава государства, фалангистская организация, министерство иностранных дел, военное министерство, посольства и политическое руководство немецкого и итальянского континген-

та. Споры между министерствами в двух городах были выражением подспудных противоречий в руководстве режима.

В атмосфере националистской Испании господствовала пропаганда — точно так же, как и в республиканской. Она была пронизана неприкрытой ненавистью. Таинственным образом появился список лиц, арестованных или убитых республиканцами, и в него были включены все, кто пропал без вести на территории националистов. В националистской Испании культивировалось представление о республике как о царстве анархистского террора, которым руководят «наемные убийцы из Москвы». Слухи ходили в избытке. В Сарагосе группа карлистов убеждала французского журналиста, что Торез при содействии Блюма и Даладье совершил во Франции военный переворот, что Петэн воюет с ними на юге страны и, когда Гражданская война во Франции завершится, Лаваль предоставит армию в распоряжение испанских мятежников.

Близким союзником режима националистов продолжала оставаться испанская церковь. Разводы и гражданские браки, зарегистрированные при республике, были аннулированы. В одно из воскресений в церкви Богоматери Бургосской во время торжественной мессы священник внезапно разразился бурной речью. «О вы, которые слышите меня! — воззвал он. — Вы, которые называют себя христианами! Это вы несете ответственность за все, что случилось. Ибо это вы терпели в своей среде и даже брали на службу тех, кто собирался в организации, враждебные нашему Господу и нашей стране. Вы не внимали нашим предостережениям, вы общались с евреями и франкмасонами, атеистами и отступниками, помогая им укреплять свои ложи, целью которых было ввергнуть нас в хаос. И да послужит вам предостережением сегодняшняя трагедия! По отношению к этим людям вы должны были быть — как и все мы — столь же непримиримы, как огонь к воде... не иметь с ними никаких дел... Никакого прощения преступным разрушителям церквей, убийцам священников и монахов! Да будет вытоптано их семя — дьявольское семя — порождение дьявола. Ибо истинно говорю я вам: сыны Вельзевула — враги церкви!»⁴ Своим главным делом церковь продолжала считать борьбу с масонством. Тем не менее существовала разница между преданностью иерархов испанской церкви делу националистов и отношением Ватикана. Правда, когда в сентябре папа Пий XI принимал у себя 600 беженцев из Испании, он говорил о «сатанинском» поведении безбожников в Испании. Но сейчас, в конце декабря, Франко жаловался итальянскому послу Канталупо на отношение папы к националистам. Представитель Франко в Ватикане предложил папе публично осу-

доть басков. Но под влиянием баскского епископа Витории Пий отказался. Максимум того, что он сделал, — выпустил буллу, осуждая сотрудничество католиков с коммунистами. Папа выразил скорбь по поводу казни нескольких баскских священников националистами и весьма мрачно оценил перспективы Франко. Возможно, причиной такого отношения со стороны папы были беспокоившие его близкие отношения Франко с язычниками Муссолини и Гитлером.

И все же самые серьезные трудности зимой 1936/37 года Франко доставляли карлисты. 8 декабря руководство карлистов издало декрет об учреждении Королевской военной академии для подготовки молодых офицеров, которым предстояло заменить тех, кто погиб в боях. С первого взгляда этот замысел был не лишен смысла. Но его инициаторы не посоветовались с генералом Франко. И не стоит удивляться, что Франко сообщил лидеру карлистов графу Родесно, что он «возмущен» столь явным актом неподчинения. Затем Франко дал указание генералу Давиле, главе администрации Бургоса, проинформировать Родесно, что создание академии может быть оценено только негативно. Фаль Конде, верховный лидер карлистов Испании, который, по мнению Франко, и был вдохновителем замысла академии, получил приказ в сорок восемь часов покинуть страну. До военной хунты карлистов это безапелляционное распоряжение дошло 20 декабря. Они решили не выражать протестов и согласиться, главным образом потому, чтобы доказать свою невиновность. Они заявили, что не собирались предпринимать никаких попыток переворота. Фаль Конде отправился в Лиссабон, любимое место отдыха всех беженцев правых взглядов в Испании. Позднее Франко объяснил немецкому послу Фаупелю, что, не опасаясь он за настроения карлистов на фронте, расстрелял бы Фаля Конде⁵.

Примечания

¹ Романист Пио Бароха оказался в националистской Испании, которую тоже не стал поддерживать.

² В октябре 1937 года их было 711, через год — 1265, а в октябре 1939-го — 2847. Организация носила добровольный характер, хотя, конечно, пользовалась поддержкой властей.

³ Во время Гражданской войны на стороне националистов не было призывников. Воинский призыв существовал в республике, но, так как ей постоянно не хватало оружия, их присутствие не особенно сказывалось.

⁴ Без сомнения, звучали и другие голоса. Так, епископ Витории не потерял глубокого уважения у своих баскских прихожан. Епископ Памплоны короткое время даже находился под домашним арестом.

Говорят, что архиепископ Сантьяго ответил на выступления фалангистов, требовавших более суровых мер против анархистов Астурии, словами: «Хватит преступлений!»

⁵ Нельзя отрицать, что карлисты обладали высоким боевым духом. Одного из них спросили, кого следует оповестить в случае его смерти. «Моего отца, — сказал он, — Хосе Марию де Монтехурра из монтехуррской милиции, 65 лет». — «А если и его убьют?» — «Моего сына, Хосе Марию де Монтехурра из монтехуррской милиции, 15 лет». Я и сам находил в карлистских архивах медицинские справки о серьезных ранениях пятнадцатилетних бойцов. Между июлем и октябрём 1936 года в армию националистов вступили 40 000 добровольцев из Наварры — десятая часть населения провинции.

Глава 43

Республиканская Испания. — Ее политическое и региональное дробление. — Коммунисты и республиканцы. — Ревность и упадок Ларго Кабальеро. — Новая армия. — Успехи республиканских реформ. — Бунт в Бильбао.

В январе республика могла с гордостью оценить итоги зимы. Но, в значительной мере устранив кризисные явления, республика заплатила за это дроблением, частично географическим, а частично и политическим. Например, Барселона представляла в облике мирного города. Жители Валенсии откровенно ворчали, что «каталонцы не воюют». Рабочая диктатура, которая в августе царил в Барселоне, практически прекратила свое существование. Неужели Маркс был прав, говоря, что анархизм неизбежно перерождается в мелкобуржуазную стихию? Анархисты и в самом деле клонились к упадку. Убежденность, что будущее принадлежит им, динамизм, политические взгляды, чуждые мелочности, и, конечно, престиж советского оружия сделали партию коммунистов привлекательной для массы амбициозных личностей¹. Число членов партии выросло к концу 1936 года до 300 000 человек. Но если бы не «зримая пропаганда» (советские самолеты), то, по мнению Гонсалеса Пеньи, их было бы куда меньше. Коммунисты Барселоны благодаря их приверженности к частной собственности и противостоянию революции пользовались повсеместной поддержкой. PSUC агитировала за роспуск революционных комитетов, чтобы вся исполнительная власть, и фактическая и номинальная, принадлежала Генералитату, в котором они доминировали вместе с «Эскеррой». С начала января соперничество между анархистами и PSUC приобрело особенно острый характер, когда последние вознамерились поставить на пост министра продовольствия давнего антианархиста, своего генерального секретаря Комореру. Тот немедленно разогнал «хлебные комитеты», возглавляемые CNT, которые контро-

лировали поставки продовольствия в Барселону. Государство не вмешивалось в вопросы обеспечения Каталонии. Было отменено даже нормирование продовольствия. Это немедленно вызвало осложнения, ибо цена на хлеб росла быстрее, чем зарплата. Затем хлеба стало не хватать. В предыдущем году не удалось снять весь урожай, но анархисты приписали нехватку хлеба неумелому руководству Комореры. Началась война лозунгов. Плакаты CNT призывали к смещению Комореры, а призывы PSUC гласили: «Меньше болтовни! Меньше комитетов! Больше хлеба!» и «Вся власть Женералитату!». Между тем стали привычным и горестным зрелищем хлебные очереди по 300—400 человек у закрытых пекарен. Порой, когда хлеб так и не доставляли, милиции приходилось прикладами разгонять очереди. Жизнь не имела ничего общего с мечтами о прекрасной утопии июля 1936 года.

Ниже по побережью, в Валенсии, обстановка была куда более революционной, чем в Барселоне. Почти все предприятия и магазины захватили их собственные работники. Но поскольку в Валенсию перебралось правительство, это дало ему возможность осуществлять контроль над Леванте, который до ноября был почти независимым. Что же до анархистов-диссидентов, то в «неподконтрольные» Таранкон и Куэнку, которые чуть не привели правительство к трагическому концу, были направлены воинские части. После стычки оба города стали образцовыми социалистическими центрами, хотя раньше ни в одном из них UGT не обладало сильными позициями. Все же и тут возник конфликт между коммунистами и анархистами — особенно по вопросу продажи апельсинов из Валенсии. С июля 1936 года торговлей занимались комитеты UGT и CNT, представляя всех поставщиков, но только не тех, кто выращивал апельсины. Министерство сельского хозяйства платило этой организации 50 процентов международной цены урожая при поставке и 50 процентов — после продажи и вычета расходов. Те, кто выращивал апельсины при поддержке министра сельского хозяйства коммуниста Урибе, заявили, что комитеты получают прибыль, а им ничего из нее не достается. Комитеты же утверждали, что если урожай апельсинов будет продаваться в частном порядке, то не только придет конец профсоюзам, но и частные торговцы будут оставлять валюту за границей. Неприкрытая ненависть хозяев апельсиновых рощ к комитетам нашла отражение в январском мятеже в пуэбло Кульера. Селение, которое внезапно объявило о своей независимости, зажгло маяки на берегу моря, чтобы привлечь корабли националистов, и повернуло оружие против Валенсии. Против крестьян, враждующих с анархистами, правитель-

ству пришлось предпринять те же репрессивные меры, что в свое время к самим анархистам, хотя и по другим поводам.

В Мадриде враждебность между коммунистами и анархистами имела иной аспект. С одной стороны, он отображал некоторые аспекты ссоры между Мадридом и Валенсией, а с другой — начало диспута между коммунистами и Ларго Кабальеро. После боя у дороги на Ла-Корунию Клебер доказывал, что республика должна перейти в наступление, которое возглавят интербригады. Но тут он столкнулся с ревностью, которую вызывал у Мьяхи и других испанских командиров. Ларго Кабальеро, полный зависти к международному престижу Пассионарии и других коммунистов, которые во время осады продолжали оставаться в Мадриде, заявил, что Клебер хочет использовать интербригады для коммунистического переворота. Анархисты Мадрида поддержали Мьяху и тем самым в первый раз, хоть и косвенно, Ларго Кабальеро. Но даже и в этом случае идеи Клебера могли бы восторжествовать — не вызови он подозрений у Андре Марти. В результате Клебер был отстранен от командования и перебрался жить в небольшую гостиницу в Валенсии. В то же самое время Розенберг без всякой видимой причины (может, она заключалась в его еврейском происхождении, а тогда как раз стал проявляться доселе скрытый антисемитизм Сталина) оставил свой пост посла в Валенсии и вернулся в Москву, где вскоре «исчез» в ходе чисток, которые стремительно набирали обороты. И остальные русские уезжали домой из Испании — с теми же последствиями. На одном из приемов в Мадриде появился генерал Берзин, который попрощался с возвращающимися на Родину офицерами. Скоро и сам Берзин, почетный гость на этом сборище живых мертвецов, будет отозван и его постигнет та же судьба. А тем временем в Испании коммунисты внезапно прекратили многословные нападки на своих врагов. Вместо этого к делу приступило НКВД, штат которого состоял главным образом из иностранных коммунистов, ибо испанские не пользовались его доверием. Количество советских людей в Испании никогда не превышало 2000 человек, но все они занимали ключевые позиции. Барселонским радио руководил Козлов-Гинсберг. Некий Владимир Бирчицкий был ведущей фигурой среди производителей оружия. По всей республике распространились упорные слухи о «контроле русских». Без сомнения, их незнание Испании, их стремление к секретности приводило (как и других иностранных коммунистов) к серьезным ошибкам.

Обретя власть, коммунистическая партия глубоко проникла во все поры республиканской администрации и с помощью

НКВД, руководимого Орловым, запустила шупальца и в среде молодежной организации коммунистов и социалистов и в другие организации, готовя повод для той самой чистки коммунистов и других марксистов в Испании, второй этап которой уже разворачивался в России². Первым проявлением испанской чистки стала кампания PSUC, имевшая целью выставить POUM из каталонского Женералитата. Наконец, 16 декабря Нин вышел из него. Анархисты, как и другие партии, не скрывали своего удовлетворения, так как все они отрицали агрессивную и самоуверенную манеру POUM. Тем не менее анархистов слегка беспокоили не только распротранение влияния коммунистов, но и исходящие от них угрозы. «Каталония не сомневается, — гремела «Правда» от 17 декабря, — что началась чистка анархистов и троцкистов и что она будет вестись с той же энергией, как и в СССР». Но пока никаких действий не предпринималось. Антонов-Овсеенко, советский генеральный консул (который в то время как бывший троцкист и сам должен был испытывать страх за будущее), 22 декабря публично выразил свое восхищение каталонскими анархистами. К тому времени насилие и жестокости народных трибуналов и «чека» заметно пошли на убыль — может быть, потому, что бо́льшая часть работы уже была сделана. В самом деле, перед Гражданской войной в республиканской Испании оставалось лишь несколько членов старых правых партий. Но время от времени спорадически продолжались дикие преступления милиционеров, особенно в отдаленных провинциях.

Коммунисты вели свою кампанию против коллективизации земли, а анархисты продолжали упорствовать в своих главных требованиях. Никто не обладал достаточной силой, чтобы настоять на своем. Так что вопрос об экспроприации собственности продолжал висеть в воздухе, крупные поместья находились под управлением муниципалитетов (или комитетов, которые продолжали отдельное существование), а условия работы для прежних батраков оставались почти такими же, как и раньше. Там, где первыми успели обосноваться анархисты, в Каталонии, Арагоне, на некоторых зерновых угодьях в Ламанче и фермах сахарной свеклы в Малаге, продолжало существовать коллективное хозяйство. В Арагоне насчитывалось 75 процентов малых совместных хозяйств. Весь урожай оставался под контролем местных комитетов. Анархисты утверждали, что рост производства зерновых на 30 процентов обязан их руководству.

Доводы в пользу преимущества милицейской системы перед армейской продолжали оставаться стеновым хребтом споров между анархистами и коммунистами. Штабные офицеры

республики пришли к выводу, что бригады смешанного состава — отдельное самостоятельное подразделение, с собственной артиллерией и минометами, техническими и медицинскими службами, — появившиеся во время марокканских войн, являются лучшим видом организации во время войны. На самом деле такая тактика была принята потому, что ее поддержали коммунисты и их русские советники. Указ, положивший конец милиции, после чего началась реорганизация армии, был опубликован в конце декабря. Инициатива по созданию регулярной армии принадлежала заместителю военного министра генералу Асенцио и его советникам из старой армии, таким, как Мартин Бласкес. «Либертарианская молодежь» указала на опасность: ведь именно такая армия и восстала в июле. Генеральный совет FAI потребовал отмены военного приветствия, равной платы для всех военнослужащих, доставки газет на позиции и введения солдатских советов на всех уровнях. «Солидарidad obrera» ворчала о «помешательстве на дисциплине», «неомилитаризме» и «психозе сплочения». «Железная колонна» у Теруэля восстала против финансовых статей указа, ущемляющих милицию. До сих пор платили всей колонне. Теперь каждому предстояло получать деньги индивидуально. Анархистов пришлось силой принуждать к выполнению новых правил. Они (и UGT), естественно, без большой радости приняли роспуск милиции, тем более что после расформирования Пятого полка было объявлено, что возглавит первую смешанную бригаду его командир Листер. На деле же милицейские формирования существовали еще несколько месяцев, хотя уже не носили имен, а выступали под номерами. Флаги отдельных политических партий бросались в глаза так же часто, как и республиканский. На Арагонском фронте политические колонны существовали до середины года. Единой формы еще не существовало, хотя все носили вельветовые бриджи и куртки на «молниях». Военная подготовка продолжала оставаться на низком уровне, так как все винтовки были на фронте, да и те, что имелись в наличии, повсюду, кроме нескольких участков Мадридского фронта, оказывались непригодными к боевым действиям, а артиллерии повсюду не хватало. Гранаты были такими некачественными, что могли взорваться как в гуще врагов, так и в руках того, кто их бросал. Повсеместно не хватало карт, дальномеров, перископов, биноклей; нечем было чистить оружие. Оруэлл, выпускник Итонского корпуса подготовки офицерского состава, с ужасом обнаружил, что в колонне POUM никто и не слышал о такой вещи, как чистка оружия. Как правило, меткость стрельбы никуда не годилась. Сплошь и рядом дисциплина базировалась лишь на верности

классу, а не на приказах офицеров, хотя генерал Асен시오, заместитель военного министра и создатель новой республиканской Народной армии, настаивал, чтобы офицеры носили военную форму.

А тем временем Ларго Кабальеро продолжал ревновать ко всем в Мадриде, особенно к Пассионарии, которая пользовалась огромной популярностью. Его отношения с Мьяхой и командным составом оставались напряженными. Кабальеро уже не нравилось присутствие в Мадриде советского посла Розенберга. 21 декабря Сталин прислал Кабальеро письмо, полное сдержанных братских советов: метод парламентской борьбы может оказать в Испании более революционное воздействие, чем в России, но даже и в этом случае российский опыт может пригодиться в Испании. Особенно после появления в Испании некоторых «военных товарищей», которые получили приказ следовать указаниям испанцев и действовать только в роли советников. Сталин просил Кабальеро, «как друга», сообщать, насколько успешно действуют советники, и поделиться своими соображениями, удовлетворяет ли его деятельность Розенберга. Письмо кончалось советом уважать собственность «крестьян и иностранцев», а в тылу националистов организовывать партизанские силы. Не стоит также нападать на мелкую буржуазию и прохладно относиться к Асанье и другим республиканцам³. И в самом деле политическая сдержанность Испанской коммунистической партии позволила ей устанавливать рабочие контакты с либеральными республиканцами. Политика республиканцев, не говоря уж о ее главной цели одержать победу в войне, была весьма сходна с политикой коммунистов в вопросах военной и экономической стратегии. В ходе одного из своих редких появлений на людях 21 января в Валенсии Асанья говорил почти таким же языком, как и Пассионария, настаивая на том, что «военная политика... должна иметь только одно выражение — дисциплина и подчинение ответственному правительству республики».

Теперь Асанья был согласен с коммунистами и считал, что социальные и прочие реформы могут подождать до окончательной победы. Он принял ту политику, которая обеспечивала влияние коммунистической партии. Чтобы выиграть войну, действовать надо было именно так, как действовала она. Сдержанность коммунистов обеспечила им дружеские отношения не только с республиканцами, но и со многими профессиональными офицерами в армии, которые считали коммунистов деловыми и хорошо организованными людьми. Анархисты, казалось, искренне удивились близости коммунистов с институтами «буржуазной» демократии. На национальном молодежном конгрессе, который в январе состоялся в Валенсии,

генеральный секретарь Союза коммунистической и социалистической молодежи Сантьяго Каррильо заметил: «Мы — не марксистская молодежь. Мы боремся за демократическую парламентскую республику». «Солидарidad obrera» назвала его слова «реформистским шарлатанством». «Если Союз социалистической молодежи — ни социалисты, ни коммунисты, ни марксисты, то кто же они?»

Что же до социалистов, то UGT (членство в котором выросло до двух миллионов) теперь установил тесное сотрудничество с коммунистами. Всю зиму коммунисты добивались объединения социалистической и коммунистической партий в соответствии с той моделью, которая существовала в Каталонии и в молодежном движении. Оба крыла социалистической партии, и Ларго Кабальеро и Прието настороженно относились к этим подходам.

К весне 1937 года правительство Ларго Кабальеро стало повсеместно искать возможности замедлить революционный процесс. Политические комитеты, которые стремительно появились во всех селениях, в июле были заменены муниципальными советами. Национализацию иностранных фирм прекратили, а остальных отложили. Кроме того, правительство всеми силами старалось положить конец коллективному управлению предприятиями. Оно стремилось поставить промышленность, национализированную или находящуюся в частном владении, под контроль государства. Поэтому предприятиям, где господствовали анархисты, была затруднена выдача кредитов. Некоторые фабрики, куда перестал поступать хлопок, даже остановились.

Хотя причины всех этих ссор можно понять с учетом той железной хватки коммунистов, испанских и иностранных, в тисках которой находилась Испания, нельзя не признать, что правительство Ларго Кабальеро нащупывало пути создания в Испании лучшей жизни. Большая часть ресурсов республики уходила на военные нужды, но еще никогда раньше образованию не уделялось столько внимания. В 1937 году на него было потрачено 143 миллиона песет, по сравнению с 3 миллионами в 1936 году. Конечно, эта сумма не так велика, как может показаться, поскольку республиканская песета подверглась инфляции. Тем не менее реальные траты на образование выросли в пять раз. Количество новых школ, открытых в 1937 году, достигло тысячи. Если в Испании 1931 года было 37 000 учителей, то в республиканской Испании 1937 года их стало 60 000. В 1937 году действовало 2000 военных школ, в которых учили читать неграмотных милиционеров. Несмотря на споры вокруг коллективизации, декрет от октября 1936 года, легализовавший экспроприацию

земель, принадлежавших националистам, революционизировал жизнь в Испании. В мае 1937 года Институту аграрной реформы было передано около 4 миллионов гектаров (15 процентов всех земель). Были обеспечены кредит в 80 миллионов песет, снабжение семенным зерном и удобрениями. Между июлем 1936 года и октябрём 1937-го площадь обрабатываемых земель выросла на шесть процентов. Почти повсеместно в республиканской Испании к началу 1937 года крестьяне были или собственниками своей земли, или работали в коллективных хозяйствах. Арендаторы и безземельные батраки, зависевшие от прихотей лендлордов, практически исчезли.

В промышленности, несмотря на трудный компромисс в тех концернах, которые продолжали номинально находиться в частном владении⁴, рост производства увеличился на 30—50 процентов, особенно в тех отраслях (например, в текстильной), которые работали непосредственно на войну. В здравоохранении, несмотря на нехватку врачей и потребности военной медицины, количество мест для туберкулезных больных стало на тысячу больше, чем в 1936 году. В 1937 году прошли повсеместные прививки от оспы, дифтерии и тифа, а к концу года центров помощи детям стало больше, чем перед войной во всей Испании. Самоотверженная деятельность иностранных медиков-добровольцев сказывалась по всей республике, устанавливая новые стандарты гигиены и заботы о здоровье. Эти успехи, достигнутые в военной обстановке, было нелегко игнорировать. В области обыкновенной юстиции (противостоящей политической целесообразности) заметно увеличилось количество дел, рассматриваемых в обычном порядке. За этими переменами стояла непривычная фигура министра юстиции анархиста Гарсиа Оливера. 3 января 1937 года он произнес, возможно, самую необычную для министра юстиции всех времен речь. «Справедливость, — заявил он, — должна пылать жарким пламенем; справедливость должна быть живой; справедливость не должна быть связана узами профессии. Это неправда, что мы решительно презираем книжную ученость и юристов. Но факт, что юристов было слишком много⁵. Когда между людьми установятся те отношения, какими они должны быть, отпадет необходимость красть и убивать. И в первый раз давайте признаем, что здесь, в Испании, обыкновенный преступник не является врагом общества. Он скорее его жертва. Кто осмелится сказать, что никогда не пойдет красть, пусть даже его гонит необходимость накормить голодных детей? Не надо думать, что я выступаю в защиту грабежей. Но большую часть своего естества человек унаследовал не столько от Бога, сколько от животного. И я твердо убежден: справед-

ливость — столь тонкая вещь, что для понимания ее надо обладать лишь сердцем».

Северные территории республики в целом оставались в стороне от ссор на юге. Тем не менее тут были свои трудности. 4 января на Бильбао совершили налет девять «Юнкерсов-52», которых прикрывали «хейнкели». Два из них были сбиты советскими истребителями. Немцы приземлились на парашютах. Один был убит толпой, разъяренной этим бессмысленным налетом. Другого спас от такой же смерти советский летчик. Тем временем Бильбао кипел гневом. Людская ярость усиливалась подступающим голодом, поскольку пароходам с продовольствием приходилось преодолевать морскую блокаду националистов. Бурная толпа, состоящая главным образом не из басков, а из беженцев Астурии, Кастилии и Галисии, двинулась к зданиям, где в Бильбао содержались политические заключенные. Начальники тюрем по телефону стали связываться с правительством Басконии. Они говорили, что их силы на исходе и надзирателям вот-вот придется открыть ворота тюрем. На помощь им был послан батальон UGT. Но солдаты примкнули к толпе, из которой неслись проклятия тем, кто «призвал немцев убивать наших детей». Первыми были снесены ворота в тюрьме Ларонге, и солдаты батальона UGT устроили бойню, в ходе которой уничтожили 94 заключенных. В другой тюрьме, в монастыре Анхелес Кустодьос, погибли 96 пленников. В монастыре кармелитов, тоже превращенном в тюрьму, заключенные вместе с шестью охранниками из басков забаррикадировали лестницу. Затем по сигналу во всем монастыре разом выключили освещение. Толпа решила, что монастырь будут бомбить, и отхлынула, оставив всего лишь четыре трупа заключенных. Наконец прибыл моторизованный отряд баскской полиции. По трагической иронии судьбы им командовал Телесфоро Монсон. Недавно он вел переговоры с националистами об обмене этих же самых политических заключенных, но, поскольку Франко настаивал, что хочет иметь дело только с правительством Валенсии, его миссия потерпела крах. Замешанные в преступлении милиционеры UGT были арестованы, и толпа рассеялась. Баскское правительство решило загладить этот акт массового безумства. Семьям убитых (большинство из них были родом из Бильбао) разрешили проведение похоронных служб и траурных процессий. Шесть солдат батальона UGT были приговорены к смертной казни, и в виде публичного акта унижения отменена цензура журналистских репортажей о смертоубийстве в тюрьмах.

13 января анархисты Бильбао решили к своей выгоде воспользоваться напряженной атмосферой в городе. Их плакаты

требовали участия в правительстве, но с этим справиться было нетрудно. Через несколько недель была запрещена газета анархистов, и впредь на проведение их митингов требовалось получать разрешение. Правительство сознательно не посылало полицию, состоящую из басков, для разгона толп у тюрем, где баски, как правило, не собирались из страха, что ухудшатся отношения между басками и другим населением. Последним следствием этих волнений стало безусловное главенство баскских националистов в Бискайе.

Примечания

¹ Даже генерал Мьяха сказал Пьетро Ненни, что он предпочел Третий Интернационал Второму. «Мне нравятся коммунисты, — объяснил он, — потому что у них хватает решительности. Социалисты сначала болтают, а потом делают. Если же коммунисты говорят, то уже по о с л е действий. Говоря военным языком, они обладают преимуществом».

² 23—30 января состоялся суд над Пятаковым, Радеком и другими старыми большевиками. Тринадцать человек из них были расстреляны.

³ В первый раз письмо это было опубликовано в «Нью-Йорк таймс» 4 июня 1939 года, куда его передал Аракистайн, посол в Париже в 1936—1937 годах, ставший к тому времени яростным антикоммунистом. Когда письмо пришло в офис Кабальеро, никто не мог прочесть неразборчивую подпись. Пригласили Кодовилью, агента Коминтерна. И он не смог ее разобрать. Лишь сотрудники Розенберга из советского посольства расшифровали имена Сталина, Молотова и Ворошилова.

⁴ В Каталонии указ от 9 января обязал частных владельцев решать вопросы заработной платы, рабочего времени, приема новых работников, выпуска продукции — и ежемесячно представлять эти отчеты в рабочие комитеты.

⁵ Эти слова имеют весьма зловещий подтекст. В республиканской Испании были убиты 127 служителей юстиции.

Глава 44

Битва за Малагу

Малага, в которой обитало 100 000 жителей, была главным городом на узкой прибрежной полосе, что тянулась между морем и горами Сьерра-Невада. В силу прекрасного климата и великолепной естественной гавани Малага уже три тысячи лет считалась отличным торговым портом. В начале 1937 года тут установилась линия фронта: начинаясь в тридцати километрах от Гибралтара, она уходила в глубь материка до Ронды и вдоль гор тянулась до Гранады. Республике принадлежала

длинная прибрежная полоса тридцатикилометровой ширины с Малагой в центре ее. Единственная дорога на север была блокирована у Мотриля. Сама Малага подвергалась непрерывным бомбардировкам, а рабочие еще раньше разрушили фешенебельный район Салетас. Город производил впечатление покинутого и запущенного. Кампанию по взятию Малаги националисты начали 17 января. Руководил ею Кейпо де Льяно, возглавивший так называемую Армию Юга. Непосредственное управление на поле боя принадлежало герцогу Севильскому, принцу из рода Бурбонов. Он начал с того, что в первые же три дня отрезал самую западную часть республиканской территории вместе с Марбельей. Затем части гранадского гарнизона полковника Муньоса, перейдя в наступление, заняли Аламу и прилегающую территорию к северу от Малаги. Эти два предварительных броска почти не встретили сопротивления.

Хотя беженцы из только что потерянных районов заполнили город и спали на каменных плитах кафедрального собора, республиканское руководство Малаги даже не подозревало, что все эти события — лишь предвестие генеральной кампании. Ровно ничего не было сделано, чтобы Малага получила подкрепление из Валенсии. Поскольку дорога продолжала оставаться перерезанной у Мотриля, артиллерия в любом случае не могла подойти. Тем временем Ларго Кабальеро продолжал носиться с идеей наступления на националистов от дороги Мадрид—Валенсия на юг. Прошла неделя.

С севера к Малаге подтянулись механизированные части итальянских чернорубашечников, всего девять батальонов под командой генерала Роатты, одного из самых преданных сторонников Муссолини в армии, который до этого был главой итальянской военной разведки. Теперь под его началом оказалась часть, передвигавшаяся главным образом на танках и броневиках. Не в пример летчикам июля-августа 1936 года (которые носили форму Иностранного легиона), у этих итальянцев была собственная форма. У них было и свое командование, так что при желании они могли приписать себе крупную победу, о которой так мечтал организованный Чиано отдел, занимавшийся испанскими делами. В самом начале итальянцы заявили, что их наступление станет лишь прелюдией к маршу на Валенсию, где будет высажен десант. Затем Муссолини сообщил Франко, что по условиям Соглашения о невмешательстве, запретившего отправки добровольцев, он больше не сможет оказывать помощь. 25 января Франко ответил, что, поскольку контроль за невмешательством не включает такие государства, как Мексика, которая вообще не участвует в соглашении, последнее вообще не следует принимать

Карта 18. Битва за Малагу

во внимание. Кроме того, он представил новый список необходимых военных материалов. Генералы Фаупель и Роатта вместе с Анфузо, временно пребывавшим в Испании, обратились к Франко с вопросом, что ему сейчас нужнее всего. «Все», — сказал Франко. Чтобы обеспечить поставки, генералиссимус выразил согласие на создание объединенного германо-итальянского генерального штаба, состоящего из пяти немецких и пяти итальянских офицеров. Пока оба союзника обдумывали это предложение, сражение под Малагой стремительно набирало темпы.

Республиканскими силами в Малаге командовал полковник Вильяльба, недавно переведенный из Каталонии на смену Барбастро. Под его началом было примерно 40 000 человек, почти все из Андалузии; милиционеры, которых не коснулись реформы Асенсио. Полные уверенности в себе, они пользовались горячей поддержкой местных крестьян. Например, в селении под Малагой, таком бедном, что при нем почти не было земли, один крестьянин уверял доктора Боркенау, что воюет за «свободу», хотя согласился, что не получил от революции никаких материальных благ.

3 февраля наступление на Малагу уже обрело серьезный характер. Три батальона под командованием герцога Севильского, выступившие из района Ронды, встретили отчаянное сопротивление. В ночь на 4 февраля в наступление пошли

итальянские чернорубашечники. В Малаге началась паника, частично из-за появления незнакомых итальянских танков, частично из-за страха перед осадой города. Вильяльба оказался не способен вдохнуть боевой дух в жителей Малаги, да и в любом случае он со своим спокойным темпераментом был не тем человеком, который мог бы убедить гражданское население драться до последнего человека, как это было в Мадриде. При таких обстоятельствах наступление националистов, начатое прорывом фронта герцогом Севильским 4 февраля и итальянцами 5 февраля, продолжалась в прежнем темпе. 6 февраля итальянцы заняли высоты Вентас-де-Сафаррайа, господствовавшие над дорогой к Альмери. Весь день Малага подвергалась обстрелу. Вильяльба, придя к выводу, что город падет, отдал приказ о всеобщей эвакуации. На деле же националисты не собирались перерезать путь к отступлению. Им не улыбалась идея бороться с хаосом отчаяния, который неизбежно должен был воцариться в окруженном городе. Все эти два дня, включая и 7 февраля, командование республиканцев, политические и профсоюзные лидеры, а также все, кого страшил захват Малаги, отчаянно старались выбраться к побережью. Счастливики уезжали на немногочисленных машинах, остальные шли пешком. Корабли «Канары», «Балары» и «Веласко» обстреливали город. Немецкий «Граф Шпее» стоял наготове неподалеку. Вечером 7 февраля итальянцы вышли к предместьям Малаги. На следующий день вместе с испанцами герцога Севильского они вошли в опустевший разрушенный город. Начались самые жестокие казни после тех, что были в Испании, когда пал Бадахос. Тысячи сторонников республики, не успевших уйти из города, были расстреляны на месте, остальные взяты под стражу. Один свидетель утверждал, что в первую же неделю после взятия города было расстреляно 4000 человек. Как обычно, эту цифру следует считать преувеличенной. Но не подлежит сомнению, что первую группу расстреляли без суда прямо на пляже, а вторую — после краткого допроса, проведенного свежеспеченным военным советом. Единственный оставшийся в живых республиканский журналист Артур Кестлер, работавший тогда на «Ньюс кроникл», несколько месяцев просидел в сеvilской тюрьме, и большую часть времени над ним висел смертный приговор¹.

Танки и авиация националистов перехватили беженцев, уходящих по дороге на Альмерию. Отпустив женщин, чтобы усугубить продовольственные трудности республики, они расстреливали мужчин, часто на глазах их семей. Многие из тех, кому удалось спастись, падали с ног от голода и усталости.

Так кончилась бесславная битва под Малагой. Республиканский флот мог помочь защитникам города, если бы итальянские военные корабли не отогнали республиканцев подальше от поля боя. На помощь осажденному городу могла прийти 13-я интернациональная бригада, если бы коммунисты не опасались, что анархисты воспользуются этой возможностью и поднимут мятеж в Валенсии. Падение Малаги привело к снятию Асенсио Торрадо, заместителя военного министра и любимого генерала Ларго Кабальеро. Коммунисты обвинили его в том, что вместо защиты города он проводил время в ночном клубе Валенсии. В октябре, когда Асенсио окрестили позорной кличкой «Генерал от отступления», от бесчестия его спас Ларго Кабальеро, но второй раз сделать это ему не удалось. Впрочем, Асенсио был главным организатором Народной армии и нес за падение Малаги ответственность ничуть не большую, чем все остальное руководство в городе. На посту заместителя военного министра Асенсио сменил Бараибар, издатель «Кларидад», не обладавший никаким военным опытом. Смещение Асенсио, на котором настояли коммунисты, было еще одним предметом раздора между ними и «испанским Лениным».

Примечание

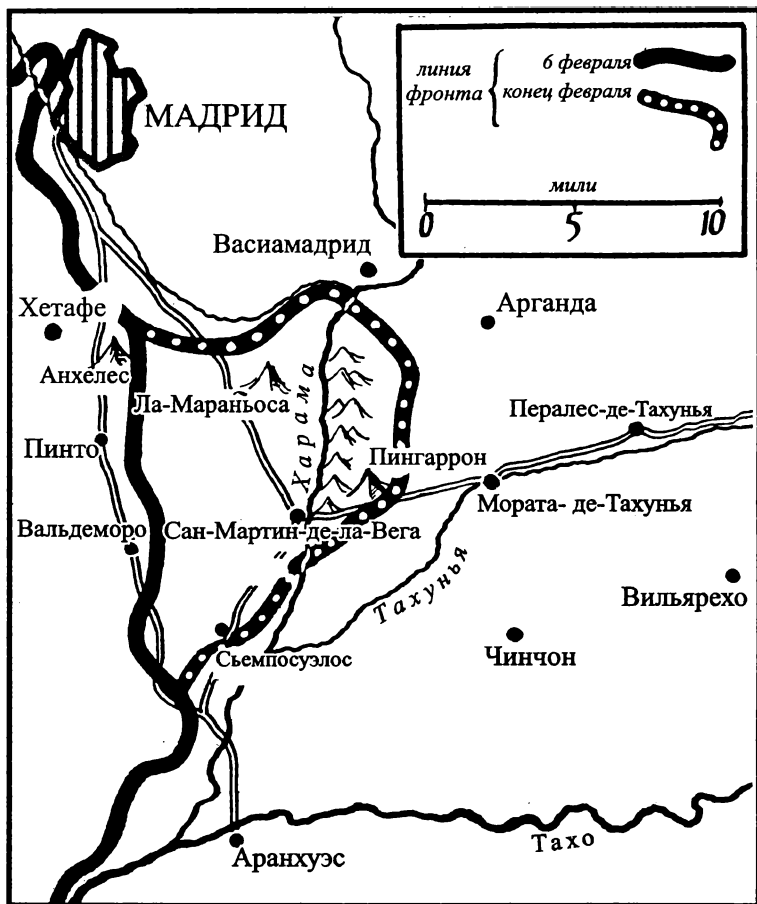
¹ Позднее он с помощью организации доктора Жюно был обменян на красавицу жену пилота националистов, задержанную в Валенсии.

Глава 45

Бои на Харамском фронте

Падение Малаги совпало с новым наступлением националистов к юго-востоку от Мадрида, именно в том районе, где Ларго Кабальеро сам готовился перейти в наступление, — в долине реки Харама. Националисты атаковали пятью мобильными бригадами Гарсиа Эскамеса, Сайнса де Буруаги, Баррона, Асенсио и Рады (давний инструктор карлистов). Большую часть в каждой из бригад составляли солдаты Африканской армии. Наступающих поддерживали шесть батарей 155-миллиметровых орудий и артиллерийская группа 88-миллиметровых пушек легиона «Кондор». Задачей наступления было перерезать шоссе Мадрид—Валенсия. Оно началось по всей длине 18-километровой линии фронта, протянувшейся с севера на юг в нескольких сотнях ярдов от дороги Мадрид—Андалузия.

Наступление, которое стало неожиданностью для генерала Посаса, командующего республиканской Армией Центра, началось 6 февраля. Гарсиа Эскамес мощным ударом занял Симпосуэло, селение, которое обороняла недавно сформированная 18-я бригада республиканцев; ее передовые позиции были полностью сметены. Рада, наступавший к северу, занял высоту Мараньосу (697 метров), на которой два батальона республиканцев дрались до последнего человека. 7 февраля Баррон вышел к месту слияния Харамы и Мансанареса, что позволило ему держать под обстрелом дорогу Мадрид—Валенсия. Республиканцы растерялись из-за присутствия новых бригад, которые должны были принять участие в готовящемся наступлении Ларго Кабальеро, а тут им пришлось обороняться. 8 февраля Мьяха послал на помощь Посасу ударные бригады Листера и Эль Кампесино. 11-я интербригада (после реорганизации в нее входили Батальон Тельмана и Батальон Эдгара Андре, но ее знали под старым именем) получила приказ выдвинуться к реке Хараме. 9 февраля республиканцы организовали оборону вдоль высокого восточного берега. Часть сил (включая 12-ю интербригаду, которая после реорганизации теперь состояла главным образом из итальянцев и называлась Бригадой Гарибальди) находилась в резерве, чтобы предотвратить прорыв обороны. Тем не менее на рассвете 11 февраля националистам удалось форсировать Хараму. Группа марокканцев в темноте бесшумно перешла мост Пиндоке и одного за другим прямо на постах перерезала часовых из французского Батальона Андре Марти (теперь он входил в 14-ю бригаду). Немедленно два кавалерийских полка националистов пересекли реку. Мост Пиндоке был подорван зарядами, заложенными республиканскими часовыми, но, взлетев на несколько футов в воздух, опустился на то же самое место, и переход через реку продолжался. В то же самое время части Баррона пересекли Хараму в нескольких милях выше по течению, у Аргандского моста. Несмотря на непрерывные налеты республиканской авиации, к трем часам дня вся бригада Баррона оказалась на другой стороне реки. Здесь она столкнулась с Батальоном Андре Марти и взяла его в кольцо, но интербригадовцы сопротивлялись, пока не кончились боеприпасы. Выживших смяла и перебила марокканская кавалерия. Тем не менее славянский Батальон Домбровского удержал свои позиции перед Аргандой. В районе моста Пиндоке Батальон Гарибальди, укрепившись на высоте, сосредоточил огонь на подходах к мосту и остановил дальнейшее продвижение врага. Дальше к югу Асенсио на рассвете взял штурмом маленькое селение Сан-Мартин-де-ла-Вега. Пулеметный огонь весь день

Карта 19. Харрамское сражение

держал его у моста, но в сумерках он пересек реку, пустив в ход тот же прием, что на рассвете был использован у моста Пиндоке. «Табор» марокканцев перебил часовых. Ночь Асенсио провел, укрепляя свои позиции к следующему дню. 12-го он штурмом взял высоты Пингаррона на другой стороне реки. Бригада Сайнса де Буруаги тоже форсировала реку у Сан-Мартина и, соединившись с силами Асенсио, пошла в новое наступление в южной части фронта по направлению к Мора-та-де-Тахунье.

Впервые на этом участке республиканцы полностью господствовали в воздухе. Русские истребители прогнали «юнкеры» националистов. Тогда же вступила в бой и 15-я интербригада под командованием полковника Гала, обрусевшего венгра (как Лукач и Клебер). Гал был некомпетентен, да еще и с плохим характером. К нему все относились с неприязнью. Главной фигурой при создании бригады был начальник ее штаба, отважный английский капитан Натан — вскоре он получил звание майора. Политическим комиссаром стал французский коммунист Жан Шентрон, которого знали под именем Бетель. В бригаде собирались добровольцы двадцати шести национальностей. Первый батальон состоял из 600 человек, главным образом англичан, и назывался Батальоном Саклатвалы, по имени индийского коммуниста, который в 20-х годах XX века короткое время был членом парламента. Чаще это соединение называли просто Британский батальон. Командовал им «английский капитан» Том Уинtringем. В свое время он учился в оксфордском колледже Баллиол, а еще недавно редактировал «Лайф ревью» и был военным корреспондентом коммунистической «Дейли Уоркер»¹. Политкомиссаром назначили грубоватого шотландского коммуниста Джорджа Эйткена.

В Британском батальоне было много шотландцев и уроженцев Уэльса, а также несколько американцев, шестьдесят киприотов (из Лондона), абиссинец, австралиец, южноафриканец, кубинец и уроженец Ямайки. Все ротные командиры и комиссары были коммунистами. В 15-ю бригаду входили еще три батальона: смешанный балканский Батальон Димитрова; в который входили Батальон 6 февраля² (или франко-бельгийский), 800 французов и бельгийцев; Батальон Абрахама Линкольна и 550 американцев, преимущественно негров. Последний продолжал подготовку в деревне Вильянуэва-де-ла-Хара, рядом с Альбасете. Ирландцы были поделены между Батальоном Абрахама Линкольна и Британским батальоном. Те, кто присоединились к американцам, сделали это потому, что были обижены английской газетой «Дейли Уоркер», забывшей упомянуть, что большинство павших на Кордовском фронте под

Рождество были ирландцами. Они служили в английской Роте Ноль и взбунтовались, когда их первая просьба о переводе получила отказ. Фрэнк Райан, их глава, в это время поссорился с Марти. Кроме того, в Батальоне Димитрова было 160 греков. Из состава бригады мало кто (особенно американцы и англичане) ранее участвовал в боях, чем они отличались от опытных бойцов других бригад.

К тому времени и на стороне националистов появилась группа ирландских добровольцев. Их командир, генерал Эойн О'Даффи, возглавлял полуфашистское ирландское движение, известное как «Синие рубашки». Он надеялся, что подвиги его 600 человек в Испании обеспечат ему политическое влияние у себя на родине. К тому времени добровольцы закончили подготовку в Касересе и получили приказ перебазираться на Харамский фронт³.

12 февраля Британский батальон принял на себя мощный удар наступавших сил Асенсио и Сайнса де Бурауги. Семь часов под артиллерийским и пулеметным огнем с господствовавшей высоты Пингаррон они обороняли так называемый холм Самоубийц. Националисты ввели в бой почти все свои резервы, когда на левом фланге Британского батальона появился Листер. Британский доброволец Джон Леппер описал эту сцену в своей поэме:

Смерть кралась меж оливковых деревьев,
Выбивая его людей,
Но его свинцовый палец
Снова и снова посылал их в бой.

Бой длился весь день 12 февраля. Интербригады понесли очень тяжелые потери, включая большинство офицерского состава. К концу дня в живых осталось всего 225 человек от всего Британского батальона⁴. Уинtringем был ранен в бедро, и его сменил Джок Каннингхэм. Среди погибших особой известностью пользовались протестантский священник из Килкенни достопочтенный Р.М. Хиллиард и двадцатидевятилетний Кристофер Коделл, несгибаемый коммунист и писатель⁵. Одна рота Британского батальона вместе с ее командиром Фрайем попала в плен потому, что подпустила к своим окопам отряд марокканцев, распевавших «Интернационал».

На следующий день остатки Британского батальона отступили. Тем не менее их послали обратно отбить оставленные позиции. Возглавили батальон комиссар Эйткен, Райан и Каннингхэм, единственные два оставшихся в живых офицера. Кажется, именно в этот момент командир бригады таинственный полковник Гал наконец дал знать о себе, едва не накрыв

огнем своих же людей. Скорее всего, «проявил инициативу» его начальник штаба Натан.

На севере Сайнс де Буруага, поведя наступление на дорогу Арганда—Кольмена, был отброшен к Хараме немцами 11-й интербригады, Батальоном Димитрова и соединением советских танков. Артиллерия националистов, стоявшая у Мараньосы, не могла оказать ему должной поддержки, ибо опасалась поразить свои же части. 15 февраля Мьяха принял на себя командование сражением у Харамы. Все силы Харамского фронта были сведены воедино в 3-й армейский корпус под командой полковника Бурильо, который в ночь убийства Кальво Сотело руководил солдатами в казармах Понтехос. Он терпеть не мог интернациональные бригады и отнесся к посыльным от них с подчеркнутой грубостью⁶.

Очертания передовой линии свидетельствовали, что фронт от Арганды до Мораты теперь держат четыре интернациональные бригады (13-я в это время была переброшена на Гренадский фронт)⁷. К югу стоял Листер со своим бывшим Пятым полком. Сайнсу Буруаге посчастливилось форсировать Хараму и закрепиться на первой же высоте на другой стороне. Наступательных действий больше не предпринималось.

Все же какие-то события на линии фронта происходили. 16 февраля ирландские националисты генерала О'Даффи вышли к Харамскому фронту у Сьемпосуэло. Едва только они успели занять позиции, как увидели, как к ним приближается какое-то подразделение. Ирландский офицер решил, что это друзья, и вышел им навстречу. В восьми шагах от приближающегося капитана испанский офицер связи с ирландцами отдал честь и отрапортовал: «Бандера ирландцев Терсьо!» Капитан выхватил револьвер, выстрелил, и тут же началась всеобщая перестрелка. Ирландцы потеряли четырех человек убитыми, включая испанского офицера связи. Лишь позднее выяснилось, что их противниками была бандера испанских националистов с Канарских островов. В ходе расследования с ирландцев были сняты все обвинения, и испанцы взяли всю ответственность на себя. После этого ирландцы расположились в Сьемпосуэло. Был случай, когда немец фон Тома попросил помощи ирландской пехоты от наступающих немецких танков. Это случай был повсеместно оценен как уникальный в истории войны.

17 февраля реорганизованная республиканская армия все же перешла в наступление. Одна дивизия отбросила силы Баррона за дорогу на Валенсию. Другая, наступавшая с севера, форсировала Мансанарес к западу от Мараньосы. Но атаки Гала 23-го и 27 февраля на самый мощный участок фронта

националистов между Пигарроном и Сан-Мartiном, как и следовало ожидать, не принесли успеха. Здесь 450 американцев из Батальона Абрахама Линкольна впервые вступили в бой. Их командиром был двадцативосьмилетний коммунист Роберт Мерримэн, сын лесоруба, который из Университета Невады перебрался слушать лекции в Калифорнийском университете. В Европу он приехал с целью попутешествовать и изучить проблемы сельского хозяйства. Большинство американцев в бригаде были студентами. В следующую по величине группу входили моряки. Надо добавить, что американцы отличались удивительной благожелательностью, что отличало их от остальных членов бригады. Не в пример большинству своих товарищей, они прибыли не из разоренных войной городов, где сейчас правили диктаторы. Никто из них не выполнял свой гражданский долг, служа в американской армии. Они были моложе всех остальных в интербригадах. Но, даже не имея артиллерийского прикрытия, американцы дрались с большим мужеством. 120 из них были убиты, 175 получили ранения. Среди погибших — Чарльз Доннелли, молодой многообещающий ирландский поэт. Бойцы пели строки его стихов на мотив «Долины Красной реки»:

Есть в Испании долина, что зовется Хараме,
Мы хорошо знаем эти места,
Ибо здесь мы прощались с нашим мужеством
И здесь мы старели в боях.

А дальше сложилась такая же ситуация, что и в боях при дороге на Ла-Корунью, — и та и другая сторона оказались слишком сильны, чтобы кто-то мог перейти в наступление. К тому времени уже были возведены укрепления. Сражение при Хараме подошло к концу, в результате чего возникло еще одно противостояние. Вдоль двадцатикилометрового фронта республиканцы потеряли территорию на 15 километров в глубину, но отстояли дорогу на Валенсию. Обе стороны объявляли, что одержали победу. У республиканцев было примерно 25 000 раненых, а у националистов — 20 000.

Примечания

¹ Во время подготовки батальон возглавлял Уилфрид Маккартни, яркий талантливый левый журналист. Он не был коммунистом, хотя ему и довелось попасть в тюрьму за передачу России военных секретов. Уже достаточно обеспеченный, он стал еще богаче, получив гонорар за свою книгу «И у стен есть рты» об этой истории. Выйдя из тюрьмы, он в 1935 году опубликовал ее с предисловием Комптона

Маккензи. Ему пришлось оставить командный пост, потому что Питер Керриган, комиссар всех англичан в Испании, во время чистки оружия случайно ранил его в ногу.

² Его так назвали в память восстания в Париже 6 февраля 1934 года, но в силу чистого совпадения и сформирован он был 6 февраля 1936 года.

³ До того как его сместил Де Валера, О'Даффи был комиссаром ирландской гражданской гвардии. Движение «Синих рубашек» было основано бывшим президентом Ирландии Косгрейвом после того, как он в 1932 году проиграл Де Валере. Примерно половина рядового и сержантского состава и почти все офицеры в испанской группе О'Даффи были синерубашечниками. Те же, кто не принадлежал к ним, — это большей частью безработные искатели приключений.

⁴ К сожалению, несколько раз командование переходило в руки бывшего старшего сержанта Овертона, который старался представлять себя в глазах товарищей образцом военного командира. Но когда хвастовство выдвинуло его на командный пост, Овертон откровенно запаниковал.

⁵ Его настоящее имя — Кристофер Сент-Джон Спригг. Он написал семь детективных рассказов, пять книг об авиации и еще три работы по вопросам философии и экономики, включая труд «Иллюзии и реальность», в котором кратко излагались воззрения марксистской эстетики.

⁶ В то же самое время объект всеобщей ненависти полковник Гал был произведен в генералы и стал командовать дивизией. В 15-й бригаде его сменил хорват Чопич, мрачный любитель шахмат и музыкант, который краткое время был в Югославии депутатом от коммунистов.

⁷ Вот что в то время представляло собой командование бригад. Ганс Кале возглавлял 11-ю бригаду, Лукаш — 12-ю, Гомес (немец Цейсер) — 13-ю, эльзасец полковник Путц — 14-ю и Чопич — 15-ю. 11-я соответственно состояла из немецкоговорящих, 12-я из итальянцев, в 13-й были поляки и жители других стран Восточной Европы, 14-я — французская, а 15-я английская и американская.

Глава 46

Сражение при Гвадалахаре

В начале марта 1937 года благодаря победам при Хараме боевой дух республики значительно повысился. Хотя их собственное контрнаступление не принесло успеха, усилия Оргаса возобновить наступление тоже провалились — его два штурма 23 февраля и 1 марта обошлись националистам в 6000 раненых и ничего не дали. По-новому организованная республиканская армия — образцом послужили интербригады — впервые сдержала националистов. Советские истребители имели хотя бы временное преимущество в воздухе. Асанья, Ларго Кабальеро и Компаньс начали новую кампанию по привлечению в армию добровольцев. В начале ее каждый из этих трех политиков, стремившихся к власти, произнес эмоциональную

речь. На Пласа-де-Каталунья Компаньс потребовал от собравшихся «доказательства своей преданности». «Каталонцы! — восклицал он. — Обещаете ли вы во имя чести наших полков приносить любые жертвы и не жалеть сил для победы над фашизмом?» Огромная толпа редела в ответ: «Да!» — «Каталонцы, — продолжал Компаньс, — ваше обещание останется в вечности, его услышат весь мир и будущие поколения. Помните это! Да здравствует свобода!» С политической точки зрения коммунисты укрепили свое влияние в органах управления и в армии, поскольку они были — как раньше в Мадриде — едва ли не единственной действенной силой в государстве. Анархисты возмущались, но помалкивали. Со временем коммунисты решили ограничить свои нападки на «неуправляемость» анархистов, хотя, конечно, без труда могли выявить всех своих врагов в их среде. В конфликтах с анархистами они пользовались полной поддержкой республиканской и социалистической прессы. На ежегодной конференции 21 февраля FAI угрожало, что их министры выйдут из правительства, если на Арагонский фронт, который держали главным образом анархисты, не будет поступать вооружение. В действительности оно поступало, но его было недостаточно, чтобы начать наступление против все еще недоступной Сарагосы. Тем не менее анархисты успокоились и остались в правительстве. С военной точки зрения Арагонский фронт конечно же не имел такого значения, как Мадридский, для удержания которого приходилось прилагать все усилия и привлекать максимум материальных ресурсов.

5—8 марта в Валенсии состоялась конференция коммунистической партии. Речи на ней носили достаточно сдержанный характер, если не считать представителей POUM. Диас сделал комплимент «чистым» республиканцам за участие в «антифашистском движении рука об руку с пролетариатом». Он говорил о свободе религии, отрицая войну республики с церковью. Что касается сельского хозяйства, этот вопрос он оставил открытым, словно проблема, следует ли конфискованным хозяйствам быть коллективными или частными, еще нуждалась в дальнейшем обсуждении. Но и он, и другие ораторы требовали ускорить создание единой армии и наладить военное производство. Диас выступил с критикой правительства. «Оно, — сказал он, — перестанет быть правительством». Со стороны руководства POUM, бывших коммунистов, трудно было ожидать чего-то иного, кроме поношений. Они предложили пригласить в Каталонию Троцкого и нападали на инсценированные процессы над Радеком, Пятаковым и другими. Они говорили о «сталинском термидоре», который утвердился в России, — «бюрократический режим от-

вратительного диктатора» — и утверждали, что дерутся за социализм против капитализма. «Придет день краха буржуазной демократии в этой стране», — говорили они, что было опасными нападениями на линию партии в защиту «демократической республики». Диас осудил поумовцев как «агентов фашизма, которые, прикрываясь революционными лозунгами, выполняют свою главную задачу — стать вражескими агентами в нашей стране». Он констатировал, что газеты и радиостанции POUM за пределами Каталонии наносят ущерб военным усилиям республики. Но в Барселоне PSUC еще не чувствовал в себе достаточно сил, чтобы предпринять соответствующие шаги. Не удалось и добиться единения всех партий Народного фронта, чего требовали их лидеры¹.

А тем временем легкость, с которой была захвачена Малага, побудила итальянских командиров в Испании к дальнейшим военным подвигам. Идея о высадке десанта в Валенсии — эти слухи встревожили республиканское правительство — была отброшена. Новый план исходил из того, что теперь штурм Мадрида стоит вести с нового направления — с северо-востока. Он зависел от захвата Гвадалахары, столицы одноименной провинции в пятидесяти милях от Мадрида. В то же время Оргас должен был продолжать наступление на Хараме и, если возможно, встретить соратников, наступающих с северо-востока, в Алькала-де-Энарес, завершив тем самым окружение Мадрида. Идея этой кампании впервые была выдвинута еще 13 февраля, когда сражение на Харамском фронте было в самом разгаре. На правом фланге наступления на Гвадалахару сосредоточилась дивизия «Сория» под командой Москардо, героя Алькасары, в которую входило 20 000 марокканцев, легионеров и карлистов. Слева группировались 30 000 итальянцев Роатты. Они были разбиты на четыре дивизии: «Черные рубашки» генерала Росси, «Черное пламя» генерала Коппи, «Черные стрелы» генерала Нуволари и дивизия «Литторио» генерала Бергондзоли. В поддержку им выделили 250 танков и 180 стволов мобильной артиллерии вместе с подразделением химического оружия и ротой огнеметчиков; на каждый батальон приходилось до 70 грузовиков. Эти силы с воздуха прикрывали примерно 50 истребителей и 12 самолетов-разведчиков. С точки зрения Муссолини, важнейший аспект этого плана заключался в том, что все эти силы будут действовать воедино, так что достигнутая крупная победа будет записана на счет Италии. Военный план дополнили странным предложением, которое от имени Муссолини изложил Франко фашист Фариначчи: все большие проблемы Испании могут быть разрешены, если герцог Аоста получит предложение занять испанский трон.

В мирное время Гвадалахара была сонной столицей провинции. Над ней высился горный хребет, со склонов которого бежала быстрая речка Энарес. Поблизости располагался аэропорт Барахас. В 1937 году тут была штаб-квартира советской эскадрильи. Наступление на Гвадалахару началось ранним утром 8 марта. Фронт держали две испанские дивизии. Он был прорван первым же ударом дивизии «Черное пламя» генерала Коппи. Она шла в бой на бронемашинах и грузовиках — эта оперативная тактика позднее получила название «блицкрига». Одновременно Москардо прорвал линии республиканцев у дороги на Сорию. Но к середине утра температура понизилась и хлынул проливной дождь со снегом. Все обледенело, упал густой туман. Авиация националистов была не в состоянии подняться со своих импровизированных взлетных полос. Республиканская авиация, взлетавшая из-под Барахаса, с самого начала остановила наступление франкистов, а верховное командование республики сразу же стало посылать сюда подкрепление. Плохая погода и усталость личного состава не позволили Оргасу начать задуманное наступление из долины Харамы. На следующий день, 9-го, хотя погода не улучшилась, итальянцы снова пошли в атаку. К по-

Карта 20. Сражение на Гвадалахаре

ловине десятого утра части «Черного пламени» генерала Коппи вошли в Альмадронес, после чего переместились на левый фланг и, расширив прорыв в республиканских линиях, захватили Масегас. «Черные стрелы» наносили удар в центре. Москардо тоже продолжал наступление и захватил Когульядо. Ситуация для республики стала критической. Но к вечеру из лучших полков республики был торопливо сформирован 4-й армейский корпус под общей командой полковника Хурадо. В лесу у дороги от Триуэге к Тории расположились 11-я дивизия Листера, немецкая 11-я интербригада, бригада Эль Кампесино, баскская бригада и бывшая коммунистическая 1-я бригада. Вдоль дороги Бриуэга—Тория заняли оборону войска анархиста Сиприано Мера, которые включали 12-ю интербригаду Лукача во главе с Батальоном Гарибальди. Между двумя армиями лежал древний городок Бриуэга, частично обнесенный стеной. Здесь в 1710 году французский генерал Вандом нанес поражение лорду Стенхоупу в последней битве Войны за испанское наследство. И снова тут развернулось сражение интернациональных сил. На рассвете 10 марта полусонная, так и не проснувшаяся с начала конфликта Бриуэга сдалась наступающим «Черным стрелам» и «Черному пламени» итальянцев. Дивизия «Литтория» Бергондзоли оставалась в резерве. В то же время Москардо, двигаясь вдоль берегов Энарес, вышел к Хадраке.

К полудню Батальон Гарибальди — в составе которого было известное трио: Видали (Карлос Контрерас), генеральный инспектор всего фронта; Луиджи Лонго (Галло), занимавший тот же пост в интербригадах и Ненни, командир роты в этом батальоне, — двинулся вдоль дороги от Тории к Бриуэге. Они не имели представления, что Коппи и Нуволари уже захватили город. Добравшись до так называемого дворца дона Луиса, бойцы батальона пошли пешком в сопровождении патруля на мотоцикле. В пяти километрах от Бриуэги патруль встретил мотоциклиста из дивизии «Черное пламя» Коппи, который, услышав итальянскую речь бойцов Батальона Гарибальди, спросил, правильно ли он выбрался на дорогу к Тории. Мотоциклист-гарибальдиец заверил его, что все правильно. Обе группы вернулись к себе. Коппи предположил, что разведчики были из дивизии Нуволари. Он продолжил продвижение вперед. То же сделал и Ильсе Баронтини, комиссар и фактически командир Батальона Гарибальди². Он расположил своих людей в лесных зарослях слева от дороги, где они могли поддерживать связь с 11-й интербригадой, тоже выдвинувшейся далеко вперед. Наконец появились танки Коппи. Они попали под пулеметный огонь Батальона Гарибальди. В бой была

брошена пехота «Черного пламени». Произошла встреча дозоров — и с той и с другой стороны были итальянцы. Командир патруля «Черного пламени» спросил, почему итальянцы стреляют в них. «Это Батальон Гарибальди», — последовал ответ. Патруль «Черного пламени» сдался. Всю остальную часть дня рядом с сельским домом, известным как Ибарра-Палас, итальянцы вели между собой своеобразную гражданскую войну. Тем временем Видали, Лонго и Ненни наладили и пустили в ход пропагандистскую машину. В лесу разносились голоса из громкоговорителей: «Братья, зачем вы пришли на чужую землю убивать рабочих?» Республиканская авиация сбрасывала листовки, которые представляли собой охранное свидетельство всем итальянским перебежчикам от националистов — каждому было обещано вознаграждение в 50 песет. 100 песет должен был получить тот дезертир, который явится с оружием. А тем временем в Риме граф Чиано заверял немецкого посла Хасселя, что дела под Гвадалахарой идут как нельзя лучше. «Основные наши противники, — добавил он, — это русские». На следующий день, 11-го, бой начался снова. Командиры частей итальянских фашистов получили приказ от генерала Роатты — поддерживать в своих людях высочайший боевой дух, в котором была острая необходимость, сколько бы с ними ни говорили о политике и ни напоминали о дуче. В этот день «Черные стрелы» прорвали фронт 11-й дивизии Листера, захватили Триуэге и на своих бронемашинах стремительно двинулись по дороге в Торию. Батальон Тельмана понес тяжелые потери, и от полного разгрома его спасла только сила воли Людвига Ренна, нового начальника штаба бригады. Собрав все силы, он удержал дорогу из Триуэге в Торию, дорога из Бриуэги также оставалась под контролем батальона. 12-го числа непогода стихла и позволила республиканским бомбардировщикам подняться в воздух. Они безжалостно разметали итальянские механизированные колбнны. Среди погибших оказался генерал Луицци, начальник штаба Роатты, убитый зажигательной бомбой. Листер поднял свою дивизию в контрнаступление. Первыми рванулись советские танки генерала Павлова, а за ними пошла пехота. Триуэге был отбит в штыковом бою бригадами Тельмана и Эль Кампесино. Множество итальянцев сдались. Наступление республиканцев продолжилось вдоль дороги на Бриуэгу. Батальон Гарибальди пошел на штурм своих соотечественников в замке Ибарры и в сумерках захватил его. На следующий день, 13 марта, правительство республики телеграфировало в Лигу Наций, что захваченные документы и заявления итальянских пленных безоговорочно доказывают «присутствие в Испании регулярных воинских

соединений итальянской армии в нарушение статьи 10 соглашения»³. Генерал Роатта перебросил к замку две своих дивизии — «Черные рубашки» Росси и «Литторио» Бергондзоли. 14-го числа танки Павлова по дороге от Триуэге вышли к кафедральному городу Сигуэнсе, захватили обильные военные трофеи и, будь при них пехота, могли бы взять и сам город. На три дня, с 15-го до 17 марта, в сражении наступила передышка. Роатта каждодневно издавал приказы, но почти ничего не делал, предпочитая жаловаться на продолжающуюся пассивность Оргаса у Харамы⁴.

18 марта весь республиканский фронт у Гвадалахары перешел в наступление. То был несчастливый момент для итальянцев. И в это же утро Роатта отправился в Саламанку просить Франко о помощи и потребовать, чтобы Оргас любой ценой начал наступление. В половине второго 80 республиканских самолетов обрушили бомбовый груз на окрестности Бриуэги. Затем открыла огонь тяжелая артиллерия республики. В два часа дивизии Листера и Сиприано Меры при поддержке 70 танков Павлова начали атаку. Один с востока, а другой с запада стали смыкать вокруг города кольцо окружения. Они почти достигли своей цели, когда итальянцы получили приказ отступить и настолько быстро исполнили его, что фактически это было бегство по единственной дороге, еще остававшейся открытой для них. Преследование продолжалось несколько миль. Москардо тоже получил приказ отступить к Хадраке.

В этой печальной для них битве при Гвадалахаре итальянцы потеряли около 2000 убитыми и 4000 ранеными, 300 попали в плен. Потери Москардо были незначительными. Республика потеряла убитыми и ранеными почти столько же, как и итальянцы, и всего несколько человек пленными. После сражения страстные апологеты республики утверждали, что это была крупнейшая победа над Муссолини. Эрнест Хемингуэй, который в это время в сопровождении американского матадора Сидни Франклина прибыл в Испанию, писал: «Я четыре дня изучал ход этого сражения, вместе с командирами, которые руководили им, побывал на поле боя и могу уверенно утверждать, что Бриуэга займет место в военной истории рядом с другими мировыми решающими сражениями»⁵. Герберт Мэттью из «Нью-Йорк таймс» считал, что Гвадалахара была для фашизма тем же, что поражение под Байленом для Наполеона. Военные оказались более точны в оценках, сравнивая эти бои с действиями на Харамском фронте и дороге на Ла-Корунью. Националисты попытались завершить окружение Мадрида, которое было остановлено. С политической точки

зрения отступление итальянцев и неопровержимые доказательства того, что на стороне националистов воюют регулярные итальянские части, имели для республики большое пропагандистское значение. Сражение доказывало, что итальянцы обладают самой современной военной техникой. В то же время оно стало убедительным уроком. Так не следовало вести наступление механизированных частей. Итальянцы не стремились вступить в боевой контакт с противником, а погоду вообще не приняли во внимание.

Поражение при Гвадалахаре настолько разгневало Муссолини, что он заявил: «До окончательной победы ни один итальянец не вернется живым из Испании». Он поносил испанцев, которые «в решающие дни не сделали ни одного выстрела». Фалангист Фернандес Куэста (позже министр у националистов) заметил Анхелю Басе, агенту Прието, который навестил его в тюрьме, чтобы обсудить идею мирного компромисса: «Поражение итальянцев у Гвадалахары было единственным удовлетворением, которое он испытал во время войны». Канталупо, итальянский посол в Саламанке, впал в такую немилость, что его быстро отозвали. Ход сражения изучали генеральные штабы стран Европы (особенно Франции) и пришли к выводу, что моторизованные соединения оказались не так эффективны, как сначала предполагалось. Немцы же воздержались от выводов, может быть, потому, что презирали итальянцев как солдат.

Примечания

¹ Был создан комитет по связям между коммунистами и социалистами. Стоит отметить, что в то время Прието поддерживал союз этих двух политических сил. Он считал, что Россия единственная, кто оказывает помощь республике. Тем не менее большинство функционеров социалистической партии были против такого решения.

² Паччарди был ранен на Харамском фронте.

³ Среди документов, захваченных в Гвадалахаре, было много нелицеприятных писем от итальянских жен и матерей. Одна из жен писала своему воюющему мужу: «Какой у меня был прекрасный медовый месяц! Два дня брака — и двадцать пять месяцев бесконечного ожидания. Я понимаю, что первым делом страна, а любовь потом, но я эгоистка, и у меня есть на то причины, ибо ты одним из первых добровольцев отправился в Африку и одним из последних вернулся. Молю Бога, чтобы в один прекрасный день Он научил тебя, что можно и служить стране, и зарабатывать на хлеб для своей семьи». Пишет мать: «Дорогой Армандо, я могу только молить Бога и всех святых оберегать тебя, и, если ты вернешься в добром здравии, мы отправимся в Рим и откроем там магазин». В других документах — список тех трусов, которые наносили себе ранения, чтобы спастись от службы, или бинтовали несуществующие раны.

Эти завербованные и плохо оплачиваемые наемники, которые были принесены в жертву амбициям Муссолини, были самыми жалкими из участников Гражданской войны в Испании.

⁴ На самом деле Оргас в своем секторе предпринял несколько попыток перейти в наступление, но все они не принесли успеха. Ирландцы О'Даффи в первый раз вступили в бой 13 марта; среди убитых был старший сержант Гассели из Дублина и двое легионеров из Керри.

⁵ Эти строчки из «Испанской войны» были опубликованы в июне 1937 года. Автор «Смерти после полудня» принимал активное участие в испанских событиях на стороне республиканцев. Он не ограничивался обязанностями простого репортера, а обучал молодых испанцев стрельбе из ружей. Первое посещение Хемингуэем 13-й интербригады стало большим событием, и генерал Лукач отправил послание в соседнюю деревню, потребовав, чтобы все ее девушки присутствовали на банкете, который он дает.

Глава 47

Противостояние вокруг Мадрида. — Недовольство в интербригадах. — Хемингуэй, Спендер и Оден в Испании.

Гвадалахара положила конец серии стычек вокруг Мадрида. Если не считать непрекращающихся бомбардировок, в столице царило спокойствие. Профессор Дж.Б.С. Холдейн прибыл в город, чтобы дать консультации в случае газовой атаки¹. Больше всего защитников города беспокоил вопрос о поставках продовольствия. Обитатели Валенсии хорошо питались, и гости города часто заказывали по десять изысканных блюд, но в Мадриде почти забыли, что такое мясо. Иностранным гостям приходилось питаться кониной, хотя Хемингуэй как-то раздобыл в отеле «Флорида» три банки икры и половину головки камамбера. В Университетском городке яростно боролись с такими врагами, как «неграмотность и крысы». У каждого отряда были свои школы, где учили читать и писать.

Интернациональные бригады впервые получили возможность отдохнуть от боев. В ходе боевых действий добровольцы выяснили, что «война идей» во многом напоминает любой другой военный конфликт. В Испании, как и повсюду, были путаница с приказами, отказы оружия в критические моменты, неясность местопребывания врага и своей штаб-квартиры, отсутствие табака, усталость и нервные срывы². Один неизвестный член Британского батальона писал:

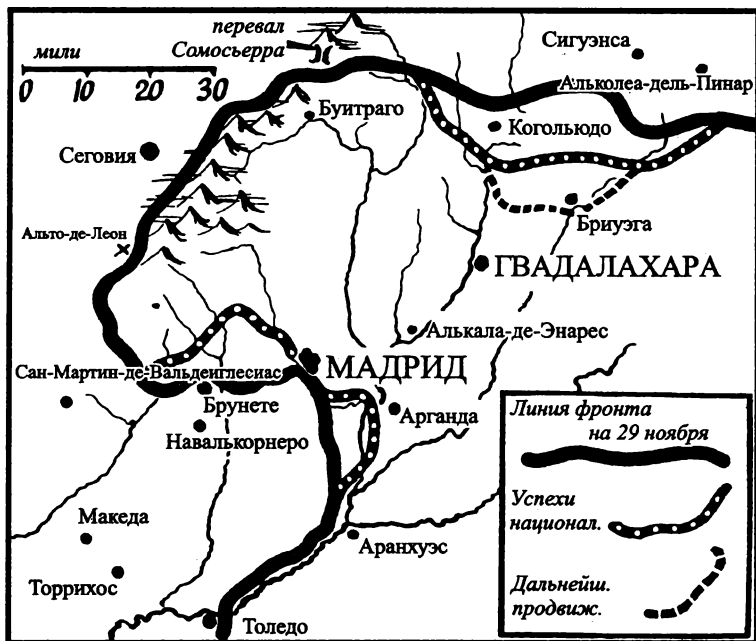
Людские взоры бегут, падают и стонут,
Людские взоры кричат, потеют, кровоточат,
Глаза испуганы, глаза полны печали,
Глаза усталости и бреда.

Эти взгляды думают, надеются и ждут,
Они любят, проклинают и ненавидят —
Глаза раненых, залитых кровью,
Глаза умирающих и убитых.

С самого начала бесшабашные добровольцы доставляли властям беспокойство — и если бы только пьянством. Но теперь хлопоты из-за них стали постоянным явлением³. Тем волонтерам, которые хотели вернуться домой, не давали разрешения на отъезд. Некоторые жаловались, что они пошли добровольцами, предполагая, что через три месяца смогут уехать. Идеалы добровольческой армии вступили в болезненное столкновение с потребностями войны. Наказанием за попытку дезертирства или бегство с позиций было, как минимум, заключение в «лагерь перевоспитания», жестокий режим которого был чужд идеализму и у молодых англосаксонских или скандинавских романтиков вызывал отвращение. К этому они не были готовы. Форин Офис в Лондоне наконец договорился о соглашении, которое избавляло британских добровольцев от смертной казни, но, без сомнения, она несколько раз была применена к другим интербригадовцам. Коммунистическое руководство бригад сурово относилось к человеческим потребностям и оказывало благоволение по части отпусков и условий быта лишь членам партии⁴. Форма была такой потрепанной, что Британский батальон ходил едва ли не в лохмотьях. Неудовлетворенность коммунистами в Испании отражала всеобщее разочарование сталинским режимом, которое последовало вслед за первыми новостями о начавшихся в Москве чистках⁵.

В то же время в Испанию продолжали прибывать добровольцы из стран Восточной Европы. Кое-кого переправляла «тайная железная дорога» Тито. Многих арестовывали по пути, поскольку с конца февраля все страны, участвовавшие в политике невмешательства, объявили добровольчество в Испании незаконным⁶. Правительства балканских и восточноевропейских стран, которые придерживались главным образом правых взглядов, прилагали все усилия, чтобы пресечь его. Тем не менее вербовка продолжалась. В Югославии отправкой добровольцев руководил коммунист Джилас.

Когда военные действия временно стихли и можно было передохнуть, в бригадах стало куда труднее блюсти дисциплину. Для многих даже увольнительная в Мадрид не могла пригасить чувства, что они никогда больше не увидят дома. Питание стало ухудшаться. Некоторые бойцы стали сбиваться в небольшие группы и дезертировать. Была угнан грузовик с полевой кухней на прицепе. Потом выяснилось, что вместе с ней исчез водитель и еще три человека. Через несколько месяцев их обнаружили в

Карта 21. Битва за Мадрид. Ноябрь 1936-го — март 1937 года

Барселоне, где дезертиры пытались сесть на борт какого-нибудь судна, идущего в Англию⁷.

Американские батальоны⁸ интербригады пользовались известностью из-за своей походной лавки. Здесь часто бывали многочисленные американские журналисты. Можно было видеть, как у койки госпиталя, финансируемого американскими благотворителями⁹, Эрнест Хемингуэй успокаивал раненого. «Мне сказали, что сюда приехали Дос Пассос и Синклер Льюис», — сказал ему раненый американец, будущий писатель. «Да, — согласился Хемингуэй, — и, когда они здесь появятся, я притащу их к тебе». — «Ты хороший парень, Эрнест, — сказал раненый. — Не против, если я буду так называть тебя?» — «Черт возьми, конечно нет», — ответил Хемингуэй¹⁰.

В это время среди водителей отряда санитарных машин республиканской армии было много иностранных писателей. В.Х. Оден работал санитаром, таскал носилки. Но он вернулся домой «после очень краткого пребывания, о котором никогда не говорил»¹¹.

Позже, в июне, в Англии был создан Комитет содействия в помощь семьям британских добровольцев в Испании. Его сформировала миссис Шарлотта Холдейн, которая в то время была членом коммунистической партии. Платными сотрудниками ее канцелярии были коммунисты, но организации оказывали поддержку такие известные лица, как, например, «Красная герцогиня» Атольская (тогда она была членом парламента от консервативной партии, но ее неприкрытая поддержка республики поставила на ней крест как на политике)¹², Дж.Б. Пристли, Клемент Эттли, мисс Элен Уилкинсон, Шон О'Кейси, Г. Уэллс, Сибил Торндайк и другие. К октябрю 1938 года комитет собрал 41 847 фунтов стерлингов. Тем временем в Соединенных Штатах правительство, стараясь подчеркнуть свою политику чистого нейтралитета, ввело правила, которые запрещали сбор средств для той или другой стороны испанского конфликта, если не было убедительных доказательств, что они bona fide¹³ предназначаются для гуманитарных целей. Но фактически ни одной из двадцати шести зарегистрированных с этими целями организаций не было отказано в лицензии.

Примечания

¹ Интерес профессора к Испании — а также его жены Шарлотты — начался с того, что их шестнадцатилетний сын записался добровольцем в Британский батальон интербригады. Холдейн стал одним из самых страстных сторонников республики. До самого конца войны он путешествовал по Испании. Шарлотта Холдейн тоже посещала Испанию, но главным образом принимала английских добровольцев интербригад на вербовочном пункте в Париже и помогала им. Оба они были тайными членами коммунистической партии.

² Некоторые интеллектуалы-интербригадовцы из среднего класса гордились, что в их среде недовольства меньше, чем среди добровольцев из рабочих.

³ Больше всего венерические болезни были распространены среди французских волонтеров, главным образом потому, что они не предпринимали никаких мер против их распространения. Командование Британского батальона с самого начала стало читать своим бойцам лекции о контрацепции.

⁴ Чтобы в полной мере реализовать политику Народного фронта, на девять месяцев были прекращены все собрания партийных ячеек коммунистической партии в интербригадах.

⁵ Да и в самих бригадах международные отношения не всегда складывались лучшим образом. Например, Гал, уже в генеральском звании, как-то вечером дал банкет 15-й бригаде. Справа от себя он посадил нового комиссара Джорджа Эйткена. Слева сидел новый командир Чопич. Начальнику штаба, полковнику Клаусу, выходцу из Пруссии, который был офицером еще во время мировой войны, было отведено место за Чопичем. Клаус был настолько разгневан этим «размещением», что в чисто немецкой манере встал и вышел из-за стола. Обратного его доставили лишь под вооруженным конвоем.

⁶ Эти законы были введены как часть Соглашения о контроле за невмешательством.

⁷ В это время в Испании очутился Стивен Спендер, один из самых активных апологетов республики. Он прибыл в поисках своего бывшего секретаря, который добровольцем вступил в интербригаду, но, разочаровавшись, попытался покинуть ее. Какое-то время казалось, что молодому человеку не избежать расстрела. События развивались в стиле романов Кафки. Спендеру довелось обедать с комиссаром Британского батальона, который, оказывается, был судьей военного трибунала, осудившего юношу. И Спендеру удалось смягчить его. На короткое время внимание Англии привлекла и история молодого Купа. Этот восемнадцатилетний англичанин после речи мисс Элен Уилкинсон стал волонтером интербригады, но позже покинул ее на борту судна, которое доставило его в Грецию. В поисках сына в Испанию прибыл отец мальчика и, чтобы найти его, тоже вступил в бригаду.

⁸ Теперь существовало два американских батальона. Батальоном Абрахама Линкольна стал командовать Мартин Хурихен из Пенсильвании, а Батальон Джорджа Вашингтона возглавлял американец югославского происхождения Марко Маркович.

⁹ Американский Фонд медицинской помощи Испании во главе с доктором Кэнноном из юридической школы Гарварда уже собрал 100 000 долларов. Фонд поставил в Испанию шесть госпиталей и восемнадцать санитарных машин. В свое время госдепартамент, руководствуясь Актом об эмбарго, запрещал даже врачам и медсестрам отправляться в Испанию, но затем он смягчил свои запреты.

¹⁰ Эпизод из книги «Испанская война» Хемингуэя. Вскоре писатель всецело погрузился в создание пропагандистского фильма «Земля Испании» вместе с Дос Пассосом и Арчибальдом Макклишем.

¹¹ Спендер, «Мир без мира». Переживания Одена в Испании, как ни странно, сходны с тем, что довелось испытать Симоне Вейль. Оба они (не в пример всем тем, кто тоже бывал в Испании) по возвращении домой не стали делиться никакой информацией. Похоже, что опыт, обретенный Симоной Вейль в августе—октябре 1936 года в Барселоне, заставил ее изменить свои взгляды.

¹² Ее книга «Поиск Испании» пользовалась едва ли не самым большим успехом среди всех книг об испанской войне. Она также написала предисловие к «Испанскому завещанию» Артура Кестлера. В 1938 году она отказалась занимать место в парламенте от консервативной партии и в виде протеста против политики невмешательства выступила как независимый консерватор, но проиграла промежуточные выборы.

¹³ *Bona fide* (лат.) — с честными намерениями. (Примеч. пер.)

Глава 48

План по контролю за соблюдением политики невмешательства. — Искренность намерений Германии. — Последствия Гвадалахары. — Вспышка графа Гранди.

Комитету по невмешательству наконец-то удалось одержать свою первую победу. 28 января в Саламанке Фаупель услышал от немецкого министра иностранных дел, что Германия хочет

«установить максимально эффективный контроль, после чего прекратить снабжение Испании». Такой контроль был обговорен на подкомитете комиссии. На неиспанской стороне границы будут располагаться наблюдатели, так же как и на судах стран, поддерживающих политику невмешательства, которые идут в Испанию. Военные корабли этих стран будут патрулировать испанские воды.

Риббентроп получил указание не требовать контроля за воздушным пространством как условия согласия Германии с планом — из-за опасений, что не удастся достигнуть соглашения. Гранди также услышал от Чиано, что надо проявить «покладистость», поскольку Италия завершила все свои основные поставки в Испанию. Единственным камнем преткновения оставалась позиция Португалии, которая, оберегая свой «суверенитет», отказывалась принять иностранных наблюдателей на своей стороне. Россия дала понять, что и она желает принять участие в военно-морском патрулировании. Ей была предложена акватория в северных водах Испании. Майский заговорил о восточной акватории, но его пожелание было отвергнуто Германией и Италией (этот район был выделен им), которые не горели желанием видеть в Средиземном море советские военные корабли, поскольку не исключалось, что русские будут нарушать правила контроля. Португалия наконец согласилась принять определенное количество наблюдателей из Англии, которые официально будут приписаны к британскому посольству в Лиссабоне и не получают статуса «международных контролеров». Россия также согласилась не настаивать на своем участии в морском патрулировании. Стоимость одного года операций в рамках этой схемы оценивалась в размере 898 000 фунтов стерлингов. Англия, Франция, Германия, Италия и Россия должны были платить по 16 процентов этой суммы (143 000 фунтов стерлингов), а остальные двадцать две страны делили между собой оставшиеся 20 процентов¹. Морское патрулирование оплачивалось за счет четырех стран — участниц этой операции. Окончательно схема была согласована 8 марта. Воплощать ее в жизнь должен был международный совет из представителей Англии, Франции, Италии, Германии и России (позже в него вошли Польша, Греция и Норвегия) под председательством голландского вице-адмирала ван Дюльма. Англия несла ответственность за испано-португальскую границу. На французской границе предполагалось расположить 130 наблюдателей со главе со старшим администратором, датским полковником Лунном. На границе с Гибралтаром — пять наблюдателей и 550 — в портах, которые под началом голландского контр-адмирала Олвера будут контролировать прибытие грузов. Распределили и морские участки, за

патрулирование которых должны отвечать Англия, Франция, Германия и Италия — в ее зону ответственности входила и Мексика. В конце апреля завершалась окончательная отладка схемы и законодательства в разных странах, граждане которых участвовали в этой операции. К этому времени на своих местах должны были быть все наблюдатели и военные корабли стран — участниц соглашения о невмешательстве. Их флаг, два черных шара на белом фоне, вселяя надежды, был поднят над портами Испании. Тем не менее республика пришла к неизбежному выводу, что кроме прямого ущерба этот план оскорбляет ее. Мало того, что Германия и Италия без всяких препон доставляли оружие националистам, так теперь они получают право препятствовать таким поставкам. Законченное издевательство.

Появление итальянских войск при Гвадалахаре стало известно до того, как Комитет по невмешательству начал разрабатывать свой план. Тем не менее это не было воспринято как нарушение соглашения, поскольку все события, предшествующие возникновению плана по контролю, были тактично забыты; предполагалось, что итальянцы в Испанию больше не прибывали. Но проблема выросла в дискуссию о возможности отзыва всех «добровольцев» из Испании. 23 марта атмосфера в комитете, уже подогретая сообщениями о поражении итальянцев при Гвадалахаре, накалилась еще больше, когда пришло новое сообщение, что уже после соглашения о контроле в Кадис отправились новые итальянские части. Гранди сказал, что не имеет возможности обсуждать вопрос о волонтерах, и, выйдя из себя, добавил, что ни один итальянский волонтер не покинет Испании до конца войны. Его слова вызвали всеобщее оцепенение. На следующий день Майский обвинил Италию, заявив, что она «постоянно наращивает военное присутствие». «К середине февраля, — добавил он, — в Испании было 60 000 итальянцев, и их число постоянно растет. Специальная комиссия должна на месте разобраться в положении дел». Тем временем выступление Гранди обсуждалось в канцеляриях посольств и консульств. Немецкие дипломаты подчеркнуто соблюдали тактичность. Они действовали отдельно от своих военных коллег, поскольку искренне хотели реализовать план по контролю. Черрути, итальянский посол в Париже, заверил Дельбоса, что Италия не нарушает соглашения о невмешательстве. В начале апреля комитет продолжал существовать, хотя его резолюции так и не были выполнены.

Примечание

¹ В английские 16 процентов входили и 64 000 фунтов стерлингов — стоимость контрольных постов на португальской границе.

Книга пятая

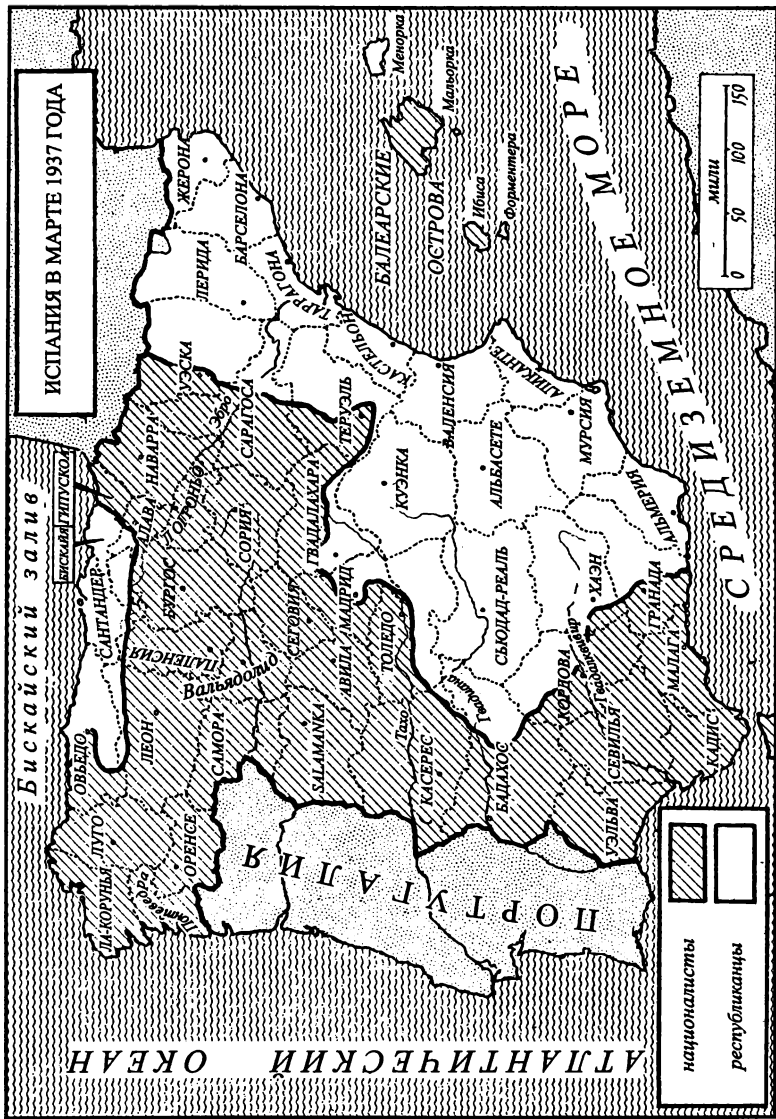
ВОЙНА НА СЕВЕРЕ

Глава 49

Начало кампании в Стране Басков. — Армия националистов. — Баскская армия. — Бомбардировка Дуранго. — Тольятти предлагает политическое уничтожение Ларго Кабальеро. — Кризис в Барселоне. — Баски предлагают посредничество.

22 марта 1937 года Франко изложил свой план командующему авиацией генералу Кинделану. Во-первых, необходимо укрепить Гвдалахарский фронт. Реорганизовать войска итальянцев в Паленсии. Отвести их из клина, врезавшегося в Университетский городок. Сформировать две новые дивизии. Приобрести за границей сорок новых самолетов и двадцать батарей. И Мола сможет начать кампанию против басков. Кинделан отсоветовал уходить из Университетского городка и настаивал на удвоении объема предполагаемых закупок. Франко принял его совет. И исправленный план стал воплощаться в жизнь¹.

Армия Севера Мола была реорганизована и получила новое вооружение. Вся мобильная артиллерия и самолеты националистов были переброшены в поддержку Витории. Эти изменения военной стратегии означали полное понимание генералами националистов, что Мадрид не взять и быстро одержать победу в войне не удастся, пусть даже в результате широкой вербовочной кампании под ружьем оказалось почти 400 000 человек. Перемены вызвали разочарование среди таких лидеров фаланги, как Эдилья, которые нетерпеливо рвались к победе. Кроме того, фалангистов раздражало обилие священников вокруг генералиссимуса. Сходное беспокойство царило и в среде карлистов, которые по мере того, как продолжалась война, начинали осознавать, что в случае победы генералы предпочтут оставаться у власти, а не реставрировать монархию.

Карта 22. Испания в марте 1937 года

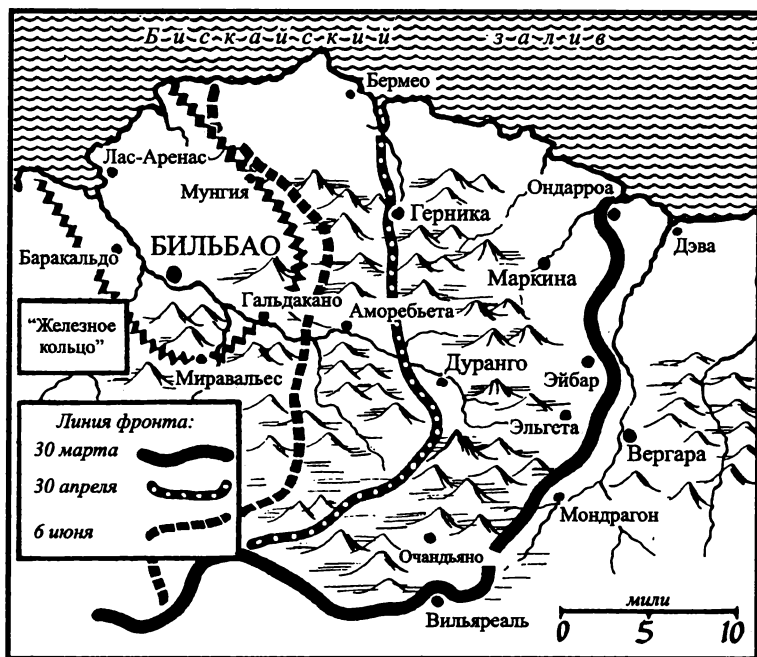
Тем не менее решение о наступлении на севере было принято главным образом в силу предположения, что удастся быстро одержать победу, которая позарез была необходима для подкрепления престижа националистов. Как дополнительный стимул, особенно для немцев из компании HISMA, была железная руда Страны Басков и другая промышленность Бильбао. Многие считали, что столица басков будет взята через три недели после начала операции. В начале марта в расположение националистов на своей машине прибыл перебежчик, капитан Гойкоэчеа, баскский офицер, который принимал участие в возведении обороны Бильбао, так называемого «железного кольца». И предатель подробно сообщил Моле, что оно собой представляет.

За несколько дней до начала баскской войны в районе Бильбао разразилось морское сражение, за которым последовали соответствующие решения. Новый крейсер националистов «Канары» в пяти милях от берега перехватил торговое судно, груженное военными материалами для Бильбао. Три небольших баскских траулера вступили в бой с крейсером. Они потеряли две трети своих экипажей и были повреждены огнем крейсера. Об этом бое К. Дей Льюис написал известную поэму.

Мола начал наступление 31 марта. На штурм пошли 50 000 пехотинцев 61-й наваррской дивизии генерала Сольчаги. Начальником штаба у Мола был монархист генерал Вигон.

Четыре наваррские бригады расположились на границах баскских провинций Бискайя и Алава, между Вергарой и Вильяреалем. Они были вооружены до зубов. На флангах стояли итальянские дивизии — 23-я и «Черные стрелы». Последняя полностью состояла из итальянских фашистов, а в 23-й был смешанный итало-испанский состав с итальянскими офицерами. Поддержку оказывали испанская военная авиация, итальянский экспедиционный воздушный корпус и легион «Кондор». 60 самолетов базировались в Витории и еще 60 — на других северных аэродромах националистов. В боевых действиях должны были участвовать 45 артиллерийских орудий.

Баскской армией командовал Льяно де Энкомьенда, генерал, с самого начала войны хранивший верность Барселоне. Он довольно пессимистически оценивал возможность обороны. Джордж Стир, корреспондент «Таймс», дружески расположенный к баскам, оценивал численность его сил в 45 000 человек. Вооружение у них было куда хуже, чем у противника. У 20 батальонов не было пулеметов. Баски имели всего лишь 25 довольно потрепанных самолетов, 20 орудий и 12 танков.

Карта 23. Кампания в Бискайе

Предварительно Мола выдвинул ультиматум, напоминающий угрозу афинян Мелосу: «Я решил одним ударом закончить войну на севере: тем, кто не виновен в убийствах и сложит оружие, будут сохранены жизнь и имущество. Мои условия должны быть приняты немедленно. В противном случае я сровню Бискайю с землей, начав с военной промышленности».

31 марта он начал претворять свою угрозу в жизнь. Легион «Кондор» провел массированное бомбометание не только по деревням вдоль линии фронта, но и обрушил бомбы на сельский городок Дуранго, на дорогу и железнодорожный узел между Бильбао и фронтом. Одна бомба убила 14 монахинь в часовне Святой Сусанны. Иезуитская церковь подверглась бомбардировке, когда священник подносил прихожанам кровь и плоть Христову. В церкви Святой Марии священник был убит, когда поднимал гостию. Остальную часть городка разрушили и расстреляли из пулеметов. В этот день были убиты 127 мирных жителей, включая двух священников, 13 монахинь, и еще 121 потом скончался в больницах.

В 1834 году в Дуранго дон Карлос объявил, что любой иностранец, поднявший оружие против города, должен быть казнен без суда. С 1937 года Дуранго обрел столь же мрачную известность — как первый беззащитный город, который подвергся безжалостной бомбардировке.

В тот же день после массированной артиллерийской и воздушной подготовки генерал националистов Алонсо Вега пошел в наступление на правом фланге и захватил три высоты — Марото, Альбертию и Хасинто. К северу от Вильяреала на центральном участке фронта завязался жестокий бой в пригородах Очандьяно. Он длился до 4 апреля. Городок каждый день бомбили от 40 до 50 самолетов. Наваррцы почти полностью окружили его. Опасаясь, что их отрежут и они живыми попадут в руки врагов, баски отступили, оставив на поле боя 600 убитых. 400 человек были взяты в плен. После 4 апреля наступление приостановилось из-за проливных дождей. Тем временем Мола реорганизовал войска, готовясь к следующему этапу наступления. Уже стало ясно, что оно пройдет не так быстро, как предполагалось. Генерал Роатта, виновник поражения при Гвадалахаре, был отстранен от командования итальянцами, и его место занял генерал Этторе Бастико, прославившийся в Абиссинии.

Баски торопливо укрепляли новые позиции, достраивая «железное кольцо» обороны города. Воздушные бомбардировки, пусть и неточные, вели к большим потерям и вызывали острую ненависть к немцам. Полевых командиров заверяли, что республиканская авиация уже в пути. Но правительство в Валенсии не смогло оказать такой поддержки. Блокада националистов препятствовала подходу транспортов с моря. Расстояние между басками и основным фронтом республики делало слишком рискованными перелеты через вражескую территорию. Тем более, что в горных районах вокруг Бискайи было всего несколько посадочных площадок.

К тому же правительство республики не испытывало большой охоты оказывать помощь этому фронту, который оно, естественно, считало далеко не таким важным, как центральный. Даже если Страна Басков и весь север будут потеряны, основные победы и поражения все равно ожидаются на юге. Коммунистическая партия ненавидела Агирре, да и большинство социалистов с неприязнью относились к баскскому эксперименту. Даже в Валенсии республиканцы считали, что теперь, когда баски обрели независимость, они должны сами позаботиться о себе.

В то время оба правительства, и в Валенсии и в Барселоне, были ослаблены политическими дрызгами. В начале апре-

ля главный советский экономический советник в Испании Сташевский, посетив Москву, раскритиковал тактику НКВД Орлова в Испании. За месяц до этого его коллега Берзин обратился с такой же жалобой к Ежову, главе НКВД. Но тот, занятый развертыванием политических экзекуций, ничего не предпринял².

Вскоре состоялось удивительное собрание руководства Испанской коммунистической партии, на котором присутствовали Марти, Тольятти, Кодовилья, Степанов, Герё, советский посол Гайкин и сам Орлов. Тольятти откровенно заявил, что хотел бы смещения Ларго Кабальеро с поста премьера. Диас и Эрнандес возразили. Диас добавил, что испанские коммунисты не всегда должны следовать указаниям Москвы. Страх или амбиции заставили остальных испанцев промолчать. Степанов сказал, что не Москва, а сама «история» осудила премьер-министра за его отступничество и поражения. Марти согласился с ним. Диас назвал Марти бюрократом, а тот проворчал, что всегда был революционером. «Как и все мы», — сказал Диас. «Остается только в этом убедиться», — ответил Марти. Диас напомнил Марти, что тот — всего лишь гость на встрече Испанской коммунистической партии. «Если наши решения вам не нравятся, — решительно сказал Диас, — то вот дверь». Раздался взрыв возмущения. Все повскакали. «Товарищи! Товарищи!» — вопила Пассионария. Герё сидел, изумленно открыв рот. Орлов был совершенно невозмутим, а Тольятти смотрел на все серьезно. Кодовилья пытался успокоить Марти. Такие сцены были неслыханным явлением на встречах коммунистов, особенно когда на них присутствовали ответственные лица Коминтерна. Наконец Диас согласился принять предложение Тольятти, если за него проголосует большинство. Нет необходимости уточнять, что Диас и Эрнандес оказались единственными, кто голосовал против. Кампания по снятию Ларго Кабальеро, по мнению Тольятти, должна начаться с митинга в Валенсии. Он предложил, чтобы основную речь там произнес Эрнандес. Наилучшие шансы, сказал он, стать следующим премьер-министром у Хуана Негрина, министра финансов, не столь явного прокоммуниста, как Альварес дель Вайо, и не такого антикоммуниста, как Прието³.

А в Барселоне снова обострились отношения между анархистами и POUM, с одной стороны, и «Эскеррой» и PSUC — с другой. Тараделлас, помощник Компаньса, хотел объединить всю каталонскую полицию в одной организации, распустив так называемые патрульные комитеты, в которых были представлены все политические группировки. С самых первых дней войны CNT было свойственно стремление выжить. В

этом плане, как и во многих других, цели коммунистов и тех республиканцев и каталонцев, для которых главным был ход войны, совпадали. Когда 27 марта Таррадельяс торжественно запретил полиции иметь какие-то политические пристрастия, анархисты вышли из Женералитата. Последовавший правительственный кризис длился так долго, что Пласа-де-Каталунья стала называться площадью «постоянного кризиса».

Наконец 16 апреля Компаньс, предприняв одно из своих редких решительных действий, своей волей сформировал новое правительство с Таррадельясом во главе, всего из пяти членов — по одному от «Эскерры», CNT, UGT и Партии виноделов. Но напряжение в Барселоне не спало. Во время кризиса министры-анархисты правительства в Валенсии усиленно старались сдерживать барселонских товарищей, но в результате своих стараний лидеры анархистов потеряли авторитет среди своих экстремистских сторонников.

Поскольку националистам стало известно о противоречиях между баскским и республиканским правительством в Валенсии, баскам стали поступать различные предложения о посредничестве и о сепаратном мире. Самое существенное последовало по инициативе аргентинского посла в Испании, который уже перебрался к остальному дипломатическому корпусу в Сен-Жан-де-Люс. Он предложил Ватикану попытаться организовать переговоры о сепаратном мире. Тогда кардинал Пачелли, государственный секретарь Ватикана, написал примирительное письмо Агирре с изложением условий мира в северных провинциях. К сожалению, письмо было отправлено обыкновенной почтой. В парижском почтовом отделении, увидев письмо в Испанию, отправили его в Валенсию, где оно попало в руки республиканского правительства. Состоялась секретная встреча республиканского кабинета, на которой не присутствовал баскский министр Ирухо. Министры послали возмущенную телеграмму, обвиняющую басков в попытке заключить сепаратный мир. Баскское правительство, не знавшее о накладке с письмом из Рима, сделало вывод, что эта история — маневр коммунистов по дискредитации басков. После чего баскский министр юстиции Лейсаола послал ответную телеграмму, составленную в таких сильных выражениях, что читавший ее Прието подумал, будто тот требует его расстрела. На таком уровне непонимания отношения между басками и правительством республики оставались до конца войны. Баскское правительство не подозревало об истинной сути дела до февраля 1940 года, когда некий иезуитский священник изложил часть этой истории в «Ревю де дё Мوند»⁴.

Примечания

¹ Генерал Оргас, командовавший войсками националистов при Хараме и один из первых военных заговорщиков против республики, теперь поставил себе цель создать несколько военных академий для офицеров и сержантского состава, чтобы пополнить их убыль из-за ранений. Молодые солдаты, отслужившие на передовой шесть месяцев, два месяца изучали военные науки и возвращались младшими офицерами. Благодаря энергии Оргаса почти все молодые люди из среднего класса в националистской Испании служили офицерами. Большую помощь этим академиям оказывали немецкие военные. Первый командир легиона «Кондор» генерал Шперрле в мае 1939 года отметил в вермахте, что 56 000 испанских офицеров прошли через руки немецких военных инструкторов.

² Единственное свидетельство на этот счет приводит Кривицкий. Но в свете того, что через три месяца случилось с обоими жалобщиками, оно кажется вполне достоверным.

³ Эту встречу описал Хесус Эрнандес. Никто больше не подтвердил его рассказ. Но поскольку решения, о которых писал Эрнандес, вскоре были в самом деле приняты, сомневаться в его отчете нет оснований, разве что кроме его роли в этих событиях.

⁴ В мае 1937 года со стороны Италии последовал очередной демарш, чтобы обеспечить переговоры о мире, — на этот раз его принял лично Муссолини. На юг Франции прибыл граф Кавалетти и предложил Агирре, чтобы тот обратился к дуче с просьбой начать переговоры о мире. После чего дуче попытается «установить протекторат Италии над провинциями Басконии!». Но Агирре твердо отверг это предложение.

Глава 50

Блокада Бильбао. — Картофельный Джонс. — «Seven Seas Spray». — Coup d'état Эдильи. — Структура фаланги. — Карлисты. — Серрано Суньер.

В середине апреля на Баскском фронте сохранялось относительное спокойствие. Но за передовой линией в Басконии возник новый кризис — на этот раз из-за снабжения продовольствием. 6 апреля националисты объявили, что будут перехватывать корабли с продуктами, направляющиеся в республиканские порты на севере Испании. Английский пароход с грузом провизии для Бильбао, который шел из Сантандера, был тут же перехвачен в пяти милях от берега крейсером националистов и вооруженным тральщиком¹. Все же в конечном итоге пароходу было позволено зайти в порт, поскольку корабли националистов отнюдь не испытывали желания ссориться с двумя британскими эсминцами, которые на всех парах то-ропились к месту конфликта.

Сообщение об этой блокаде поставило английское правительство в трудное положение. В соответствии с нормами

международного права блокаду (включая и обыск судов в открытом море) позволяет вводить по отношению к воюющим сторонам в военном конфликте. Но Болдуин и его министры не хотели, чтобы английские суда подвергались обыску со стороны испанских военных кораблей, и поэтому не соглашались признать обоих участников испанского конфликта воюющими сторонами. Почти весь объем английской торговли шел через порты республики. Но на море господствовали националисты. Так что если войдет в силу положение о воюющих сторонах, то перехват кораблей будет, как правило, осуществлять военные корабли националистов, а страдать станет английский торговый флот. Была объявлена блокада портов на севере Испании. Пока не существовало «прав воюющих сторон», британские торговые корабли могли просить о помощи королевский военно-морской флот, если националисты их останавливали за пределами трехмильной зоны баскских территориальных вод. Насколько меньше было бы хлопот, если бы английские торговые суда вообще не заходили в порты Басконии!

Скорее всего, последняя мысль мелькнула подсознательно у Британского адмиралтейства, когда оно начало получать все новые сообщения. Капитан одного из эсминцев без обиняков сообщил, что блокада националистов оказалась довольно эффективной. То же самое передал и сэр Генри Чилтон из Эндайи. Сходные донесения поступали и с моря: военные корабли националистов не только заняли позиции на подступах к гавани Бильбао, предотвращая заход в нее всех торговых судов, но и заминировали баскские территориальные воды. По мнению Чилтона и военных с эсминца, английские торговые суда при попытке войти в порт Бильбао подвергнутся серьезной опасности. В пределах трехмильной зоны королевский военно-морской флот не имел права защищать купцов. Поскольку баски потеряли господство на море, английские торговые суда могли подвергнуться нападению и в территориальных водах. Поэтому 8 апреля адмиралтейство дало указание всем английским торговым судам, находящимся не ближе, чем в ста милях от Бильбао, идти во французский рыбный порт у курорта Сен-Жан-де-Люс и отставаться там до получения дальнейших инструкций. На следующий день Тронкосо, военный губернатор Ируна, сообщил сэру Генри Чилтону, что получил инструкции из Бургоса: Франко решил сделать блокаду еще эффективнее. В Сен-Жан-де-Люс стояли уже четыре британских торговых судна с грузом продовольствия на борту, но стало известно, что, если они попытаются выйти из порта, их остановят силой. А тем временем минные поля вокруг гавани Бильбао становились все обширнее.

Решительное заявление Франко достигло Лондона субботним утром 10 апреля. Оно заставило Болдуина в воскресенье собрать кабинет. Среди тех, кому пришлось прервать свой уик-энд, были мистер Дафф Купер, государственный секретарь военного министерства, первый лорд адмиралтейства сэр Сэмьюэл Хор, министр внутренних дел сэр Джон Симон и министр иностранных дел мистер Иден. В результате Торговая палата «предупредила» английские корабли, рекомендовав не заходить в Бильбао, ибо в противном случае военный флот не сможет оказать им содействие. В понедельник Болдуин объяснил мотивы такого решения разгневанной палате общин. Существовал риск, сказал он, от которого было невозможно обезопасить английские корабли.

Последующую неделю парламент кипел от возмущения. Всю весну события в Испании были постоянной темой брифингов и дебатов по внешней политике. Иден и Кренборн, министр иностранных дел и его заместитель, подвергались жесткому давлению как со стороны республики из числа лейбористов и либералов, так и горстки консерваторов, которые поддерживали националистов. Слышало ли правительство о прибытии новых итальянских частей в Кадис? Сколько русских находятся сейчас в Мадриде? Как много английских волонтеров в составе интернациональных бригад убито в боях? Выяснялось, что по большинству этих вопросов у правительства, занятого главным образом соблюдением политики невмешательства, как правило, нет никакой информации. Заинтересованность палаты общин в испанских делах достигла апогея. 14 апреля мистер Эттли из лейбористской партии поставил вопрос о доверии. Британское правительство, крупнейшая морская держава мира, отказывается даже от попытки защитить английские суда, в то время как президент Страны Басков сказал, что мины в гавани Бильбао протралены и по ночам вооруженные тральщики с прожекторами защищают порт. Откуда правительство получило сведения об угрожающей опасности? Не от той ли «странной публики, наших консульских работников, которые, когда встает вопрос о высадке итальянских войск, молчат как убитые»? Сэр Джон Саймон, министр внутренних дел, возразил. Если разрешить английским судам идти в Бильбао, то придется протраливать его рейд, а это означает вмешательство в дела республики. Сэр Арчибальд Синклер, лидер лейбористов, указал, что, признав блокаду националистов, правительство тем самым уже вмешалось в испанские события. А вот немцы, припомнил он зимний инцидент, всегда заботятся о своих судах. Следующим взял слово мистер Черчилль. Со свойственным ему олимпийски спокойным отношением к обеим сторонам в войне он дал волю мечтам

о посредничестве «при встрече в каком-нибудь месте, которое лорд Розберри как-то назвал «придорожной гостиницей», после чего Испания обретет шансы на мир, законность, хлеб и всеобщую амнистию». И в таком случае «сжатые кулаки разожмутся, став открытыми ладонями, готовыми к искреннему сотрудничеству». Мистер Гарольд Николсон оценил отказ riskовать британскими кораблями в баскских водах как «горькую пилюлю». «Это неприятно. Это лекарство, от которого почти тошнит, но его надо принимать». Мистер Дункан Сэндис сказал, что признать обе стороны военными противниками имеет смысл лишь в том случае, если они будут подчиняться правилам войны. Мистер Ноэль-Бейкер припомнил, что с 1588 года это первый случай, когда англичане боятся испанского флота. Мистер Иден положил конец дебатам, которые, конечно, были выиграны правительством, сказав, что, если английские торговые суда все же выйдут из Сен-Жан-де-Люс и тем самым отвергнут предупреждение Торговой палаты, они могут рассчитывать на защиту лишь в пределах трехмильной зоны. «Нам остается надеяться, что в силу существующих условий, которые, как мы думаем, не гарантируют им безопасности, они не пойдут на такой шаг»².

Все это время среди командования торговых судов, стоящих в Сен-Жан-де-Люс, росло нетерпение. Их грузы (за доставку которых им щедро заплатили) начали портиться. Три судна находились под общей командой капитана Джонса из Уэльса (из-за своего груза он получил прозвища Картофельный Джонс, Джонс Кукурузный Початок, Джонс Яичница с Ветчиной), и стали ходить слухи, что они сделают попытку выйти из порта. В частности, Картофельный Джонс приобрел репутацию решительной личности из-за соленых, в стиле героев Джозефа Конрада, ответов, которые он дал репортеру «Эвенинг ньюс». Тем не менее смелую попытку прорвать блокаду Бильбао сделал не он (свои грузы он в конечном итоге доставил в Валенсию). Это был корабль с продовольствием из Валенсии, который в десять вечера 10 апреля вышел из гавани Сен-Жан-де-Люс, не обращая внимания на отчаянные предупреждения с берега. Его шкипер, капитан Роджерс, сделал вид, что не замечает сигналов британского эсминца, стоявшего в десяти милях от побережья Басконии. Эсmineц сообщил капитану Роджерсу, что тот выходит в плавание на свой страх и риск, и пожелал ему удачи. В половине восьмого утра судно достигло Бильбао, избежав встречи и с минами и с военными кораблями националистов. Пока отважный корабль медленно шел вверх по реке, капитан с дочерью стояли на мостике, а голодные жители Бильбао толпились на набережной, востор-

женно восклицая: «Да здравствуют английские моряки! Да здравствует свобода!»

Теперь Британское адмиралтейство публично признало свою ошибку, считая блокаду действенной. Сообщив о событиях в Бильбао, мистер Эттли сказал в дебатах: «Блокада националистов оказалась неэффективной».

Тогда другие суда из Сен-Жан-де-Люс пошли в Бильбао. Одному из них, «Мак-Грегору», когда корабль вышел на десять миль в море, крейсер националистов приказал остановиться. «Мак-Грегор» послал сигнал SOS кораблю флота его величества «Нуд», который пришел в эти воды из Гибралтара на случай возможных неприятностей. Его командир вице-адмирал Блейк потребовал от испанского эсминца не мешать английским кораблям за пределами территориальных вод. Тот ответил, что испанские территориальные воды простираются на шесть миль. Адмирал Блейк сообщил, что Англия не признает данного утверждения (этот вопрос долгое время был главным в переговорах Испании и Англии), и передал на «Мак-Грегор», что при желании тот может следовать дальше. Что английский торговый корабль и сделал. Буквально в нескольких ярдах от границы трехмильной зоны тральщик националистов выпустил по нему снаряд, который пролетел над кормой. Английский корабль «Файр» приказал прекратить обстрел британского судна. Баскская батарея береговой артиллерии открыла огонь, и после ее залпа эсминец ушел. Больше не было предпринято никаких попыток остановить английские корабли на пути в Бильбао.

Как можно объяснить этот странный инцидент в истории британского судоходства? Уж конечно, объяснение кроется не в словах мистера А.В. Александера, который обвинил парламентского заместителя главы Торговой палаты доктора Лесли Баргина, что тот улыбался, когда шла речь о голоде в Бильбао. Мистер Иден, без сомнения, был искренен, когда, 20 апреля выступая в палате общин, сказал: «Если бы мне пришлось делать выбор в Испании, я бы исходил из того, что баскское правительство куда ближе нашей системе, чем Франко или республика». Но стало совершенно ясно, что военно-морской флот предоставил правительству неправильную информацию. По крайней мере часть этой информации исходила не из тщательного изучения фактов, а была получена от эскадры военных кораблей националистов. 20 апреля «Дейли телеграф» опубликовала интервью с капитаном националистов Каведой, который отметил, как приятно было сотрудничать с британским флотом «в вопросах, связанных с блокадой Бильбао»³. Сэр Генри Чилтон, неизменный верный сторонник националистов, с трудом мог получить какую бы то

ни было информацию, кроме как от националистов в Эндайе. И похоже, правительство Болдуина вместе с первым лордом адмиралтейства сэром Сэмьюэлом Хором было только радо, получая ложную информацию, действовать в соответствии с ней.

А тем временем за линией фронта националистов до возобновления наступления на севере давно назревавшие события наконец встали во главу угла. Начало им было положено прошедшей зимой, когда Франко выслал лидера карлистов Фалья Конде в Португалию. Естественно, карлисты крайне критически оценили эту суровую меру. Их военный совет безуспешно требовал публичного пересмотра приговора. Это возмущение карлистов вызвало соответствующую реакцию у части фалангистов, недовольных главным образом лидерством генерала Франко⁴. Соответственно, никто не удивился, когда Фаль Конде в Португалии получил приглашение от фаланги к открытой дискуссии, посвященной идее объединения двух партий. Она вызвала интерес.

Переговоры на эту тему длились три недели. Они кончились безрезультатно, произведя на свет лишь несколько интересных документов⁵. Карлисты пришли к выводу, что фалангисты просто хотят подмять под себя все движение традиционалистов. Так что к концу февраля две партии разошлись, хотя и сохраняя дружеские отношения. Граф Родесно дал понять, что вопрос о возобновлении дискуссии остается открытым. На деле же идея об объединении двух партий принадлежала самому генералу Франко, который давно уже стремился к такому развитию событий. С тех пор как генерал стал главой государства, он успешно манипулировал разрозненными сторонниками национального движения, словно они были полевыми командирами у рифов, с которыми ему приходилось иметь дело еще молодым человеком. Разве простой акт объединения, инициированный сверху, не положит конец этой смеси идеологий? Об этом он с надеждой говорил немецкому дипломату Дюмулену пять месяцев назад⁶.

В решительную поддержку этой идеи был подан один очень влиятельный голос — Рамона Серрано Суньера, зятя генералиссимуса, который, будучи лидером молодежи CEDA, в начале 1936 года привел движение к слиянию с фалангой. Способный и честолюбивый юрист Суньер в феврале бежал из республиканской Испании. С помощью гуманного доктора Мараньона ему удалось добиться перевода из тюрьмы в туберкулезный санаторий, а уж оттуда совершить побег. Он прибыл в Саламанку, полный страшных историй об Образцовой тюрьме, где был свидетелем расстрела своих друзей Фернандо Примо де Риверы и Руиса де Альды. Ненависть Серрано Суньера

к республиканцам обострилась после того, как два его брата пали от их рук. Он всегда утверждал: они погибли потому, что французское посольство отказало им в убежище. Поэтому Серрано испытывал особую неприязнь к Франции, которая подкреплялась его откровенным презрением к демократии. От политика CEDA, которым он когда-то был, мало что осталось. Этот денди с рано поседевшей шевелюрой и голубыми глазами — редкость в Испании — оказывал большое влияние на своего зятя. Влияние Николаса Франко постепенно сходило на нет, и наконец он без шума был отправлен послом в Португалию. Немалая доля политических успехов Серрано Суньера объяснялась его незаурядным обаянием, но, оказывая магнетическое воздействие на небольшой круг, он был чужд массам. Это был эмоциональный человек, у которого часто менялось настроение, — контраст со сдержанным Франко. Отношения между Серрано и Франко укреплялись дружбой их жен, Ситы и Кармен, которые часто встречались. Так в Испании началось правление *cupadisimo* («зятьев на вершине власти»), которое за последующие несколько лет вызвало бесчисленное количество шуток и анекдотов и наконец облекло Серрано едва ли не высшей властью в государстве.

Тем не менее в то время у Серрано вообще не было никакой официальной должности. Но с момента его появления в Саламанке Франко стал его использовать как своего политического советника. Кроме того, Серрано сразу же стал заниматься поисками теоретического и, если возможно, идеологического обоснования нового националистского государства. Он беседовал с монархистами, фалангистами, церковниками и генералами. Встречался с кардиналом Гомой, графом Родесно и генералом Молой, затем отправился на прогулку с Франко в саду епископского дворца в Саламанке. Серрано рассказал генералиссимусу, что все его встречи и разговоры привели к выводу: ни одна из партий, существующих в националистской Испании, не отвечает потребностям момента. Но в любом случае что-то надо делать. Основа существующей власти — это армия. Но «государство чистой силы», сказал он, долго не существует. Национальное движение сформировалось как чисто негативная реакция на преступную слабость республиканского правительства и угрозу коммунистической революции. Но возвращение к парламентскому правительству невозможно. «В других местах, благодаря ряду продуманных договоренностей и обычаев, демократия может принести хорошие результаты. Но в Испании в полной мере было доказано, что здесь демократия может существовать только в форме бессмысленно жестокого, готового взорваться государства, ибо

это самоубийственная форма правления»⁷. Но, вне всяких сомнений, существует возможность создания государства, свободного от всех условностей и обязательств, государства воистину нового, единственного такого вида, которое может появиться. Разве положение Испании в 1937 году не напоминает во многом то самое, которое было в XIV веке при начале правления католических королей?⁸

Такими речами Серрано соблазнял генералиссимуса во время прогулок. Тем временем Франко занимался изучением уставов и положений фаланги, членом которой он, конечно, не был. Он анализировал речи Хосе Антонио и Виктора Прадеры, теоретика карлистского движения, который, как и Антонио, был расстрелян на территории республики. Тем не менее создание статута, объединяющего карлистов и фалангу и в самом деле сливающего все партии, поддерживающие националистов, в одно движение, было бы отложено, не случись в Саламанке в начале апреля некоторых довольно любопытных событий.

Дело в том, что группа фалангистов правых взглядов, которые возглавляли прерванные переговоры с карлистами, составила заговор с целью свержения Эдильи, временного главы фаланги. С этой целью 16 апреля Национальный совет фаланги избрал новый триумvirат. В него входили Санчо Давила (лидер правой группы) и два приятеля Эдильи Хосе Морено и Агустин Аснар. Новым генеральным секретарем движения стал Рафаэль Гарсеран. Эдилья, оставшийся в неопределенном положении временного главы движения, медлил и колебался. В тот же вечер Франко принял триумvirат вместе с новым генеральным секретарем и вежливо попросил воздерживаться от насилия. Позже, в середине ночи, вокруг домов Санчо Давилы и Гарсерана в Саламанке начались волнения. Вооруженные молодые люди открыли огонь. Действовали ли они по указанию Николаса Франко, или Эдильи, или кого-то еще, так и осталось неизвестным. Но это происшествие дало повод для ареста Санчо Давилы и Гарсерана, которые были обвинены не только в попытке свергнуть Франко, но и в переговорах с Прието. На следующий день Национальный совет фаланги подтвердил, что поддерживает Эдилью. Но теперь и Франко перешел к решительным действиям. Он выслал указания главам всех региональных организаций фаланги впредь подчиняться только его приказам. Эдилья наконец подался на провокации и стал действовать. Ближайшие друзья убедили его, что этот акт Франко означает конец фаланги⁹. Он, в свою очередь, разослал телеграммы, требуя, чтобы лидеры фаланги на местах исполняли только его приказы. Кое-кто из его сто-

ронников, так называемые «Старые рубашки», подготовили демонстрации в поддержку Эдильи. Кроме того, они предложили организовать хунту, членами которой станут Пилар Примо де Ривера, сестра Хосе Антонио, и генерал Ягуэ, хотя оба они отказались принимать в ней участие. Глава отделения фаланги в Заморе, которому была адресована одна из телеграмм Эдильи, проинформировал Франко обо всем происходящем. И когда Эдилья явился в штаб-квартиру Франко, чтобы изложить условия, при которых он и в дальнейшем будет поддерживать движение националистов, то был арестован. Двадцать «старых рубашек» оказались под стражей. Всем фалангистам, где бы они ни находились, было запрещено показываться в Саламанке. Франко воспользовался этой возможностью, чтобы выпустить указ о создании новой партии, объединившей фалангу и карлистов, с пышным пространственным названием «Испанская фаланга традиционалистов и хунт национал-синдикалистского наступления». Главой новой партии, конечно, стал генералиссимус, хотя он никогда не был ни фалангистом, ни карлистом. Родесно и его более умеренные карлисты, проявив абсурдное отсутствие предусмотрительности, выразили свое согласие — хотя и без большого энтузиазма¹⁰. Их три радиостанции были закрыты. Ни к Фалю Конде, ни к карлистскому регенту Ксавьеру Бурбон-Пармскому Франко не обращался за консультациями. Пожилая вдова старого дона Альфонсо Карлоса (она и сама была ветераном Второй карлистской войны) 23 апреля написала Фалю Конде: «Это позор, как он поступил с нами. По какому праву...» До 30 апреля Франко не считал нужным оповещать о происшедшем карлистский Военный совет.

А как же вел себя генерал Мола, командир Армии Севера, старый заговорщик из Памплоны? Он присутствовал на балконе штаб-квартиры Франко в Саламанке, когда оглашался декрет об объединении карлистов и фалангистов. Но выразил свое беспокойство лишь по поводу огромной власти, которую Франко ныне сосредоточил в своих руках, и неточного использования в тексте указа некоторых глаголов. Кейпо де Льяно также прибыл из Севильи и объявил о своем согласии, хотя, как можно предположить, без большой охоты. Тем временем Эдилья был приговорен к смертной казни «за мятеж», хотя позже этот приговор был заменен пожизненным заключением¹¹. Серрано остался на той же позиции, которую он и без того занимал и, по настоянию Франко, стал генеральным секретарем нового движения. Все время он координировал и сглаживал противоречия между различными течениями в движении; особое его внимание привлекали несколько возмущенных фалангистов, которые остались на

свободе и собирались в гостиной дома Пилар Примо де Риверы в Саламанке, Ортодоксальные монархисты вскоре тоже влились в новую партию¹².

Франко, без сомнения, считал, что поскольку у Серрано нет сторонников, то он всем обязан исключительно ему, Франко, и им будет легко манипулировать. И действительно, споры между ними стали возникать лишь только к концу Гражданской войны. Серрано, продолжая оставаться в одиночестве, был полон недоверия и страха. Придерживался ли он явной прогерманской ориентации? Вряд ли, поскольку ему было известно, что немецкий посол в Испании испытывает к нему ненависть. Фаупель считал, что фашистский лидер в Испании должен иметь пролетарское происхождение.

Свои взгляды Серрано изложил десять лет спустя, когда был опозорен и отставлен от дел. Новое государство, которого никогда ранее не существовало и которое он с таким воодушевлением описывал своему родственнику, конечно же «отвечало понятию авторитарного, уникального типа современного государства, которое соответствует сложившимся обстоятельствам. Единственная форма организации общества, которая может взять на себя задачу переобучения и реорганизации, необходимых для политической жизни в Испании. Может, своей внешней формой это государство и будет напоминать режимы, уже принятые другими людьми, но принципы, скрытые этими формами, и дух, которому они подчиняются, меняются от человека к человеку. Как в тоталитарной России, тут может быть кардинальное расхождение между государством и его подданными. Форма может, как в случае с Германией, иметь аморальный характер. Но в то же время у нас нет ничего общего с этими доктринами. Наши взгляды исходят из национальной традиции и конфессиональной веры. Мы отрицаем политический релятивизм и политический агностицизм. За этими пределами остается обширное поле для сомнений и дискуссий, есть неизменные истины и убеждения, из которых состоит политическая жизнь и которые ограничивают действия правительства. Есть великие и неизменные принципы, которые влияют на вопрос, «быть или не быть» стране и всему цивилизованному обществу». Таковы были идеи человека, который среди разрозненных групп королевских генералов, обожателей Германии и Италии, епископов и старых политиков, был совестью националистской Испании во время Гражданской войны.

Фаупель и итальянский генерал Роатта встретились, чтобы обсудить развитие событий. Роатта считал, что, пока Германия и Италия не вмешаются, чтобы оказать решительное воздействие на ход операций и на все испанское общество, войну

выйграть не удастся. К тому времени Фаупель передал Франко переложение для Испании немецких законов о труде. Он дал ему понять, что надо начинать социальное законодательство, и предложил в его распоряжение «социальных экспертов». Данци, представлявший в Испании итальянских фашистов, вручил Франко набросок конституции для Испании, сделанный по итальянской модели. Но генералиссимус не обратил внимания ни на Фаупеля, ни на Данци. Серрано добавил, что и эти предложения, и их вдохновители (особенно нацистская группа при немецком посольстве) могли быть приняты более благожелательно, если бы они взяли на себя труд перевести свои слова на испанский язык.

Между тем 20 апреля в Бискайе началось новое наступление националистов. Когда артиллерийская и авиационная подготовка прекратились и баски на передовой линии стали подниматься из глубоких окопов, в тылу у себя они слышали пулеметные очереди. И снова, как при Очандиано, раздались крики: «Мы отрезаны!» Многие из защитников отступили, пока еще у них была такая возможность. Перед деревней Эльгета между холмов Инчорты были выкопаны глубокие надежные траншеи. Закрепившись в них, баски под командованием майора Белдаррана успешно отразили атаку. Но к тому времени два батальона CNT покинули линию фронта, скорее всего, чтобы путем такого шантажа побудить басков предоставить им места в правительстве. Это дезертирство привело к разгрому. Все командование басков мечтало лишь о том, чтобы успеть отступить к окопам «железного кольца». Непрестанные бомбардировки блокировали дороги, передвигаться по которым стало невозможно. Генеральный штаб в Бильбао проявил слабость и расхлябанность, которые вызвали обвинения в предательстве. К 24 апреля все высоты в этой части фронта, на которые шло наступление, пали под натиском генерала националистов Гарсиа Валиньо. Белдаррану пришлось отступить со своих хорошо укрепленных позиций у Эльгеты. Воцарилась атмосфера хаоса. Артиллерия не знала, по каким целям вести огонь. Траншеи постепенно пустели. Через шесть дней после возобновления наступления Мола полное поражение басков стало неизбежным.

Примечания

¹ Рассказ об этом происшествии будет трудно понять, если не знать, что английский торговый флот осуществлял большую часть поставок в Испанию и из нее. Британский экспорт в Испанию резко сократился в 1937 году: вывоз угля на 37 процентов, станков и машин на 90 процентов, автомобилей на 95 процентов, столовых при-

боров на 90 процентов (данные по всей Испании, поскольку в статистических данных Торговой палаты одна Испания не отделялась от другой). Тем не менее импорт из Соединенного Королевства возрос, особенно орехов и картофеля.

² Эти дебаты то и дело прерывались призывами к порядку, криками «долой!» и прочими нарушениями.

³ Тем не менее было бы совершенно неправильно считать, что английский военно-морской флот играл на руку Франко. Все знали, что эскадра в Гибралтаре находится в прекрасных отношениях с националистами, но адмирал Барроу, отвечавший за эвакуацию множества заключенных и беженцев из Бильбао, поддерживал тесные дружеские отношения с баскским правительством. Истина, по всей видимости, заключается в том, что военно-морской флот был дружелюбно настроен ко всем, с кем он входил в контакт.

⁴ Несмотря на явные различия, разделявшие карлистов и фалангистов, их лидеры всегда были сравнительно близки друг другу — их объединяла вражда к либерализму, демократии и «девятнадцатому столетию». До войны Фаль Конде и Хосе Антонио были в добрых отношениях.

⁵ От фалангистов в дискуссиях принимали участие Санчо Давила, Рафаэль Гарсеран и Эскарро. От карлистов — Фаль Конде, граф Родесно и Хосе Мария Араус де Роблес. Эдилья, временный глава фаланги, знал о переговорах и относился к ним неодобрительно.

⁶ Самым заметным документом был набор «основ для союза» двух групп — они были включены в записку фалангистов от 1 февраля. Фаланга «соглашалась с установлением в соответствующий момент новой монархии, как гарантии продолжения национал-синдикалистского государства и основы его империи. Новая монархия должна порвать все связи с либеральным монархизмом».

⁷ Это отражение мыслей, которых в то время придерживались многие испанцы.

⁸ Описывая этот разговор в автобиографии, Серрано отрицает свое авторство аналогии с католическими королями, которая в то время широко использовалась.

⁹ Немецкий посол Фаупель был согласен с Данци, представителем итальянских фашистов в Саламанке, и с руководителем местного отделения нацистской партии, что, если произойдет столкновение между фалангой и Франко, они окажут поддержку последнему. Но похоже, руководители пропагандистской службы Фаупеля Кон и Крюгер подталкивали Эдилью к решительным действиям.

¹⁰ Официальная форма новой партии состояла из синих рубашек фаланги и красных беретов карлистов. Ни одной из партий не понравилось это компромиссное решение, и при первой возможности фалангисты засовывали карлистские береты в карман. Известен случай, когда группа фалангистов с непокрытыми головами встретилась с карлистом Родесно в обыкновенной одежде. На вопрос, почему он так одет, старый циник ответил: «Потому что не могу засунуть в карман свою синюю рубашку...»

¹¹ Позже ходила слухи, что друзья Эдильи попытались организовать его побег из памплонской тюрьмы (где святой Игнатий обдумывал идею Общества Иисуса), но он отказался бежать. Некоторые из его сообщников все же выбрались из тюрьмы, но были пойманы и расстреляны. Этот эпизод описан французским историком фашизма Бразильяком, но подтвердить его я не могу.

¹² Можно добавить, что Франко счел первый заговор (Санчо Давилы и т. д.) делом рук монархистов. В интервью «АВС де Севилья»

он ясно дал понять, что вопрос о реставрации монархии решать будет лично он. Вскоре о своей поддержке Франко объявил Хиль Роблес, бывший лидер CEDA, но смазал эффект своих слов, твердо заявив в то же время о контактах с ортодоксальными монархистами. Всю войну он находился в эмиграции, не принимая участия в политике (хотя порой помогал с поставками оружия), и вернулся в Испанию лишь в 1957 году.

Глава 51

Герника. — Санта-Мария-де-лас-Кабеса.

Герника — маленький городок баскской провинции Бискайя, расположенный в долине в десяти километрах от моря и в тридцати — от Бильбао. С населением в семь тысяч человек, Герника фактически была деревней в холмистой сельской местности, окруженная такими же живописными деревушками и отдельными фермами. Тем не менее еще в дописьменную эру Герника пользовалась известностью в этих местах как колыбель свободы басков. Ибо именно здесь, под знаменитым дубом, испанские монархи приносили неизменную клятву соблюдать права басков.

26 апреля 1937 года, в понедельник (все понедельники в Гернике были ярмарочными днями), мелкие фермеры, жившие по соседству с городком, раскинули на главной площади торговые ряды с фруктами, собранными за неделю. В это время фронт проходил в тридцати километрах от Герники.

В половине пятого одинокий удар колокола объявил воздушную тревогу. В этих местах и раньше случались налеты, но на Гернику бомбы никогда не падали. Без двадцати пять в небе появились «Хейнкели-111», которые сначала обрушили на город бомбовый груз, а потом стали поливать улицы пулеметным огнем. За «хейнкелями» последовали давние злые духи испанской войны «Юнкерсы-52». Люди бросились из города. Их расстреливали из пулеметов. На город посыпались тысячефунтовые зажигательные бомбы и фугасы. Воздушные налеты шли волнами каждые двадцать минут. Так продолжалось до четверти восьмого. Центр городка был разрушен и объят пламенем. Были убиты 1654 человека и 889 ранены. Лишь здание баскского парламента и знаменитый дуб, стоявший в отдалении от центра, остались целыми.

Описанная история подтверждается многими свидетелями, включая мэра Герники, который в то время был в городе, а также баскским правительством и всеми политическими партиями, от анархистов до республиканцев. О ней рассказа-

ли корреспонденты многих иностранных газет и информационных агентств, которые в тот же вечер побывали на месте трагедии и подобрали осколки бомб немецкого производства. Двадцать баскских священников, включая генерального викария епископата, из которых девять сами пережили бомбардировку, написали папе письмо, изложив свою версию происшедшего¹.

Тем не менее глава пропагандистской службы националистов в Саламанке 27 апреля сообщил, что город разрушили сами баски. На следующий день националисты торжественно оповестили, что 27 апреля ни один их самолет не отрывался от земли. Но Герника была уничтожена 26 апреля. На следующий день Дуранго и Герника пали без сопротивления (хотя вокруг городка были прекрасные природные оборонительные позиции). Затем иностранным журналистам, аккредитованным при националистами, было сказано, что, хотя в Гернике и обнаружено «несколько осколков бомб», основные разрушения — дело рук басков-поджигателей, которые, скорее всего, хотели вызвать возмущение и заново разбудить дух сопротивления. 4 мая новое сообщение националистов признало, что в Гернике все же видны следы пожаров «после недели артиллерийских обстрелов и бомбардировок». Признавалось, что на Гернику в течение трех часов с перерывами обрушивались бомбы. Десять дней спустя слово «Герника» было найдено в дневниковой записи от 26 апреля немецкого летчика, сбитого басками. Пилот объяснил, что оно относится к девушке, с которой он познакомился в Гамбурге. Спустя несколько месяцев другое сообщение националистов признало, что город был разбомблен, но самолеты были республиканскими. Утверждалось, что бомбы произведены на территории басков, а источником взрывов стали заряды динамита, заложенные в канализационной сети.

Но истинное содержание этой истории уже всем было ясно². В октябре 1937 года штабной офицер националистов сказал корреспонденту «Санди таймс»: «Мы бомбили их, бомбили и бомбили! А почему бы и нет?» Немецкий ас Адольф Галланд, который вскоре после Герники вступил в легион «Кондор», признал, что ответственность лежит на немцах. Он добавил, что налет был произведен по ошибке, причинами которой стали плохие бомбовые прицелы и недостаток опыта. Геринг же сам признал в 1946 году, что Германия рассматривала Гернику как испытательный полигон. В сущности, Гернику можно было считать и военной целью, поскольку тут, недалеко от линии фронта, был расположен узел связи, но трудно отказаться от мысли, что немцы, следуя указани-

ям Мола от 31 марта, сознательно уничтожали город, с клиническим интересом наблюдая результаты такой ковровой бомбардировки. Знал ли Мола или нет, к чему она приведет, остается под сомнением.

История Герники вызвала возмущение во всем мире. Пикассо³ в начале года получил заказ на стенную роспись павильона Испании на Всемирной выставке в Париже. Он тут же приступил к изображению ужасов войны на примере разрушенной Герники. Эта его работа была безоговорочно признана шедевром художника.

30 апреля, когда стала работать служба контроля за соблюдением политики невмешательства, английский министр иностранных дел, без сомнения, на какое-то время счел себя свободным от проблемы, которую называл «войной испанской одержимости». Иден рассказал палате общин — кабинет министров обдумывал, что делать, дабы не повторилась еще одна Герника, — что Риббентроп из Лондона предупредил Берлин: Франко должен отрицать всякую ответственность немецких летчиков. В самом легионе «Кондор» возникло недовольство последствиями налета. 4 мая Плимут предложил Комитету по невмешательству обратиться к обеим испанским сторонам с призывом не бомбить открытые города. Риббентроп и Гранди лицемерно возражали. По их мнению, о Гернике не стоило говорить в отрыве от общегуманитарного аспекта войны. Майский, естественно, протестовал против расширения темы дебатов. Они проходили в тот же день, когда состоялась конференция руководства англиканской церкви, в которое входил Вильям Темпл, архиепископ Йоркский. Иерархи выразили Идену формальный протест, осуждая бомбежку невоенных целей.

Но и после разрушения города баски продолжали сопротивляться. 30 апреля рыбный борт Бермео был захвачен частью «Черных стрел» в составе 4000 человек. В этот день баски воспряли духом — крейсер националистов «Испания» подорвался на mine у Бильбао. 1 мая Мола начал наступление по всей линии фронта. Но итальянцев остановил, а потом отбросил назад батальон UGT. В Бермео окруженные итальянцы были вынуждены просить помощи. Баскская милиция уже перестала бояться бомбежек, поскольку они заметили, что пугающий грохот разрывов не причиняет большого вреда. Так что за это время территориальных потерь не произошло.

Пока Герника заполняла заголовки газет во всем мире, столь же драматические события происходили и в Сьерра-Морене. Этот величественный горный хребет отделяет равнину Кастилии от Андалузии. На двух его горных вершинах

поблизости от монастыря Санта Мариа де ла Кабеса девять месяцев со времени начала мятежа держались 250 гражданских гвардейцев, немалая часть их семей, 100 фалангистов и примерно 1000 членов «буржуазного общества» Андухара. На раннем периоде войны националистский анклав в самом сердце республиканской Испании не подвергался атакам. Дело было в том, что какое-то время комитет Народного фронта в Андухаре так и не мог определить, друзья или враги заседавшие в монастыре гражданские гвардейцы. Просуществовав какое-то время в относительной безопасности и собрав основательные запасы провианта, мятежники решили, что с моральной точки зрения невозможно и дальше скрывать от «красных» свое местонахождение. Они послали написанную от руки декларацию с объявлением войны. Майор Нофуэнтес, который хотел сдаться, был отстранен от командования в монастыре, хотя и ему, и другим прореспубликански настроенным офицерам сохранили жизнь. Началась осада убежища. Обороняющихся возглавил капитан гражданской гвардии Сантьяго Кортес, чья жена с семьей оказались в положении политических заключенных в Хаэне. Почтовые голуби доставляли новости и возбужденные послания националистам в Кордове и Севилье. Летчики националистов специально тренировались, чтобы сбрасывать грузы в маленький осажденный район. Техника эта до странности напоминала им бомбометание с пикирования. Из Севильи поступило 80 тонн продовольствия и 70 — из Кордовы. Более хрупкие грузы (такие, как медицинское оборудование) сбрасывались на парашютах. В границах убежища работали импровизированные школы и больницы. Но хотя естественную горную крепость окружили примерно 10 000 милиционеров, штурм ее так и не начинался.

Все же в начале апреля республика решила покончить с этим островком сопротивления и, чтобы возглавить наступление, перебросила сюда 13-ю интернациональную бригаду под командой генерала Гомеса (им был немецкий коммунист Цейссер). После яростного сражения маленький лагерь защитников был разрезан на две части. Из Лугар-Нуэво, меньшей части, к капитану Кортесу прилетел последний голубь с известием, что больше держаться они не могут. Но хлынул мощный ливень, и в течение ночи Лугар-Нуэво удалось эвакуировать без потерь. Все защитники его, включая 200 женщин и детей, были переведены в монастырь. Затем Франко дал Кортесу разрешение сдаться, если сопротивление станет невозможным. Он также отдал приказ об эвакуации женщин и детей под гарантией защиты со стороны недавно прибывших сотрудников Красного Креста. Но Кортес и его бойцы,

продолжая сопротивление, усомнились, что у Красного Креста хватит сил и власти обеспечить такие гарантии. Защитники монастыря оказались в кольце 20 000 республиканцев, которые вели себя как краснокожие индейцы. Вместе с трудностями росли и сомнения. Атаки следовали одна за другой. Путь к победе проложили артиллерия и авиация. Героический Кортес был ранен 30 апреля, а 1 мая интербригада и милиция Хаэна ворвались в монастырь. Какое-то время в его стенах шла всеобщая резня. Монастырь был сожжен, и отсветы пламени озаряли горные склоны Сьерры. Большинство женщин и детей были увезены на грузовиках, а оставшиеся вооруженные защитники взяты в плен. Через несколько дней Кортес скончался от ран в госпитале. Эпопея с защитой Санта Марии де ла Кабесы больше, чем успешная оборона Алькасара и Овьедо, вызвала восхищение испанцев по обе стороны фронта.

Примечания

¹ Два баскских священника, отцы Манчека и Аугустин Соуси, прибыли в Ватикан с копией этого письма. По их появлении монсеньор Мухика (епископ Витории в изгнании) отправился к монсеньору Пиззардо, заместителю государственного секретаря Ватикана, и попросил разговора с папой. Пиззардо сказал, что в этом нет необходимости, поскольку имеется письмо. Мухика написал Пачелли, что два прибывших священника долгое время не получают ответа. Тем не менее настал день, когда из Ватикана явился взмыленный курьер. В это время священники перекусывали в небольшом ресторанчике. Они не успели даже кончить свой обед, как их доставили к кардиналу Пачелли, секретарь которого сказал им, что они получают обещанное, если не будут упоминать тему, которая и привела их в Рим. Перед Пачелли предстали два баска. Они сказали о письме к папе, на что Пачелли холодно ответил: «В Барселоне церковь подвергается преследованиям» — и тут же показал им на дверь. По свидетельству брата Альберто Онаиндиа, создалось впечатление, что Пачелли как государственный секретарь был настроен к баскам куда более враждебно, чем папа Пий XI.

² Баскский отчет об этом событии нашел подтверждение в тех разговорах, которые автор вел в Гернике в 1959 году. Многие из переживших трагедию продолжают жить в заново отстроенной Гернике. В 1945 году баскское правительство в изгнании сделало попытку выдвинуть обвинение против Германии на Нюрнбергском процессе военных преступников. Она оказалась безуспешной, поскольку все события, имевшие место до 1939 года, Нюрнбергским трибуналом не принимались к рассмотрению.

³ До Гражданской войны Пикассо не проявлял большого интереса к политике. Но с июля 1936 года он стал решительно поддерживать республиканцев — финансово и морально. Он принял почетную должность директора музея Прадо и заботился о состоянии картин, которые из Мадрида переправили в Валенсию. В январе Пикассо создал серию карикатур «Мечты и лож генерала Франко».

Гражданская война в Барселоне. — Визит на «Телефонику». — Ответственность за кризис. — Переговоры. — Конец мятежа.

Как ни трагично, но основным полем боя Гражданской войны стала Барселона. 25 апреля газета анархистов «Солида-ридад обрера» яростно обрушилась на коммунистов. Особенным нападкам подвергся Касорла, коммунистический комиссар общественного порядка в Мадриде, который закрыл в столице газету анархистов. Этим же днем в Барселоне был убит Рольдан Кортада, известный член Объединения социалистической и коммунистической молодежи. Скорее всего, это было делом рук анархистов. Член PSUC Родригес Сала, шеф полиции, приказал своим подчиненным провести демонстрацию силы в пригороде, где было совершено преступление. Той же ночью в Барселоне был убит анархист. Мэра Пучсерды, тоже анархиста, застрелили на французской границе, где он и его сторонники хотели перебить охрану. Надо признать, что мэр Пучсерды был известным бандитом, настаивавшим на полной коллективизации всех вещей и продуктов, но в то же время имел свой личный скот. Тем не менее в Барселоне давно ожидалась открытая схватка между анархистами и POUM, с одной стороны, и правительством Каталонии и PSUC — с другой¹. Было роздано оружие. Здания превратились в укрепления. Казармы Ворошилова (бывшие Атарасанас) и Педрера стали цитаделью коммунистов. В казармах Маркса надежно укрепились бойцы POUM. CNT гордо держалась в Торговой палате.

Прошла неделя, полная слухов. День 1 мая, который по традиции считался днем всеобщего пролетарского единства, прошел тихо и спокойно, поскольку UGT и CNT согласились, что при существующих обстоятельствах обычные демонстрации могут привести к вспышке насилия. 2 мая Прието из Валенсии позвонил в каталонское правительство. Анархист-оператор ответил, что правительства в Барселоне вообще не существует, а есть только Комитет обороны. «Телефоника», то есть телефонная централь Барселоны, управлялась комитетом, в который входили представители UGT, CNT и один делегат от правительства. Одно время правительство и коммунисты считали, что CNT подслушивает их телефонные переговоры, поскольку это и в самом деле можно было сделать. Поэтому в половине четвертого следующего дня, 3 мая, Родригес Сала вместе с представителем Женералитата в комитете «Телефоники» явился в здание и направился в отдел цензуры на первом

этаже. Работники, члены CNT, оторвавшись от затянувшегося ленча, решили, что налицо попытка правительства взять контроль над телефонной станцией, и со второго этажа открыли огонь вдоль лестниц по отделу цензуры. Родригес Сала по телефону запросил о помощи. Прибыл отряд гражданской гвардии и лидер FAI Дионисио Эролес, отличавшийся сдержанностью. Он убедил членов CNT прекратить стрельбу. Они согласились сдать оружие, но предварительно расстреляли через окна все боеприпасы. К тому времени внизу на Пласа-де-Каталунья собралась огромная толпа. Сначала прошел слух, что анархисты захватили «Телефонику». Затем CNT стала говорить о «провокации». Через несколько часов все политические организации извлекли спрятанное оружие и стали строить баррикады. Владельцы магазинов торопливо опускали жалюзи на окнах.

Той искрой, от которой разгорелся пожар, был, без сомнения, визит на «Телефонику» Родригеса Салы. Все же стоит отвергнуть торопливые предположения, что он был первым шагом в тщательно разработанной политике провоцирования CNT на насильственные действия, которую продуманно спланировали советский генеральный консул Антонов-Овсеенко и венгерский коммунист Герё, главный представитель Коминтерна в Каталонии. До этого момента коммунисты в Барселоне добивались всех своих целей, в равной мере и прибегая к скрытому террору, и руководствуясь здравым смыслом. Их политическая тактика, а также военная и экономическая политика исходили из поддержки и каталонского правительства, и правительства республики в Валенсии. При открытом столкновении с CNT в Барселоне коммунисты сомневались, удастся ли им одержать победу. Тольятти осторожно маневрировал, стараясь подорвать престиж Ларго Кабальеро среди рабочего класса Испании и устранить его. Эта цель требовала настоящего внимания коммунистов. Конечно, они могли бы доставить куда больше хлопот и, замышляя переворот, даже снять людей с фронта. И едва только началась стрельба, коммунисты решили в полной мере воспользоваться преимуществами ситуации: они получили возможность дискредитировать и полностью уничтожить своих старых врагов из POUM. Естественно, коммунисты ждали этого шанса, и когда в апреле 1937 года обстановка в Барселоне накалилась, то стало ясно — время пришло.

Позднее лидеры коммунистической партии обвиняли в возникновении кризиса агентов Франко в CNT и POUM. Говорилось, что это подтверждается документами, найденными в гостиницах в Барселоне. Фаупель, немецкий посол в Саламан-

ке, сообщал в Берлин: 7 мая Франко сказал ему, что у националистов есть тринадцать агентов в Барселоне. Один агент докладывал: «Напряжение между коммунистами и анархистами настолько велико, что он может гарантировать в ближайшем времени вооруженное столкновение». Франко дал понять, что он «не собирался этим воспользоваться, пока не начнет наступление в Каталонии, но, поскольку республиканцы атаковали Теруэль, чтобы облегчить положение басков², он подберет подходящий момент для стимулирования беспорядков в Барселоне». На самом деле через несколько дней после получения этих инструкций агенту силами трех или четырех человек удалось успешно организовать уличные стычки. Это свидетельство нельзя оставить без внимания. В самом начале войны для спасения своей шкуры фалангисты вступали в FAI, POUM и CNT. И действительно, напряжение в Барселоне нарастало. Вызвать взрыв было нетрудно. Это мог сделать шпион, который первым закричал «Провокация!» на Пласа-де-Каталунья. Но шпионы любят прихвастнуть, так что этот естественный взрыв страстей он мог просто приписать своим стараниям.

Тем временем CNT не делала ровно ничего, чтобы предотвратить возникшую ситуацию. Вечером 3 мая представители CNT нанесли визит каталонскому премьеру Таррадельясу и его министру внутренних дел Айгуаде. Те пообещали, что полиция покинет «Телефонику»: CNT потребовала отставки Родригеса Салы и Айгуаде. В этом им было отказано. Тот факт, что переговоры все же продолжились, свидетельствует, что ни у одной из сторон не было заранее подготовленного плана переворота. Но в сумерках в Барселоне разразилась война. PSUC и правительство контролировали город слева от Рамблас, начиная от Пласа-де-Каталунья. Под контролем анархистов оказался район справа от Рамблас. Пригороды присоединились к CNT. В центре города, где штаб-квартиры политических партий располагались поблизости одна от другой в больших зданиях или реквизированных отелях, на их крышах появились пулеметы и сверху открыли стрельбу. Машины расстреливали с обеих сторон. Тем не менее в «Телефонике» было достигнуто перемирие, и связь продолжала работать. Полиция с первого этажа даже посылала наверх сандвичи работникам из CNT. Все же несколько полицейских машин были взорваны кинутыми с крыш гранатами. Любое передвижение на машине таило в себе опасность³.

4 мая в Барселоне воцарилась тишина, если не считать редких пулеметных очередей и ружейных выстрелов. Магазины и дома были перекрыты баррикадами. Отряды вооруженных

анархистов нападали на здания гражданской гвардии и правительства. За этим следовали контратаки коммунистов или правительственных сил.

19 июля 1936 года огонь велся с тех же точек, что и в тот эпический день. И снова полиция стреляла в своих бывших товарищей по оружию — в июле в солдат, а теперь в анархистов, — толком не понимая, что к чему, но подчиняясь «непререкаемым законам революционного хаоса». Тем временем политические лидеры анархистов Гарсиа Оливер и Федерика Монтсенъ обратились по радио из Валенсии с призывом к своим сторонникам сложить оружие и вернуться к работе. «Солидариад обрера» воззвала к тому же. Затем эти два министра направились в Барселону вместе с Мариано Васкесом, секретарем Национального комитета CNT. Они хотели избежать столкновения с коммунистами. Ларго Кабальеро тоже не хотел пускать в ход силу против анархистов. Тем временем 500 человек колонны Дуррути собрались в Лериде, чтобы двинуться маршем на Барселону, но после выступления Гарсиа Оливера остались на месте. Но члены CNT из рабочих, возбужденные действиями экстремистских групп анархистов, называвших себя «друзьями Дуррути», не подчинились своим лидерам. POUM встал в одни ряды с экстремистами. «Ла Баталья», газета POUM, выдвинула лозунг «возрождения духа 19 июля».

Все это время в Женералитате шли переговоры. Тарраделльясу, поддержанный Компаньсом, отказался смещать Родригеса Салу и Айгуаде. Все же 5 мая решение было наконец найдено. Каталонское правительство уходит в отставку, и его заменяет Временный совет, в состав которого не войдет Айгуаде. Анархисты, «Эскерра» и Партия виноделов будут представлены как и раньше. Но беспорядочная стрельба тем не менее продолжалась. Вдоль пустынных широких улиц свистели пули, принося смерть каждому, кто неосмотрительно выглянет из дома или из-за укрытия. Был убит видный итальянский анархист, интеллектуал, профессор Камилло Бернери⁴. «Друзья Дуррути» выпустили в свет листовку, сообщающую о создании революционной хунты. Все ответственные за нападение на «Телефонику» будут расстреляны. Гражданская гвардия должна быть разоружена, а POUM, «завоевавший авторитет среди рабочих», вновь получить место в правительстве. «Ла Баталья» перепечатала этот манифест без комментариев. Тревожная атмосфера усилилась с появлением в заливе британского эсминца. Лидеры POUM без всяких на то оснований опасались, что начнется обстрел города⁵.

Все утро 6 мая сохранялось перемирие, объявленное CNT. Но призывы вернуться к работе не приносили результатов — причиной тому было не упрямство, а страх. Днем бои возобновились. Отряды полиции и «Эскерры» атаковали здания, в которых засели анархисты. Группа гражданских гвардейцев была расстреляна в помещении кинотеатра из 75-миллиметровых орудий, которые члены «Либертарианской молодежи» доставили с побережья. Антонио Сесе, генеральный секретарь каталонского отделения UGT, только что введенный в состав Женералитата, был убит по пути к месту работы (скорее всего, случайно, поскольку по всем движущимся машинам автоматически открывался огонь). Тем не менее к вечеру из Валенсии в сопровождении линкора прибыли два крейсера с вооруженным контингентом на борту. Нежелание Ларго Кабальеро предпринимать хоть какие-то действия во время кризиса было сломлено Прието. Сушей из Валенсии прибыли 4000 солдат, по пути подавив мятежи в Таррагоне и Реусе. В четверть пятого утра 7 мая радио CNT обратилось с отчаянным призывом о возвращении к нормальному образу жизни, чего и удалось достичь благодаря присутствию на улицах гражданской гвардии из Валенсии. На улицах снова появились жители города. Прогуливаясь по Рамблас, они обсуждали ход боев. 8 мая радиопередача CNT потребовала: «Долой баррикады! Каждый горожанин должен принести камень для мостовой! Вернемся к нормальной жизни!» С мятежом в Барселоне было покончено. По официальной оценке, во время уличных боев было убито 400 человек и 1000 ранено⁶.

Примечания

¹ Такое же впечатление создалось и у Джорджа Оруэлла, который 26 апреля вернулся в Барселону с фронта, где воевал в рядах POUM. Все же к его рассказу о мятеже, пусть он и великолепно написан, следует относиться с определенной сдержанностью.

² Слабые попытки взять Теруэль не принесли результатов.

³ Мистер Ричард Беннет, работавший на Барселонском радио, рассказал мне, как в его дверях возникли два человека с гранатами, которые прямо спросили его: «Ты на чьей стороне?» — «На вашей», — мудро ответил тот.

⁴ Кем? Несмотря на обвинения, что это было работой OVRA, тайной полиции Муссолини, все говорит о вине коммунистов. Поскольку Бернери по дороге домой приветствовали по-итальянски, убийца мог быть из числа итальянских коммунистов.

⁵ Оруэлл, который был в дозоре POUM, разделял эти опасения.

⁶ Есть и другие цифры: 900 убитых и 2500 раненых. Лидеры анархистов потом сожалели, что пошли на прекращение огня, хотя в конечном итоге им бы пришлось сдать коммунистам.

Глава 53

Наступление в Эстремадуре. — Кампания против POUM. — Политический кризис в Валенсии. — Падение Ларго Кабальеро. — Доктор Негрин. — Правительство Негрина.

Мятеж в Барселоне привел к последнему этапу нападок коммунистов на Ларго Кабальеро. Отношения между премьер-министром и коммунистами стали еще хуже, чем во время диспута по стратегии. Несколько офицеров-республиканцев из высшего командования предложили устроить проверку только что сформированной новой республиканской армии, бросив ее в наступление в Эстремадуре (направление Пеньяройя и Мерида). Коммунисты возражали против этого плана. Они доказывали, что для его осуществления надо собрать не меньше 75 000 человек и обеспечить мощную поддержку с воздуха. Новый советский главный военный советник генерал Кулик предложил нанести удар с республиканских позиций вдоль дороги на Ла-Корунью по направлению к маленькому городку Брунете, отрезав националистов, засевших в Университетском городке и Каса-де-Кампо¹. Мьяха, который после полученных испытаний в Мадриде находился под сильным влиянием коммунистов, заявил, что не одобряет эстремадурский план. Поскольку офицеры-республиканцы продолжали стоять на своем, советские советники просто объявили, что авиации для готовящегося наступления не будет выделено². В очередной раз коммунисты отстаивали политику, которая служила их целям, но и с военной точки зрения она была более продуманной, чем у оппонентов. При всех недостатках плана с Брунете он все же был более практичен, чем надуманный замысел наступления в Эстремадуре.

Спорам на военные темы сопутствовало усиление войны коммунистов с Ларго Кабальеро. Галарса, министр внутренних дел и давний противник коммунистов, был снят с поста за то, что позволил разрастись барселонскому кризису; за его неспособность «увидеть открытые приготовления к контрреволюционному путчу». 11 мая газета POUM «Аделанте», выходящая в Валенсии, бросила открытый вызов правительству, сравнив его репрессивные меры с политикой правительства Хилия Роблеса. 14 мая правительство приказало в течение 72 часов сдать все оружие — кроме того, что было у армии. Гражданская гвардия Барселоны, PSUC и милиция начали собирать его. Наконец 15 мая на заседании кабинета в Валенсии Хесус Эрнандес и Урибе предложили распустить POUM. Ларго Кабальеро ответил, что он сам рабочий и не станет

разгонять братский рабочий союз. Члены кабинета из числа анархистов поддержали премьер-министра и заявили, что волнения в Барселоне были спровоцированы «нереволюционными партиями». Два коммуниста, за которыми затем последовали Хираль, Ирухо, Прието, Альварес дель Вайо и Негрин, покинули заседание, обвинив напоследок анархистов в барселонских беспорядках. Разразился кризис самого кабинета. В этот же день Эрнандес, действуя на руку коммунистам, предложил Негрину стать премьер-министром. Тот ответил, что примет предложение, если эту идею одобрит его партия, добавив, что он не пользуется популярностью в массах. Эрнандес ответил, что ее можно завоевать. Если и есть то, чем коммунисты успешно занимаются, то это пропаганда. Негрин возразил, что он не коммунист, на что Эрнандес заметил: «Оно и к лучшему». На следующий день, 16 мая, Кабальеро вручил Асанье прошение об отставке. Президент попросил премьер-министра исполнять свои обязанности до окончания запланированной военной операции — то ли в Брунете, то ли в Эстремадуре. Ларго Кабальеро согласился, и Асанья начал планировать состав кабинета без участия коммунистической партии. Такой резкий разрыв с предыдущей администрацией понадобился для создания новой исполнительной власти. Как следствие, Ларго Кабальеро, поддержанный исполнительным комитетом UGT, обратился к анархистам с идеей формирования чисто профсоюзного кабинета министров силами CNT и UGT. Это был путь к созданию синдикалистского государства. Скорее всего, именно в этот момент Негрин, Альварес дель Вайо и Прието заявили Ларго Кабальеро, что правительство нельзя формировать без коммунистов, иначе республика лишится советской помощи. Коммунистическая партия послала ноту Ларго Кабальеро, назвав те условия, при которых она поддержит возглавляемое им правительство. Решение всех военных проблем должно стать прерогативой Высшего военного совета. Премьер-министр отказывается от поста военного министра. Министры должны получить одобрение всех партий, поддерживающих правительство (Галарса должен быть снят с поста). На главу генерального штаба возлагается обязанность планировать ход военных действий. Политкомиссары будут нести ответственность только перед военным комиссариатом, хотя тот, в свою очередь, станет отвечать перед военным министром и Военным советом. Эти условия были отвергнуты Ларго Кабальеро, который настаивал (в чем-то повторяя Асквита в 1916 году), что контроль за военными действиями должен оставаться в его руках. Его старые враги-анархисты оказали ему полную поддержку. Асанья в это вре-

мя обдумывал кандидатуру, которая устроила бы все стороны. Прието не подходил, поскольку его давняя вражда с Ларго Кабальеро была слишком хорошо известна. Самым подходящим выбором оказался Негрин, которого поддерживали коммунисты.

Хуан Негрин был выходцем из процветающей семьи среднего класса с Канарских островов. Получив в Германии медицинское образование, позднее он тесно сотрудничал с нобелевским лауреатом в области медицины Рамоном-и-Кахалем. Несмотря на свой юный возраст, Негрин стал профессором психологии в Мадридском университете и многое сделал для организации Университетского городка. Он не вступал ни в одну политическую партию и искренне не интересовался политикой вплоть до последнего года диктатуры Примо де Риверы, когда ему стало ясно, что, если он хочет лучшей Испании, то его обязанность — вступить в социалистическую партию. Но хотя при республике доктор Негрин стал депутатом, до начала Гражданской войны он не принимал активного участия в политике, уделяя основное внимание своей работе. Едва ли не единственным запомнившимся политическим актом Негрина было его голосование во время республики 1932 года вместе со своей фракцией против отмены приговора генералу Санхурхо.

Несмотря на отсутствие у него политического опыта, в сентябре 1936 года Ларго Кабальеро назначил его министром финансов. Поскольку Негрин успешно работал в университетской администрации и интересовался в ней финансовыми проблемами, социалистическая партия рекомендовала его на этот трудный пост. В то время он считался сторонником Прието. Но практически никогда не произносил речи в кортесах и с политической точки зрения оставался совершенно неизвестной личностью. В министерстве финансов Негрин проявил себя как хороший администратор. Он умело разобрался со сложными вопросами уплаты за советскую военную помощь и установил прекрасные личные отношения с советским экономическим советником Сташевским. У Негро не было каких-либо личных симпатий, он не обладал никакими политическими предрассудками и никому не клялся в верности. Сочетание общепризнанной эффективности в работе с прекрасным академическим образованием устраивало всех, даже Англию и Францию. За него, как за нового лидера республики, сменившего Ларго Кабальеро, безоговорочно проголосовали самые разные политические группировки. Не в пример Франко, многие политики республики (и не только коммунисты) считали, что при желании им будет сравнительно легко влиять на Негрина.

Тем не менее в начале своего премьерства он заявил Асанье, что, если уж ему довелось стать премьер-министром (чего он совсем не хотел), он будет исполнять свои обязанности «на все сто процентов». Так будет, пока длится война. Не стоит и говорить, что интеллектуальное превосходство Негрина, неминуемым следствием которого явилось его преобразование в ранг высококлассного политического мыслителя, стало умножать и число врагов нового премьера. Некоторые политики, особенно члены его собственной социалистической партии, были вне себя от того, что этот новичок позволяет себе так диктаторски относиться к ним. И к тому же он обрел п о л и т и ч е с к и й успех. Члены его собственного кабинета были разгневаны привычкой Негрина есть и пить в самые неурочные часы и собирать совещания в любое время (кстати, подобные привычки Черчилля злили его военных советников). Противники премьера в частном порядке обвиняли Негрина в недостатке римских добродетелей, необходимых, по их мнению, для победы в войне. Конечно же у негс, как у Ларго Кабальеро и Прието, установились тесные отношения с Советским Союзом — главным источником снабжения оружием республиканцев. Более того, во время премьерства Негрина Испанская коммунистическая партия с ее политической сдержанностью и безжалостным реализмом перед лицом войны стала самой полезной политической партией в Испании. Негрин многому научился как от советского посла, так и от испанских коммунистов, которых недолюбливал. Как министр финансов, Негрин был особо озабочен доставкой испанского золота в Москву. Его последующие связи с Россией напоминали отношения Фауста и Мефистофеля.

Но было бы совершенно неправильно считать, что Негрин был простым инструментом советской политики. Были в Испании такие политики, которые успешно использовали коммунистическую партию, но не подчинялись ее влиянию. В 30-х годах XX века такое встречалось часто. Личная самоуверенность Негрина и скрытые качества натуры, возможно, привели его к мысли, что в случае необходимости он сможет порвать с коммунистической партией. И когда в начале лета 1938 года Негрин стал искать возможности компромисса с националистами, сомнительно, чтобы он при этом советовался с коммунистами или с кем-либо еще. Смешно было бы предположить, что такой жесткий и независимый мыслящий интеллектуал с таким нелегким характером может кому-то подчиняться. Хотя у него и были прекрасные отношения с советским экономическим советником Шашевским, запомнился случай (в бытность его министром финансов), когда Негрин резко осадил его, посоветовав не лезть во внутренние дела Испании. В противном случае, сказал Не-

грин, «вот вам дверь». По крайней мере, один раз (скорее всего, из-за убийства Андреса Нина) Негрину пришлось сдержаться, чтобы вообще не порвать дипломатических отношений с Советским Союзом. Если Ларго Кабальеро принимал советского посла Розенберга в любое время и без предварительной договоренности, то Негрин настоял, чтобы Гайкин и Шевченко, сменившие Розенберга, заранее звонили по телефону и договаривались о встрече. Ларго Кабальеро позволял русским называть себя «товарищ», а Негрин сменил форму обращения на «сеньор премьер-министр». Негрин не поддерживал близких отношений с руководством Испанской коммунистической партии, а Пассионарио откровенно не любил. Хотя анархисты все больше уходили в тень, влияние коммунистической партии при Негрине росло куда медленнее, чем при Ларго. Эрнандес признавал, что могло прийти время, когда понадобится «ликвидировать» Негрина³.

Война носила смертельный характер. Победенные не получали ничего. Если милиция, находившаяся под контролем коммунистов, устраняла наиболее яростных и непримиримых революционеров, то это следовало принимать как должное исходя из того, что репутация республики за рубежом при этом не потерпит большого урона. Негрин был вынужден считаться с такими людьми, как Асанья, «сильный человек республики», и Ларго Кабальеро, «испанский Ленин». Но они, в том числе и Прието, теряли свой престиж. Анархисты тоже упали духом. Негрин взял на себя нешуточную ответственность, когда стал премьер-министром. Он допускал ошибки, но вплоть до конца Гражданской войны этот высокомерный физиолог с беспорядочной личной жизнью воплощал дух Испанской республики.

Сформированный Негрином кабинет включал в свой состав двух социалистов кроме него самого: Прието как военного министра и протеже Прието — Сугасагойтия, который стал министром внутренних дел. Коммунисты Эрнандес и Урибе сохранили свои прежние посты министров образования и сельского хозяйства. Республиканец Хираль стал министром иностранных дел, а его коллега по партии Хинер де лос Риос министром связи и общественных работ. Баск Ирухо занял пост министра юстиции, а каталонец Хайме Айгуаде, брат бывшего советника, — министра труда. То есть в состав правительства не был включен ни один из представителей крыла Ларго Кабальеро из социалистической партии. Аракистайн, один из немногих оставшихся сторонников Кабальеро, даже покинул посольство в Париже. Его заменил Осорио-и-Гальярдо, католик, бывший министр при монархии, чье назначение, как предполагалось, должно было успокоить французских пра-

вых⁴. Альварес дель Вайо, который перестал быть политическим сторонником, но продолжал оставаться другом ушедшего премьера, сохранил свой пост главного политического комиссара и представителя Испании в Женеве. Негрин предложил анархистам войти в кабинет, но они отказались, сказав, что не хотят провоцировать кризис, который будет «неумным, ненужным, мешающим ведению войны». Они сказали, что союз с Негрином докажет отсутствие у них благородства. Коммунистическая партия протянула руку дружбы CNT, предложив провести двустороннюю «дискуссию о проблемах», но это предложение было отвергнуто. Тем не менее 30 мая Гарсиа Оливер и еще трое других бывших министров из числа анархистов произнесли речи, полные гордости за свои достижения во время пребывания в правительстве.

Поскольку коммунистическая партия продолжала быть самым сильным оппонентом социальной революции, правительство Негрина было более правым, чем его предшественники. Самым заметным членом правительства, без сомнения, был Прието, который контролировал весь механизм ведения войны. Поскольку он был известным антикоммунистом, коммунистическая партия не многое получила от нового правительства. И как часто бывало в политике коммунистов, их самые блистательные и успешные политические маневры в конечном итоге не давали им немедленного преимущества.

Примечания

¹ Генерал Берзин был в Бильбао. Личность Кулика оставалась неясной. Эрнандес описывал его как «грубоватого, высокого и сильного, симпатичного человека, напоминающего полярного медведя».

² Согласно неопубликованному меморандуму госдепартамента, присланному из Валенсии, в данный момент в распоряжении республики было 460 самолетов. 200 из них — советские истребители, 150 — советские бомбардировщики, 70 — советские самолеты-разведчики, 8 — французские бомбардировщики «Блох-210» и 32 самолета смешанного назначения.

³ Возможно, это было сказано потому, что вначале Негрин возлагал надежды на мировую войну, которую считал неизбежной, а Сталин постоянно старался остаться в стороне от нее. К тому же Негрин как-то разгневал Сталина, настаивая, чтобы тот немедленно принял посла республики в Москве Марселино Паскуа (с просьбой о помощи), или же тот будет отозван на родину.

⁴ Самым влиятельным представителем республики в Париже в период правительства Негрина был американский журналист Луис Фишер. Из своей штаб-квартиры в отеле «Лютеция» (рядом со станцией метро «Севр-Вавилон») он продуманно руководил организацией закупок оружия и распространением прореспубликанских пропагандистских материалов.

Новая война в Бискайе. — Бестейро в Лондоне. — Предложение о посредничестве. — Инцидент с «Барлеттой». — Инцидент с «Германией». — Немецкий флот у Альмерии. — Прието предлагает объявить войну Германии.

Случайно, но очень к месту в правительстве Негрина оказались пять уроженцев баскских провинций — Прието¹, Сугасагойтия, Ирухо, Урибе и Эрнандес. Фронт продолжал медленно рассыпаться. Басков оттеснили почти к самому «железному кольцу». Бомбежки продолжались. Немцы экспериментировали — сможет ли дождь небольших зажигательных бомб, сброшенных на леса, заставить басков отступить с их позиций? Два астурийских и сантандерский батальоны покинули свои места в линии обороны, хотя их было легко защищать. Свежая наваррская бригада освободила итальянцев, окруженных у Бермео.

В это время Нейрат, посетивший Рим, услышал от Муссолини, что Германия и Италия «принесли достаточно жертв» ради Франко. Дуче сообщил, что через месяц отведет своих итальянцев, если испанцы не примутся воевать со всей энергией. Самолеты, посланные в помощь баскам из Валенсии через Францию, были задержаны в Тулузе голландским полковником Люнном из Комитета по невмешательству. Затем их вернули в Валенсию, предварительно конфисковав пулеметы. И все же 22 мая десять истребителей предприняли рискованный перелет в Бильбао через националистскую Испанию. Семь из них благополучно приземлились. Стали распространяться слухи, что Мола угрожает сровнять Бильбао с землей. Он будто бы добавил: «И при виде этой пустой и безлюдной земли англичане вечно будут сожалеть, что помогали баскским большевикам». Может, именно эти разговоры вместе со всеобщим ужасом от разрушения Герники и заставили британское правительство дать согласие Франции вместе с ней эскортировать корабли с баскскими беженцами (в числе которых были и английские торговые суда), как только те выходили за пределы трехмильной зоны вод Испании. В числе первых беженцев были вывезены дети вместе с теми, кто взялся присматривать за ними. Франция согласилась принять 2300 детей, а советское правительство взяло на себя заботу о детях коммунистов. В Англии комитет по спасению баскских детей, поддержанный английским отделением римско-католической церкви, принял 4000 детей. После того как их тщательно обследовали четыре врача из министерства здравоохранения, детей разместили в лагере Стоунхэм в Линкольншире. Националисты

протестовали, считая, что эти шаги свидетельствуют о намерении басков разрушить Бильбао. Но эвакуация «наших смелых детей-путешественников», как пресса Бильбао называла отъезжающих, беспрепятственно продолжалась².

Тем временем Антони Идену нанес визит социал-реформист профессор Бестейро, который 12 мая представлял республику на коронации короля Георга VI. Бестейро явился к Идену по просьбе Асаньи, обратившись к английскому министру иностранных дел с просьбой стать посредником в Гражданской войне. Асанья предложил отвести иностранных волонтеров и расположить в Испании силы великих держав. Эту идею лелеял и сам Иден. Но британский посол в Валенсии мистер Леч сообщил — накал ненависти в Испании таков, что посредничество ни к чему не приведет. Тем не менее Иден продолжал держаться за эту идею. Английские послы в Риме, Берлине, Париже и Москве, а также в Лиссабоне посетили в этих столицах министров иностранных дел и дословно изложили им предложения Асаньи. 19 мая Бастиниани, заместитель Чиано в палатце Киджи, гневно доложил Хасселю, что план Идена — это типичное «желание Англии любой ценой лишить фашистов плодов победы». 22 мая Франко в разговоре с Фаупелем заметил, что перемирие и свободные выборы приведут к созданию «левого правительства», что будет означать конец белой Испании». И он, и «все испанские националисты скорее погибнут, чем отдадут Испанию в руки «красных» или демократического правительства». Серрано Суньер не сомневался, что любой компромисс «оставит открытыми двери к возвращению того порядка вещей, из-за которого война стала неизбежной». Генералиссимус сказал Фаупелю, что республика может принять предложение о посредничестве, поскольку он ошибочно посчитал, что его внес Прието. «Англичане, — сказал Франко, — хотят перемирия потому, что они вложили большие суммы в басков»³. Разговор между Фаупелем и Франко закончился взаимным признанием в том, что Ватикан доверяет националистам немалые хлопоты. Франко предупредил кардинала Гому, архиепископа Толедо: в Испании никоим образом не должна быть упомянута последняя папская энциклика «Mit Brennender Sorge», направленная против нацистской Германии, которую в марте зачитывали в немецких церквях⁴. 24 мая Чиано сказал американскому послу, что план перемирия явно запоздал, так как Франко вот-вот войдет в Бильбао. В Женеве наконец встретился Совет Лиги. Альварес дель Вайо потребовал обсудить итальянскую интервенцию в Испании. Прибыв в Женеву во главе британской делегации, Иден открыто признал, что план прекращения огня провалился. И в

самом деле, больше о нем не было слышно ни слова. 28-го Совет Лиги принял к рассмотрению жалобу Испании. Альварес дель Вайо красноречиво рассказал о немецкой и итальянской интервенции. Он усомнился, сможет ли контроль за политикой невмешательства реально предотвратить приток военных материалов, и согласился с отводом добровольцев. Литвинов полностью поддержал его. Дельбос и Иден заявили, что «страстно верят» в прогресс, которого удалось добиться с прошлого декабря, когда совет в последний раз обсуждал испанский вопрос. Их политика и за столом конференций, и в ее кулуарах была такой же, как всегда, — не обострять накал страстей, не доводить нетерпение Германии или Италии до такой степени, чтобы они вышли из Комитета по невмешательству.

В тот же день в Лондоне Гранди сообщил о новом инциденте — на этот раз с итальянским крейсером «Барлетта». Этот корабль, входивший в состав сил военно-морского контроля за политикой невмешательства, укрылся в гавани Пальмы-де-Мальорки. Он не выполнял свои патрульные обязанности, поскольку Мальорка входила во французскую зону ответственности. Но его присутствие в Пальме кончилось далеко не лучшим образом. Во время налета 24 мая республиканской авиации на остров крейсер получил повреждения. Были убиты шесть итальянцев. Комитет по невмешательству распространил резолюцию, осуждающую этот инцидент, и внес предложение об организации в Пальме безопасной зоны для всех военных кораблей, несущих патрульную службу. На следующий день Совет Лиги выпустил пустую, выхолощенную резолюцию. В ней выражалось сожаление, что не была выполнена предыдущая, декабрьская, резолюция, приветствовалось начало контроля за невмешательством, предлагался отвод добровольцев, осуждалась бомбардировка открытых городов и поддерживались гуманитарные действия, которые предприняли Англия и Франция ради баскских детей. Нет необходимости говорить, что эти ханжеские чувства были обречены оставаться лишь благими пожеланиями. В тот же день с Балеарских островов пришло сообщение о новом морском инциденте.

Министерство обороны из Валенсии заявило, что военно-морской патруль сил невмешательства не имеет законного права действовать в пределах испанских территориальных вод. Пальма известна как центр, где националисты получают оружие. Поэтому республиканцы будут продолжать ее бомбардировки. Тем не менее вне пределов испанских территориальных вод патрульные корабли могут чувствовать себя в безопасности. 26 мая воздушный налет на Пальму повторился, и бомбы

поразили немецкое патрульное судно «Альбатрос», которое, закончив дежурство, зашло на отдых в Пальму. 29 мая командир патруля выразил протест. Он предупредил, что в случае повторения подобных явлений придется принимать соответствующие «контрмеры».

В тот же вечер немецкий линкор «Дойчланд» встал на якорь у Ибисы. Внезапно в небе появились два самолета, и на фоне заходящего солнца в них нельзя было опознать республиканские самолеты. Спикировав на линкор, они сбросили две бомбы. Одна разорвалась в кают-компаниях, убив 22 и ранив 83 члена экипажа. Вторая попала в кормовые надстройки, причинив незначительный урон.

Министерство обороны республики выступило с утверждением, что линкор первым открыл огонь по самолетам, которым пришлось предпринять ответные действия. Но это так и не разрешило ситуацию. Самолет-разведчик, который, по утверждению министерства, появился над линкором, не имеет при себе бомб⁵. Возможно, налет произошел из-за свойственной республиканской авиации недисциплинированности. Но в любом случае налет на «Дойчланд» не был незаконным действием. Гавань Ибисы была обычным объектом налетов республиканской авиации.

Весь следующий день немцы решали, что им делать. Гитлер впал в неукротимую ярость из-за гибели такого количества немцев, и министр иностранных дел Нейрат провел с ним не менее шести часов, стараясь смягчить его гнев. Линкор своим ходом пришел в Гибралтар, где снял с борта раненых. По пути скончалось еще девять человек, так что общее количество погибших теперь равнялось тридцати одному.

На рассвете 31 мая немцы осуществили свою месть. У Альмерии появились крейсер и четыре эсминца, которые выпустили по городу не меньше 200 снарядов, разрушив 35 зданий и убив 19 человек. В тот же день Риббентроп заявил перед Комитетом по невмешательству, что Германия отказывается участвовать в дискуссиях о политике невмешательства и о военно-морском патрулировании, пока она не получит гарантии против повторения подобных инцидентов. Гранди сказал, что Италия будет действовать точно так же. 1 июня Иден продемонстрировал «плохое чувство юмора» во время разговора с Аскарате, ясно дав понять, что верит в немецкую версию инцидента. В Берлине Нейрат доказал Франсуа-Понсэ, что Германия проявила «предельную сдержанность», и посол согласился с ним. Сэр Невилл Чемберлен, который только что прибыл в Берлин английским послом, попросил Нейрата «не делать красным комплименты, считая, что ситуация в Испании может превратиться

в мировую войну». Но его манера выражаться, с которой он недвусмысленно высказывал свою точку зрения, сформировалась, без сомнения, на его последнем посту в Буэнос-Айресе. Нейрат ответил, что этот инцидент должен вынудить Британию изменить свое прежнее «благожелательное отношение» к Испанской республике. В Париже Дельбос указал Вельчеку, что Франция тоже оказалась жертвой нескольких провокационных инцидентов со стороны националистов, но воздержалась от ответных репрессий. Даже Корделл Холл пригласил к себе нового немецкого посла в Вашингтоне Дикхофа. Со своей обычной вежливостью государственный секретарь сказал ему, что Соединенные Штаты «были бы рады убедиться, что Германия может найти способ мирного решения испанских трудностей». В Женеве Альварес дель Вайо тут же воспыал идеей поставить испанский вопрос в Лиге Наций. Но Иден и Литвинов высказались против этого плана.

В Валенсии состоялось совещание республиканского кабинета министров. Прието хотел обрушить бомбовый удар на немецкий флот в Средиземном море. Это, сказал он, может стать началом мировой войны, но имеет смысл рискнуть, поскольку в таком случае Германия, вне всяких сомнений, не сможет больше помогать Франко. Негрин предложил проконсультироваться с Асаньей. Таким образом, и у всех министров появится возможность посоветоваться со своей совестью и со своими друзьями. Эрнандес и Урибе направились в Центральный комитет коммунистической партии. Предложение Прието привело коминтерновских советников в смятение. Кодовилья поспешил в советское посольство. Тольятти встретился с советскими советниками в их штаб-квартире, в апельсиновой роще у Эль-Ведата. Состоялись консультации с Москвой⁶ по радио. Сталин ответил, что советское правительство не хочет мировой войны. То есть план Прието надо любой ценой отвергнуть. В случае необходимости Прието следует уничтожить. Республиканский кабинет министров вместе с Асаньей в конечном итоге тоже отверг план Прието. Настоящая война против Германии может привести к полному уничтожению республики прежде, чем Англия и Франция успеют прийти к ней на помощь. «Инцидент» в Альмерии было решено предать забвению⁷.

Примечания

¹ Прието родился в Овьедо, но еще ребенком оказался в Бильбао.

² Кроме того, Англия обратилась к баскам с предложением назвать ряд нейтральных зон, которые гарантированно не будут подвергаться нападениям. Республиканское правительство выразило про-

тест против этих действий Англии, которая строила отношения с басками так, словно у тех было независимое правительство.

³ Это не соответствовало истине, хотя надо признать, что у Британии были обширные экономические и финансовые интересы в Бильбао.

⁴ Эту энциклику так никогда и не зачитывали в Испании.

⁵ Блюм сообщил американскому послу, что, по имеющейся у него информации, немцы говорили правду.

⁶ Испанские коммунисты называли Москву La Casa (Дом).

⁷ Был еще один случай, когда республика чуть не спровоцировала мировую войну. На летное поле в Барахасе под Мадридом было сброшено обезглавленное тело республиканского пилота с оскорбительными комментариями на итальянском языке. Возмущенная республиканская авиация решила разбомбить Рим. Ее командир Идальго де Сиснерос объявил, что полетит вместе со своими летчиками. Но республиканскому кабинету министров удалось остановить пылких авиаторов. У меня создалось впечатление, что республика просто не представляла, чем для нее кончится настоящая война с Германией или Италией. Весьма сомнительно, что Англия и Франция захотели бы помогать ей, если бы даже у них была такая возможность.

Глава 55

Оборона Страны Басков. — Новое наступление на Уэску и смерть Лукача. — Наступление у Сеговии. — Смерть Моля. — Последний этап кампании у Бильбао. — Принято решение сопротивляться. — Милиция отступает в город. — Падение Бильбао.

Плохая погода остановила операции Моля против Бильбао. В городе действовал новый генеральный штаб, прибывший из Валенсии (он работал рука об руку с Берзиным), которым руководил генерал Гамир Улибарри. В свое время он был начальником пехотной школы в Толедо и с начала войны командовал республиканскими частями у Теруэля. Этот способный офицер очень успешно руководил работой генерального штаба басков. Главным советником оставался советский генерал Берзин. В начале июня стараниями Коминтерна прибыл новый груз чешского оружия, включая 55 зениток. Но самолетов больше не прибывало, а последняя их партия была уничтожена прямо на земле.

Тем временем республиканское правительство предприняло два наступления в других частях Испании в попытке оттянуть силы националистов от Бильбао. Первым стал еще один штурм Уэски на Арагонском фронте. Его поручили реорганизованной каталонской армии, которая после майских мятежей находилась под контролем Валенсии. Наступление, организованное генералом Посасом, не принесло успеха. В течение

недели боевых действий из строя вышли 10 000 республиканцев, главным образом анархистов. Среди них оказались и жизнерадостный генерал Лукач, и много итальянцев, служивших под его командой в Бригаде Гарibaldi¹. Джордж Оруэлл, недавно получивший ранение, видел, как итальянцы, распевая «Бандьера Росса», в поезде отправлялись на фронт. Из своего санитарного вагона Оруэлл видел, как мимо проплывали «окно за окном со смуглыми улыбающимися лицами, с торчащими из окон длинными стволами пулеметов, с развевающимися красными шарфами — все это медленно двигалось мимо нас, направляясь к бирюзовому морю... Те, у кого хватало сил стоять в проходе, приветствовали проезжающих мимо нас итальянцев. Они махали из окон костылями; забинтованные руки вздымались в красном салюте. Все это было аллегорической картиной войны — поезд, полный здоровыми и сильными людьми, гордо несся к линии фронта, а оттуда медленно тащились вагоны с калеками».

В то же время другое наступление на фронте у Сеговии предпринял генерал Вальтер. 31 мая, бросив в бой ударную силу 14-й интербригады под командой полковника Дюмона, он прорвал передовую линию националистов у Сан-Ильдефонсо. Наступающие достигли Ла-Гранхи, где были остановлены Варелой и частями, переброшенными из дивизии Баррона, стоявшей к югу от Мадрида. Наступление кончилось ссорой Вальтера и Дюмона, которые спорили, на кого будет возложена ответственность за поражение². Поскольку Дюмон пользовался полной поддержкой французских коммунистов, Вальтеру не осталось ничего иного, как возмущаться тщеславием и неумелыми действиями Дюмона. С тех пор Дюмон и Вальтер никогда больше не принимали участия в совместных операциях, а 14-я интербригада была переброшена на другой фронт³.

Было еще одно событие последнего акта кампании под Бильбао. 3 июня погиб генерал Мола. Самолет, на котором он летел в Бургос, врезался в мрачный холм Буитраго. Здесь в июле и августе 1936 года содержались политические заключенные из столицы Кастилии, которые потом были безжалостно перебиты. Обстоятельства гибели Молы неизбежно вызывают вопросы. Говорили, что в самолет была заложена бомба с часовым механизмом. Конечно, смерть Молы многим была бы на руку — в том числе и Франко. По прошествии многих лет живущий в Вальядолиде полковник держал у себя на столе два заряженных пистолета, которые ждали, пока он найдет убийцу своего сына — пилота самолета Молы. Фаупель считал, что Франко, «без сомнения, испытал облегчение при известии о

смерти Мола». Последние его слова перед смертью Мола в адрес собрата по оружию были: «Мола — упрямец! Когда я отдавал ему приказы, отличающиеся от его собственных предложений, он часто спрашивал: «Вы больше не доверяете моему руководству?»

Мола как командующего Армией Севера, должен был сменить генерал Давила, исполнительный глава хунты в Бургосе, католик и монархист. Он был управленческим генералом, низенького роста, даже ниже Франко. Место Давилы в Бургосе занял генерал Хордана. До сих пор Хордана не имел почти ничего общего с движением Франко. Член правительства Примо де Риверы, верховный комиссар Марокко при короле, он был уже далеко не молод и тем не менее пользовался репутацией человека, не имевшего личных амбиций. Будучи по убеждениям монархистом, Хордана считал себя либералом. На самом деле он был человеком своего времени, далеким от фашизма, коммунизма и промышленной революции. Вежливый, надежный, очень трудолюбивый, позже он стал министром иностранных дел и много сделал, представляя режим в глазах иностранных послов.

11 июня новый командующий Давила приказал Армии Севера возобновить наступление. Артиллерийская подготовка носила очень мощный характер и основательно потрясла баскских защитников последней высоты перед «железным кольцом». К вечеру генералы Гарсиа Валиньо, Баутиста Санчес и Бартомеу с тремя наваррскими бригадами вышли к этой знаменитой линии обороны. Всю ночь на нее сыпались бомбы. Одна серия зажигательных бомб обрушилась на кладбище, разбросав во все стороны останки мертвецов.

12 июня, после того, как сорок пять батарей несколько часов громили «железное кольцо», бригада Баутисты Санчеса нанесла удар в том месте, где линия обороны была практически полностью разрушена. Без сомнения, эту слабое место басков позволило установить предательство Гойкоэчеа. Штурм начался сразу же после артиллерийской подготовки. Защитники не могли даже точно определить, когда артиллерийский огонь сменился обстрелом из танковых пушек. В пределах «железного кольца», затянутого дымом разрывов, воцарилась растерянность, началось беспорядочное перемещение. И снова различные подразделения баскских сил, поняв, что им угрожает опасность окружения, поторопились отойти. С наступлением сумерек Баутиста Санчес прорвал линию обороны басков на протяжении километра. От центра Бильбао его отделяло всего десять километров. Теперь националисты могли беспрепятственно обстреливать и сам город. 13 июня все силы

басков, оборонявших «железное кольцо», оттянулись в пределы города. Из Бильбао многие уже собирались бежать во Францию. В «Карлтон-отеле» состоялась встреча, на которой Агирре и его министры задали военным один вопрос: удастся ли удержать Бильбао? Командующий артиллерией Херрикаэчебарриа дал отрицательный ответ. Советский генерал Берзин, вспомнив оборону Мадрида и свое участие в ней, посоветовал продолжать сопротивление. В ночь с 13-го на 14 июня баскское правительство приняло решение защищать город. Но на запад, к Сантандеру, необходимо было эвакуировать как можно больше мирных жителей. Стало ясно, что город все-таки будет сдан. Ибо оборонять его станет неизмеримо сложнее, если гражданские не будут помогать солдатам в обороне и те не будут чувствовать, что сражаются за свои дома и за своих близких.

14 июня смена в составе баскского командования вдохнула новую жизнь в оборону. Эльзасец полковник Путц, недавно командовавший 14-й интербригадой, возглавил Первую баскскую дивизию. Поток беженцев из Бильбао тянулся весь день; ради дела обороны все чрезмерные страсти были взяты под контроль. Дорога на Сантандер подвергалась пулеметному обстрелу с воздуха летчиками легиона «Кондор». Два судна, набитые беженцами, были перехвачены кораблями националистов. Баскское правительство перебралось в деревню Трусьюс в западной Бискайе. В Бильбао осталась «хунта обороны» в составе Лейсаолы (министра внутренних дел), Аснара (социалиста), Астигаррабии (коммуниста) и генерала Гамира Улибарри. К 15 июня благодаря реорганизации, проведенной Путцем, линия обороны могла, по крайней мере, стабилизироваться. На севере закрепился Бельдарран, в центре стоял Путц, а на юге полковник Видаль, профессиональный военный, который присоединился к баскам в Сантандере в начале войны. Именно здесь предатель майор Гойкоэчеа оставил укрепления беззащитными перед очередным штурмом. Люди Видаля дрогнули и кинулись вброд через реку Нервьон, не позаботившись даже взорвать мосты за собой. Таким образом они открыли дорогу на Бильбао. На следующий день, 16 июня, Прието телеграфировал Гамиру Улибарри, требуя любой ценой удержать Бильбао, особенно промышленный район города. В это же утро несколько членов «пятой колонны» начали беспрепятственно обстреливать улицы в предместье Лас-Аренас. Отряд анархистов решительно подавил эту вспышку. Но наступление националистов продолжалось весь день. Дивизия Видаля отступила еще дальше. Путц получил тяжелое ранение. К 17 июня штаб-квартира этих двух командиров находилась в центре Бильбао. В течение дня на город упало 20 000 снарядов.

Позиции милиционеров подвергались непрерывной бомбардировке. Высоты и отдельные здания несколько раз переходили из рук в руки. Днем 18 июня милиция отступила. В самом Бильбао по железной дороге и по двум оставшимся дорогам в Сантандер шла отправка людей и материальных ресурсов. Пути сообщения оказались в пределах досягаемости огня наступающих «Черных стрел». Вечером Лейсаола, до конца сохраняя благородство, распорядился передать врагу политических заключенных, которые были в руках басков, потому что на последнем этапе обороны они оставались без баскской охраны. Он также гарантировал сохранение Бильбао, запретив батальонам коммунистов и анархистов взрывать университет и церковь Святого Николаса, где, как считали военные, могли расположиться вражеские пулеметчики. Националисты к тому времени заняли весь правый берег Нервьона на всем его протяжении от города до моря и большую часть левого берега до железнодорожного моста. Настало время оставлять город. В сумерках 18 июня все баскские части получили приказ уходить из своей столицы, и к утру 19 июня ее покинул последний милиционер. К полудню танки националистов, форсировав Нервьон, двинулись в Бильбао на разведку и нашли город опустевшим. «Пятая колонна», противники режима и тайные агенты тут же дали знать о своем присутствии, вывешивая с балконов желто-красные монархические флаги. Собравшаяся толпа из двух сотен сторонников националистов начала петь и скандировать лозунги. Внезапно появившийся танк басков рассеял толпу, очередью снес три флага с балконов и двинулся по единственной оставшейся свободной дороге. Между пятью и шестью вечера в город вошла 5-я наваррская бригада Баутисты Санчеса и водрузила монархистский флаг на здании муниципалитета. Завоеватели могли припомнить, что именно неудача карлистов в попытке взять Бильбао стоила им поражения в Гражданской войне XIX века в Испании.

По данным Фаупеля, Франко извлек урок из «бессмысленных расстрелов» после взятия Малаги. Поэтому он во избежание эксцессов запретил входить в Бильбао крупным воинским соединениям. Лидеры басков, без сомнения, бежали. Немедленных казней удалось избежать. Были задержаны несколько гражданских лиц. Но падение Бильбао означало конец баскской независимости и сепаратизма. Всех директоров школ уволили. Баскский язык был официально запрещен. В течение суток герр Бетке из ROWAK посетил все шахты по добыче железной руды, плавильные и прокатные заводы Бильбао, обнаружив, что они не пострадали. Работы можно было начинать немедленно, обеспечив потребности нынешнего наступления Франко и будущего — Гитлера.

Сообщение о падении Бильбао принес баскским детям в Англии, в их лагере в Стоунхэме баскский священник. Дети были так потрясены, что стали забрасывать камнями и палками вестника, принесшего такую плохую весть. Триста ребят-шек из трех с половиной тысяч, полные отчаяния, вырвались из лагеря.

Примечания

¹ Венгерские антикоммунисты утверждали, что Лукач по приказу Москвы совершил самоубийство. Эта сказка была опровергнута рассказом Густава Реглера о гибели генерала, который, находясь рядом с ним, был ранен.

² Святая Фунисисла, покровительница Сеговии, позже, когда в 1942 году генерал Варела стал министром обороны в кабинете националистов, получила титул «полного фельдмаршала» за ее участие в обороне города. После этого Гитлер заявил, что он никогда, ни при каких обстоятельствах не посетит Испанию.

³ Именно это наступление было описано Хемингуэем в романе «По ком звонит колокол». Он предположил, что наступление было обречено на неудачу в силу предательства, но из-за упрямства Марти все же продолжилось. Время действия в книге равно «68 часам между полуднем субботы и днем вторника последней недели мая 1937 года». Хемингуэй вернулся в Нью-Йорк, где развернул кампанию по сбору средств для республики. Его старые друзья в Америке стали свидетелями преобразования писателя, ранее не связанного никакими условиями. Во второй половине того же года Хемингуэй вернулся в Испанию.

Глава 56

Теологические последствия падения Бильбао. — Письмо епископов Басконии епископам всего мира. — Ответ епископа Витории. — Споры во Франции. — Преследование националистами баскских священнослужителей.

Падение Бильбао усилило накал и без того жарких споров о религиозной составляющей Гражданской войны в Испании. Республиканские настроения басков, которых даже самые горячие сторонники националистов считали «ярыми христианами в Испании», заставили всех католиков задуматься, кому и чему они верны. В начале весны два очень известных французских католика Франсуа Мориак и Жак Маритэн издали манифест в защиту басков¹. Разрушение Герники лишь усилило позиции тех, кого правая французская католическая пресса окрестила «Красные христиане». 15 мая в Риме два доминиканских монаха из Испании, брат Карро и брат Бертран

де Эредиа, выпустили памфлет, опровергающий идею, доминировавшую в «слишком большом количестве домов католиков», что в испанской Гражданской войне можно сохранять нейтралитет. Ибо это означало признание равных прав и для «убийц, предавших Бога и Отечество». Грех, как и преступление, не имеет никаких оправданий. Архиепископ Вестминстерский описал эту войну как «яростную битву между христианской цивилизацией и самыми жестокими язычниками, когда-либо осквернявшими мир». «Обсерваторе романо» привела цифру в 16 500 убитых монахов, епископов и священников, и папа официально объявил всех погибших священников мучениками. Тогда Клодель написал свою знаменитую оду «Испанским мученикам», строчки которой стали ответом на трактат одного из агентов националистов в Париже. 1 июля Маритэн ответил статьей во французской «Нэвель ревью Франсэз», в которой назвал тех, кто убивал бедных «христовых детей» во имя религии, такими же преступниками, как и те, кто из-за ненависти к религии убивал священников.

В тот же день, 1 июля, испанские иерархи во главе с кардиналом Гомой, архиепископом Толедо, предприняли необычный шаг, направив совместное письмо «Епископам всего мира»². В нем они объясняли, что не хотели «вооруженного плебисцита» в Испании, хотя тысячам христиан «пришлось на свою ответственность взять в руки оружие, дабы спасти основы религии». Они утверждали, что с 1931 года законодательная власть пыталась «изменить испанскую историю таким образом, который противоречил потребностям национального духа». Коминтерн вооружил «революционную милицию для захвата власти». Таким образом, Гражданская война имеет теологическое обоснование, оправдывающее ее³. Епископы припомнили замученных священников и успокоили себя тем, что когда их враги, «созвращенные дьявольскими доктринами, принимали смерть от руки закона», то в подавляющем большинстве обращались к Богу своих отцов. На Мальорке только два процента умерли не раскаявшись; в южных регионах таковых было не больше 20 процентов. В заключение епископы назвали движение националистов «большой семьей, которая принимает к себе всех граждан». Несмотря на это замечание (которое было бы более уместно в устах Хосе Антонио), они добавили, что «были бы первыми, которые выразят сожаление, если безответственная автократия парламента будет заменена еще более жестокой диктатурой, не имеющей корней в народе». И наконец, они оправдали (хотя в сдержанных выражениях, дабы не создалось впечатление, что они ищут компромисса) баскских священников, хотя те

не слушали «голоса церкви». Письмо это не подписали ни архиепископ Таррагоны (который, без сомнения, не был согласен с его идеями), ни архиепископ Витории⁴. Последний прелат, оказавшийся за пределами страны, возглавил баскских священников. Это неправда, утверждал он, что в националистской Испании существует свобода религии (даже немцы жаловались на преследования протестантов), неправда, что смертные приговоры выносились лишь после суда. Несмотря на его главенство среди других епископов, испанские иерархи обвинили перед папой баскских священников в том, что они действуют как политики и носят оружие. Те ответили, что никто из них не примыкал как священник к Баскской национальной партии и не брал в руки оружие. Но 28 августа Ватикан формально признал «бургосскую власть» — как ее называл британский Форин Офис — официальным правительством Испании. В столицу Кастилии прибыл папский нунций. Следовательно, теперь любой католик, вставший на сторону республики, или те, кто, как Маритэн, считал, что церковь должна соблюдать нейтралитет, могли считаться врагом.

Тем не менее во время всего испанского конфликта продолжали публиковаться памфлеты на эту тему, особенно во Франции. Мориак писал статьи в защиту республики. Моррас ответил в «Аксьон Франсэз», что единственный подлинный интернационал — это церковь. Бернанос опубликовал ужасающий отчет о репрессиях националистов на Мальорке. Ему ответил некий литератор правых взглядов. В Льеже исполняли молитву изгнанных испанских священников, обращенную к Богородице Пиларской: «К Тебе, о Мария, владычица мирская, мы всегда возвращаемся, мы, верные сыны Твоей возлюбленной Испании, теперь оклеветанные и очерненные преступным большевизмом, обездоленные еврейским марксизмом и опозоренные варварским коммунизмом. Со слезами на глазах мы молим Тебя прийти нам на помощь, поспособствовать конечному триумфу блистательных армий Освободителя и Завоевателя Испании, новому Пелайо, Каудильо! Слава Христу, Владыке нашему!»

В Америке баскские священники обращались за поддержкой главным образом к протестантам. Опрос американских католиков показал, что на стороне епископов стоят лишь четыре из десяти католиков. Америка придерживалась столь осторожной позиции, что даже предложение принять у себя какую-то часть баскских детей было отвергнуто. Власти посчитали, что это может быть сочтено нарушением политики нейтралитета. А тем временем в баскских провинциях нача-

лась кампания преследований. 278 священников и 125 монахов (включая 22 иезуита) были изгнаны из приходов, заключены в тюрьму, депортированы в другие районы Испании или даже казнены.

Примечания

¹ Этот документ также подписали Жорж Бидо, Клод Бурде и Морис Мерло-Понти.

² Оно было опубликовано в Лондоне католическим Обществом Истины. Вполне возможно, что его написали по предложению генерала Франко. Но текст был написан кардиналом Гомой, и оно циркулировало среди епископов для сбора подписей.

³ Брат Игнасио Менендес Рейгада добавил, что мятеж не только имел оправдание, «но и был долгом».

⁴ Епископ Ориуэлы был нездоров, и подпись под письмом поставил его представитель. Как можно предположить, рассказ, что епископ Овьедо специально уехал, дабы не ставить свою подпись, не соответствует действительности. Архиепископ Таррагоны, хотя и воздерживался от комментариев по поводу отношения испанской церкви к Гражданской войне, никогда публично не объявлял о своей позиции по этому вопросу. Тем не менее он не вернулся в Испанию и умер в изгнании в монастыре Шартрез под Цюрихом. На могиле его осталась лаконичная эпитафия: «Я умер в изгнании потому, что слишком любил свою страну».

Глава 57

Падение POUM. — Арест и убийство Нина.

В последние дни перед сдачей баскской столицы правительство республики занималось уничтожением POUM. При Негрине вся энергия коммунистов была направлена на преследование этой секты. Ее обвиняли в фашизме и в заговоре в пользу Франко.

Истина заключалась в том, что в апреле мадридская полиция, находившаяся под контролем коммунистов, выявила широкий заговор фалангистов. Один из заговорщиков, Кастилья, испугавшись угроз, стал двойным агентом. Он обратился к другому фалангисту, Гольфину, с провокационным предложением подготовить план военного мятежа, который должна поднять «пятая колонна». Гольфин это сделал и был задержан. Затем кто-то, скорее всего тот же Кастилья, написал письмо, якобы от Нина к Франко, в котором выражалась поддержка этого плана. Примерно в то же время был выявлен другой подлинный агент фалангистов Хосе Рока, хозяин не-

большого книжного магазина в Жероне. Он попал в поле зрения каталонских коммунистов, которых контролировал Эрнэ Герё. В задачи Роки входила передача посланий фалангисту Дальмау. Спустя какое-то время после роспуска POUM в магазин зашел некий хорошо одетый человек, передал деньги для Роки, письмо для Дальмау и спросил, может ли он оставить в магазине дня на три свой саквояж. Рока согласился. Почти сразу же явилась полиция с обыском. Естественно, они нашли саквояж, открыв который обнаружили папку с секретными документами, на которых, как ни странно, стояли печати военного комитета POUM.

Среди этих документов было и пресловутое письмо Нина к Франко. После находки саквояжа коммунисты начали дело против POUM. Конечно, все бумаги были подделаны!

К середине июня коммунисты укрепили свое положение настолько, что смогли перейти к последнему акту преследования POUM. Стоит отметить, что 12 июня в Москве за «заговор в пользу Германии» были расстреляны маршал Тухачевский и семь других крупных советских военачальников. Конец 1937-го и весь 1938 год в советском руководстве и армии шли аресты. И вряд ли Хесус Эрнандес удивился словам полковника Ортеги, коммуниста, генерального директора службы безопасности, что Орлов, шеф НКВД в Испании, отдал приказ об аресте всего руководства POUM. Эрнандес отправился к Орлову, который заявил, что кабинет министров не в курсе этого дела, поскольку министр внутренних дел Сугасагойтия и другие — друзья задержанных. Имеются убедительные доказательства, добавил Орлов, что POUM был вовлечен в шпионскую сеть фашистов. Эрнандес встретился с Диасом, который пришел в ярость. Вместе они явились в штаб-квартиру коммунистов, где произошла бурная ссора. Диас и Эрнандес обвинили иностранных «советников». Кодовилья спокойно предположил, что Диас заболел от перенапряжения на работе. Почему бы ему не взять отпуск и не отдохнуть? Тем временем в Барселоне по приказу Антонова-Овсеенко, советского генерального консула, была закрыта штаб-квартира POUM в отеле «Фалькон», который незамедлительно превратили в тюрьму. Сам POUM был объявлен вне закона, и сорок членов его центрального комитета арестованы. Андрес Нин содержался отдельно от остальных, но все его друзья оказались в казематах подземной тюрьмы в Мадриде. Все члены или сторонники POUM опасались ареста, поскольку уже была хорошо известна привычка сталинистов обвинять в предполагаемых преступлениях лидеров возможных сторонников подозреваемой партии. Коммунистические

газеты ежедневно выкрикивали обвинения в адрес членов РОУМ, которые сидели под арестом, но так и не предстали перед судом. Коммунисты объявляли, что вскрыты многочисленные свидетельства, которые являются неопровержимыми доказательствами вины РОУМ. Поползли слухи, что Андрес Нин убит в тюрьме.

Негрин послал за Эрнандесом и впрямую спросил его, где Нин. Эрнандес ответил, что ничего не знает. Негрин посетовал, что русские чувствуют себя в Барселоне как дома. Как отреагирует кабинет, когда сегодня днем, вне всяких сомнений, будет поднят вопрос об исчезновении Нина? Эрнандес пообещал расследовать эту историю. Кодовилья же заявил, что он знает о Нине. Его допрашивают. Тольятти сообщил, что в советском посольстве о Нине ничего не знают. Затем состоялось заседание кабинета министров. У дверей толпились журналисты. Всех волновал вопрос о Нине. Сугасагойтия осведомился, в какой мере советские технические помощники ограничивают его юрисдикцию как министра внутренних дел. Прието, Ирухо и Гинер де лос Риос поддержали этот протест. Эрнандес и Урибе продолжали утверждать, что им ничего не известно о Нине. Но никто этому не поверил, поскольку не мог допустить, что в среде коммунистов есть свои секреты. Негрин прекратил дискуссию, предложив собрать все факты.

Если бы у них была возможность покупать и доставлять оружие из Америки, Англии или Франции, социалисты и республиканцы, члены испанского правительства, не зависели бы от Сталина. Но жесткое следование политике невмешательства со стороны английского, французского и американского правительств означало, что союз между республикой и СССР продолжал оставаться нерушимым.

И в Испании и за границей развернулась широкая кампания под девизом: «Куда дели Нина?» Негрин попросил коммунистическую партию положить конец этой неприглядной истории. Испанские коммунисты, которые, отвечая на эти вопросы, были не в лучшем положении, чем те, кто их задавал, отвечали, что Нин, вне всяких сомнений, в Берлине или Саламанке. На самом же деле он сидел в тюрьме Орлова в бывшем кафедральном соборе полуразрушенного города Алькала-де-Энарес, где родились Сервантес и Асанья и который в течение столетий был центром испанской науки. Нин подвергался чисто советским допросам, в ходе которых его обвиняли в измене и предательстве. Его стойкость перед этими методами поистине была потрясающей. Он не подписал ни одного документа, в котором признавал бы свою вину и вину

своих друзей. Орлов был вне себя. Что ему оставалось делать? Его репутация как следователя, верного Сталину, висела на волоске. Он и сам смертельно боялся Ежова, главы НКВД, хотя тот однажды выступил в его защиту². Наконец Витторио Видали предложил инсценировать «нападение нацистов» с целью освободить Нина. И как-то темной ночью группа немецких членов интербригады напала на здание в Алькале, где содержали Нина. Во время инсценированного нападения они подчеркнuto говорили только по-немецки и оставили после себя несколько немецких железнодорожных билетов. Нин был увезен в закрытом фургоне и убит. Отказ Нина признать свою вину спас жизни его друзей. Сталин и Ежов планировали организовать в Испании процесс по московским образцам, в ходе которого подсудимые стали бы сыпать признаниями. Им пришлось отказаться от своих замыслов³.

Но к тому времени начали пропадать и все те советские руководители, которые прибыли в Испанию в опасные и волнующие дни сентября и октября 1936 года. Антонов-Овсеенко, Сташевский, Берзин, Кольцов, даже посол Гайкин — исчезли не только из Испании, но и из истории. Много других русских, которые тайно пребывали в Испании, тоже покинули ее. Какие страшные ожидания, должно быть, преполняли их, когда они плыли через Средиземное море и пересекали на поезде Украину! И до чего ужаснее оказалась ожидавшая их реальность! Почему их убили? Скорее всего, отчасти потому, что возражали против политики Сталина по отношению к испанцам, с которыми они так тесно сотрудились⁴.

Примечания

¹ Обо всем этом Гольфин и Рока рассказали лидерам POUM, когда встретились в тюрьме. Провокатору Кастилье было разрешено сбежать, и с некоторой суммой денег он оказался во Франции. Витторио Сала, основной агент каталонской полиции, работавший на Герё, когда-то был членом POUM, но потом порвал с коммунистами, которых обвинил в жестоких преступлениях. Все эти документы были опубликованы в антипоумовском трактате «Шпионаж в Испании», написанном якобы Марком Рейсером (псевдоним коминтерновского отдела пропаганды).

² Он сам рассказал об этом в мемуарах, в которых тем не менее ни словом не упомянул о Нине или о POUM. Возможно, что его мемуары были подделкой.

³ Уничтожение POUM сопровождалось арестами генералов, связанных с Ларго Кабальеро: Асенсио, Мартинеса Монхе, Мартинеса Кабреры.

⁴ Кольцов оставался в живых до конца чисток и был расстрелян лишь в конце 1938 года.

Германия и Италия возвращаются к политике невмешательства. — Англо-германское сближение. — Инцидент с «Лейпцигом». — Негрин отправляется в Париж. — Иден и Дельбос латают политику невмешательства. — Гитлер в Вюрцбурге.

Иден и Дельбос добились возвращения Германии и Италии к политике невмешательства и к участию в морском патрулировании. К двум воюющим сторонам была обращена официальная просьба воздержаться от нападения на военные корабли, а также выделить зоны безопасности для заправки патрульных судов. Нарушения этого соглашения будут расследоваться всеми четырьмя сторонами морского патруля. В случае нападения разрешено обороняться, но не нападать. За это время каждая страна могла определить степень своей свободы действий. Тем не менее Испанская республика осудила всю систему контроля, ибо она ставила республиканцев на одну доску с националистами и потребовала предоставить ей право вести «законные военные действия», такие, как, например, налет на Пальму — но без «альмерийского инцидента». Россия, опасаясь, что все единым фронтом выступят против нее, объявила, что в морском патрулировании должны участвовать все страны Комитета по невмешательству. Чиано, внезапно заподозрив Германию в сближении с Англией, пожаловался Берлину (как сделал и Риббентроп из Лондона), что ему лишь в последний момент сообщили о готовящемся визите Нейрата в Англию. Муссолини гордо заявил Хасселю, что Британия все еще недооценивает его. Если между ним и Англией разразится война, то леопард (Италия), может, и будет повержен, но лев (Англия) получит серьезные раны.

Теперь Италия решительно отказалась от сдержанного отношения к ее участию в интервенции в Испании. В Риме начали открыто публиковаться списки потерь и количество воюющих в Испании. 4 июня «Пополо д'Италия» объявила, что «придет день, когда с событий в Испании будет снят покров. И мир ясно увидит, что легионеры фашизма вписали в историю новую славную страницу». Но упоминание об участии немецких войск в испанских событиях считалось преступлением. Если те, кто служил в Испании, проговаривались об этом, для них это оборачивалось серьезными последствиями.

Едва только немцы вместе с итальянцами согласились вернуться к политике невмешательства, как капитан немецкого патрульного судна «Лейпциг» сообщил, что около Орана по его кораблю были выпущены три торпеды. В цель они не попали.

Затем 18 июня состоялась новая торпедная атака. Капитан предположил, что или торпеда лишь скользнула вдоль борта судна, или крейсер столкнулся с подводной лодкой. Гитлер услышал эти новости, когда был в плохом настроении. Он только что вернулся с поминальной службы по тридцати двум морякам, погибшим на «Германии». Первым делом он потребовал, чтобы Нейрат отменил предполагавшийся визит в Лондон, и изъявил желание, чтобы все эскадры морского патрулирования выразили протест против этого нападения. Республика отказалась взять на себя ответственность за инцидент с «Лейпцигом». Прието предложил предоставить Идену все формальные права для расследования этого случая. Иден, который был склонен принять немецкую версию истории с «Германией», согласился принять и возражения Прието, и его предложение. Но Германия и Италия отказались от расследования. Иден, как сообщил Аскарате в Валенсию, «не мог скрыть стыда и отвращения из-за поведения Германии»¹. Тем не менее Комитет по невмешательству так и не пришел к согласованному решению. Германия и Италия формально вышли из состава сил морского патрулирования, хотя остались в Комитете.

Негрин и Хираль, его министр иностранных дел, в эти дни посетили Париж. Блюм недавно потерпел поражение, и в кресле премьера его сменил Шотан, радикал-социалист. Блюм же занял пост вице-премьера, а Дельбос остался министром иностранных дел. Оба испанца приложили немало усилий, чтобы убедить новое правительство Франции покончить с невмешательством. Дело в том, что в последнее время советская помощь республиканцам значительно сократилась — во-первых, из-за эффективной блокады националистов в Средиземном море, во-вторых, потому, что Франция продолжала держать свою границу закрытой, а в-третьих, в начале июля разразилась война между Японией и Китаем, в которой Сталин решил оказать помощь плохо экипированным китайцам. Скорее всего, Негрин надеялся, что, закупая оружие у демократических стран, он сможет как-то избавиться от зависимости от Советского Союза и коммунистов.

Положение республиканцев заметно ухудшилось, когда Португалия заявила, что выходит из всех систем контроля, пока не будет восстановлено морское патрулирование. После того как Германия и Италия отказались в нем участвовать, патрулирование продолжали нести Англия и Франция, имея на борту своих кораблей нейтральных наблюдателей. Гранди и Риббентроп выдвинули обвинение, что в таком случае патрулирование носит лишь частичный характер. Они предложили, пока не будет в полной мере установлен наземный контроль, предоставить обе-

им воюющим сторонам право остановки и обыска других кораблей в открытом море. Это станет заменой морского патрулирования. Такое предложение конечно же было на руку националистам. Поскольку для Франции оно оказалось неприемлемым, Шотан и Дельбос решили последовать примеру Португалии и отказаться от пограничного контроля. Негрин и Хираль предупредили, что это далеко не лучшее решение, дабы окончательно покончить с невмешательством. Но решимость Франции соглашаться с Англией все вопросы внешней политики и тут одержала верх. Все французские министры понимали, что любой конфликт с Англией по вопросу открытых границ откровенно поможет Италии. Самым трагическим актером в этой драме оставался Леон Блюм. «Я этого не переживу», — бормотал он своим друзьям по Второму Интернационалу, таким, как Ненни или де Брукер. Он чувствовал угрызения совести из-за той политики, которую ему приходилось поддерживать всю жизнь. А тем временем националисты послали ноты всем иностранным государствам, угрожая, что если они (например, Англия и Франция) не согласятся предоставить им права воюющих сторон, то «пусть не удивляются», если в дальнейшем Испания станет экономически закрыта для них.

По сути дела, английское и французское правительства попытались еще раз заштопать расплывающуюся ткань политики невмешательства. Считалось, что система контроля, несмотря на уход Германии и Италии из морского патрулирования, работает удовлетворительно. Но тем не менее было подсчитано, что начиная с апреля и до конца июля избежали досмотра сорок два корабля. Не были перекрыты и воздушные пути сообщения. Контрольные службы не могли предотвратить доставку военных товаров на судах под испанским флагом или флагами неевропейских стран. Так что немецкое, итальянское и советское военное снаряжение продолжало поступать в Испанию. Долг испанских националистов Германии составлял теперь уже 150 миллионов рейхсмарок. Какую цель он преследовал? Гитлер совершенно откровенно объявил в своей речи в Вюрцбурге 27 июня, что поддерживает Франко лишь для того, чтобы получить доступ к испанским залежам железной руды¹.

Примечания

¹ 25 июня во время дебатов по иностранным делам в палате общин Невилл Чемберлен, произнося свою первую речь в роли премьер-министра, описал поведение Германии в деле с «Лейпцигом» как проявление «уровня сдержанности, которое мы должны признать».

Говоря о невмешательстве, он отметил, что «каждая сторона отрезана теперь от поставок материалов, в которых она испытывает насущную необходимость». Это было неправдой. Националисты практически получали все, что им было нужно. Один из сторонников Чемберлена, сэр А. Сотби, сопроводил его речь замечанием: «Я думаю, Германия искренна в своем стремлении добиться мира», от которого мистера Ллойд-Джорджа чуть не хватил удар.

² В 1937 году Германия импортировала из Испании 1 620 000 тонн металла, 956 000 тонн пиритов, 2000 тонн других минералов. За один лишь декабрь она получила 265 000 тонн железной руды и 550 000 — пиритов. В конце 1937 года ежемесячная стоимость немецкого импорта из Испании составляла 10 миллионов рейхсмарок. Тем временем 21 июня состоялась одна из периодических встреч руководства Второго (социалистического) и Третьего (коммунистического) интернационалов, на этот раз в Аннемассе под Женевой. Социалистов представляли Луис де Брукер и Фриц Адлер, а коммунистов — Марсель Кашен, Луиджи Лонго, Франц Далем, Педро Чека и Флоримонд Бонте. Они потребовали положить конец политике невмешательства и выразили неодобрение в адрес французских социалистов (на самом деле коммунистов), которые продолжали поддерживать правительство, являющееся одним из основных проводников этой политики.

Глава 59

Сражение при Брунете. — Республиканская армия. — 15-я интернациональная бригада. — Наступление. — Наступление отставилось. — Смерть Натана. — Безвыходное положение в Лондоне. — Компромиссный план контроля Плимута. — Германо-испанское экономическое соглашение. — Контрнаступление националистов в Брунете. — Конец сражения. — Потери республиканцев. — Неподчинение в интернациональной бригаде.

Окончательно завершив захват провинций Басконии, генерал Франко сделал передышку перед тем, как двинуться на Сантандер, второй центр республиканцев на севере страны. Республиканская армия наконец предприняла наступление, о котором долго шли дискуссии. В соответствии с предложением коммунистов оно имело целью взятие Брунете. Были подняты два армейских корпуса под общим командованием Мьяхи — 5-й армейский корпус коммуниста Модесто и 18-й армейский корпус под началом республиканца полковника Хурадо. Первый включал в себя 11-ю дивизию Листера, 46-ю Эль Кампесино и 35-ю Вальтера, в состав которой входила 11-я интербригада. Корпус Хурадо имел в своем распоряжении 15-ю дивизию Гала (13-я и 15-я интербригады). В резерве оставались Клебер, который, вернувшись из Валенсии, принял под свое начало 45-ю дивизию, и бывший музыкант Дуран с 69-й дивизией. Эта ар-

мейская группировка составила 50 000 человек. Ее поддерживали 150 самолетов, 128 танков и 136 стволов артиллерии. Цель наступления заключалась в выходе к деревушке Брунете, лежащей к северу от дороги Эскориал—Мадрид, с тем чтобы отбросить силы, осаждающие Мадрид с запада.

Ударным соединением в наступлении должна была стать 15-я интербригада, по-прежнему возглавляемая хорватским коммунистом Чопичем. Она состояла из шести батальонов, сгруппированных в два полка. Одним из них командовал Джордж Натан, а другим — майор Чапаев, венгр, который взял себе столь популярный псевдоним. Натан имел под своей командой Британский батальон, батальоны Абрахама Линкольна и Джорджа Вашингтона; Чапаев же командовал франко-бельгийским батальоном и Батальоном Димитрова, а также одним чисто испанским батальоном. Британский батальон тогда возглавлял Фред Коупмен, бывший моряк, вождем так называемого военно-морского мятежа на HMS¹ «Резолюция» в Инвергордоне². Батальоном Линкольна командовал Мерримэн, а Оливер Лоу, негр, — Батальоном Вашингтона³.

Хотя подробности наступления при Брунете вот уже три месяца обсуждались военными в республике, оно все же застало националистов врасплох. Передовую линию, которая должна

Карта 24. Сражение у Брунете

была принята на себя основной удар, держали истощенные подразделения 71-й дивизии, главным образом фалангисты и примерно 1000 марокканцев. Перед наступлением республиканские части посетили Прието и Пассионария, поднявшие боевой дух бойцов, а на рассвете 6 июля 11-я дивизия Листера после артиллерийской и авиационной подготовки пошла в атаку. Тактика Листера напоминала ту, к которой прибегли националисты у Бильбао. За несколько часов он продвинулся на десять километров и окружил Брунете. Националисты немедленно бросили в прорыв подкрепление⁴. Командиром назначили Варелу, который расположил свой командный пункт на старом поле битвы предыдущей зимы, в Боадилье. С Гвадалахары были переброшены 12-я дивизия Асенсио, 13-я Баррона и 150-я Сайнса де Бураги. С севера подтянулись легион «Кондор» и тяжелая артиллерия. Свежее подкрепление подошло к полудню. К тому времени Брунете уже было в руках Листера. Гарнизон соседней деревни Кихорны продолжал сопротивляться яростным атакам Эль Кампесино. Деревни Вильянуэва-де-ла-Каньяда, Вильянуэва-дель-Пардильо и Вильянуэва-дель-Кастильо с трудом держались под натиском 15-й бригады. Хотя первую из них на другой день занял Британский батальон, наступление замедлилось из-за царящего хаоса. Бригада за бригадой прорывались сквозь небольшую брешь в обороне националистов и смешивались друг с другом. Известный политический подтекст наступления вынуждал республиканских офицеров-некоммунистов ворчать по поводу хода сражения. Восемьдесят танков безуспешно попытались атаковать с фланга Вильяфранку. В полночь после первого дня наступления Варела сообщил Франко, что линия фронта восстановлена. Через сутки на позиции националистов прибыло подкрепление — тридцать один батальон и девять батарей. На выжженной летней жарой кастильской равнине развернулось кровопролитное сражение.

8 июля Эль Кампесино, которому все время втолковывали, что его часть — самая лучшая в республиканской армии и поэтому должна показывать пример другим, вышла на окраину Кихорны. На следующий день деревня пала. Вильянуэва-дель-Пардильо и Вильяфранка-дель-Кастильо были взяты ранним утром 11 июля. Но Асенсио продолжал оборонять Боадилью, подвергавшуюся постоянным атакам. К 13 июля наступление на Брунете было завершено, и впредь республиканцам оставалось лишь защищать завоеванные ими позиции. 15 июля после очередного отчаянного боя у Боадильи поступил приказ окапываться. Республиканцы заняли выступ примерно в двенадцать километров в глубину и пятнадцать в ширину. Листер стоял в трех километрах к югу от Брунете на дороге к Навалькарnero. В Британ-

ском батальоне Коупмен получил ранение и его место временно занял Джо Хинкс. В конце этого сражения погиб отважный английский майор Джордж Натан. В первой половине дня он со своим неизменным стеком с золотым набалдашником лично повел в атаку дрогнувший испанский батальон и был смертельно ранен осколком снаряда. В последний момент Натан приказал всем, собравшимся вокруг него проводить его песней в последний путь. В сумерках он был погребен в грубо сколоченном гробу под оливковым деревом на берегу Гвадаррамы. Надгробное слово произнес комиссар бригады Джордж Эйткен. Гал и Джок Каннингхэм, два суровых человека, ревновавших Натана, слушали его со слезами на глазах.

В битве у Брунете наступила трехдневная пауза. В Лондоне комитет по невмешательству продолжал пребывать в тупике. 9 июля голландский посол предложил Англии смириться с противной точкой зрения. Посоветовавшись с кабинетом, Плимут принял это предложение. 14 июля он представил комитету британский «компромиссный план контроля за невмешательством». Морской патруль должен быть заменен наблюдателями в испанских портах. Кроме того, наблюдатели будут и на кораблях. Надо восстановить и наземную систему контроля. Права воюющих сторон на море будут обеспечены отзывом добровольцев. Германия приняла план как «основу для дискуссии». Дельбос, с которым не посоветовались, разгневался. Британия, посетовал он, сейчас зависла на полпути между Францией и Италией вместо того, чтобы напрямую сотрудничать с Францией⁵. Асанья появился из своего величественного затворничества в Монтсеррате, чтобы отвергнуть план, который он считал прямой помощью Франко. Право воюющей стороны пойдет только на пользу Франко, а частичный отзыв добровольцев позволит ему избавиться от совершенно небоеспособных итальянцев, в то время как республике придется расстаться с бесценными членами интербригад. Но обсуждение этого плана так и не началось — националисты пошли в контрнаступление у Брунете.

18 июля⁶ Сайнс де Бурауга атаковал на левом фланге, Асенсио на правом, а Баррон нанес удар в самом центре. Бой шел с предельным ожесточением до 22 июля. За это время Сайнс де Бурауга и Асенсио заняли две высоты на обоих флангах линии фронта.

Тем временем в Лондоне Гранди начал не без успеха хоронить английский план контроля. Он потребовал, чтобы все его пункты обсуждались по порядку, один за другим. Первым делом, еще до вопроса о волонтерах, следует обсудить права воюющих сторон. Майский же настаивал прежде всего поставить

в порядок дня вопрос о добровольцах. В Форин Офис снова возник тупик, 26 июля Британия запросила точку зрения других правительств относительно наброска этого плана. Леже заявил в Париже, что «англичане готовы согласиться с чем угодно, лишь бы дело сдвинулось с мертвой точки». Последним унижением стал составленный Гранди вопросник, который, как он сказал, проясняет поставленные англичанами вопросы лучше, чем сам их документ. Трудно в это поверить, но Плимут с ним согласился.

В Кастилии же 24 июля Асенсио и Сайнсу де Бурауге удалось наконец на обоих флангах прорвать фронт республиканцев. Баррон пробился через центр и взял Брунете, кроме его кладбища, на котором Листер держался до утра 25 июля. Затем он отступил. Варела хотел преследовать республиканцев вплоть до Мадрида. Но Франко остановил его, напомнив о первоочередной задаче — взятии Сантандера. Республика удержала за собой Кихорну, Вильянуэву-де-ла-Каньяду и Вильянуэву-дель-Пардильо — но это обошлось ей в 25 000 убитых и примерно в 100 сбитых самолетов. Националисты потеряли 23 машины и около 10 000 человек.

Сражение может быть оценено примерно так же, как бои на Хараме, у Гвадалахары и на дороге на Ла-Корунью. Обе стороны сообщили о своей победе. Наступавшие — в данном случае республиканцы — углубились на пять километров по фронту шириной в пятнадцать километров. Но целей своих не достигли. На деле армия республики потеряла так много ценного снаряжения и столько опытных бойцов-ветеранов, что битву у Брунете можно смело считать ее поражением. Она ударила и по коммунистам, которые настаивали на этой военной операции.

При Брунете интернациональные бригады понесли очень тяжелые потери. Батальоны Линкольна и Вашингтона потеряли столько бойцов, что их пришлось слить в один. Среди павших американцев был и Оливер Лоу, чернокожий командир Батальона Линкольна. Особенно много погибло еврейских бойцов из американских батальонов. Во время этой кампании в бригадах отмечались случаи неподчинения. Капитан Алокка, командовавший кавалерийским подразделением, дезертировал перед лицом врага и направился к французской границе. Позже, вернувшись в Мадрид, он был расстрелян за трусость. Британский батальон, в котором осталось всего восемьдесят человек, тоже с недовольством вернулся на поле боя. Комиссар Эйткен и Клаус (начальник штаба, который принял командование бригадой после ранения Чопича) вступили в спор с Галом и Хурадо, командиром корпуса, и в ко-

нечном итоге настояли на своем. Но 13-я бригада, состоявшая главным образом из поляков и славян, решительно отказалась возвращаться. Ее командир, полковник Криггер, бывший депутат итальянского парламента от коммунистов Триеста, с целью добиться подчинения выхватил револьвер и направил его на одного из мятежников. «Я все равно не вернусь на фронт», — ответил тот. «Хорошенько подумай, что ты делаешь», — настаивал на своем полковник. «Я подумал». — «В последний раз!» — «Нет». Полковник застрелил его. Последовал взрыв возмущения, и Криггер едва избежал самосуда. Мятежники смирились только после появления гвардейцев с танками. В дальнейшем состав бригады был тщательно пересмотрен и «переобучен».

Позже военные теоретики яростно спорили о тактическом значении использования танков в битве при Брунете. Так, например, чех Микше, командовавший артиллерийской группой на стороне республиканцев, вспоминал в своей книге «Блицкриг», что танки республиканцев не добились успеха потому, что, в соответствии с французской теорией, они растянулись по фронту, поддерживая действия пехоты. Варела же, по настоянию Германа фон Тома собрав все танки в кулак, определил направление удара и целый день удерживал оборону⁷.

Как раз в эти дни немцам, частично из-за кризисного положения на фронте, удалось заключить с националистами несколько экономических соглашений. В документе, 12 июля подписанном Фаупелем и Хорданой, испанцы обещали, что заключат с немцами первое всеобъемлющее торговое соглашение, позволяющее последним вести торговые переговоры и с другими странами, а также предоставят Германии режим наибольшего благоприятствования. Оно было дополнено декларацией от 15 июля, по которой обе страны обязывались оказывать друг другу максимальное содействие в обмене сырьем, продовольствием и промышленными товарами. 16 июля Испания согласилась выплачивать свои долги за военное снаряжение в рейхсмарках на условиях четырех ежегодных процентов. В виде гарантии выплаты долга Германия будет получать сырье. А сама она примет участие в восстановлении и развитии Испании.

Эти хорошие отношения контрастировали с теми, которые у националистов сложились с итальянцами. Итальянские командиры предпочитали использовать свои войска в ложных маневрах, победы в которых они могли преподносить как «величайший триумф». Как утверждают, Данци, руководитель итальянских фашистов в Испании, получал 240 000 песет в месяц на пропаганду в пользу легионеров. По словам Фаупе-

ля, в действительности же все знали, что исход битвы при Бильбао решили немецкие летчики и зенитные батареи, а не итальянские части. Недавно Франко сам оценил историю итальянских войск в Испании как «трагедию».

Примечания

¹ HMS — Her (His) Majesty Ship, корабль ВМС Великобритании; аббревиатура ставится перед названием корабля. (*Примеч. пер.*)

² По его собственному высказыванию, Коупмен не был коммунистом и вступил в партию, лишь покинув Испанию. Тем не менее он никогда не был особенно близок с партией, что, впрочем, не имело значения. Главное, что командир Британского батальона лишь формально подчинялся руководству партии и это позволяло ей отрицать положение, согласно которому интербригады считались отрядами Коминтерна.

³ Английский «Чапаев» (Каннингхэм) после ранения служил в штабе бригады.

⁴ Среди них не было ирландцев «генерала» О'Даффи, которые в соответствии с условиями контракта в мае отбыли из Испании. Из них осталось лишь девять человек, которые в составе легиона участвовали в других боях.

⁵ Это замечание было брошено во время ленча, на котором присутствовали новый английский посол в Париже Фиппс и Буллит.

⁶ В этот день разрывом бомбы был убит Джулиан Белл, племянник Вирджинии Вулф, сидевший за рулем санитарной машины английского медицинского отряда. Он пробыл в Испании всего месяц. Им руководила искренняя симпатия к республике, а также желание обрести «полезный военный опыт, который пригодится в будущем — и для престижа в литературе, более того — для участия в левой политике».

⁷ Споры об использовании танков берут начало от битвы при Камбре на Западном фронте в 1917 году.

Глава 60

Закат политики невмешательства. — Итальянские подлодки начинают действовать. — Сантандерская кампания. — Баски Сантоны. — Бесчестье итальянцев.

Битва у Брунете завершилась в тот момент, когда великие европейские державы практически отказались от политики невмешательства. На публике немцы и итальянцы могли объявлять, что они хотят гарантировать права обеих воюющих сторон и начать отвод добровольцев, а в частном порядке Чиано жаловался Хасселю, что итальянцы готовы к боевым действиям в Испании, а их там не используют. Советский же Союз возражал даже против разговоров о правах воюющих

сторон, пока не будет окончательно завершён вывод волонтеров. В это время Дельбос обдумывал предложение Рузвельта и папы о посредничестве в Испании. Тем не менее он дал понять, что французская армия готова атаковать Сардинию и Марокко, если итальянская помощь будет продолжаться. «Франция, — сказал он, — не позволит Италии контролировать Испанию». Смело сказано! Главная же цель английской дипломатии при Невилле Чемберлене, новом премьер-министре, заключалась в установлении дружбы с Италией.

При Чемберлене британское правительство стало искать способы умиротворения Гитлера и Муссолини куда более активно, чем при Болдуине. Смена акцентов, но не политики выразилась в оливковой ветке мира в виде частного письма, предлагавшего «поговорить». Его отправил Чемберлен Муссолини 29 июля¹. Для Чемберлена Испания была досадным осложнением, которое стоит по возможности скорее забыть. В данный момент это было вряд ли возможно. Даже Иден сказал Дельбосу, что он надеется на победу Франко, после чего, как он думает, ему наконец удастся добиться соглашения о выводе немецких и итальянских войск². 6 августа Майский задал Комитету по невмешательству прямой вопрос: согласны ли Германия и Италия на отвод добровольцев с обеих сторон в Испании? Полученный им ответ был расплывчат и неопределен. В августе Комитет по невмешательству собирался всего один раз, 27 августа. В ходе встречи было принято решение по морскому патрулированию. Посчитали, что оно не оправдывает расходы и, следовательно, имеет смысл взять на вооружение английскую идею о наблюдателях в портах.

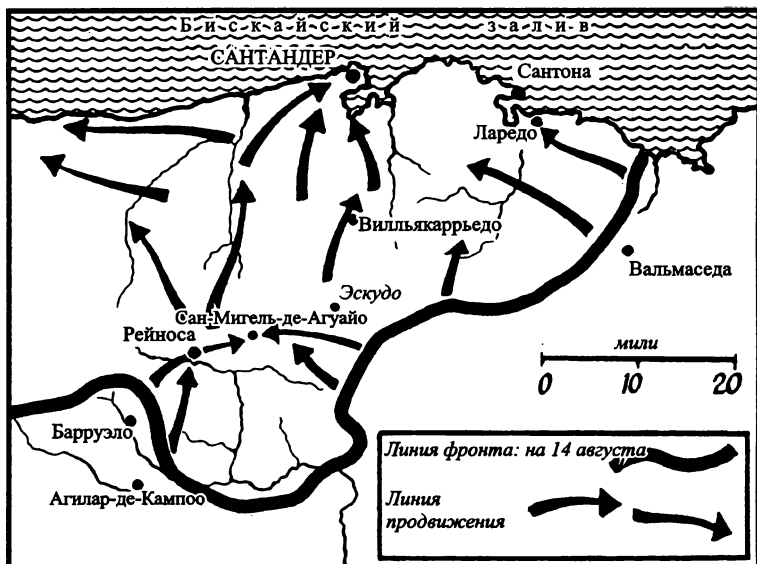
Тем не менее Испанию продолжали сотрясать все новые тревоги. Преувеличенные слухи о размахе советской помощи Испании вынудили Франко послать своего брата Николаса в Рим с просьбой начать военные действия против советских и других судов в Средиземном море. Муссолини согласился. Он пустит в ход не надводные корабли, а субмарины, «которые, поднявшись на поверхность, будут действовать под испанским флагом». В результате то ли из-за плохого управления, то ли из-за знания, что советские поставки осуществляются и под флагами других стран, много судов Англии, Франции и других нейтральных стран подвергались атакам итальянских подлодок и самолетов в Средиземном море, действовавших с Мальорки. 6 августа недалеко от Алжира были обстреляны английские и французские торговые суда. 7 августа такая же судьба постигла греческий корабль. 11-го, 13-го и 15-го были торпедированы корабли республики, 12-го — потоплено голландское судно. В лондонском Фортин Офис это вызвало очередное беспокойство.

Тем временем националисты начали натупление на Сантандер. Армию Севера продолжал возглавлять Давила. Итальянцы генерала Бастико были собраны в дивизиях «Литториа», «23 марта» и «Черное пламя». К передовой подтянули и шесть наваррских бригад генерала Сольчаги плюс 30 батальонов добровольцев из Кастилии, полных желанием отвоевать единственный кастильский порт. Всего Армия Севера включала в себя 106 батальонов. Поддержку им оказывали 63 батареи и легион «Кондор». До начала этой кампании Франко перенес свою штаб-квартиру из Саламанки в Бургос.

Три дивизии 15-го армейского корпуса республики под командой генерала Гамира Улибарри составляли ядро обороны Сантандера. В него входила дивизия басков и астурийцев. Эти силы подкрепляли 50 батарей, 33 истребителя и бомбардировщика и 11 самолетов-разведчиков. Всего республиканские части насчитывали примерно 50 000 человек. Тем не менее голые цифры не дают полного представления о диспропорции сил. Если не считать 18 советских истребителей, то авиация Сантандера была тихоходной и старой. А воздушную поддержку националистам оказывали последние немецкие модели самолетов, в ходе которой проверялась их эффективность. То же можно сказать и об артиллерии.

Кампания началась 14 августа. Передовые линии тянулись через Кантабрийские горы, господствующие высоты которых удерживали силы республики. Поле, на котором разворачивались военные действия, поражало своей дикой красотой.

Воздушные бомбардировки потрясли республиканцев. В самый первый день штурма фронт на юге был прорван. Наваррские бригады вышли к подножию Кантабрийских гор. 16 августа они захватили Рейносу с ее оружейным заводом. Затем, сопровождаемые мощной поддержкой артиллерии, танков и авиации, 18 августа итальянские «Черные стрелы» прорвали фронт у моря. Дивизия «23 марта», наступавшая в центре, захватила важный перевал Эскудо. Фронт перестал существовать. Армия Сантандера неуклонно отступала перед натиском превосходящих сил противника. Баски дрались за Сантандер куда отчаяннее, чем его жители за Бильбао, но и они не могли сдержать врага. В самом Сантандере были закрыты все коммерческие и промышленные предприятия, а их рабочих бросили на строительство укреплений. Снова улицы испанского города заполнились коровами, домашними животными и убогими пожитками крестьян, убежавших от войны, бушевавшей у их домов. Баскскому правительству в эмиграции пришлось опять заняться эвакуацией. Многие баски отказывались дальше сражаться, готовясь к бегству. 22 августа состо-

Карта 25. Сантандерская кампания

ялась встреча военных и политических лидеров с участием басков. Солдаты, как водится, были куда мрачнее штатских. Из Валенсии шли приказы отступать в Астурию. На следующий день основная масса баскских сил отошла к порту Сантонья, в тридцати километрах к востоку. Оказавшись так далеко от родины, они не испытывали желания дальше сражаться. Но к сумеркам выяснилось, что приказы правительства в любом случае выполнить невозможно, так как дорога на Астурию уже была перерезана. В самом Сантандере разразился мятеж, поднятый членами «пятой колонны». Тысячи его жителей в лодках и шлюпках, какие только могли найти, пытались добраться до Франции или Астурии, предпочитая плен встрече с суровым Бискайским заливом. Многие утонули. Гамир Улибарри, Агирре, Лейсаола и другие руководители успешно перелетели во Францию.

Хуан де Аксурьягерра, который после того, как Агирре занял пост премьера, стал лидером Баскской националистической партии, прибыл из Сантоньи, чтобы обсудить условия сдачи басков. Он предпочел обратиться к итальянскому командованию, у которого баски чувствовали себя в большей безопасности, чем у Франко. Соглашение было достигнуто. Баски

капитулируют, сдают оружие итальянцам и соблюдают порядок в тех районах, которые они еще удерживают. Всем баскским бойцам итальянцы гарантировали жизнь. В дальнейшем их не будут принуждать принимать участие в войне на стороне националистов. Баскские политики и гражданские служащие получают право свободно отбыть за границу. Кроме того, итальянцы дали заверения, что баскский народ не будет подвергаться преследованиям. Тем временем армия Давилы вошла в Сантандер. Итальянцы заняли Сантонью, где полковник Фагози возглавил гражданскую администрацию. Теперь баски ждали, что итальянцы исполнят свою часть соглашения о перемирии. В порту Сантоньи стояли английские корабли, готовые принять на борт беженцев во Францию. Но не последовало никаких указаний начать погрузку. Лишь 27 августа французский капитан Жорж Дюпюи и Коста-и-Сильва, наблюдатель из Латинской Америки за политикой невмешательства, получили разрешение принять на борт всех обладателей баскских паспортов. Таким образом, погрузка началась. Но к десяти утра итальянские солдаты окружили корабли и ждущих у трапа басков цепью охраны с пулеметами. Полковник Фагози сообщил Дюпюи и Сильве о приказе Франко никого не выпустить из Сантоньи, будь он баск или иностранец. Всем баскам, которые уже поднялись на борт, было приказано сойти на берег. Пятеро фалангистов тщательно обыскали корабли. На рассвете следующего дня, 28 августа, Дюпюи увидел, как тех, кто столь короткое время был его пассажиром, гонят по дороге в Сантандер. Итальянский полковник Фарина открыто выразил недовольство поведением своего начальства, откровенно нарушившим слово чести. «Корабли надежды» подняли якоря. Несколько басков смогли спрятаться в машинном отделении. Оставшиеся на берегу стали пленниками националистов. Потом последовали общие процессы и казни.

МуССолини принес свои поздравления командованию итальянских частей. Текст этого документа с именами тех, к кому он был обращен, был опубликован в итальянских газетах 27 августа. Чиано дал указание Бастико сохранить «орудия и знамена, захваченные у басков». В своем дневнике он записал: «Я завидую французскому Музею инвалидов и Военному музею в Германии. Флаг, захваченный у врага, — добавил этот соотечественник Леонардо, — стоит больше, чем любая картина». На следующий день он написал: «Настал момент терроризировать врага. Я отдал приказ бомбить Валенсию».

Тем временем немцы в Испании поссорились. Генерал Шперрле, командир легиона «Кондор», и посол Фаупель не-

навидели друг друга. Шперрле даже отказался встретиться с Фаупелем, когда тот попросил генерала прибыть к нему в Сан-Себастьян. Кроме того, Шперрле публично критиковал монополию HISMA, побуждая испанцев следовать его примеру. Идя навстречу Шперрле, Франко попросил сменить Фаупеля, частично из-за его отношений с фалангой, но главным образом в силу трудновыносимого высокомерия Фаупеля.

Примечания

¹ Письмо это было написано без консультаций с Иденом в Форин Офис.

² Без сомнения, Иден не ко времени обмолвился об этом, ибо имеются свидетельства, что в это время министр иностранных дел отчаянно старался понять, кто же победит в Гражданской войне.

Глава 61

Наступление в Арагоне. — Республиканская армия. — Бельчите. — «Неизвестные подводные лодки». — Конференция в Нионе. — Испания в Лиге Наций. — Италия признает Нионские соглашения. — Муссолини упал духом. — Конец арагонского наступления. — Астурийская кампания. — Падение Хихона и завершение войны на севере.

Новость о падении Сантандера генерал Франко получил, когда наблюдал начало еще одного отвлекающего наступления республиканцев, на этот раз на Арагонском фронте. Его предприняла Каталонская армия, переименованная в Восточную, под командой генерала Посаса; начальником штаба у него был коммунист, профессиональный офицер полковник Кордон. В составе этой армии была 45-я дивизия генерала Клебера, 27-я полковника Труэбы и знаменитый 5-й армейский корпус коммуниста майора Модесто, включающий в себя 11-ю, 46-ю и 35-ю дивизии Листера, Эль Кампесино и Вальтера. Они были переброшены с Брунетского фронта. В дивизии Вальтера числились четыре интербригады (но не 14-я, потому что Вальтер поссорился с ее командиром, полковником Дюмоном). 15-ю бригаду продолжал возглавлять хорват Чопич, а начальником штаба у него был Роберт Мерримэн. Стив Нельсон, грубоватый, но энергичный докер из Филадельфии, был комиссаром бригады, сменив Эйткена, который вернулся домой. Эти назначения соответствовали господству американцев в 15-й бригаде. Некоторые американцы даже возмутились, ког-

да начальником оперативного отдела стал Малькольм Данбар, элегантный и деловой молодой англичанин, который три года назад возглавлял кружок изысканных эстетов в кембриджском Тринити-колледже. Американским Батальоном Линкольна—Вашингтона командовал инженер из Висконсина Ганс Эмли, когда-то член ИРА. Во главе его стал Питер Дэйли, ирландский коммунист. Самые известные из британских добровольцев, оставшиеся в живых под Брунете, такие, как командир батальона Коупмен, комиссар Тапселл и начальник штаба Каннингхэм, вернулись в Англию¹. 15-ю бригаду вскоре пополнил Батальон Маккензи—Папино, сформированный из канадцев, которые до этого находились в составе американского подразделения. Он был назван в честь двух канадцев, в 1837 году возглавивших восстание против англичан. Настоящих канадцев там было менее трети батальона, остальную его часть составляли американцы. Первым его командиром стал энергичный капитан Томпсон, а комиссаром — Джо Даллет². Оба — американцы.

Противостоял этим частям генерал Понте из Сарагосы, вместе с генералами Уррутией из Уэски и Муньосом Каstellьяном из Теруэля. Оборону националистов усилила мобильная колонна под командой полковника Галерны. Линия фронта не была сплошной, укрепили лишь некоторые стратегические высоты.

24 августа, без артиллерийской и авиационной подготовки, республиканцы начали наступление в восьми пунктах. Три удара нанесли к северу от Сарагосы, два между Бельчите и Сарагосой и еще три — на юге. Первыми были взяты деревни Квинто и Кодо, к северу от Бельчите. Эбро форсировали у Фуэнтес-дель-Эбро. Медиана пала 26 августа. Главную роль в этих боях играла 15-я интербригада. Командир Британского батальона Дейли скончался от полученных ранений, и его место занял другой ирландец, Пэдди о'Дэйр. Были убиты и командир с комиссаром Батальона Маккензи—Папино. Ранены Нельсон, комиссар бригады, и Эмли, командир Батальона Линкольна. Комиссаром после Нельсона стал студент Леонард Лэмб, а место Эмли занял суровый американский профсоюзный деятель Доран.

Бельчите тем временем держался. Этот маленький, хорошо укрепленный город был исключительно важен для республики, чьи войска стояли под ним вот уже несколько месяцев. Теперь городок окружили, и его осада продолжалась, требуя от осаждающих всех сил и отнимая массу времени. У защитников Бельчите подходили к концу запасы воды. И вряд ли они могли чувствовать себя лучше от знания, что представляют собой «островок сопротивления, занявший круговую оборону».

Карта 26. Наступление в Арагоне осенью 1937 года

Стояла изнуряющая жара. Мэр-националист Альфонсо Тральеро погиб с оружием в руках на стенах города. Из-под Мадрида подошли 13-я и 150-я дивизии националистов Баррона и Сайнса де Буруаги. Они наткнулись в Арагоне на остатки некогда ударных сил Листера, Вальтера и Эль Кампесино, против которых когда-то дрались в Кастилии. Баррон остановил наступление республиканцев к северу от Сарагосы, а Сайнс де Буруага должен был освободить Бельчите, который теперь оказался в 15 километрах за линией фронта республиканцев. Все же после мужественного сопротивления 6 сентября городу пришлось сдаться. Но республика теперь перешла к обороне. После отважного, но безуспешного рывка Листера, пустившего в ход у Фуэнтес-дель-Эбро группу тяжелых советских танков, фронт замер на месте.

Нападения итальянцев на суда нейтральных стран теперь стали настолько частыми, что Франция и Англия больше не могли их игнорировать. Кроме того, оба правительства были разгневаны хвастливыми заявлениями Муссолини о его роли в сантандерской кампании. Два события заставили их действовать совместно.

26 августа британское судно подверглось бомбардировке в виду Барселоны. 29 августа у французского побережья испанский пароход был обстрелян всплывшей подлодкой. Французский пассажирский лайнер сообщил, что атакован подлодкой в Дарданеллах. 30 июня в Алжире потопили советское торговое судно «Тюняев», следовавшее в Порт-Саид.

31 августа субмарина атаковала английский эсминец «Хэвок». Он ответил сбросом глубинных бомб. 1 сентября у Скироса потопили советский пароход «Благаев». 2 сентября у Валенсии было пущено на дно английское торговое судно. «Три торпедированы и одно взято как приз, — записал итальянский министр многостранных дел Чиано в своем дневнике в этот день, — но в результате атаки на «Хэвок» международное мнение начинает давать о себе знать, особенно в Англии». Британия послала в Средиземное море еще четыре эсминца. Чемберлен и кабинет министров согласились на предложение Дельбоса созвать совещание «заинтересованных сил». 6 сентября все страны Средиземноморского бассейна, кроме Испании, вместе с Германией и СССР были приглашены Англией и Францией 10 сентября принять участие в конференции. Она должна была состояться в Нионе, недалеко от Женевы. Сама Женева была отвергнута из-за опасений разгневать Италию, для которой эта столица стала символом Лиги Наций, осудившей ее вторжение в Абиссинию. «Оркестр в сборе, — отметил Чиано. — Тема: пиратство в Средиземном море. Виновные —

фашисты. Дуче совершенно спокоен». Гарсиа Конде, посол националистской Испании, получил послание от Франко, в котором говорилось, что он должен вести себя решительно. «Это верно», — признал Чиано, но тем не менее приказал адмиралу Каваньяри удерживаться от нападений до получения дальнейших указаний³.

Советский посол в Риме Гельфанд открыто обвинил итальянские подлодки в потоплении «Тюняева» и «Благаева». Он представил неопровержимые доказательства вины итальянцев. «Предполагаю, перехваченные телеграммы», — небрежно заметил Чиано, без сомнения припомнив, как он сам пользовался таким источником информации. Скорее всего, советские действия были продиктованы желанием заставить Германию и Италию отказаться от участия в Нионской конференции. Чиано немедленно заявил, что отказывается брать на себя ответственность за потопление судов, и оспорил право России выносить подобные суждения. Италия и Германия предложили передать этот вопрос в Комитет по невмешательству, а не обсуждать на какой-то специальной конференции. Но Иден и Дельбос продолжали настаивать на своем. Черчилль и Ллойд Джордж с юга Франции написали Идену, что «настал момент обязать Италию выполнять ее международные обязательства».

Конференция состоялась. Германия и Италия на ней отсутствовали. Встреча увенчалась успехом. Во-первых, Иден и Дельбос предложили патрулировать Средиземное море военными кораблями прибрежных государств, а в Восточном Средиземноморье предложить действовать судам России (и Италии). Но малые страны не имели кораблей, пригодных для этих целей, и не хотели рисковать своим участием в войне. Так что было решено, что французская и английская эскадры будут патрулировать Средиземноморье к западу от Мальты и топить любую подозрительную субмарину. Решение об этом было принято в первый же день конференции. Соглашение подписали 14-го числа. Муссолини был в ярости. Литвинов же выразил свое удовлетворение этим международным соглашением, «которое получило столь солидную поддержку». Черчилль написал Идену, что соглашение продемонстрировало возможность англо-французского сотрудничества. Дальнейшие действия должны были разработать военно-морские эксперты, которым предстояло уточнить проблемы боевых наступательных действий самолетов и надводных судов. Чиано отправил ноту, требующую «равной ответственности» всех стран — участниц конференции в Нионе. 15 сентября он послал Франко две подводные лодки и пообещал еще две. Мудрецы в женевском кафе «Бавария» предположили, что «неизвестный госу-

дарственный деятель» Муссолини должен воздвигнуть в Риме памятник «неизвестной подводной лодке».

17 сентября эксперты Нионской конференции оговорили, что суда морского патрулирования должны получить право действовать против самолетов так же, как и против подлодок. Военные корабли, которые нападают на нейтральные суда, получают отпор от морских патрулей, находится ли нападающий в испанских территориальных водах или нет. 18-го французский и британский послы в Риме передали Чиано текст Нионского соглашения и попросили истолковать содержание его требования «равной ответственности». Казалось бы, можно теперь вернуться к более дружеским отношениям с Италией, которых нескрывая желал Чемберлен.

В тот же день Негрин предстал перед Лигой Наций и выразил желание, чтобы ее Политический комитет расследовал положение дел в Испании. Он снова потребовал положить конец политике невмешательства. Но опять-таки республику поддержали только Россия и Мексика. Иден утверждал, что невмешательство остановило общеевропейскую войну. С его обычной склонностью к выразительным метафорам премьер сравнил ее с протекающей дамбой, «но это лучше, чем вообще жить без дамбы»⁴. Италия не получила приглашения прислать экспертов в Париж, которые могли бы «дополнить» Нионское соглашение в соответствии с пожеланиями страны. Тем не менее Чиано одержал победу, которую считал «дипломатическим триумфом». 22 сентября у Дельбоса состоялся разговор с Бова-Скоппой, итальянским представителем в Женеве, который сказал, что итальянские войска больше не будут направляться в Испанию, и Италия не претендует ни на испанскую территорию, ни на ее природные ресурсы. Иден получил от Гранди подобные же заверения. 27 сентября англичане, французы и итальянцы начали в Париже обсуждение вопросов морского патрулирования. Италии была отведена зона между Балеарскими островами и Сардинией, а также в Тирренском море. Это дало ей возможность и дальше посылать снаряжение националистам на Мальорке, не опасаясь, что его могут засесть. В тот же день, 27 сентября, Политический комитет Лиги Наций принял к рассмотрению вопрос об Испании. Альварес дель Вайо с привычной для него красноречивостью сообщил, как итальянцы перевооружают генерала Франко. Уолтер Эллиот, новый представитель Британии, убедил комитет избегать преждевременного отторжения Германии и Италии от составления резолюции, которую предстояло представить на обсуждение. Но в этом документе шла речь о «неудаче невмешательства» и предлагалось положить ему ко-

нец, если не удастся достичь соглашения о выводе добровольцев «в ближайшем будущем» и о «существовании значительных иностранных воинских формирований на земле Испании». Англичане вряд ли стали бы возражать. Когда резолюция только обсуждалась, Муссолини во время пребывания в Германии публично скорбел о гибели тысяч итальянцев в Испании. В частном порядке дуче сообщил Гитлеру, что, несмотря на Нионское соглашение, он будет продолжать торпедные атаки. И даже похвастался перед Гессом, что пустил на дно корабли общим водоизмещением в 200 000 тонн. Это замечание окрасило зловещей иронией в общем-то успешное окончание переговоров в Париже. 30 сентября Италия была включена в морское патрулирование по Нионскому соглашению.

Теперь трехнедельное совещание в Нионе уже не казалось прошедшим под силовым давлением Италии. Тем не менее англичане испытывали определенное беспокойство. В Форин Офис и на Кэ-д'Орсэ были подготовлены ноты, в которых «пиратов, ставших полицейскими» (как хвастался сам Чиано) приглашали к открытому разговору об Испании. Ноты были переданы Чиано 2 октября. В тот же день в Лиге Наций прошла продуманно составленная резолюция. Альваресу дель Вайо пришлось согласиться на неопределенность формулировки «в ближайшем будущем», понимая, что Франции и Англии необходимы всего десять дней, чтобы проверить, благожелательно ли ответит Италия на столь же продуманное приглашение к переговорам, переданное в тот же день. 2 сентября Франко сообщил Чиано, что ему нужно не меньше, а больше «волонтеров». Кроме того, он попросил отзыва Бастико, скорее всего из-за того, что его высокомерие во время Сантандерской кампании дошло до вступления в личные переговоры с басками. Тем временем Америка занялась делом Гарольда Даля, бывшего военного летчика США, который по фальшивому мексиканскому паспорту вступил в военно-воздушные силы республики. Он был сбит и опустился на парашюте на территорию националистов. На месте военно-полевой суд вынес Далю смертный приговор. Правительству Соединенных Штатов пришлось вмешаться, и американский полковник, который воевал в Марокко вместе с Франко, телеграфировал бывшему собрату по оружию, призывая проявить милосердие. Смертный приговор был заменен пожизненным заключением⁵.

Арагонский фронт, на котором царил покойствие после того, как Посас отдал приказ окапываться, бурно возродился к жизни. 22 сентября, когда установилась не столь жаркая погода, как в Сарагосе, республиканцы, форсировав неторопливую реку Гальего у подножия Пиренеев, пошли в наступле-

ние. Вокруг лежали величественные живописные пейзажи, в окружении которых арагонское дворянство в прошлом отдыхало от летней жары. Крутые склоны долин, тянувшихся с севера на юг, делали наступление в восточном и западном направлениях почти невозможным. Тем не менее любая армия могла атаковать только в этом направлении. 25—27 сентября тут бушевало сражение, которое шло с крайним ожесточением. Авиация не приносила успеха ни той ни другой стороне. Поэтому мощь атак шла на убыль. И хотя противостояние длилось до середины октября, на самом деле наступление на Арагонском фронте выдохлось к концу сентября.

Карта 27. Астурийская кампания

В то же самое время 14-я франко-бельгийская интербригада Дюмона предприняла под Мадридом наступление на вражеские линии. Всем бойцам выдали шампанское. Военная операция превратилась в массовую бойню опьяневших интербригадовцев. Позже следственная комиссия обвинила Дюмона, что он отдавал все свое время «собораниям, празднованиям и преследованию троцкистов».

Другая, более важная кампания началась в горной местности 1 сентября — силы националистов под командованием Аранды выступили против Хихона и остальной части Астурии. Наступлению сопутствовала эффективная блокада побережья. Но продвижение вперед шло медленно. Горы Леона,

естественная защита Хихона, представляли собой великолепные оборонительные позиции. Головокружительные высоты стали оружием в руках республики. Из-за отсутствия легиона «Кондор», действовавшего на Арагонском фронте, машине войны не удавалось безоговорочно взять верх над природой. Кроме того, Франко время от времени изымал у Аранды кое-какие части, что мешало этому толковому генералу одержать быструю и внушительную победу. Во всяком случае, к 14 октября после шести недель боев несколько господствующих высот продолжали оставаться у республиканцев. Наваррцы генерала Сольчаги, закрепившиеся на побережье, продвигались очень медленно.

Но внезапно в течение одной недели Астурия оказалась потеряна. 15 октября силы Аранды и Сольчаги встретились в горном городке Инфиесто. Среди астурийцев началась паника. Подавляющее большинство их просто бежали, опасаясь окружения. Боеприпасов почти не оставалось, а полтора месяца военных действий подорвали их боевой дух. По контрасту с первыми неделями кампании они почти не оказывали сопротивления. Националисты могли себе позволить не форсировать продвижение вперед. Как раз в это время немцы легиона «Кондор» опробовали идею «ковровых бомбардировок». Галланд и его друзья в тесном строю на небольшой высоте появлялись над долинами, нанося удар с тыла. Весь бомбовый груз одновременно обрушивался на окопы астурийцев. 20 октября, когда Аранда был всего в 20 километрах от Хихона, вступила в действие и «пятая колонна». Одна ее группа потребовала немедленной безоговорочной капитуляции. Другая силой захватила несколько зданий. Республиканские лидеры во главе с Белармино Томасом немедленно покинули Хихон и морем отправились во Францию. Двадцать два республиканских батальона сложили оружие. Вечером 21 октября силы Аранды и Сольчаги вошли в Хихон. Северный фронт как таковой перестал существовать. Но 18 000 человек ушли в горы Леона и до марта вели там партизанскую войну, что мешало новому наступлению националистов. Поступило официальное сообщение о расстреле 209 лиц, и до конца войны Астурия находилась под неослабным контролем.

Война на севере отличалась широким применением авиации и артиллерии, доказавших свое неоспоримое преимущество. Но ни в Басконии, ни при Сантандере, ни в Астурийской кампании победа националистов не была обеспечена только бомбами и снарядами. Существование трех практически независимых государств на территории республики с совершенно различным управлением, раздираемых внутренними противоречиями, —

все это было источником их фатальной слабости. Захватив эту территорию, националисты получили доступ к угольным копьям Астурии и промышленности Бильбао. В их руках оказалось примерно 18 600 квадратных километров земли с полутора миллионами населения. Среди них были немало военнопленных, которых заставляли работать в условиях не многим лучше, чем в концентрационных лагерях. Националисты захватили и все северное побережье Испании, дав возможность своим военноморским силам сконцентрировать весь флот в Средиземном море. Наконец высвободились и 65 000 человек Армии Севера, которые могли теперь вести боевые действия на юге.

Примечания

¹ Эта троица вернулась в Англию с особой целью — обсудить суть коммунистического контроля, существовавшего в Британском батальоне. На совещании Центрального комитета коммунистической партии вспыхнула ссора, в которой Каннингхэму пришлось защищаться от обвинений в фашизме. Осенью Коупмен и Тапселл вернулись в Испанию, а Каннингхэм вскоре вышел из партии.

² Он был первым мужем миссис Роберт Оппенгеймер. Вместе со Стивом Нельсоном они играли скрытую роль на слушаниях по делу Оппенгеймера в 1954 году. Даллет был сыном богатых родителей и стал докером, чтобы «скрыть следы своей прежней жизни».

³ Блокада была довольно успешной. Как бы ни относиться к неполным данным немецкого военного атташе в Стамбуле, но когда он сообщал о советских поставках, которые весь сентябрь шли в Испанию по морю, то был совершенно точен.

⁴ Походит на его оценку Суэцкой операции 1956 года, которая «предотвратила распространение лесного пожара».

⁵ В конечном итоге Даль в 1940 году вернулся в Америку.

Глава 62

Умиротворение севера. — Казнь шестнадцати баскских священников. — Итальянцы плохо ведут себя. — Ссора Германии с Франко из-за шахт. — Армия националистов.

После Астурийской и Арагонской кампаний наступило временное затишье, которое длилось с середины октября до середины декабря. Противостояние обеих Испаний обрело относительно стабильный характер. В сравнении с «лирическими иллюзиями» и хаосом, с атмосферой эйфории и убийств июля 1936 года неколебимая организация двух Испаний, в каждой из которых существовала армия в полмиллиона человек, казалась просто удивительной.

Испания националистов (ныне она занимала две трети страны) оставалась военным государством. Генерал Хордана по-прежнему возглавлял хунту в Бургосе, которой принадлежала вся административная власть, но ее департаменты были раскиданы по разным городам. Серрано Суньер, чьи пределы власти были странными и неопределенными, считался политическим лидером страны. Фернандо Куэста из «Старых рубашек» мадридской фаланги, которого недавно обменяли на кузена Аскарате, освободив из тюрьмы республиканской Испании, стал генеральным секретарем нового Национального совета, сорок восемь членов которого были наконец названы 2 декабря. Этот орган носил подчеркнuto совещательный характер. Он напоминал Большой совет итальянских фашистов, поскольку все его члены, хотя их обязанности и определялись законом, были назначены лично генералом Франко. Вместе с фалангистами в совете соседствовали карлисты, монархисты и старые члены CEDA. Были в нем и две женщины — Пилар Примо де Ривера и Мерседес Санс Бачильер, вдова Онесимо Редондо и основательница «Ауксильо сосьяль». Но необходимость чисто военного режима признавалась даже оставшимися «Старыми рубашками» фаланги, ибо, как указывал Шторер, новый немецкий посол, «можно предположить, что на сорок процентов населения освобожденных районов нельзя положиться»¹.

Все представители карлистов в Национальном совете принадлежали к умеренному крылу. Это были люди, которые вслед за графом Родесно в 1931 году хотели заключить договор с Альфонсом XIII, а в апреле 1937 года приняли «Договор об объединении». Франко несколько раз просил Фаля Конде, пребывающего в изгнании, вернуться и войти в совет, но тот отказывался. 5 декабря принц Хавьер, регент карлистов, осудил тех, кто, не спросив у него разрешения, принес требуемую советом присягу. Он оповестил об этом своих сторонников после поездки в Испанию — его штаб-квартира находилась во Франции. В Сан-Себастьяне он сказал Серрано Суньеру, что нельзя создавать в Испании гестапо по немецкому образцу. В Бургосе у него состоялся разговор с Франко. «Если бы не регулярные войска, я очень сомневаюсь, были бы вы сейчас на этом месте». Затем принц отправился на места боевых действий. Встретив горячий прием в Севилье, он оказался в Гренаде, где и получил безапелляционный приказ покинуть Испанию. Тем не менее ему удалось еще раз поговорить с Франко, который сказал ему: «Вы ведете кампанию в пользу монархии». На что принц ответил: «Я не сказал ни слова о политике. Но я Бурбон. И кроме того, я думаю, что вы сами

монархист». — «Большинство армии за республику, — заметил Франко, — я не могу не считаться с ее мнением». — «Я думаю, что главная причина, по которой вы хотите, чтобы я покинул Испанию, — это настоятельное требование немцев и итальянцев», — сказал принц Хавьер. Франко согласился, сказав: «Если вы останетесь в Испании, ваше высочество, то и немцы и итальянцы перестанут снабжать нас военными материалами». После этого принц Хавьер из Бургоса направился во Францию, заметив: «Не забывайте, что я последнее звено между вами и армией; и в дальнейшем буду работать для Испании, но не для вас лично».

После окончательной победы под Хихоном националисты приступили к систематическому «умиротворению» севера Испании. Установить точные цифры казненных невозможно. В ноябре в Бургосе говорили, что состоялась казнь 200 баскских священников. Агирре, человек, не склонный к преувеличениям, сказал, что 1000 были казнены сразу же, 11 000 был вынесен смертный приговор и еще 10 000 находятся в тюрьме. Сообщалось, что между 14-м и 18 декабря были расстреляны 80 басков. Среди них и те, кто так непродуманно сдался итальянцам в Сантонье. Казнили нескольких женщин и 16 священников². Никто из них так и не предстал перед трибуналом. Всем им смертный приговор объявлялся за несколько минут перед приведением его в исполнение, так что у них не было даже времени подготовиться к смерти. Хоронили без гробов, без похоронной службы и без регистрации. Одним из расстрелянных был монах-кармелит. Самыми известными из казненных считали шестидесятилетнего Хоакина Арина, старшего священника прихода в Мондрагоне, и отца Аристимуньо, известного писателя, проводника баскской культуры. Позже, оценивая обстоятельства их смерти, епископ Витории в изгнании сказал примату Испании кардиналу Гоме: «Неужели расстреляли священника Мондрагона и других, которых я так хорошо знал? Да вся армия Франко, начиная от генералиссимуса, должна была целовать им ноги»³.

В среде буржуазии большей части националистской Испании накал энтузиазма по поводу «великого крестового похода» стал слабеть. Лидеры теряли бодрость духа. Победленных ждало плохое обращение. Но ведь это была война, не так ли, и все эти казни — лишь ее оборотная сторона. Экономически Испания националистов оказалась в лучшем положении, чем республиканская. Валюта стабильная, цены на продовольствие почти не повышались. Ужасные мысли о голоде не посещали горожан. Уголь и топливо — в избытке. Вдали от линии фронта среднему классу ничто не мешало вести привычную жизнь.

Например, сохранялась давняя привычка по вечерам прогуливаться по главной улице города, время от времени встречая военных — хотя их было немного. Повсюду висели плакаты, призывающие служить родине. Многие предпочитали остаток вечера провести в кафе или кино, где можно было внести небольшое пожертвование раненым на войне, оказать помощь беженцам. На самом деле суммы получались немалые, поскольку собирались в разных местах. Но по мере наступления сумерек возникало ощущение, что война становится все ближе. В десять часов вечера по радио раздавался голос Кейпо де Льяно с обвинениями в адрес английского журналиста Ноэла Монкса, который писал в «Дейли экспрес», что Гернику разрушили немцы. Или же генерал излагал последние новости о «еврее Блюме» или же о «доне Манолите». Так он своим высоким визгливым голосом всегда называл Асанью. А иногда Кейпо прерывал свою речь и затягивал какую-нибудь популярную испанскую мелодию. Ближе к полуночи сообщалось ежедневное «коммюнике» со списком раненых и пленных, после чего под звуки Королевского марша и фашистского салюта наступало время отходить ко сну.

Что же касается быта националистов — участников военных действий, в прессе как-то рассказывалось об этом. Журналисты привели достаточно фривольное и раскованное описание одного дня пилота Ансальдо на Северном фронте.

8.30. Завтрак с семьей.

9.30. Отправление в часть. Бомбардировка вражеских батарей. Пулеметный обстрел окопов и конвоев.

11.00. Игра в гольф в Ласарте.

12.30. Солнечные ванны на пляже в Ондаретте, купание в спокойном море.

1.30. Кафе — пиво, креветки и разговоры.

2.00. Ленч дома.

3.00. Краткая сиеста.

4.00. Второй вылет на задание, аналогичное утреннему.

6.30. Кино. Старый, но хороший фильм с Кэтрин Хелперн.

9.00. Аперитив в Баскском кафе. Хороший скотч.

10.15. Ужин у Николаса, военные песни, компания, веселье...

Авиация всегда была любимым родом войск в националистской Испании.

1937 год ознаменовался всеобщей реабилитацией уроков закона Божьего в школах франкистской Испании, которые в сентябре 1936 года были объявлены обязательными. В апреле 1937 года всем школам было приказано повесить в помещениях образы Божьей Матери. Как и в прошлом, до республики, школьники по приходе в школу и покидая ее должны были произносить

молитву «Ave María». Позже подобным атрибутом стало и распятие. И учителям и ученикам вменялось в обязанность посещать церковные службы. Минимум раз в неделю все исполняли псалмы. Католическая церковь в полной мере оставила свой след во всех проявлениях культуры Испании националистов.

Социальная направленность фаланги продолжала сказываться на всей ее деятельности. Весь 1937 год требования войны вынуждали к радикальным переменам в экономике националистов. 23 августа Национальный совет по производству зерновых установил контроль над ценами и распределением главной испанской сельскохозяйственной культуры. Декрет от 7 октября обязал всех здоровых женщин от 17 до 35 лет, которые не имеют семьи, не работают на военном производстве или в больницах, заниматься общественными работами. Получить какую-либо работу испанская женщина могла, лишь имея сертификат об участии в общественных работах.

Тем временем Кейпо де Льяно продолжал заниматься экономическим развитием Андалузии. Самым успешным его начинанием стало создание в Севилье Комитета сельскохозяйственных займов в помощь фермерам. Он строил грандиозные планы возрождения промышленности региона. И весной 1938 года в Севилье стали работать несколько текстильных фабрик. Не было сомнений, что, несмотря на все свои оплошности и ошибки, Кейпо де Льяно оказывал на Андалузию в целом достаточно динамичное воздействие.

Главную сложность для националистов в то время представляли не столько внутренние раздоры, сколько трения с итальянскими и немецкими союзниками. Ансальдо, креатура Чиано, в середине октября вернувшись из Испании, рассказал своему шефу, что итальянские войска в Испании устали и Франко ждет не дожидается, когда они уйдут, хотя продолжает нуждаться в артиллерии и авиации. Чиано предположил, что «генералиссимус, должно быть, ревнует к нашим успехам». На самом же деле хвастливое самомнение итальянских офицеров и солдат, особенно в Сан-Себастьяне, выводило из себя всех испанцев, которым приходилось иметь с ними дело. Шумная ссора разразилась между Франко, Виолой (новый итальянский посол) и генералом Бастико, которого вскоре отозвали по настоянию Франко, потому что в следующем сражении генералиссимус вынужден был прикрыть фланг итальянцев наваррской бригадой. Разразился скандал по поводу счета за две подводные лодки, проданные Италией Испании, — тот так и не был оплачен. Эти конфликты были сглажены лишь фактом поставки в Италию 100 000 тонн испанского металла. И все же Муссолини должен был к концу ноября получить три милли-

арда лир за военные материалы, хотя надежд на урегулирование долга почти не оставалось.

Споры между националистами и немцами тоже носили экономический характер. Германия предоставила им кредит до 10 миллионов рейхсмарок в месяц, из которых четыре миллиона приходились на военные материалы, пять с половиной — на другой экспорт и 350 000 — наличными. Но не было даже намека на то, что испанцы собираются выплачивать эти долги. Хуже того — немецкие финансисты стали испытывать опасения, что Британия предпримет шаги, дабы перехватить поставки железной руды. Чиновники HISMA и ROWAK не покладая рук трудились над так называемым «проектом Монтанья», который должен был гарантировать Германии стабильные поставки испанской руды. Он обеспечивал немецкий контроль над не менее чем 73 шахтами Испании. Посол Шторер считал, что немецкие интересы в Испании должны быть «глубоко укоренены» в сельское хозяйство и горное дело. С первым было полегче, поскольку, что бы ни случилось, у Испании всегда был рынок сбыта для продовольствия. Шахты представляли куда большие сложности. Именно на них были нацелены все немецкие дипломатические, военные и культурные усилия. «Если решения не удастся добиться доводами здравого смысла, — угрожающе добавлял Шторер в своих рекомендациях, — то оно должно быть обеспечено силой». Тем не менее 9 октября бургосская хунта выпустила декрет, аннулирующий все права собственности на шахты, приобретенные с начала Гражданской войны. Немцы обеспокоенно осведомились о его смысле. Николас Франко уклончиво ответил, что только полноправное правительство националистской Испании может иметь дело со столь важной проблемой, как «проект Монтанья». Ничего не оставалось делать. Геринг и Бернхардт (представитель Геринга в Испании по вопросам четырехлетнего плана) стали проявлять нетерпение. Оно сменилось подозрением, когда Британия, в которой видели соперника и возможного врага, обменялась дипломатическими миссиями с Франко — главным образом в силу коммерческих и экономических причин. Сэр Генри Чилтон оставил наконец свой дипломатический пост в Валенсии. В Бургос дипломатическим представителем 16 ноября прибыл сэр Роберт Ходжсон⁴. Работая консулом в России в 1917 году, он, без сомнения, был убежденным противником большевизма. В Лондоне в том же качестве оказался герцог Альба. В силу каких-то причин Иден враждебно отнесся к идее сделать Альбу официальным представителем Франко в Англии и согласился лишь тогда, когда националисты потребовали изложить причины его недовольства. Но этого Иден так и не сделал⁵. 2 декабря Шторер сказал Франко, что до

Германии дошли слухи, будто Англия получила от Испании выгодные концессии, и попросил объяснения. Германия настаивала на получении львиной доли руды из Бильбао и на неограниченном праве закупок металлолома. В противном случае ей придется «пересмотреть свое отношение к правительству националистской Испании». Франко оценил немецкие обвинения как «надуманные», сказав, что он сам лично удивлен столь незначительным вниманием Англии к Испании. Задержка с «проектом Монтанья» объясняется тем, что у националистов нет копий предыдущих законов, архивов и опытных чиновников. Тем не менее вопрос о формальных контактах был отложен. Ничего не поделаешь, таíапа⁶.

Армия националистов насчитывала 600 000 человек. Они были сведены в 650 пехотных батальонов и одну кавалерийскую дивизию, при поддержке 290 артиллерийских орудий и 600 самолетов. Эти силы по-прежнему действовали на трех направлениях: на севере под командованием Давилы, в центре (Саликет) и на юге, где командиром был Кейпо де Льяно. 200 батальонов и 70 орудий составляли резерв (им командовал генерал Оргас)⁷. Вся авиация была немецкая или итальянская: бомбардировщики — «Юнкерсы-52» или «Савойи-73», истребители — «Фиат-32», «хейнкели» или «мессершмитты».

Примечания

¹ Фаупель наконец оставил Испанию в конце августа. Шторер был карьерным дипломатом, который во время Первой мировой войны числился молодым сотрудником немецкого посольства в Мадриде. Его выставили из страны по подозрению в заговоре с целью убийства премьер-министра графа де Романонеса, испытывавшего симпатии к Антанте.

² Возможно, их было и двадцать. В Наварре, у местечка Вера, было найдено четыре неопознанных тела — скорее всего, они были священниками.

³ Эти казни конечно же совершались по прихоти военных губернаторов на местах, а не по приказам руководства националистов. Когда кардинал Гома услышал о расстрелах, он явился к Франко с жалобой, и после этого был расстрелян только один баскский священник. Но одни оказались в тюрьме, а другим пришлось перебраться в отдаленные районы Испании.

⁴ Британская миссия была крайне непопулярна. «Предполагалось, — говорил сэр Роберт Ходжсон, — что мы выступаем против движения и Испании. Это подтверждалось нашим упорным отрицанием прав воюющих сторон и тем, что в английской прессе националисты продолжали считаться мятежниками». Ходжсон не имел возможности переговорить с Франко до февраля 1937 года.

⁵ Французское правительство не установило с националистской Испанией даже таких ограниченных отношений. Единственное, что оно сделало, как с иронией отметила «Аксъон Франсэз», так это вос-

становило движение южного экспресса, ежедневного поезда из Парижа в Эндайю. Тем не менее несколько позже Шарля Морраса принимали в Сарагосе «не только как дипломата, но и как главу государства»; а встречи с французскими журналистами и политиками правых или даже фашистских взглядов от Дорио до Пьера Гаксотта и даже с архиепископом Шартрским дали Франко основания говорить о «христианском дружелюбии подлинной Франции».

⁶ Майна — завтра (*исп.*). Специфическое выражение, говорящее о нетеропливости, с которой решаются все дела в испаноязычных странах. (*Примеч. пер.*)

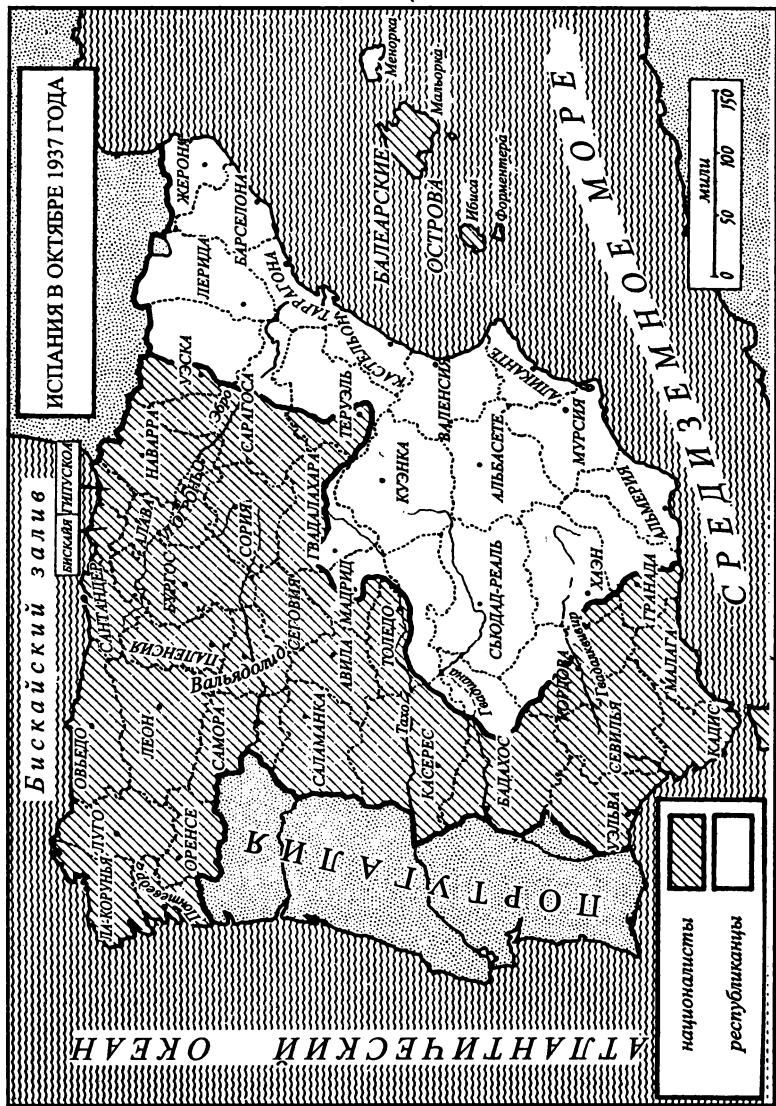
⁷ В националистской Испании практически все молодые люди от 18 до 29 лет были призваны на военную службу.

Глава 63

Республика осенью 1937 года. — Негрин и коммунисты. — Окончательное поражение Ларго Кабальеро. — Прието избавляется от комиссаров. — Пассионария выступает против Прието. — SIM. — «Туннель смерти». — Скандал из-за Альбасете. — Экономические условия республики. — Хемингуэй пишет «Пятую колонну». — Конгресс писателей. — Мальро, Эрнандес и Спендер. — Ошибка Бертольта Брехта. — Слухи о мире.

Единство, которое было достигнуто в республиканской Испании при правительстве доктора Негрина, само по себе было революцией в испанской истории. 31 октября Негрин объявил о переводе правительства в Барселону. Каталония все больше и больше подпадала под контроль центра, и, как следствие, ее роль падала. В виде протеста лидеры Каталонии обыгрывали идею о переговорах и заключении мира. Самая серьезная критика правительства республики исходила от анархистов, которые все еще надеялись, покончив с Гражданской войной, создать синдикалистское государство. Их критицизм был больше национальный, чем региональный и оказался тесно связан с Ларго Кабальеро и его группой озлобленных социалистов. Мадрид, феодальное угодье коммунистической партии, не занимался региональными проблемами, потому что коммунисты оставались сторонниками централизованного контроля, не важно, исходил ли он из Валенсии или Барселоны.

Пока доктор Негрин успешно преодолевал региональные различия в Испании, его положение по отношению к политической оппозиции было достаточно стабильным. 1 октября UGT выбрал Родригеса Веру своим новым генеральным секретарем вместо Ларго Кабальеро. Старик был наконец низложен со своего поста, который он сохранял с 1925 года. Коммунисты обвинили Кабальеро во всех поражениях Гражданской войны,

Карта 28. Испания в октябре 1937 года

независимо от того, какой пост он занимал. Бывший премьер потерпел безоговорочное поражение. 17 октября он произнес в Мадриде речь, в которой в пух и прах раскритиковал ведение войны Негрином. Правительство не препятствовало его выступлению, надеясь, что Кабальеро своими же стараниями представит в дурацком виде. Когда это не получилось в полной мере, на его дальнейшую деятельность был наложен запрет. Кабальеро окрестил Негрина диктатором, но правительство его больше не опасалось. Устранение Ларго стало самой большой победой для Негрина и тех социалистов, которые подчеркнуто утверждали политику социальной сдержанности, поскольку все должно было быть подчинено военным усилиям.

Но хотя Негрин пользовался поддержкой коммунистов в противостоянии Ларго Кабальеро, он ни в коей мере не был пленником партии. В министерстве обороны господствовал Прието. После долгого периода невмешательства он превратился в страстного антикоммуниста. Хотя памятным событием и стал разгром POUM, влияние коммунистов отнюдь не продолжало ежечасно возрастать, как это было во времена Ларго Кабальеро. На самом деле их беспокоил растущий антагонизм с CNT, хотя Хесус Эрнандес старался их успокоить своими речами. Эрнандес жестоко обрушился на FAI, на этот раз назвав ее «бесчестной политической партией» и обвинив в сфальсифицированном разрыве с CNT (с целью ускорить свой приход к власти).

Летом коммунистическая партия начала продуманные переговоры об объединении с социалистами, и 17 августа был опубликован пакт о сотрудничестве между двумя партиями. В нем определялись цели войны, объявленные правительством доктора Негрина. Пакт дополнялся соглашением, предполагавшим, что экстремистские левые революционеры должны быть вычищены. Это оправдывало близкое сотрудничество между партиями и в Испании, и на международной арене. Но и эта и другая декларация всех пяти партий Народного фронта от 10 октября не содержали никаких уступок коммунистам.

В конце октября Негрин положил конец дискуссиям между коммунистами и социалистами о возможном союзе, сказав, что такие жесткие рамки больше подходят националистам, чем республиканской Испании. Это резкое заявление не смягчило даже успех коммунистов в ноябре, когда, выдвинув умеренную программу, они добились альянса (но не слияния) всех молодежных партий, включая анархистов.

В это время Прието пытался ограничить власть коммунистов в армии. В октябре офицерам было запрещено заниматься политической пропагандой и даже посещать партийные

собрания. В ноябре был ликвидирован пост главного политического комиссара, как и многие фронтовые комиссариаты. Этот шаг означал, что Антону, коммунистическому комиссару Мадридского фронта, теперь придется стать командиром пехотного батальона. Молодой человек был любовником Пассионарии и жил в одном доме с ней и Тольятти в Мадриде. Муж Ибаррури, шахтер, вместе с ее сыном все время находился на фронте. Естественно, что Пассионария стала заклятым врагом Прието, но он обладал таким престижем, что она не осмеливалась его тронуть.

1 октября состоялась сессия кортесов. На ней было решено собираться во время войны дважды в год, чтобы сохранить хотя бы внешние формы демократии, как это было сделано в октябре 1936-го и феврале 1937 года. В сессии приняли участие двести депутатов из тех, что были избраны в феврале 1937 года. Среди них было несколько радикалов и один член CEDA. Присутствовал даже Портела Вальядарес, премьер-министр, избранный в 1936 году. В 1936 году он был с Франко и едва избежал смерти от рук анархистов. Теперь Вальядарес рассказывал, как Франко пытался убедить его передать ему власть после выборов. Коммунисты, в рядах которых сейчас насчитывалось 300 000 человек, кроме PSUC и Объединения молодежи социалистов и коммунистов, потребовали проведения новых выборов. Конечно, представительство коммунистов в парламенте из шестнадцати человек не отражало их влияния, но это требование было отвергнуто Негрином. Коммунисты даже начали задумываться, стоит ли им поддерживать Негрина. Это стало главным вопросом на их съезде 12—13 ноября. Диас потребовал выборов, но никто из делегатов не захотел, чтобы партия ушла из правительства. Кроме того, хотя политическое влияние коммунистов и падало, они по-прежнему сохраняли свой авторитет в среде армейских офицеров. Так же как опасения за судьбу националистской Испании удерживали фалангистов от ссоры с Франко, так и нехватка продовольствия и вооружения заставляла держаться вместе все силы республики.

Конечно, коммунисты продолжали оставаться мощной силой. В дополнение к их непрестанному контролю над военной помощью республике, они имели возможность бросать в тюрьмы своих врагов. Лидеры POUM, арестованные в июне, до сих пор так и не предстали перед судом. Люди Орлова продолжали работать. Появилась и новая организация SIM (тайная полиция и военная разведка). Ее с самого начала возглавляли коммунисты. Формально она должна была выявлять шпионов. Но SIM не собиралась ограничиваться только

этими задачами. С самого начала своей деятельности она взяла на вооружение все самые жуткие пытки НКВД. Камеры были такими маленькими, что заключенные с трудом в них умещались, еле удерживаясь на кирпичках, стоящих на ребре. Мощный электрический свет слепил, звуки глушили, на пленников лили ледяную воду, их жгли раскаленным железом, избивали дубинками. Вне всяких сомнений, СИМ несет прямую ответственность за гибель многих призывников в республиканской армии, которые не столько проявляли трусость или плохо воевали, сколько не хотели подчиняться приказам командиров-коммунистов. Первый начальник этой службы, пианист Дуран, стал организатором омерзительного плана. Он позволил распространиться в Мадриде слухам, что из некоего дома в предместье Усера прорыт туннель, по которому можно выйти к передовой линии националистов. Немало сторонников националистов, включая и тех, кто укрывался в иностранных посольствах, попались на эти слухи и жестоко поплатились за легкоеверие. Когда они появлялись у входа в туннель, имея с собой лишь кое-какие ценные вещи, их встречал выстрел в упор. В конце войны в «туннеле смерти» было опознано 67 тел.

Республиканская армия насчитывала примерно 450 000 человек. Начальником генерального штаба теперь был Висенте Рохо, бывший профессор тактики в Толедо и адъютант Мьяхи во время обороны Мадрида. Армию усиливали 350 самолетов и 200 оружейных стволов. В резерве были 90 батальонов и 35 орудий. Армией Центра командовал Мьяха; на востоке (некогда Каталонская армия) соединения возглавлял Эрнандес Сарабиа, профессиональный военный, который был военным министром в начале войны, а армией Леванте командовал Менендес, давний адъютант Сарабиа. Эти двое последних были близкими друзьями Прието.

К тому времени интербригады формально влились в армию республики. Официально они заняли место Иностранного легиона в старой испанской армии. Большое внимание в них теперь уделялось дисциплине и военной форме. В еженедельном издании 15-й интербригады на английском языке появилось толкование смысла салюта из пяти пунктов:

(1) Салют (конечно, имеется в виду сжатый кулак) — это воинский способ приветствия.

(2) Салют — это для солдата самый краткий способ сказать офицеру: «Каковы будут ваши приказы?»

(3) Салют нельзя считать недемократическим видом приветствия: два офицера одного звания, встречаясь на военной службе, приветствуют друг друга.

(4) Салют — это знак того, что товарищ, который может быть в частной жизни законченным индивидуалистом, соотносит себя с коллективом.

(5) Салют — свидетельство того, что наша бригада из собрания искренних любителей превращается в нестигаемый стальной инструмент уничтожения фашизма.

В начале 1937 года это толкование сопровождалось призывами учить испанский язык, что считалось «прямой обязанностью антифашиста».

Но теперь бригадам стало трудновато получать новых волонтеров из-за границы. Рассказы добровольцев, вернувшихся домой разочарованными, сообщения о ликвидации POUM — все это играло большую роль. Нехватка рядовых бойцов бригад восполнялась испанскими добровольцами. Большинство из них были коммунистами. Француз Гайман (Видадь), который при Марти командовал базой в Альбасете, был обвинен в растрате. Под предлогом ухудшения здоровья он отбыл в Париж. Видадю унаследовал Гомес, немецкий коммунист, чье настоящее имя было Цейсер. Раньше он командовал 13-й интербригадой. Это назначение лишь усилило давнюю неприязнь между немецкими и французскими коммунистами в Альбасете. Капов, главный квартирмейстер (пришедший на смену Луису Фишеру), и французский коммунист Грийе с женой тоже были обвинены в растрате казенных денег. Семья Грийе ходила в близких друзьях мадам Марти. Наконец, и Марти обвинили в том, что он «обкрадывал солдат Свободы». Скандал обрел такие размеры, что «великому человеку» пришлось самому лететь в Москву и оправдываться. Долгое время он не возвращался в Испанию.

В экономическом смысле республика была в куда худшем положении, чем националистская Испания. Не хватало продовольствия, а с падением севера начались перебои и с горючим. Что же до вооружения, то Прието сказал американскому представителю в Валенсии, что благодаря России и Мексике самого необходимого вполне хватает. Сталин явно боялся, что весь мир узнает о продаже оружия республике, хотя это и так всем было хорошо известно. Военный министр добавил, что республика не получает от СССР никаких благодетаний, поскольку платит за товар полную рыночную стоимость. Кроме этих источников, республике приходилось иметь дело с посредниками и авантюристами. Все они, жаловался Прието, получают обильные доходы¹. В центре этого мира продавцов оружия, агентов Коминтерна и жуликоватых торговцев находился Луис Фишер из отеля «Лютетция» на перекрестке Рю-де-Вожирар и бульвара Распай 7-го арондисмента Парижа, который продолжал управлять сетью организаций, поставлявших оружие².

После падения Сантандера баскские лидеры перебрались в Барселону, где организовали свое правительство в изгнании и создали штаб-квартиру. Как следствие этого, в столице Каталонии снова возобновились католические богослужения. Баски продолжали требовать от правительства религиозной терпимости. Хотя в принципе никто против этого не возражал, но Негрин считал, что публичное мнение «еще не готово» к такому шагу. Однако правительство выдавало лицензии, разрешавшие богослужения в частных домах. К зиме из изгнания вернулись в Барселону примерно 2000 священников. Они обзавелись облачением, и не в пример тому, что было раньше, их не призывали на военную службу. Ватикан, надо добавить, без энтузиазма отнесся к формальному возрождению религии в республике, ибо это могло ослабить позиции католиков при Франко. Так, архиепископ Таррагоны хотел вернуться в свой кафедральный собор, но не получил на это разрешения³.

Тем временем во все еще осажденном Мадриде нарастала угроза голода. Город часто обстреливали и бомбили. Эрнест Хемингуэй писал пьесу «Пятая колонна», сидя в своем отеле «Флорида», в который снаряды попадали не менее тридцати раз. Летом этого года в Мадриде собрался конгресс писателей, целью которого стало обсуждение отношения интеллектуалов к войне. Коммунистические организаторы конгресса решили осудить на нем Андре Жида. В своей последней книге «Возвращение из СССР» писатель нападал на Советский Союз, где его принимали как гостя правительства. Конгресс посетили Хемингуэй, Спендер и многие из литературных апологетов республики. Их возглавлял Андре Мальро. Делегаты разъезжали в «роллс-ройсах» и беседовали о войне с испанскими поэтами — Рафаэлем Альберти, Бергамином, Мачадо и Мигелем Эрнандесом. Самым плодовитым из них, без сомнения, был Рафаэль Альберти. Почти не было номера газеты «Волонтеры свободы», органа 15-й интербригады, который не содержал хотя бы одного его стихотворения. Скорее всего, самым известным поэтом был Мигель Эрнандес, который в начале войны был членом коммунистического Пятого полка. Он был пастухом в горах, которого в шестнадцатилетнем возрасте священник научил читать по текстам XVI и XVII веков. Гражданская война вызвала в нем неожиданный взрыв поэтического творчества.

На конгрессе с речью выступил Бертольт Брехт⁴. Как и на других подобных мероприятиях, на конгрессе исполняли национальные гимны разных стран, так что Спендер поймал себя на том, что отдает приветствие вскинутым кулаком мелодии «Боже, храни короля».

К концу 1937 года поползли слухи о попытке заключения мира. Говорили, что Осорио-и-Гальярдо, посол республики в Париже, в Брюсселе вел переговоры с националистами⁵. Ходили разговоры, что Компаньс, который после переезда республиканского правительства в Барселону почти ничего не делал, замыслил федерацию двух Испаний, которую возглавят лица, не принимавшие участия в войне ни на одной из сторон. Такие, например, как Сальвадор де Мадарьяга или Мигель Маура. Всем таким идеям яростно противостояли офицеры республиканской армии, которые опасались, что если они попадут в подчинение своим бывшим коллегам, то те отнесутся к ним без всякого снисхождения. Похоже, что единственным действенным контактом между двумя сторонами был Анхель Баса, секретарь Прието, который в Эндайе установил отношения с Тронкосо, военным губернатором националистов в Ируне⁶.

Примечания

¹ Доходы за счет республики получали поставщики оружия со всех сторон. Кто в те дни не слышал об английском пэре, который, получив от республики оплату за груз вооружения, перепродал его националистам?

² Огромное разнообразие марок оружия республиканской армии стало причиной его неэффективного использования. Так, существовали ружья шести различных калибров, пулеметы — пяти, минометы — шести. На позициях стояли артиллерийские орудия двадцати восьми образцов.

³ Генеральный викарий Барселоны запретил открывать хоть одну церковь и дал знать, что откажет в лицензии священникам служить мессу.

⁴ Вскоре он написал пьесу «Ружье сеньоры Каррары», сатирически оценив идею нейтралитета во время войны. Театральная брошюра пьесы не пострадала от того, что драматург дал своим действующим лицам итальянские имена вместо испанских.

⁵ Аналогичные слухи ходили и о Пабло де Аскарате, после в Англии, — мол, и он беседовал с теми же агентами. Бывшему послу пришлось опровергать эти слухи в разговоре с автором.

⁶ Еще один контакт был установлен с помощью Красного Креста. Доктору Жюно при содействии британского посольства в Эндайе удалось организовать обмен небольших групп заключенных. Но это вряд ли могло сказаться на положении тысяч других пленных в Испании. Даже те, кто смог найти убежище в иностранных посольствах в Мадриде в начале войны, продолжали там находиться. В январе 1938 года большинство из них перебрались в Валенсию вместе с посольствами, а несколько позже 500 человек, укрывшихся во французском посольстве, получили возможность покинуть его. Тем не менее в других посольствах в Валенсии продолжали находиться более 2000 человек.

Книга шестая

ВОЙНА НА ИСТОЩЕНИЕ

Декабрь 1937 — ноябрь 1938

Глава 64

Чиано размышляет. — Иден в комитете по невмешательству. — Французское правительство открывает границы. — Общее мнение Гитлера и Сталина об испанской войне. — Италия присоединяется к Антикоминтерновскому пакту.

Правительство Негрина продолжало вести сдержанную политику. Частично она объяснялась иллюзиями республики, что таким образом Франция, если не Англия, станет помогать ей поставками вооружения.

10 октября Чиано ответил Идену и Дельбосу на их предложение встретиться для консультаций относительно Испании: он не будет ничего предпринимать без Германии. Чиано меньше всего хотел умиротворения Испании. В то время он прикидывал, имеет ли смысл послать в Испанию альпийских стрелков и «прорваться в Валенсию». Чиано только что назначил генерала Берти новым командиром шестидесятитысячной группировки итальянских войск, сменив генерала Бастико, «героя Сантандера». Дальнейшие реорганизации были приостановлены волнениями в Ливии и Абиссинии, где итальянским войскам пришлось подавлять мятежи на местах. Когда в конце октября состоялась церемония вручения медалей тем, кто воевал в Испании, и вдовам павших, Чиано «спросил свою совесть», стоило ли проливать кровь. «Да, — успокоил он себя. — Ответ может быть только «да». В Малаге, в Сантандере, на Гваладахаре мы защищали нашу цивилизацию и нашу революцию!»

Реакцией на отказ Чиано вступить в переговоры Франция ответила угрозой открытия границы на пиренейских перевалах, через которые могло поступать оружие для республики.

Однако Иден убедил Дельбоса вернуться в Комитет по невмешательству. 11 октября в Форин Офис Ванситтарт извинился, что не пригласил республиканского посла Аскарате. Отказ Чиано свел на нет уступки республики, которые десятью днями раньше она сделала в Женеве. Тем временем Дельбос продолжал настаивать, что, если в течение недели не будет принято решение об отводе добровольцев, Франция откроет свои границы. 15 октября Иден сообщил Гранди, что новое обращение комитета можно считать «последней попыткой». Позже министр иностранных дел сказал аудитории, собравшейся в Лландудно, что его терпение относительно итальянской интервенции в Испании «подошло к концу».

16 октября подкомитет по невмешательству наконец встретился в очередной раз. Между этим днем и 2 ноября британский план от 14 июля, который гарантировал права воюющих сторон в зависимости от вывода волонтеров из Испании в «пропорциональных количествах», стал основой для обсуждения. После долгих, утомительных и путаных дискуссий, в которых терпеливый Иден играл главную роль, 4 ноября этот план был наконец принят. Двум испанским сторонам было предложено принять участие в его воплощении и согласиться с приездом двух комиссий, чтобы пересчитать иностранцев в соответствующих зонах и обеспечить их вывод. А тем временем, поскольку прошло больше недели после того, как Дельбос поставил свое условие, французская граница открылась и через нее ночами пошло оружие. Иден обронил Дельбосу загадочную реплику: «Не открывайте границу, но переправляйте через нее все, что хотите». Блюм выразился куда определеннее: «Мы добровольно и постоянно закрывали глаза на контрабанду оружия и даже организовывали ее»¹.

5 ноября, через день после того, как комитет одобрил проект о выводе добровольцев, Гитлер, излагая свой план войны против Англии и Франции перед обеспокоенными Нейратом, Бломбергом и Бекком, сказал, что в испанской войне «с немецкой точки зрения была бы нежелательна стопроцентная победа Франко. Мы заинтересованы в продолжении войны»². Только таким образом, — продолжил он, — можно будет сохранить присутствие итальянцев на Балеарских островах — оно важно со стратегической точки зрения». За несколько месяцев до этого заявления советский генерал, вернувшийся в Испанию, сказал Орлову, что политбюро приняло политику почти такую же, как ту, о которой говорил Гитлер: будет куда лучше, если война в Испании продолжится, связывая Гитлера по рукам и ногам³. Таким образом, полные взаимной враждебности, два ведущих соучастника испанской войны пришли к одному и

тому же выводу. 6 ноября Италия присоединилась к Германии и Японии, подписав так называемый Антикоминтерновский пакт. Хотя Чиано хотел сохранить его как «пакт гигантов», все же он планировал привлечь в него и Испанию как звено в «Атлантической оси».

20 ноября Франко в принципе одобрил британский план вывода «добровольцев». Все же он сделал оговорки, касающиеся прав комиссии наблюдателей. Он предложил вывод «существенного количества» в 3000 человек, которое должно устроить обе воюющих стороны. Франко назвал это число, поскольку именно такое количество итальянцев, раненых и больных, независимо от соглашения, возвращалось на родину.

1 декабря республика тоже в принципе приняла этот план, хотя и по другой причине: Асанья и Хираль думали, что согласие с ним уменьшит уровень враждебности, и она уже не возобновится. Негрин и Прието согласились, что план приведет к снижению накала боев, но идея им понравилась главным образом потому, что у них появлялось время перегруппировать свои силы.

Примечания

¹ 28 октября у Аскарате состоялся странный и интересный разговор с Иденом в палате общин, в ходе которого испанский посол требовал проявления твердости.

«И д е н. То, чего вы требуете, означает превентивную войну с Италией.

А с к а р а т е. Нет, всего лишь четкой и ясной политической линии, которой, если ее проводить с энергией и решительностью, будет достаточно, чтобы сдерживать бурный темперамент Муссолини.

И д е н. Определить такую линию непросто.

А с к а р а т е. Если относиться к Испании с уважением, это несложно: дать понять, что Соединенное Королевство не допустит в Испании иностранного вмешательства и того, чтобы фашизм мешал британским стратегическим интересам».

«Иден, — рассказывал Аскарате, — слушал меня с опущенной головой и сказал, что мне проще это потребовать, чем ему убедить своих коллег. Я спросил его, каким образом республика может гарантировать, что Испания не будет представлять коммунистической угрозы. Иден сказал лишь, что нерезонно настаивать на выводе двух коммунистов из правительства».

² Об этом упоминается в известном «Меморандуме Хоссбаха». Как раз в это время немцы в Испании были обеспокоены испанским проектом относительно шахт.

³ Орлов называет своего собеседника «генералом N.» «Я не мог понять, — рассказывает он, — были ли его слова враньем или бредом».

Сражение у Теруэля. — Эттли в Британском батальоне. — Полковник Рей д'Аркур держится. — Его поражение. — Песни Поля Робсона. — Чиано обеспокоен. — «Фарс невмешательства». — Немцы укоряют. — Франко формирует правительство. — Итальянцы потопили «Эндемион». — Битва на Альфамбре. — Падение Идена. — Взятие Теруэля. — Эль Кампесино окружен. — Тольятти требует смещения Прието.

До конца декабря на фронтах Испании царило затишье. Франко готовил новое наступление на Гвадалахару, а затем на Мадрид¹. Этого так и не случилось, поскольку план генералиссимуса был раскрыт. 15 декабря, за неделю до планировавшегося наступления на Гвадалахару, республика атаковала Теруэль. Предполагалось, что город слабо укреплен, поэтому он и был избран объектом наступления. Его взятие позволило бы спрямить передовую линию между Новой Кастилией и Арагоном и в дальнейшем угрожать взятием дороги на Сарагосу. Кроме того, подобно Бельчите, Уэске и самой Сарагосе, этот город с самого начала войны сдерживал республиканские войска. Прието хотел добиться показательного взятия Теруэля, дабы укрепить свое положение в военном министерстве и продемонстрировать, насколько успешно могут действовать войска без генерального комиссара. Ходили также слухи, что, взяв Теруэль, Прието намеревается с позиции силы повести разговоры о перемирии. Эта победа в дальнейшем могла бы дать правительству Негрина дополнительный престиж, необходимый, чтобы без особых сложностей взять контроль над промышленностью Каталонии.

По политическим причинам в наступление пошли только испанцы без участия интербригад. Армия Востока Эрнандеса Сарабаи взяла на себя основной груз штурма Теруэля. Ей помогала Армия Леванте. Всего в наступлении участвовало до 100 000 человек. Силы Сарабаи состояли из двух армейских корпусов — 13-го под командой Эредиа и 22-го, которым командовал баск Ибаррола. В нее входила и 11-я дивизия Листера, как обычно избранная для первого удара.

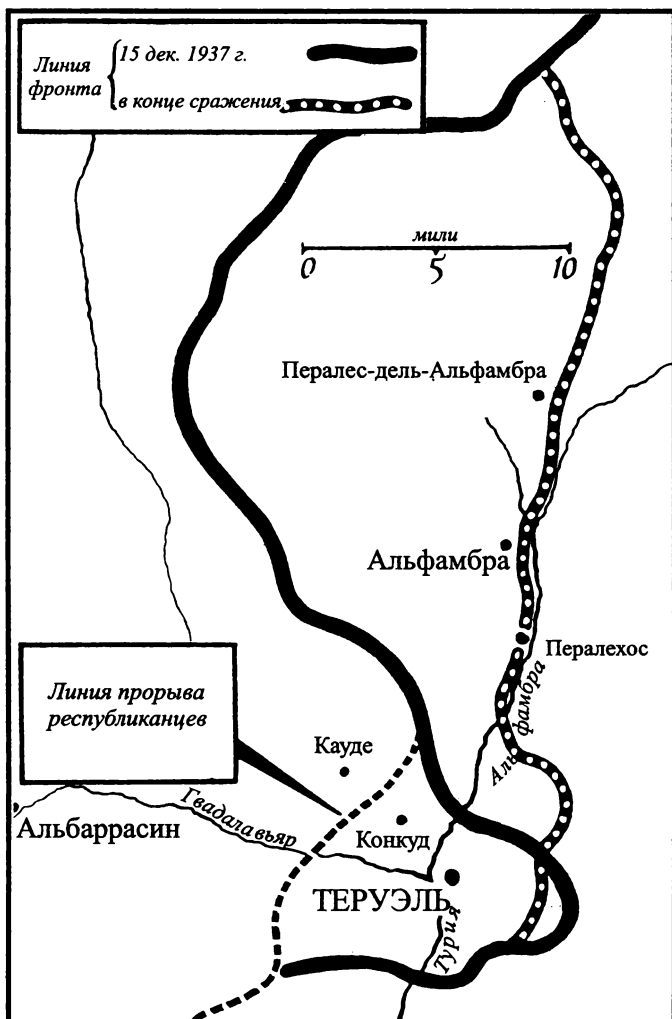
Во время первого этапа операции интербригады были отведены на отдых. Англичане устроились в Мондехаре. Фред Коупмен и Уолтер Тапссел, вернувшись из Англии, снова заняли посты командира и комиссара Британского батальона. Вместе с ними прибыли 350 новых волонтеров. В начале декабря батальону нанесли визит лидеры английских лейбористов Клемент Эттли, Эллен Уилкинсон и Филип Ноэль-Бейкер.

Им был устроен грандиозный обед, на котором Эттли пообещал приложить все силы, чтобы покончить с «фарсом невместительства». Мистер Ноэль-Бейкер припомнил, как Британия послала 10 000 солдат в помощь испанским либералам во время карлистских войн. Затем гости при свете факелов приняли военный парад. Рота Ноль Британского батальона получила название Рота майора Эттли. Тот написал в ответ: «Я заверяю ее (бригаду) в нашем искреннем восхищении ее мужеством и преданностью делу свободы и социальной справедливости. Дома я расскажу товарищам обо всем, что нам довелось увидеть. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Теруэль был невзрачной, обнесенной стеной столицей бедной провинции. В нем обитало 20 000 жителей. Каждую зиму тут регистрировались самые низкие в Испании температуры. Город был известен мрачной легендой о «Любовниках Теруэля», которая часто привлекала тех, кто искал меланхолическую тему для небольшого балета. Эта невеселая история как нельзя лучше соответствовала яростной битве под Теруэлем, которая длилась более двух месяцев.

15 декабря 1937 года под завесой снежной пурги без артиллерийской и воздушной подготовки, чтобы не выдать свои намерения, Листер начал наступление. Вместе с Эредиа они решили окружить город. Первым делом надо было захватить хребет к востоку от него, известный как Ла-Муэла-де-Теруэль — «Зуб Теруэля». К семи вечера окружение было завершено. Командир гарнизона полковник Рей д'Аркур начал отводить свои обороняющиеся части в город. 17-го числа он сделал попытку захватить подножие Ла-Муэлы. До 23 декабря Франко так и не мог принять решение, стоит ли откладывать наступление на Гвадалахаре, хотя его немецкие и итальянские советники побуждали продолжить его. Но Франко понимал: если попытка спасти Теруэль окончится неудачей, то в политическом смысле она обойдется очень дорого, особенно по части получения зарубежных кредитов.

К Рождеству после непрерывных боев радио Барселоны объявило о падении Теруэля. На деле же наступающие части лишь проникли в город, а 4000 его защитников (половину их составляли гражданские лица) укрепились в зданиях гражданского губернатора, Банка Испании, семинарии и монастыря Санта Клары. Эти строения сгрудились в южной части города. 20 декабря Чиано отметил: «Из Испании приходят плохие новости. Франко не представляет, как вести войну. Его операции соответствуют уровню командира батальона. Он всегда стремится захватить территорию, а не нанести поражение врагу».

Карта 29. Битва за Теруэль

Контрнаступление Франко с целью освободить Теруэль началось 29 декабря. Рей д'Аркур получил телеграмму: «Верьте Испании, как Испания верит вам». Ему было приказано держать оборону любой ценой. После дня артиллерийской и авиационной подготовки генералы Варела и Аранда повели в наступление армейский корпус Кастилии и Галисии. Как всегда, их прикрывал легион «Кондор», хотя его личный состав уже начал уставать от бесконечных перебросок с фронта на фронт. Штаб-квартира легиона располагалась в составе из двенадцати вагонов. Республиканские войска были оттеснены назад, но они оказали яростное сопротивление, и прорвать их линии не удалось. Интернациональные бригады продолжали оставаться не у дел. Республиканские части состояли из бывших милиционеров, которые превратились в стойкую и дисциплинированную армию. В самом городе Рей д'Аркур продолжал сопротивление. Перед Новым годом, когда погода резко ухудшилась, националисты, предприняв отчаянное усилие, к полудню вышли к Ла-Муэле-де-Теруэль. Теперь город и его окрестности оказались в пределах артиллерийского огня, но видимости практически не было, да и республиканцы стойко оборонялись. Военная техника отказывала из-за морозов. В Теруэле, как бы подтверждая его репутацию города самой плохой погоды, была зарегистрирована температура в 18 градусов ниже нуля. Сражающиеся оконечели, и бои приостановились сами собой. Люди, которые при Брунете проклинали безжалостное солнце Кастилии, сейчас становились жертвами обморожения, многим пришлось ампутировать конечности. Скорее всего, националисты еще больше страдали от холодов, поскольку их слабая текстильная промышленность не могла обеспечить войска теплой одеждой. Отсутствие ее особенно сказывалось на марокканцах, которым оставалось только мечтать об африканском солнце. Пурга длилась четыре дня, оставив по себе полутораметровые сугробы и отрезав обе армии от складов снаряжения и продовольствия. Шестьсот машин застряли в снежных заносах между Теруэлем и Валенсией. Тем временем бои шли в самом городе. Прието настаивал, чтобы гражданским, оказавшимся среди националистов, не причиняли вреда. Это исключало минирование. Но республиканцы все равно кидали гранаты в полуразрушенные подвалы зданий, в которые стягивались дрожащие от холода защитники города. К Новому, 1938 году все защитники монастыря и больницы были перебиты. 3 января пала резиденция гражданского губернатора. У немногих оборонявшихся в ней не осталось воды, не хватало медикаментов и еды. От их обороны остались только груды руин. Они держались до 8 января — погода все еще

мешала националистам перейти в решительное наступление. Все же снова начались бомбежки и обстрелы. Густой снежный покров вернул этим местам их первобытную нетронутость. Полковник Рей д'Аркур, поддержанный епископом Теруэльским, наконец сдался. Простой солдат, он был тут же обвинен националистами и в военных ошибках, и в измене. Но в этих обстоятельствах он сопротивлялся гораздо дольше, чем мог выдержать человек. После его капитуляции гражданское население Теруэля было эвакуировано. Теперь осажденными стали республиканцы, окруженные националистами.

В это время в республиканскую армию влились несколько батальонов интербригад, включая Британский. В нем только что побывали мистер Гарри Поллит и профессор Халдейн со своей женой. Рождество вместе с бригадой встречал Поль Робсон. В окружении снегов он пел негритянские спиричуэлс. Командование Британским батальоном взял Вильям Александр, сменив заболевшего Коупмена. Комиссаром 15-й бригады стал Хью Слейтер². Смещение Коупмена означало устранение самого сильного противника смертной казни за нарушения в Британском батальоне. Правда, поводов применять ее пока не было. Но теперь, несмотря на соглашение между Форин Офис и республикой, два англичанина были расстреляны за проявленную в бою трусость.

К Новому году Франко получил личное послание от Муссолини. Дуче сообщил, что будет и дальше слать войска в Испанию, но хотелось, чтобы они использовались в соответствии с их высоким боевым духом. Все это время Берти и другие итальянские командиры сознательно вводили свое правительство в заблуждение, сообщая о развитии событий в Испании. Полевой командир, генерал Фруши, телеграфировал новость о взятии Теруэля еще 1 января. А 7-го, за день до капитуляции Рея д'Аркура, Анфузо сообщил о причине, по которой город до сих пор не был взят: «Когда генералы достигли дворца архиепископа (sic!), они потеряли два часа, обедая с ним». На деле же епископ был взят в плен республиканцами, когда генералы националистов еще стояли в двух милях от города. Самоуверенность итальянцев, наверное, соответствовала восторженному желанию Франко объявить о взятии города. 1 января он объявил, что «брошь Теруэля увенчала победы года».

Пока все эти трудности мешали продвижению националистов, республиканцы сглаживали свои разногласия. Два противоборствующих крыла UGT, 3 января, благодаря искусной дипломатии прибывшего из Франции Леона Жуо, объединились. Ларго Кабальеро продолжал брюзжать, а коммунистиче-

ская партия готовила против него самое безжалостное наступление. И он и Аракистайн были обвинены в «преступных разрушительных нападках на единство Народного фронта».

Тем не менее Шторер, немецкий посол в Саламанке, отметил крепнущую экономическую и политическую мощь республики и рекомендовал Берлину: «Чтобы обеспечить военную победу Франко, Германия должна слать ему не только снаряжение, но и куда больше технического персонала и офицеров, прошедших подготовку в генеральном штабе». Чиано в первый раз встревожился. Он опасался, что «наступление республики отбросит весь фронт националистов. И что тогда станет с итальянским Экспедиционным корпусом? «Или мы первыми нанесем удар, — размышлял он, — или продуманно выйдем из боя, оставив на наших знаменах память о победах под Малагой и Сантандером». Но к концу месяца Чиано занимали уже новые проблемы. Он был увлечен гитлеровским аншлюсом Австрии и своими планами относительно Албании. «Мы д о л ж н ы, — писал Чиано, — положить конец испанской аванюре».

Что же до переговоров относительно невмешательства, Плимут, отвечая на идею Франко о введении понятия «воюющих сторон» после вывода 3000 «волонтеров», дал понять, что согласится с ним лишь после вывода 75 процентов добровольцев. Но Плимут не был склонен к торопливости. Немецкий представитель Верманн, который большую часть времени действовал как дублер Риббентропа, в конце января оценил работу комитета как «нереальную, потому что все ее участники отлично видят игры другой стороны, но редко высказываются по этому поводу. Политика невмешательства настолько шаткая, настолько искусственная, что все боятся обрушить ее решительным «нет», после чего придется брать ответственность на себя. Так что о любом неприемлемом предложении они могут говорить до конца жизни, вместо того чтобы просто отвергнуть его. Тактически верно было бы продолжать разговоры о правах воюющих сторон, а также о добровольцах, — добавил он, — поскольку дискуссии на эти темы возобновлялись бы вновь и вновь». Он думал, что Великобритания заинтересована в проблеме волонтеров лишь потому, что таким образом сможет вытеснить Италию с Балеарских островов. «Не стоит ожидать, — успокаивал он свое начальство, — что добровольцы будут выведены до мая — а там появятся и другие препоны». Таким подходом объяснялась горечь, с которой английский коммунист Эджел Рикворд сатирически изображал комитет в своей поэме «Жена некоего деятеля невмешательства». В ней имелись следующие строки:

Разрешите, мадам, мне вторгнуться
В приятную тень вашего будуара.
Хотя вторжение решительно,
Я действую как доброволец.
Так что не орите и не устраивайте сцен
И не звоните Джеймсу, чтобы он вмешался.

Немецкий министр иностранных дел Вайцеккер (теперь он считался главным экспертом по Испании) ответил Верманну столь же реалистически: «Германская политика направлена на то, чтобы предотвратить победу республиканцев (хотя не обязательно обеспечивать победу националистов). Цель участия в комитете — тянуть время, оттягивая сколько возможно тот момент, когда мы сможем принять окончательное решение». Все же в конце января британское правительство, в какой-то мере обеспокоившись из-за новостей о новых поставках оружия из Италии, предложило усилить морское патрулирование, разместив дополнительных наблюдателей в испанских портах. Немецкое адмиралтейство поначалу возражало, поскольку «море — единственный путь, по которому Франко может получать подкрепления». Наконец министерство иностранных дел убедило адмиралтейство снять свои возражения.

В Бургосе немецкие дипломаты продолжали вести спор из-за шахт. Хордана сказал Штореру 25 января, что ему придется поддерживать старые испанские законы относительно сделок, ибо «ментальность испанского народа такова, что он, как правило, призывает членов прежних правительств к ответственности за их деяния... И никто не знает, чем все это может кончиться», — добавил он с мудростью старого монархиста. На следующий день шеф протокола Сангронис сообщил послу: «Я хотел бы сказать вам, что это неправильно — вести дела так, как того хотят немцы. Это психологическая ошибка — ради покупки прав на шахты вызывать беспокойство и в определенном смысле подключать все заинтересованные стороны и всю испанскую администрацию. Возникает противодействие, которого могло бы не быть, купи Германия для начала лишь несколько шахт». Не в первый раз немцы попадали в неудобное положение из-за своей алчности.

17 января начался новый этап операции под Теруэлем. Аранда и Варела решили первым делом захватить высоты вокруг города. Путь наступавшим должна была проложить тяжелая итальянская артиллерия. После часового боя, в ходе которого над полем боя дрались «фиаты» и советские истребители, фронт республиканцев дрогнул. 19-го числа интернациональные бригады под командованием генерала Вальтера в

первый раз вступили в бой. Переименованная Рота майора Эттли получила крещение кровью, и тринадцать ее бойцов погибли в первый же день. Сопrotивляясь, республиканцы медленно отступали. Высоты Ла-Муэла были потеряны. Тем не менее 25—27 января Эрнандес Сарабиа предпринял контр-наступление по всему фронту к северу от Теруэля.

Ко времени окончания сражения националисты наконец создали постоянный кабинет министров. Франко стал президентом совета, а Хордана занял пост вице-президента и министра иностранных дел. Давила, продолжая командовать Армией Севера, стал министром обороны. Генерал Мартинес Анидо, который после 1917 года был капитан-генералом Барселоны, тиранически управляя ею, а потом входил в кабинет Примо де Риверы, получил пост министра общественного порядка. Остальные члены кабинета не имели отношения к военным. Андресу Амадо, близкому другу Кальво Сотело, достался пост министра финансов. Морской инженер Хуан Антонио Суансес, давний приятель Франко, стал министром торговли и промышленности, карлист граф де Родесно — министром юстиции, а Сайнс Родригес, монархист и интеллектуал, — министром образования. Они представляли старые политические партии, но самым влиятельным членом кабинета был Серрано Суньер, возглавлявший новую фалангу. Ему были вручены prerogatives министра внутренних дел и генерального секретаря фаланги, что наделяло его исчерпывающей властью над этой организацией. Фернандес Куэста, единственный из числа «старых рубашек», в дополнение к его почетному посту генерального секретаря Национального совета стал министром сельского хозяйства. Пост министра труда достался Педро Гонсалесу Буэно, типичному представителю новой фаланги. Последним членом кабинета стал Альфонсо Пенья-и-Бозф, который до этого не играл роли в политике.

В романтическом монастыре Лас-Уэльгас кабинет принес клятву верности Франко и Испании: «Во имя Бога и Его святых апостолов я клянусь выполнять свои обязанности министра Испании, полный преданности главе государства, генералиссимусу наших блистательных армий и его соратникам, которые и составляют националистский режим, служащий чести страны».

Явным исключением среди министров, конечно, был Кейпо де Льяно. Постепенно, хотя и не до конца, Севилья изымалась из-под его безраздельного личного владычества. Он, естественно, гневался, и раздражение находило выход в его неподражаемых ночных радиопередачах, после которых мрачнела вся националистская Испания. Каждый вечер в десять часов³ тыся-

чи испанцев слушали его, обожая генерала и веря каждому его слову. Радио Барселоны постоянно обвиняло Кейпо, что он выступает в пьяном виде. «А почему бы и нет? — однажды рявкнул он в ответ. — Почему бы не отдать должное прекрасному вину и прекрасным женщинам Севильи?» Барселона попрекала его республиканским прошлым. Кейпо де Льяно признал, что когда-то он думал, будто республика сможет разрешить все проблемы Испании. А теперь будущее принадлежит Франко. Но генерал заверял своих слушателей: если он увидит, что Франко действует не в высших интересах Испании (что он считал невозможным), то, преисполненный патриотизма, он выступит и против каудильо. Нетрудно понять, что его взгляды не пользовались популярностью в Саламанке. Больше всего слушателям нравилась привычка генерала после особенно яростных нападок на те или иные пороки «черни» выдать в эфир какое-нибудь личное послание типа: «А теперь, если моя жена и дочь, которые находятся в Париже, слышат нас, я надеюсь, что у них все было хорошо, и заверяю, что тут в Севилье мы думаем о них. Приветствую вас, сеньоры!»

Новое правительство националистов (которое, хотя и не без возражений со стороны кое-кого из министров, перенесло свою штаб-квартиру в Бургос) получило 6 февраля послание не от кого иного, как от Прието. Он предлагал заключить соглашение, запрещающее бомбардировки тыловых городов в обеих сторонах. Националисты ответили, что Барселона будет продолжать подвергаться налетам, пока из города не выведут всю его промышленность. Поводом к предложению Прието была недавняя, особенно безжалостная бомбардировка города. Республиканцы совершили налеты на Севилью и Вальядолид 26 января. Летчики-коммунисты бомбили города, отвергнув указания Прието. Это, в свою очередь, вызвало 28 января ответный рейд националистов на Барселону, в ходе которого погибло 150 человек. Фактически эти налеты были делом рук не испанцев, а итальянцев, базировавшихся на Мальорке, и со своим испанским начальством они не консультировались. Чиано с удовлетворением внес в дневник мелодраматический отчет очевидца этого рейда: «Я никогда еще не читал столь ужасающего своим реализмом документа. Гибнущие огромные здания, прерванное уличное движение, паника на грани безумия, пятьсот раненых. А ведь в налете участвовали всего девять «S-79», да и вообще он длился не более полутора минут»⁴.

К тому времени снова дали о себе знать итальянские подлодки в Средиземном море. 11 января было потоплено голландское судно, 15-го и 19 января совершены две безуспешные

торпедные атаки против английских кораблей, 1 февраля после попадания торпеды затонуло английское судно с грузом угля для Картахены. Погибли десять моряков, включая шведского офицера, который был наблюдателем на борту корабля. Иден поставил в известность Гранди, что британский военноморской флот оставляет за собой право топить в зоне патрулирования все подводные лодки, находящиеся в погруженном состоянии. Это оказало определенный эффект, и известий о нападениях субмарин больше не поступало, но время от времени происходили спорадические воздушные налеты на английские корабли с грузами для республики.

7 февраля националисты начали наступление к северу от Теруэля вдоль реки Альфамбра, где оборона республиканцев была особенно слаба, поскольку основные силы Франко были сосредоточены на юге у самого Теруэля. Сражение длилось два дня. Фронт был тут же прорван тремя ударами. Кавалерия Монастерио ворвалась в разрыв, продемонстрировав самый мощный кавалерийский штурм за все время войны. Аранда и Ягуэ, продолжавший командовать Африканской армией, столь же беспрепятственно продолжили наступление. В тот же день, 7 февраля, до того, как Эрнандес Сарабия успел подбросить подкрепления, была одержана полная и окончательная победа. Республика потеряла 1000 квадратных километров, 7000 пленными, 15 000 бойцов ранеными и убитым и огромное количество боеприпасов, оружия и санитарных машин. Те же, кого этот решительный и успешный маневр не отрезал от основных сил, под пулеметным огнем с воздуха бросились в беспорядочное бегство.

Не дожидаясь очередного разгрома, лорд Плимут представил в Лондоне свои пересмотренные идеи об отводе добровольцев. Великие державы должны определить их пропорциональный численный состав. «Реальной» может считаться цифра в 15—20 тысяч человек. Гранди и Верман откомментировали ее с неопределенной вежливостью. Более важные переговоры состоялись в Лондоне между Гранди, Иденом и Чемберленом. Быстро выяснилось, что здесь фактически присутствуют три стороны. Иден положил начало переговорам об англо-итальянском соглашении, обговаривающем условия отвода из Испании хотя части добровольцев. Чемберлен посчитал, что такая настойчивость потребует слишком много времени, 18 февраля Гранди отказался обсуждать отдельный вопрос о добровольцах в Испании. Он предложил провести в Риме «общие переговоры». Чемберлен согласился. Иден ответил отказом. И 20-го числа он вместе со своим заместителем лордом Крэнборном подал в отставку — к удовлетворению не только Чиано и Муссолини, но и, как выяс-

нилось, и лорда Перта. Иден не скрывал своего огорчения и смущения, что ему пришлось защищать политику невмешательства, которая на деле стала политикой дискриминации республики⁵. Толпа, собравшаяся у здания на Даунинг-стрит, 10, приветствовала «сильную молодую личность» — уходящего министра иностранных дел (так его назвал Черчилль) и с новым, но неоправданным оптимизмом кричала: «Оружие для Испании!»

Последнее сражение под Теруэлем началось 17 февраля. В этот день Ягуэ, форсировав Альфамбру и двинувшись по ее восточному берегу на юг, отрезал город с севера. 18-го числа он и Аранда начали окружение Теруэля. Как республиканцы в декабре, они взяли его в кольцо на расстоянии нескольких километров от города. К тому времени Британский батальон возглавлял другой офицер, так как Александер получил ранение. Им стал Сэм Уайлд. Как и Фред Коупмен, он служил на HMS. Давний член коммунистической партии, Уайлд воевал в бригаде с декабря 1936-го по май 1937 года и вернулся в нее в декабре того же года.

К 20 февраля пути сообщения с Валенсией и железные дороги республиканцев оказались под угрозой с обеих сторон. В Теруэль проникали отряды националистов. Эрнандес Сарабиа отдал приказ к отступлению. Большинство республиканских частей оказались вне опасности до того, как пути отхода были перерезаны, но они оставили много снаряжения. В плен попало 14 500 человек. Националисты насчитали в Теруэле 10 000 трупов своих врагов, не считая тех, кто пал в бою под Альфамброй.

Среди окруженных в Теруэле оказался Эль Кампесино и его штаб. Все же они постарались пробиться сквозь вражеские линии. Этот бородатый и решительный солдат потом утверждал, что его специально оставили на гибель в Теруэле Листер и Модесто, главные его соперники среди коммунистического воинства. Кроме того, он сообщил, что советский генерал Григорович сознательно посадил Теруэль на голодный паек боеприпасов и позволил ему пасть, чтобы дискредитировать Прието.

Самоуверенность Прието заметно уменьшилась после падения Теруэля, как и его престиж. Но полномасштабная атака коммунистов на Прието развернулась только после окончательного поражения под Теруэлем, когда этот «великий человек республики», как его окрестили французские журналисты, впал в пессимизм. До этого коммунисты скрывали свою неприязнь к Прието. Все началось лишь 24 февраля, когда в газете «Красный фронт» появилась первая статья Эрнандеса, осуждающая «пораженцев». Вскоре после этого ком-

мунисты приняли решение начать свою убийственную кампанию против военного министра.

Похоже, что болгарин Степанов (представитель Коминтерна в Испании) вернулся из Москвы как раз к этому времени. «Советский Союз, — сообщил он, — согласен предоставить Испании новую военную помощь. Но для этого надо устранить Прието». Тем не менее политика отчаянного сопротивления не сдавала своих позиций. Эрнандес доказывал, что в данной ситуации Прието самый подходящий человек, поскольку он смог обеспечить себе поддержку коммунистов, CNT и UGT. Но Тольятти, как это неоднократно бывало, положил конец спорам, объявив, что вся полнота власти должна перейти к Негрину.

Примечания

¹ Идея наступления в Каталонии в то время ни разу не обсуждалась в штаб-квартире Франко, поскольку предполагалось, что Каталония — центр республиканского сопротивления и никогда не сложит оружия. Эта точка зрения говорила о слабом разведывательном обеспечении у националистов.

² Известный также как Хамфри Слейтер. Во время пребывания в рядах коммунистов он называл себя Хью; ибо считал, что это имя имеет пролетарское звучание.

³ Два вечера Кейпо начинал вещать в половине одиннадцатого. Он объяснил слушателям, что к нему явилась делегация севильских девушек с жалобой, что, начиная свои передачи в десять вечера, он оставляет им всего полчаса, чтобы через окно полюбезничать со своими кавалерами. Поэтому Кейпо и сменил время выхода в эфир, окончательно расстроив расписание радиопрограмм националистской Испании — ради Кейпо все станции автоматически подстраивались к радио Севильи.

⁴ Иден обещал Аскарате убедить Франко вмешаться в практику таких налетов. Поскольку предполагалось, что его демарш будет принят, республика воздержалась от ответных мер. Но позже, когда Иден вышел в отставку, Британия отрицала какую-либо свою инициативу в этом вопросе.

⁵ При разговорах с Иденом Аскарате всегда казалось, что тот относится к политике невмешательства с отвращением.

Глава 66

Ситуация в марте 1938 года. — Нападки на Прието. — Потопление «Балеар». — Наступление в Арагоне и бегство республиканцев. — Трудовой кодекс националистов.

Прошло девятнадцать месяцев с того дня, когда в июле 1936 года генералы подняли мятеж. Невилл Чемберлен, освободившись от утомительного подхода Идена к проблеме в

Форин Офис, был готов договариваться с Муссолини. Гитлер сказал Шушнигу, канцлеру Австрии, что, если тот не удовлетворит германские требования, Австрия может стать «второй Испанией». Вопрос о выводе волонтеров, который стал основной причиной ссоры Идена с Чемберленом, ныне обрел чисто академический характер — на что Франко и надеялся. В середине «Второго года Триумфа»¹ генералиссимус если и мог расстаться с итальянской пехотой, как сказал граф Магас, его посол в Берлине, то хотел, чтобы легион «Кондор» и итальянские «специалисты» (скорее всего, пилоты бомбардировщиков на Мальорке) были при нем до конца войны. Муссолини же, напротив, предпочитал, чтобы в боевых действиях участвовала его обожаемая пехота, и, обидевшись, он приказал авиации на Мальорке прекратить боевые вылеты². Поэтому в начале марта 1938 года после постоянных воздушных налетов наступило относительное спокойствие. Барселона неподдельно радовалась. К тому времени Бруно Муссолини, сына дуче, совершившего двадцать восемь боевых вылетов, вывели из состава военно-воздушных сил, расквартированных в Испании. Он был добровольцем, но Франко предложил забрать его, поскольку республиканские летчики специально охотились за ним.

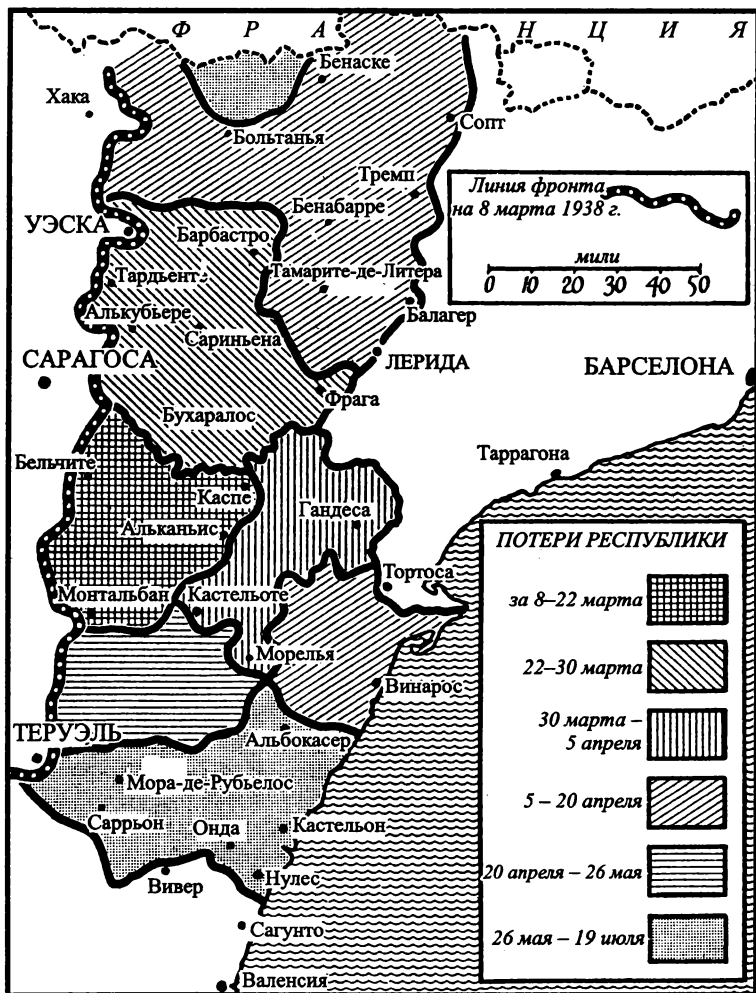
В самой Барселоне коммунисты начали свою кампанию против Прието. 27 февраля Пассионария публично раскритиковала его военную стратегию. Эрнандес раз за разом нападал на него в «Мундо обрера», прикрываясь псевдонимом Хуан Вентура. Отделение коммунистической партии в Картахене открыто назвало Прието «врагом народа», возложив на него ответственность за взрыв прошлым июнем, который уничтожил испанский линкор. Прието пожаловался Негрину. На встрече руководящего состава социалистов в его доме Негрин попытался устранить разногласия. Слова министра внутренних дел, давнего протеже Прието Сугасагойтия, были полны драматизма. «Дон Хуан, — сказал он, — давайте не будем притворяться! На фронте наших товарищей убивают, потому что они отказываются подчиняться командам коммунистической партии! А что же до дона Индалесио, то вы только посмотрите на статьи во «Френте Рохо» и «Ла-Вангардия», где в роли Хуана Вентуры выступает министр образования!»³ «Ла-Вангардия», газета республиканской партии, которая всегда безоговорочно поддерживала Негрина, в этот день действительно назвала Прието «закоренелым пессимистом». Негрин ответил, что он справится и без коммунистов и без Прието. Через несколько дней «Френте Рохо» опубликовала еще одну статью Эрнандеса, на этот раз предлагающую смещение Прието. На заседании кабинета министров Сугасагойтия

возмутился: статья была опубликована после того, как ее снял цензор. Эрнандес ответил, что чиновник не может снимать статьи министров. Негрину удалось успокоить обоих оппонентов. Ссора прекратилась. В это время Прието через Анхеля Басу в Сен-Жан-де-Люс предпринимал новые попытки добиться мира, что и было его давней целью.

6 марта республика радостно встретила сообщение о морской победе. Эскадра националистов, возглавляемая крейсерами «Балеары», «Канары» и «Адмирал Сервера», в полночь 5 марта проходила мимо Картахены. Их не сопровождали ни немецкие, ни итальянские эсминцы. Республиканские крейсера вышли им на перехват. Эсминцы, выпустив все торпеды, немедленно покинули поле боя. Крейсер «Балеары» был поражен в середину корпуса и взорвался. Остальные корабли националистов не стали подбирать терпящих кораблекрушение. Поэтому находившиеся неподалеку английские военные корабли, патрули Комитета невмешательства, подняли на борт 400 человек из тысячного экипажа и доставили их на «Канары». К месту боя прибыла республиканская авиация и начала бомбежку. Был убит английский моряк, спасавший тонущих. Адмирал националистов пошел на дно вместе со своим кораблем.

Франко тем временем готовил новое наступление в Арагоне. Армией, которая должна была начать его, командовал Давила, заместителем его был Вигон. Сольчага, Москардо, Ягуэ и Аранда вместе с итальянским генералом Берти имели под своим началом армейские корпуса. В резерве оставались дивизии Гарсиа Эскамеса и Гарсиа Валиньо. Варела, возглавлявший так называемую Армию Кастилии, стоял со своим соединением в боевой готовности на фланге генерального наступления — у Теруэля. Легион «Кондор» тоже был готов вступить в бой, хотя в то время у его летчиков, постоянно вылетающих на задания, уже начинала чувствоваться усталость. Среди них даже стало популярным высказывание: «Мы деремся не на той стороне». Произносилось оно с юмором, но в нем чувствовалось подлинное уважение к военному мастерству противников⁴. Что же до немецких танков, то Франко хотел пустить их россыпью в рядах пехоты. «Типичный способ действий генералов старой школы», — презрительно прокомментировал фон Тома. «Драться должен я... — сказал он. — И все танки собираю в кулак»⁵.

Наступление, которому, как обычно, предшествовала мощная артиллерийская и воздушная подготовка, началось 9 марта. Лучшие войска республики были измотаны боями под Теруэлем. Не хватало снаряжения: наблюдались случаи, когда у половины бойцов не было при себе даже винтовок. В первый же день Арагонский фронт был прорван в нескольких местах. Ягуэ продви-

Карта 30. Кампания в Арагоне и Леванте

гался по правому берегу Эбро, все сметая перед собой. 10 марта наваррцы Сольчаги взяли Бельчите. 15-я интербригада покинула последний обреченный город⁶. Итальянцы генерала Берти встретили было упорное сопротивление у Рудильи, но, поставив на острие атаки «Черные стрелы», прорвали линию обороны. «На полной скорости вперед!» — торжествовал Чиано в Риме. Аранда встретил более жесткое сопротивление, прежде чем, словив его, 13 марта взял Монтальбан. Оборону удалось организовать с большим трудом. Центром ее Рохо определил Каспе и стянул сюда все интербригады. Но едва он отдал это распоряжение, как пришло сообщение, что итальянцы подходят к соседнему городку Алканьису. Даже когда исход боя клонился в сторону республиканской части, ей приходилось откатываться назад, потому что соседняя часть терпела поражение. Разгром был полным.

В день начала этого наступления в националистской Испании был опубликован фалангистский Трудовой кодекс. Он стал кульминацией политических воззрений Серрано Суньера. Многие из его предложений заслуживали серьезного внимания. Были отрегулированы часы и условия работы, гарантировалась минимальная заработная плата в сочетании с увеличившимся размером социального страхования, выплаты на содержание семьи и оплаченный отпуск. Зарплате рабочих предстояло возрасти, а каждой крестьянской семье разрешалось иметь участок земли для удовлетворения ее насущных нужд. Фермеров-арендаторов нельзя было без суда согнать с их земли. Правда, пока все это оставалось главным образом на бумаге и в мечтах. Единственным практическим разделом кодекса был тот, в котором провозглашалось уважительное отношение к частной собственности и угроза, что действия, мешающие выпуску продукции, будут считаться актом государственной измены. Экономическую жизнь страны предстояло контролировать организации «вертикальных» синдикатов, чиновниками в которых были только фалангисты.

Вслед за кодексом последовал Закон о прессе. Он вышел в свет в апреле, и с его помощью государство получило возможность держать в руках всю структуру прессы националистской Испании. Заниматься этим ремеслом позволялось лишь зарегистрированным журналистам, и выходить в свет разрешалось только зарегистрированным газетам и другим периодическим изданиям. Вне всяких сомнений, и без того уже услужливые газетчики националистской Испании приняли этот закон без всяких возражений, ибо в нем содержалось положение о шкале обязательных минимальных выплат для журналистов разного уровня.

Примечания

¹ В националистской Испании стало привычным датировать декреты и даже личные письма следующим образом: «год I», «год II после Восстания 18 июля 1936 года».

² Чиано тоже был раздражен. «Франко должен использовать свои успехи, — записал он в дневнике. — Фортуна — это не поезд, который приходит каждый день в одно и то же время. Она проститутка, которая предлагает себя всем и каждому, а потом перепархивает к другому».

³ Имеются свидетельства таких убийств, совершенных коммунистами на фронте. По этому поводу 25 марта CNT и FAI обратились с жалобой к Прието.

⁴ К этому времени в легион «Кондор» входили две группы «Мессершмиттов-109» по четыре эскадрильи, две группы «Хейнкелей-51» по две эскадрильи, три эскадрильи самолетов-разведчиков «Хейнкелей» и «Дорнье-175», четыре группы бомбардировщиков по три эскадрильи «Хейнкелей-III» и «Юнкерсов-52».

⁵ Танковый корпус под командой фон Тома теперь состоял из четырех батальонов, в каждом из которых было три роты по 15 танков. Их сопровождали 30 противотанковых батарей, по шесть 37-миллиметровых орудий в каждой.

⁶ Близорукий, в очках и уже считавшийся ветераном американец майор Мерримэн и бригадный комиссар Доран были убиты при отступлении. Место Мерримэна занял англичанин Малкольм Данбар. Дорана заменил Джонни Гейтс, лидер сталелитейщиков, которому в то время было всего двадцать четыре года. Высокий и грузный художник из Бруклина Милтон Вулф возглавил Батальон Линкольна. Комиссар Британского батальона Уолли Тапселл был тоже убит под Бельчите. Говорили, что он получил пулю в спину. Тапселл был известен как неукротимый критик военной политики коммунистов в Испании. У него было много и других врагов, поскольку именно он в 1934 году произвел переворот в руководстве Коммунистической партии Великобритании и поставил во главе ее Гарри Поллита. Но сейчас, по прошествии времени, установить истину о его смерти очень нелегко.

Глава 67

Негрин в Париже: — Блюм формирует свое новое правительство. — Открытие границ. — Мощный налет на Барселону. — Муссолини удовлетворен. — Крах в Арагоне продолжается. — Ягуэ вторгается в Каталонию. — Убийства SIM. — Негрин и Прието. — Мятеж в Барселоне. — Падение Прието. — Негрин составляет новое правительство. — Националисты выходят к Средиземному морю. — Англо-итальянский пакт.

Бедственное положение Арагонского фронта вынудило Негрина спешно лететь в Париж и просить заново открыть французскую границу. Она снова была закрыта в январе, когда со-

циалисты отказали в поддержке радикалу Шотану. Лидер республики оказался в Париже в самый подходящий момент. Его привело туда еще и письмо от Блюма. Внезапные изменения хода испанской войны произошли в тот момент, когда вся Европа негодовала по поводу захвата Гитлером Австрии. 13 марта министров Шотана сменило социалистическое правительство. Блюм сформировал свое второе правительство Народного фронта, в котором умеренный Поль-Бонкур стал министром иностранных дел. Многие в Париже считали неизбежной войну с Германией. Даже, как правило, осторожный Массилья, политический директор на Кэ-д'Орсэ, позволил себе назвать политику невмешательства фарсом. Месье Комер, шеф отдела информации Кэ-д'Орсэ, во всеуслышание заявил: «За Австрию мы отомстим в Испании». 15 марта на встрече французского Национального комитета обороны Блюм предложил выдвинуть Франко ультиматум: «Если в течение 24 часов вы не откажетесь от поддержки иностранных сил, Франция... оставляет за собой право предпринять все меры вмешательства, которые она сочтет нужными». Тем не менее генерал Гамелен указал, что у генерального штаба нет отдельного мобилизационного плана для юго-запада Франции. Даладьё сказал, что после вторжения в Испанию, вне всяких сомнений, начнется мировая война. Леже, генеральный секретарь МИД, заметил, что интервенция станет поражением для Германии и Италии, поскольку Англия не поддержит французскую политику.

17 марта французский кабинет министров согласился удовлетворить просьбу Негрина об открытии границы¹. Блюм испытывал нескрываемую симпатию к Негрину, поскольку теперь оружие, приобретенное у России, у отдельных авантюристов, у Коминтерна и даже у самой Франции, хлынет через пиренейскую границу в Испанию. Но от других намерений пришлось отказаться. Идея двинуть французский моторизованный корпус на помощь Каталонии была отвергнута руководством генерального штаба, когда там осознали, что такой шаг должен будет, скорее всего, повлечь за собой всеобщую мобилизацию. Риббентроп был прав, когда 21 марта заявил Маджистрати, итальянскому поверенному в делах в Берлине, что Франция не будет вмешиваться в испанские дела без английской поддержки. И столь же уверенно добавил, что сомневается в склонности Чемберлена «заниматься авантюрами в политике».

16 марта итальянцы снова обрушили бомбовый груз на Барселону. Шторер, немецкий посол в Саламанке, сообщил, что эффект был «ужасающий». Пострадали все районы города. Не было никаких доказательств, что целью налета стали военные объекты. Первая волна самолетов появилась над городом при-

мерно в десять вечера. Шесть «гидро-хейнкелей» летели на высоте 400 метров со скоростью 80 миль в час. Налеты длились с трехчасовыми интервалами до трех дня 18 марта. Всего самолеты бомбили город семнадцать раз. Погибло 1300 человек, и 2000 было ранено. Чиано сообщил, что приказы о налете отдавал лично Муссолини и «Франко о них ничего не знал». По словам Шторера, Франко пришел в ярость. И 19 марта он в самом деле попросил о прекращении налетов, опасаясь «осложнений за границей». Это не помешало Чиано сообщить американским представителям в Риме, что Италия не контролирует действия своей авиации в Испании. Муссолини, как и его бывший генерал Дуэ, считавший, что войну можно выиграть при помощи одной только авиации, наводящей страх, заявил: пусть итальянцы «ужасают мир своей агрессивностью, вместо того чтобы очаровывать его гитарами». Хотя на первых порах население Барселоны было перепугано и многие уходили ночевать на окрестные холмы, противник, как и в Мадриде, не получил никакого военного преимущества. Многие раненые, когда их уносили на носилках, призывали собравшихся к сопротивлению, вскидывая сжатые кулаки.

За границей взметнулась волна возмущения. В Лондоне прошли митинги протеста². Самым красноречивым выражением их стала, скорее всего, поэма Джорджа Баркера «Элегия об Испании». Корделл Холл отбросил свою обычную сдержанность и «от имени народа Соединенных Штатов» выразил свое возмущение. Но вплоть до конца войны города республики время от времени продолжали подвергаться таким налетам. Хотя преимущества, которые они приносили националистам, не стоили связанных с ними сложностей. Так, например, бензохранилище в Барселоне бомбили 37 раз, прежде чем поразили его. Не смогли националисты серьезно помешать погрузке и разгрузке республиканских судов в портах Средиземного моря.

А тем временем наступление в Арагоне продолжалось. 16 марта три дивизии националистов под командованием Баррона, Муньоса Грандеса и Баутисты Санчеса окружили Каспе. Но юге Аранда наконец прорвал передовую линию республиканцев и взял Монтальбан. 17 марта Каспе пал после двух дней жестоких боев, в которых интербригады, включая и 15-ю, показали образцы мужества. Командир Британского батальона Сэм Уайлд и другие едва избежали пленения. За восемь дней наступления армия националистов продвинулась на сто километров к востоку. Выйдя к естественному препятствию в виде широких рек Эбро и Гвадалупе, наступающие части позволили себе передышку, чтобы перегруппировать силы.

22 марта 1938 года националисты снова начали наступление. На этот раз их удар был направлен против передовой линии между Сарагосой и Уэской, которую так долго удерживала армия Каталонии. Все ее оборонительные сооружения были потеряны в течение одного дня. Утром генералы Сольчага и Москардо предприняли пять атак на протяжении 150 километров фронта, протянувшегося от Уэски до Сарагосы. Наконец Уэска была взята. Пали Тардьенте и Алькубьере. Ягуэ форсировал Эбро и взял Пинью, деревню, в которой давным-давно Дуррути встретил ледяной прием молчаливой враждебности местных жителей. Все эти революционные деревни Арагона, в которых в августе 1936 года бушевали политические страсти, оказались в руках националистов. Преследуемые пулеметным огнем с воздуха, те их обитатели, которым это было под силу, хлынули на восток, запрудив дороги потоком скота, повозок и тележек с самыми необходимыми вещами. 25 марта Ягуэ взял Фрагу, войдя в пределы золотых земель Каталонии. У Лериды, соседнего города, дивизия Эль Кампесино отважно и умело оборонялась в течение недели. Севернее Москардо взял Барбастро. Еще севернее Сольчага был готов выйти к подножию Пиренеев. Когда его колонны прокладывали себе путь по долинам, они представляли собой заманчивую цель для артиллерии и авиации республиканцев. Тем временем южнее, готовясь к наступлению на побережье Средиземного моря, Аранда, Гарсиа Эскамес, Берти и Гарсиа Валиньо преодолевали плоскогорье, известное на юге Арагона как Маэстрасго. Сплошная линия фронта практически отсутствовала. На ее месте образовались отдельные очаги отчаянного, но изолированного сопротивления тех или иных республиканских частей. В целом кампанию можно было считать проигранной, но пока было неясно, чем завершится разгром. Артиллерия националистов убедительно доказала свое преимущество на поле боя, но основным фактором столь стремительной победы стало преимущество в воздухе. Равнины Арагона представляли собой естественные посадочные площадки. Самолеты могли исполнять роль кавалерии, отбрасывая республиканские части с их позиций. В ходе этих боев немцы извлекли ценные уроки относительно поддержки истребителями своей пехоты — как и русские. Это же наконец усвоили и опытниейшие пилоты военно-воздушных сил националистской Испании³.

Во время этого военного кризиса SIM в Барселоне продолжал заниматься своими делами. Официально военная разведка должна была ловить шпионов, но теперь она с той же страстью выявляла «пораженцев». Сюда входили также спе-

кулянты, грабители и те, кто прятал запасы продуктов. Трибуналы на скорую руку выносили приговоры по этим «преступлениям». SIM взял на себя обязанность с мстительной торопливостью приводить приговоры в исполнение. Были расстреляны сорок человек, прежде чем вмешательство правительства положило этому конец. Специальные тюрьмы SIM в Барселоне, особенно в монастыре Сан Хуана, стали местами изощренных пыток, которые могло придумать только большое воображение Эдгара Аллана По. Пребывание в круглых темных комнатах с единственной лампочкой наверху вызывало головокружение. Некоторые камеры были такими маленькими, что в них нельзя было даже сидеть.

Негрин наконец вернулся после своей миссии в Париже, которая увенчалась частичным успехом. Он застал Барселону полную уныния. Основным источником пораженческих настроений был конечно же дон Индалесио Прието. Развалившись в кресле в своем кабинете министерства национальной обороны, он безапелляционно заявлял журналистам и своим прихлебателям: «Мы проиграли!» Своими настроениями Прието заражал всех и вся, включая и министра иностранных дел Хиралья, который легко поддавался чужому влиянию. Хираль поделился своим настроением даже с французским послом Лабонне, недавно прибывшим в Барселону. Как раз перед возвращением Негрина представители французского правительства в Барселоне проинформировали его, что все военные материалы, предназначенные для отправки в Барселону, могут легко попасть в руки Франко, а то и Гитлера или Муссолини. Негрину понадобилось все его красноречие, дабы убедить Лабонне, что он лично разрешит эту проблему. Но тем временем встал и другой вопрос. Что же делать с Прието? Во дворце Педральбес в Барселоне под председательством Асаны собрался кабинет министров. До начала заседания Негрин позвонил Прието и основному его стороннику Сугасагойтия и попросил поддержать его, если на заседании кабинета кто-то упомянет о переговорах. Оба согласились, считая, что премьер-министр сам хочет предложить идею переговоров. Последние недели Прието только и мечтал о них. Он предложил заблокировать зарубежные счета республики, чтобы с их помощью поддержать тех, кому после мирных переговоров придется отправиться в изгнание. Негрин ответил, что «обо всем этом позаботятся». На предварительной встрече перед началом заседания Негрин оборонил, что до него дошли слухи, будто кто-то из министров выступает за мир. Все промолчали. Хираль, министр иностранных дел, сказал, что Лабонне, новый французский посол, предложил

членам правительства укрытие в посольстве на случай окончательного краха. Республиканский флот, добавил Лабонне, может перейти в Бизерту или Тулон. Последнее предложение всех разозлило. Кабинет решил, что французы в очередной раз заботятся только о себе и хотят вывести из Средиземного моря флот, который, попади он в руки националистов, будет представлять потенциальную опасность для Франции. Затем министры направились в кабинет Асаньи. Сюда доносились гневные голоса огромной толпы, собравшейся у дворца. Демонстрация протестовала против мирных переговоров и требовала отставки Прието. Хотя организовали ее коммунисты, в ней приняли участие и анархисты. Толпа несла лозунги «Долой министров-предателей!», «Долой министра национальной обороны!». Ворота дворца Педральбес поддались, и толпа барселонцев, возглавляемая коммунистами, хлынула во двор, собравшись под высокими французскими окнами кабинета Асаньи. Прието, основной объект народного гнева, слышал голос Пассионарии, своего главного врага, которая горячо подбадривала возбужденных сторонников. Негрин наконец уговорил толпу убраться, заверив ее, что война будет продолжена. Позже Прието обвинил премьер-министра в организации этой демонстрации. Правда, свидетельств тому не имелась. Но даже в этом случае трудно было себе представить, что Прието мог бы возглавить какие-то переговоры. И сейчас, и позже националисты требовали лишь одного — безоговорочной капитуляции. Она включала свободу уничтожения «абсолютных врагов». Этими словами Серрано Суньер охарактеризовал даже тень левой оппозиции, от либералов до анархистов.

28 марта состоялось важное заседание Военного совета. Мрачность Прието оказывала влияние на всех присутствующих. Негрину пришлось вмешаться и заверить генералов, что они пользуются его полным доверием. 29 марта, когда Эль Кампесино продолжал отважно отстаивать Лериду, а 15-я интербригада столь же мужественно дралась под Гандесой, республиканский кабинет министров встретился в Барселоне. Прието (по словам Негрина) «со своим убедительным красноречием, с привычным для него пафосом, совершенно деморализовал кабинет, в ложном свете представив результаты совещания Военного совета». В ночь с 29-го на 30-е Негрин был полон «трудных и мучительных размышлений». В результате он решил убрать Прието из министерства обороны, сохранив тем не менее за ним место в правительстве.

3 апреля Лерида и Гандеса пали под натиском националистов.

140 англичан и американцев, членов 15-й интербригады, попали под Гандесой в плен. Однако бригада несколько дней успешно противостояла Ягуэ, что позволило ей перегруппироваться и без потерь эвакуировать технику. Два дня спустя Индалесио Прието лишился своего поста.

Нередко утверждалось, что в то время Негрин стал жертвой шантажа коммунистов. Их обвиняли в том, что они пугали премьер-министра. Если Прието не будет смещен, говорили они, Советский Союз прекратит оказывать помощь. Но с 17 марта в Испанию продолжали поступать из России самолеты и артиллерия средних калибров. Транспортные самолеты приземлялись в Бордо, и оттуда уже грузы через Пиренеи доставлялись в Барселону. Откровенно говоря, Негрин и сам, без подталкивания коммунистов, решил сместить Прието из-за его пораженческих настроений. Он хотел сделать его министром без портфеля или министром общественных работ. Но Прието оказался от этих постов и покинул правительство. Стоял вопрос, может или нет дон Индалесио занять важное положение в кабинете, ибо он тоже не надеялся на победу и все время искал возможности для переговоров. Но к тому времени Индалесио уже должен был понимать, что единственным способом заключить мир с националистами была капитуляция.

Позже Прието объяснял свой уход из министерства обороны тем, что устал бороться с попытками коммунистов взять армию под свой контроль. Он описывал свои стычки с коммунистами как споры из-за вопросов стратегии и тактики. Прието рассказал, как две судоходные компании «Франс навигасьон» и «Мид Атлантик», созданные для закупок оружия за границей, коммунисты позднее использовали в целях получения личной коммерческой прибыли. Тем не менее он не считал, что с точки зрения ведения войны социальная и военная политика соответствовала пожеланиям коммунистов. Прието не мог объяснить, какую иную политику он мог бы вести, кроме дружбы с Россией, которая оставалась единственным надежным источником военного снабжения, если не считать разрушенной промышленности Каталонии. Не мог он и предложить ничего другого, кроме как продолжать войну, когда националисты предлагали только безоговорочную капитуляцию. Все его планы мирных переговоров с Франко потерпели поражение. Истина заключалась в том, что Прието был полностью измотан войной и своими спорами с коммунистами.

В то время и в среде коммунистов разразился кризис. Советское правительство хотело, чтобы они вышли из состава

правительства Негрина. Немедленно было собрано партийное собрание, которое проходило в привычной атмосфере взаимной ревности и сигаретного дыма. «Неужели Москва хочет, чтобы республика потерпела поражение?» — спросил Эрнандес. Болгарин Степанов ответил: это решение необходимо для того, дабы убедить общественное мнение Англии и Франции, что коммунисты не заинтересованы в захвате власти в Испании. И если разразится война в Европе, Советскому Союзу будет легче установить союз в Англией и Францией⁴. Тем не менее приказы Москвы частично были приняты к исполнению. Урибе остался министром сельского хозяйства, а Эрнандес, оставив министерство образования, стал генеральным комиссаром армий Центра и Юга, получив на этом посту гораздо большую власть. Эти довольно незначительные, поверхностные изменения в составе кабинета были более чем компенсированы возвращением в министерство иностранных дел горячего апологета Советского Союза Альвареса дель Вайо⁵. Другими социалистами в кабинете, кроме Негрина, были Гонсалес Пенья, который стал министром юстиции, и Паулино Гомес Сайнс — теперь министр внутренних дел. Баск Ирухо получил пост министра без портфеля, а каталонец Айгуаде остался министром труда. Для укрепления правительства в него был включен Сегундо Бланко из CNT, занявший пост министра образования и здравоохранения. Анархисты согласились таким образом поддержать Негрина (как они поддерживали Ларго Кабальеро в далекие героические дни ноября 1936 года), поскольку кризис достиг едва ли не апогея. Остальные четыре поста достались республиканцам — Хиралю (министр без портфеля), Хинеру де лос Риосу (министр транспорта), Велао Оньяте (министр общественных работ) и Мендесу Аспе, близкому другу Негрина, который стал министром финансов. Бывший министр внутренних дел Сугасагойтия, ко всеобщему удивлению, стал генеральным секретарем министерства обороны.

В день краха Прието войска генералы Аранды впервые увидели перед собой Средиземное море. Через несколько дней и итальянцы практически вышли к морю у устья Эбро. Их остановило у Тортосы упрямое сопротивление частей Листера. Полковник Гамбара, командовавший войсками на поле боя, сообщил о раздорах с испанцами. Чиано сразу же согласился, что его соотечественники отнюдь не всегда правы. «Итальянские офицеры часто демонстрируют упрямство и провинциальную нетерпимость, объяснимые только их общей невежественностью», — заметил он. К северу, в Каталонии, наступление националистов продолжалось. К 8 апреля

пали Балагер, Тремп и Камараса. Барселона была отрезана от источников электричества, которое вырабатывали пиренейские водопады. Пришлось запускать старый паровой генератор.

К 15 апреля стало ясно, что конец войны близок. В этот день Страстной Пятницы генерал Алонсо Вега во главе Наваррской дивизии взял Винарос, рыбацкий городок, известный добычей рыбы, и водрузил крест на берегу Средиземного моря. Его солдаты, полные восторга, подставляли себя морским волнам. Республика, несмотря на отчаянное сопротивление и вдоволь вооружения, оказалась разрезанной на две части. Правительство осталось в Барселоне, а Мьяха, которому был придан главным комиссаром Эрнандес, стал верховным главнокомандующим в Центральной и Юго-Западной Испании, которая еще оставалась в руках Испании. Пропаганда непрерывно представляла его как «испанского генерала Жоффра».

На следующий день, 16 апреля, Чемберлен добился заключения англо-итальянского пакта о Средиземноморье. Италия обязалась по окончании войны вывести свои войска из Испании. И только тогда пакт вступал в силу. Обе страны согласились гарантировать статус-кво в районе Средиземного моря. Перт, отметил Чиано, был тронут. «Вы знаете, — сказал он, — как я хотел этого добиться». — «Это правда, — добавил Чиано. — Перт проявляет дружелюбие — имеются десятки доказательств того, что он в наших руках». Аскарате послал протест Форин Офис, выразив недовольство, что в результате публичного обмена письмами между Англией и Италией было беспрекословно принято условие: итальянские войска останутся в Испании до конца Гражданской войны. В то же время Британия номинально поддерживала Пакт о невмешательстве и план вывода добровольцев⁶. Газета «Правда» осудила англо-итальянский пакт как благословение Муссолини и его «войны против испанского народа». Черчилль повторил то же самое в письме к Идену. «Это полный триумф Муссолини, — заявил он, — который получил наше сердечное согласие на укрепление своих позиций в Средиземноморье, направленных против нас, на военные действия в Абиссинии, на насилие в Испании». За лето 1938 года английские консерваторы во главе с Черчиллем, оппоненты Чемберлена, прониклись симпатиями к республике⁷.

Но сейчас, так же как и в прошлом, не было никаких признаков, что Италия собирается соблюдать условия пакта о невмешательстве. Никакого воздействия не произвело и красноречивое обращение Альвареса дель Вайо к Англии и Франции,

когда он снова стал министром иностранных дел, — положить конец политике невмешательства. 11 апреля в Испанию прибыли еще триста итальянских офицеров. Со своей стороны, Германия решила, что близкая победа националистов может положить конец всем стараниям по выводу волонтеров. Тем не менее немецкое министерство иностранных дел проинструктировало свое посольство в Лондоне соглашаться с любой формулой вывода добровольцев. Гитлер теперь уже хотел вывести из Испании и свои войска. «Австрийские военно-воздушные силы нуждаются в модернизации, — заявил он, — и наши солдаты больше не могут учить других». Франко предложил отпустить легион «Кондор», но с тем условием, что самолеты, зенитки и другое снаряжение останутся в распоряжении испанских летчиков, обученных немцами. Тем временем генералиссимус уже начал готовиться к победе — как он это понимал. 5 апреля он отменил Конституцию Каталонии. Использование каталанского языка было официально запрещено. Эти меры, так же как и налеты на Барселону, вызвали гнев, но не страх.

Примечания

¹ Возможно, частично это объясняется появлением известий, что против Франко в Тетуане был поднят военный мятеж. Новость была сфабрикована отделом пропаганды Коминтерна. Ее подробности разрабатывал Отто Кац, а распространял Клод Кокберн. Фальсификация ставила своей целью создать впечатление, что Франко еще может потерпеть поражение и посему со стороны Франции имеет смысл открыть границы.

² Открытое письмо с выражением своего возмущения было написано группой достаточно известных англичан, среди которых были церковные деятели, предприниматели, юристы и так далее. В то время массовые убийства гражданских лиц еще могли шокировать общественное мнение. Под одним из таких писем поставил свою подпись Герберт Уэллс. Представитель националистов в Англии герцог Альба, написав ему, выразил искреннее удивление, что у столь великого писателя может быть что-то общее с «чернью».

³ Испанские летчики привыкли считать воздушный бой чем-то вроде схватки с быком. И, рассказывая об отдельных его эпизодах, они восклицали, как на арене: «Аль-торо!»

⁴ 18 марта советское правительство предложило заключить «всеобщее соглашение» вне рамок Лиги Наций, направленное против Гитлера. Эта идея была решительно отвергнута Чемберленом.

⁵ В дальнейшем и другие ключевые посты были заняты коммунистами: Нуньесом Масой (заместитель министра авиации), Кордоном (заместитель военного министра), Идальго де Сиснеросом (глава военно-воздушных сил), Прадосом (начальник штаба флота), Куэвасом (генеральный директор службы безопасности), Марсьялем Фернандесом (генеральный директор службы карабинеров).

⁶ Посол республики добавил, что британская политика вызывает «стыд и возмущение», из-за чего республика свела свои отношения с Соединенным Королевством до минимума.

⁷ Черчилль в ходе дружеского разговора с послом республики Аскарате после обеда в советском посольстве выразил симпатии к республике. Черчилль изменил свое отношение к ней в основном благодаря своему зятю мистеру Дункану Эндису, который посетил Барселону весной 1938 года.

Глава 68

Война в Пиренеях. — Падение Тортосы. — Кампания Мазстрасго. — Недовольство среди националистов. — Речь Ягуэ 19 апреля. — Республика разрезана надвое. — Сотрудничество с Францией. — Тринадцать пунктов Негрина. — Альварес дель Вайо снова в Лиге Наций. — План относительно добровольцев. — Бомбежки и гибель судов. — Английские корабли в опасности. — Немцы ссорятся из-за шахт. — Ситуация в середине июня. — Наступление на Валенсию. — Валенсия спасена.

Тем не менее республика не считала, что потерпела поражение. Главным образом это объяснялось тем, что 17 марта французы заново открыли границу на Пиренеях, а частично — реорганизацией генерального штаба, где царил призрак неминуемого поражения. Новое правительство Негрина выдвинуло нового главнокомандующего вместо Рохо, старательного и талантливого бывшего сержанта легиона, коммуниста Модесто. То ли потому, что Рохо просто устал и поэтому поддался влиянию пессимизма Прието, но с появлением нового командования в генеральном штабе республики воцарился новый дух. Эти перемены тут же отразились на ходе военных действий. Кроме того, не исключено, что командиры националистов и их войска приустали после серии блистательных кампаний.

Тем временем серьезность военной ситуации заметно укрепила единство рабочего класса. 18 марта UGT и CNT подписали соглашение, ознаменовавшее дальнейший отход от идеалов анархизма. Промышленность теперь полностью была подчинена централизованному экономическому планированию. Коллективизация сельского хозяйства могла носить добровольный характер. В то же время UGT согласился обратиться с просьбой в правительство приостановить разгон коллективных ферм и поддержать установление рабочего контроля на тех предприятиях, которые этого заслуживают. Оба профсоюза пришли к соглашению, что их основная цель — обеспечить максимальный выпуск продукции. На деле кол-

лективизация всюду уступила место государственному контролю. Правительство неустанно назначало «посредников» в качестве наблюдателей на те концерны, которые все еще управлялись комитетами рабочих. Министерство экономики должно было снабжать эти концерны сырьем, которого в противном случае у них не хватало бы. Кроме того, республика попыталась, хотя и без больших успехов, убедить эмигрировавших бизнесменов вернуться в Испанию.

В Пиренеях генералы Сольчага, Москардо и Ягуэ продвинулись до реки Сегре и ее притока Ногуэры-Палларесы, который тянулся до французской границы¹. Они оставили анклав, занимаемый одной республиканской дивизией полковника Бельтрана, псевдоним которого был Хитрец, в Вальдель-Альто-Синка, как раз у границы. По руслу Эбро, которая после слияния с Сегре текла к морю, и образовался Северный фронт. Оно представляло собой естественную линию обороны для Каталонии, которую республиканцы надежно укрепили саперными сооружениями.

У устья Эбро итальянцы взяли Тортосу только 18 апреля. Город наконец пал, и бойцы откровенно радовались, что хоть какое-то время им не придется участвовать в боях. Их командир генерал Берти хотел отвести их на отдых подальше от поля боя, но Франко настоял, чтобы им выделили «спокойный сектор на спокойном участке фронта» выше по Эбро.

На южной стороне клина националистов, который вышел к самому морю, наступление франкистов тоже основательно замедлилось. Здесь ударные дивизии Варелы под командованием генералов Баутисты Санчеса, Дельгадо Серрано и Гарсиа Эскамесы пошли в наступление от Теруэля через унылые равнины Маэстрастро. Республиканская линия обороны была прорвана первым же ударом. Но тут изменилась погода — хлынули проливные дожди. Они заметно помогли обороняющимся, которые успели получить подкрепление, в том числе истребители и зенитки. Наступление окончательно остановилось 27 апреля. 1 мая была сделана еще одна попытка вырвать победу, сияние которой было так близко. В 20 километрах от Средиземного моря и в 35 километрах к востоку от Варелы генерал Аранда поднял войска в новую атаку. Генерал Гарсиа Валиньо, фланги которого были прикрыты силами Варелы и Аранды, возглавил небольшую мобильную часть, которая тоже двинулась вперед. Но все три линии наступления встретили ожесточенное сопротивление. Дрались за каждый пригорок. Наступление, хотя и медленно, все же продолжалось, но его трудности вызвали новый прилив политического недовольства в националистской Испании. Франко критиковали за то, что

он нанес удар к югу на Валенсию вместо того, чтобы наступать в восточном направлении на Каталонию. Ягуэ, выступая 19 апреля на юбилейном банкете фалангистов в Бургосе в честь основания объединенной партии фалангистов и карлистов, высоко оценил боевое искусство республиканцев и назвал немцев и итальянцев «стервятниками». За это он понес наказание — его надолго отстранили от командования. Через сутки у фалангистов возник новый повод для возмущения. Появился указ, который не только официально давал иезуитам право на возвращение, но и предоставлял им такое положение, которым они не обладали даже при монархии. Два красноречивых священника — брат Менендес Рейгада и брат Лудзурика, апостолический администратор епископата в Басконии, — стали ближайшими советниками Франко. Вскоре были восстановлены и нормальные отношения с Ватиканом.

Республика давно ожидала и опасалась, что ее территория будет рассечена надвое, но, когда это произошло, были введены в действие административные меры. База интернациональных бригад в Альбасете была переведена в Барселону. Несколько городков в провинции Таррагона превратились в базы снабжения. Между Барселоной и Валенсией была установлена почтовая связь, которую обеспечивали подводные лодки; они же доставляли пассажиров и грузы. Республиканские лидеры регулярно пересекали по воздуху линии мятежников, курсируя между двумя половинами своей территории. Генерал Мьяха получил и военную и гражданскую власть в центральных провинциях. Последствия такого рассечения оказались далеко не столь серьезными, как можно было бы ожидать. Новое французское правительство Даладьё² открыло каналы в Южной Франции, чтобы республиканские корабли могли переходить из Средиземного моря в Атлантику. В начале мая Даладьё сообщил американскому послу в Париже Буллиту, что он полностью открыл французскую границу. Россия, сказал он, согласна перебросить в Каталонию 300 самолетов на том условии, что из Франции их будут транспортировать французы. Даладьё предоставил для перевозки мощных грузовики, но все же в Аквитании на протяжении нескольких миль пришлось срубить деревья вдоль дорог, чтобы самолеты не цеплялись за них крыльями. Фланден, член кабинета, позднее признал, что в апреле и мае через границу в Пиренеях было переброшено 25 000 тонн военного снаряжения (в основном присланного из России, но немалая часть была закуплена и во Франции). Но в дискуссиях относительно модели Чемберлена, которые начал вести с Италией Жорж Бонне, министр иностранных дел в правительстве Даладьё, не было

достигнуто никакого прогресса. Переговоры были окончательно прерваны 15 мая, когда Муссолини публично заявил, что не знает, какой в них толк, потому что в Испании обе страны находятся «по разные стороны баррикад».

В этой атмосфере для республики появился проблеск надежды — 1 мая Негрин опубликовал декларацию, где были перечислены цели войны, которые преследует республика; образцом для нее послужили четырнадцать пунктов президента Вильсона. Пункты Негрина оговаривали следующие требования: абсолютная независимость Испании; вывод всех иностранных воинских формирований; всеобщие выборы; никаких репрессий; уважение прав и свобод регионов; обеспечение собственности капиталистов, но не больших трестов и монополий; реформа сельского хозяйства; гарантия прав рабочих; «культурное, физическое и моральное развитие народа»; армия вне политики; отказ от войны; сотрудничество с Лигой Наций; взаимная амнистия врагам. Десять из этих пунктов были предложены Альваресом дель Вайо и три — Негрином³.

В какой-то мере все тринадцать пунктов Негрина были перечнем условий заключения мира. С этого времени Негрин, человек умный и осторожный, делал попытки вступить в мирные переговоры. У него состоялось несколько встреч с немецким послом в Париже графом Вельчеком, но установить контакт с Франко ему так и не удалось. Кроме того, он надеялся вступить в переговоры через кузена Серрано Суньера, но снова его постигла неудача. Трудно осуждать Негрина за продолжение войны, поскольку никакой альтернативы капитуляции не существовало. После неудачи своих попыток ему оставалось лишь возлагать надежды на всеобщую войну, которая, как он надеялся, в конечном итоге и разрешит все проблемы Испании. Но коммунистическую партию такой подход решительно не устраивал⁴. В то же время стало известно, что Ривас Чериф, шурин и близкий друг Асаньи, генеральный консул республики в Женеве, тоже попытался вступить в переговоры с другой стороной, но и его постигла неудача⁵.

13 мая Альварес дель Вайо снова предстал перед Советом Лиги Наций. Он настаивал, чтобы те государства, которые в октябре потребовали пересмотра политики невмешательства, если она в ближайшее время не докажет свою эффективность, приступили к этому пересмотру. Но лорд Галифакс, новый министр иностранных дел в правительстве Чемберлена, предотвратил немедленное голосование по этому вопросу. Без сомнения, всю его энергию поглощало развитие кризиса в Чехословакии. У некоторых делегаций, таких, как Китая или Новой Зеландии, которые в данный момент могли бы поддер-

жать Испанию, не было времени проконсультироваться со своими правительствами. Они воздержались. Поздним вечером того дня, когда был поднят этот вопрос, голосование все же состоялось. Испания и Россия проголосовали за резолюцию, призывающую к действиям; Англия, Франция, Польша и Румыния — против нее, а остальные девять государств, входивших в совет, воздержались. Увеличение числа тех, кто воздержался, отражало растущие симпатии к республике, даже среди тех, кто по традиции придерживался правых взглядов. Кроме того, на американское правительство было оказано давление со стороны всех групп с призывом положить конец эмбарго на поставки оружия в Испанию. Известный коммунист Дрю Пирсон заметил, что «Вашингтону доводилось видеть все виды лоббирования... но раньше ему редко приходилось сталкиваться с людьми во всех концах страны, тратящими деньги на дело, от которого они не получают никакой материальной выгоды». Бывший государственный секретарь Х.Л. Стимсон и недавно покинувший свой пост посла в Германии Вильям Додд подписали петицию против эмбарго. Эйнштейн и другие ученые тоже присоединились к этой кампании. Член палаты представителей Байрон Скотт и сенатор Най внесли в конгресс резолюцию, требующую положить конец эмбарго. 3 мая Корделл Холл встретился со своими советниками в госдепартаменте, чтобы обсудить резолюцию сенатора Ная. Холл и другие чиновники согласились, что эмбарго должно быть снято. Без сомнения, это решение усилиями ряда лиц стало известно, и оно попало в «Нью-Йорк таймс». Новый американский посол в Лондоне Кеннеди, католик и убежденный сторонник правительства Чемберлена, протелеграфировал о своем серьезном беспокойстве — эта мера может вызвать продолжение Гражданской войны. Католики в Соединенных Штатах также протестовали против такой помощи «большевикам и атеистам». Рузвельт, который в это время проводил отпуск на рыбалке в Карибском море, сказал Холлу, чтобы тот не торопился, и, когда президент вернулся в Вашингтон, решение об отмене эмбарго было пересмотрено.

Тем временем Литвинов пожаловался Луису Фишеру, американскому журналисту, закупавшему оружие для республики, что его друзья постоянно терпят поражения. «Вечно обороняются, — сетовал он, — вечно отступают». — «Если вы дадите им еще 500 самолетов, они смогут выиграть войну», — сказал Луис Фишер. Литвинов возразил, что они куда больше пригодятся Союзу в Китае, чем в Испании. Правда, у него лично в любом случае самолетов не имеется. «Я имею дело всего лишь с дипломатическими документами», — добавил он. Тем не

менее он пообещал обратиться к своему начальству. Но если бы даже ему удалось убедить их поставить еще 500 самолетов, перебросить их в Испанию было почти невозможно. С 13 июня Даладе под давлением Британии снова закрыл границу. Частично это было сделано для того, чтобы поощрить Франко принять план вывода волонтеров. Доставку грузов из Советского Союза через Средиземное море признали невозможной из-за блокады националистов. Те несколько месяцев, в течение которых оружие и боеприпасы могли свободно поступать в республику, подошли к концу. Через месяц Первая палата французского Апелляционного суда вынесла решение: золото Банка Испании, хранившееся во Франции в «Мон де Марсан», принадлежит «частному обществу» и поэтому не может быть возвращено республике. Хотя это решение и не было политическим актом (на самом деле министр финансов Поль Рено и Гастон Палевски, его заместитель, были среди самых ярких сторонников республики), оно показывало подлинные чувства Франции по отношению к испанской войне.

С 1 июня в Испанию к националистам стали прибывать новые итальянские части. Чиано заверил Мильяна Астрая и группу испанских летчиков, прибывших в Рим, что, «несмотря на все комитеты, Италия не оставит Испанию, пока флаг националистов не взвоет на самых высоких башнях Барселоны, Валенсии и Мадрида». В это время итальянское воинство отдыхало в низкопробных кабаке и борделях Сарагосы.

Британское правительство пусть и неохотно, но все же вернулось к «испанскому вопросу» — ведь националисты с новой силой начали бомбить республиканскую Испанию. Ближе к концу мая возобновились и бомбежки Барселоны, наряду с налетами на другие прибрежные города Средиземноморья, включая Аликанте и Валенсию. 1 июня бомбы упали всего в полумиле от домов английского вице-консула и консула США в Аликанте. 2 июня налету подвергся Гранольерс, городок в 30 километрах от Барселоны, в котором не было никаких военных объектов. Погибли от 350 до 500 человек (главным образом женщины и дети). Галифакс послал в Бургос несколько телеграмм с протестами. Сэр Невилл Чемберлен попросил Вайцеккера использовать все влияние Германии, чтобы положить конец этим беспорядочным налетам. С той же просьбой к Чиано обратился Перт, а к кардиналу Пачелли — английский посланник при Святом Престоле. Чиано, как всегда вежливо, пообещал сделать все, что в его силах. Пачелли объяснил, что в этих вопросах Святой Престол постоянно использует свое влияние на Франко. Наконец Англия решила поддержать идею комиссии, которая

должна была разобраться с этими налетами и убедиться, что они в самом деле были направлены на военные цели. Но ни одна из стран, к которым Англия обратилась с предложением принять участие в комиссии (США, Швеция, Норвегия, Голландия), на это не согласилась, оберегая свое спокойствие. Тем не менее Британия послала для проведения расследования двух своих офицеров. Хотя они выяснили, что почти в каждом случае бомбы падали на гражданские объекты, их выводы ни к чему не привели.

Ситуация продолжала ухудшаться, и причиной тому были возобновившиеся нападения на английские суда в испанских территориальных водах. К тому времени почти всю морскую торговлю с республикой вели английские корабли, поскольку скандинавские купцы решили, что риск погибнуть или быть захваченным слишком велик. От середины апреля до середины июня 22 британских судна (из 140, что поддерживали торговлю с республикой) подверглись нападениям и были потоплены или же получили серьезные повреждения. Погиб 21 английский моряк и несколько наблюдателей от Комитета по невмешательству. По словам сэра Александра Кадогана, сменившего в Форин Офис Ванситтарта, кабинет Чемберлена был «очень огорчен». Английские судоводители настойчиво звали о помощи. Правительство ежедневно подвергалось нападкам оппозиции в палате общин за то, что позволяет сохранять такое положение дел. Оппозицию особенно возмутило назначение на пост парламентского заместителя министра труда Аллана Ленокс-Бойда, общепризнанного сторонника генерала Франко. Назначение это, особенно учитывая трагическое положение с ростом безработицы, было сочтено сознательной провокацией. Даже богатый словарный запас мистера Р.А. Батлера, парламентского заместителя министра иностранных дел (когда лорд Галифакс выступал в палате лордов, он брал на себя обязанности главного правительственного оратора по иностранным делам в палате общин, где ему приходилось выступать чаще, чем даже премьер-министру), не смог объяснить, почему правительство не разрешает ни поставки зениток в республиканскую Испанию, ни вооружать торговые суда. Тем не менее стало ясно, что налеты на английские корабли, главным образом итальянской авиации с Мальорки, носят продуманный характер. Несколько консерваторов, таких, как Дункан Сэндис, единодушно поддержали Ноэль-Бейкера в палате общин, протестуя против унижительность этой ситуации. Бивен вспомнил, как в таких случаях поступал Клайв⁶ в Индии, а Ллойд-Джордж потребовал в виде ответного удара разбомбить итальянские

военные базы на Мальорке. Черчилль заявил: «Я думаю, мы имеем полное право сказать генералу Франко: «Если это будет продолжаться и впредь, мы будем захватывать ваши корабли в открытом море... Я могу понять, когда ради мира приходится идти на унижения. Я поддержал бы правительство, если бы чувствовал, что мы стараемся укрепить безопасность в мире. Но боюсь, что наше унижение будет неправильно понято. Я боюсь, что оно... лишь подвергнет нас опасностям, от которых мы всеми силами стараемся уберечь нашу страну». Лорд Сесил Челвуд отказался от роли «партийного хлыста»⁷ консерваторов в палате лордов из-за неэффективности действий правительства. Доктор Темпл, архиепископ Йоркский, вместе с другими прелатами воззвал к «решительным действиям». Но Чемберлен заметил в своем дневнике: «Я обдумывал самые разные формы возмездия, но мне абсолютно ясно, что ни одна из них не принесет результата, пока мы не будем готовы вступить в войну с Франко... Конечно, может дойти и до этого, если Франко и дальше будет делать глупости». Чемберлен, конечно, понимал, что война с Франко, пусть даже она не заставит английский народ переносить чрезмерные трудности, будет означать войну и с Германией вкуче с Италией. И снова правительство оказалось не готово поступиться хоть частью своей политики «всеобщего умиротворения». Националисты предложили сделать Альмерию «зоной безопасности», но это решение было отвергнуто и республикой, и Комитетом британских судовладельцев, поскольку лишь одна седьмая часть судов, в то время посещавших порты республики, могла разместиться в Альмерии. Ситуация продолжала накаляться. Но самые различные решения ее, предлагавшиеся в Бургосе сэром Робертом Ходжсоном, доказали свою неэффективность. И на виду у британского военного корабля было потоплено английское же судно. Такое случилось «впервые в истории», скорбно признал Боуэрс, американский посол и убежденный сторонник демократии⁸. Отметил это и Прието в своей речи в Барселоне: «Кто мог подумать, что такое возможно? Мы, строя международные отношения, постоянно сталкивались с гордой надменностью Англии, которая не терпела ни малейшего ущерба ее материальным интересам, ни угрозы жизни своим подданным. Но вот перед нами на кладбище тела английских моряков, которые заплатили своими жизнями за веру, что находятся под защитой империи».

Продолжающиеся бомбежки наконец вынудили лорда Перта сказать Чиано, что он опасается падения правительства Чемберлена «в случае подолжения налетов». С начала июля

им был положен конец, и самолеты шесть или семь недель не поднимались в воздух — просто для того, чтобы предотвратить такое катастрофическое развитие событий для Франко и Муссолини. Кризис ухудшил отношения между испанскими националистами и их союзниками. Ибо, если Германия и Италия отрицали свою ответственность, она, в сущности, возлагалась на Франко. Шторер получил инструкцию заявить каудильо: «Германия надеется, что он убережет легион «Кондор» от поношений».

И тут Германия втянулась в гораздо более серьезную ссору с Франко. Несмотря на возражения, что ему не стоило бы этого делать, Франко подписал закон о горном деле, не показав его предварительно Штореру. Немцев должно было удовлетворить разрешение инвестировать до 40 процентов капитала и возможность в виде исключения увеличить эту долю. Таким образом, их устраивал этот закон, но не способ его публикации. Шторер возмущенно осведомился, является ли он еще «персона грата». Ему объяснили, что Франко был очень занят. «Неужели настолько, — отвечал Шторер, — что он не смог выделить полчаса немецкому послу?» Позже Шторер принял Хордана, который объяснил ему, как они с Франко отстаивали интересы Германии на заседании кабинета министров и добились внесения благоприятных для нее поправок. «Прими вас Франко до публикации декрета, — добавил он, — вражеская пропаганда стала бы утверждать, что генералиссимус уступил нажиму Германии». — «Но газеты не стали бы сообщать о моем визите», — возразил Шторер. С кислой миной Германия приняла извинения и сам закон о концессиях.

Тем временем наступление националистов в Маестрасго и вдоль побережья Средиземного моря продолжалось, но очень медленно. Силы республики под командой генерала Менендеса сопротивлялись умело и мужественно. Командир легиона «Кондор», генерал Фолькманн, сменивший Шперрле, сообщал, что материальная часть работает на пределе. Только 14 июня, после нескольких дней ожесточенных боев на подступах к Капельону, что лежал в шестидесяти милях к югу от Винароса, Аранде удалось взять город. Сорок политических заключенных были расстрелены, и перед тем, как его покинули последние республиканские части, город отдан на разграбление. Националисты с гордостью сообщили о взятии большого портового города Эль-Грао-де-Кастелло. Теперь они стояли всего в пятидесяти милях к северу от Валенсии. Но когда до Сагунто оставалось пройти всего восемь миль к северу, военное противостояние зашло в тупик. Националистам к тому времени удалось добиться единственного успе-

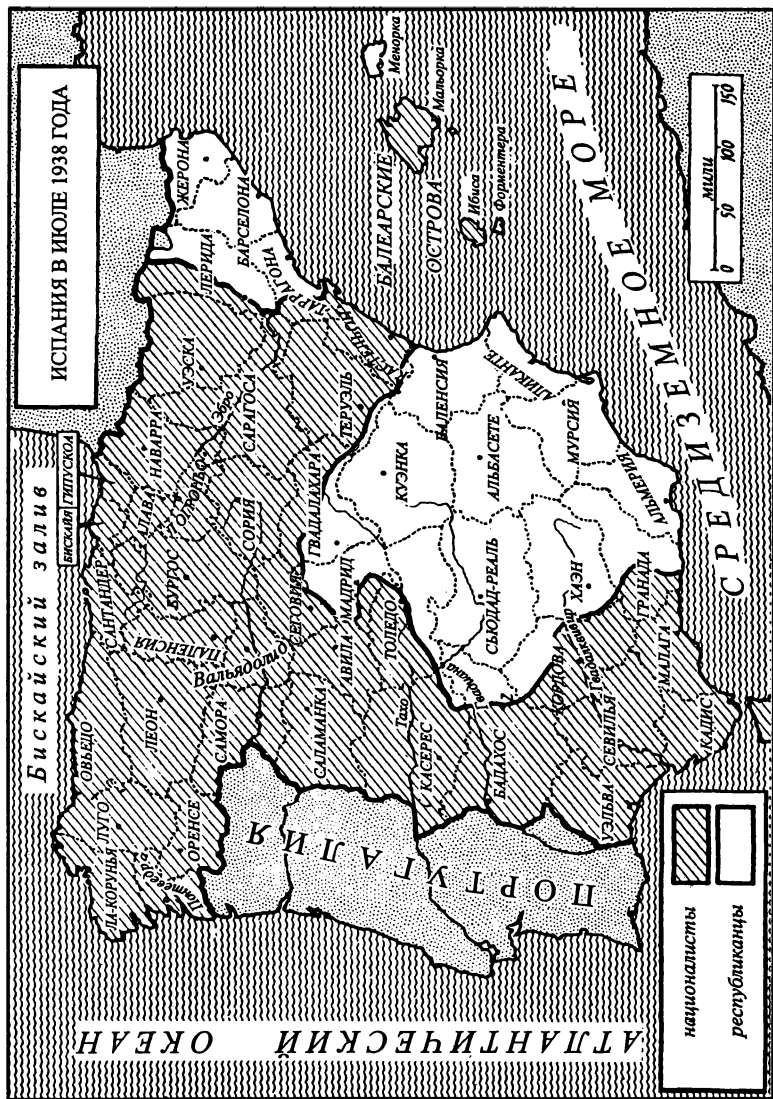
ха — генерал Ируретагойена взял анклав «Хитреца» в Вальдель-Альто-Синка. 16 июня пал пиренейский город Бьельса. 4000 человек ушли во Францию. Французские власти опросили каждого из них: в какую часть Испании он хочет перебраться. 168 человек изъявили желание оказаться на стороне националистов.

Ни в Испании, ни вне ее ситуация, сложившаяся к середине июня, не позволяла предполагать, что война близится к концу. В лагере националистов оптимизм весенних месяцев практически сошел на нет. Повсеместно чувствовалась усталость. По словам Шторера, «террор, который Мартинес Анидо установил на стороне националистов», был «невыносим даже для фаланги». Снова, как и в начале войны, методы старого режима в Испании шокировали новых террористов фаланги. Негрин, выступая в Мадриде 18 июня, сказал, что, если Испания хочет сохранить себя свободной страной, война более не должна продолжаться ни единой секунды. Но единственным путем достижения мира для Франко продолжала оставаться капитуляция, а отнюдь не урегулирование. За границей Литвинов объявил, что Советский Союз будет только рад уйти из Испании на условии «Испания для испанцев», а 17 июня в «Правде» Илья Эренбург предложил протянуть «руку примирения» фалангистам, которых он назвал «испанскими патриотами».

27 мая Майский наконец согласился с планом вывода добровольцев, разработанным в Комитете по невмешательству. В Испанию предполагалось послать две комиссии. Одну, которая должна была пересчитать количество иностранцев, и другую для контроля вывода из страны. Стоимость этой операции колебалась от 1,75 миллиона фунтов стерлингов до 2,25 миллиона. Расходы должны были взять на себя страны, провозгласившие политику невмешательства. План урегулирования был послан для оценки обеим сторонам испанского конфликта.

Отношение к нему националистов выразил Хордана. Он объяснил Штореру, что, «приняв план в принципе, Невилл Чемберлен укрепит свое положение, но умелым маневрированием и контрпредложениями выиграет максимум времени, в течение которого война будет продолжаться». Общие настроения лучше всего выразил Майский, подставив и свою страну, когда сказал, что «общая манера поведения посреднических сил заставляет меня сомневаться, в самом ли деле будет иметь место эвакуация «добровольцев».

5 июля армия националистов в Леванте предприняла мощное усилие, чтобы прорваться к Валенсии⁹. Гарсиа Валиньо

Карта 31. Испания в июле 1938 года

двинулся с севера из Кастиельона, но его остановил горный хребет Сьерра-де-Эспадан, тянувшийся почти до самого моря, с отрогов которого нельзя было подавить правительственные войска Дурана. 31 июля Варела вместе с Берти и его тремя итальянскими дивизиями, а также наваррцами Сольчаги двинулся на юг из Теруэля. Тяжелое вооружение итальянцев решило исход сражения в первые же его дни, но республиканцы сопротивлялись, как всегда, стойко. Части карабинеров долго держались у Мора-де-Рубьелос. Но после падения Сарриона пришлось оставить и надежные оборонительные позиции вдоль Сьерра-де-Торо. Фронт начал распадаться на отдельные участки, напоминая тревожную ситуацию в Арагоне. При мощной поддержке артиллерии и авиации наваррская и итальянская пехота за пять дней покрыла 100 километров по всему фронту шириной в 30 километров. Единственным препятствием на пути к мирным и процветающим окраинам Валенсии, беззащитным перед лицом войны, стали оборонительные сооружения перед небольшой деревней Вивера, откуда они тянулись до Сьерра-де-Эспадан. Тем не менее линия обороны была продумана блистательно и с выдумкой. Перекрытия блиндажей оказались способны выдержать попадание 1000-фунтовой бомбы. Наступление националистов остановили. Снаряды и бомбы не оказывали никакого воздействия на обороняющихся, которые состояли только из испанцев под командой Менендеса. Все атаки пехоты националистов отбрасывал убийственный пулеметный огонь. 18—23 июля националисты понесли тяжелые потери, которые, по оценке республики, составляли 20 000 человек. Стало ясно, что наступление захлебнулось. Валенсия была спасена.

Примечания

¹ Тысячи обитателей Северного Арагона ушли во Францию. Было подсчитано, что в апреле границу пересекли 20 000 человек, 8000 из которых сквозь снежные завалы преодолели высоту в 7000 футов. Французское правительство отказалось принимать участников военных действий. Все же в Лачоне их опросили, куда они хотят направиться. Более 5000 согласились вернуться в Каталонию, а 254 человека решили перейти на территорию националистов. Гражданские беженцы получили временное убежище во Франции, но в конечном итоге и они вернулись в Испанию.

² Хотя оно было гораздо более правым, чем правительство Блюма и Шотана, социалисты все же поддерживали его.

³ Тем не менее смягчение республиканского режима продолжало оставаться мечтой. Например, церкви в массе так и не открыли. Разве что с марта священники получили право оказывать помощь в медицинских подразделениях. Это было понято как дарованное

им разрешение врачевать не только тела, но и души. А 26 июня командиры получили приказ — не препятствовать своим подчиненным обращаться к духовным лицам. В целом он был принят благожелательно.

⁴ Тем не менее даже Пассионария в речи на пленуме Центрального комитета Испанской коммунистической партии 23 мая возвала ко всеобщей «гордости испанцев», имея в виду и тех, кто был по другую сторону линии фронта. Она призвала их выгнать всех «захватчиков» и бороться за тринадцать пунктов как «основу новой Испании».

⁵ Несколько ранее республиканский кабинет министров был в высшей степени обескуражен публикацией на стороне националистов мемуаров Асаньи, похищенных из дома Черифа в Женеве: в них были даны точные и злые характеристики давних коллег Асаньи в правительствах республики.

⁶ К л а й в, Роберт, барон Плэсси (1725—1774) — английский завоеватель и администратор, который установил британское правление в Индии, одержав победы над французами в 1751 году и над набобом Бенгалии в 1757-м. (Примеч. пер.)

⁷ «П а р т и й н ы й х л ы с т» — депутат какой-либо партии, который и в палате общин и в палате лордов следит за порядком голосования своих коллег по партии. (Примеч. пер.)

⁸ Типичной реакцией была карикатура Д. Лоу от 16 июня, в которой он вложил в уста своего излюбленного персонажа полковника Блимпа такие слова: «Итак, сэр, пришло время сказать Франко, что, если он потопит еще 100 наших кораблей, мы вообще удалимся из Средиземного моря».

⁹ Ансальдо сказал, что это наступление стало результатом личной инициативы Франко. Некоторые паникеры в националистской Испании были убеждены, что за кампанией стоят немцы, которые стараются продолжить войну. Генерал Вигон, монархист, ныне начальник генерального штаба при Франко, возразил, что вряд ли Франко мог пойти на такую глупость, поскольку он тщательно изучил тактику и стратегию Первой мировой войны.

Глава 69

Сражение на Эбро. — Его непродуманность. — Начало кампании. — Националисты застигнуты врасплох. — Наступление на Гандесу. — Война на истощение. — Внутренний кризис республики. — Новое правительство доктора Негрина. — Попытки заключения сепаратного мира. — План вывода. — Муссолини соглашается отвести часть сил. — Чехословацкий кризис и Испания.

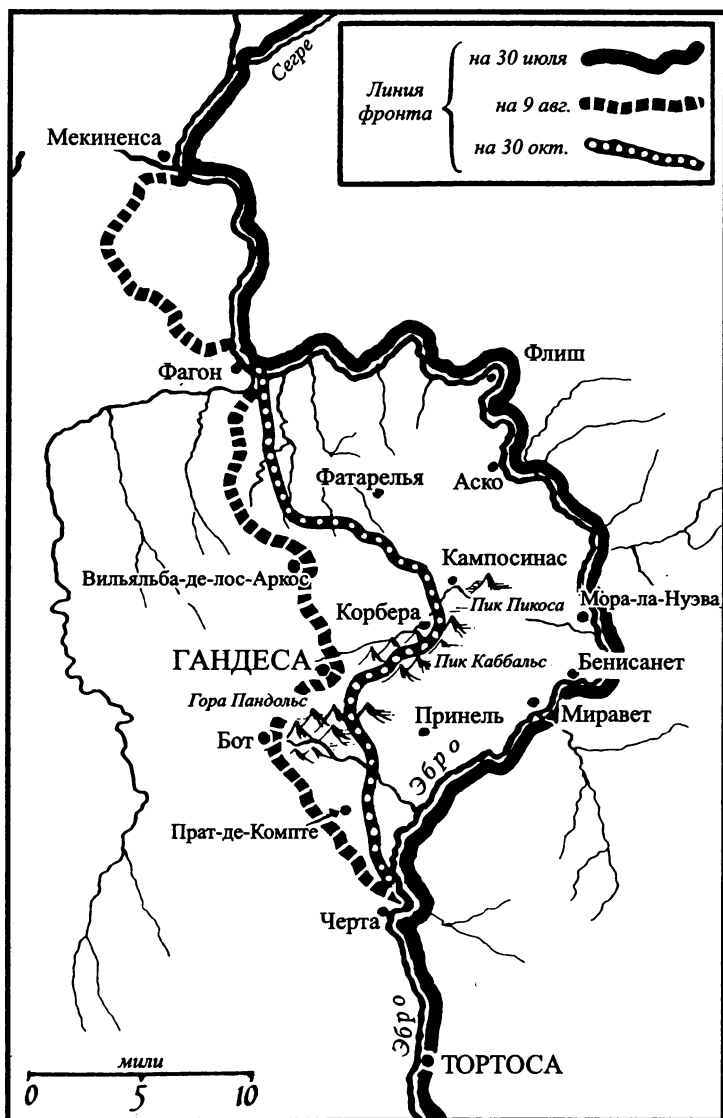
Утром 24 июля 1938 года в Барселоне состоялось совещание Военного совета республики. Негрин уже предварительно высказал совету свое мнение, что, если повсеместно не будут проведены отвлекающие маневры, удержать Валенсию и Сагунто не удастся. Генерал Рохо, который вернулся на пост начальника генерального штаба, в свою очередь, предложил нанести удар с

севера по клину националистов, протянувшемуся до самого моря. План заключался в том, чтобы ударами из нескольких точек пробить переход через Эбро примерно в ста километрах от моря с целью перерезать линии связи между силами националистов в Леванте и в Каталонии и, если возможно, восстановить наземные коммуникации между Каталонией и остальной частью республиканской Испании. Для воплощения этого смелого замысла была создана новая Армия Эбро под командой Модесто, состоящая из 5-го армейского корпуса Листера и 15-го — Тагуэньи. В резерве оставался 18-й армейский корпус. Эти силы насчитывали примерно 100 000 человек, и в поддержку им были выделены 70—80 батарей полевой артиллерии и 27 зениток. Весь командный состав состоял из коммунистов. Тагуэна, как и Листер, перед войной не имел боевого опыта. Он был всего лишь лидером студентов-коммунистов Мадридского университета.

Военный совет республики разработал план операции на Эбро. Хотя Альварес дель Вайо указал, что ситуация в Леванте носит опасный характер, план был принят. Все же со стороны республики это решение было необдуманым и поспешным. Учитывая, что военного снаряжения не хватало, а граница с Францией снова оказалась закрытой, наступления начинать не стоило. Достаточно было опыта Брунете, Бельчите и Теруэля. И эта кампания пошла по проторенному пути: быстрый успех наступления, обороняющиеся националисты спешно получают подкрепление с других фронтов — и переходят в контр наступление. Именно так складывалась битва при Эбро, хотя с гораздо более тяжкими последствиями.

Тем не менее в четверть первого безлунной ночью с 24-го на 25 июля началось форсирование реки в том месте, которое еще на маневрах отметил проницательный начальник штаба 15-й бригады Малькольм Данбар. Части под командованием Тагуэньи начали пересекать реку между Мекиненсой и Фагоном. Листер со своей армией приступил к форсированию в нескольких точках большой дуги, протянувшейся между Фагоном и Чертой, точнее, во Фликсе, Мора-ла-Нуэва, Миравенте и в Ампосте, что лежала в 50 километрах южнее, у самого моря. Для переправы были подтянуты 100 лодок (каждая вмещала 8 человек), 5 понтонных мостов и еще 5 других конструкций. Едва их навели, через реку стали перебрасывать военное снаряжение¹. Первым на другой берег переправился батальон Ганса Беймлера 15-й интербригады, состоящий из скандинавов и каталонцев, командиры которых подбадривали их криками: «Вперед, сыны Негрина!»

Другая сторона реки от Мекиненсы до моря охранялась в то время Африканской армией, которую недавно возглавил

Карта 32. Битва на Эбро

вернувшийся к командованию Ягуэ. Хотя до ее офицеров доходили слухи, что на том берегу реки скапливаются большие силы, в эти ранние часы 25 июля наступление застало их врасплох. В половине второго утра Ягуэ получил донесение от полковника Пеньярредонды, под командой которого был сектор Моры: республиканцы форсировали Эбро, в тылу некоторых его частей слышна стрельба, а сам он и штаб его дивизии потеряли связь с флангами. Полковник был одним из самых неприятных bestолковых офицеров в армии националистов. С особой ненавистью он относился к интербригадам и на свою ответственность отдал приказ расстреливать на месте любого бригадиста, взятого в плен. Он даже заставил Питера Кемпа, служившего в одном из его батальонов, расстрелять соотечественника-ирландца, чтобы таким кровавым образом выразить свой протест против интервенции². Тем временем 14-я франко-бельгийская интербригада форсировала Эбро около Ампосты и вступила в бой с силами генерала Лопеса Браво. Переправа потерпела неудачу, хотя в любом случае наступление на этом участке считалось отвлекающим маневром. Тем не менее бой тут продолжался 18 часов, после чего оставшиеся в живых в беспорядке перебрались обратно через реку, потеряв 600 человек и оставив большое количество снаряжения. Но выше по течению первые атаки принесли успех. К рассвету все прибрежные деревушки в центральной части фронта были заняты республиканцами. Через реку навели надежные переправы. Оказавшиеся за рекой части, включая и 15-ю интербригаду, продолжали продвижение в глубь территории, обходя с флангов, окружая и захватывая в плен деморализованные части полковника Пеньярредонды. К вечеру он вместе со своим штабом и теми, кого мог взять с собой, получил разрешение отступить. Полковник добрался до Сарагосы, и на войне его больше не видели. На севере, у Мекиненсы, Тагуэна продвинулся на пять километров от Эбро. В центре Листер оставил за собой 25 миль и почти вышел к центру коммуникаций Гандесу. Между ним и рекой были захвачены все основные наблюдательные пункты на высотах. В плен попали 4000 националистов. Генерал Франко уже отдал приказ о переброске подкреплений в этот район. Ими стали дивизии генералов Баррона, Галеры, Дельгадо Серрано, Рады, Алонсо Веги, Кастехона (из Андалузии) и Ариаса. Собрать подкрепления было нетрудно, поскольку на всем пространстве от Пиренеев до Теруэля Франко держал под ружьем полмиллиона человек.

Основное сражение развернулось у Гандесы. Стояла удушливая жара арагонского лета, но Листер круглосуточно штур-

мовал город. 1 августа 15-я интербригада предприняла самый отчаянный штурм высоты 481 прямо перед Гандесой, которую называли Прыщ. Бой снова обернулся большими жертвами, как это было и в марте. Среди убитых оказался Льюис Клайв, лейтенант бригады, член муниципалитета от социалистов в Южном Кенсингтоне, получивший образование в Итоне и Кембридже. Прямой наследник Клайва Индийского, он в 1931—1932 годах был четвертым номером в гребной восьмерке Оксфорда и даже выступал за Англию на Олимпийских играх. В роте Клайва был убит и двадцатисемилетний Дэвид Хейден-Гест, сын члена палаты лордов от лейбористской партии лорда Хейден-Геста; в свое время он учился в Тринити-колледже и был одним из первых учеников Витгенштейна. Коммунистом он стал после учебы в Геттингенском университете. Когда Дэвид читал лекции в университетском колледже в Саутхэмптоне, его запомнили как человека очень умного и рассеянного, который не имел ровно ничего общего с милитаризмом³.

2 августа наступление республиканцев завершилось. Фронт протянулся прямой линией от Фагона до Черты, вдоль основания дуги, которую тут делает Эбро, но дальше так и не продвинулся, оставив в руках националистов Вильяльбу-де-лос-Аркос и Гандесу. На севере выступ между Мекиненсой и Фагоном тянулся на десять километров в самом широком своем месте. Войска республики начали лихорадочно закапываться в землю, рыть окопы. Националисты предприняли методичные разрушительные налеты авиации. Бомбежки с большой высоты, в пикировании, на бреющем полете следовали одна за другой. Перед националистами стояла незавидная цель отбить обратно высоты, захваченные республиканцами. Немецкие наблюдатели отмечали, что в войсках отнюдь не царит высокий боевой дух, что их не удивляло. 14 августа глава HISMA Бернхардт телеграфировал Герингу просьбу доставить побольше 88-миллиметровых снарядов, чтобы отразить «острую военную опасность»⁴. Листер и Тагуэнья приказали «стоять на страже, окапываться и сопротивляться». Эти слова непрерывно повторялись в течение нескольких последующих недель. За попытку отхода расстреливали офицеров и рядовых. Сержантам приказали расстреливать своих офицеров, если те отдадут приказ на отступление без письменного распоряжения сверху. «Если кто-то уступит хоть дюйм земли, — приказал Листер, — он должен будет вернуть его ценой любых жертв или же будет казнен».

Франко прибег к тактике интенсивных артиллерийских обстрелов и воздушных налетов на определенную точку, не-

большую по размерам, так что сопротивление становилось практически невозможным. Затем на штурм шло сравнительно небольшое подразделение, случалось, силами до двух батальонов. Поэтому битва на Эбро приобрела характер артиллерийских дуэлей; уникальный случай для Испании, где была в ходу классическая формула: «Артиллерия покоряет пространство, пехота занимает его». Первое такого рода наступление националистов состоялось 6—7 августа, когда Дельгадо Серрано решил ликвидировать «карман» на севере между Мекиненсой и Фагоном. Республика оставила на поле боя 900 погибших, 1600 ружей и 200 пулеметов. 11 августа Алонсо Вега и Галера поднялись в контрнаступление на южной части фронта, где тянулись горы голубоватого песчаника Сьерра-де-Пандольс. К 14 августа Листеру пришлось оставить высоту у Санта-Магдалены. 19-го числа в очередное наступление пошел уже Ягуэ. Его целью были позиции республиканцев, расположенные на пологих северных склонах горы Гаэта. Оно в конечном итоге увенчалось успехом. 3 сентября в наступление двинулись два армейских корпуса Ягуэ и Гарсиа Валиньо (он был переведен из Леванта, и под его началом оказалась только что сформированная армия Маэстрасго, состоящая из дивизий Галеры, Дельгадо Серраны, Ариаса и Мохаммеда эль-Муссиана, единственного марроканца, который вырос до командира дивизии в армии националистов). Часть Гандесы была отбита, и националисты вернули себе деревню Корбера в распаханной долине между Пандолом и горой Гаэта. Таким образом, после шести недель боев республика потеряла примерно двести квадратных километров отвоеванной ею территории. Но это изложение сухих фактов не может дать полной картины неустанных упорных боев в палящей августовской жаре. Каждый день, пока было светло, самолеты националистов, порой по 200 одновременно, кружили над республиканскими линиями, почти не встречая сопротивления со стороны остатков зенитной артиллерии и авиации их противников. К началу августа республика окончательно уступила воздушное пространство. Это полностью свело на нет преимущество республиканцев, засевших на высотах. В течение первых пяти недель контрнаступления авиация националистов ежедневно сбрасывала до 10 000 бомб. Но саперы республики, которые под бомбежками восстанавливали переправы, доказали, что они не уступают в стойкости тем, кто дрался на передовой. Этот аспект сражения очень примечателен, потому что поразить с воздуха небольшую цель было особенно трудно. В Барселоне подсчитали, что для уничтожения одного понтонного моста надо было потратить не менее пятисот бомб.

Первоначальные успехи на Эбро воодушевили республику. Даже Асанью удалось убедить, что ход войны теперь складывается в ее пользу. И лето действительно стало временем надежды для всех республиканцев. Чехословацкий кризис угрожал перерасти в общеевропейский конфликт. Республика старалась доказать Франции и Англии, что в случае войны она сможет стать ценным союзником. Косвенно это вызвало правительственный кризис в начале августа. Негрин в последней попытке мобилизовать все силы республиканской Испании предложил направить на нужды войны промышленность Каталонии, которой до этого руководил Женеералитат. Кроме того, он заявил, что армия должна контролировать деятельность зловещего SIM, а в Барселоне в рамках министерства юстиции было создано специальное отделение для предотвращения контрабанды и вывоза капитала. Но и Айгуаде, и Ирухо, министры от Каталонии и Басконии, воспротивились этим мерам, в которых они заподозрили желание покончить с сепаратизмом. Негрин знал, что Асанья поддерживал этих министров не столько из-за любви к сепаратизму, сколько из-за неприязни к его политике «сопротивления». В результате премьер-министр спровоцировал кризис. Ожидали утверждения пятидесяти восьми смертных приговоров за диверсии и шпионаж, из-за чего и разгорелся спор на заседании кабинета. Негрин потребовал их утверждения, а когда кабинет ему оказал, предложил, чтобы Компаньс, глава оппозиции, сформировал новое правительство. Асанья выдвинул идею призвать давнего эмиссара мира социалиста Бестейро, который, наверное, мог бы сформировать правительство, способное вести переговоры или даже дать согласие на капитуляцию. В это время «Ла Вангвардия», газета, которая безоговорочно поддерживала политику Негрина, опубликовала список возможного правительства Бестейро, в котором Негрину было поручено какое-то несущественное министерство. Премьер-министр объявил, что он на какое-то время покидает Испанию. В это время коммунистическая партия, с которой Негрин постоянно был на связи, организовала поток телеграмм протеста, которые слали полевые командиры, включая командование Армии Эбро и частей в Каталонии⁵. Одновременно состоялся парад советских танков на Пасео-де-Колон. И Негрин получил предложение Асаньи сформировать новое правительство. В нем места, оставшиеся свободными после Айгуаде и Ирухо, заняли каталонский политик из PSUC и баскский социалист. Кризис был вызван ссорой по вопросу о продолжении войны. В ней с одной стороны участвовали Асанья с Прието у него за спиной, а с другой — коммунисты и Негрин. Это была по-

следняя вспышка давнего пламени каталонского сепаратизма, направленного против центрального правительства.

Поскольку Негрин продолжал искать компромиссы с коммунистами, он опозорил себя в глазах истории. Но в августе 1938 года, как и раньше, у него не оставалось выбора, кроме как сесть ужинать с дьяволом. Его попытки вступить в мирные переговоры, которые он скрывал от коммунистов, оказались безуспешными. Франко была нужна полная и исчерпывающая победа, после которой побежденные оказались бы в абсолютной его власти. Негрин знал, что представляет собой юстиция националистов, и не мог даже предполагать, что будет оправдан, если предоставит Франко свободу действий по отношению к тем тысячам солдат, которые сражались под его началом. Республике оставалась единственная надежда — продолжать сопротивляться, пока не взорвется вся ситуация в Европе. Тогда, возможно, немцы и итальянцы резко сократят свою помощь националистам или вообще откажутся от нее. Конечно же Франция и, может быть, Англия в этом случае примут участие в испанской войне на стороне республики, как и она выступит на их стороне. А тем временем самыми стойчивыми и стойкими сторонниками политики сопротивления продолжали оставаться коммунисты. Но Негрин в своих поисках мирных переговоров не доверял коммунистам. И он отнюдь не был игрушкой в их руках. Цели его политики совпадали с теми, которых придерживался Сталин: иметь возможность в любое время вести двойную игру. По отношению к коммунистам это представляло известную опасность, но в столь неортодоксальной стране, как Испания, такая политика вполне могла увенчаться успехом. Может, Негрин вспоминал, как генерал Чан Кайши успешно обманул коммунистов в Шанхае в 1926 году.

Поражение сепаратистов в августовском кризисе заставило их, независимо от Негрина, искать возможности мирных переговоров. В начале сентября Агирре в Париже переговорил на эту тему с Жоржем Бонне, французским министром иностранных дел. В Лондоне представители басков и каталонцев обсудили данный вопрос с лордом Галифаксом. Бонне и Галифакс согласились, что ни одна из двух Испаний не может взять верх над другой и мир может быть достигнут только путем переговоров. Когда чехословацкий кризис подошел к концу, Бонне заверил Агирре, что Англия и Франция попытаются положить конец войне, добившись перемирия, вслед за которым пройдет плебисцит.

К тому времени республика в принципе приняла английский план вывода добровольцев, но сделала много огово-

рок. Например, она полагала, что марокканцев в армии националистов следует считать иностранными волонтерами. Первым делом следует вывести технический персонал, после чего установить надежный воздушный контроль над невмешательством. Кроме того, республика сочла предосудительным предоставление националистам прав воюющей стороны, что предусматривалось планом. Националисты же потребовали немедленную гарантию прав воюющих сторон, после чего отвода 10 000 добровольцев с каждой стороны. И этот порядок действий не следует подвергать международному контролю, «поскольку присутствие иностранных наблюдателей может унижить суверенные права Испании». Секретарь Комитета по невмешательству Фрэнсис Хемминг отправился в националистскую Испанию, дабы уговорить Франко изменить эту бескомпромиссную точку зрения. Но как выяснилось, теперь националисты отказывались от вывода волонтеров. Аскарате написал страстное личное письмо Ванситарту, указывая на невозможность политики невмешательства, когда Германия и Италия поддерживают отказ Франко от вывода волонтеров. Франко-испанская граница была закрыта еще в июне в надежде убедить Франко принять план. Возможно ли заново открыть границу? Ванситарт ему так и не ответил⁵.

По указанию Муссолини генерал Берти встретился с Франко. Количество итальянцев на стороне Франко доходило до 48 000. Берти выдвинул целый ряд предложений. Италия может прислать в Испанию еще две-три дивизии или 10 000 человек, чтобы восполнить потери, или же вывести свои войска, полностью или частично. Франко предпочел частичный вывод. Таким образом, Муссолини решил свести дивизии «Литторио» и «23 марта» в одно большое формирование и вывести из Испании всех остальных итальянцев. Это решение должно было показать Англии, что Чиано действительно реализовывает англо-итальянское соглашение⁶. Но Муссолини был очень разгневан на генералиссимуса из-за битвы на Эбро. «Запиши в своем дневнике, — рывкнул дуче Чиано, — что сегодня, 29 августа, я предсказываю поражение Франко... Красные — это бойцы, а Франко — нет».

Наступление республиканцев, форсировавших Эбро, вызвало уныние во всей националистской Испании. Пораженческие настроения появились даже в Бургосе. Фалангисты выражали недовольство Франко и Мартинесом Анидо. Группа «Старых рубашек» посетила Рим и предложила дону Хуану, сыну короля Альфонсо, занять «трон конституционной монархии фалангистского государства». Принц отказался.

Шторер описал сцену между Франко и его генералами, которые «не выполняют приказов на наступление». Чешский кризис обеспокоил генералиссимуса, в отличие от Негрина, который воспринял его с радостным возбуждением. Возможность всеобщей войны, в которой, не исключено, ему придется выступить против Франции, вынудила Франко послать 20 000 заключенных строить на границах саперные укрепления, как в Пиренеях, так и в Испанском Марокко. Германия внушала Франко большие опасения и даже страхи, поскольку никто не информировал его о намерениях фюрера. В середине сентября немцы временно перестали оказывать ему помощь из-за ситуации в Центральной Европе. Графу Магасу, послу националистов в Берлине, было сказано, что, если даже разразится война, немецкая поддержка Испании не претерпит изменений. Но и неделю спустя Франко продолжал испытывать раздражение. Неужели националистская Испания, спрашивал он, ничем не сможет помочь? Неужели испанские порты не пригодятся Германии?

Примечания

¹ На одном из этих мостов застрял танк, что приостановило доставку боеприпасов. С точки зрения Малькольма Данбара, как правило безупречного свидетеля, не случись этого, атака республиканцев достигла бы Алканьиса.

² Как раз перед началом битвы на Эбро Кемп был ранен осколком снаряда. Несколько месяцев тому назад ему пришлось противостать Малькольму Данбару, начальнику штаба 15-й интербригады, который в свое время был его соучеником в Тринити-колледже в Кембридже.

³ Когда он был ребенком, сэр Джеймс Барри однажды спросил его: «Хочешь ли ты вырасти?» — «Нет», — ответил Дэвид Хейден-Гест. «Почему же?» — удивился автор «Питера Пэна». «Потому что я буду выглядеть как вы», — сказал будущей героини высоты 481.

⁴ Сразу же после начала битвы на Эбро посол националистской Испании в Берлине, граф Магас, пожаловался, что правительство Германии сознательно продает оружие республике. Ружья по фунту за штуку, а также самолеты Германия номинально продавала Греции и Китаю, хотя фактически они поступали в республиканскую Испанию. Магас обвинил Геринга в том, что он знает об этих сделках и таким образом хочет продлить Гражданскую войну. Через два месяца Германия официально отвергла обвинения о вовлеченности в продажу оружия нацистского правительства.

⁵ Аскарете сообщил своему правительству, что, как ему кажется, лорд Галифакс понимал всю несправедливость этой ситуации, но ничего не мог сделать с настойчивым желанием Чемберлена не обижать Италию.

⁶ Вплоть до конца сентября этот план не был согласован с Франко.

Глава 70

Мюнхенский кризис. — Франко объявляет о своем нейтралитете. — Влияние Мюнхена на Испанию. — Националисты стоят на своем. — Советский Союз меняет свою политику. — Вывод интернациональных бригад. — Муссолини отводит 10 000 бойцов. — Парад «интернационалистов» в Барселоне. — Речь Пассионарии. — Комиссия Лиги Наций. — Сэр Филип Чэтууд в Испании. — Последнее наступление на Эбро. — Потери в сражении на Эбро. — Англо-итальянское соглашение по Средиземному морю вступает в силу.

Чешский кризис пришел к грустному завершению. К тому времени в Женеве собралась Лига Наций, как выяснилось, в последний раз. Негрин и Альварес дель Вайо еще раз попытались поднять испанский вопрос. Война, оставшаяся у них за спиной, вступила в свою самую мрачную и решающую фазу. После падения Корберы сражение на Эбро обрело характер жестоких стычек в окопах, артиллерийских и авиационных налетов. До конца октября линия фронта оставалась без движения, хотя активные боевые действия вдоль нее не прекращались. Негрин лично, не ставя в известность ни коммунистов, ни басков с каталонцами, разработал новый проект компромисса. 9 сентября он тайно встретился с герцогом Альбой, представителем националистов в Лондоне, в лесу Зиль под Цюрихом. Но, как он и предполагал, пока Франко находится у власти, никакого компромисса достичь не удастся. Тем не менее десять дней спустя Муссолини пришел к выводу, что мирное соглашение в Испании неизбежно.

В связи с этим герцог Альба обратился к Англии и Франции. В министерстве иностранных дел ему сообщили, что, если Франко объявит о своем нейтралитете, французский генеральный штаб не будет предпринимать никаких действий. В противном случае, если разразится война, немедленно последует наступление в Марокко и через Пиренеи. Франко незамедлительно объявил, что, если в Европе начнутся военные действия, он будет соблюдать нейтралитет. Германии и Италии он объяснил, что, учитывая нынешнее состояние Испании, это, к сожалению, неизбежно. «Отвратительно! — заметил Чиано. — Наши мертвые в Испании поворачиваются в своих могилах!» В свете объявленной генералиссимусом политики, чтобы задобрить Францию, немецким и итальянским войскам не разрешалось приближаться к французской границе ближе чем на 130 километров.

Затем состоялась встреча в Мюнхене. Хорошо известно, чем она кончилась для Чехословакии. Что же до Испании,

Муссолини («он бегал по комнате, засунув руки в карманы, — как его описал Чиано. — Его великий дух всегда опережал людей и события... Он уже думал о других проблемах») сказал Чемберлену, что незамедлительный отвод 10 000 человек может «создать атмосферу» для начала переговоров об англо-итальянском соглашении. Муссолини сказал, что уже «сыт по горло» Испанией, где, по его словам, он потерял 50 000 человек. И что он устал от Франко, который то и дело упускает из рук возможность одержать победу. Чемберлен, обрадованный своими дипломатическими успехами в «разрешении» чехословацкой проблемы, предложил создать такую же конференцию, чтобы «разобраться с Испанией». Для ее проведения необходимо будет пригласить обе стороны, чтобы обсудить условия мирного соглашения, а четыре державы, присутствовавшие в Мюнхене, помогут выработать его. Сведения о таком предложении просочились, вызвав в республике опасения, что ее может ждать судьба Чехословакии доктора Бенеша. Через несколько дней временное прекращение нападений итальянцев на английские корабли в портах республики подошло к концу. В первый же октябрьский день пострадали восемь судов. Кроме того, были задержаны и захвачены английские корабли, доставлявшие продовольствие в порты республики.

Ходжсон, английский представитель в Саламанке, сказал Штореру, что Британия хотела бы предложить свое посредничество в Испании. Шторер задал вопрос, примет ли Франко такой компромисс, в то время как его войска «истекают кровью на Эбро». Но сам генералиссимус, сидя рядом со Шторером на обеде 1 октября, возбужденно говорил лишь о триумфе фюрера в Мюнхене. Он промолчал, когда посол предположил ему «чешский метод» как образец для разрешения других международных вопросов. 2 октября Негрин выступил с речью по мадридскому радио, объявив, что испанцы должны прийти к взаимопониманию друг с другом. Он во всеуслышание потребовал ответа: неужели националисты хотят продолжать войну до полного уничтожения страны? Мир в первый раз убедился, что Негрин полон желания начать мирные переговоры. Но старания Ходжсона, нацеленные на «компромисс ввиду полной победы», оказались столь же бесплодными. 4 октября Швендеманн, глава испанского отдела на Вильгельмштрассе, признал, что намерения Германии не допустить появления большевистской Испании, в сущности, были достигнуты путем компромиссов. Так же как и ее экономические интересы в Испании. Но, добавил он, «появление сильной Испании, союзницы Германии» может быть обеспечено только полной победой Франко. И 6 октября Хордана еще раз объяснил Штореру: компромисс будет означать, что все

жертвы Гражданской войны принесены впустую. Республику необходимо силой принудить к безоговорочной капитуляции. Брошюра националистов, в это время опубликованная в Париже, откровенно заявляла: «Гражданская война была вызвана попыткой переговоров между соперничающими силами, нашедшими себе воплощение в республике». Ни в коей мере не собираясь идти к миру, Франко потребовал от Германии поставки 50 000 ружей, 1500 легких и 500 станковых пулеметов, а также сотни 75-миллиметровых орудий. Это, заверил он немцев, может обеспечить окончательную победу националистов. Немцы согласились при условии формального признания их прав на все шахты. Тем не менее до ноября договор так и не был заключен.

После Мюнхена Советский Союз пришел к естественному выводу о невозможности заключить союз с Англией и Францией против Гитлера. Сталин стал обдумывать единственную имеющуюся у него возможность избежать втягивания в войну. Она заключалась в дружбе с Гитлером за счет западных демократий. Возможность такого поворота политики он предполагал даже в период самых больших успехов Народного фронта. Но теперь, как выяснилось, эта политика стала единственным выходом. Сталинское правительство хотело иметь руки свободными, чтобы в случае необходимости предпринять любые действия для самообороны. Это означало, что вмешательству России в испанскую войну приходит конец — равно как и интернациональным бригадам. Советский пресс-атташе публично заявил, что они готовы к выводу из Испании. Далее последовало согласие Сталина, чтобы еще до того, как Комитет по невмешательству окончательно договорится о выводе волонтеров, интербригады самостоятельно покинули Испанию.

Теперь их роль действительно была сыграна до конца. Организация бригад была успешно перенята республиканской армией. Более того, большинство членов интербригад составляли испанцы. Часть из них были добровольцами, но многие попали сюда из тюрем, рабочих лагерей и дисциплинарных батальонов. Офицеры, командовавшие иностранными добровольцами, в основном тоже были испанцами. Так, например, 15-ю интербригаду возглавлял испанский майор Вальедор¹. Даже Батальон Линкольна теперь на две трети состоял из испанцев. Так что во время мюнхенского кризиса Негрин в Женеве мог без большого риска для хода войны предложить вывод всех иностранных добровольцев из республиканской Испании. Он попросил Лигу Наций осуществлять за этим наблюдение. Таким образом, Негрин продемонстрировал свое презрение к Комитету по невмешательству и восславил дух

Лиги Наций, в чем она действительно нуждалась. Генеральный секретарь Лиги, обычно сдержанный англофил Авенол, не мог скрыть своего удовлетворения. «Мастерский ход!» — воскликнул он, встретив Аскарате в коридоре Дворца наций. Трудно понять мотивы их действий, но Венгрия и Польша проголосовали против вовлеченности Лиги Наций в этот проект. Очевидно, эти два небольших государства боялись вызвать раздражение у Гитлера или Муссолини. 1 октября было достигнуто соглашение, что Лига станет наблюдать за выводом добровольцев, создав для этой цели комиссию из 15 офицеров во главе с генералом и двумя полковниками.

Советский Союз и Коминтерн постепенно снижали накал пропаганды в пользу республики, но продолжали слать помощь, хотя и в меньших масштабах. Это частично объяснялось тем фактом, что французская граница снова закрылась и теперь было трудно с уверенностью утверждать, что любая помощь дойдет до места своего назначения. Морской путь, даже между Марселем и Барселоной или Валенсией, практически нельзя было принимать во внимание из-за эффективной блокады националистов.

Продолжались тяжелые бои на Эбро, Франко готовил в тылу мощное контрнаступление. На республиканской стороне комиссары продолжали взывать: «Ни шагу назад! Стоять!» Битва все еще продолжалась, когда начался отвод интербригад. Последний бой с их участием состоялся 22 сентября, когда пошла в атаку 15-я интербригада. Британский батальон снова понес тяжелые потери. В этом бою погиб сын американского писателя Ринга Ларднера, который одним из последних американцев вступил в ряды волонтеров. На прощальном параде интербригад в Барселоне 15 ноября Негрин и Пассионария обратились к ним со словами благодарности. Речь Ибаррури вызвала к жизни идеалы тех, кто столь многим пожертвовал для Испании в ее героические дни. Первым делом она обратилась к женщинам Барселоны: «Матери! Женщины! Когда пройдут годы и затянутся раны войны, когда вместе со свободой, любовью и благополучием вернется туманная память об этих печальных кровавых днях, когда умрут чувства злости и все испанцы будут испытывать гордость за свою свободную страну — тогда поговорите со своими детьми. Расскажите им об интернациональных бригадах. Расскажите им, как из-за гор и морей, пересекая границы, ошетилившиеся штыками и спасаясь от злобных псов, готовых рвать их плоть, эти люди крестonosцами свободы являлись в нашу страну. Они оставляли все — свои дома, свою родину и своих близких, отцов, матерей, жен, братьев, сес-

тер и детей, чтобы, явившись, сказать нам: «Мы здесь! Ваше дело, дело Испании — это наше дело. Это дело всего передового, прогрессивного человечества». Сегодня они покидают нас. Многие из них, тысячи их остаются здесь, под покровом испанской земли, и все испанцы будут вспоминать их с самыми глубокими чувствами».

Затем она обратилась к стоящим на параде членам бригад: «Товарищи из интербригад! Политические причины, соображения государства, благополучие того дела, ради которого вы с безграничным благородством пролили свою кровь, вынуждают расстаться с вами — одни из вас вернутся в свои страны, а другим суждено изгнание. У вас есть право испытывать гордость. Вы вошли в историю. Вы стали легендой. Вы показали героический пример единства демократии. Мы не забудем вас, и, когда на оливковом дереве мира снова появятся листья, сплетенные с лаврами победы Испанской республики, — возвращайтесь!» Парад с трудом сдерживал эмоции. Конечно же было правдой, как вспоминал Пьетро Ненни, что все они, сами того не зная, «жили в «Илиаде». Толпы приветствовали огромные изображения Негрина, Асаньи — и Сталина. Все было завалено цветами. На кораблях и по железной дороге волонтеры интербригад стали перебираться во Францию, разъезжаться по домам — где бы те ни были.

Комиссия Лиги Наций, возглавляемая финским генералом Яландером, английским бригадиром Молесуортом и французским полковником Хомо, насчитала в вооруженных силах республики 12 673 иностранца. Из них примерно 7000 были на фронте и участвовали в битве на Эбро. Много было таких, кто принял испанское подданство. К середине января Испанию оставили 4640 человек 29 национальностей — 2141 француз, 407 англичан, 347 бельгийцев, 285 поляков, 182 шведа, 194 итальянца, 80 швейцарцев и 548 американцев. Оставшимся 6000 пришлось пережить катастрофу в Каталонии, столкнуться с испытаниями, которые были тяжелее того, что им довелось испытать во время Гражданской войны².

В это же время в Испании находилась и другая комиссия. В октябре 1937 года республика предложила Англии, что она может договориться о соглашении, по которому те испанские граждане, кто желает покинуть территорию националистов, могут быть обменены на арестованных, находящихся в руках республики. Договорились, что комиссия во главе с фельдмаршалом сэром Филипом Чэтвудом может посетить Испанию, дабы провести всеобщий обмен заключенными. Чэтвуд, правда, появился лишь в сентябре 1938 года. Работа комиссии сложилась не очень успешно. Она смогла обеспечить несколько

небольших обменов. 100 английских пленников обменяли на 100 итальянцев. Когда в конце войны сэр Чэтвуд вернулся в Лондон, он утверждал, что убедил республику прекратить казни пленных и добился у генерала Франко отмены 400 смертных приговоров. Последнее утверждение соответствовало истине, в отличие от первого, поскольку республика сама объявила об этом. Сэр Филип, солдат старой школы, высоко оценил республиканскую Испанию, поскольку Негрин надел во время его визита смокинг.

Все же 30 октября на Эбро началось наступление националистов. Удар был нанесен по линии фронта длиной в километр на северных склонах Сьерра-де-Кабальс. Едва только рассвело, на республиканские позиции обрушился удар орудий 175 батарей националистов и итальянцев и более чем 100 самолетов. Налет длился три часа, и 50 республиканских истребителей не смогли оказать никакого воздействия на эту воздушную армаду. Затем на штурм пошел целый армейский корпус Гарсиа Валиньо. Мохаммед эль-Муссиан вместе с 1-й наваррской дивизией занял позиции республиканцев, оставленные во время мощной арт-подготовки. Бой на высотах Сьерра-де-Кабальс продолжался весь день, но к ночи они оказались в руках националистов, включая 19 тщательно укрепленных позиций. Националисты сообщали, что захватили 1000 человек и 14 самолетов; на поле боя осталось 500 трупов. Это поражение стало тяжелым ударом для республики, поскольку Сьерра-де-Кабальс господствовала над всей округой.

Но самое худшее ожидало ее впереди. В ночь с 1-го на 2 ноября Галера штурмом взял высоты Пандольс, еще оставшиеся у республики. К 3 ноября, продолжая наступление, он оставил за собой деревню Пинель и вышел к Эбро. Правый фланг армии националистов достиг своей цели. 7 ноября пала Мора-ла-Нуэва. Затем националисты обрушились на центральный участок фронта по направлению к горе Пикоса. В этом секторе республика искусно возвела эшелонированную систему обороны. После падения горы Пикоса мощный натиск вооруженных сил националистов убедил республику, что битву на Эбро можно считать проигранной. Оставался только вопрос времени, сколько еще может продержаться республика прежде, чем ее постигнет окончательный крах. Порядок удалось сохранить лишь благодаря спокойствию и распорядительности Листера. К 10 ноября к западу от Эбро оставались лишь шесть батарей республиканцев. Они поддерживали огнем шесть дивизий, в рядах которых командиры неустанно повторяли: «Стоять, стоять, стоять!» Но республика сама решила оставить последние оборонительные позиции. Горная

деревня Фатарелья 14 ноября сдалась Ягуэ. Последний этап конфликта был отложен, поскольку на поле боя, еще недавно выжженном летней жарой, выпал первый снег. 18 ноября республиканцы оставили правый берег Эбро. Вскоре Ягуэ захватил Рибарройю, последнюю республиканскую деревню, и предмостный плацдарм. Отважные англосаксонские репортеры: Хемингуэй, Бакли, Мэттью и Шин — были последними, кто пересек реку.

Республиканцы оценили свои потери в этом сражении в 70 000 человек, что, скорее всего, соответствовало действительности. 20 000 из них попали в плен, и 30 000 погибли. Часть из республиканских дивизий потеряла до половины своего личного состава. Три четверти интербригадцев, которые пересекли Эбро, пали в боях. Немецкое посольство в Саламанке не без оснований пришло к выводу, что националисты потеряли 33 000 человек. Республиканская авиация уменьшилась на 200 самолетов. Кроме того, были оставлены большие запасы разнообразного военного снаряжения, включая 1800 пулеметов и 24 000 ружей. Откровенно говоря, на севере Испании республика потеряла все свои силы.

В тот же день 16 ноября, когда последние республиканцы покинули правый берег Эбро, вошло в силу англо-итальянское соглашение. Оно стало последствием Мюнхена. Форин Офис согласился на него, поскольку из Испании обещали вывести 10 000 итальянцев, о чем Муссолини в Мюнхене договорился с Чемберленом. По настоянию последнего реализация соглашения была отложена до ноября. В Испании продолжали оставаться примерно 12 000 отборных вояк дивизии «Литторно» под командой Гамбары. Берти был смещен. Кроме того, оставались летчики, танковый корпус и артиллеристы, а также командование четырех смешанных дивизий испанцев. Остальные итальянцы были готовы покинуть Испанию. 20 октября в Неаполь прибыли 10 000 солдат. Король Виктор-Эммануил и население страны восприняли их появление без особой радости. Но Чиано вскоре забыл свое недовольство, когда получил от Франко сувенир — батальную картину Сулоаги, на которой битва была озарена сполохами пламени. Таким образом, кабинет Чемберлена пришел к выводу, что долгожданное соглашение наконец вступило в силу.

Через сутки, выступая в палате общин, Иден вспомнил, как, подписывая в апреле это соглашение, лорд Перт сказал, что «предпосылкой» для вступления его в силу будет разрешение испанского вопроса. Но вместо этого, как сказал Иден, за счет Испании состоялась англо-итальянская сделка. Справедливость этого замечания подтвердилась, когда 3 ноября, вы-

ступая в палате лордов, Галифакс сообщил: «Муссолини неизменно давал понять, что, независимо от точки зрения Британии, он не готов смириться с поражением Франко». Гражданская война в Испании полыхнула и в Северном море. В семи милях от Кромера вооруженное торговое судно националистов «Надир» потопило пароход «Кантабрия» с грузом продовольствия для республики. В ноябре подверглись нападению одиннадцать английских судов, стоящих в республиканских портах. Но английская публика была куда больше занята появлением на своих берегах гигантской панды, игрой «Монополия» и умирительным зрелищем королевской семьи, распевавшей «Под раскидистым ореховым деревом», чем заботами о потонувших судах.

Примечания

¹ Один из руководителей восстания в Астурии 1934 года, Вальдор в 1936—1937 годах воевал там же. В 1938 году он совершил побег из тюрьмы в националистской Испании.

² 7 декабря 305 членов Британского батальона были восторженно встречены на вокзале Виктория: Эттли, сэром Стаффордом Криппсом, мистером Галлахером и Томасом Манном. Сэм Уайлд отдал батальону последний приказ — «Разойтись!». Независимый комитет помощи изо всех сил поддерживал семьи погибших.

Книга седьмая

КОНЕЦ ВОЙНЫ

Глава 71

Испания националистов и Испания республиканцев после окончания кампании на Эбро. — Тяжелое положение республики и ее сдержанность. — Конец POUM. — Планы мирных переговоров. — Кампания в Каталонии. — Две армии. — Первоначальное сопротивление. — Крах. — Падение Барселоны.

После завершения битвы на Эбро националисты воспряли духом, хотя агитация «красных» в тылу продолжалась. Был арестован английский вице-консул в Сан-Себастьяне мистер Гудмен, которому предъявили обвинение в шпионаже в пользу республики¹. Когда генерал Мартинес Анидо, министр общественного порядка, умер от пневмонии, распространились ложные слухи, что он якобы был убит — скорее всего, Серрано Суньером, который откровенно недолюбливал его. Говорили, что существует заговор с целью убийства Франко. Не подлежит сомнению, что прошли многочисленные аресты. «Тюрьмы, — писал немецкий посол Шторер, — переполнены, как никогда раньше. В здешней тюрьме (то есть в Саламанке), рассчитанной на 40 человек, по рассказам, сидит 1800 заключенных». В сентябре националисты объявили, что с начала войны они захватили в плен 210 000 человек, из которых 134 000 оказались на «свободе» — обычно их направляли на какие-нибудь «общественные работы». Остальные продолжали сидеть в тюрьмах. Прошли две волны казней так называемых шпионов — каждый раз расстреливали по несколько сот человек. Фаланга и церковь продолжали оставаться в неприязненных отношениях, хотя избегали открытых ссор. Несмотря на образование, полученное у иезуитов, Серрано Суньеру так и не удалось перекинуть мост между двумя слоями испанского общества. Так, текст нового закона о

среднем образовании представлял собой безуспешную попытку компромисса между фалангой и церковью: один час в неделю отдавался «патриотическому обучению молодежи» и два часа — «преподаванию религии». Хотя католицизм был объявлен «сутью испанской истории», из двух иностранных языков, рекомендованных к изучению, один должен был непременно быть немецким или итальянским.

Ситуация с экономикой в националистской Испании по сравнению с недавними временами теперь тоже оставляла желать лучшего. Для тех, кто имел возможность купить продукты, их хватало, но рост заработной платы заметно отставал от роста цен на продовольствие, несмотря на официальную политику жесткого контроля над ценами. Из-за трудностей с общественным транспортом стоимость билетов менялась от района к району. Производства потребительских товаров почти не существовало. Но в основных областях промышленности с 1935 года выпуск продукции неуклонно повышался. И если в последний год мира в Бискайе было добыто 115 000 тонн железной руды, то в 1938 году из провинции вывезено уже 154 000 тонн. Товарооборот в порту Бильбао увеличился на 50 процентов по сравнению с мирным временем. Правда, имелись основания предполагать, что рост мог быть еще заметнее.

Поскольку правительство националистов отчаянно нуждалось в дополнительных военных поставках для нового наступления, к которому оно готовилось, ему наконец пришлось согласиться с немецкими требованиями. В соответствии с ними немцы могли вкладывать в горную промышленность до 40 процентов основного капитала. По отношению к одной шахте эта доля равнялась 60 процентам, а на еще четырех доходила до 75 процентов. В Марокко, где испанские законы о шахтах не действовали, немцы могли владеть всеми 100 процентами капитала. Испания взяла на себя все расходы по пребыванию в стране легиона «Кондор» и обязалась импортировать шахтного оборудования на 5 миллионов рейхсмарок. Перевооружение легиона и другие поставки из Германии в националистскую Испанию стали самым существенным актом иностранной интервенции во время Гражданской войны. Они давали Франко возможность почти сразу же перейти в новое наступление и нанести мощный удар республике, у которой истощились запасы военного снаряжения. Если бы не эти поставки (сами по себе они явились следствием немецкой убежденности после Мюнхена: что бы они ни делали в Испании, ни Англия, ни Франция не будут вмешиваться в Гражданскую войну), переговоры о мире, как бы Франко ни протестовал, стали бы неизбежными.

Сторона республиканцев постаралась скрыть размеры поражения, оправдываясь удачной эвакуацией войск с правого берега Эбро. Кроме того, националистам понадобилось три месяца, чтобы отвоевать территорию, потерянную за два дня. Все чаще были слышны призывы к национальной гордости, все чаще упоминалось отечество и славное прошлое. Оживилась пропаганда каталонской автономии. Что же до свободы религии, наконец было получено разрешение открывать церкви, хотя пока только по случаям похорон и свадеб. 17 октября через Барселону прошла частная похоронная процессия, хоронившая погибшего баскского офицера, в которой принял участие Альварес дель Вайо. 9 декабря даже начал воссоздаваться комиссариат по делам религий, который должен был обеспечивать различные части капелланами, но поражение в каталонской кампании не позволило этому замыслу реализоваться.

Продовольствия в республике теперь явно не хватало. Зимой 1938/39 года в Мадриде полмиллиона человек получали в день две унции чечевицы, бобов или риса и немного сахара или патоки. Чечевица, самая распространенная еда, называлась «пилюльками победы» доктора Негрина. Республике приходилось закупать продовольствие за границей, но поставки шли нерегулярно, потому что грузовые суда подвергались постоянным налетам. Сэр Денис Брэй и мистер Лоуренс Вебстер сообщили Лиге Наций, что население республики оказалось на грани голода, да и нищенский рацион не всегда поступает. В Барселоне, где скопилось около миллиона беженцев, положение стало просто катастрофическим. Международный комитет помощи детям беженцев мог оказать помощь только 40 000 детей из общего их количества в 600 000, хотя комитет финансировали 17 государств. От британского правительства в его фонд поступило 20 000 фунтов стерлингов. В 1939 году оно дало еще 100 000 фунтов. Но средств продолжало не хватать, ведь стоимость даже одноразового питания хотя бы для трети этих детей в зимний период составляла 150 000 фунтов стерлингов. Националисты подчеркивали контраст между голодающей республикой и своими территориями, сбрасывая на Мадрид и Барселону пакеты с ломтями хлеба. Республиканцы в ответ забрасывали с воздуха рубашки и носки, чтобы показать противникам свое превосходство в выпуске потребительских товаров.

Но и оно оставляло желать лучшего. Главной причиной бедственного положения, без сомнения, была блокада. И все же крах производства в конце 1938 года нельзя было объяснить только ею или всеобщей неприязнью финансового мира Ев-

ропы к Испанской республике. По крайней мере, частичную ответственность за экономические беды республики еще до коммунистов несут и политический разброд среди анархистов, и потеря уверенности в своих силах CNT. Правда, была область, положение дел в которой республика могла бы оценивать с оптимизмом, — это образование. «На Мадридском фронте, — рассказывал Антуан де Сент-Экзюпери, — я посетил школу, расположенную всего в пятистах метрах от окопов, на холмике, прикрытом небольшой стенкой. Капрал преподавал ботанику, тщательно отделяя пестики от тычинок. Вокруг него собрались обросшие бородами солдаты. Подпирая головы руками и морща лбы, они были полны внимания. Солдаты не очень хорошо понимали тему урока, но им внушали: вы еще животные, вы только что покинули свои норы, и мы хотим спасти вас для человечества. С трудом, но они стремились к просвещению». Неизменное присутствие этого высокого духа заставило делегацию французских журналистов и политиков признать слова Раймона Лорана: «Вы боретесь за благородное дело всего человечества — и в равной мере за безопасность Франции».

В октябре 1938 года лидеры POUM (кроме, конечно, Нина) наконец предстали перед судом. Незадолго до этого прошел процесс нескольких настоящих фалангистов, вовлеченных в эту историю. Тринадцать из них, включая Гольфина, Дальмау и Року, были приговорены к смертной казни и расстреляны за преступления, которые в условиях Гражданской войны были не чем иным, как шпионажем. Когда руководство POUM предстало перед трибуналом, дело против них практически рассыпалось. Все они, как и Нин, устояли перед жестоким давлением коммунистов, вынуждавших их к признанию. И если Сталин и Ежов планировали показательный процесс с сенсационными признаниями по образцу московских, то они потерпели поражение. Министры и бывшие министры республики во главе с Ларго Кабальеро и Сугасагойтия дали показания в пользу POUM. Приговор счел, что члены POUM были подлинными социалистами, и снял с них обвинения в государственной измене и шпионаже. Все же их приговорили к различным срокам заключения за участие в мятеже мая 1937 года и за революционную деятельность, мешавшую военным усилиям².

Шторер, немецкий посол, проведя анализ ситуации, завершил его замечанием, что основной причиной продолжения войны служит взаимный страх. Так Франко сообщил американскому корреспонденту, что у него есть список миллиона человек (вместе со свидетелями) на стороне республиканцев,

повинных в военных преступлениях. Тем не менее посол пришел к выводу, что внезапно появилась возможность заключения компромиссного мира. В то же самое время Адольф Берле, помощник государственного секретаря, сообщил президенту Рузвельту, на каких условиях можно добиться компромисса в Испании. Он предложил внести американское предложение на готовящейся конференции латиноамериканских стран в Лиме. План этот так и не был реализован из-за ссоры, возникшей между латиноамериканцами и неуступчивым Корделом Холлом. Все же Куба, Мексика и Гаити объявили, что готовы поддержать подход к проблеме, одобренный Рузвельтом.

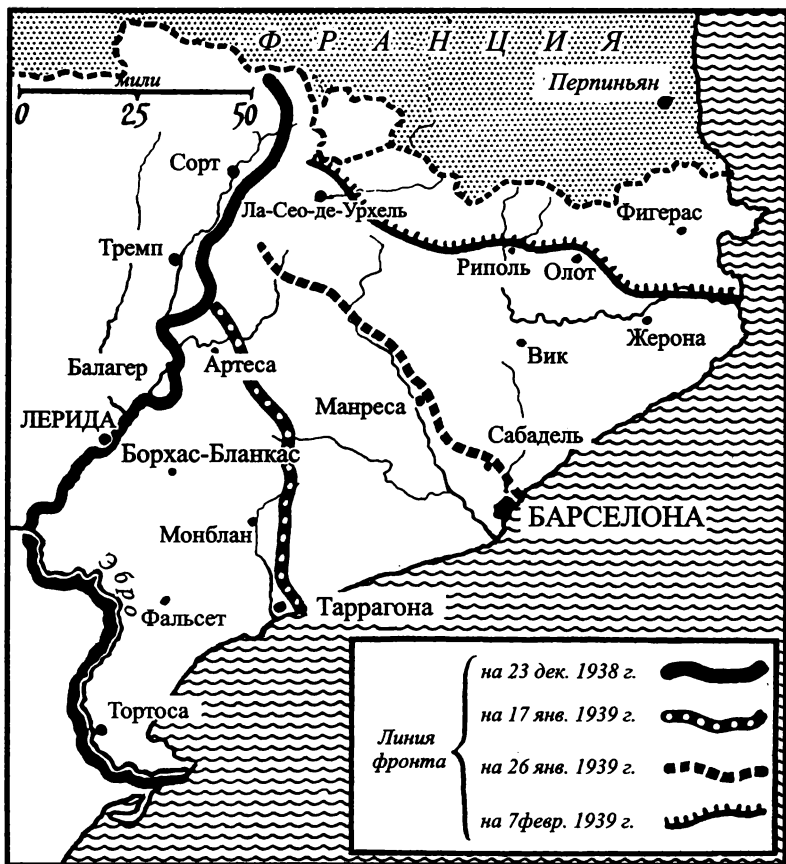
На деле же возможность заключения мира отодвинулась в далекое будущее. В августе националисты отказались даже рассматривать предложение Негрина, чтобы каждая сторона на месяц приостановила казни военнопленных³. Франко оставался непреклонен даже в вопросе об отводе волонтеров, который считался пробным камнем для его мирных намерений. Он не пойдет ни на одно из соглашений, предлагаемых Англией, пока ему не будут гарантированы права воюющей стороны. А тем временем, получив новые поставки немецкого вооружения, Франко готовил очередное наступление. После завершения кампании на Эбро оно должно было быстро и окончательно сокрушить республику — точно так же, как после завершения арагонской кампании последовало сражение под Теруэлем. Ударные дивизии националистов были сконцентрированы вдоль линии фронта от Пиренеев до Эбро и до самого моря. С севера до юга тут занимали позиции новый армейский корпус Урхель под командой Муньоса Гранде, армия Маэстрасго Гарсиа Валиньо и Армия Арагона, возглавляемая Москардо. Затем следовали четыре итальянские дивизии генерала Гамбары. Они включали в себя ударную итальянскую дивизию «Литторิโอ», «Черные стрелы» и «Синие стрелы» (в ней служили испанские солдаты под командой высокопоставленных итальянских офицеров), а также «Зеленые стрелы» (смешанное испано-итальянское воинство с итальянскими офицерами). Артиллерия, авиация и танки, приданные Гамбаре, — все было под контролем итальянцев. Дальше к югу позиции занимали Армия Наварры Сольчаги и армия Марокко Ягуэ. Они включали в себя 300 000 человек, их поддерживали 565 артиллерийских стволов. Наступление, запланированное на 10 декабря, было отложено до 15-го, и наконец был определен его окончательный срок — 23 декабря.

Республиканской линией фронта в Каталонии командовал Эрнандес Сарабиа. Под его началом были армии Востока и Эбро, которыми теперь командовали соответственно полков-

ник Перео и Модесто. Их силы насчитывали всего 220 000 штывков. Историки националистов утверждают, что на вражеской стороне было 250 артиллерийских ствольов, 40 танков, 80 броневиков, 46 зениток, 80 истребителей и 26 бомбардировщиков. Тем не менее республиканской армии, занявшей оборону в Каталонии, катастрофически не хватало оружия и боеприпасов. Если данные националистов точны, то они конечно же включали материалы, которые не восполнялись. Сам доктор Негрин признался, что он устал «духовно и физически». Рохо, который снова стал начальником генерального штаба, считал, что Франко для подготовки нового наступления потребуются несколько месяцев, и, даже когда оно началось, лидеры республики продолжали носиться с идеей высадки десанта в Мотриле, откуда бригада маршем пройдет до Малаги и поднимет всю Андалузию.

23 декабря, хотя папский нунций от имени папы тщетно просил заключить перемирие хотя бы на Рождество, началось наступление. Основной удар нанесли наваррцы и итальянцы вдоль реки Сегре, в двадцати километрах к северу от того места, где она сливалась с Мекиненсой. Когда они форсировали реку, удивленные защитники — хорошо вооруженная часть карабинеров — обнаружили, что их офицеры дезертировали. При первом же соприкосновении фронт был прорван. Выше по течению Сегре, у самого подножия Пиренеев, Муньос Грандес и Гарсиа Валиньо также прорвали республиканскую линию обороны. Это привело к отступлению войск республики. В Барселоне этот удар сначала был признан незначительным, но вскоре 5-й армейский корпус Листера, как всегда в случае наступления националистов, был брошен в бой, чтобы остановить продвижение врага. Переведя штаб-квартиру в Каstellьданс, что располагался на первой гряде холмов к востоку от Сегре, Листер держался почти сутки. Так 1938 год Мюнхена уступил место 1939-му, который стал годом начала Второй мировой войны.

3 января сокрушительное наступление танковых частей националистов наконец заставило Листера понять, что ему придется уступить итальянцам всю линию обороны. На севере Гарсиа Валиньо и Муньос Грандес при поддержке Москардо захватили центр связи — Артеса-де-Сегре. 4 января уже окончательно разрушенный город Борхас-Бланкас перешел в руки наваррцев и итальянцев. Фронт полностью развалился. Чиано, отметив, что единственной опасностью может стать интервенция Франции, проинструктировал своих послов в Берлине и Лондоне. Если это произойдет, заявил он, то в таком случае Италия введет в Испанию свои «регулярные ди-

Карта 33. Каталонская кампания

визии», пусть это даже развяжет мировую войну. Но британский кабинет министров все еще был склонен поддерживать дружеские отношения с диктаторами. 12 января Галифакс в Риме заявил Чиано, что надеется на разрешение Франко испанского вопроса. Поэтому было очень сомнительно, что французский кабинет предпримет недвусмысленные действия для спасения Испанской республики. Главнокомандующий сил республики Эрнандес Сарабиа проинформировал Негрина, что во всей Каталонии осталось всего 37 000 ружей. Во всяком случае, после падения Борхас-Бланкас битва в Каталонии превратилась в беспорядочное бегство. Мощный напор итальянских мобильных дивизий изумлял республиканцев. Рохо слишком поздно распорядился организовать доставку по морю людей и материальных ресурсов из Валенсии. Правительство тщетно пыталось поставить под ружье всех мужчин от 17 до 55 лет. Единственной успешной контрмерой со стороны республики стала отвлекающая кампания на границах Андалузии и Эстремадуры, которая позволила отвоевать какую-то территорию. Но 14 января Ягуэ внезапно начал неожиданное наступление из Гандесы вдоль Эбро, которое позволило ему выйти к морю и взять Таррагону. Пока по всему городу шли аресты, в ее кафедральном соборе была отслужена первая за два с половиной года месса.

Республика пыталась как-то справиться с ситуацией. Французское правительство наконец снова открыло границы поставкам военных материалов в Каталонию, но было уже слишком поздно. Улицы и площади Барселоны заполнили беженцы — их число превышало миллион. В огромном городе царил настрой безнадежного отчаяния. Солдаты, «буржуа» и анархисты — все думали только об одном: как им добраться до Франции. Продолжались воздушные налеты, особенно в районе порта. Бомбежки ставили целью уничтожить все суда, на которых беженцы могли бы покинуть город. Правительство, которое старалось первым делом эвакуировать женщин и детей, до последнего момента не знало, что предпринять.

После короткой паузы вслед за падением Таррагоны битва подступила к самой Барселоне. Сопrotивления почти не оказывались: наступающие колонны продвигались с такой быстротой, словно перед ними не было противника. 24 января Ягуэ, продвигаясь вдоль берега моря, Сольчага в сорока километрах от него и Гамбара в десяти километрах к северу вышли к Льобрегату, реке, которая, протекая с севера на юг, впадала в Средиземное море в пяти километрах к западу от Барселоны. В тот же день Гарсиа Валиньо взял Манресу и по-

вернул на северо-восток с целью отрезать Барселону от границы. Негрин, правительство, коммунистические лидеры, руководство армии и гражданских служб вместе с правительствами Каталонии и Басконии спешно перебравшись из Барселоны в Жерону. В столице Каталонии не чувствовалось даже духа сопротивления. Коммунистическая партия могла громогласно заявлять, что Льобрегат станет Мансанаресом Каталонии, но каталонцы, сепаратисты и даже анархисты не испытывали желания продолжать сопротивление. Оставшиеся иностранцы или влились в поток беженцев, которые текли на север, или же пытались найти плавсредство в порту, на который неустанно сыпались бомбы. Улицы большого города были завалены мусором и отбросами, ибо муниципальные мусорщики бросили работу. Толпы начали грабить продовольственные магазины. Сгорели многие документы республики.

В Риме были настолько убеждены в падении Барселоны, что лорд Перт обратился к Чиано с просьбой предотвратить репрессии со стороны националистов. В Национальном собрании Франции не меньше недели бушевали дебаты, в ходе которых Даладьё и Бонне объявили, что спасти Испанию слишком поздно, а Блюм и объединенные левые, включая коммунистов, говорили, что не все еще потеряно. Но критика Блюма в адрес правительства Даладьё, который даже в такой момент продолжал политику невмешательства, могла быть обращена и к его правительству, по крайней мере с февраля 1937 года.

25 января Ягуэ вместе с Сольчагой и Гамбарой форсировали Льобрегат. Наступающие сталкивались лишь с отдельными очагами сопротивления. Общего плана противостояния не существовало. На следующее утро Барселона была окружена с севера и запада. Наваррцы и итальянцы заняли холм Тибидадо, а Ягуэ — Монтджуч (где он освободил 1200 политических заключенных). К полудню войска двинулись занимать город. На первом же танке, который вошел в Барселону, сидела улыбающаяся немецкая еврейка, отдавая фашистское приветствие. Еще недавно она, как троцкистка, была заключенной женской тюрьмы в Лас-Кортес. Абсурдность этого зрелища вызвала иронические комментарии, которые звучали среди триумфальных поздравлений по поводу «освобождения» Каталонии. Но в массе своей улицы были тихи и пустынно. Почти полмиллиона человек оставили город и изо всех сил спешили на север. К четырем часам были заняты главные административные здания, не тронутые пожарами. И лишь к вечеру те жители Барселоны, которые втайне поддерживали националистов, высыпали на улицы.

Примечания

¹ Беспечность мистера Гудмена привела к тому, что консульская почта использовалась для связи между «красными агентами». Он не был оправдан, но его освободили.

² Рей, один из лидеров РОУМ, был оправдан. Позднее, после конца войны, он был расстрелян Франко. По завершении процесса трое ведущих анархистов, Федерика Монтсенъ, Абад де Сантильян и Гарсиа Бирлан, посетив Асанью, обвинили Негрина в диктаторстве и потребовали смены правительства. Но Асанья, как обычно, хотя и согласился с их точкой зрения, ничего не сделал.

³ Хотя комиссия Чэтвуда, о которой уже шла речь, убедила националистов отложить 400 казней.

Глава 72

Исход из Каталонии

Завершением кампании в Каталонии стал не штурм, а парад победы, которому предшествовал массовый исход беженцев. Мир был изумлен стремительностью поражения, подлинной причиной которого стала катастрофическая нехватка людей и вооружения на Эбро. Мистер Дункан Сэндис выразил точку зрения многих сторонников республики (или, по крайней мере, врагов союзников Франко), когда он убеждал Аскарате, посла в Лондоне, что сопротивление в Каталонии должно продолжаться, дабы мир убедился, что война еще не завершена. Мистер Генри Стимсон, бывший государственный секретарь, написал в «Нью-Йорк таймс» длинное письмо, приводя юридические и политические доводы отмены эмбарго на поставки оружия в Испанию. Но страстность послания не могла скрыть того факта, что помощь уже запоздала. Не могли помочь республике и результаты общественного опроса, по которым 72 процента жителей Англии поддерживают ее и всего лишь 9 процентов — генерала Франко¹. Во всей Каталонии теперь воцарился полный хаос. Недавно еще шли потоки беженцев из Ируна, Малаги, Бильбао, но зрелище всех этих ужасающих толп испуганных жителей бледнеет на фоне массового исхода из Каталонии по «дороге страданий», как ее назвал Шторер. Все были охвачены истерической паникой, хотя лишь небольшому количеству беженцев угрожала смертельная опасность, останься они в Каталонии. Но похоже, вся провинция снялась с места. Все города на пути к французской границе были до предела переполнены беженцами. По ночам на тротуарах вповалку лежали истощенные и дрожащие от холода человеческие существа всех возрастов. Типичной для

хаоса того времени была судьба арестованных членов POUM. Их тюремщики из SIM хотели оставить их в Барселоне, где им предстояло попасть в руки Франко. И все же их погнали на север. В небольшом городке у французской границы роли переменились — стражники сдались им в плен. В конечном итоге им повезло, так как они все же покинули тюрьму республиканской Испании.

На первых порах французское правительство из-за финансовых соображений² отказывалось разрешить доступ беженцев. Вместо этого оно предложило организовать нейтральную зону на испанской стороне границы, в которой беженцы могли бы получать иностранную помощь. Тем не менее националисты отвергли это предложение. И французское правительство неохотно согласилось открыть границу, хотя сначала разрешило переход через нее только гражданским лицам и раненым. На этих условиях первые беженцы пересекли пограничную линию в ночь на 28 января. В течение этого дня во Франции оказалось 15 000 человек. К первой неделе февраля стало ясно, что отступающая республиканская армия не хочет и не может сопротивляться наступлению националистов. Франция оказалась перед выбором: то ли принять к себе солдат, то ли силой отпугивать их на границе. 5 февраля французское правительство все же решило принять и армейские части на условии разоружения. И к 10 000 раненым, 170 000 женщинам и детям и 60 000 гражданским лицам, которые пересекли границу с 28 января, добавились 250 000 солдат республиканской армии, с 5-го по 10 февраля ушедших во Францию.

Пограничная полоса стала местом трагедии. Беженцы были измучены голодом и усталостью. Их одежда отсырела от дождей и снега. Но никто не жаловался. Пусть и раздавленные трагедией, испанские республиканцы держались прямо и с достоинством. Дети несли с собой поломанные игрушки, голову куклы или дырявый мячик, символы потерянного ими счастливого детства. Сколько смеха, сколько счастья было на границе! И какое разочарование ждало их на другой стороне!

Большой лагерь в Ле-Булу стал фильтрационным центром. Хотя большинство женщин и детей вместе с ранеными солдатами спешно перебросили в другие районы Франции, здесь не было даже элементарных укрытий. Семьям, которые держались вместе даже в суматохе бегства, приходилось разлучаться. Для размещения остатков республиканской армии создали большие лагеря в Аржелесе, в Сент-Сиприене и четыре поменьше рядом с ними. Они представляли собой открытые пространства среди песчаных дюн на берегу моря, обнесенные колючей проволокой. Люди, как животные, рыли норы в зем-

ле, чтобы найти в них укрытия. Всего было создано пятнадцать таких лагерей, охраняемых сенегальцами. Некоторые беженцы, пересекавшие границу, имели при себе горсть земли из родной деревни. У одного из них гвардеец с силой разжал стиснутые пальцы и брезгливо выкинул горсть испанской земли во французскую канаву.

Первые десять дней существования лагерей в них почти не было воды и пищи, и раненые, которых дотащили сюда товарищи, оставались без присмотра. Среди них был поэт Мачадо, который вскоре умер, но не от ран, а от душевной травмы. Пищу позднее подвезли, но в лагерях так и не было создано ни нормальных условий, ни укрытий. Французское правительство подвергалось яростной критике, но ему приходилось прилагать поистине геркулесовы усилия, чтобы за столь короткое время принять почти 400 000 беженцев. В то же время стало ясно, что таким обращением с беженцами французское правительство надеялось заставить многих из них вернуться на милость генерала Франко. Люди, с удобствами обитавшие в Америке или Англии, тоже проявляли бессердечность. Например, издатель «Нью-Йорк таймс» потребовал от Герберта Мэттью, чтобы тот не слал в газету эмоциональные репортажи об условиях жизни в лагерях. Говорилось, что на содержание одного беженца уходит до 15 франков в день, а на раненого — 60 франков. В начале февраля французское правительство выделило на эти цели 30 миллионов франков. В то же время оно просило и другие правительства разделить с ним эту ношу. Бельгия согласилась принять 2—3 тысячи испанских детей, но Россия и Англия на первых порах вообще отказались от приема беженцев. Позже Британия решила принять к себе ограниченное число лиц из руководящего состава. Россия предоставила в помощь беженцам 28 000 фунтов стерлингов, а Англия выделила Красному Кресту для работы в лагерях 50 000 фунтов³.

Тем временем 1 февраля остаток старых кортесов в количестве 62 человек, которых с таким энтузиазмом избирали три года назад, собрался в подвале старого замка в Фигерасе, последнем перед границей городе Каталонии. За столом, покрытом флагом республики, сидел Диего Мартинес Баррио. Негрин произнес речь, в которой обозначил три условия заключения мира: гарантии независимости Испании, гарантии права испанского народа выбирать свое правительство и свобода от преследований. Никто не спорил с ними, хотя было ясно, что генерал Франко эти условия не примет, и посему правительство объявило о продолжении войны. Кортесы кончили свое существование. Его депутаты, включая большую часть членов правительства, напра-

вились во Францию. Асанья, Агирре и Компаньс с Ларго Кабальеро уже были там. Альварес дель Вайо и Негрин еще на несколько дней остались в Каталонии. 2 февраля они встретились со Стивенсоном и Жюлем Анри, английским и французским посланниками, чтобы те помогли им договориться с националистами о начале мирных переговоров на условиях, выдвинутых в речи премьер-министра в Фигерасе. Два дипломата согласились предпринять такую попытку и не отступили от своих слов. Негрин добавил, что, если эти условия будут отвергнуты, республика продолжит войну из Валенсии. Альварес дель Вайо занимался доставкой полотен музея Прадо из Фигераса. На грузовиках они были переправлены в Женеву, где их взял под охрану для испанского народа генеральный секретарь Лиги Наций. Изможденные и измотанные беженцы стояли на обочинах дорог, когда мимо них везли бесценные холсты Веласкеса, Гойи, Тициана и Рубенса.

В то же самое время продолжалось мощное наступление наваррских и итальянских частей. Жерона, Венеция Каталонии, пала 5 февраля. Она подверглась жестокой бомбардировке зажигательными бомбами, которая настолько возмутила отстающих республиканцев, что они стали оказывать сопротивление. Была перебита часть заключенных националистов — включая полковника Рея д'Аркура, героя Теруэля и епископа Теруэльского, убитого вместе с ним. С трудом удалось остановить Андре Марти. Он собирался расстрелять часть сотрудников своего старого штаба в Альбасете. Марти, не в силах выйти из своего бредового состояния, опасался, что они смогут рассказать миру о его маниакальных действиях. На западе Гарсиа Валиньо занял город Вич со старым кафедральным собором. Как националисты и предполагали, последние попытки сопротивления в Каталонии фактически были подавлены. Пока сэр Ральф Ходжсон, действуя и в интересах Британии, излагал испанским националистам три условия мира Негрина, к французской границе подходили четыре армейских корпуса. 8 февраля наваррцы заняли Фигерас. В тот же день их передовые отряды вступили в соприкосновение с арьергардом отстающих республиканцев. 9 февраля Сольчага и Москардо вышли на французскую границу — один у Ле-Перту, другой у горных отрогов Нурии. К 10 февраля на всей протяженности границы уже стояли части армии националистов. В первой половине этого дня Модесто успел переправить во Францию последние отряды Армии Эбро. Именно в этот момент Хименес Кабальеро, служивший под командой Москардо, вспомнив знаменитую похвальбу Людовика XIV, со смехом сообщил своим товарищам: «Наконец-то мы на Пиренеях!»

Так завершилась кампания в Каталонии. Раненых и убитых подсчитать трудно. По данным националистов, республика потеряла 143 самолета. Общее количество республиканцев, попавших в плен в ходе этой кампании, равнялось примерно 200 000. Предполагается, что во время отступления, республика оставила 242 орудия, 3500 пулеметов и 3000 машин. Цифры, скорее всего, преувеличены. В Барселоне же начались неизбежные репрессии. Кроме того, как и предполагалось, автономия Каталонии была немедленно отменена и каталанский язык лишен статуса второго государственного⁴.

Примечания

¹ Во время Гражданской войны прошли еще три опроса общественного мнения англичан. В январе 1937 года лишь 14 процентов считали, что хунту в Бургосе следует признать подлинным правительством Испании, а 86 процентов выступали против нее. В марте 1938 года 57 процентов выразили симпатии правительству Испании, 7 процентов — Франко и 36 процентов не имели конкретного мнения. Опрос в октябре дал примерно такие же результаты.

² С самого начала войны французское правительство уже потратило 88 миллионов франков на помощь беженцам.

³ Конечно же в этих лагерях случались и непредвиденные встречи, и выяснения личных отношений. Например, в лагере в Аргеле Асторга Вайо, один из руководящих работников ненавистного SIM, встретил несколько знакомых, которых знал еще в начале войны. Он прогулялся с ними, вспоминая прошлые времена. Внезапно Вайо заметил, что они ведут его в пустынную часть лагеря, где он увидел глубокую яму, выкопанную под соснами. Вайо в ужасе повернулся. Спутники мрачно усмехались. Они похоронили его заживо.

⁴ Пропаганда настойчиво и безжалостно взывала к мщению. «Некая женщина из Барселоны, — сообщила газета своим читателям, — недавно убила тридцать своих любовников, потому что все они были марксистами».

Глава 73

Мирные переговоры. — Их провал. — Условия генерала Франко. — Миссия в Бургосе сенатора Берара. — Франция и Англия признают правительство националистов.

После падения Каталонии мир пришел к выводу, что испанская война завершилась. На Парижской бирже стоимость националистской песеты в семьдесят раз превысила валюту республики, хотя, думается, ее подлинная стоимость была ближе к неофициальному курсу 100 песет за доллар, чем к зафиксированному 42 песеты за фунт стерлингов¹. В националист-

ской Испании больше не было слышно ни о заговорах, ни об убийствах. В свое время пессимисты были самыми желанными клиентам в баре «Чикоте» в Сан-Себастьяне, который считался известнейшим в националистской Испании. Теперь количество оптимистов значительно превосходило даже тех, кто подсмеивался над плакатами: «Храните молчание и будьте бдительны, враг подслушивает». Ссоры и споры сошли на нет. Серрано Суньер стал ближайшим советником Франко. Кончина 24 декабря старого генерала Мартинеса Анидо устранила его главного недоброжелателя в администрации, и 24 января министерства общественного порядка и внутренних дел были объединены под его общим руководством. Вопрос о взаимоотношениях между режимом и церковью был поднят Серрано Суньером на пресс-конференции 6 февраля. Вознеся хвалу католическим традициям, он предложил значительно усилить ее влияние, особенно в образовании. Кроме того, он потребовал возвращения к Конкордату 1851 года. Но в целом у Серрано Суньера не было своего собственного плана действий. Кардинал Сегура, вернувшийся в Испанию как архиепископ Севильский после смерти кардинала Илундаина, осудил фалангу, как организацию неверующих, которая находится под влиянием нацистов. Несколько позже кардинал Гома из Толедо вернулся к этой теме и со свойственной для него осторожностью в своем пастырском послании осудил «преувеличенный национализм».

В националистской Испании снова стала обсуждаться возможность реставрации монархии. Декрет от 15 декабря вернул королевской семье ее собственность и гражданство, которого их лишила республика. Тем не менее король Альфонсо и его сын Хуан заявили, что вплоть до восстановления порядка хотели бы считать себя солдатами генерала Франко. Режим националистов получил одобрение и тех, кто раньше осуждал его. Французское правительство послало в Бургос сенатора Берара, чтобы обсудить восстановление дипломатических отношений. Встретили его холодно. При первой официальной встрече де-юре Хордана потребовал возвращения военных и торговых судов республики, находившихся во французских водах, сокровищ искусства, которые республика передала Франции, и испанских активов. Естественно, националисты отказались платить хоть какие-то суммы на содержание испанских беженцев в Южной Франции или разрешить французскому правительству возместить свои расходы по этой статье, сняв средства с испанских счетов во Франции.

Тем временем правительство республики собралось в Тулузе. Негрин и Альварес дель Вайо, 9 февраля вернувшиеся из

Фигераса, убедились, что остальной кабинет ждет разрешения французских властей на полет в Валенсию. После краткого совещания в испанском консульстве все сложности с транспортом были урегулированы. Негрин и Альварес дель Вайо прилетели в Аликанте на самолете компании «Эр Франс». Как и ожидалось, они увидели, что военное руководство этого остатка республиканской Испании находится в удрученном состоянии. В тот же день, когда Каталония окончательно перешла в руки националистов, капитулировала и Менорка. Генерал Франко дал знать Лондону, что хотел бы занять Менорку без помощи немцев или итальянцев. В результате английский корабль доставил участников переговоров из Мальорки в Порт-Маон. Его капитан помог провести переговоры о капитуляции острова и доставил в Марсель 450 республиканцев. Кое-где в центральной Испании прикинули, что такова может быть модель и их собственной капитуляции².

12 февраля Негрин растолковал генералам Армии Центра те условия прекращения военных действий, которые он предложил Франко. Собравшиеся выслушали его в молчании. Они все еще владели третью Испании, включая Мадрид и Валенсию. Под их командой было полмиллиона человек, но не хватало вооружения и боеприпасов. Так, например, у Армии Центра было всего 95 000 ружей, 1600 автоматов, 1400 пулеметов, 150 орудий, 50 гаубиц и 10 танков. Гражданское население оставалось на грани голода, а сами генералы долгое время не имели связей со своим правительством. Все устали от войны. Политика постоянного сопротивления поддерживалась лишь серьезным отношением коммунистической партии, ведущие лидеры которой Пассионария, Листер и Модесто вместе с неизменным Тольятти в тому времени тоже вернулись в Испанию³.

Альварес дель Вайо вылетел из Мадрида в Париж, чтобы уговорить вернуться в Испанию и Асанью. Но тот сказал ему: «Моя обязанность — добиться мира. Я отказываюсь помогать кому-либо своим присутствием, ибо оно лишь продлит бессмысленную войну. Мы должны добиться лучших из всех возможных гарантий и затем как можно скорее заключить мир». Президент уже пытался получить от генералов Рохо, Хурадо и Идальго де Сиснероса письменные рекомендации, останавливающие войну. Они отказались. Альварес дель Вайо поставил крест на своей миссии, как на бесполезной.

13 февраля Франко издал указ с обвинениями в адрес всех тех, кто занимался «подрывной деятельностью» с октября 1934-го до июля 1936 года, а также тех, кто «делом или оппозиционной пассивностью противостоял правительству нацио-

налистов». Не подлежало сомнению, что этот указ давал властям широкие возможности для мести. И преследования в самом деле начались. Генерал Гамбара сообщил Чиано, что Франко начал в Барселоне «тщательную и жестокую чистку». Были арестованы и итальянцы — эмигранты всех видов. Муссолини, у которого спросили, какого он мнения о них, ответил: «Пусть все будут расстреляны. Мертвые не рассказывают сказок». Среди расстрелянных оказалось несколько человек, арестованных еще коммунистами.

Конечно, тема преследований и наказаний была одной из самых важных для республики. Получи она гарантии, что такого не произойдет, республика еще год назад пошла бы на заключение мира. 17 февраля Аскарате и Альварес дель Вайо, все еще находившиеся в Париже, телеграфировали Негрину, что может быть только одно условие мира, с которым они хотели бы ознакомить лорда Галифакса для последующей передачи Франко. Лорд Галифакс сам выложил Аскарате это простое условие перед тем, как испанский дипломат направился в Париж. Из-за задержек на телеграфе (по мнению Аскарате и Альвареса дель Вайо, их сознательно организовал полковник Касадо, республиканский командир Армии Центра) положительный ответ Негрина пришел в Париж только 25 февраля, а Галифакс уже 22-го перестал ждать ответа на свое предложение. Он начал готовить безоговорочное признание правительства националистов. К тому же 18 февраля Франко положил конец всем идеям об условиях мира, кто бы их ни выдвигал — Франция, Англия или республика. «Националисты победили, — объявил он, — и поэтому республика должна согласиться на безоговорочную капитуляцию». 22 февраля Франко отправил телеграмму Невиллу Чемберлену с заверениями, что его патриотизм, его честь джентльмена и благородство станут надежными гарантиями мира. Позже он сообщил, что трибуналы, которые начнут действовать после капитуляции республики, будут иметь дело только с преступниками. «Репрессии чужды движению националистов», — сказал он⁴. Британия сочла, что его слова и телеграмма Чемберлену составляют единственное условие признания правительства националистов. А тем временем 26 февраля сенатор Берар завершил свою миссию в Бургосе. Все требования националистов были приняты. Франция и первая Испания будут жить бок о бок, как добрые соседи, сотрудничать в Марокко и пресекать все действия, направленные против безопасности одной из сторон. Французское правительство взяло на себя обязательство вернуть в Испанию всю собственность, переправленную во Францию против желания ее владельцев. Она включала в

себя 8 миллионов фунтов стерлингов в золоте, которые хранились в «Мон-де-Марсан» как залог займа, взятого в 1931 году. Банк Франции отказался возвращать его республике, хотя заем был выплачен. Все военное снаряжение, закупленное республикой у Франции, все военные, торговые и рыболовецкие суда, произведения искусства, машины и документы — все подлежало возвращению в Испанию. В ответ националисты всего лишь согласились принять в Бургосе французского посла.

Официальное признание Франко со стороны Франции и Англии состоялось 27 февраля. 22 февраля Чемберлен зачитал телеграмму Франко в палате общин. Либеральная и лейбористская партия резко протестовали против признания режима Франко. Начались дебаты против этой акции. Эттли решительно осудил сомнительный образ действий Чемберлена, который успел согласовать акт признания с Даладье, не поставив в известность палату общин. «В этом поступке, — подвел итог Эттли, — мы видим откровенное предательство демократии, завершение двух с половиной лет лицемерной политики невмешательства, которая на самом деле потворствовала агрессии. И это всего лишь один очередной шаг вниз по пути, на котором правительство его величества не просто продавало, а предавало постоянные интересы страны. Оно ничего не делало, чтобы восстановить мир или прекратить войну, а заявляло всему миру, что тот, кто не будет применять силу, всегда будет удостоен дружбы британского премьер-министра». Чемберлен ответил на эти яростные нападки, заявив, что генерал Франко дал заверения проявлять милосердие и теперь, когда война подошла к концу, у Британии нет оснований ставить ему какие-то условия. Далее, как это часто случалось во время испанской войны, последовал горячий и резкий обмен мнениями между сэром Генри Пейдж-Крофтом, сторонником генерала Франко от консерваторов, и мисс Эллен Уилкинсон. Иден, занимавший место на задних скамьях, поддержал правительство, предупредив, что затяжка с признанием может привести к продолжению войны. Все же другие консерваторы-«заднескамеечники», такие, как мистер Вивиан Адамс, сочли предосудительным безоговорочное признание. Черчилль отсутствовал. Коммунист Галлахер предложил объявить импичмент премьер-министру. Герберт Моррисон и сэр Томас Инскип, соответственно со стороны оппозиции и правительства, выступили за прекращение дебатов, чем закрыли долгую серию страстных дискуссий об Испании в «матери всех парламентов». После Французской революции больше ни одна тема, связанная с иностранными

делами, так не занимала внимание палаты общин. Как ни печально, правительство своей политикой невмешательства, которую оно создало (и успешно принудило французское правительство примкнуть к ней), способствовало поражению республики. Это было сделано в русле политики «всеобщего умиротворения в Европе», которая означала умасливание Гитлера и Муссолини и лезть в их адрес, чтобы они оставались «в хорошем настроении»⁵.

Аскарате нанес последний, не увенчавшийся успехом визит лорду Галифаксу, напомним, что условием признания Британия потребовала от Франко гарантий сдержанности⁶. Россия осудила фальшь «капиталистической политики капитуляции перед агрессором», но никаких иных действий не предприняла. Вашингтон пока еще не торопился с признанием Франко, но большинство других стран последовало примеру Франции и Англии.

Примечания

¹ Деньги, выпускавшиеся муниципалитетами, комитетами Народного фронта и Женеалитатом в первые дни войны (из-за пестрой расцветки их называли «пижамами»), теперь в большинстве мест больше не принимались.

² Националисты обратились к британскому консулу на Мальорке капитану Хиллгарту, чтобы он договорился о капитуляции сил республики. Форин Офис согласился удовлетворить эту просьбу, но оговорил, что в переговорах не должны будут участвовать ни Италия, ни Германия и что в течение двух лет на острове не должно быть ни немецких, ни итальянских войск. Эти условия были приняты.

³ Диас с ноября находился в Москве, работая в Коминтерне.

⁴ В ноябре 1938 года Франко заявил, что об амнистии не может быть и речи. «Тот, кто амнистирован, деморализован». Похоже, он был искренне убежден (без сомнения, под влиянием Серрано Суньера), что «искупление достигается через наказание трудом». То есть те, кто избежал казни, должны «перевоспитаться» в трудовых лагерях.

⁵ Оппозиция, которая еще в октябре 1936 года сочла невмешательство «фарсом», активно поддерживала Испанскую республику и имела близкие отношения с Аскарате и испанским посольством. Но она всегда воздерживалась от неконституционных действий, таких, как организация бойкота со стороны профсоюзов торговли с испанскими националистами или помехи предоставлению кредитов Франко из Сити.

⁶ Позже он вверил здание испанского посольства Форин Офис, который передал его представителю националистов герцогу Альбе. Такие же сцены имели место и в других столицах. Новые обитатели посольств последовали примеру Альбы и в течение нескольких часов уволили всех работников, включая и обслуживающий персонал, который работал в посольствах еще с времен монархии.

Заговор полковника Касадо. — Негрин и Касадо. — Продовольственная ситуация в Мадриде. — Встреча на аэродроме Лос-Льянос. — Отставка Асаньи. — Кризис в коммунистической партии. — Вспышки мятежей в Картахене. — «Пронунсиаменто» Касадо. — Бессилие Негрина. — Бегство Негрина и коммунистов во Францию.

Заявления генерала Франко 18-го и 22 февраля вызвали в республиканской Испании двойственную реакцию. Негрин и коммунисты укрепились в своей идее продолжать сопротивление. Командный состав офицеров армии, которые продолжали быть просто республиканцами, а не коммунистами или социалистами, пришел к выводу, что жесткость условий Франко объясняется тем, что коммунисты поддерживают правительство Негрина и доминируют в армии. Они решили, что поскольку служили еще в старой испанской армии, то смогут добиться соглашения с Франко на более выгодных условиях, чем Негрин. Частично этот вывод проистекал, сознательно или бессознательно, из ревности к мужеству офицеров-коммунистов, которые преобладали в армии. Вокруг этих офицеров стали собираться и другие оппоненты Негрина, среди них и сторонники Асаньи, Прието, Ларго Кабальеро. Но все их лидеры оставались за границей. Единственной более-менее значимой фигурой среди заговорщиков был социалист профессор Бестейро, давний диссидент и реформист. Как бы ни готовился и ни развивался заговор, его должна была постичь неудача, не окажи ему поддержку мадридские анархисты, которые, действуя независимо от окончательно распавшегося анархистского движения в целом, воспользовались возможностью свести свои давние счеты с коммунистами. Таким образом, начался последний акт и без того трагической Гражданской войны. Через два с половиной года после военного мятежа, поднятого Санхурхо, Молой и Франко, война завершалась так же, как и начиналась — восстанием группы офицеров против своего правительства.

Вечером 23 февраля в Мадриде полковник Касадо, командир Армии Центра, душа офицерского заговора против Негрина, запретил публикацию в коммунистической газете «Мундо обреро» манифеста с призывом к продолжению сопротивления и нападка на Ларго Кабальеро за то, что он оставил Испанию¹. Со стороны Касадо это был достаточно смелый шаг, тем более что три из четырех корпусных командиров, Буэно, Барсело и Ортега, в его армии были коммунистами. Четвертый,

Сиприано Мера, был анархистом, лучшим командиром, которого CNT выдвинула во время войны. Коммунист Урибе, министр сельского хозяйства, выразил протест. Касадо продолжал стоять на своем — публикации не будет. На следующий день текст манифеста пошел по рукам. Касадо, решив наконец предпринять действия на свой страх и риск, встретился с депутатами из партии Асаньи. Они согласились отправиться в Париж, чтобы убедить Асанью вернуться в Испанию и возглавить республику. Как и предупреждал их Альварес дель Вайо, Асанья конечно же отказался. А тем временем вечером 24 февраля Негрин и сам прибыл в Мадрид. На следующее утро у него состоялся разговор с Касадо, который длился четыре часа. Рассказав о голоде и нехватке горючего в Мадриде, Касадо выразил мнение, что войну необходимо заканчивать. Негрин пообещал прислать продовольствия на две недели. В ответ Касадо изложил ему и другие проблемы. У него нет транспорта. Франция и Англия окончательно бросили республику. Падение Каталонии сократило поставки сырья на 70 процентов. В войсках катастрофически не хватает обуви и верхней одежды. Во всей Армии Центра осталось всего 40 самолетов, почти нет артиллерии и очень мало автоматического оружия. Ему противостоят 32 дивизии националистов, стоящих к югу от Мадрида, с обилием артиллерии и танков; у них, самое малое, 600 самолетов. Кроме того — и это было самым важным из слов Касадо — коммунистическая партия проявила себя как «недостойная доверия». Негрин пропустил мимо ушей последнее обвинение. Он сообщил Касадо, что Советский Союз прислал 10 000 пулеметов, 600 самолетов и 500 орудий. Теперь они находятся в Марселе и, несмотря на серьезные трудности, будут доставлены в Испанию. Мирные переговоры с Франко, добавил он, провалились. Касадо заметил, что советские поставки никогда не придут, так как единственный путь лежит по морю из Марселя в Валенсию. Он потребовал от Негрина снова начать переговоры и предложил свою помощь. Негрин принял это предложение. В случае необходимости он обещал вывести коммунистов из правительства. Присвоив Касадо генеральское звание, Негрин позже провел встречу с лидерами партий Народного фронта. О своих основных целях он говорил в неопределенных выражениях. Касадо также встретился с этими политиками и высказал перед ними свое неприязненное отношение к коммунистам.

Положение дел в Мадриде в самом деле было ужасным. Квакерский международный комитет помощи детям беженцев сообщал: нормы питания таковы, что, даже если их увеличить, более двух-трех месяцев дети не выдержат². Не было тепла,

горячей воды, лекарств и хирургических инструментов. Это положение сводило на нет ту международную помощь, которую удавалось собрать. В Англии собирали средства фонды «Пища для Испании». Некоторые правительства выделяли в виде даров бесплатные поставки. Так поступили в Канаде, Норвегии и Дании, где скупили излишки продовольствия и передали Испании. Бельгия выделила припасов на сумму около 10 000 фунтов стерлингов, и Швеция — на 75 000 (в дополнение к предыдущим 50 000 фунтам). Французское правительство согласилось послать в республику 45 000 тонн муки, хотя не в виде дара. Еще в сентябре Соединенные Штаты прислали 60 000 баррелей муки, а теперь через Красный Крест — еще 600 000 баррелей³. И действительно, чем ближе республика подходила к своему концу, тем больший общественный интерес вызывала ее судьба, особенно в Соединенных Штатах.

26 февраля на аэродроме Лос-Льянос под Валенсией Негрин организовал встречу военного руководства республики. На ней присутствовали все ветераны, командиры республиканской армии, те, которые еще капитанами и майорами поддерживали республику в мае 1936 года и теперь, пусть и не совсем заслуженно, были украшены генеральскими эполетами. Негрин говорил с ними два часа. Он рассказал о неудаче своих мирных переговоров последнего месяца. О том, как, начиная с мая прошлого года, он через посредников добивался почетного мира. Негрин сказал, что иного выбора нет — остается только сопротивление. Следующим взял слово генерал Матальяна, командующий военным транспортом и связью, который заявил, что продолжение военных действий — это сумасшествие. Он воззвал к патриотизму и гуманности премьер-министра, считая, что тот должен положить конец войне. Генералы Менендес, Эскобар и Морьонес, командующие армиями Леванте, Эстремадуры и Андалузии, согласились с Матальяной. Адмирал Буиса, командующий военно-морским флотом, сообщил, что комиссия, представляющая команды военных судов республики, пришла к выводу, что война проиграна. Невыносимые налеты авиации националистов вынуждают флот покинуть испанские воды даже до начала мирных переговоров. Негрин сказал Буисе, что руководство комиссии должно быть расстреляно за мятеж. Адмирал ответил, что, хотя он в принципе согласен с Негрином, ничего подобного делать не будет, поскольку лично согласен с точкой зрения комиссии. Затем от имени авиации выступил полковник Камачо. Он сказал, что у него осталось только три эскадрильи, двадцать пять истребителей. Он также предложил заключить мир. Подобным же образом высказался и генерал Бернал, военный губернатор

Картахены. Мьяха, «герой Мадрида», вмешался в ход разговора, обидевшись, что ему не дают слова. Негрин предоставил Мьяхе трибуну, сказав, что он хотел, дабы тот, как главнокомандующий, взял слово последним. Мьяха недвусмысленно потребовал сопротивляться всеми силами. Когда Негрин в заключение подвел итог дискуссии, он воздержался от определения линии своих действий, но остался при своем убеждении, что, поскольку мирные переговоры провалились, войну необходимо продолжать. Вернувшись в свой дом в Джесте, Негрин решил сместить Касадо и поставить вместо него Модесто. Листер займет место Эскобара, а Галан — Морьонеса. Хесус Эрнандес, комиссар всех вооруженных сил республики, будет именоваться генеральным инспектором армии. Таким образом, кроме Менендеса в Леванте, армию республики возглавят те коммунисты, которые твердо убеждены в необходимости продолжения войны. Тем не менее в Валенсии получили зарубежные паспорта все политические лидеры, которыми владел страх перед быстрым всеобщим крахом. Потребовал его и Мьяха, несмотря на сказанные ранее смелые слова. Вечером Негрин назначил генерала Матальяну начальником генерального штаба всей армии, сместив его с политически более опасного поста начальника всей системы связи и сообщений, а Модесто присвоил генеральское звание, которого тот давно заслуживал, но оно задерживалось, потому что правительство не хотело раздражать старый армейский генералитет.

На следующий день, 28 февраля, когда пришли известия, что Англия и Франция признали Франко, Асанья в Париже подал в отставку с поста президента республики. Постоянный комитет кортесов собрался в «Ла Перуз», большом ресторане на Кэ-де-Гран Огюстен, и Мартинес Баррио принял на себя обязанности президента. Тем временем гражданский губернатор Мадрида сообщил Касадо, что получил приказ о снятии его с должности, хотя это для него самого явилось неожиданностью. Негрин по телефону заверил Касадо, что он не отдавал такого приказа, и на следующий день, 1 марта, пригласил его в Йесте, где должна была состояться встреча с Матальяной. Здесь Негрин предложил реорганизовать генеральный штаб. Матальяна и Касадо возглавят оба существующих штаба. Офицеры повторили свои аргументы против дальнейшего сопротивления. После встречи Касадо и Матальяна направились в Валенсию. Здесь они встретились с генералом Менендесом и полковником Руисом-Форнеллом, начальником штаба Армии Эстремадуры. Касадо сообщил офицерам, что принял решение не подчиняться правительству и добиваться мира. Оба пообещали отказывать ему полную поддержку, но

предупредили относительно возможных протестов влиятельной коммунистической партии. 2 марта Касадо с той же целью встретился за ленчем в предместье Мадрида с Идальго де Сиснеросом, хотя знал, что тот — коммунист. Он исходил из того, что верность главы авиации своим старым соратникам превысит преданность новым товарищам. «Только мы, генералы, можем вывести Испанию из войны», — сказал Касадо, который только что отдал приказ нашить на свою форму новые, генеральские, знаки различия. «Я даю слово, — добавил он, — что смогу добиться от Франко большего, чем удалось правительству Негрина». Идальго де Сиснерос посоветовал Касадо повидаться с Негрином⁴.

В тот же день, 2 марта, адмирал Буиса в Картахене собрал командиров кораблей и политических комиссаров. Он рассказал им, что готовится заговор против Негрина и будет сформирован Национальный совет обороны, представляющий вооруженные силы, все профсоюзы и политические партии. Никто не возразил, и Буиса пришел к выводу, что соглашение достигнуто. Тем не менее 3 марта в Картахену прибыл Паулино Гомес, министр по морским делам, и сообщил, что правительству известно вчерашнее выступление Буисы, но принято решение воевать до победы. В Мадриде Касадо продолжал заниматься своим заговором, получив поддержку большинства полковников, но не коммунистов и не коммунистических партий. Генерал Мартинес Кабрера (военный губернатор Мадрида), генеральный директор службы безопасности, и Педреро, глава SIM, также обещали ему поддержку. Касадо предупредил Сиприано Меру, чтобы тот был готов взять под свою команду Армию Центра. От Негрина пришла телеграмма, приглашавшая Касадо еще на одну встречу в Йесте. По телефону Касадо сообщил Матальяне, что не поедет, потому что опасается ареста. Ко всеобщему удивлению, Мьяха согласился с Касадо. Он тоже боялся ареста. Касадо, позвонив Негрину, сказал, что состояние здоровья не позволяет ему снова пуститься в столь долгое путешествие. Негрин обещал прислать за ним свой личный самолет.

Следующий день, 4 марта, стал кульминацией заговора в Мадриде. В десять утра начальник аэропорта Бараксас сообщил Касадо, что на летном поле приземлился «дуглас» Негрина. Касадо приказал пилоту вернуться домой. В полдень Негрин снова позвонил Касадо. Полковник объяснил, что из-за состояния здоровья он не может оставить Мадрид. Негрин, отбросив его объяснения, заявил, что хочет видеть Касадо немедленно, в каком бы он ни был состоянии. К шести вечера прибыл другой самолет, чтобы доставить из Мадрида в Вален-

сию несколько членов кабинета министров. Негрин сказал, что Касадо полетит с ними, но тот ответил, что «договорится» с министрами.

Назначение Негрином коммуниста полковника Галана военным губернатором Картахены вызвало вспышку странных событий в порту. Во-первых, генерал Барналь пассивно согласился передать власть Галану. Офицеры-артиллеристы во главе с полковником Арментией выразили свой протест. Так же отреагировал и флот. Капитаны решили выйти в море и передать себя в распоряжение Касадо и его друзей — два дня назад Буиса рассказал им все новости. Наконец в Картахене дала о себе знать «пятая колонна» фалангистов. При поддержке толпы, которая с энтузиазмом выражала поддержку безусловному победителю в Гражданской войне, они окружили артиллерийские казармы. Полк морской пехоты присоединился к фалангистам, и все вместе захватили радиостанцию военно-морского флота, откуда послали в Кадис просьбу о подкреплении. В это время итальянская авиация начала бомбить флот. Адмирал Буиса приказал всей эскадре сразу же после полудня выйти в открытое море. Хесус Эрнандес, действуя на свой страх и риск как генеральный инспектор армии, послал 4-ю дивизию под командой безусловно преданного офицера, майора Родригеса, на помощь Картахене. Майор объединил силы с Галаном. К середине дня мятеж и фалангистов и антикоммунистов был подавлен. Но флот остался в море.

В Мадриде за ленчем в центральном правительственном здании сошлись шесть министров правительства Негрина — Хинер де Лос Риос, Велао, Паулино Гомес, Сегундо Бланко, Мош и Гонсалес Пенья. За кофе к ним присоединился Касадо. Полковник (он отказался от своего генеральского звания из-за опасений, что оно может сказаться на его отношениях с Франко) позже рассказывал, что каждый из министров в частном порядке высказывал ему свое разочарование политикой Негрина. Касадо объяснил, что не собирается лететь с ними в Йесте. Хинер де Лос Риос, позвонив Негрину, предложил отложить встречу членов кабинета. Негрин взорвался, и министры немедленно собрались в дорогу. В семь вечера Негрин снова позвонил Касадо, приказав, чтобы тот явился на следующий день. Касадо ответил, что, если ситуация не ухудшится, он прибудет. Через полчаса Касадо перенес свою штаб-квартиру в Казначейство на Калье-Алькала рядом с Пуэрта-дель-Соль, здание которого было легко оборонять. Здесь он встретился с Бестейро, социалистом-реформистом. Хотя тот был уже стар, болен и подавлен, все же ему еще могло пригодиться его имя. Поскромничав, Касадо все же позволил

назвать себя президентом будущего Национального совета. Бестейро согласился взять на себе обязанности секретаря по иностранным делам. Позже Касадо добровольно уступил свой пост Мьяхе, которого, хотя тот постоянно жаловался на усталость, робость и оппортунизм, все же заставили присоединиться к заговорщикам. Касадо взял себе портфель министра обороны. Остальными членами совета стали Венсеслао Карильо, социалист; Гонсалес Мартин и Валь, оба из CNT; Сан-Андрес и дель Рио — республиканцы. Они получили соответственно портфели министров внутренних дел, финансов, связи, труда, юстиции и образования. В полночь эта хунта выпустила следующий манифест.

«Испанские рабочие, народ антифашистской Испании! Пришло время, когда мы на все четыре стороны света должны сообщить правду о нашей сегодняшней ситуации. Как революционеры, как пролетарии, как испанцы, как антифашисты, мы не можем и дальше терпеть неблагоразумие и отсутствие предусмотрительности правительства доктора Негрина. Мы не можем позволить, чтобы, пока народ сражается, некоторые привилегированные личности продолжали жить за границей. Мы обращаемся ко всем рабочим, антифашистам и испанцам! По Конституции правительство доктора Негрина не имеет под собой законного базиса. На практике оно потеряло и доверие, и чувство здравого смысла. Мы готовы показать путь, который поможет избежать катастрофы: мы, кто противостоит политике сопротивления, заверяем, что любой, кто захочет остаться в Испании, сможет жить тут, а те, кто захочет покинуть ее, получат на это право». Декларация эта была рассчитана на проявление симпатии у всех недовольных и в то же время не указывала конкретного плана действий. Затем взяли слово Бестейро и Касадо. Бестейро потребовал оказать поддержку законной власти республики, которая, как он добавил (словно был генералом Мьяхой), сегодня представляет не что иное, как «силу армии». Выступление Касадо было обращено к тем, кто сидит в окопах по обе стороны фронта. «Все мы хотим видеть страну свободной от иностранного господства. Мы не прекратим сражаться, пока вы не убедите нас в независимости Испании, — добавил он, чтобы умаслить Франко, — но если вы предложите нам мир, то убедитесь, что наши испанские сердца полны благородства». Сразу же после этой радиопередачи позвонил Негрин: «Что происходит в Мадриде, мой генерал?»⁵ — «Я восстал», — ответил Касадо. «Против кого? Против меня?» — «Да, против вас». Негрин сказал Касадо, что он сошел с ума. Тот ответил ему, что он не генерал, а простой полковник, который исполняет свой долг, «как офицер и как испанец».

На следующий день Касадо распорядился, как всегда по телефону, чтобы Мьяха прибыл в Мадрид и занял место президента Национального совета. Кроме того, он потребовал от Менендеса сообщить Негрину, что, если Матальяна (он находился под домашним арестом) через три часа не будет освобожден, он расстреляет весь кабинет министров. Матальяна оказался на свободе, но не раньше, чем объявил, что в связи с восстанием в Картахене находится в распоряжении Негрина.

На самом же деле Негрину не осталось ничего иного, как признать действия Касадо *fait accompli*⁶. Хесус Эрнандес, прибыв в Йесте, спросил, что теперь делать. «В данный момент — ничего, — ответил премьер-министр. — Мы думаем над этим». Этим соображением и закончился день. А вот советники из СССР отлично знали, что делать. Эрнандес нашел жилье генерала Борова в полном беспорядке, а самого генерала, который заменил генерала Кулика на посту главы всех советских военных советников, — в состоянии крайнего возбуждения. «Мы уезжаем, мы уезжаем», — без особых церемоний сообщил он Эрнандесу. В Йесте Эрнандес увидел и Пассионарию с Тольятти и обвинил их в провокации ссоры с Касадо.

Коммунистической партии надо было решать, что делать. Касадо добился куда больших успехов, чем сам мог предполагать. Пусть даже Сталин и хотел предоставить Испании ее собственной судьбе, испанские коммунисты не могли допустить, чтобы после того, как они потратили столько сил и энергии, какой-то полковник Касадо просто воспользуется ситуацией и возьмет власть в свои руки, не обращая на коммунистов никакого внимания. Но единственный возможный способ действий двинуть дивизии с командирами-коммунистами, стоящие под Мадридом, против Касадо представлялся слишком рискованным. Конечно же все эти части сохраняли преданность коммунистической партии, как некогда старый Пятый полк. Но весь этот замысел мог быть обречен на провал, поскольку в таком случае многие республиканцы, которые вообще не хотели вставать ни на чью сторону, примкнули к Касадо. И в рамках Гражданской войны разразится другая гражданская война. Надо признать, что и Коммунистическая партия Испании, и Коминтерн, и сам Сталин были ошарашены успехом действий Касадо. Затянувшийся хаос в рядах республиканцев, конечно, предоставлял Франко возможность прорвать последнюю линию сопротивления. Но все это время националисты, почему-то не торопясь, готовили армии *к coup de grace*⁷.

Утром 5 марта майор Асканио, коммунист, командир 8-й дивизии, начал движение на Мадрид. Коммунисты подня-

ли мятежи в Алькала-де-Энарес и Торрехон-де-Ардос. Но командиры трех коммунистических армейских корпусов Армии Центра — Буэно, Барсело и Ортега — объявили о своей поддержке Касадо, так же как и верховное командование армий Эстремадуры, Леванте и Андалузии. Тем не менее Касадо принял меры предосторожности против маневров коммунистических частей. Все дороги, идущие с севера и востока, были взяты под наблюдение. Все главные здания Мадрида, включая правительственные учреждения, военное министерство, «Телефонику» и министерство внутренних дел, заняли люди Касадо. Тем временем мятеж в Картахене был подавлен. Флот, охваченный волнениями, на всех парусах направился в воды французской Северной Африки. 6 марта он прибыл в Бизерту, где и был интернирован французами.

В последнюю минуту Негрин сделал попытку предотвратить раздор в республиканском лагере. Касадо же попытался арестовать правительство и коммунистических лидеров. В республиканской Испании воцарился хаос. Фактически хозяевами положения стали командующие различными армиями. Никто не знал, где хотя бы приблизительно находятся его коллеги. Негрин и его сторонники собрались на воздушной базе в Дакаре. Из членов его правительства тут присутствовали Альварес дель Вайо, Урибе и Мош; командующий авиацией Идальго де Сиснерос, а также Листер, Пассионария, Модесто и Кордон. Все, кроме Негрина, Мойкса и Альвареса дель Вайо, были коммунистами. Сиснерос передал по телефону послание, призывающее хунту в Мадриде урегулировать свои разногласия с Негрином. До половины третьего эта небольшая компания ждала в аэропорту ответа Касадо. Альварес дель Вайо играл в шахматы с Модесто. Затем они услышали, что Аликанте перешел к Касадо. Больше ждать они не стали, поскольку стало ясно, что судьба Испании решена. В три часа они вылетели во Францию.

Примечания

¹ До Гражданской войны Касадо был профессиональным военным, офицером испанской армии. Ходили слухи, что он — английский агент, получивший от британского правительства определенную сумму за то, что попытается положить войне конец. Эта в высшей степени сомнительная история, к моему удовлетворению, была решительно опровергнута тем приемом, который встретил Касадо, когда он в начале апреля прибыл в Англию.

² 14 февраля «Таймс» сообщила, что от голода только в Мадриде ежедневно умирали 400—500 человек.

³ Но прежде чем прибыть к месту назначения, этот последний груз продовольственной помощи скитался по Средиземному морю от

одного порта к другому. Судовладельцы стремились получить самую высокую оплату за доставку муки, оправдываясь тем, что каждый раз порт, в котором они должны были разгружаться, оказывался в руках националистов. Так что голодные дети республики три месяца ждали прибытия помощи из США после того, как она оказалась в Гавре. Квакерская комиссия тем временем продолжала оказывать помощь и на территориях, занятых националистами, пусть даже те настаивали на жестких условиях контроля.

⁴ Идальго предварительно успел сообщить лидерам коммунистической партии об этой встрече. Эрнандес же сказал, что официальная линия партии теперь полностью находится в руках Пассионарии и Тольятти, которые только и мечтают об открытом разрыве с республиканцами, чтобы быстро положить конец войне и избавить Сталина от этой утомительной ситуации. Короче говоря, их замыслы прямо противоречили публично высказываемой политике — сопротивляться до конца. Более приемлемое объяснение заключалось в том, что коммунисты воздерживались от действий потому, что считали, что им сразу же придется действовать по указке Касадо. Когда он перешел к действиям, коммунисты потребовали своего представительства во власти.

⁵ Он повторил давний вопрос Касареса Кирогги, заданный генералу Гомесу Морато: «Что происходит в Мелилье?»

⁶ *Fait accompli* (фр.) — свершивший факт. (Примеч. пер.)

⁷ *Coup de grâces* (фр.) — последний удар, которым прекращают чьи-либо страдания. (Примеч. пер.)

Глава 75

Гражданская война в Гражданской войне. — Барсело взял контроль над Мадридом. — Сиприано Мера отвоевал центр города. — Перемирие. — Переговоры с националистами. — Говорит Бургос. — Неудача переговоров. — Наступление националистов. — Эвакуация столицы. — Уход к побережью. — Окончание войны.

Но сам Мадрид еще не расстался с идеей продолжения войны. 7 марта Барсело, несмотря на свои предыдущие заявления о союзе с Касадо, перекрыл своими войсками все пути в городе. Он занял здания министерств в конце бульвара Ла-Кастельяна, парк Ретиро и штаб-квартиру Армии Центра. Во время ее штурма были убиты три полковника, сторонники Касадо. Полковники Буэно и Ортега прислали части из 2-го и 3-го армейских корпусов в поддержку Барсело. Так что коммунисты взяли под свой контроль большую часть центра Мадрида. Днем 4-й армейский корпус Сиприано Меры двинулся на помощь Касадо, который держался в юго-восточных пригородах столицы. Его 12-я дивизия отбила Алькалу и Торре-хон у закрепившихся здесь коммунистов. Мера быстро обрел роль «сильного человека» в партии Касадо.

Весь день 8 марта в Мадриде шли непрекращающиеся и порой тяжелые бои. Коммунисты продолжали удерживать город. В остальной части Испании Хесусу Эрнандесу удалось отстранить Ибарролу от командования 22-й армией. Он воспользовался этим, чтобы послать в Мадрид конвой с продовольствием под командованием своего товарища Педро Чеки, освобожденного из тюрьмы, куда его посадила хунта. Хотя Тольятти по-прежнему был в Испании, фактическое лидерство в коммунистической партии вне пределов Мадрида перешло к Эрнандесу. Победа коммунистов в это время была настолько неоспоримой, что при желании они могли бы диктовать условия. Но, оставленные своими вождями, не знали, что делать. Разве что объявили свою цель — как можно дольше сопротивляться Франко. Но как они могли ее реализовать, если вели бои в столице? В результате коммунистические командиры просто ждали своего поражения.

9 марта Сиприано Мера повел наступление против позиций коммунистов в столице. Он захватил штаб-квартиру Армии Центра. 10 марта одна колонна Касадо дошла до Пуэрта-дель-Соль, а другая — до Сьюдад-Линеаль. Вместе с резиденциями 2-го армейского корпуса и министерствами на Капельяне он отбил площади Бесерра и Индепенденсья.

На следующий день полковник Ортега предложил переговоры между двумя сторонами в новой гражданской войне. Мьяха и Касадо, уже готовые к переговорам с националистами, согласились на его посредничество. И хотя обе стороны продолжали стоять лицом друг к другу, было достигнуто прекращение огня. За пределами Мадрида даже Хесус Эрнандес и его сторонники расстались с надеждами на продолжение войны. Они готовились покинуть страну и занимались организацией коммунистического подполья, которое должно было после них остаться в Испании. Тем временем, пока в Мадриде продолжались бои, националисты вышли к Каса-де-Кампо и к Мансанаресу.

Предстояло убедиться, пройдут ли переговоры Касадо с Франко более успешно, чем у Негрина. 9 марта его Национальный совет утвердил условия мира. Если не считать, что теперь они не требовали свободы для испанцев самим выбирать себе правительство, они мало отличались от тех, что предлагал Негрин и отвергнул Франко. Никаких репрессий, гарантии «независимости» Испании и уважение к вооруженным силам, принимавшим участие в боях, включая офицеров. Все, кто захочет покинуть Испанию, могут сделать это в течение двадцати пяти дней.

В тот же день лорд Галифакс выступил в палате лордов, оправдывая свое признание правительства националистов. Ни

одна страна, кроме самой Испании, сказал он, не может судить, виновен ли хоть один испанец в преступлениях или нет. Кроме того, он сказал, что британская помощь в эвакуации республиканцев осложнила примирение с победителями.

11 марта стараниями каких-то неизвестных лиц условия мирного договора Касадо тайным образом достигли слуха «пятой колонны» в Мадриде. В этот же день Касадо получил просьбу о встрече от полковника Сентаньоса, начальника артиллерийских ремонтных мастерских номер 4. На следующее утро после рутинного обсуждения вопросов изготовления дальномеров для береговых батарей в Леванте этот офицер сообщил, что является представителем генерала Франко в Мадриде. Он предоставил себя в распоряжение Касадо для начала переговоров. Касадо, подавив желание арестовать его, попросил посланника Франко вернуться на следующий день. Той же ночью Мьяха и Бестейро вместе с остальными членами Совета обороны, согласились принять предложение Сентаньоса. Тем не менее тот объявился лишь 13 марта. 12-го коммунистический мятеж был окончательно завершен. Касадо потребовал, чтобы все части вернулись на позиции, которые они занимали 2 марта. Военнопленные получали свободу, а командиры лишались своих постов. Это давало Касаде свободу рук для назначения во всех трех коммунистических армейских корпусах своих сторонников. В виде компенсации Касадо обязался освободить всех «неуголовников» из пленных коммунистов и выслушать точку зрения коммунистических лидеров.

Коммунисты согласились использовать все свое влияние, чтобы обеспечить прекращение огня. Если не последуют преследования, они, как и раньше, будут противостоять националистским «захватчикам». В это же утро 12 марта коммунистические войска в самом деле вернулись на позиции, где они стояли 2 марта. Полковник Барсело и его комиссар Конеса последними покинули занятые ими позиции в Мадриде. По приказу совета Касадо оба были арестованы и через несколько часов расстреляны. Их казни можно было считать актом воздаяния за смерть тех офицеров в штабе Касадо, которые были расстреляны коммунистами. Никаких других смертных приговоров не последовало. За пределами Мадрида генерал Эскобар сокрушил сопротивление коммунистов в Сьюдад-Реале и Альмадене. Менендес остановил 22-й армейский корпус, который все еще контролировал Эрнандес, от марша на Валенсию.

13 марта Сентаньос и Касадо снова обсудили проблему завершения Гражданской войны с националистами. Касадо и его друзья хотели предварительно обговорить выдвинутые условия.

Сентаньос ответил, что, поскольку Франко потребовал безоговорочной капитуляции, республиканцам остается лишь принять это требование. Выполнить это требование Касадо отказался. Он добавил, как это мог бы сделать Негрин, что, если Франко и дальше будет столь же непримирим, армия республики готова драться до конца. Тогда Сентаньос передал Касадо меморандум от Франко, в котором тот шел на уступки. В нем оговаривалось прощение и свобода для тех, «кто не совершал уголовных преступлений и был обманом вовлечен в военные действия». Офицерам, которым не будут предъявлены обвинения уголовного характера, гарантировалось «достойное обращение». Те, кто «невиновен в убийствах», могут спокойно перейти испанскую границу. Никто не будет содержаться в тюрьме дольше, чем это необходимо «для исправления или перевоспитания».

Пока Национальный совет обдумывал этот обескураживающий документ, Касадо планировал отход Армии Центра к Средиземному морю и эвакуацию тех, кто пожелает покинуть Испанию. Полковник не мог не понимать, что надежд на серьезные переговоры не существовало. Тем не менее он ставил себе целью потянуть время, чтобы все, кто хотел спастись, могли это сделать. В течение прошедших суток многим это удалось, хотя возможностей было маловато, даже для тех, кто успел добраться до портов на восточном побережье. 19 марта Франко согласился вступить в переговоры с Касадо. И каудильо, и все его сторонники были заняты переподготовкой своих армий, готовясь к новому наступлению, если в нем возникнет необходимость. Основными ударными силами теперь были Армия Леванте (Оргаса), Центра (Саликет) и Юга (Кейпо). Давила оставался на своем посту министра обороны. Правда, в течение последнего месяца командованию националистов оставалось лишь наблюдать за разложением сил своих врагов. Франко выразил удовлетворение, что был избавлен от «хлопот сокрушения коммунизма».

Для проведения переговоров республика выделила двух эмиссаров — полковников Гарихо и Леопольдо Ортегу. Утром 23 марта эти два офицера прилетели в Бургос. Им даже не пришлось дискутировать с полковниками Гонсало и Унгрией, их бесцветными партнерами со стороны националистов, — те всего лишь вручили им документы для передачи Касадо. Они касались условий перелета республиканской авиации на аэродромы националистов 25 марта. Армия должна на всех фронтах прекратить огонь к 27 марта. Командиры под белым флагом обязаны выйти к линиям националистов с документами, описывающими диспозицию их сил. Формальная капитуляция

перед Бургосом, без сомнения, должна стать самым унижительным окончанием сопротивления республики. В завершение Франко назвал два порта в Леванте для эвакуации желающих покинуть страну. Он не имел ничего против использования для этой цели английских судов и пообещал не чинить им никаких препятствий. Но не было заключено никакого соглашения, ни на одном документе не было ни одной подписи, подтверждающей эти условия. Республике оставалось лишь полагаться на благие намерения генералиссимуса. 25 марта Гарихо и Ортега вернулись в Бургос с требованием, чтобы все эти условия националисты изложили в письменном виде и на эвакуацию были предоставлены и гарантированы двадцать пять дней. В последнем требовании было отказано, а первое принято. Гарихо начал составлять этот документ. Тем не менее в шесть часов полковник националистов Гонсало недвусмысленно заявил, что переговоры считаются прерванными, поскольку авиация республики не капитулировала. Гарихо и Ортега вернулись в Мадрид. Совет Касадо решил, что все попытки продолжения переговоров ни к чему не приведут.

Так завершилась неудачная попытка Касадо добиться более почетных условий окончания войны, чем это удалось Негрину. Но своими действиями он свел на нет возможность дальнейшего сопротивления, хотя для тех, кто, пусть и потеряв надежду, продолжал драться на стороне республиканцев, это было бы предпочтительнее, чем безоговорочная капитуляция на милость юстиции националистов. Касадо мог оправдаться лишь тем, что переговоры обеспечили время для спасения многим лидерам республики — но не рядовому составу армии. Но это произошло бы в любом случае, поскольку силы националистов еще не были готовы к завершающему наступлению на Мадрид.

В час ночи 26 марта Касадо телеграфировал в Бургос — военно-воздушные силы республики сдадутся на следующий день. В ответ Франко объявил, что армии националистов готовы к наступлению. Он потребовал, чтобы перед началом артиллерийской и авиационной подготовки части на передовой линии республиканцев выкинули белые флаги. Касадо и его соратники не ответили на это послание. К пяти утра националисты после беглой артиллерийской подготовки предприняли наступление на юге. Ягуэ, снова оказавшийся в Эстремадуре, где он обрел свои первые лавры, двинулся к Сьерра-Морене. Наступление продолжалось весь день. В полдень пало Пособланко, а к вечеру — Санта-Эуфемия. В течение дня было захвачено 30 000 пленных и занято 2000 квадратных километров территории. В четыре дня Франко сообщил по радио о тех же самых «уступках», которые

два его полковника выложили в Бургосе 21 марта. Они выглядели достаточно приемлемыми. После этого началась стихийная демобилизация республиканской армии. Солдаты бросали фронт и отправлялись по домам. Офицеры были не в силах остановить их. Это стихийное движение на всем протяжении фронта не смогло остановить даже сообщение мадридского радио о подлинной истории переговоров в Бургосе.

27 марта националисты начали новое наступление из Толедо. Наваррцы Сольчаги, итальянцы Гамбары и Армия Маэстраго под началом Гарсиа Валиньо беспрепятственно вышли к Тахо. Так же как и на юге, республиканцы оставили фронт. В течение дня Армия Центра прекратила свое существование. Генерал Матальяна, командовавший этими силами, вечером сообщил Касадо, что некоторые части перешли к националистам и что в Каса-де-Кампо происходит братание с обеих сторон. К девяти вечера в строю остался только штаб одного из трех армейских корпусов. Касадо сказал членам совета, чтобы они как можно быстрее перебирались в Валенсию, куда уже успел отбыть Мьяха. В десять вечера представители UGT, социалистической партии, Республиканского союза и CNT обратились по радио с призывом к спокойствию. Когда на линии фронта не осталось ни одного солдата республики, Касадо приказал полковнику Прадо вступить в переговоры о сдаче с командиром националистов в Университетском городке. Полковник договорился с ним о встрече в одиннадцать утра, которая должна была состояться в здании клинической больницы, покрытом боевыми шрамами. Касадо телеграфировал президенту Лебрэну с просьбой разрешить отступающим республиканцам перейти во Францию, если они доберутся до нее. С той же просьбой он обратился к президенту Мексики Карденасу. Затем он дал приказ полковнику Матальяне об отступлении всех сил республики и вылетел в Валенсию в сопровождении своей жены и членов совета — Матальяны и Вала. С воздуха они видели караваны грузовиков и вереницы солдат, направляющихся по домам. В Мадриде теперь был только Бестейро, который согласился принести в жертву свою свободу, лишь бы оставаться на своем посту. Туберкулезник, он был полон оптимизма, считая, что его ждет приличное обращение. К одиннадцати часам Армия Центра капитулировала. Войска националистов к тому времени прорвали фронт на Гвадалахаре и соединились с силами, наступавшими от Толедо. Наконец были достигнуты стратегические цели сражений на Хараме и Гвадалахаре. В самой столице из укрытий в иностранных посольствах и по всему городу вышла «пятая колонна». Но даже фалангисты сочли, что анархист Мельчор Род-

ригес, муниципальный советник, должен оставаться временным мэром города вплоть до полной его капитуляции¹. К полудню 1-я армия националистов под командой генерала Эспиносы де лос Монтероса — он сам какое-то время, пока его не обменяли, укрывался во французском посольстве — вошла в Мадрид и заняла все правительственные здания. За ней последовали представители «Ауксильо Сосьяль» и 200 офицеров юридического корпуса; их сопровождал грузовик, набитый документами о преступлениях, в которых обвиняли республику. «Они прошли!» — кричали быстро стекавшиеся толпы сторонников националистов². Эти испанцы правых взглядов, которые провели всю войну за опущенными жалюзи посольских помещений, впервые за два с половиной года вышли на дневной свет, жмурясь от солнца, с бледными, как у привидений, лицами. На других фронтах в Эстремадуре, Андалузии и Леванте весь день шло массовое отступление.

Тем временем Касадо прибыл в Валенсию. Здесь, в Аликанте, в Гандии, в Картахене и Альмерии, собрались республиканцы, которым предстояло покинуть родину. В течение дня Тольятти, Эрнандес, Урибе, Чека и другие лидеры коммунистов успели перелететь из Картахены в Оран. К полудню следующего дня, 29 марта, к Касадо, расположившемуся в старом здании капитан-генеральства, явились представители «пятой колонны» Валенсии, которые сообщили, что собираются немедленно занять административные здания. Город был полон людьми, которые приветствовали друг друга фашистским салютом. По радио Валенсии Касада обратился с призывом к спокойствию и отбыл в Гандию, где поднялся на борт английского судна, взявшего курс на Марсель. В течение дня Хаэн, Сьюдад-Реал, Куэнка, Сагунто и Альбасете были заняты националистами. 30 марта итальянцы Гамбары вошли в Аликанте, а генерал Аранда — в Валенсию, которая к тому времени уже находилась полностью под контролем фаланги. Женщины и дети рвались целовать руки победителей, с балконов домов, в которых жили представители среднего класса, летели розы, ветки лавров и мимозы. 31 марта были заняты Альмерия, Мурсия и Картахена. Во всех этих прибрежных городах наступающие армии захватили в плен тысячи беженцев, которые намеревались покинуть страну. Было жалко смотреть на душераздирающие сцены, разыгрывающиеся перед приходом войск националистов. Были и случаи самоубийств. Ранним вечером 31 марта адъютант сообщил простуженному генералу Франко, что части националистов заняли последние из намеченных целей. «Очень хорошо, — ответил тот, не поднимая головы от стола, — большое спасибо». Позже он получил те-

леграмму от нового папы Пия XII: «Обращая наши сердца к Богу, мы приносим искреннюю благодарность Вашему сиятельству за победу католической Испании». Но, несмотря на эту благодарность, Ватикан все же не осудил баскских священников как еретиков, пусть даже генерал Франко с целью добиться такого осуждения отправил в Рим специальную миссию во главе с Хосе Марией Арельсой³.

Примечания

¹ Будучи директором мадридских тюрем, он спас много жизней.

² Они как бы отвечали на знаменитый лозунг Пассионари, известный всему миру, — «No pasaran!» («Они не пройдут!»). (*Примеч. пер.*)

³ Другой реакцией в Риме стали слова Муссолини, брошенные им Чиано. Показывая на атлас, открытый на карте Испании, дуче сказал: «Он был открыт таким образом три года, и этого достаточно. Но я уже знаю, что должен открыть его на другой странице». И действительно, через неделю Италия начала военные действия в Албании.

Глава 76

Заключение

Все оставшиеся вопросы испанской войны были быстро разрешены. В Бургос французским послом незамедлительно прибыл маршал Петэн, который в 1925 году воевал вместе с Франко в Марокко. Бывший собрат по оружию оказал ему холодный прием, поскольку французское правительство медлило с возвращением военных кораблей Испании, интернированных в Бизерте. Наконец 2 апреля их вернули. Испанские предметы искусства и деньги, которые республика переправила во Францию, вместе с оружием и подвижным составом в течение нескольких следующих месяцев также вернулись в Испанию. После короткой выставки полотна музея Прадо из Женевы были отосланы в Мадрид. Позднее выяснилось, что во время войны коллекция совершенно не пострадала.

К тому времени, 1 апреля, и Соединенные Штаты признали режим националистов. Россия осталась единственной из великих держав, которая этого не сделала. Американский посол Клод Боуэрс по возвращении домой испытал в Вашингтоне горькое удовлетворение, услышав от Рузвельта признание, что, как он теперь думает, политика эмбарго была неправильной. 20 апреля Комитет по невмешательству, кото-

рый не собирался с июля 1938 года, торжественно самораспустился. 19 мая националисты провели в Мадриде Парад Победы. Почетное место было отведено итальянцам генерала Гамбары. 22 мая в Леоне состоялся прощальный парад легиона «Кондор». Через четыре дня 6000 человек его личного состава отплыли из Виго в Гамбург. 31 мая 20 000 итальянцев покинули Кадис. И немцев и итальянцев торжественно приветствовали по возвращении домой; летчиков встречал в Гамбурге сам Геринг. 6 июня в Берлине Гитлер встретился с 14 000 членами легиона. Итальянцам в Неаполе торжественную встречу организовали Чиано и король Виктор-Эммануил. К концу июня эвакуация из Испании немецких и итальянских вооруженных сил была завершена.

Что же до республиканских беженцев, то многим из тех, кому посчастливилось отплыть из средиземноморских портов Испании, оказалось нелегко найти убежище. Но в конце концов, после ожидания в ужасных условиях Марселя и североафриканских портов английских или французских судов, большинству все же удалось утвердиться на земле Франции. Из тех, кто раньше ушел из Каталонии, 50 000 гражданских беженцев и солдат республики все же согласились вернуться в националистскую Испанию. Остальные остались в концентрационных лагерях юга Франции. В конце марта условия существования в них несколько улучшились. Кормить стали почти прилично. Появились лекарства и медицинское оборудование, прекратились эпидемии. Но обитателям лагерей нечем было заняться. Их положение в целом оставалось неопределенным.

К тому времени оказавшиеся в изгнании лидеры эмиграции переругались между собой. 31 марта на бурном собрании Постоянного комитета кортесов в Париже Негрин представил более чем спорный отчет о своей деятельности после падения Каталонии. Мартинес Баррио, Аракистайн, Пассионария жарко оспорили его. В то же самое время корабль «Вита» отплыл из Булони в Мехико, имея на борту груз драгоценных камней и других ценностей, в основном они были конфискованы у сторонников националистов в самом начале Гражданской войны¹. Негрин отправил эти запасы на сохранение президенту Карденасу с целью обеспечить средствами республику в изгнании. Когда «Вита» прибыла в Мехико, ее встретил Прието, который оказался в Южной Америке в связи с инаугурацией нового чилийского президента. Он убедил Карденаса, что у него есть право распоряжаться сокровищами. Позже он организовал комитет Постоянного комитета кортесов, получивший название Junta de Auxilio a los Republicanos

Españoles (JARE), для управления этими сомнительными фондами. Негрин, утвержденный в должности премьер-министра незначительным большинством такого же Постоянного комитета, разместил оставшиеся у него средства в SERE (Servicio de Emigración para Republicanos Españoles). Эта группа была крепко скомпрометирована в глазах мировой общественности, поскольку пользовалась поддержкой коммунистической партии. В начале Второй мировой войны ее торговая компания, которая финансировалась за счет ценностей республики, была запрещена французским правительством как коммунистическая организация. Тем не менее эти две организации, пусть и постоянно ссорясь между собой, все же смогли переправить примерно 150 000 республиканских беженцев в Мексику или Южную Америку, главным образом в Аргентину. Примерно такое же количество их осталось в Южной Франции и в конечном итоге рассосалось среди общин этого района. Одни из этих беженцев на короткое время нашли себе работу, главным образом на строительстве оборонительных сооружений, а другие вернулись в Испанию. Со временем французское правительство сочло всех иностранцев пригодными для службы в армии. К июлю население концентрационных лагерей сократилось до 200 000 человек. Советский Союз принял к себе некоторое количество испанских коммунистов и их семей. Две сотни лидеров республики, включая Касадо и Менендеса, нашли себе пристанище в Британии.

* * *

По ярости и накалу страстей Гражданская война в Испании превзошла большинство войн между народами. Тем не менее потери в ней оказались меньше, чем все опасались. Общее количество погибших составило примерно 600 000 человек. Предполагается, что около 100 000 из них стали жертвами убийств или массовых казней. Наверное, не менее 220 000 погибли от болезней и голода, что явилось прямым следствием войны. И скорее всего, 320 000 погибли в ходе военных действий.

Позже националисты определили общую стоимость войны, включая внутренние и внешние расходы. По их подсчетам, она обошлась в 30 000 миллионов песет (3000 миллионов фунтов стерлингов в ценах 1938 года). Немалая сумма была связана, с одной стороны, с гибелью и инвалидностью, а другая с эмиграцией 320 000 человек в конце войны. Националистские власти подсчитали, что в ходе войны было уничтожено недвижи-

мости примерно на 4250 миллионов песет. Поскольку учитывались только результаты военных действий республиканцев, скорее всего, эта цифра занижена. Полностью были разрушены 150 церквей, и 4850 серьезно пострадали (1850 из них были разрушены больше чем на половину). 183 города превратились едва ли не в развалины, и генерал Франко принял их под свое «покровительство». Его правительство взялось оплатить стоимость восстановления городов. 250 000 домов стали руинами, и жить в них было невозможно. Скорее всего, еще 250 000 зданий, претерпевших частичные разрушения, просто не учитывались.

Что же до промышленности, то предприятия Бильбао и Барселона вышли из войны почти нетронутыми. Хотя Испания потеряла треть своего поголовья скота и большую часть сельскохозяйственной техники, угодья земли и сельские строения пострадали меньше, чем можно было ожидать. Скажем, куда меньше, чем поля в Северной Франции во время Первой мировой войны. Транспортная система понесла потери стоимостью примерно в 325 миллионов песет. Железные дороги потеряли 61 процент пассажирских вагонов, 22 процента грузовых и 27 процентов локомотивов. Грузовых машин заметно не хватало, но дороги остались в хорошем состоянии. Очень мало осталось запасов сырья и продовольствия. В преддверии начала Второй мировой войны в сентябре 1939 года, через полгода после окончания Гражданской войны, Испания не смогла возместить эти потери помощью из-за границы. Ситуация еще ухудшилась из-за вереницы засух. Так что в 1941—1942 годах большинству испанцев пришлось испытывать серьезные лишения.

Кроме того, начались и преследования. Расследовалось каждое преступление, которое, как предполагалось, было совершено в республиканской зоне Испании. У бывших мэров почти не было шансов оставаться на своих постах, если становилось известно, что в их деревнях происходили убийства. Но о какой деревне этого нельзя было сказать? Например, десять человек расстреляли за их участие в боине августа 1936 года в Образцовой тюрьме. Уничтожили почти всех офицеров республиканской армии, попавших в плен. Правда, практически всех рядовых и сержантов отпустили на свободу. Тех, кто работал в гражданских учреждениях республики, приговорили к различным срокам тюремного заключения, вплоть до 30 лет. На практике эти приговоры часто пересматривались. И через 21 год после завершения войны под замком не осталось никого из политических заключенных 1939 года.

Английский журналист А.В. Моррис из «Ньюс кроникл», который на свою беду был взят в плен в Мадриде, считает,

что число рядовых и сержантов республиканской армии, казненных после войны за различные преступления, от поджогов церквей до простого пребывания на службе республике, к концу 1939 года достигло 100 000 человек. Чиано, посетивший Франко в июле 1939 года, сообщил, что в тюрьмах сидят примерно 200 000 и «суды проходят каждый день со скоростью военных трибуналов... Многих все еще расстреливают. Только в Мадриде от 200 до 250 ежедневно, в Барселоне 150, в Севилье по 80 человек». Но Родригес Вега, генеральный секретарь UGT, которому в конце 1939 года все же удалось покинуть Испанию, считал, что трибуналы выносили до 1000 смертных приговоров в месяц. По сравнению с 9000 расстрелянных в 1939 году, эту цифру следует считать более точной. Но в любом случае победители не были склонны к милосердию. Позже Родригес подсчитал, что к 1942 году через тюрьмы и концлагеря националистской Испании прошли два миллиона человек. Многие были приговорены к 30 годам заключения, еще больше осужденных получили десятилетние сроки. Тысячи людей лишились работы или терпели другие лишения. Бестейро умер в 1940 году в тюрьме Кармон от обострения туберкулезного процесса. В 1942 году в грязных, сырых и переполненных тюрьмах сидело 241 000 заключенных. Те, которые, сражаясь на стороне националистов, стали инвалидами, получали небольшую пенсию. Инвалиды республиканской армии не получали ничего.

Конец Гражданской войны завершил эпоху испанской истории. Почти все основные актеры прошедшего бурного полустолетия были мертвы или доживали свою жизнь в изгнании. Многие организации и их идеалы были смыты временем. Либеральные и католические политики республики перед началом войны были бесцеремонно отодвинуты в сторону. Крупные партии рабочего класса Испании потерпели сокрушительное поражение, как и их дикие, благородные и воинственные идеи. Лидеры баскских и каталонских сепаратистов, оказавшись в эмиграции, оказались отрезаны от своих горячо любимых мест, а также от Кастилии. Но сколько погибших было и среди победителей! Кто может забыть тринадцать убитых епископов во главе армии призраков из семи тысяч уничтоженных священников! Ловелас Санхурхо, заговорщик Мола, блистательный Кальво Сотело, Хосе Антонио Примо де Ривера со всем его обаянием, Онесимо Редондо, фашист из Вальядолида, Ледесма с его челкой как у Гитлера — все погибли, всех их постигла насильственная смерть. Ни одна из партий, победивших в Гражданской войне, не потеряла такого количества своих лидеров, как фаланга, разве что партией можно

считать поэтов, которых тоже немало полегло в этой войне: великий богобоязненный гуманист Унамуно скончался от тоски в Саламанке; Гарсиа Лорку погребла неизвестная могила под Гранадой; Мачадо расстался с жизнью среди песчаных дюн Архелес; Мигель Эрнандес вскоре умер в тюрьме Аликанте. И смертям знаменитых личностей сопутствовали груды трупов солдат, неизвестных и известных, которые, погибая, отдавали свои жизни — с меньшей неохотой, чем в большинстве других войн, — за дело, которое они, как с той, так и с другой стороны, считали благородным.

Тем не менее к 1939 году почти все эти идеи были забыты. Те три главные ссоры, которые и привели к войне, изжили себя, переродившись из страстных конфликтных споров в вялые стычки из-за победы или выживания любой ценой. Если с либерализмом и франкмасонством было покончено, то церковь почти подавила фаланга. Но социальные устремления фаланги не оправдались, почти так же, как коммунизм, анархизм и социализм. Поражение баскских и каталонских сепаратистов отнюдь не означало, что теперь монархисты или карлисты могут настаивать на своей точке зрения. Среди груды черепов этих идеалов смогли выжить и восторжествовать лишь самые бесстрастные, серые и мрачные личности, как пережил все гражданские войны в Риме Октавий. Цезарь и Помпей, Брут и Антоний, Катон и Цицерон — все они, все эти гении, были лишены скромного таланта выживать везде и всегда. Франсиско Франко стал Октавием Испании.

Его достижениям в Гражданской войне нельзя не отдать должного. Как верховный командующий силами националистов, он всегда преследовал стратегические и политические цели, никогда не отвлекаясь на тактические, хотя часто бывал на фронтах. У него не было возможностей проявить себя или рискнуть своей репутацией, как у полевых командиров. Его задачей было решать, в каком регионе начнется новое наступление, добиваться, чтобы оно началось, лишь когда все будет к нему готово, и останавливать контрнаступление (как при Брунете), когда это соответствовало его замыслам. Немецкие офицеры, служившие с Франко, такие, как фон Тома, считали его старомодным. Фон Тома считал, что своей предусмотрительностью, терпеливостью и пуританством он напоминал будущего победителя под Эль-Аламейном — лорда Монтгомери. Когда Муссолини через своего посла пожаловался, что националисты слишком медленно одерживают победы, генералиссимус ответил: «Франко не ведет войны в Испании. Он ее освобождает. Я не могу просто так уничтожить ни врага, ни города, ни куска сельской местности, ни заводов, ни промыш-

ленных центров. И по этой причине я не могу спешить. В спешке мне пришлось бы вести себя как иностранцу. Дайте мне самолеты, дайте боеприпасы, танки и артиллерию, обеспечьте дипломатической поддержкой, и я буду вам благодарен. Но не заставляйте меня торопиться, ибо это будет означать гибель многих испанцев». Были ли его слова искренними? Из современных государственных деятелей он далеко не всегда казался самым гуманным; но трудно оспорить, что, развязав особо кровавую кампанию, он мог бы выиграть войну гораздо быстрее. Но вне всяких сомнений, генералиссимус мог дать рациональное объяснение своей странной медлительности. Франко, не в пример своим генералам, всегда старался сберечь своих солдат. Не в пример фон Тома Франко не испытывал интереса к военным новациям, как таковым. Его достижения были не только в сфере военного руководства, где ему подчинялись самые разные люди, которые испытывали по отношению к Франко безоговорочную преданность (главным образом в силу того, что еще совсем молодыми они все вместе служили в Марокко). Крупнейшие военные успехи генерала Франко по сути своей были политическими. В этой области его ждали удачи потому, что он рассматривал политику как раздел военной науки. Политические лидеры были для Франко всего лишь командирами дивизий. Их воззрения и идеи входили в набор материалов, необходимых для ведения войны, как, скажем, содержимое того или иного арсенала. Он утвердил себя в роли политического лидера в самой темпераментной стране мира тем, что испытывал презрение к политическим эмоциям. В результате в течение всей Гражданской войны Франко никогда не подвергался той серьезной опасности, которая присуща всем известным политикам.

Политическое единство, которого он добился от своих сторонников, стало главным фактором окончательной победы. Без сомнения, Франко сумел добиться той сплоченности, которая оказалась не под силу Рамону Серрано Суньеру. Он стал источником той пропаганды, которая сумела поставить под ружье 500 000 человек и уверенно управлять ими. Но главным преимуществом Франко оставались его собственное спокойствие и сдержанность. Пословица гласит, что эти качества типичны для уроженцев Галисии. Эти черты обеспечили Франко лидерство в среде националистов задолго до того, как Серрано Суньер бежал из республиканской тюрьмы. Они и помогли ему утвердиться. Раздоров в среде националистов могло быть не меньше, чем у республиканцев. Оттяжки столь близкой победы, частые разочарования — словом, у единства было много шансов рухнуть. Вероятно, соглашения

между фалангой, церковью, монархистами, карлистами и армией удалось достичь в отличие от республиканцев потому, что они поняли, какие ужасные последствия принесет за собой поражение. Может, в силу откровенного цинизма, который был свойствен и всем этим разобщенным группировкам, и самому Франко, они считали, что нет таких важных политических целей, ради которых стоит подвергнуть риску победу в войне. Именно Франко превратил это разочарование, этот страх поражения и этот цинизм в машину войны. И наконец, даже его враги не могут отрицать, что Франко и его министр иностранных дел Хордана (при помощи Николаса Франко) вели исключительно умную дипломатическую политику, обеспечив себе в равной мере поддержку и Германии и Италии и в то же время не капитулировав перед диктаторами, а уступив им всего лишь права на горные разработки.

Если это единство так помогло победе националистов, то не подлежит сомнению, что разобщенность республиканцев стала главным фактором их поражения. Эти противоречия особенно на первых порах должны, как предмет, изучаться политической антропологией республиканской Испании. Как и следовало ожидать, нигде еще голоса республиканцев не звучали столь разрозненно, как при выяснении, на кого возложить ответственность за поражение. Одни осуждали коммунистов за то, что своим стремлением к власти они фактически задушили республику. Другие возражали, что, хотя многие испанские коммунисты и на словах и на деле страстно рвались к победе, Сталин боялся последствий победы республиканцев и на определенном этапе всеми силами тайно способствовал их поражению. Анархисты продолжали верить, что войну можно было бы выиграть, если в первые же ее дни разразилась всеобщая пролетарская революция. Кто-то списывал проигрыш на политику невмешательства, которой придерживались Англия, США и Франция, а кто-то упрямо утверждал, что Франко одержал победу лишь в силу интервенции Германии и Италии.

Где истина? Вне всяких сомнений, республике страшно мешали споры между поддерживавшими ее партиями. Единственным объяснением может быть то, что все эти партии настолько истово придерживались своих политических взглядов, что поражение казалось им предпочтительнее, чем измена чистоте своих воззрений. Может, правильнее было бы сказать, что никто не был в силах добиться подлинного единства враждующих республиканских племен так, как это сделали Франко и Серрано Суньер среди националистов. Доктор Негрин старался изо всех сил. Но такая политика неизбежно

вела к усилению и без того влиятельной и сильной Испанской коммунистической партии. Продолжающееся невмешательство западных демократий неизбежно вынудило Негрина пойти на очень опасные контакты с Советским Союзом и Коминтерном. Это могло бы показаться сумасшествием, не поддающимся объяснению, если бы таким образом не удалось в полной мере использовать боевые качества коммунистов. Но тем самым Негрин поставил себя в неразрешимую ситуацию — это стало совершенно ясно лишь поколение спустя.

Наконец остается противоречивый вопрос об иностранном вмешательстве. Общий объем военной помощи, поступившей в Испанию, подсчитан. Но цифры — это еще не все. Выбор времени и согласованные действия — вот что стало решающим в испанской войне. Было пять случаев, когда иностранная помощь прибывала в самые критические моменты. Во-первых, в июле 1936 года транспортная авиация Германии и Италии дала Франко возможность перебросить через Гибралтар Африканскую армию. Правда, безапелляционное утверждение, что националисты проиграли бы войну, не имея они этой поддержки, вызывает слишком много вопросов. Но война в самом деле могла сложиться совершенно иным образом, если бы Африканская армия так быстро не оказалась на материке. Эта помощь оказала куда больший эффект, чем одновременная покупка республикой самолетов у Франции. То был в самом деле решающий момент. Во-вторых, критическая ситуация сложилась в ноябре 1936 года, когда советская помощь республике, появление интербригад и организованная поддержка международного коммунизма, скорее всего, в самом деле спасли Мадрид. Самая критическая ситуация возникла не в начале ноября, когда мадридцы своими силами смогли на какое-то время остановить Африканскую армию, а позже одержали победу в боях вокруг Университетского городка и на дороге на Ла-Корунью. В-третьих, мощная поддержка, оказанная Гитлером и Муссолини в начале 1937 года, подняла боевой дух националистов, когда генералы Мола, Варела и Оргас раз за разом терпели неудачи в своих попытках взять столицу. В-четвертых, помощь со стороны Франции и открытие французской границы, через которую пошли поставки советских и коминтерновских военных материалов, предотвратили поражение республики весной 1938 года, когда националисты одержали победу в Арагонской кампании. Наконец, последнее и самое важное: если бы осенью 1938 года Франко не представил немцам столь широкие права на шахтные разработки в обмен на оружие, на Рождество этого года он не смог бы столь блистательно провести Каталонскую кампанию. В противном случае после бит-

вы на Эбро обеспеченность его армии была бы такой же неприглядной, как и у республиканцев. И при таком развитии событий мир, несмотря на все препятствия, в конечном итоге стал бы неизбежным.

Решающей оказалась финальная кампания. Призом для немцев было их участие во всех важнейших испанских проектах по добыче железной руды. В обмен на эту богатую награду Германия поставила в Испанию такое количество военного снаряжения, что чаша весов окончательно склонилась в пользу националистов. Немецкая политика по отношению к Испании начального периода войны изменилась. Германское правительство пришло к выводу, что страхи, которые оно испытывало раньше из-за того, что война в Испании может разжечь «пожар в Европе», оказались беспочвенными, тем более что Германия могла откровенно нарушать пакт о невмешательстве. А после Мюнхенского соглашения стало ясно, что Англия и Франция никогда не вступят в войну — ни из-за Испании, ни из-за какой-либо другой страны. Это подтвердилось немедленным заключением в ноябре 1938 года англо-итальянского соглашения. Немецкое правительство теперь не сомневалось, что может действовать в Испании совершенно безнаказанно, потому что к осени 1938 года Советский Союз заметно охладел к испанским делам и некоторые его жесты, особенно после Мюнхена, недвусмысленно давали понять, что Советский Союз расположен к Германии. Но до Мюнхена немецкая политика в Испании строилась на отказе поставлять достаточное количество военных материалов, чтобы обеспечить торжество своего националистского союзника. Немцы были убеждены, что такое развитие событий неизбежно связано с риском превращения испанской войны в общеевропейскую. И на самом деле почти все время Гражданской войны и Германия, и Россия не хотели рисковать, боялись, что всеобщая война вырвется за пределы Испании. Возможно, что в самом начале Гражданской войны Сталин питал надежду на воплощение одного из его замыслов: пусть Англия и Франция ввяжутся в конфликт на стороне республики, Германия и Италия поддержат националистов, тогда Россия, как нейтральный арбитр, будет решать судьбы Европы. Но когда Россия в октябре 1936 года поддержала республику, ее стали тревожить опасения, что испанский конфликт может перерасти в мировую войну. И Сталин стал проводить политику, сходную с гитлеровской, — не допускать поражения своего протеже, но и не давать ему одержать победу. Ибо для победы республики ей надо было поставить столько войск и материалов, что это и в самом деле угрожало широкомасштабной войной.

Так что во всех четырех случаях чужестранные силы играли решающую роль, предпринимая шаги для предотвращения поражения той или другой стороны. Это одна из причин, почему война длилась так долго. И Гитлер и Сталин — оба находили этому различные оправдания. Они продолжали испытывать на испанских фронтах свою военную технику и политическую тактику. Для каждого из них победа в Гражданской войне могла доставить столько же трудных вопросов, как и поражение. Муссолини, который хотел добиться величия Испании, был не удовлетворен. Он послал на Пиренеи максимальное количество войск, которое мог себе позволить без ущерба для себя. Если бы Германия или Россия послали в Испанию столько же солдат, сколько он (50 000), возможно, это тут же привело бы к общеевропейской войне. Но пятидесятитысячного итальянского контингента для Франко было явно недостаточно, чтобы выиграть войну. Не хватало их и для того, чтобы конфликт превратился в войну мировую.

Невмешательство играло столь же важную роль, как и вмешательство. Имей республика возможность купить оружие, допустим, у Англии, США или Франции, война конечно же пошла бы по другому пути. Так же как если бы Франко не получил материальную поддержку от Германии перед самой Каталонской кампанией. Английское правительство искренне поддерживало политику невмешательства, пусть даже идею пакта первым высказал Леон Блюм. Того же требовало оно и от Франции, хотя было ясно, что Германия, Италия и Россия нарушают соглашение. Если бы не политика Англии, Франция и, наверное, США позволили бы республике свободные закупки оружия. Только жалоба посла в Лондоне Джозефа Кеннеди заставила госдепартамент в мае 1938 года вернуться к своему решению отказаться от пакта об эмбарго. В то время французское правительство настолько боялось Гитлера, что не рискнуло противоречить Англии. Но, как указал глава Кэ-д'Орсэ Алексис Леже, разрыв был бы неизбежен, если французское правительство Народного фронта действительно пошло бы на него ради своих идеологических соратников в Испании. Английская же политика тех лет определялась решимостью любой ценой предотвратить превращение Гражданской войны в мировую. Эта политика, с равной решимостью проводилась правительствами и Болдуина, и Чемберлена, и министрами иностранных дел Иденом и лордом Галифаксом. Конечно, сначала она была достаточно разумной, но, когда стало ясно, что пакт бездействует, настаивать на его соблюдении стало откровенным цинизмом, который отнюдь не способствовал повышению репутации англ-

лийского правительства. Отмена политики невмешательства могла в самом деле привести ко всеобщей войне, ибо республика сразу же получила бы возможность заметно укрепнуть в военном отношении. В таком случае Германии и Италии пришлось бы слать Франко больше помощи: теперь уже с целью спасти его от поражения. Опасность такой гонки вооружений очевидна. Невмешательство, как и Мюнхенское соглашение за счет Чехословакии, должно было предотвратить мировую войну, в какой-то мере и за счет Испанской республики. Но его несостоятельность, как и Мюнхен, вызвало какую-то вялую реакцию со стороны английского правительства, которое не извлекло из своей политики никакой выгоды. Война, которая бушевала в Испании в 1936—1938 годах, всякий раз не переходила в мировую, что сделало ее более благоприятной для западных демократий, чем вспыхнувшая в 1939 году в Польше. Единственной альтернативой «фарсу невмешательства» было, конечно, жесткое противостояние нарушениям соглашения. После Мюнхена такими действиями должны были стать повторная оккупация Рейнской области и запрет перевооружения Германии. По крайней мере такая политика давала возможность справиться с диктатором, не прибегая к войне. Но ничего подобного не произошло. Кровавые бои в Испании частично объяснялись обилием предложений и контрпредложений в Комитете по невмешательству за тысячи миль от поля боя.

Те же страны, которые оказались вовлеченными в военные действия в Испании, обрели немалый опыт в военном искусстве. Достаточно вспомнить фон Тома, командующего немецкими танковыми соединениями, который воевал на стороне националистов. Итальянцы тоже поняли важность уроков, которые можно извлечь из их испанского опыта, но не смогли использовать их на практике. В 1942 году, на своем процессе в Риоме, Леон Блум, оправдывая поставки французских самолетов в Испанию, тоже оценивал испанскую войну как «полигон для испытания французской авиационной техники». Тем не менее в целом французы не извлекли ценных уроков из войны в Испании. Они даже поверили немецкому писателю-эмигранту Гельмуту Клотцу, который в своей книге «Военные уроки испанской войны» написал, что танки оказались бессильными перед огнем артиллерии. В результате французский генеральный штаб полностью проигнорировал концепцию «войны машин», которая прошла испытание в Испании. И можно понять, какое он испытал потрясение, когда в 1940 году танковые дивизии генерала Гудериана потоком прошли через равнины севера Франции. Столь же порочные выводы из своего испанского опыта извлекли и

русские. Генерал Павлов убедил Сталина, что, судя по опыту испанской войны, танковые армады не будут иметь самостоятельного оперативного значения. Об этом, в частности, говорит Лиддел-Гарт в своей книге «Советская армия». Может, генерал Павлов дал этот совет, чтобы избежать обвинений в преклонении перед теориями маршала Тухачевского, который твердо верил в танковые соединения. В любом случае, в 1939 году огромным русским танковым полкам была отведена роль лишь сил поддержки пехоты. Успехи немецких танковых частей в польской и французской кампаниях заставили вернуться к стратегии Тухачевского, но к началу советско-германской войны она уже запоздала. В то же время ценный опыт, обретенный в Испании такими гражданскими лидерами коммунистов, как Тольятти и Герё, очень пригодился в послевоенные годы в Восточной Европе. Итальянские и югославские коммунисты также сочли, что время в Испании оказало им неоценимую помощь, когда в 1944—1945 годах в их странах шла партизанская война. Даже англичане кое-что усвоили. «Иллюстриртед Лондон ньюс», исследуя результаты воздушных налетов на Барселону, назвала их «уроком человеческой вивисекции». Фред Коупмен, бывший командир Британского батальона интербригады, за несколько месяцев до окончания испанской войны оказался в роли лектора, который в Виндзоре учил членов королевской семьи, как укрываться от воздушных налетов. Медицинская помощь республике значительно поспособствовала развитию военно-полевой хирургии и общей терапии. Особо надо отметить выдающиеся достижения в области переливания крови канадского врача доктора Нормана Бетьюна.

Тем не менее остальной мир не смог с такой точностью и дотошностью оценить военный опыт испанских событий. По крайней мере, для Запада они казались главным образом войной страстей и эмоций. Подчеркнутая неопределенность действий правительств ведущих демократий естественным образом усиливала негодующие чувства граждан тех стран, которые были вовлечены в конфликт. С точки зрения силы эмоций Вторая мировая война воспринималась не так остро, как испанская. Последняя считалась «просто войной», поскольку для интеллектуалов она была лишена вульгарности национального конфликта. Испанская война, по крайней мере на первых порах, когда казалось, что все левые партии объединятся, была великим символом надежды новых поколений, разгневанного неприкрытым цинизмом, праздностью и лицемерием старших поколений, которым они отказали в поддержке. Кроме того, незначительные масштабы конфликта позволили отдельным личностям полностью понять и оце-

нить его. В результате в его ходе появились на свет многие интересные, хотя и спорные, работы и даже несколько шедевров. Эта война вызвала взрыв творческой энергии во многих странах (так же как и в испанских окопах по обе стороны линии фронта), плоды которой вполне могут быть сравнимы по качеству с произведениями, рожденными Второй мировой войной. И эти шедевры будут жить как памятные монументы тем, кто погиб на этой войне.

Примечание

¹ Испанских республиканцев обвиняли в том, что они переправили за границу ценности и деньги. Тем не менее большая часть их была потрачена на закупку оружия.

ЭПИЛОГ¹

Тут не место описывать, как генерал Франко распорядился своей победой. Каудильо и глава государства, он продолжал править, не имея никакого понятия о направлении работы правительства, кроме его собственной идеи компромисса, которого он во время Гражданской войны добился между фалангой, церковью и монархистами. Время от времени одна из этих групп то получала статус его наследников, то подвергалась опале. Как обычно, со всеми ними Франко обращался с той же надменностью, с которой в молодости относился к вождям марокканских племен. В течение всей Второй мировой войны главенствующую роль на политической сцене занимал Серрано Суньер, пока не стало ясно, что державы Оси проиграли. Ныне он продолжает жить в Мадриде, но он уже ни за что не несет ответственности — этакий живой призрак прошлого, как Мануэль Эдилья и Хиль Роблес. У Роблеса пожизненное заключение закончилось в 1939 году, после чего он работал в порту Мальорки. После Гражданской войны политическими лидерами стали большей частью молодые люди, которым война и наступивший мир предоставили возможности продвижения.

Часть лучших генералов Гражданской войны Франко использовал в качестве министров или на других постах. Например, Варела наконец удовлетворил свои амбиции и стал военным министром. Министром авиации какое-то время был Ягуэ. И он, и Асенсио также исполняли обязанности верховного комиссара Марокко. Никаких наград после победы не досталось Кейпо де Льяно. Монархисты, такие, как Кинделан, были в целом отстранены от активной деятельности после междоусобицы 1944 года между доном Хуаном и Франко. Одни из ведущих генералов — Оргас, Варела, Кейпо, Саликет — скончались, а дру-

гие, как Давила и Аранда, живут на покое. Гарсиа Валиньо стал главой генерального штаба, Алонсо Вега — министром внутренних дел, Асенсио возглавил военное министерство. Муньос Грандес — «капитан-генерал». Предполагалось, что он унаследует Франко, если бы согласились другие генералы.

Когда в сентябре разразилась Вторая мировая война (ей предшествовал политический шок националистов из-за заключенного в августе советско-германского пакта), это означало, что в коммерческом плане Германия почти ничего не сможет больше предложить Испании. Как и предсказывали английские консерваторы, Франко обратился к Британии с просьбой о займе на восстановление страны. Частично по бедности, но больше руководствуясь политическими соображениями, Испания так и не вступила в войну на стороне Гитлера, который сообщил, что «вся помощь Франко предоставлялась абсолютно безвозмездно». Гете считал, что гений — это тот, кто знает, где остановиться. Даже самые ярые враги каудильо не могли отрицать, что Франко поступил исключительно мудро, удержав Испанию от вступления в войну. Так он самым убедительным образом отрешился от приписываемого ему облика империалиста, экспансиониста и фашистского диктатора. Гитлер и Франко наконец встретились в Эндайе в 1940 году. Франко, настояв, что после ленча у него будет сиеста, заставил фюрера прождать полчаса — беспрецедентный факт. Позже Гитлер сказал, что Франко был настолько неподатлив, что впредь он предпочтет, чтобы ему вырвали три или четыре зуба, лишь бы больше не общаться с ним. Правда, потом, когда Германия напала на Россию, «Синяя дивизия» испанских фалангистов-добровольцев (всего 47 000 человек) под командой генерала Муньоса Грандеса воевала на стороне немцев. На начальном этапе войны националистская Испания поддерживала Германию, предоставляя ей базы для подводных лодок, услуги мониторинга, военные материалы и даже авиационные базы. Агентство, в котором объединились HISMA, ROWAK и проект «Монтанья», а также SOFINDUS (Sociedad Financiera Industrial Ltd.) продолжали контролировать немецко-испанские экономические отношения.

Что же до проигравших, история, как предсказывал В.Х. Оден, сказала им «увы», но не даровала «ни помощи, ни прощения». Все двадцать лет изгнания их лидеры провели в ссорах из-за фантомной власти и из-за доступа к оставшимся у них финансовым счетам. Негрин в 1945 году подал в отставку с поста премьер-министра, лелея надежду объединить всех изгнанников. Скончался он в 1956 году в Мексике. В своем завещании Негрин распорядился передать все доку-

менты, имеющие отношение к испанскому золоту, генералу Франко. Мартинес Баррио принял пост президента республики, чьи обязанности он и так исполнял. Прието ослеп, но продолжал полемизировать. Альварес дель Вайо не потерял своего оптимизма, но был исключен из Испанской социалистической партии из-за чрезмерно тесной дружбы с коммунистами. Совершенно сломленный Ларго Кабальеро умер в Париже в 1946 году, проведя несколько лет в немецком концлагере. Ему повезло больше, чем Компаньсу и Сугасагойтия, которых во время существования режима Виши маршал Петэн передал Франко. Оба были казнены, как и бывший министр анархист Пейро и несколько других лидеров рангом пониже. Асанья скончался в 1940 году в Аквитании. Епископ Монтьябана причастил его перед смертью и дал помазание. В конечном итоге старый антиклерикал вернулся в лоно той церкви, на которую так нападал. Из республиканских генералов Мьяха умер в Нью-Йорке, а Рохо в 1958 году вернулся жить в Испанию. Остальные живут в Южной Америке или Мексике. Капитан Байо, возглавлявший в 1936 году десант на Мальорку, стал единственным генералом в армии Фиделя Кастро на Кубе. Анархисты создали процветающую организацию среди эмигрантов на юге Франции. Ее вдохновляющей силой долгое время была Фредерика Монтсень. Гарсиа Оливер обитает в Мехико.

Лидерами Испанской коммунистической партии ныне являются Пассионария, Антон, Листер и Модесто. Урибе, которому Москва отказала в поддержке, обосновался в Праге. Диас загадочным образом скончался в России в 1942 году, вполне возможно, был убит. Чека умер в Мехико. Хесус Эрнандес, выйдя из партии, создал свою собственную «титоистскую» группу коммунистов. В автобиографии, опубликованной в националистской Испании, он достаточно злобно вспоминает своих старых товарищей. Эль Кампесино восстал против жесткой дисциплины, которой ему пришлось подчиняться, когда он оказался в Советском Союзе. После ряда удивительных приключений он бежал через Персию. Британцы вернули его русским. Работая уборщиком туалетов в Воркутинском лагере, он снова сбежал. Сегодня он в Брюсселе и, как говорят, собирает армию для вторжения в Испанию. Что же до баскских лидеров, то Агирре скончался в 1960 году, и пост президента правительства Басконии в изгнании от него унаследовал Лейсаола.

Все республиканцы испытали разочарование, когда в конце Второй мировой войны Британия и Америка не повернули оружие против генерала Франко. Те испанские изгнанники во Франции, которые дрались против немцев в рядах француз-

ских маки, попытались между 1945-м и 1947 годами вернуться в Испанию для организации там партизанской войны, но безуспешно.

Немецкие и итальянские руководители, которые дружили с националистами, — Гитлер и Риббентроп, Канарис и Геринг, Муссолини и Чиано — конечно, исчезли со сцены истории. Из их соратников Шторер оставался послом до 1942 года, когда был смещен Риббентропом за то, что не смог предотвратить падение Серрано Суньера. Фаупель и его жена покончили жизнь самоубийством в 1945 году, когда советские войска вошли в Берлин. Генералы Шперрле, Фолькманн, фон Тома и Рихтгофен отважно сражались во Второй мировой войне, как и большинство их подчиненных. Галланд, который на своем «мессершмитте» совершил более 300 боевых вылетов в составе легиона «Кондор», вместе с Молдером, заменившим его в Испании, стал самым талантливым и известным немецким летчиком воздушных боев за Англию и Францию. Шперрле, «автор» Герники, командовал налетами на Роттердам и Ковентри. Варлимонт вместе с Кейтелем и Йодлем обрел известность как один из самых преданных Гитлеру офицеров немецкой армии и в 1949 году на процессе менее существенных военных преступников был приговорен к восемнадцати годам заключения.

Из итальянцев, воевавших в Испании, генерал Роатта какое-то время был при Муссолини начальником генерального штаба, потом его разжаловали, и он таинственно исчез, пока ждал суда как военный преступник; сейчас он в Мадриде. Разжалован был и Гамбара, частично потому, что объявил в офицерском собрании в Ливии, что надеется возглавить итальянскую армию, которая маршем войдет в Берлин. Теперь он тоже в испанской столице. Бастико скончался в Киренаике в маршальском звании. Берти при жизни в 1941 году получил прозвище «застенчивого убийцы» от своих египетских и английских противников. Бергондзоли в Киренаике потерпел такое же поражение, как и при Гвадалахаре. Граф Гранди, который помог свергнуть своего шефа, стал бизнесменом в Буэнос-Айресе.

Среди русских и иностранных коммунистов, игравших такую большую роль в испанской войне, личности Сталина, Литвинова и Молотова слишком хорошо известны, чтобы о них напоминать. Судьбы же многих советских генералов и официальных лиц так и остались неизвестными. Берзин, Боров, Кулик, Сташевский, Антонов-Овсеенко, Кольцов... Все исчезли — вместе с Клебером, Галом и югославом Чопичем, командиром 15-й интербригады. Их гибель была названа

ошибкой в речи Хрущева с обвинениями в адрес Сталина в феврале 1956 года². В это же время Микоян публично реабилитировал генерального консула Антона-Овсеенко. Генерал танковых войск Павлов был расстрелян Сталиным в 1941 году, когда в первые недели немецкого наступления потерял свою армию. Генерал Штерн (Григорович) командовал армией на Дальнем Востоке. Маршалы Малиновский, Неделин, Конев и Рокоссовский, ветераны Испании, все достигли высокого положения в хрущевской России.

В конце 40-х годов XX века все коммунисты Восточной Европы, кто воевал в Испании, стали объектами мрачного сталинского подозрения. В Венгрии крупный партийный и государственный деятель Ласло Райк, который был комиссаром Батальона Ракоши в 13-й интербригаде, «признался» на своем процессе в 1949 году, что отправился в Испанию по заданию секретной полиции адмирала Хорти «с двойной целью: установить имена членов Батальона Ракоши и других... способствовать снижению военной эффективности Батальона Ракоши. Должен добавить, что вел в батальоне и троцкистскую пропаганду»³. После казни Райка почти все ветераны Гражданской войны в Испании в Восточной Европе были арестованы и многие расстреляны. После смерти Сталина в 1953 году эти старые «волонтеры свободы» были по крайней мере частично реабилитированы. Пассионарии даже было позволено в ноябрьском 1953 года номере издания «Вопросы истории» сказать об интербригадах торжественные слова. Сегодня в Восточной Европе снова можно без опаски и с гордостью сказать: мне довелось воевать в Испании. И участников боев в Испании снова можно увидеть на больших постах — там он посол, а тут министр. Двадцать четыре югослава, которые дрались в Испании, стали генералами югославской армии. Многие из них прославили себя в партизанской войне под руководством Тито, организатора тайной «железной дороги» в Испанию. Генерал Вальтер под своей настоящей фамилией Сверчевский в 1945—1947 годах занимал пост министра обороны Польши и был убит антикоммунистическими партизанами. Тольятти и Луиджи Лонго (в 1943—1944 годах он возглавлял партизан в Северной Италии) руководили Итальянской коммунистической партией. Джузеппе ди Витторио был генеральным секретарем CGT в Италии вплоть до своей кончины в 1958 году. Видали (Карлос Контрерас) — лидер коммунистов Триеста. Кодовилья (Медина) вернулся в Буэнос-Айрес. Паччиарди (из Батальона Гарибальди) возглавлял Итальянскую социалистическую партию. Он был министром обороны в коалиционном кабинете де Гаспери. Ненни по-прежнему

остаётся лидером итальянских социалистов. Герё со всеми его многочисленными псевдонимами, на чьей совести лежит чистка в Каталонии, на склоне лет стал орудием Хрущева в подавлении венгерской революции 1956 года. Президент Венгрии 1960 года Мюних — тоже ветеран Испании. Болгарин Степанов мертв. Торез все так же лидер коммунистов Франции. Перед смертью в 1955 году Андре Марти был все же изгнан из коммунистической партии. Мальро стал министром культуры в правительстве де Голля. Из немцев — Людвиг Ренн живет в Берлине, а Ганс Кале скончался на посту шефа полиции Мекленбурга в 1952 году. Другие их товарищи из 11-й интербригады, такие, как Франц Далем, обитающие в Восточной Германии, находятся в неопределенном положении, и к реальной власти их не подпускают.

Из всех оставшихся в живых американских интербригадцев 600 сражались во Второй мировой войне. Тем не менее в глазах властей они всегда были подозрительными личностями. Все же в самом конце войны им было разрешено выезжать за границу. А после войны участие в испанских событиях оценивалось как подрывные действия. В 1946 году, приняв на своей последней встрече обращение к генералу Вальтеру, Батальон Абрахама Линкольна сам признал это.

Не в пример ветеранам континентальной Европы, некоторые из английских участников боев в Испании заняли у себя на родине довольно высокие посты. Роберт Эдвардс, в свое время член батальона РОУМ на Арагонском фронте, стал единственным членом британского парламента. Часть его коллег обрела достаточно влиятельное положение в профсоюзном движении. Например, коммунист Уилл Пейнтер, генеральный секретарь профсоюза шахтеров, был комиссаром английских волонтеров на базе в Альбасете. Руководство английской коммунистической партии, как и в большинстве западных коммунистических партий, с годами практически не изменилось. Гарри Поллит скончался, но Питера Керригана по-прежнему можно найти в большом здании с непрозрачными стеклами окон на Кинг-стрит в Ковент-Гарден. Последний командир Британского батальона Сэм Уайлд все так же живет в Манчестере. Из его предшественников Александер — на Кинг-стрит, а Фред Коупмен покинул коммунистическую партию в начале 1939 года. Позже он вошел в лоно римско-католической партии, стал членом лейбористской партии и Движения за моральное перевооружение. Джок Каннингхэм, убедившись, что его несомненные военные таланты не востребованы английской армией во время войны из-за мятежного прошлого, много лет странствовал по Англии, нанимаясь на поденные работы.

Теперь, спустя двадцать лет, Испания радуется процветанию, которое значительно превзошло ее положение до Гражданской войны. Но свобода слова остается ограниченной. Не разрешено существование никаких политических партий, кроме фаланги в том виде, в каком она была организована в апреле 1937 года. Многие томятся по тюрьмам за политические преступления. Власти националистов продолжают считать, что все эти меры необходимы, дабы избежать взрыва нового гражданского конфликта. В некоторых районах продолжает царить ужасающая бедность, которая бросается в глаза.

Но кто может сомневаться, что настанет день, когда испанский народ обретет то счастье, которого он заслуживает? Когда отдаст должное совету Мануэля Асаньи, который, при всех своих недостатках и слабостях, однажды на пике Гражданской войны, завершая свою речь, сказал: «Когда факел перейдет в другие руки, другим людям, другим поколениям, пусть они вспыхнет нетерпимостью и ненавистью, пусть они вспомнят о погибших и прислушаются к их урокам — урокам тех, кто отважно пал в битвах, мужественно сражаясь за великий идеал, и кто ныне, укрытый землей родины, не испытывает больше ни ненависти, ни злобы, и кто искрами своего свечения, спокойного и далекого, словно идущего от звезд, отправил нам послание вечной Отчизны, которая говорит всем своим сыновьям: Мир, Сострадание и Прощение».

Примечания

¹ Все данные относятся к 1961 году.

² Весьма печальные последствия, особенно в начальный период войны, имело уничтожение Сталиным многих командиров и политработников в 1937—1941 годах. «В это время кадры руководителей, которые обрели военный опыт в Испании и на Дальнем Востоке, были почти полностью истреблены» (В о л ф Г. Хрущев и призрак Сталина. Нью-Йорк, 1957).

³ Из сборника «Ласло Райк и его сообщники перед судом народа».

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Книга первая. ИСТОКИ ВОЙНЫ</i>	10
<i>Книга вторая. МЯТЕЖ И РЕВОЛЮЦИЯ</i>	113
<i>Книга третья. ЕВРОПЕЙСКИЙ СКАНДАЛ</i>	196
<i>Книга четвертая. ОСАДА МАДРИДА</i>	290
<i>Книга пятая. ВОЙНА НА СЕВЕРЕ</i>	367
<i>Книга шестая. ВОЙНА НА ИСТОЩЕНИЕ.</i> Декабрь 1937 — ноябрь 1938	457
<i>Книга седьмая. КОНЕЦ ВОЙНЫ</i>	516
Эпилог	566

Томас Хью
ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В ИСПАНИИ.
1931—1939 гг.

Редактор *Ю. О. Бем*
Художественный редактор *И. А. Озеров*
Технический редактор *Л. И. Витушкина*
Корректор *А. В. Максименко*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 18.02.2003.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 30,24.
Уч.-изд. л. 36,93 + 1 альбом = 37,83.
Тираж 7 000 экз. Заказ № 4303022

ЗАО «Центрполиграф»
125047, Москва, Оружейный пер., д. 15, стр. 1,
пом. ТАРП ЦАО

Для писем:
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@DOL.RU

WWW.CETNRPOLIGRAF.RU

Отпечатано в ФГУИПП «Нижполиграф»
603006, Нижний Новгород, Варварская ул., 32

ЦЕНТРОЛИГРАФ

Книга-почтой

Если Вы желаете приобрести книги издательства «Центрполиграф» без торговой наценки, то можете воспользоваться услугами отдела «Книга-почтой»

Все книги будут рассылаться наложенным платежом без предварительной оплаты. Заказы принимаются на отдельные книги, а также на целые серии, выпускаемые нашим издательством. В последнем случае Вы будете регулярно получать по 2 новых книги выбранной серии в месяц.

Для этого Вам нужно только заполнить почтовую карточку по образцу и отправить по адресу:

111024, Москва, а/я 18, «Центрполиграф»

Так же вы можете заказать книги через сайт издательства «Центрполиграф» www.centropoligraf.ru

ПОЧТОВАЯ КАРТОЧКА		
Куда	г. Москва, а/я 18	
Кому	«ЦЕНТРОЛИГРАФ»	
		Индикатор отделения связи и адрес отправителя 680011 г.Хабаровск, ул. Мира, д. 10, кв. 5. Ивановой Г.П.
<small>Платите налог: отделение связи нест. налогообл.</small>		<small>Мил. связи России. Издательство «Марка». 1992. 4 103479. ППФ Горюха. Ц 55 и</small>

На обратной стороне открытки необходимо указать, какую книгу Вы хотели бы получить или на какую из серий хотели бы подписаться. Укажите также требуемое количество экземпляров каждого названия.

Стоимость пересылки почтового перевода наложенного платежа оплачивается отделению связи и составляет 10—20% от стоимости заказа.

Книги оплачиваются при получении на почте.

К сожалению, издательство не может долго удерживать объявленные цены по не зависящим от него причинам, в связи с общей ситуацией в стране. Надеемся на Ваше понимание.

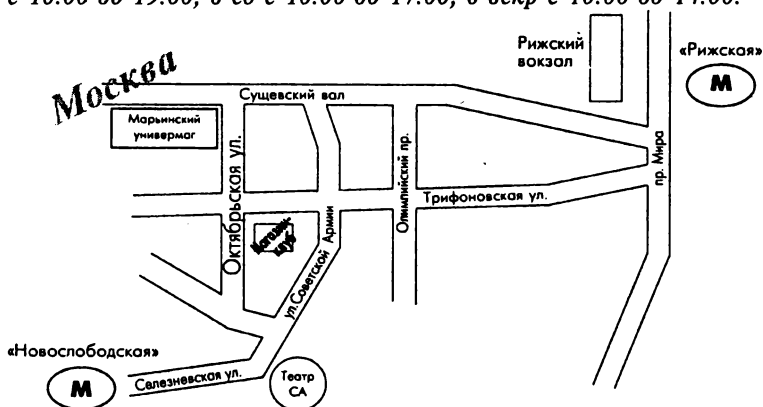
МЫ РАДЫ ВАШИМ ЗАКАЗАМ!

**Действительно низкие цены! Регулярные распродажи!
Предварительные заказы и оповещение по телефону о
поступлении новинок!**

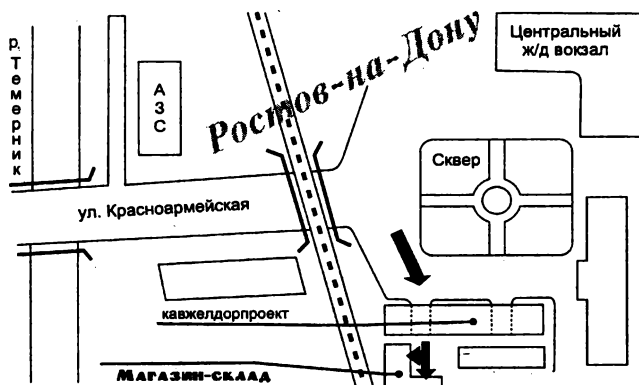
**Фирменные магазины издательства «Центрполиграф»
в Москве и Ростове-на-Дону**

предлагают более 1000 наименований книг различных жанров зарубежных и отечественных авторов: детектив, исторический, любовный, приключенческий роман, фантастика, фэнтези, научно-популярная, биографическая, документально-криминальная литература, издания для детей и юношества, филателистические каталоги, книги по кулинарии, кинологии, о звездах театра, кино, эстрады, а также энциклопедии, словари, решебники.

Звоните и приезжайте! **Москва** — ул. Октябрьская, д. 18, тел. для справок: 284-49-89, **мелкооптовый отдел** тел. 284-49-68; в пн—пт с 10.00 до 19.00, в сб с 10.00 до 17.00, в вскр с 10.00 до 14.00.

Ростов-на-Дону — Привокзальная пл., д. 1/2, тел. (8632) 38-38-02; в пн—пт с 9.00 до 18.00.

Премьер-министр Мануэль Асанья,
впоследствии — президент республики

Генералы Франко и Мола в Бургосе

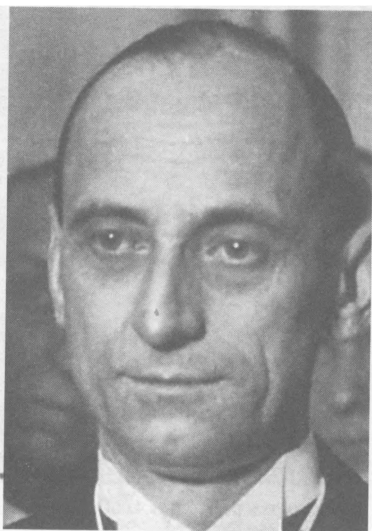
Один из разграбленных соборов в Мадриде

Мануэль Асанья беседует с Луисом Компаньсом,
лидером каталонцев

Индальесио Прието, лидер
социалистов

Сантьяго Касарес Кирога, премьер-
министр в период начала граждан-
ской войны

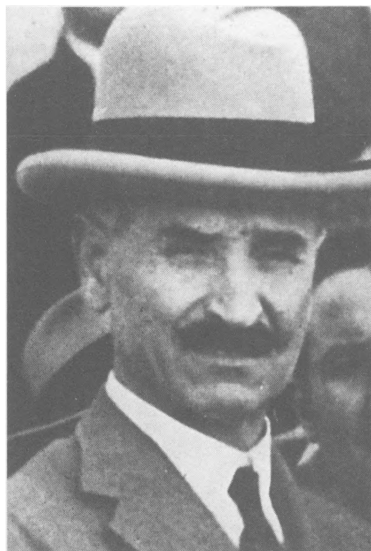
Хосе Антонио Агирре, президент Баскской республики

Иностраннный легион в наступлении

Хосе Антонио Примо де Ривера, основатель фаланги

Генерал Кейпо де Льяно

Рамон Серрано Суньер

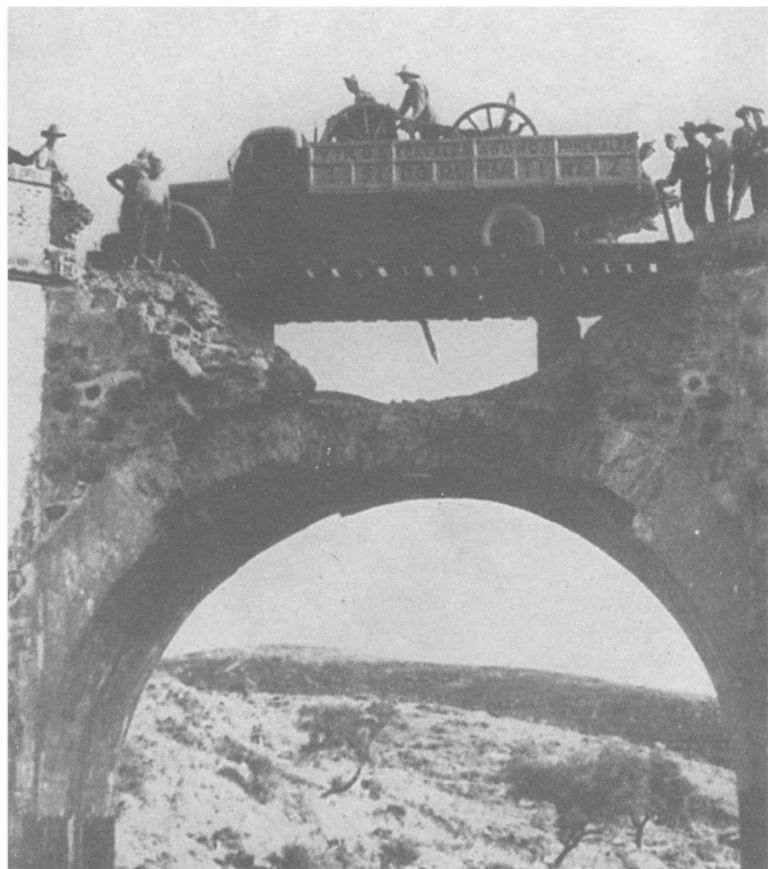
Народная армия на пути к линии фронта

Ларго Кабальеро,
премьер-министр
республики (1936—
1937 гг.), на фронте
(крайний справа)

Хуан Негрин,
министр финансов; с
1937 года — премьер-
министр

Войска Национального фронта пересекают мост, полуразрушенный республиканцами

Смерть в бою

Республиканский генерал Мьяха и майор Атлее

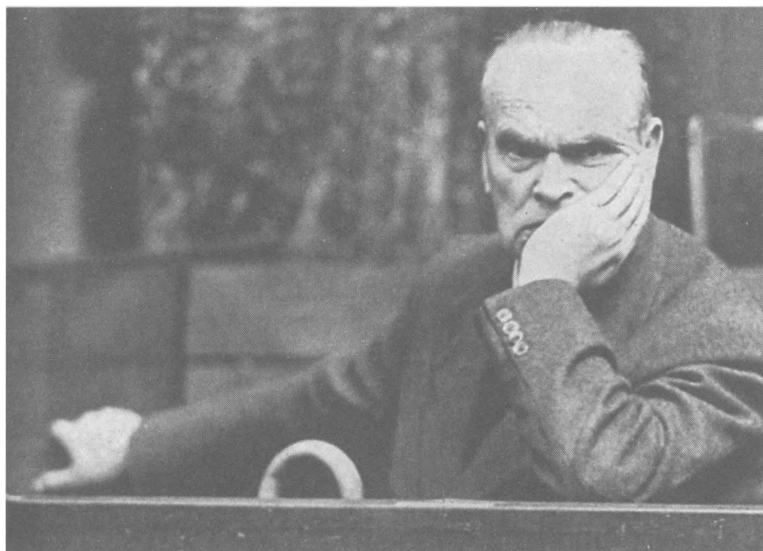
Пассионария

Антифашистская милиция на привале в горах

Генерал Марио
Роатта, глава
чернорубашечников
Муссолини в
Испании

Предводитель германского легиона «Кондор» генерал Гуго Шперрле на
Нюрнбергском процессе

Эрнё Герё, агент
венгерского
Коминтерна в
Каталонии

Андре Мальро, возглавивший фран-
цузских летчиков, которые сража-
лись на стороне республиканцев

Джон Корнфорд, английский поэт,
убитый в Сьерра-Морена

Генерал Ягуэ в Барселоне

Москардо, Варела и Франко после снятия осады Алькасара

Беженцы-республиканцы на пути во Францию

Хью Томас

**ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА
В ИСПАНИИ.**

1931—1939 гг.

В книге подробно освещены этапы Гражданской войны 1936—1939 годов, которая из символа надежды новых поколений превратилась в еще один кровавый поединок противоборствующих политических амбиций, завершившийся установлением фашистской диктатуры Франко.

Всесторонний анализ ситуации в Европе. Политика Англии, Франции, России, Италии, Германии. Расстановка политических сил в Испании. Трагедия Герники. Яркие портреты знаковых исторических фигур — Сталина, Литвинова, Молотова, Тельмана, Гитлера, Муссолини, Черчилля, Франко, творческих личностей — Хемингуэя, Одена, Пикассо, а также многих известных испанских политических деятелей — Хилы Роблеса, Долорес Ибаррури, Хосе Агирре, Мануэля Асаньи, Хуана Негрина... Автор на основе богатейшего документального материала, речей известных личностей и сведений прессы дает всестороннюю объективную оценку событий сложной исторической эпохи, приводит интересные факты, малоизвестные современному читателю.

ISBN 5-9524-0341-7

9 785952 403413

ЦЕНТРОЛИГРАФ®

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В ИСПАНИИ

Хью Томас

